

БИБЛИОТЕКА
ЗАРУБЕЖНОГО
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО
И ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО
РОМАНА

Гордон ДИКСОН

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЕ ЗВЕЗДНЫЕ ВОЙНЫ

БИБЛИОТЕКА ЗАРУБЕЖНОГО КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО И ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО РОМАНА

22

БИБЛИОТЕКА
ЗАРУБЕЖНОГО
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО
И ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО
РОМАНА

**Зарубежная
остросюжетная
фантастика**

ГОРДОН ДИКСОН

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЕ ЗВЕЗДНЫЕ ВОЙНЫ

TALLINN "MELOR"
1994

И /США/

ЭЛИТАРНАЯ СЕРИЯ. Издается с 1990 года.

ВНИМАНИЮ КНИГОИЗДАТЕЛЕЙ!

Сериалы «Звездные войны» и "Войны пустыни" являются интеллектуальной собственностью издательства Эстонии и охраняются Законом.

Перепечатка данных сериалов с нарушением авторских прав ЗАПРЕЩЕНА!

Нарушители Закона будут преследоваться в судебном порядке в соответствии с межгосударственным соглашением между Эстонией и Россией, а также другими государствами.

ГОРДОН Р. ДИКСОН.
"Четырнадцатые звездные войны". Перевод с англ. Составитель А.Саяпин. Таллинн: "Мелор". 1994, 416 стр. ил. /"Библиотека зарубежного кримин. и прикл. романа". Выпуск 22/.

Как мы и обещали продолжаем публикацию столь полюбившихся читателям "Звездных войн".

В 14-ом выпуске мы решили предложить Вам три новых фантастических боевика, два из которых объединены одним героем и сведены в Дорсайские войны.

Донал Грим родился на Дорсае — маленькой планете, главным источником существования которой была подготовка и экспорт прекрасно обученных и бесстрашных воинов-наемников. Во многих уголках Галактики между Великими мирами идут жестокие кровопролитные войны, "пушечное мясо" для которых поставляет Дорсай. К моменту совершеннолетия Донала Грима и окончания им военной Академии, Галактику захватывает жестокая и фанатичная армия агрессоров. Существует только одна сила, которая могла бы противостоять им:

ДОРСАЙ!!!

Д $\frac{470310100-016}{8У3/03/-94}$

ISBN 5-7979-0412-8
ISBN 5-87005-016-2

© «MELOR», 1994г.

ПЕРВАЯ ДОРСАЙСКАЯ ВОЙНА

КАДЕТ

Юноша был странным. Он хорошо знал это. Много раз слышал он, как старшие — мать, отец, дядя, офицеры в Академии-говорили это друг другу, многозначительно покачивая головами. Он привык к этому за короткие восемнадцать лет своей жизни. Теперь, уединившись и миновав пустые взлетные поля в долгих желтоватых сумерках, перед ожидавшим его торжеством по случаю окончания Академии, перед возвращением домой, он вынужден признать собственную странность — и не только в глазах других, но и в собственном мнении.

«Странный парень,— услышал он однажды, как начальник Академии говорил преподавателю математики,— никогда не знаешь, чего от него ждать».

Возвращаясь домой, где его ждала семья, он по-прежнему не знал путь, который выберет. Они, наверное, наполовину убеждены в том, что он выберет отказ от Ухода. Почему? Он никогда не давал им повода для сомнений. Он был дорсайцем с планеты Дорсай, его мать была из семьи Кенвик, а отец — Грим. Обе эти фамилии так стары, что их происхождение терялось в предыстории материнской планеты. Храбрость его была несомненной, слово — верным. Он лучше всех занимался в своем классе. Каждая капля его крови, каждая кость были наследием долгой линии профессиональных военных. Ни разу пятно бесчестия не касалось их семьи, и ни один член ее не совершал поступка, которого пришлось бы стыдиться. И тем не менее они сомневались.

Он подошел к ограде, окружавшей спортивную площадку с прыжковыми ямами, и облокотился на нее; плащ кадета старшего курса свисал с его плеч. В чем же проявляется эта странность — вот над чем размышлял он в ярком свете заходящего солнца. В чем его отличие от других?

Он попытался посмотреть на себя со стороны. Стройный юноша восемнадцати лет, высокий, но совсем не гигант по дорсайским стандартам. Его лицо было лицом его отца, резким и костлявым, с прямым носом, но без отцовской массивности в костях. Цвет его кожи был смуглым, как и у всех дорсайцев, волосы прямые и черные. Только глаза неопределенного цвета, оттенки которого менялись от серого к зеленому, от зеленого к голубому, отличали его от других членов семьи. Но разве цвет глаз сам по себе может создать репутацию странности?

Оставался характер. Он в полной мере унаследовал склонность к

приступам холодной, убийственной ярости, характерным для всех дорсайцев, приступам, из-за которых ни один здравомыслящий человек не стал бы задевать дорсайца без достаточно уважительной причины. Но это было особенностью дорсайцев. А если и сами они считали Донала Грима странным, значит, была у него какая-то индивидуальная особенность.

Возможно, рассуждал он в косых лучах опускающегося солнца, это было то, что он даже в приступах ярости оставался расчетливым, всегда сохранял контроль над собой. И в этот момент проявилась его странность — он почувствовал таинственное освобождение от телесной оболочки, что случалось с ним с самого рождения.

Это всегда приходило в моменты, когда плечи его сгибались от усталости или какого-нибудь сильного чувства. Он вспоминал, как это случилось с ним на службе в церкви Академии, когда он был утомлен долгим днем, заполненным тяжелой работой. Как и теперь, косые лучи опускающегося солнца падали сквозь большие окна на полированные стены с изображением сцен из известных битв. Он стоял в строю своих товарищей, между рядами твердых низких скамей — впереди младшие кадеты, сзади офицеры — и слушал глубоко торжественные звуки службы.

Мороз пробежал по его спине. Он был очарован. Далеко от него красные лучи умирающего дня заливали светом равнину. В небе черной точкой кружил ястреб. И сейчас, стоя у ограды, он почувствовал ту же стену, незримо отделявшую его от мира. Жители планеты и их солнце возникали перед его мысленным взором. Он слышал трубу, зовущую его к выполнению какой-то задачи, важнее которой нет ничего на свете. Он стоял на краю обрыва, и волны неизвестного лизали его ноги. Как всегда он хотел шагнуть вперед, в неведомое, но маленькая частица его самого удержала от самоубийства и толкнула назад.

Затем, внезапно — это всегда происходило внезапно — чары были разрушены. Он вернулся в обычный мир.

МУЖЧИНА

Мужчины из семейства Ичана Кана сидели за длинным столом в большой затемненной комнате. Женщины и дети по традиции уже ушли, а мужчины остались выпить и поговорить. Присутствовали не все — если бы к столу пришли все мужчины семейства, это было бы настоящим чудом. Из шестнадцати взрослых девять несли службу среди звезд, один был после хирургической операции в госпитале на Форейли, а самый старший, двоюродный дед Донала Камал, лежал при смерти, с кислород-

ной подушкой, в собственной комнате со слабым запахом сирени, который напоминал ему жену с Мары, уже сорок лет как покойную. За столом сидело пятеро мужчин, и один из них — был Донал.

Пришли приветствовать его совершеннолетние Ичан, его отец, Мор — его старший брат, находящийся в отпуске и прилетевший с Френдлиза, его дядья-близнецы Ян и Кейси. Они сидели у конца стола во главе с Ичаном, слева два младших брата.

— В мое время там были хорошие офицеры,— говорил Ичан. Он наклонился, чтобы наполнить стакан Донала, тот автоматически протянул свой стакан, внимательно слушая отца.

— Все фрилендеры,— сказал Ян, наиболее мрачный из близнецов,— склонны устанавливать жесткую дисциплину и мало кто осмеливается ее нарушить...

— Я слышал, их теперь много на Дорсае,— сказал Мор, сидевший справа от Донала.

Слева ему ответил Ичан:

— Они набирают гвардейцев. Я знаю об этом. Сэйона из Культиса хотел бы иметь образцовых телохранителей, но они окажутся совсем не готовыми к настоящей войне среди звезд.

— А тем временем,— подхватил Кейси с внезапной улыбкой, осветившей его темное лицо,— ничего не происходит. В мирное время солдаты ходят недовольные. Войска разделились на маленькие группы и всем в качестве украшения нужны дорсайцы.

— Верно,— сказал, кивнув, Ичан.

Донал рассеянно хлебнул из стакана, и неразведенное виски обожгло ему кончик языка и горло. На лбу выступила капля пота, но он не обратил на это внимания, задумавшись над тем, что услышал. Все это говорилось ради него, и он знал это. Теперь он мужчина, и ему больше не должны указывать, что он должен делать. Решение, где служить, принадлежит только ему, а они хотели помочь ему своими знаниями, своим опытом сделать верный выбор.

— ...мне никогда не нравилась гарнизонная служба,— продолжал между тем Ичан.— Работа наемника — тренироваться, содержать в исправности оружие и воевать, но она не всем нравится даже на Дорсае. Не все на Дорсае Гримы.

— Френдлиз сейчас...— начал Мор и остановился, взглянув на отца: он подумал, что перебил его.

— Продолжай,— сказал Ичай, кивнув.

— Я только хотел сказать, что там может найтись работа. Я слышал, что секты Ассоциации вступили в конфликт с Гармонией и там нужны телохранители...

— Они с радостью берут в личные телохранители,— сказал Ян, который будучи не намного старше Мора не боялся показаться невежливым,— но это работа не для солдата.

— Искусство войны — чистое искусство,— сказал Ичан со своего

места во главе стола.— Я никогда не доверял людям, любящим кровь, деньги и женщин.

— Женщины хороши на Маре и Культисе,— заметил Мор.

— Не отрицаю,— весело подхватил Кейси.— Но все равно когда-то нужно возвращаться домой.

— Не всем удается это,— угрюмо сказал Ичан.— Я сам дорсаец, я— Грим, но если бы наша маленькая планета нашла другой предмет для экспорта в чужие миры, а не кровь своих лучших сынов, я был бы доволен.

— Но разве ты сам остался, Ичан,— сказал Мор,— когда был молод и у тебя были обе ноги?

— Нет, Мор,— тяжело ответил Ичан,— но есть и другие занятия, кроме войны даже для дорсайца.— Он посмотрел на своего старшего сына.— Когда наши предки сто пятьдесят лет назад заселили эту планету, они делали это вовсе не для того, чтобы производить солдат для восьми Систем. Они лишь хотели найти планету, где никто не мог распоряжаться судьбой человека без его согласия.

— И наша планета такова,— сурово сказал Ян.

— Да, она такова,— подтвердил Ичан.— Дорсай — свободная планета, где каждый человек может делать все, что хочет, если он не нарушает при этом прав других людей. Ни одна система не может в этом сравниться с нами. Но цена...— он покачал головой и наполнил стакан.

— Это слишком тяжелый разговор для парня, который впервые уходит из дома,— сказал Кейси.— В этой жизни достаточно прекрасного, даже в теперешней. Но, к сожалению, мы воюем не ради удовольствия. Чем еще мы можем торговать? У нас есть только орехи и немного зерна. А возьмите эти богатые новые миры, например, Сету и Тау Кита, или еще более богатые старые планеты типа Фриленда или Нептуна, или даже старушку Венеру. У них есть причина для беспокойства. Они готовы друг другу горло перерезать из-за хороших ученых, специалистов, медиков. Значит, там больше работы, и это хорошо для нас.

— И все-таки, Ичан прав,— пробормотал Ян.— Они все мечтают собрать наших людей и потом угрожать ими, как дубиной, остальным мирам...— Он наклонился к Ичану, и в неярком свете столовой Донал увидел белый шрам, извивающийся, как змея, по плечу и исчезающий в пустоте рукава его куртки.— От этой опасности мы никогда не освободимся.

— Кстати, об экзотике,— вежливо сказал Мор.

— Да, да,— ответил Кейси.

— Мара и Культис — интересные миры. Но не заблуждайтесь в их оценке, Донал. Они жестоки, несмотря на все искусство, роскошь и украшения. Сами они воевать не хотят, но знают, как нужно нанимать солдат. Они многого достигли не только в искусстве. Я знавал когда-то одного из

их ученых.

— Они честны,— сказал Ичан.

— Верно,— согласился Кейси.— Но это совсем другой мир. Если бы я родился на другой планете...

— Я бы все равно стал солдатом,— сказал Мор.

— Это ты теперь так думаешь,— ответил Вейси и глотнул из стакана.— Теперь ты думаешь так. Но это теперь, в год 2403, дикая цивилизация, расколовшаяся на дюжину различных культур и путей. А пятьсот лет назад средний человек и не мечтал покинуть Землю. И чем мы дальше идем, тем больше мы отходим друг от друга.

— Но ведь венерианская группа впереди всех?— спросил Донал; его юношеская сдержанность исчезла в огне неразбавленного виски.

— Не думай так,— ответил Кейси.— Единственная дорога в будущее — наука. Старая Венера, старый Марс, даже Нептун — их дни сочтены. Блейнз — богатый и влиятельный старик, он не знает тех изобретений и усовершенствований, что сделаны на Марсе, Культисе, Фредлизе и Сете. Никогда не решайте с первого взгляда, молодые, обязательно бросьте второй взгляд, когда будете среди звезд: в девяти случаях из десяти первый взгляд приводит к ошибке.

— Слушайте его, мальчики,— сказал Ичан, добавив:— Ваш дядя Кейси мудр. Я хотел бы дать вам такие же хорошие советы, как он. Продолжай, Кейси.

— Ничто в мире не остается постоянным,— сказал Кейси, и с этими словами виски ударило Доналу в голову, стол и темные худощавые лица погрузились в полутьму, а голос Кейси долетал как бы с большого расстояния.— Все меняется, и это мы должны постоянно иметь в виду. То, что было справедливо вчера, может оказаться неверным завтра. Помните это и никогда не воспринимайте ничьи слова, даже мои, на веру, предварительно не проверив их. Мы размножились, как библейская саранча, и расселились среди звезд, разбившись на множество групп и идя разными путями. Мы стремимся вперед, но куда? Мы все ускоряем бег, но что нас ждет впереди? У меня такое чувство, что мы стоим в преддверии чего-то огромного, отличного от прошлого, и, может быть, ужасного. Сейчас особенно нужна осторожность.

— Я стану величайшим полководцем,— воскликнул Донал, не в силах удерживать громкие, но бессвязанные слова.— Я покажу им! Они все увидят, каким может быть дорсаец!

Ему показалось, что все глядят на него, хотя лица их превратились в смутные пятна, кроме лица Кейси, которое по странному капризу было хорошо видно ему. Кейси глядел на него печальными, все понимающими глазами. Донал почувствовал на плече руку отца.

— Пора кончать,— сказал отец.

— Вы увидите...— начал Донал. Но все уже встали, подняли стаканы и повернули к Ичану, который подал Доналу его стакан.

— Чтобы мы все встретились вновь,— сказал отец. Они выпили стоя.

Остатки виски из стакана, безвкусные как вода, прошли по языку и горлу, на мгновение все прояснилось, и Донал вновь увидел стоящих рядом с ним высоких мужчин. Они были высокими даже по дорсайским понятиям: даже брат Мор выше его на полголовы, хотя и стоял среди них как подросток. Но тут Донал почувствовал к ним огромную жалость, жалость как если бы он был взрослым, а они — детьми и нуждались бы в его защите. Он открыл рот, собираясь сказать один-единственный раз в жизни, как он любит, как он всегда будет заботиться о них, но тут туман сомкнулся вокруг него и он смутно почувствовал, что Мор ведет его в комнату.

НАЕМНИК-1

Донал расправил плечи под узким гражданским пиджаком и осмотрел себя в зеркале, висевшем на стене его маленькой комнаты. Зеркало отразило нечто незнакомое. Три морские недели сильно изменили его. Изменилась самооценка. Он не узнавал не только свой костюм — куртка испанского стиля, узкая рубашка, узкие брюки, заправленные в сапоги черного цвета, как весь костюм,— не узнавал он свое тело. К переоценке привели его встречи с обитателями других миров. Их относительно низкий рост сделал его высоким, их мягкость сделала его жестоким, их нетренированные тела заставили его ощутить силу и уверенность в себе. Направляясь с Дорсая к Арктуру, окруженный другими пассажирами-дорсайцами, он не замечал этого постепенного изменения. Только в обширном космическом вокзале Нептуна, окруженный шумными толпами, он ощутил эту перемену. Теперь, пересев на другой корабль и приближаясь к Френдлизу, он оказался на огромном лайнере, где, вероятно, кроме него не было ни одного дорсайца. Он глядел на себя в зеркало и чувствовал, будто внезапно повзрослел.

Он вышел из каюты, двери которой захлопнулись за ним, и повернул направо по узкому коридору с металлическими стенами. Он шел, вдыхая пыльный запах, поднимающийся от ковра, по которому прошли тысячи ног. В молчании Донал миновал комнату отдыха и через тяжелую дверь, захлопнувшуюся за ним, прошел в коридор соседней секции.

Он остановился у перехода между секциями, у поперечного коридора, шедшего направо к умывальнику, и чуть не столкнулся со стройной высокой девушкой в коротком платье простого и несколько устаревшего покроя, стоявшей у питьевого фонтанчика.

Она отпрянула с настороженным видом в коридор, ведущий к женской умывальной комнате. Несколько мгновений они, застыв на месте, глядели друг на друга.

— Прошу прощения,— сказал Донал и сделал два шага, но между этими двумя сделанными им шагами и третьим какое-то внезапное побуждение заставило его изменить свои планы: он повернул обратно.

— Разрешите,— сказал он.

— О, пожалуйста,— она вновь отодвинулась от питьевого фонтанчика. Он наклонился, чтобы напиться. Когда он поднял голову от фонтанчика и взглянул ей прямо в глаза, то осознал, что заставило его вернуться. Девушка была сильно напугана: необычное чувство, составлявшее темный океан неизвестного в его странности, заставило его вернуться.

Он еще раз с более близкого расстояния рассмотрел ее. Она была старше, чем он вначале думал: вероятно, ей шел третий десяток. Но выражение незрелости намекало, что она достигнет полного расцвета своей красоты позже, чем обычные женщины. А теперь ее нельзя было назвать красивой, скорее — хорошенькой... Светло-коштановые волосы были покрыты тонкой сеткой, глаза такого чисто-зеленого цвета, что когда она взглянула на него, удивленная внезапным приближением, он позабыл все остальные цвета. Нос у нее был прямой и ровный, рот несколько великоват, подбородок крепкий; и вообще, все в ее лице было настолько совершенно и уравновешено, что произвело впечатление статуи, созданной великолепным скульптором.

— Что?—спросила она, задержав дыхание, и он заметил, что она отпрянула при его приближении.

Он улыбнулся. Мысли галопом неслись в его голове, и то, что он сказал, было совершенно неожиданным и для него самого.

— Расскажи мне все,— сказал Донал.

— Вам? — спросила она. Рукой она схватилась за горло под высоким воротником платья, потом, прежде чем она вновь начала говорить, он понял, что напряжение частично покинуло ее.

— О,— сказала она,— понимаю.

— Что понимаете? — несколько резковато спросил Донал. Он бессознательно принял тон, к которому привык в разговорах с кадетами младших курсов за последние несколько лет.— Если вы расскажете мне, что вас беспокоит, я постараюсь помочь вам.

— Рассказать вам?— она беспомощно огляделась, как бы ожидая, что кто-нибудь придет ей на выручку.— Откуда я знаю, что вы тот, за кого себя выдаете?

Донал постарался обуздать свои галопом несущиеся мысли и оценить положение. Обдумав ее слова, он увидел в них какое-то несоответствие.

— Я не говорил вам, кто я такой,— ответил он.— Вообще-то я никто. Я проходил мимо и увидел, что вы встревожены, и предложил вам помощь.

— Помощь?— Глаза ее расширились, а лицо внезапно побледнело.— О, нет...— пробормотала она и попробовала обойти его.— Пожа-

луйста, позвольте мне уйти, пожалуйста!

Он стоял неподвижно.

— Вы готовы принять помощь от человека, подобного мне, если только он удостоверит свою личность,— сказал Донал.— Вы должны рассказать мне все.

Его слова удержали ее. Она упрямо сказала:

— Я ничего не скажу вам.

— Кроме того,— иронически заметил он,— что вы ждали здесь кого-то, кто помог бы вам. Вы не знали этого человека в лицо, знали только, что это мужчина. Вы не слишком уверены в его добросовестности и в то же время очень боитесь оставаться без него.— Он услышал резкие нотки в своем голосе и постарался несколько смягчить тон.— Вы очень испуганы и не знаете, что делать дальше. Все это можно определить с помощью наблюдательности и логики.

Но она уже полностью овладела собой.

— Вы уйдете с моего пути и позволите мне продолжать его?— спокойно спросила она.

— Логика подсказывает также, что то, что вы собираетесь предпринять, незаконно,— продолжил он.

Она сникла, будто он ударил ее; повернувшись к стене, она закрыла лицо руками.

— Кто вы? — обреченно спросила она.— Они послали вас захватить меня?

— Я уже говорил,— ответил Донал с легким оттенком раздражения.— Я всего лишь пассажир, случайно проходивший мимо и предложивший вам свою помощь.

— Я не верю вам,— сказала она, по-прежнему пряча свое лицо.— Если вы на самом деле никто... если никто не послал вас... вы разрешите мне уйти. И забудьте, что видели меня.

— В этом мало смысла,— сказал Донал.— Совершенно очевидно, что вы нуждаетесь в помощи. Я могу оказать вам ее. Я — профессиональный военный. Дорсаец.

— А! — ответила она. Напряжение оставило ее. Она выпрямились и взглянула на него. В ее взгляде Донал увидел нечто, похожее на презрение.— Один из этих...

— Да,— ответил он, и нахмурился. — А что вы имели в виду, когда говорили об «этих»?

— Понимаю,— ответила она.— Вы — наемник.

— Предпочитаю термин «профессиональный солдат»,— ответил он в свою очередь с оттенком презрения.

— Значит,— сказала она,— вас можно нанять.

Он почувствовал, как в нем поднимается холодный гнев. Он слегка наклонил голову и отступил, освобождая дорогу.

— Я ошибся,— сказал он и повернулся с намерением уйти.

— Нет, подождите,— сказала она.— Теперь, когда я знаю, кто вы

такой, у меня нет причин отказываться от вашей помощи.

— Конечно, нет,— ответил он.

Она сунула руку за вырез облегающего платья, извлекла оттуда маленький прямоугольник бумаги с печатным текстом и протянула его Доналу.

— Это нужно уничтожить,— сказала она.— Я заплачу вам. Сколько вы берете по обычным расценкам?— Глаза ее расширились от ужаса, когда он расправил клочок и начал читать.— Что вы делаете, вас не просили читать это! Как вы смеете?!

Она попыталась выхватить клочок, но он удержал ее одной рукой. Взгляд его не отрывался от текста, глаза расширились от удивления при виде факсимильного портрета ее самой.

— Анса Марлевана,— сказал он,— избранная из Культиса.

— Ну, да!— воскликнула она.— Так что из этого?

— Только то,— сказал Донал,— что вам следовало бы быть более разумной.

Она открыла рот:

— Что вы хотите этим сказать?

— Только то, что вы глупейшая из женщин, с которыми мне приходилось встречаться,— он положил листок в карман.— Я об этом позабочусь.

— Правда?— Лицо ее на мгновение прояснилось, но потом вновь стало встревоженным.— Мне это не нравится. Вообще, вы мне не нравитесь.

— Понравлюсь, если узнаете меня получше.— Он повернулся и открыл дверь, через которую пришел сюда несколько минут назад.

— Но... постойте,— догнал его ее голос,— а где я смогу найти вас, когда вы справитесь с этим? И сколько я должна заплатить?

Он отпустил дверь, которая сразу же захлопнулась, оборвав ее вопрос.

Через всю секцию Донал прошел в свою каюту. Здесь, закрыв за собой дверь, он более внимательно разглядел полученный клочок. Это было не что иное, как пятилетний контракт, по которому она обязывалась находиться в свите принца Уильяма, президента торговой планеты Сета — единственного обитаемого мира у звезды Тау Кита. Контракт был очень выгоден, он предусматривал лишь постоянное сопровождение во всех его поездках. Но не либеральность контракта удивила Донала — избранных из Культиса трудно было привлечь к любой работе, кроме самой утонченной и интеллектуально изысканной,— а тот факт, что она просила уничтожить контракт. Кража контракта у владельца— достаточно серьезное преступление, нарушение контракта еще серьезнее, а уничтожение влекло за собой на любой планете смертельную казнь. Он подумал, что девушка, вероятно, сошла с ума.

Но в этом и заключалась ирония судьбы: будучи избранной из

Культиса, она могла быть безумной не более, чем обезьяна, желавшая превратиться в слона. Наоборот, будучи продуктом тщательного генетического отбора на протяжении многих поколений на планете, достигавшей чудес в развитии науки, она должна была быть совершенно нормальной! И действительно, при первом знакомстве в ней не оказалось ничего ненормального, за исключением этой самоубийственной глупости. Очевидно, ненормальность заключалась не в девушке, а в ситуации.

Донал задумчиво вертел контракт. Анеа не понимала, что делала, когда просила его уничтожить этот листок. Это было единое целое, даже слова и подписи были неразрывной частью единой гигантской молекулы, которая была почти неуязвима и не могла быть изменена или испорчена никакими средствами. Донал был уверен, что на борту не найдется ничего, чем можно было бы разорвать, сжечь, растворить или другим путем уничтожить этот листок. Единственным законным повелителем этого листка был принц Уильям.

Донал расправил свой штатский пиджак, вышел из каюты и через длинные коридоры ряда секций прошел к главному залу отдыха. В узком проходе собиралась толпа одетых к обеду пассажиров. Глядя через их головы, он увидел стол и среди сидевших за ним — эту девушку, Анеа Марлевану.

В зале были исключительно красивый молодой человек, офицер-фриленде, как можно было заключить по его форме; неопрятный молодой человек, такой же рослый, как и офицер, но без воинских регалий, он полулежал в своем кресле. Еще худощавый, приятного вида человек средних лет с металлически-серыми волосами. Пятый человек за столом был несомненно дорсайцем — массивный пожилой в форме фриленде-ского маршала. Вид этого последнего побудил Донала к внезапному действию. Он пробился сквозь толпу, загораживающую вход, и направился прямо к столу. Подойдя, он протянул сжатый кулак маршалу-дорсайцу.

— Здравствуйте, сэр,— сказал он.— Я надеялся увидеть вас до старта корабля, но на это не было времени. У меня для вас письмо от моего отца, Ичана Кана Грима... Я — его второй сын, Донал.

Голубые глаза дорсайца, холодные, как вода в зимней речке, уперлись в Донала. Несколько мгновений положение было крайне напряженным; маршал, казалось, не знал, что предпочесть — дорсайский патриотизм вместе с любопытством или возмущение наглостью Донала. Затем маршал крепко пожал руку Донала.

— Значит, он еще помнит Хендрика Галта?— улыбнулся маршал.— Я уже много лет ничего не слышал об Ичане.

Донал почувствовал, как холодок возбуждения пробежал по его спине. Единственный человек из всех, с кем он хотел завязать знакомство, даже путем обмана, был Хендрик Галт, первый маршал Фриленда.

— Он шлет вам свой привет, сэр,— сказал Донал.— И... может быть,

я принесу вам письмо после обеда, и вы сможете прочесть его.

— Конечно,— ответил маршал,— я расположился в каюте номер 19.

Донал все еще стоял. Дальше разговор продолжать было трудно, но спасение пришло — впрочем, Донал ожидал чего-нибудь подобного — с дальнего конца стола.

— Возможно,— сказал человек с серыми волосами мягким и вежливым голосом,— наш юный друг согласится пообедать с нами, прежде чем вы уведете его в свою каюту, Хендрик?

— Это будет для меня честью,— быстро ответил Донал.

Он придвинул кресло и сел, вежливо кивнув сидящим за столом. Глаза девушки встретились с его взглядом. Выражение их было суровым, они сверкнули, как изумруды в скале.

НАЕМНИК-II

— Анса Марлевана,— сказала Хендрик Галт, знакомя Донала с сидящими за столом,— а джентльмен, пригласивший вас,— Уильям из Сеты, принц и глава правительства.

— Вы оказываете мне честь,— пробормотал Донал кланяясь.

— ... это мой адъютант Хьюго Киллиен...

Донал и офицер-фрилендер кивнули друг другу.

— ... и Ар-Делл Монтор с Нептуна.

Развалившийся в кресле молодой человек вяло махнул рукой в знак приветствия. Его глаза, черные, особенно по контрасту со светлыми бровями и такого же цвета волосами, на мгновение прояснились, взгляд стал резким, пронизывающим, но вот он вновь откинулся в кресле и погрузился в равнодушную неподвижность.

— Ар-Делл,— с усмешкой заметил Галт,— готовится к выпускным экзаменам на Нептуне. Его занятие — социальная динамика.

— Конечно,— пробормотал нептунианин.— Конечно, да-да, конечно,— он поднял тяжелый стакан и погрузил в него нос.

— Ар-Делл,— сказал седовалосый Уильям тоном мягкого упрека.

Ар-Делл поднял свое бледное испитое лицо, взглянул на Уильяма, снова то ли фыркнул, то ли рассмеялся и опять погрузился в задумчивость.

— Вы уже завербовались куда-нибудь? — спросил фрилендер, поворачиваясь к Доналу.

— Вы настоящий дорсаец,— с улыбкой сказал Уильям со своего места за дальним концом стола, рядом с Анеа,— всегда готовы к действию.

— Вы льстите мне, сэр,— сказал Донал.— Но ведь возможность

проявить себя чаще встречается на поле битвы, а не в гарнизонной службе.

— Вы слишком скромны,— заметил Уильям.

— Несомненно,— сказала вдруг Анеа,— до удивления скромен.

Уильям вопросительно взглянул на девушку.

— Анеа, постарайтесь сдержать свое высокомерное презрение к этому приятному молодому человеку. Я уверен, что и Хендрик, и Хьюго согласны с ним.

— О, они согласятся, конечно,— ответила Анеа, бросая на них взгляд.— Конечно, согласятся.

— Что ж,— со вздохом заметил Уильям,— и мы должны многое прощать избранным. Что касается меня, то должен признаться, что я в достаточной мере мужчина и достаточно дикарь, чтобы любить сражения. А... вот и еда, впрочем.

Наполненные до краев тарелки появились на поверхности стола перед каждым, кроме Донала.

— Сделайте заказ сами,— сказал Уильям. И пока Донал нажимал кнопку коммуникатора перед собой и делал заказ, остальные взяли ложки и принялись за еду.

— ... отец Донала был вашим товарищем по школе?— спросил Уильям, когда был утолен первый голод.

— Он был моим ближайшим другом,— ответил маршал.

— О,— сказал Уильям, осторожно беря на вилку кусок нежного белого мяса.— Завидую вам, дорсайцам, в этом. Ваша профессия позволяет вам дружеские отношения и эмоциональный контакт не смешивать с официальной деятельностью. В сфере коммерции,— он махнул тонкой загорелой рукой,— никакая дружба невозможна.

— Возможно, это зависит и от человека,— ответил маршал.— Не все дорсайцы — солдаты, ты — принц, и не все жители Сеты — предприниматели.

— Я знаю,— сказал Уильям. Взгляд его обратился к Доналу.— Что вы скажите, Донал? Вы простой наемник, или у вас есть еще какие-нибудь стремления?

Вопрос был прямым, хотя и задан довольно деликатно. Донал решил, что искренность, слегка приправленная корыстолюбием, будет наиболее верным тоном ответа.

— Конечно, мне хочется стать известным,— сказал он, смущенно улыбнулся и добавил: — и богатым.

Он уловил легкое облачко на лице Галта. Но сейчас ему было не до этого. Сейчас у него было важное дело. Немного позже он сможет выяснить причину недовольства маршала. Теперь же главное для него — поддержка возникшего к нему интереса Уильяма.

— Очень интересно,— вежливо сказал Уильям.— И как вы собираетесь достичь этого приятного состояния?

— Я надеюсь набраться опыта в чужих мирах,— ответил Донал.—

В конце концов, мне удастся проявить себя.

— Боже, и это все?— спросил фрилендер и засмеялся, приглашая остальных присоединиться к нему.

Уильям однако не засмеялся, хотя Анеа присоединила свою презрительную усмешку к смеху адъютанта, а Ар-Делл фыркнул.

— Не будьте таким злым, Хьюго,— сказал Уильям.— Мне нравится позиция Донала. Когда я был молодым, у меня было такое же настроение.— Он улыбнулся Доналу.— После разговора с Хендриком вы должны поговорить со мной. Мне нравятся люди с большими притязаниями.

Донал и Галт шли по узкому коридору друг за другом. Скрытый за широкими плечами солдата, Донал с удивлением услышал:

— Ну, что вы о них думаете?

— Сэр,— сказал Донал. Колеблясь, он выбрал наиболее безопасный предмет разговора.— Я несколько удивлен девушкой.

— Анеа?— спросил Галт, останавливаясь у двери с номером 19.

— Я думал, избранные из Культиса должны...— Донал запнулся, подыскивая необходимое слово,— должны... лучше держать себя в руках.

— Она совершенно здорова, нормальна и очень умна, — грубовато заметил маршал.— А чего же вы ожидали?

Он открыл дверь, пропустил Донала, вошел сам и отпустил сразу же захлопнувшуюся дверь. Когда он повернулся, его лицо стало жестким, а в голосе звучали резкие нотки.

— Ну, а теперь,— резко бросил он,— что за письмо?

Донал глубоко вздохнул. В течение всего обеда он пытался разгадать характер Галта, и теперь все зависело от того, как маршал воспримет его честный ответ.

— Никакого письма нет, сэр,— сказал он.— И мне кажется, мой отец никогда в жизни не встречал вас.

— Я тоже так считаю,— ответил Галт.— Тогда для чего все это? — Он пересек свою каюту, достал что-то из ящика, и Донал с изумлением увидел, что маршал набивает табаком деревянную трубку.

— Это из-за Анеа, сэр,— сказал он.— Никого глупее в своей жизни я не встречал.— И он рассказал кратко, но исчерпывающе о происшествии в коридоре. Галт слушал, сидя на краю стола и пуская кольца дыма, которые тут же уносились вентиляционной системой.

— Понятно,— сказал он, когда Донал закончил.— Согласен с вами: она глупо поступила. Но почему вы вели себя как последний идиот?

— Я, сэр? — Донал был искренне удивлен.

— Конечно, вы,— ответил Галт, доставая трубку изо рта.— Кто вы такой, чтобы, только выйдя из школы, совать свой нос в межпланетные конфликты? И что вы теперь собираетесь делать?

— Ничего,— ответил Донал.— Я только хотел смягчить нелепую

и опасную ситуацию, в которой оказалась девушка. Я не собираюсь ссориться с Уильямом: он, очевидно, настоящий дьявол.

Трубка чуть не выпала из разжавшихся челюстей Галта, и он вынужден был ее удержать рукой. Он с удивлением взглянул на Донала.

— Кто сказал вам это? — спросил он.

— Никто,— ответил Донал.— Но ведь это так?

Галт положил трубку на стол и встал.

— Но это вовсе неочевидно для 99% населения миров,— возразил он.— Что сделало это очевидным для вас?

— О любом человеке,— сказал Донал,— можно судить по тому, какими людьми он себя окружает. А у этого Уильяма свита состоит из сломленных и разбитых людей.

Маршал фыркнул:

— Вы имеете в виду меня?

— Конечно, нет,— ответил Донал.— В конце концов, вы дорсаец.

Напряжение спало с Галта. Он улыбнулся угрюмо, вновь разжег трубку и затянулся.

— Ваша гордость нашим общим происхождением действует весьма успокаивающе,— сказал он.— Продолжайте. Значит, только по этому вы определяете характер Уильяма.

— О, конечно, нет,— ответил Донал.— Но подумайте сами, ведь избранная из Культиса пытается порвать с ним. А инстинкты избранных являются врожденными. Уильям кажется таким блестящим человеком, что затмевает и Анеа, и этого Монтора с Нептуна, у которого, кажется, гораздо больше ума, чем у Уильяма и у всех остальных.

— Значит, по этому блеску вы распознали дьявола?

— Вовсе нет,— терпеливо объяснил Донал.— Но имея такие блестящие интеллектуальные способности, человек обычно сильнее склонен к добру или злу, чем средняя личность. Если он склоняется ко злу, то может хорошо скрывать это даже от окружающих его людей. Но тогда ему приходится изображать доброго человека, особенно для вновь прибывших. Если бы он действительно был добрым, ему не нужно было бы так настойчиво демонстрировать это.

Галт извлек трубку изо рта и протяжно свистнул. Он уставился на Донала.

— Вы случайно родом не с Экзотики? — спросил он.

— Нет, сэр,— сказал Донал.— Моя мать была родом с Мары, как и мать моей матери.

— Это умение,— Галт задумчиво ковырялся толстыми пальцами в трубке,— это умение...— повторил он задумчиво,— читать характер вы унаследовали от матери или это ваше собственное достижение?

— Не знаю, сэр,— ответил Донал.— Мне кажется, что любой пришел бы к такому же выводу после минутного размышления.

— Но большинство из нас на это неспособно,— сказал Галт.— Садитесь, Донал. Я рад вас видеть.

Они уселись в кресла друг против друга. Галт вновь принялся за трубку.

— Теперь слушайте,— почти шепотом сказал он.— Вы самый странный юнец из всех, встречавшихся мне. Не знаю, что и делать с вами. Если бы вы были моим сыном, я бы отправил вас в карантин, а затем домой, и раньше, чем через десять лет, не выпустил бы вас к звездам,— он неторопливо поднял руку, заставляя умолкнуть уже открывшего рот Донала.— Да, я знаю, вы уже мужчина, и никто не может отправить вас вопреки вашему желанию. Но тот образ действий, который вы избрали со мной, имел лишь один шанс из тысячи на успех. Послушайте, мальчик, вы же ничего почти не знаете о мирах, кроме своего Дорсая.

— Почему же? — ответил Донал.— Существует 14 планетарных правительств, не считая анархических организаций земли Дунина и Коби...

— Правительство, черт возьми! — грубо прервал Галт.— Забудьте эти глупости! Правительства в XXV веке — это всего лишь механизмы. Главное — люди, контролирующие эти механизмы. Плейн на Венере, Све Холман на Земле, Элдест Брайт на Гармонии и Сэйона из Культиса на Экзотике.

— Ну а генерал Комал? — начал Донал.

— Ничто! — резко сказал Галт.— Как может дорсаец значить что-нибудь, когда каждая маленькая область Дорсая зубами и когтями цепляется за свою независимость? Нет, я говорю о людях, которые правят звездами... Одних я уже назвал, есть и другие.— Он глубоко вздохнул.— Теперь, как вы думаете, какое же место среди них занимает наш торговый прицеп и президент правительства Сеты?

— Наверное, он равен им?

— Наконец-то,— сказал Галт.— Наконец-то. Пусть вас не вводит в заблуждение, что он передвигается на обычном пассажирском корабле в сопровождении лишь этой девушки из Культиса. Он владелец корабля, капитан экипажа, да и половины пассажиров.

— А вы и ваш адъютант?— несколько более резко спросил Донал.

Лицо Галта застыло, потом вновь расслабилось.

— Честный вопрос,— пробормотал он.— Но вам более бы следовало интересоваться вещами, касающимися вас. Но я отвечу. Я — первый маршал Фриленда, но все еще дорсаец, я наемник, как и все, и ничего больше. Мы наняли пять дивизий для Первой Диссидентской церкви на Гармонии, и я направляюсь проверить их подготовку и снаряжение. Контракт заключен через посредничество Сеты. Отсюда и Уильям.

— А адъютант?— настаивал Донал.

— Что вам до него?— спросил Галт.— Он фрилендер, профессионал, неплохой малый. Он будет командовать частью наших сил, когда мы двинемся к Гармонии.

— Давно ли он с вами?

— Уже два года.

— И он действительно хороший профессионал?

— Конечно, черт возьми! Иначе он не был бы моим адъютантом. Почему вы так расспрашиваете о нем?

— Он вызывает у меня предчувствие,— сказал Донал.— Но сформулировать его я пока не могу.

Галт засмеялся.

— В вас сказывается характер ваших маранских предков,— сказал он.— Под каждой веткой видите змею? Верьте моему слову: Хьюго — солдат честный, может, ему несколько не хватает вкуса, но и только.

— Приходится соглашаться с вами,— пробормотал Донал.— Но я прервал вас, вы что-то хотели сказать об Уильяме.

— Да,— сказал Галт. Он нахмурился.— И я скажу коротко и ясно. Девушка — не ваше дело. И Уильям тоже. Оставьте их. Если у меня появится возможность, я найду для вас...

— Благодарю вас,— сказал Донал,— но мне кажется, что Уильям сделает мне предложение.

— Клянусь адом, парень! — воскликнул Галт спустя секунду.— Почему вы так думаете?

— Еще одно мое предчувствие,— сказал он.— Оно, несомненно, основано на наследии моих маранских предков.— Он встал.— Благодарю вас, сэр, за предложение и предупреждение.— Он протянул кулак.— Смогу ли я вновь поговорить с вами, если понадобится?

Галт тоже встал и машинально сжал протянутый кулак.

— В любое время,— сказал он.— Но будь я проклят, если понимаю вас.

Донал взглянул на него с внезапно возникшей мыслью.

— Скажите, сэр,— спросил он,— я кажусь вам странным?

— Странным? — повторил Галт.— Странным, как...— и он напряг свое воображение.— Но почему вы меня об этом спрашиваете?

— Меня часто так называли,— ответил Донал.— Может, они были правы?

Он встал и вышел из каюты.

НАЕМНИК-III

Возвращаясь по коридорам на нос корабля, Донал позволил себе удивиться не без тоскливости тому странному злому духу, который делал его столь отличным от остальных людей. Он надеялся забыть об этом вместе с кадетским мундиром. Но дух оставался с ним, громоздясь на

плечах. Так было всегда. То, что казалось ему таким ясным, для остальных было скрытым и запутанным. Он походил на незнакомца, идущего по городу. Пути его обитателей различны. Их язык беден, и он не может выразить того, что он видит среди них. Они говорят: «враг» и «друг», «сильный» и «слабый», «они» и «мы». Люди эти — тысячи произвольных классификаций и различий, которые он не может понять, так как видит, что разница между ними ничтожна. Нужно вести себя с ними так, как будто они индивидуумы, и всегда нужно сохранять терпение.

Вновь завернув в большой зал отдыха, Донал обнаружил, как он и ожидал, юного нептунианина Ар-Делле Монтора, развалившегося в кресле у бара. По-видимому, он сидел здесь с тех пор, как были убраны обеденные столы. В зале было несколько небольших групп пассажиров, занятых выпивкой, но никто из них не подходил к Монтору. Донал направился прямо к нему. Монтор, не двигаясь, поднял голову от своего бокала и следил за приближением к нему Донала.

— Разрешите?— спросил Донал.

Монтор ответил ему неуверенно, как будто выпитое мешало ему говорить.

— Мне приятно поговорить с вами.— Его пальцы замерли на кнопках набора заказов.— Что будете пить?

— Дорсайское виски,— сказал Донал.

Монтор нажал кнопку. Через мгновение на поверхности стола появился полный бокал.

Донал взял его и осторожно пригубил. Ночь, когда он отмечал совершеннолетие, хорошо познакомила его с действием алкоголя. Он увидел, что нептунианин смотрел на него необычно ясным, трезвым и проницательным взглядом...

— Вы моложе меня и даже выглядите моложе,— сказал Ар-Делл.— Как вы думаете, сколько мне лет?

Донал внимательно осмотрел его. Лицо Монтора, несмотря на выражение усталости и пресыщения, было лицом юноши, достигшего возраста мужания. Этому выражению молодости противоречили растрепанные волосы и безвольная поза.

— Четверть стандартного столетия,— сказал Донал.

— Тридцать три абсолютных года,— поправил Ар-Делл.— До 29 лет я был школьником, монахом. Вы думаете, что я слишком много пью?

— Мне кажется, что в этом нет никакого сомнения,— ответил Донал.

— Согласен с вами,— сказал Ар-Делл с одним из своих внезапных полуфырканий-полусмешков.— Согласен с вами. В этом нет сомнений. Пожалуй, единственная вещь в этой богом проклятой вселенной, в которой нельзя усомниться. Но я хотел с вами поговорить не об этом.

— А о чем же?— Донал вновь отхлебнул из бокала.

— О храбрости,— сказал Ар-Делл, пристально глядя на него.— Вы

храбры?

— Это необходимое качество солдата,— сказал Донал.— Но почему вы меня об этом спрашиваете?

— И никаких сомнений? Никаких сомнений?

Ар-Делл поболтал напиток в своем стакане и отпил.

— У вас нет тайного страха, что в нужный момент вдруг ослабеют ноги, забьется сильнее сердце, вы повернетесь и побежите?

— Конечно, я не повернусь и не побегу,— сказал Донал.— В конце концов, я дорсаец. А что касается того, что я чувствую, то единственное, что я могу вам сказать: я никогда не испытывал того, что вы описали. И даже если бы я...

Над их головами мелодично ударил колокол, прервав Донала.

— Временной сдвиг через стандартный час и двенадцать минут,— прозвучал голос.— Временной сдвиг через стандартный час и двенадцать минут. Советуем пассажирам для лучшего самочувствия принять лекарство и провести временной сдвиг во сне.

— Вы уже проглотили таблетку? — спросил Ар-Делл.

— Еще нет,— ответил Донал.

— Но вы сделаете это?

— Конечно.— Донал с интересом взглянул на собеседника.— Почему бы и нет?

— Не является ли прием медикаментов с целью избежать неудобств временного сдвига формой трусости?— спросил Ар-Делл.

— Глупость,— ответил Донал.— Это все равно, что назвать трусостью надевание одежды, чтобы согреться, или же утоление голода, чтобы просто не умереть голодной смертью. Одно — вопрос удобства, другое — вопрос...— Он на секунду замедлился,— вопрос долга.

— Храбрость — ваш долг?

— Не взирая на то, что тебе хочется сейчас. Да,— ответил Донал.

— Да,— задумчиво протянул Ар-Делл,— да,— повторил он, поставил пустой бокал на бар и нажал кнопку.— Думаю, что вы действительно храбры,— сказал он, следя, как исчезает пустой бокал и появляется полный.

— Я дорсаец,— сказал Донал.

— Ах, избавьте меня от восхваления вашего происхождения! — резко сказал Ар-Делл и схватил вновь наполненный бокал. Когда он повернулся к Доналу, лицо его было искажено.— Иногда нужна гораздо большая храбрость. И если дело только в происхождении...— Он внезапно замолчал и наклонился к Доналу.— Слушайте,— прошептал он.— Я — трус.

— Вы уверены? — спокойно спросил Донал.— Откуда вы это знаете?

— Я болезненно труслив,— шептал Ар-Делл.— Я боюсь Вселенной. Что вы знаете о математике социальной динамики?

— Математическая система, дающая предсказания?— спросил До-

нал.— Мое образование лежит в несколько ином направлении.

— Нет, нет! — раздраженно ответил Ар-Делл.— Я говорю о статистике социальных анализов в их экстраполяции на долгие сроки с расчетом увеличения народонаселения.— Он еще более понизил голос.— Они дают точную параллель со статистикой теории вероятности.

— Мне очень жаль,— сказал Донал,— но для меня это ничего не значит.

Ар-Делл схватил руку Донала своей неожиданно сильной рукой.

— Вы не понимаете? — пробормотал он.— Но возникла вероятность любого события, и в том числе всеобщего разрушения. Оно придет, потому что оно возможно. Итак, наша социальная организация увеличивается в размерах, возрастает и возможность разрушения. Мы уничтожим сами себя. Другого исхода быть не может. Вселенная — ненадежный для нас костюм. Она позволяет нам расти слишком быстро... Мы вырастем до критической массы,— он щелкнул пальцами,— и тогда — конец!

— Ну, это проблема далекого будущего,— сказал Донал. А потом, не понимая, почему его собеседник так встревожен, мягко добавил:— Но почему это так беспокоит вас?

— Неужели вы не понимаете?— сказал Ар-Делл.— Если всюду все исчезнет, как если бы его никогда и не было, в чем тогда смысл нашего существования? Я не имею в виду вещи, созданные нами, они и так скоро исчезнут. Или знания... Это лишь слабое отражение того, что можно прочесть в открытой книге природы. Я имею в виду то, чего не было в природе, что вы привнесли в нее. Это любовь, доброта, храбрость...

— Значит, из-за этого вы много пьете?— мягко спросил Донал, освобождая свою руку.

— Я пью, потому что я трус,— сказал Ар-Делл.— Я все время ощущаю эту ненормальность во Вселенной. Алкоголь помогает мне на время забыться. Потому я и пью. Я нахожу храбрость на дне бутылки, а храбрость нужна и для того, чтобы перенести временной сдвиг, не прибегая к лекарствам.

— Но зачем?— спросил Донал, пытаясь скрыть улыбку.— Зачем вам это?

— Я гляжу в лицо хоть небольшой, но опасности.— Ар-Делл глядел на него своими темными глазами.— Однажды такой временной сдвиг будет последним, и нас разорвет на мельчайшие клочки. И я встречу это в ясном сознании.

Донал покачал головой.

— Вы не понимаете,— сказал Ар-Делл, откидываясь в кресле.— Если бы я работал, я не нуждался бы в алкоголе. Но сейчас я отгорожен от работы. Вот с вами совсем другое дело. Вы получите работу, вы храбры. Думаю, я смог бы... ну, ладно. Храбрость не продается другим людям.

— Вы направляетесь на Гармонию? — спросил Донал.

— Куда идет мой принц, туда и я,— сказал Ар-Делл и вновь издал полуфырканье-полусмешок.— Когда-нибудь вы прочтете мой контракт.— Он вновь повернулся к бару.— Еще виски?

— Нет,— сказал Донал.— Вы извините меня.

— Увидимся позже,— пробормотал Ар-Делл, делая очередной заказ.

— Да,— сказал Донал,— пока...

— Пока,— и Ар-Делл взял полный бокал с бара. Над головами вновь прозвучал колокол, и голос напомнил, что до временного сдвига осталось семнадцать минут.

Донал вышел.

Через полчаса, еще раз изучив в своей каюте контракт Анеа, Донал нажал кнопку у двери каюты Уильяма, принца и главы правительства Сеты. Он подождал.

— Да?— послышался голос Уильяма.

— Донал Грим, сэр,— сказал Донал.— Если вы не заняты...

— О, конечно, Донал, входите.

Дверь открылась, и Донал вошел.

Уильям сидел в кресле перед небольшим письменным столом. В руках у него была папка с бумагами. На столе был укреплен большой портативный автоматический секретарь. Единственная лампа горела на столе, освещая серые волосы Уильяма. Донал заколебался, услышав, как за ним захлопнулась дверь.

— Садитесь куда-нибудь,— сказал Уильям, не отрывая глаз от своих бумаг. Пальцы его мелькали на клавишах секретаря.— Я сейчас закончу.

Донал огляделся, увидел в полутьме каюты кресло и сел. Уильям в течение нескольких минут продолжал просматривать бумаги, делая при помощи автосекретаря пометки.

Наконец, он отбросил бумаги в сторону и, нажав кнопку, убрал стол в стену. Единственная лампа погасла, но зато включилось общее освещение каюты. Донал зажмурился от внезапно яркого света. Уильям улыбнулся.

— А теперь займемся вашим делом,— сказал он.

Донал помигал, посмотрел на него и снова мигнул.

— Сэр,— сказал он.

— Я думаю, что мы не будем тратить время на лишние разговоры,— сказал Уильям, все еще сохраняя любезный тон.— Вы ворвались к нам, когда мы сидели за столом, явно желая встречи с одним из нас. Вряд ли с маршалом,— ваши дорсайские обычаи заставили бы вас избрать другой способ обращения к нему. Конечно, это не Хьюго и тем более не Ар-Делл. Остается Анеа, она достаточно хороша, вы достаточно молоды для какой-нибудь глупости... но, я думаю, не в нынешних условиях.— Уильям щелкнул пальцами и усмехнулся.— Остаюсь я. Нет, нет,— Уильям жестом

приказал ему сидеть,— было бы глупо уходить теперь, после всех ваших хлопот об этой встрече.— Его голос стал резким.— Садитесь!

Донал сел.

— Почему вы хотели меня видеть?— спросил Уильям.

Донал пожал плечами.

— Хорошо,— сказал он,— если вы позволите мне быть откровенным... Я смогу быть вам полезен.

— Если вы думаете, что будете мне полезным, опустошая мою казну или пользуясь моим влиянием, тогда уходите.

— Случилось так, что я оказался обладателем вещи, принадлежащей вам.

Уильям, не говоря ни слова, протянул руку. После секундного колебания Донал извлек из кармана контракт Анеа и протянул его принцу. Уильям взял лист, развернул его и взглянул. Потом осторожно положил на стол.

— Она просила меня помочь ей избавиться от этого,— сказал Донал.— Она хотела нанять меня, чтобы я уничтожил контракт. Она, очевидно, не знала, как это сделать.

— И вы взялись за это дело,— сказал Уильям.

— Я ничего не обещал,— ответил Донал.

— И вы с самого начала решили вернуть его мне?

— Я считаю,— сказал Донал,— что это ваша собственность.

— О, конечно,— сказал Уильям. Некоторое время он с улыбкой рассматривал Донала.— Вы, конечно, понимаете,— сказал он, наконец,— что я не поверил ни одному вашему слову. Я уверен, что вы украли контракт, а потом испугались содеянного и выдумали неправдоподобную историю, чтобы вернуть его мне. Капитан корабля по моему слову с готовностью арестует вас и будет держать в заключении до прибытия на Гармонию.

Холодная дрожь пробежала по спине Донала.

— Избранная из Культиса не солдат под присягой,— сказал он.— Она...

— Нет необходимости вмешивать в это дело Анеа,— сказал Уильям.— Все может быть решено и без нее. Мои показания против ваших.

Донал ничего не сказал. Уильям опять улыбнулся.

— Так вы оказались не только корыстолюбивым, но и глупым,— сказал он.

— Сэр...— вырвалось из уст Донала.

Уильям равнодушно отмахнулся.

— Приберегите свой дорсайский гнев для тех, на кого он произведет впечатление. Я знаю, как и вы, что вы не осмелитесь напасть на меня. Если бы вы отличались от обычных дорсайцев... Но вы такой же, как и все: корыстолюбивый и глупый. А теперь, установив эти бесспорные факты, мы можем перейти к делу.

Он посмотрел на Донала. Тот молчал.

— Тогда начнем,— продолжал Уильям.— Вы пришли ко мне, надеясь, что я сумею вас использовать. Да, я смогу это сделать. Анса, конечно, неразумная девушка, но для ее собственной пользы, а также и для моей, так как я ее наниматель, я хотел бы избавить ее от лишних осложнений. Один раз она доверилась вам. Это может повториться. Если она еще раз обратится к вам, не разочаровывайте ее. А чтобы вас сделать более пригодным для этого,— Уильям улыбнулся и добавил с усмешкой,— я думаю, что смогу найти для вас место командира отряда под началом Хьюго Киллиена, когда мы достигнем Гармонии. Нет причины для того, чтобы ваша военная карьера шла рука об руку с выполнением других моих поручений.

— Благодарю вас, сэр,— сказал Донал.

Откуда-то донесся звук колокола.

— А временной сдвиг будет через пять минут,— Уильям достал из стола маленький серебряный ящичек и открыл его.— Вы уже принимали лекарства? Пожалуйста.

Он протянул ящичек Доналу.

— Благодарю вас, сэр,— вежливо сказал Донал.— Я уже принял.

— Тогда,— сказал Уильям, беря в рот белую таблеточку и ставя ящик на место,— тогда все.

Донал склонил голову и вышел. Остановившись на мгновение, чтобы принять собственное лекарство, он направился в свою каюту. По дороге он заглянул в корабельную библиотеку и взял информационную катушку о Первой Диссидентской Церкви на Гармонии. Это несколько задержало его, и временной сдвиг застал его в коридоре одной из секций.

Все предыдущие временные сдвиги с того момента, как он остановил Дорсай, он проспал под действием снотворного и, конечно, был подготовлен годами учения к тому, что его ожидало. Вдобавок он и на этот раз принял необходимое лекарство, он был предупрежден, что последует временной сдвиг. В конце концов, этот интервал, когда отсутствует время, был неощутимо мал. И тем не менее, когда это случилось, только какая-то маленькая его часть помнила, как он оказался разорванным на клочки, на крошечные части, и был собран вновь в произвольной точке на расстоянии многих лет. Воспоминание об этом, а не сам временной сдвиг заставило его пошатнуться, когда он, придя в себя, направился дальше в свою каюту. И это воспоминание навсегда осталось с ним.

Он продолжал путь по коридорам, но испытания этого дня еще не кончились. Когда он подошел к концу одной из секций, из поперечного коридора вышла Анса. Ее зеленые глаза гневно сверкали.

— Вы видели его,— выкрикнула она, преграждая ему дорогу.

— Видел? А, Уильяма,— сказал он.

— Не отпирайтесь.

— А зачем?— с удивлением поглядел на нее Донал.— В этом нет ничего секретного.

— О,— воскликнула она.— Вы позаботились о контракте? Что вы с ним сделали?

— Отдал владельцу, конечно,— сказал Донал.— Это было самое разумное.

Она внезапно побледнела так, что он подошел, чтобы подхватить ее, если она упадет в обморок. Но она оказалась сильной. Глаза ее выражали гнев и ужас.

— О,— выдохнула она.— Вы... предатель. Вы обманщик.— И прежде чем он смог обратиться к ее здравому смыслу — он надеялся, что она выслушает его объяснения,— она повернулась и побежала по коридору в направлении, откуда пришел Донал.

Донал со вздохом продолжал свой путь. Остаток его он проделал, не встретив никого. Как следствие временного сдвига, коридоры были пусты. Проходя мимо одной из кают, он услышал доносившиеся изнутри звуки: кого-то тошнило. Подняв голову, он взглянул на номер и понял, что это каюта Ар-Делла.

Нептунианин без медикаментов, без спецподготовки вел свой одинокий бой со Вселенной.

КОМАНДИР ОТРЯДА-1

— Все в порядке, джентльмены,— сказал Хьюго Киллиен.

Он стоял, самоуверенный и производящий впечатление, в своем манящего цвета мундире, кончики пальцев его правой руки упирались в прозрачную крышку планшета с картой.

— Если вы соберетесь у карты...— сказал он.

Пять командиров придвинулись, и шестеро мужчин склонились над планшетом. Неяркий свет с затемненного потолка смешивался с подсветкой карты снизу, и Донал, взгляну на причудливо освещенные лица окружающих, почувствовал, что находится в каком-то отделении ада, о котором так красноречиво говорил представитель Первой Диссидентской Церкви за несколько часов до этого военного совета.

— ... наша позиция здесь,— продолжал Хьюго.— Как ваш комендант, я могу уверить вас, что наша позиция очень устойчива, а предполагаемое продвижение ни в коей мере не нарушит Кодекса Наемников. Теперь,— продолжал он более резко,— видимо, мы занимаем участок в пять километров по фронту и три километра в глубину между этими двумя хребтами. Вторая команда Объединенных Войск-176 — справа от нас, Четвертая команда — слева.

Второй и Четвертой командам приказано поддерживать нас с флангов, мы же двинем вперед 60% нашего состава и овладеем маленьким городом под названием Вера — Придет — На — Помощь, который находится здесь...

Его указательный палец замер в соответствующей точке карты.

— ... приблизительно в четырех километрах от нашей теперешней позиции. Мы используем три наших отряда из пяти: отряды Скуака, Уайита и Грима. Каждый отряд проделает свой путь отдельно. У каждого командира будет своя карта. Первые 1200 метров ваш путь идет лесом. Затем вы должны будете пересечь реку около сорока метров шириной, но, как уверяют разведчики, максимальная глубина ее метра два. Значит, ее можно перейти вброд. На противоположной стороне реки— лес, постепенно редеющий, тянется почти до самого города. Выступаем через двадцать минут. Через час наступит рассвет, и я хотел бы, чтобы до дневного света все три отряда были уже на том берегу. У кого есть вопросы?

— Каковы вражеские силы на этом участке?— спросил Скуак. Это был низкорослый, коренастый кассиданин, похожий на монгола, на самом же деле эскимос по происхождению.— Какое мы можем встретить сопротивление?

— Разведчики говорят, что возможны только патрули. Может быть, в самом городе стоит небольшой отряд.— Хьюго оглядел лица командиров.— Какие еще вопросы?

— У меня вопрос,— сказал Донал. Он изучил карту.— Кто этот некомпетентный в военном деле человек, который отдал приказ наступления лишь шестидесяти процентам сил?

Атмосфера в помещении внезапно стала напряженной. Донал взглянул в лицо Хьюго.

— Так случилось,— сказал сдерживая себя комендант,— что это мое предложение штабу, Грим. Возможно, вы забыли о том— думаю, что другие командиры отрядов не забыли этого,— что это всего лишь демонстративная кампания, мы должны показать Первой Диссидентской Церкви, что нас наняли не зря.

— Но это вряд ли согласуется с риском, которому подвергаются 450 человек,— не двигаясь, ответил Донал.

— Грим,— сказал Хьюго,— вы самый младший из командиров, а я комендант. Вы должны знать, что я ничего не обязан вам объяснять. Но чтобы успокоить вас, скажу: по сведениям разведчиков перед вами нет крупных сил противника.

— Но тогда,— настаивал Донал,— почему мы упускаем такую возможность? Надо двинуться вперед всем.

Хьюго раздраженно вздохнул:

— Определенно, вам следует дать урок стратегии. Вы злоупотребляете правом подвергать сомнению решения штаба, правом, предоставленным вам Кодексом. Но чтобы положить этому конец: есть важная

причина, по которой мы не используем все свои силы. Главный наш удар наносится на этом участке. Если мы сейчас двинем вперед все свои силы, войска Объединенной Ортодоксальной Церкви немедленно усилят сопротивление. А двигаясь небольшими отрядом, мы все время создаем вакуум перед фронтом. И как только мы овладеем городом, Вторая и Четвертая команды тоже придвинутся, и у нас будет позиция, на которой мы сможем отразить любой удар. Я ответил вам?

— Только частично,— сказал Донал.

— Боже, дай мне терпение,— выкрикнул фрилендер.— У меня за плечами пять кампаний. Я много раз вытаскивал голову из петли, но теперь оставляю эту должность, пусть шлют другого коменданта. Довольно. Вы, я и Скуак возглавим наступление отрядов. Теперь вы удовлетворены?

Конечно, ответить на это нечего. Донал в знак подчинения наклонил голову, и совет закончился. Возвращаясь к своему отряду в сопровождении Скуака, Донал почувствовал себя настолько неуверенно, что задал вопрос кассиданину:

— Как вы думаете, я напрасно расспрашивал его?

— Ну,— ответил Скуака,— это его ответственность. Он должен знать, что делает.

На этом они расстались. Каждый направился к своим людям.

Возвратившись к своему отряду, Донал обнаружил, что его командиры уже собрали людей. Они стояли, выстроившись в три шеренги по пятьдесят человек в каждой, со старшими и младшими командирами групп во главе каждого отряда. Старший командир Первой группы, высокий худой сетаинский ветеран по имени Морфи, сопровождал Донала, когда тот обходил ряды, инспектируя своих людей.

Это хорошие солдаты, думал Донал, проходя вдоль рядов. Хорошо тренированные и закаленные в боях, хотя их нельзя было назвать отборными солдатами: Элдерс, глава Первой Диссидентской Церкви, выбрал их наугад, Уильям оговорил лишь право выбора офицеров. Каждый был вооружен пистолетом и ножом вдобавок к обычному оружию. Это были пехотинцы, вооруженные пружинными ружьями. Оружие как оружие. Любой головорез в переулке имел оружие самое современное, но в войне главная задача состоит в том, чтобы не дать противнику пустить его в ход. Химическое и радиационное оружие легко поражает на расстоянии. А пружинное ружье с его ленточным магазином на пять тысяч патронов, с его компактным прочным неметаллическим механизмом способно было с неизменной аккуратностью поражать цель на расстоянии в тысячу метров.

И тем не менее, думал Донал, проходя в предрассветной полутьме по рядам, даже пружинное ружье вскоре станет неприменимым. Очевидно, пехотинцы скоро вернутся к ножу и короткому стальному мечу. И исход битвы будет зависить от искусства отдельного солдата. Ибо рано или поздно, независимо от того, какое фантастическое

оружие вы изобретете, вам нужно будет захватить территорию, а это способны сделать лишь пехотинцы, такие, как люди, стоящие рядами.

Донал встал перед строем.

— Отдыхайте, ребята,— сказал он.— Но держитесь рядами. Все командиры групп — за мной!

Он отошел на такое расстояние, чтобы солдаты его не слышали, командиры групп следовали за ним. Они кружком присели на корточки, и Донал передал им приказ Штаба, полученный им от Хьюго, и каждому передал карту.

— У кого есть вопросы?— спросил он, как недавно спрашивал Хьюго у своих командиров отрядов.

Вопросов не было. Они ждали продолжения. Он, в свою очередь, всматривался в лица людей, от которых зависело выполнение приказа.

У него была возможность хорошо узнать их за три недели, предшествующие этому утру. Шестеро представили в миниатюре все разнообразие мнений, которым было встречено в отряде его назначение. Из 150 человек, находившихся под его командованием, некоторые сомневались в нем из-за его молодости и отсутствия военного опыта. Большинство же определенно было довольно его назначением, так как военная репутация дорсайцев была очень высока. И только часть принадлежала к тем людям, которые автоматически сопротивляются всем, кто внезапно возвышается над ними. К этому типу относится старший командир Третьей группы бывших шахтеров из Коби по имени Ли. Даже сейчас, сидя на корточках в кружке, на пороге действий, он встречал взгляд Донала с выражением вызова: щетина черных волос его топорщилась в полутьме,а челюсти были крепко сжаты. Когда такие люди находятся у тебя в подчинении, они причиняют множество хлопот. Донал решил изменить свое первоначальное намерение передвинуться вместе с Третьей группой.

— Мы разобьемся на группы по двадцать человек,— сказал он,— в каждой должен быть старший или младший командир. Двигаться будем раздельно, но если наткнемся на вражеский патруль, объединимся. Ясно?

Они кивнули. Им было ясно.

— Морфи,— сказал Донал, обращаясь к худому старшему командиру группы,— я хочу, чтобы вы пошли со старшим командиром Ли, который будет находиться в тылу. Ли со своей половиной группы расположится перед вами. Чессен,— он взглянул на старшего командира Второй группы,— вы и Золта займете третью и четвертую позицию с тыла. Я хочу, чтобы вы лично находились в четвертой позиции. Суки, вы как младший командир Первой группы, будете идти впереди Чессена и справа от меня. Я поведу оставшуюся часть Первой группы.

— Как насчет связи?— спросил Ли.

— Ручная сигнализация. Голос. И все. Я не разрешаю группам сближаться для установления связи. Между группами должен быть

как минимум интервал в 20 метрах.— Донал вновь оглядел собравшихся.— Наша задача состоит в том, чтобы пробраться к этому маленькому городу как можно тише и спокойно. Вступайте в бой, если только на вас нападут.

— Говорили, что нас ожидает воскресная прогулка,— заметил Ли.

— Я не оперирую лагерными слухами,— решительно ответил Донал.— Мы примем все меры предосторожности. Вы, командиры групп, отвечаете мне за полную экипировку людей, включая медикаменты.

Ли зевнул. Это не был знак вызова.

— Хорошо,— сказал Донал,— идите назад к своим людям.

Совещание завершилось. Через несколько минут еле различимый свист передавался от группы к группе: они начали движение. Рассвет еще не наступил, но вершины деревьев начали выступать на фоне неба.

Первые 1200 метров через лес, пройденные с величайшей осторожностью, напомнили то, о чем говорил Ли,— воскресную прогулку. Когда Донал во главе половины группы вышел на берег реки, мысль эта начала подтверждаться.

— Выслать разведчиков,— приказал он.

Два человека скользнули в воду и, держа оружие над головами, пересекли ее ровную поверхность, добравшись до противоположного берега. Помахав ружьями, они дали знак, что все спокойно, и Донал повел оставшихся через реку.

Перебравшись на противоположный берег, он выслал разведчиков в трех направлениях— вперед и вдоль берега в обе стороны. Подождал, пока реку не перейдет Суки со своими людьми. Разведчики вернулись, не обнаружив противника. Донал построил своих людей в редкую цепь и двинулся дальше.

День быстро разгорался. Они передвигались пятидесятиметровыми перебежками, высылая вперед разведчиков и двигаясь дальше только тогда, когда разведчики сообщали об отсутствии противника. Перебежка за перебежкой, а противника все не было.

Спустя час, когда огромный оранжевый диск Е-Эписилона уже поднялся над горизонтом, Донал смотрел через кусты на маленький молчаливый поселок, обнесенный забором.

Спустя еще сорок минут три группы Третьего отряда Объединенных сил-176 быстро покинули городок Вера-Придет-На-Помощь. В нем они не обнаружили ни одного жителя

КОМАНДИР ОТРЯДА-II

Имя командира отряда Грима было опорочено.

Третья команда, или, вернее, та часть ее, которая покидала улицы городка, не делала даже попыток скрыть это от него. Если бы он показал, что чувствует их оценку, возможно, что они выразили бы это яснее. Но было в его совершенном равнодушии к их мнению что-то такое,что заставило их сдержать свое презрение. Тем не менее, сто пятьдесят человек, дошедшие до городка в полном снаряжении и с соблюдением величайшей осторожности, и триста остальных солдат, проделавших путь гораздо легче и быстрее, были едины в своей оценке нового офицера, и эта оценка Донала упала до низшей точки. Ибо есть единственная вещь, которую ветераны ненавидят больше, чем потеть без необходимости в гарнизоне. И эта вещь — потеть без необходимости в поле. Ведь говорили же, что это будет воскресная прогулка. И это действительно была воскресная прогулка, но только не для тех, что имел несчастье оказаться под командованием зеленого дорсайца по имени Грим. Его люди были очень недовольны. В сумерках, когда лучи заходящего солнца едва пробивались сквозь густые ветки местного потомка земного хвойного дерева, завезенного на эту планету с планеты Земля при колонизации, прибыл гонец от Хьюго. Комендант находится на командном пункте, что располагается рядом с покинутым городом. Гонец разыскал Донала, сидевшего верхом на упавшей балке и разглядывавшего карту местности.

— Известие из штаба,— сказал гонец, присаживаясь на корточки у балки.

— Встаньте,— спокойно сказал Донал. Гонец встал.— Что за известие?

— Вторая и Третья команды останутся на месте до завтрашнего утра,— громко сказал гонец.

— Известие приятное,— сказал Донал, отправляя посланца. Гонец повернулся и заторопился дальше.

Оставшись один, Донал продолжал изучать карту, пока позволял дневной свет. Когда совсем стемнело, он отложил карту, извлек из кармана маленький свисток и вызвал к себе ближайшего командира группы.

Через мгновение на фоне тускло освещенного неба вырисовалась высокая тощая фигура.

— Морфи, сэр. Вызывали?— послышался голос старшего командира группы.

— Да,— ответил Донал.— Часовые расставлены?

— Да, сэр,— ответил без энтузиазма Морфи.

— Хорошо. Пусть все время будут настороже. А теперь, Морфи...

— Да, сэр?

— Кто в отряде лучше всех распознает запахи?

— Запахи, сэр?

Донал ждал ответа. Наконец, Морфи медленно и задумчиво сказал:

— Наверное, Ли, сэр. Он вырос в шахтах. А там необходимо хорошее обоняние. Это шахта на Коби, командир...

— Я знаю, о чем вы говорите,— сухо ответил Донал.— Вызовите сюда Ли.

Морфи извлек свой свисток и вызвал старшего командира Третьей группы. Они подождали.

— Он в лагере? — спросил через некоторое время Донал.— Я приказал, чтобы никто не выходил за посты и чтобы все были в пределах слышимости свистка.

— Да, сэр,— сказал Морфи.— Он сейчас придет. Он знает приказ. Эти свистки мало отличаются друг от друга, нужна практика, чтобы научиться их различать, сэр.

— Командир группы,— сказал Донал.— Я буду признателен, если вы в дальнейшем не станете мне объяснять то, о чем я и так знаю.

— Да, сэр,— сказал Морфи покорно.

В полутьме показалась еще одна тень.

— В чем дело, Морфи?— послышался голос Ли.

— Вас вызывал я,— заговорил Донал, прежде чем старший командир группы смог ответить.— Морфи сказал, что вы хорошо различаете запахи.

— Очень хорошо,— ответил Ли.

— Сэр.

— Очень хорошо, сэр.

— Отлично,— сказал Донал.— Взгляните оба на карту. Быстрее. Я посвечу вам.— Он зажег небольшой фонарик, прикрывая его рукой. Карта была расстелена на балке перед ним.— Три километра отсюда. Вы знаете, что там?

— Небольшая долина,— сказал Морфи.— Наши посты в стороне от нее.

— Мы отправляемся туда,— сказал Донал. Свет погас, и он встал с балки.

— Мы... Мы, сэр?— услышал он голос Ли.

— Мы втроем. Пошли.— И он осторожно двинулся вперед во тьме.

Идя по лесу, он с удовольствием убедился, что командиры групп идут также бесшумно и осторожно. Медленно они прошли около мили. Тут они почувствовали, что поверхность поднимается.

— Ползком,— спокойно сказал Донал.

Они легли на животы и осторожно начали ползти вверх. Подъем за-

нял у них добрых полчаса. Но в конце концов они оказались рядом друг с другом на краю обрыва. Они лежали и смотрели в темноту открывшейся перед ними долины. Донал тронул Ли за плечо и, когда тот повернулся к нему, Донал дотронулся до своего носа, указал на долину и сделал энергичный вдох. Ли повернулся лицом к долине и в течение нескольких минут лежал, внешне ничего не делая. Затем он вновь повернул лицо к Доналу и кивнул. Тот поманил командиров с обрыва.

Донал ничего не спрашивал, а командиры ничего не говорили, пока не оказались на безопасном расстоянии за своими постами. Тогда Донал обратился к Ли:

— Ну, Ли, что вы почувствовали?

Ли колебался. В его голосе, когда он, наконец, ответил, почувствовалось удивление:

— Не знаю, сэр,— ответил тот.— Но что-то, по-моему, кислое... Не понимаю такого запаха.

— Это все, что вы можите сказать? « Что-то кислое»?

— Не знаю, сэр,— ответил Ли.— У меня хорошее обоняние, командир, на самом деле, хорошее,— голос его звучал воинственно,— но ничего подобного я до сих пор не ощущал. Я вспомнил бы.

— Кто-нибудь из вас бывал на этой планете?

— Нет,— ответил Ли.

— Нет, сэр,— повторил Морфи.

— Понятно,— сказал Донал. Они подошли к той самой балке, с которой он встал три часа назад.— Это все. Благодарю вас, командиры групп.

Он вновь сел на балку. Двое, поколебавшись немного, исчезли.

Оставшись один, Донал изучил карту, затем некоторое время посидел в задумчивости, потом, подозвав Морфи, сказал, что отправляется на командный пункт.

Командный пункт располагался в затемненном помещении. Внутри спал ординарец, у освещенной карты сидел Скуак.

— Где комендант?— войдя спросил Донал.

— Отправился спать три часа назад,— ответил Скуак.— У вас к нему какое-то дело? Он оставил меня дежурить.

— Где он спит?

— В десяти метрах отсюда, в кустарнике. Но что случилось? Вы хотите разбудить его сейчас?

— Может, он уже проснулся?— сказал Донал и вышел.

Выйдя из командного пункта, он осторожно двинулся в направлении, указанном ему Скуаком. Здесь, прикрепленный к двум дверям, висел полевой гамак. Сквозь верхнюю накидку смутно вырисовывалась фигура. Но когда Донал протянул руку и дотронулся до плеча спящего, он понял, что это пустой костюм. Сдерживая дыхание, Донал повернул обратно к городу. Пройдя мимо командного пункта, он направился к городу, но был остановлен часовым.

— Извините, командир,— сказал часовой,— приказ коменданта. Никому не разрешается уходить в город. Даже ему самому,— сказал он.— Там ловушки.

— Спасибо,— ответил Донал. Повернувшись, он скрылся во тьме. Но отойдя немного, повернул обратно, осторожно миновал посты и приблизился к домам города. Маленькая, но очень яркая луна, которую жители Гармонии называли Окном Господа, только что взошла, и всюду появились серебряные и черные тени. Укрываясь в темных местах, Донал начал тщательно обыскивать город, дом за домом, здание за зданием.

Это было медленное и утомительное занятие, так как все это нужно было ему проделать тихо. Спустя почти четыре часа он нашел то, что искал.

В центре небольшого освещенного луной и лишенного крыши строения стоял Хьюго Киллиен. Он выглядел весьма внушительно в своем маскировочном военном мундире. Рядом с ним, почти в объятиях— Анеа, избранная из Культиса. За ними, мерцая под действием поляризующей установки, которая должна была обеспечить незаметность ее появления, стояла маленькая летающая платформа.

— Любимая,— говорил Хьюго. Голос его был так тих, что едва долетал до скорчившегося за полуразрушенной стеной Донала.— Любимая, вы должны верить мне. Вместе мы можем остановить его; но вы должны разрешить мне вмешаться. Его власть огромна...

— Знаю, знаю,— прервала она его, ломая руки.— Но каждый день ожидания увеличивает опасность для нас, Хьюго. Бедный Хьюго,— она протянула руку и погладила его по щеке,— это я вовлекла вас в это.

— Вовлекли? Меня?— Хьюго сдержанно засмеялся.— Я вступил на этот путь с открытыми глазами.— Он попытался прижать ее к себе.— Ради вас...

— Сейчас не время,— остановила она его мягко.— И потом, вы это делаете вовсе не из-за меня. Из-за Культиса. Дело не во мне,— с яростью сказала она,— он не получит под свою власть мою землю.

— Конечно, ради Культиса,— сказал он.— Но Культис — это вы, Анеа. Вы — это все, что я люблю на Экзотике, но разве вы не видите, что все основано лишь на наших подозрениях? Вы думаете, что он действует против Сэйоны, но это не значит, что он действует против Культиса вообще.

— Но что же мне делать?— воскликнула она.— Я не могу действовать против него его методами. Я не могу обманывать, лгать и посылать шпионов, тем более, что у него все еще мой контракт. Я вообще не могу этого сделать. Вот что значит быть избранной.— Она сжала кулак...— Я в ловушке у собственного мозга, у собственного тела.— Вдруг она снова повернулась к нему.— Но когда я впервые заговорила с вами два месяца назад, вы ответили, что это очевидно.

— Я ошибался,— успокаивающим тоном ответил Хьюго.— Кое-что

привлекло мое внимание, но я был неправ. У меня тоже есть принципы, моя Анса. Может, они не достигают уровня вашей психологической блокады, но я тоже знаю, что такое честь и право.

— Да, знаю, Хьюго. Но я отчаялась. Я не знаю, что еще можно сделать.

— Если бы он только предпринял что-нибудь против вас лично...

— Против меня?— она фыркнула.— Он не посмеет. Я — избранная из Культиса. А кроме того, это было бы глупостью,— добавила она с таким здравым смыслом, которого в ней Донал не подозревал.— Он ничего этим не выиграл бы, только встревожил бы Культис.

— Не знаю,— Хьюго нахмурился.— Он мужчина. Когда я лишь подумаю...

— О, Хьюго,— она внезапно хихикнула, как школьница.— Не будьте таким смешным.

— Смешным?— Он был оскорблен.

— О, я не хотела вас обидеть, Хьюго. Перестаньте глядеть, как слон, хобот которого укусила пчела. Об этом нечего и говорить. Он слишком рассудителен для...— Она вновь хихикнула, потом вздохнула.— Нет, вам нужно бороться с его разумом, а не с сердцем.

— А о моем сердце вы не заботитесь?— он задал этот вопрос низким голосом.

Она глядела в землю.

— Хьюго, вы мне нравитесь...— сказала она.— Но вы не понимаете. Избранная из Культиса— это ... это символ.

— Вы хотите сказать, что не можете.

— Нет, нет, не это,— она быстро взглянула на него.— Моя блокада не распространяется на любовь, Хьюго. Но если я вовлечена во что-то, пусть даже незначительное, но имеющее отношение к Культису, я не могу... понимаете?

— Я понимаю, что я солдат,— сказал он.— Но я никогда не знаю, будет ли у меня завтрашний день.

— Я знаю,— ответила она,— и они посылают вас с такими опасными заданиями.

— Дорогая, маленькая Анса,— торопливо сказал он,— как мало вы знаете, что это значит — быть солдатом. Я добровольно избрал свой путь.

— Добровольно?— она вопросительно посмотрела на него.

— Чтобы искать опасности, чтобы найти возможности самоутвердиться,— горячо сказал он.— Создать себе такое имя, чтобы все среди звезд знали, что я достоин избранной из Культиса.

— О, Хьюго!— воскликнула она с энтузиазмом.— Если бы вы только могли! Если бы вы прославились! Тогда мы победили бы его.

Он поглядел на нее так удивленно, что Донал в своем укрытии чуть не расхохотался.

— Неужели вы будете всегда говорить о политике?— воскликнул он.

Но Донал уже отвернулся от них. Не было смысла дальше слушать. В молчании он отошел на безопасное расстояние, а затем пошел быстро, не заботясь о соблюдении тишины. Короткая ночь северного континента Гармонии уже сменялась рассветом. Донал добрался до расположения своего отряда. Один из часовых окликнул его:

— Стой! Стой и назови ... сэр.

— Пошли со мной! — скомандовал Донал.— В каком направлении расположена Третья группа?

— Здесь, сэр,— часовой пошел вперед, указывая дорогу.

Дойдя до нужного места, Донал извлек свисток и вызвал Ли.

— Какого?..— послышался сонный голос откуда-то рядом. Гамак раскрылся, и на землю вывалился бывший шахтер.— Какого дьявола... сэр?

Донал обеими руками повернул его голову в сторону вражеской территории, откуда дул утренний ветерок.

— Нюхайте!— приказал он.

Ли замигал. Ухватил нос в горсть и сдержал зевок. Он глубоко вдохнул, наполнив свои легкие, ноздри его расширились— вся его сонливость неожиданно исчезла.

— Тот же самый запах, сэр,— сказал он, поворачиваясь к Доналу.— Только сильнее.

— Хорошо.— Донал повернулся к часовому: — Передайте приказ старшим командирам Первой и Второй групп. Пусть они посадят своих людей на деревья, достаточно высоко, и чтобы никто не зевал и не слезал.

— На деревья, сэр?

— Действуйте. Через десять минут каждый человек из отряда должен быть в дюжине метрах от земли, со своим оружием.— Часовой повернулся, чтобы выполнить приказ, а Донал добавил:— Если успеете, отправляйтесь к командному пункту и передайте им то же самое, если не успеете, взбирайтесь сами на дерево, понятно?

— Да, сэр.

— Исполняйте.

Донал принялся будить солдат Третьей группы и загонять их на деревья. В десять минут это не было сделано. Прошло не менее двадцати минут, пока все не оказались на деревьях. Группа дорсайских школьников выполнила бы это вчетверо быстрее. Тем не менее, думал Донал, устраиваясь на ветке, они успели вовремя.

Он не остановился, подобно другим, на высоте в двадцать метров. Автоматически, выгоняя солдат из гамаков, он заметил самое высокое дерево, взобрался на него и смог с его вершины осматривать окрестности, окружающую растительность. Прикрыв глаза от восходящего солнца, он рассматривал вражескую территорию.

— Что нам теперь делать?— донесся до него чей-то обиженный голос.

Донал отнял ладонь от глаз и наклонил голову.

— Старший командир группы Ли,— сказал он, не напрягая голоса, но так, чтобы его слышали все,— вы обязаны застрелить каждого, кто откроет рот без моего или вашего разрешения. Это приказ.

Он вновь поднял голову и в воцарившейся тишине принялся осматривать из-под десницы местность.

Секрет наблюдения — в терпении. Он ничего не видел, но продолжал сидеть, не разглядывая ничего в особенности, но глядя на все в целом. Через несколько долгих минут он уловил краем глаза какое-то слабое движение. Он не пытался отыскать его вновь, он продолжал изучать всю территорию. И постепенно, как если бы в каком-то фильме они вырастали из-под земли, он убедился, что видит людей, перебегающих от укрытия к укрытию, множество людей, приближающихся к лагерю.

Он вновь наклонил голову среди ветвей.

— Не стрелять, пока не услышите мой свисток,— сказал он негромко.— Сохранять спокойствие.

Он услышал, словно ветерок прошумел в ветвях — это его приказ передавали всем солдатам Третьей группы. А также, как он надеялся, Первой и Второй.

Маленькие изменчивые фигурки продолжали приближаться. Глядя на них тайком сквозь листву, он заметил маленький черный крест, пришитый к правому плечу на мундире каждого. Это не были наемники. Это были местные отборные войска Объединенной Ортодоксальной Церкви, прекрасные солдаты и дикие фанатики в то же время. И в этот момент нападающие поднялись во весь рост, разразились дикими воплями, и этот шум смешался со звуком выстрелов ружей, рвавших в клочья воздух, деревья и человеческую плоть.

Они двигались не прямо к деревьям, на которых укрылись люди Донала. Но эти люди были наемниками, а ортодоксалы атаковали лагерь, где находились их товарищи. Донал сдерживал своих людей сколько мог и даже на несколько секунд дольше, потом, прижав свисток к губам, дунул в него — свист разнесся из одного конца лагеря в другой. Его люди открыли яростный огонь с деревьев. Через несколько мгновений на земле воцарилось дикое смятение. Очень трудно определить, с какого направления ведется стрельба из пружинного ружья. Около пяти минут нападающие солдаты-ортодоксалы действовали в заблуждении, что по ним стреляли из какого-то подземного укрытия. Они безжалостно убивали всех, кого видели перед собой, но когда они обнаружили ошибку, было уже поздно. По их редеющим рядам был сосредоточен огонь 151 ружья, и хотя искусство стрельбы было удовлетворительным по дорсайским понятиям, кроме одного случая, оно было достаточным для выполнения задачи. Меньше чем через сорок минут после того, как Донал начал будить своих солдат, сражение было закончено.

Третья группа спустилась на землю, и один из первых спусти-

вшихся — солдат по имени Кеннсбак — спокойно поднял ружье на плечо и выстрелом перебил горло ортодоксала, корчившегося на земле поблизости.

— Прекратить!— резко скомандовал Донал. Голос его разнесся по всему пространству.— Наемник ненавидит бессмысленные убийства. Не его дело резать людей, его дело — выигрывать сражение.

Больше не раздался ни один выстрел. Этот факт свидетельствовал о резком изменении мнения Третьей команды относительно своего нового командира по имени Грим.

По приказу Донала были собраны раненые с обеих сторон, серьезно раненным оказывали немедленную помощь. Атакующие солдаты все были уничтожены. Но потери не ограничивались лишь одной стороной. Из трехсот человек, подвергшихся атаке на земле, три четверти, включая командира Скуака, были убиты.

— Приготовиться к отходу,— приказал Донал и в этот момент человек, стоявший перед ним, повернул голову и посмотрел на что-то позади Донала. Донал повернулся. Из города с пистолетом в руке выходил комендант Киллиен. В молчании, не двигаясь, уцелевшие солдаты трех команд ждали его приближения. Он посмотрел на них и перевел взгляд на Донала. Ускорив шаг, он остановился в нескольких шагах от молодого дорсайца.

— Ну, командир,— выпалил он,— что случилось, докладывайте.

Донал не ответил ему. Он поднял руку и указал на Хьюго.

— Солдаты,— приказал он двум ближайшим к Хьюго наемникам,— арестуйте этого человека. Приказываю держать его под арестом до немедленного военно-полевого суда в соответствии со статьей 4 Кодекса Наемников.

ВЕТЕРАН

После прибытия в город, устроившись в гостинице, Донал с аннулированным контрактом в кармане спустился на два этажа, чтобы нанести визит маршалу Хендрику Галту. Посетив маршала и завершив все дела, он отправился со вторым визитом в другой отель.

Несмотря на свой сильный характер, он чувствовал некоторую слабость в коленях, сообщая свое имя дверному роботу. Большинство людей простило бы ему слабость. Но Уильям, принц Сеты, был одной из тех личностей, с которой самый вздорный человек не стал бы ссориться даже в своем доме, а Донал, несмотря на весь свой военный опыт, был всего лишь молодым человеком. Дверной робот пригласил его войти, и Донал,

приняв самое спокойное и независимое выражение, прошел через анфиладу комнат.

Уильям, как и в предыдущий раз, когда Донал видел его, работал за письменным столом. Это не было хвастовством и не делалось напоказ, как решило бы большинство людей. Редко кто был так занят хоть раз в году, как Уильям ежедневно своими бесчисленными делами. Донал подошел к столу и наклонил голову в знак приветствия. Уильям поглядел на него.

— Поражаюсь, видя вас здесь,— сказал он.

— В самом деле, сэр?

Уильям молча разглядывал его с полминуты.

— Я редко ошибаюсь,— сказал он.— Но мне, возможно, следует утешить себя тем, что, когда я делаю ошибки, они, как правило, словно по волшебству, оборачиваются крупнейшими моими успехами. Каким нечеловеческим оружием снабдили вы себя, молодой человек, что осмеливаетесь вновь появиться передо мной?

— Может быть, это оружие называется общественным мнением,— ответил Донал.— Я кое-чего достиг в глазах солдат. У меня есть имя.

— Да,— сказал Уильям.— Я не знаю этого рода оружия.

— Кроме того,— сказал Донал,— вы послали за мной.

— Да.— И тут безо всякого предупреждения лицо Уильяма приобрело такое свирепое выражение, какого Донал никогда не видел.— Как вы посмели? — злобно сказал принц.— Как вы только посмели?!

— Сэр,— ответил Донал.— У меня не было выбора.

— Не было выбора. Приходите ко мне и имеете наглость заявлять, что у вас не было выбора?

— Да, сэр,— ответил Донал.

Уильям сделал быстрое и гибкое движение. Наклонившись над столом, он глядел в лицо Доналу, глаза его были совсем рядом с глазами юного дорсайца.

— Я приказал вам исполнить лишь мои приказания, ничего больше,— холодно сказал он.— А вы, показной герой, вы все испортили.

— Сэр?

— Что, «сэр»? Вы умственно отсталый из лесной глуши. Вы глупец. Кто велел вам вмешиваться в дела Хьюго Киллиена?

— Сэр,— сказал Донал,— у меня не было выбора.

— Не было выбора? Как это не было выбора?

— Моя команда — это команда наемников,— ответил Донал, не двигая ни одним мускулом лица.— Комендант Киллиен заверил нас в безопасности в соответствии с Кодексом Наемников. Его уверения оказались не только неправдой, но он еще и бросил свой отряд на произвол судьбы на вражеской территории. Он ответственен за смерть половины своих людей. Как старший после него по званию, я обязан был арестовать его и отдать под суд.

— И суд состоялся тут же, на месте?

— Так предписывает Кодекс, сэр,— сказал Донал. Он помолчал.— Я сожалею, но его пришлось расстрелять. Военно-полевой суд не дал мне выбора.

— Опять,— сказал Уильям.— Нет выбора. Грим, межзвездное пространство не для тех, кто не умеет делать выбор.— Он резко повернулся, обошел стол и сел.— Ладно,— сказал он холодно, но уже овладев собой.— Идите.

Донал повернулся и пошел к выходу.

— Оставьте свой адрес дверному роботу,— сказал Уильям.— Я подыщу для вас должность на какой-нибудь другой планете.

— Сожалею, сэр...— сказал Донал. Уильям вопросительно посмотрел на него.— Я думал, что вы перестанете заботиться о моем будущем. Маршал Галт уже нашел для меня должность.

Уильям некоторое время продолжал смотреть на него. Глаза его были холодными, как зрачки василиска.

— Понятно,— наконец медленно сказал он.— Что ж, Грим, мы с вами еще встретимся.

— Я надеюсь на это,— ответил Донал.

Он вышел. Но даже закрыв двери за собой, он, казалось, чувствовал на своей спине взгляд Уильяма.

Оставался еще один визит, после чего его дела на этой планете можно было считать законченными. Выбрав направление, он спустился на один этаж.

Дверной робот пригласил его войти. Ар-Делл, как всегда неопрятный, с блестящими от выпивки глазами, встретил его на полпути от входа.

— Увы,— сказал Ар-Делл, когда Донал объяснил ему, чего он хочет.— Она не желает вас видеть.— Он пожал плечами, глядя на Донала: глаза его прояснились. В них появилось печальное и доброе выражение, тут же сменившееся горькой усмешкой.— Но это не понравится старой мисс. Я скажу ей.

— Я хочу сказать ей кое-что, что она должна знать,— сказал Донал.

— Ладно. Подождите,— Ар-Делл вышел.

Вернулся он минут через пятнадцать.

— Поднимайтесь,— сказал он.— Комната номер 1890.— Донал направился к двери.— Кто бы мог подумать,— печально сказал нептунианин.— Я хотел бы еще встретиться с вами.

— Мы еще встретимся,— сказал Донал.

— Да,— сказал Ар-Делл, проницательно глядя на Донала.— Обязательно встретимся.

Донал вышел и поднялся в комнату номер 1890. Дверной робот пригласил его войти. Анса, стройная и суровая, в одном из своих длинных платьев с высоким воротником, ждала его.

— Ну,— сказала она.

Донал печально посмотрел на нее.

— Вы меня ненавидите ?— спросил он.

— Вы убили его! — выкрикнула она.

— Да, конечно,— хотя он и сдерживался, но раздражение, которое она вызвала в нем, прорвалось.— И сделал это для вашего же блага.

— Для моего блага?

Он извлек из кармана маленький записывающий аппарат. Но аппарат, к его удивлению, не работал: что-то испортилось.

— Послушайте,— сказал он.— Вы прекрасно подготовлены к генетическим образам тренировкой, вы — избранная, но не больше. Как вы не можете понять, что межзвездные интриги не для вас?

— Межзвездные... О чем вы говорите?

О, наберитесь хоть немного терпения,— сказал он устало.— Уильям— ваш враг. Вы это хорошо понимаете, но не понимаете, почему, хотя вам кажется, что это не так. И даже я в этом ошибался. Но вы не сможете обыграть Уильяма в его игре, играйте свою собственную. Будьте избранной из Культиса. Как избранная, вы неприкосновенны.

— Если вам больше нечего сказать...

— Ладно,— проговорил он, делая шаг вперед.— Тогда слушайте. Уильям пытался скомпрометировать вас. Киллиен был его орудием...

— Как вы смеете?!— выкрикнула она.

— Как я смею?— устало повторил он.— Есть ли хоть один человек в этом межзвездном мире, безумец, который не сказал бы мне это? Я смею, потому что это правда.

— Хьюго,— почти кричала она,— был честным человеком! Солдатом и джентльменом. А не...

— Не наемником?— спросил он.— Но он был им.

— Он был офицером, настоящим офицером,— надменно ответила она.— В этом разница.

— Нет никакой разницы.— Он покачал головой.— Вы не понимаете, что наемник— это вовсе не оскорбление. Но не в этом дело. Киллиен был хуже, чем любое слово, которым вы по ошибке можете назвать меня. Он был дурак.

— О...— она отвернулась.

Он схватил ее за локоть и повернул к себе. Она была удивлена. Ей в голову не приходило, что он так силен. Сознание своей физической беспомощности в его руках вызвало у нее внезапную растерянность.

— Слушайте правду,— сказал он.— Уильям выставил вас как дорогую награду в глазах Киллиена. Вселил в него глупую надежду, что он сможет получить вас — избранную из Культиса. Он сделал для вас возможным посещать Хьюго ночью в городке Вера-Придет-На-Помощь. Да,— ответил он на ее жест,— я знал это, я видел вас там с ним. Он уверил Хьюго, что тот встретит вас, так же как он убедил ортодоксалов, что атака будет удачной.

— Я не верю...— начала она.

— Не будьте и вы дурой,— грубо сказал Донал.— Как иначе отборные войска ортодоксалов напали бы на лагерь именно в тот момент? Кто, кроме этих фанатичных ортодоксалов, был бы способен не оставить ни одного живого человека в лагере? Предполагалось, что один человек останется в живых — Хьюго Киллиен. Он вернется и получит вас в награду за свой подвиг. Видите, чего стоит ваше доброе мнение.

— Хьюго не мог...

— Хьюго мог,— прервал Донал.— Я сказал, что он был дураком. Дураком, но сравнительно хорошим солдатом. А Уильяму ничего другого и не нужно было. Он знал, что Хьюго достаточно глуп, чтобы пойти на встречу с вами, и достаточно хороший солдат, чтобы остаться в живых, когда весь его отряд будет уничтожен. Как я и говорил, он вернулся бы один — и вернулся бы героем.

— Но вы предвидели это!— воскликнула она.— В чем ваш секрет? У вас прямая связь с лагерем ортодоксалов?

— Все было ясно из ситуации: отряд был брошен на произвол судьбы, комендант глупейшим образом отправился на любовное свидание; в таких условиях что-то вроде внезапного нападения неизбежно. И я просто спросил себя, какой род войск может быть использован и как можно их обнаружить. Войска ортодоксалов питаются только местными растениями, приготовленными по туземному способу. Запах этой пищи пропитал их одежду. Любой ветеран войны с Гармонии сумел бы обнаружить их тем же способом.

— Если бы его нос был достаточно чувствителен, если бы он знал, где искать...

— Было только одно место...

— Все равно,— холодно сказала она.— Дело не в этом.— Внезапно она яростно выкрикнула: — Дело в том, что Хьюго был невиновен. Вы сами это признали. Он был, даже если согласиться с вами, всего лишь глуп. А вы его убили.

Он устало вздохнул.

— Преступление, за которое был расстрелян комендант Киллиен, заключается в том, что он бросил своих людей, покинув их на вражеской территории. За это он заплатил жизнью.

— Убийца! — воскликнула она.— Уходите!

— Но,— начал он, изумленно глядя на нее,— я ведь только что объяснил...

— Вы ничего не объяснили,— холодно, как бы отдаляясь, сказала она.— Я не слышала ничего, кроме нагромождений лжи, лжи о человеке, чьи сапоги вы недостойны были чистить. Уйдете вы, или мне придется вызвать охрану?

— Вы не верите?..— начал он, глядя на нее широко раскрытыми глазами.

— Уходите,— она отвернулась от него.

Как в тумане, он повернулся, дошел до двери и вышел в коридор. Продолжая идти, он схватился за голову, как человек, который хотел бы избавиться от кошмара.

Что за проклятие тяготеет над ним? Она ведь не лгала, она не способна была на это. Она выслушала его объяснения, и они для нее ничего не значили. Все было так очевидно, так ясно — махинация Уильяма и глупость Киллиена. Она не увидела этого, даже когда Донал указал ей. Она, избранная из Культиса.

Почему? Почему? Почему?

Раздираемый сомнениями и одиночеством Донал двигался по направлению к отелю Галта.

Часть вторая

АДЪЮТАНТ

Они встретились в кабинете маршала Галта в его фриландском доме: огромная комната, высота сводчатых потолков подавляли их, когда они втроем встретились у письменного стола.

— Капитан Ллудров, это мой адъютант, комендант Донал Грим,— сказал резко Галт.— Донал, это Расс Ллудров, командир моего Голубого Патруля.

— Вы оказываете мне честь, сэр,— сказал Донал, наклоняя голову.

— Рад познакомиться с вами, Грим,— ответил Ллудров. Это был низкорослый, плотный человек около сорока лет, темнокожий, с черными глазами.

— Доналу можно сообщить всю необходимую информацию,— сказал Галт.— Итак, что сообщают ваши разведчики?

— Нет сомнений в том, что они планируют экспедиционную высадку на Ориенте.— Ллудров повернулся к столу и нажал кнопку. Поверхность стола стала прозрачной, и через нее стала видна карта системы Сириуса.— Здесь находимся мы,— сказал он, указывая на планету Фриленд.— Здесь — Новая Земля,— его палец двинулся к другой планете, такой же, как Фриленд,— А вот здесь — Ориенте,— он указал на небольшую планету вблизи звезды,— в этой позиции они находились по отношению друг к другу двенадцать дней назад. Видите, солнце будет находиться между нашими планетами, а также между каждой из наших планет и Ориенте. Они не могли избрать более выгодной тактической ситуации.

Галт буркнул что-то, изучая карту. Донал с любопытством смотрел на Ллудрова. Акцент выдавал в нем уроженца Новой Земли, и тем не менее он находился на высоком посту в вооруженных силах Фриленда. Конечно, эти две сирианские планеты были естественными союзниками, находясь на стороне старой Земли против группы Марс-Нептун-Кассида. Но именно потому, что они были так близки, между ними существовало соперничество, и офицеры одной планеты быстрее продвигались по службе у себя на родине, а не на другой планете.

— Не нравится мне это,— сказал, наконец, Галт.— Это какая-то шутка, и довольно глупая. Люди с их планеты вынуждены будут носить респираторы. И какую пользу они получат от этого плацдарма, даже если захотят его? Ориенте слишком близка к солнцу для колонизации, иначе мы сами давно колонизировали бы ее.

— Возможно,— спокойно сказал Ллудров,— они собираются организовать оттуда наступление на наши две планеты?

— Нет, нет,— голос Галта был резким и раздражительным. Его массивное лицо склонилось над картой.— Это так же нелепо, как и попытка колонизировать Ориенте. Они не смогут напасть на две большие планеты с хорошо вооруженными армиями и развитой промышленностью. Вообще завоевать цивилизованную планету невозможно. Это аксиома.

— Но они тоже могут оказаться неверными,— заметил Донал.

— Что?— спросил Галт недоуменно.— А, это Донал. Не мешай нам. По-моему,— продолжал он, обращаясь к Ллудрову,— это не что иное, как жизненное управление, вы знаете, что я имею в виду?

Ллудров кивнул. Донал непроизвольно тоже. Ни один главный штаб на планетах не соглашался на жизненные упражнения, в то же время все военные люди их признавали. Это были небольшие стычки, главным образом врукопашную, либо для того, чтобы проверить подготовку войск, либо чтобы дать понюхать пороху войскам, долго стоявшим на постоянных базах. Галт был одним из немногих старших командиров своего времени, всегда выступавших против таких операций не только в теории, но и на практике. Он считал более честным просто распустить войска в такой ситуации, как нынешняя на Гармонии, когда войска проявляют признаки утомления.

Донал соглашался с ним, хотя всегда существовала опасность, что, когда распустят войска на время, они забудут, кому служат, и предадутся грабежам.

— А что вы думаете об этом?— спросил Галт командира Патруля.

— Не знаю, сэр,— ответил Ллудров.— Мне кажется, что это единственное разумное истолкование.

— Дело в том,— вновь вмешался Донал,— что когда человек недооценивает реальную опасность, случаются самые неразумные вещи. Отсюда следует, что...

— Донал,— сухо прервал его Галт,— вы — мой адъютант, а не

военный советник.

— Однако...— настаивал Донал, но маршал остановил его не терпящим возражения голосом:

— Достаточно.

— Слушаюсь, сэр,— покорно ответил Донал.

— Ну что ж,— сказал Галт, обращаясь к Ллудрову,— отнесемся к этому, как к посланной небом возможности разбить одну или две армии Нептуно-Кассиданского флота и вооруженных сил. Возвращайтесь в Патруль, я буду присылать распоряжения.

Ллудров наклонил голову и собрался уходить, когда послышался характерный свист открывающейся пневматической двери и звук приближающихся шагов по полированному полу. Они все повернулись и увидели высокую, поразительно красивую женщину с рыжими волосами.

— Эльвин,— сказал Галт.

— Я не помешала?— спросила она.— Я не знала, что у вас посетители.

— Расс,— сказал Галт,— вы знакомы с моей племянницей Эльвин Рай? Эльвин, это командир Голубого Патруля, Расс Ллудров.

— Глубоко польщен,— сказал Ллудров, едва заметно кланяясь.

— О, мы встречались, во всяком случае, я где-то вас видела.— Она протянула ему руку, а потом повернулась к Доналу.— Донал, пойдемте со мной рыбачить.

— Сожалею,— сказал Донал,— но меня удерживают мои обязанности.

— Нет, нет,— Галт махнул своей большой рукой.— В данный момент ничего важного. Идите, если хотите.

— Тогда я к вашим услугам,— сказал Донал.

— Что за холодное отношение?! — Она повернулась к Ллудрову.— Я уверена, что командир Патруля не будет так колебаться.

Ллудров поклонился.

— Я не колеблюсь никогда, когда дело касается Рай.

— Вот,— сказала она.— Вот вам образец, Донал. Вы должны вести себя и говорить так же.

— Если разрешит служба,— сказал Донал.

— О, Донал,— она сжала руки,— вы безнадежны. Но идемте.

Она повернулась и пошла, он последовал за ней.

Ли, тот самый Ли, который командовал Третьей группой, ждал его.

— А, командир группы,— сказал Донал, пожимая ему руку,— что привело вас сюда?

— Вы, сэр,— сказал Ли. Он глядел в глаза Доналу с вызовом, это его выражение Донал помнил с самого начала.— Нужен ли вам ординарец?

Донал некоторое время смотрел на него.

— Но почему?

— Я получил на руки свой контракт, когда нас распустили после этой истории с Киллисоном,— сказал Ли.— Если хотите знать, я кутил.

Это мой крест. Без мундира я алкоголик. В мундире я чувствую себя лучше, но рано или поздно все равно вступаю в стычку с кем-нибудь... Я долго не мог понять, что мне нужно. Но, наконец, понял. Я хочу служить вам.

— Выглядите вы печально,— сказал Донал.

— Я все могу сделать, даже брошу пить. И платить мне нужно немного. Взгляните на мой контракт. Если вы возьмете меня, я буду настоящим солдатом. Я не пью, когда у меня есть работа. И я умею кое-что. Вот поглядите...

Он дружески протянул руку, как бы для рукопожатия, но внезапно в ней блеснул нож.

— Это трюк убийцы из предместий,— сказал Донал.— Так вы собираетесь служить со мной?

— С вами — нет.— Нож вновь исчез.— Потому что я хочу служить у вас. У меня странный характер, комендант: мне нужна опора. Мне нужен указатель пути, как обычным людям нужна пища, питье, дом, друзья. Это все указано в психологическом разделе моего контракта, можете посмотреть.

— Если вы говорите, зачем же мне смотреть?— сказал Донал.— Но что же это с вами?

— Я нахожусь на грани сумасшествия.— Ли говорил с ничего не выражающим выражением лица.— И это неизлечимо. Я родился с этой особенностью. Врачи сказали, что у меня нет представления о плохом и хорошем, я не могу руководствоваться абстрактными правилами. Доктор, проверявший меня, когда я впервые заключил контракт, сказал, что мне все время нужен рядом живой Бог. Если вы скажете мне перерезать горло любому встречному, я сделаю это. Скажете, чтобы я перерезал горло себе,— тоже сделаю.

— Это звучит не очень привлекательно.

— Я говорю правду. Я не могу сказать вам иного. Я похож на штык, который все время ищет свою винтовку, теперь я нашел ее, можете мне говорить. Возьмите меня на испытание, на пять лет, на десять, на весь остаток моей жизни. Но не прогоняйте меня.— Ли обернулся и указал на дверь рукой.— За ней у меня ад, комендант, а здесь— все, небеса.

— Не знаю,— медленно начал Донал.— Не знаю, смогу ли я взять на себя такую ответственность.

— Никакой ответственности.— Глаза Ли сверкнули. И Донал внезапно понял, что Ли страшно напуган: он боится отказа.— Испытайте меня. Отдайте только приказ. Прикажите лечь на пол и лаять. Прикажите мне отрубить себе левую руку. Как только мне приделают новую, я тут же буду ждать ваших приказаний.— Нож вновь сверкнул в его руке.— Хотите попробовать?

— Прекратите!— выпалил Донал. Нож исчез.— Ладно. Я беру ваш контракт. Мой номер наверху, третья дверь справа. Идите туда и ждите

меня.

Ли кивнул. Он не произнес ни слова благодарности. Он просто повернулся и вышел. Донал задумчиво покачал головой. Он ощущал почти физическую тяжесть на своих плечах. Все еще качая головой, он направился в библиотеку.

ОФИЦЕР СВЯЗИ

— Добро пожаловать на борт,— сказал капитан, человек с приятным лицом, когда Донал преодолел газовый барьер приемной камеры. Младшему капитану шел четвертый десяток. Это был черноволосый человек, выглядевший так, словно всю жизнь занимался легкой атлетикой.— Я— Элмин Клей Андерсен.

— Донал Грим.— Они отсалютовали друг другу. Затем обменялись рукопожатиями.

— У вас есть корабельный опыт?— спросил Андерсен.

— Восемнадцатидневный тренировочный рейс на Дорсае,— ответил Донал.— Командование и вооружение, но ничего из области техники.

— Командование и вооружение,— сказал Андерсен,— несложны на кораблях класса ЧЖ. Вы будете старшим после меня офицером и, если что-нибудь случится... — Он сделал ритуальный жест, дотронувшись до белой, покрытой пластиком стены.— Я вовсе не хочу, чтобы это произошло. Мой старший помощник выпутается всегда. Но вы должны быть готовы помочь нам, если что-нибудь случится.

— Конечно,— ответил Донал.

— Хотите ознакомиться с кораблем?

— Благодарю вас.

Войдя в свою каюту, Донал застал там Ли, который распаковывал свой багаж, включая подвесной гамак для себя, так как единственная койка предназначалась для Донала.

— Все в порядке?— спросил Донал.

— Все в порядке,— ответил Ли. Он хронически забывал добавлять слово «сэр», но Донал, имевший собственный опыт общения с людьми, которые требуют буквального исполнения приказаний и требований, решил на этом не настаивать.— Вы оформили мой контракт?

— У меня не было времени,— сказал Донал.— И вообще, это нельзя сделать за день. Вы ведь знаете об этом.

— Нет,— ответил Ли.— Я всегда просто отдавал свой контракт. А потом, когда подходил к концу срок службы, я получал его обратно вместе с деньгами.

— Обычно оформление занимает несколько недель или даже меся-

цев,— сказал Донал.

Он объяснил, что контракт является собственностью планеты, с которой происходит его владелец, и поэтому оформление контракта происходит при участии правительств как нанимателя и самого нанимаемого. При этом каждое правительство заботится о собственной выгоде, о том, чтобы поддержать определенное «контактное равновесие», позволяющее этой планете нанимать тех специалистов, в которых она больше всего нуждалась. И хотя Донал был частным лицом-нанимателем и мог бы сам оплатить контракт, тем не менее наем Ли осуществлялся бы с согласия правительства Дорсая, точно так же, как и планеты Коби, с которой был Ли.

— Это в значительной степени просто формальность,— заверил его Донал.— Я имею право нанять вас, так как у меня звание коменданта. И наем официально зарегистрирован. Значит, ваше правительство не может теперь отозвать вас для выполнения какого-нибудь спецзадания.

Ли кивнул, и лишь этим выразил свое облегчение.

— Вызов,— внезапно послышался голос из коммутатора в стене каюты.— Вызывается штабной офицер связи Грим. Немедленно явитесь на флагманский корабль.

Донал предупредил Ли, чтобы тот не вмешивался в дела экипажа, и вышел.

Флагманский корабль флота, состоящего из Красного и Зеленого Патрулей Космических Вооруженных Сил Фриленда, подобных кораблю класса ЧЖ, только что покинутому Доналом, находился на стационарной орбите вокруг Ориенте. Потребовалось около сорока минут, чтобы добраться до него. Когда Донал вошел в приемную камеру и сообщил свое имя и звание, ему дали сопровождающего, который провел его через весь корабль в каюту для совещаний.

В каюте находилось около двадцати офицеров связи всех званий, от унтер-офицера до помощника командира Патруля. Все они сидели, глядя на возвышение. Сразу же после прихода Донала — он, очевидно, был последним из пришедших — вошел капитан флагманского корабля в сопровождении командира Голубого Патруля Ллудрова.

— Внимание, джентльмены,— сказал капитан, и в помещении наступила тишина.— Местная ситуация такова.— Он взмахнул рукой, и стена за ним растаяла, открыв искусное изображение предстоящего сражения.

В черном пространстве плыла Ориенте, окруженная множеством кораблей разного класса. Размеры кораблей значительно увеличены, чтобы сделать их видимыми рядом с планетой, диаметр которой составлял примерно две трети диаметра Марса. И самые большие из кораблей, относящиеся к патрульному классу,— длинные цилиндры, предназначенные для межзвездных сообщений — располагались на

орбите всего от восьми тысяч до пятисот километров над поверхностью планеты, и их движение окружало Ориенте мерцающей паутиной. Облако кораблей меньших классов — ВЧЖС, курьерских кораблей, артиллерийских платформ, одноместных и двухместных лодок класса «Комар» — держалось ближе к планете, погружаясь в ее атмосферу.

— Мы считаем,— сказал капитан,— что враг на большой скорости и с внезапным торможением выйдет из временного сдвига здесь.

Облако атакующих кораблей внезапно возникло ниоткуда в полумиллионе километров ближе к солнцу. Они быстро приближались к планете, увеличиваясь в размерах. Приблизившись, они расположились на круглых орбитах. Два флота встретились, и индивидуальные движения отдельных кораблей стало трудно различать.

Атакующий флот прорвался сквозь строй защитников к планете, нежиданно выбросив тучу крошечных предметов. Это были десантные отряды. Они двинулись к планете, подвергаясь атакам маленьких кораблей, а в это время большинство атакующих с Нептуна и Кассиды начали исчезать, как гаснущие свечи: они переходили во временной сдвиг, который должен был переправить их на расстояние нескольких световых лет от места сражения.

Для хорошо тренированного профессионального восприятия Донала это была прекрасная картина, и в то же время ложная. Ни одно сражение не происходило и не будет происходить с такой балетной грацией и равновесием. Это была только предполагаемая картина, и она никогда не совпадала с действительностью из-за неизбежных приказов, индивидуальных колебаний, взаимного недопонимания, недооценки противника, навигационных ошибок, вызывающих столкновения или стрельбу по собственным кораблям. В предстоящей битве за Ориенте будут хорошие и плохие действия, мудрые решения и глупые, но все это не имело особого значения. Важен был лишь результат.

— ... Итак, джентльмены,— продолжал капитан,— таким образом представляет себе это сражение Штаб. Ваша задача, ваша личная задача, как представителей Штаба — наблюдать. Мы хотим знать все, что вы увидите, все, что сможете обнаружить, все, о чем сможете догадаться. И, конечно,— он несколько замялся и добавил с кривой усмешкой,— конечно, больше всего мы заинтересованы в пленнике.— Ответом на это был общий смех: все собравшиеся знали, насколько мала вероятность захвата пленного на разбитом корабле при скоростях и условиях космической схватки, даже если удастся его отыскать.

— Это все,— сказал капитан.

Связные офицеры встали и направились к выходу.

— Минутку, Грим.

Донал обернулся. Это был голос Ллудрова. Командир Патруля спустился с возвышения и приближался к нему. Донал пошел ему навстречу.

— Мне нужно поговорить с вами,— сказал Ллудров.— Подождем,

пока все выйдут.

Они стояли и молчали, пока не вышел последний офицер связи, а за ним и сам капитан.

— Да, сэр?— сказал Донал.

— Меня заинтересовало то, что вы сказали, вернее, собирались сказать, когда мы с маршалом Галтом обсуждали предстоящую битву на Ориенте. Что вы тогда имели в виду?

— Ничего особенного, сэр,— ответил Донал.— Штаб и маршал, несомненно, знают, что делают.

— Может, вы заметили что-то такое, чему мы не придали значения?

Донал колебался.

— Нет, сэр. Я знаю о планах противника не более, чем остальные. Просто...— Донал поглядел в темное лицо офицера, размышляя о том, стоит ли продолжать. После происшествия с Анса он остерегался рассказать о своих внезапных соображениях.— Возможно, это просто предчувствия, сэр.

— У нас у всех есть предчувствия,— с ноткой нетерпения сказал Ллудров.— Как бы вы поступили на нашем месте?

— На вашем месте?— сказал Донал, отбросив свои колебания.— Я бы напал на Нептун.

У Ллудрова отвисла челюсть. Он с изумлением смотрел на Донала.

— Клянусь небом,— сказал он наконец,— сейчас не время для шуток. Разве вы не знаете, что нельзя захватить цивилизованную планету?

Донал позволил себе слегка вздохнуть. Он сделал попытку объяснить то, что ему самому было совершенно понятно.

— Я помню: об этом говорил маршал,— начал он.— Это один из тех афоризмов, которые я со временем собираюсь опровергнуть. Однако я имел в виду вовсе не это. Я не сказал, что мы должны захватить Нептун— только напасть на него. Полагаю, что нептуниане так же чтут афоризмы, как и мы. Видя, что мы пытаемся совершить невозможное, они подумают, что мы открыли, как это сделать возможным. По их реакции мы сможем узнать многое, включая и то, что они собираются сделать с Ориенте.

Изумление на лице Ллудрова постепенно сменилось хмурым выражением.

— Всякий, кто попытается атаковать Нептун, понесет фантастические потери,— начал он.

— Только если атака будет настоящей,— прервал его Донал,— а ведь атака эта ложная. Наша задача не в том, чтобы подвергать свои корабли подлинной опасности, а в том, чтобы нарушить вражескую стратегию неожиданным действием.

— И все же,— сказал Ллудров,— даже демонстрируя ложную атаку, нападающие всегда подвергаются опасности быть уничтожен-

ными.

— Дайте мне дюжину кораблей...— начал Донал, но в этот момент Ллудров замигал, как человек, просыпающийся от глубокого сна.

— Дать вам...— сказал он и улыбнулся.— Нет, нет, комендант, мы рассуждали чисто теоретически. Штаб никогда не даст согласия на такую дикую незапланированную игру, а у меня нет права самому отдать такой приказ. И даже если бы я решился, разве мог бы я доверить командование юноше, имеющему лишь небольшой полевой опыт и никогда в жизни не командовавшему кораблем.— Он покачал головой.— Нет, Грим... Однако я согласен, что ваша идея интересна. Я еще подумаю над ней.

— Значит ли это, что?..

— Ничего не значит. Нельзя нарушать операцию, долго и тщательно планируемую нашим Штабом.— Он улыбнулся шире.— Кроме того, это навеки погубило бы мою репутацию. И все же это хорошая мысль, Грим. У вас стратегическое мышление. Я включу этот факт в свой отчет маршалу.

— Благодарю вас, сэр,— сказал Донал.

— Возвращайтесь на свой корабль.

— До свидания, сэр.

Донал отдал честь и вышел. Оставшись один, Ллудров еще некоторое время размышлял о чем-то, потом занялся своими делами.

ИСПОЛНЯЮЩИЙ ОБЯЗАННОСТИ КАПИТАНА

Говорят, что космическую схватку можно выиграть лишь в непосредственном столкновении,— размышлял Донал. Это был один из тех образцов афоризмов, которые он собирался опровергнуть при первой же возможности. Однако, стоя у экрана контрольного глаза в главной рубке ЦЧЖ и ожидая появления космических кораблей противника, он вынужден был согласиться, что с такого расстояния это выглядело бы правдой. Во всяком случае, это казалось правдой, если противник оказывает сопротивление.

Ну а что, если противник не будет защищаться? Если он предпримет нечто совершенно необычное?

— Контакт через шестьдесят секунд. Контакт через шестьдесят секунд,— заговорил коммуникатор у него над головой.

— Всем пристегнуться,— спокойно сказал в стоящий перед ним микрофон Андерсен. Он сидел рядом с первым и вторым офицерами,

дублировавшими его действия, в кресле «дантиста» у противоположной стены, наблюдая за обстановкой не на экране, как Донал, а по показаниям приборов. И тем не менее, его представление о происходящем было более полным. Громоздкий в своем жизнеобеспечивающем скафандре, Донал медленно уселся в кресло, поставленное специально для него перед экраном контрольного глаза, и пристегнул себя к креслу. Если корабль разлетится на кусочки, он сумеет продержаться в кресле. В случае удачи он выдержит на орбите Ориенте сорок или пятьдесят часов, если этому не помешает дюжина непредвиденных обстоятельств.

Он успел устроиться в кресле, прежде чем состоялся контакт. В последние несколько секунд он огляделся: его удивило невозмутимое спокойствие в этой уютной и хорошо освещенной каюте, находившейся на пороге жестокой битвы и возможного уничтожения. Больше ни о чем подумать он не успел. Корабли вражеского флота вступили в контакт, и он не отрывал взгляда от экрана.

Приказы говорили, что нужно беспокоить противника, но не приближаться к нему. А предварительная оценка потерь для нападающего составляла двадцать процентов, для обороняющихся— пять. Но все эти подсчеты не имели смысла. Они вовсе не означали, что погибнут или будут ранены двадцать или пять процентов людей. Нет. В космическом сражении это означало, что один корабль из двадцати и один из пяти будет уничтожен вместе с экипажем.

Оборонявшиеся выстроились в три линии. Первая состояла из легких кораблей. Их задача — замедлить и задержать наступающих, пока большие корабли не уравняют с ними скорость и не смогут пустить в ход оружие. Вторая линия— большие корабли на стационарных орбитах. Наконец, была еще одна линия малых кораблей, вооруженных специальными средствами на случай, если нападающие выбросят на планету десант. Донал в ЦЧЖ находился в первой линии.

Никакого предупреждения не было. Сразу началась битва. В момент контакта орудия ЦЧЖ начали огонь. Потом...

Все было кончено.

Донал мигнул и открыл глаза, стараясь вспомнить, что произошло. Он ничего не помнил. Каюта, в которой он лежал, была расколота будто огромным топором. Через тускло освещенную щель был виден ряд офицерских кают. Красная, не зависящая от корабельной сети лампа трагично мерцала над головой, свидетельствуя, что в каюте нет воздуха. Контрольный глаз перекосился, но все еще работал. Через прозрачный щиток шлема Донал увидел уменьшающиеся огни: вражеские корабли улетали к Ориенте. Он приподнялся в кресле и повернул голову к контрольному щиту.

Двое были несомненно мертвы. То, что раскололо каюту, ударило прямо в них. Погибли Андерсен и третий офицер. Коа Бени была жива, но по ее вялым и судорожным движениям Донал понял, что она тяжело ранена. И ничего нельзя было для нее сделать. Без воздуха в каюте они

все были пленниками своих скафандров.

Тренированное тело Донала начало действовать раньше, чем он успел подумать об этом. Он обнаружил, что расстегивает ремни, прикреплявшие его к креслу. Пошатываясь, он побрел через каюту, отвел в сторону мешавшую ему голову Андерсена и нажал кнопку межкорабельной связи.

— ЦЧЖ 1-29,— сказал он.— ЦЧЖ 1-29,— он продолжал повторять позывные до тех пор, пока экран перед ним не осветился и на нем не появился кто-то в шлеме с бескровным, как у мертвеца, лицом.

— К-Л,— сказал этот человек,— 23?

— Это означало: «Можете ли вы двигаться?» Донал взглянул на щит. К его удивлению, удар не затронул приборы. Они работали.

— 29,— кратко ответил он.

— М-40,— сказал его собеседник и исчез.

Донал убрал палец с кнопки связи. М-40— это «действуйте в соответствии с предварительным приказом».

Это означало, что ЦЧЖ должен сблизиться с Ориенте и начать уничтожение десантных групп противника. Донал подумал, что теперь придется выполнить невеселую работу: убрать мертвых и умирающих из их кресел у пульта.

Перемещая Коа Бени более осторожно, чем других, он заметил, что она без сознания. У нее не было видимых повреждений, но удар все же задел ее. Скафандр был цел. Он подумал, что она, возможно, еще выживет.

Сев в кресло капитана, он вызвал орудийный пост и остальные посты экипажа.

— Докладывайте,— приказал он.

Ответил орудийный пост и еще пять из восьми остальных.

— Мы идем к планете,— сказал Донал.— Все пригодные к работе должны заняться ремонтом и подачей воздуха в контрольную рубку. Сбор в кают-компании.

Наступила небольшая пауза. Затем донесся чей-то голос:

— Старший артиллерист Ордовья, я — старший артиллерист Ордовья из выживших членов экипажа. Я говорю с капитаном?

— Старший артиллерист Ордовья, я — офицер Грим, исполняющий обязанности капитана. Ваши офицеры погибли. Как старший по званию, принимаю команду на себя. Исполняйте приказания.

— Слушаюсь, сэр,— голос пропал.

Донал стал вспоминать сведения о вождении корабля. Он направил ЦЧЖ в сторону Ориенте и проверил показания приборов. Через некоторое время он заметил, что свет красной лампочки тускнеет, до него через наушники шлема донесся свист, сначала слабый, но постепенно усиливающийся. Его скафандр утратил свою твердость.

Через некоторое время кто-то тронул его за плечо. Обернувшись, он увидел бледного человека с откинутым шлемом.

— Пробоина заделана, сэр,— доложил он.— Я — Ордовья.

Донал расстегнул шлем и откинул его назад, с наслаждением вдыхая воздух.

— Посмотрите, что с первым офицером,— приказал он.— Вызовите медика.

— Медик погиб. Но есть установка для замораживания.

— Тогда заморозьте ее и пусть все вернутся на свои посты. Через пятнадцать минут мы открываем огонь.

Ордовья вышел. Донал вновь повернулся к контрольному щиту, осторожно управляя ЦЧЖ и принимая все меры к безопасности корабля... В принципе он знал, как управлять кораблем, но никто лучше его не понимал, как далеко ему до настоящего пилота или капитана.

Он напоминал человека, получившего полдюжины уроков верховой езды: он знает, что нужно делать, но ничего не делает автоматически. Там, где Андерсену достаточно было бросить взгляд и немедленно начать действовать, Доналу приходилось прочитывать показания всех приборов и осмысливать их, прежде чем принимать решения.

Потому они очень поздно подошли к границе атмосферы Ориенте. Но еще не все десантные группы противника приземлились. Донал поискал на щите кнопку противопехотных устройств и нажал ее.

Донал отыскал Ллудрова в его личной каюте, которая была немного больше каюты самого Донала на ЦЧЖ.

— Хорошо,— сказал Ллудров, вставая из-за стола навстречу Доналу. Он подождал, пока выйдет провожатый, и протянул Доналу темную руку.— Как ваш корабль добрался сюда?— спросил он.

— Своим ходом,— ответил Донал.— Удар пришелся на контрольную рубку. Все офицеры убиты.

— Все офицеры?— Ллудров пристально посмотрел на него.— Вы?..

— Я принял командование на себя. Но ничего особенного делать не пришлось. Мы лишь использовали противопехотные установки.

— Дело не в этом,— сказал Ллудров.— Значит, заключительной части сражения вы исполнили обязанности капитана?

— Да.

— Отлично. Это лучше, чем я надеялся. А теперь,— сказал Ллудров,— поговорим вот о чем. Готовы ли вы подставить себя под удар?

— Я готов попробовать,— ответил Донал.

Он посмотрел на маленького, почти уродливого командира Патруля и понял, что тот нравится ему. Покинув Дорсай, он уже начал отвыкать от подобной прямоты.

— Хорошо, если вы согласны, я тоже подставлю себя под удар.— Ллудров взглянул на дверь каюты, она была плотно закрыта.— Я нарушил распоряжение службы безопасности и отправлю вас в экспедицию вопреки приказанию Штаба.

— Службы безопасности?— повторил Донал, чувствуя неприятный

холодок за плечами.

— Да, мы теперь знаем, что скрывается за этой высадкой Нептуна-Кассиды на Ориенте... Вы знаете Ориенте?

— Изучал, конечно,— сказал Донал,— еще в школе и частично, когда прибыл из Фриленда. Температура около 78 градусов, скалы, пустыни и нечто вроде джунглей кактусов. Нет больших водных поверхностей, в атмосфере слишком много двуокиси углерода.

— Верно,— сказал Ллудров.— Они высадили там десант, и мы не можем уничтожить его. Мы думали, что это всего лишь жизненное управление и ожидали, что они через несколько дней или недель уберутся. Мы ошиблись.

— Ошиблись?

— Мы раскрыли причину их высадки на эту планету. Это совсем не то, что мы думали.

— Но ведь прошло всего четыре часа с момента высадки. Что можно было узнать за это время?

— Они использовали это время — и результат налицо. При помощи излучения нового вида они производят взрывы из множества излучателей, быстро перемещаются и снова взрывают. А взрывы их затрагивают Сириус. Мы отметили увеличение солнечной активности.— Он замолчал и посмотрел на Донала, как бы ожидая его комментария.

Донал обдумывал положение.

— Погодные изменения?— спросил он, наконец.

— Вот именно,— энергично ответил Ллудров, как будто Донал был учеником, неожиданно ответившим верно.— Метеорологи считают, что это серьезная угроза. И мы уже знаем их цену за устранение этой угрозы. Они требуют изменения торговых отношений с Новой Землей.

Донал кивнул. Он не удивился, что между воюющими планетами поддерживаются торговые отношения. Это было нормальной формой межзвездного существования. А приливы и отливы специалистов на договорных базах были кровообращением цивилизации. Планета, которая попыталась бы обходиться своими силами, была бы брошена на много лет назад и в конце концов вынуждена была бы покупать специалистов по убийственным ценам. Развитие означало торговлю специалистами, а это означало контракты. И каждая планета старалась для себя добиться наилучших условий.

— Они требуют свободной торговли и большого комиссионного вознаграждения,— сказал Ллудров.

Донал пристально посмотрел на него. Открытая торговля контрактами помимо воли людей была начата около пятидесяти лет назад. Она означала спекуляцию человеческими жизнями. Она уничтожала остатки независимости и безопасности индивидуума и приравнивала его к домашнему скоту или скобяному товару, который можно было продать любому, кто больше заплатит. Дорсай вместе с Экзотикой, Марой и

Культисом всегда боролись против такой торговли. Однако для таких планет, как Нептун и Кассида, входивших в венерианскую группу, а отчасти для Френдлиз и Коби, свободная торговля была бы удобным орудием в руках правящих группировок, для миров же типа Фриленда она была бы ударом.

— Понятно,— сказал Донал.

— У нас три возможности,— сказал Ллудров.— Во-первых, принять их условия, во-вторых, страдать от изменений погоды, пока не удастся собрать силы и изгнать их с Ориенте. Или же, наконец, заплатить каким-то количеством жизней, но попытаться немедленно освободить Ориенте. Мое мнение: начинать игру. Это, конечно, мое мнение, а вовсе не Штаба. Они вообще ничего не знают об этом замысле. И не узнают пока. Вы согласны осуществить свой замысел атаки Нептуна?

— С удовольствием,— быстро ответил Донал, глаза его засверкали.

— Приберегите свой энтузиазм, пока не дослушали до конца,— сухо сказал Ллудров.— Нептун постоянно стерегут 90 кораблей первого класса, я же смогу дать вам лишь пять.

КОМАНДИР ПАТРУЛЬНОГО ОТРЯДА-I

— Пять,— сказал Донал. Он почувствовал холодок на спине. После первого разговора с Ллудровым он более тщательно обдумывал предполагаемую экспедицию. Его план был рассчитан на компактный небольшой флот из 30 кораблей первого класса, построенных треугольником и разбитых на три отряда по десять кораблей в каждом.

— Как вы понимаете,— объяснил Ллудров,— это совсем не все корабли, которыми я располагаю, даже с учетом потерь у меня более 70 кораблей в Голубом Патруле. Но я даю лишь те корабли, с капитанами которых у меня лично хорошие отношения, которые вызвались добровольцами по моему слову и не испугались наказания Штаба по возвращении. Иначе я не дал бы вам и этих кораблей.— Он взглянул на Донала.— Ну что ж, я знаю: это невозможно, забудьте об этом разговоре.

— Я могу рассчитывать на их подчинение, сэр?— спросил Донал.

— Это единственное, что я могу вам гарантировать.

— Тогда придется импровизировать,— сказал Донал.— Я отправлюсь с ними, оценю ситуацию и только тогда приму решение.

— Значит, решено?

— Решено.

— Тогда...— Ллудров встал и через весь корабль повел Донала к люку. Через люк они перешли в маленький курьерский корабль, ожидавший их. Он доставил их на корабль первого класса за пятнадцать

минут.

Войдя в большую, освещенную сложными и многочисленными приборами контрольную рубку корабля, Донал увидел там ожидавших его пять старших капитанов. Ллудров обменялся салютом с седовласым властным человеком, ответившим на приветствие от имени всех остальных капитанов.

— Капитан Ваинерман,— сказал Ллудров, знакомя его с Доналом,— капитан Грим.

Донал поразился своему быстрому повышению. Раздумывая о более важных вещах, он забыл, что такое повышение было необходимо. Вряд ли можно поставить связного офицера с сухопутным званием коменданта командовать капитанами космических кораблей первого класса.

— Джентльмены,— сказал Ллудров, обращаясь к собравшимся капитанам.— Ваши пять кораблей образуют новый Патрульный отряд. Ваш новый командир — капитан Грим. Вы отправитесь в разведывательную экспедицию в центр вражеской территории и выполните там определенную работу. Особо должен подчеркнуть, что капитану Гриму предоставлены чрезвычайные права. Вы обязаны выполнять любой его приказ без вопросов. Есть ли у вас сейчас вопросы ко мне?.. Пока я не передал командование?

Пять капитанов молчали.

— Отлично.— Ллудров провел Донала вдоль линии.— Капитан Грим. Это капитан Асейни.

— Польщен,— сказал Донал, пожимая руку.

— Капитан Коул.

— Польщен.

— Капитан Сукая-Мандез.

— К вашим услугам, капитан.

— Капитан Эл Мен.

— Польщен,— сказал Донал. На него глядел тридцатипятилетний дорсаец с лицом, покрытым шрамами.— Мне кажется, что я знаю вашу семью, капитан. Южный континент, что вблизи Тамплина, верно?

— Вблизи Бриджворта, сэр,— ответил Эл Мен.— Я слышал о Гримах.

Донал двинулся дальше.

— И капитан Рус.

— Польщен.

— Ну что ж,— сказал Ллудров, делая шаг в сторону.— Передаю командование в ваши руки, капитан Грим. Вам потребуется какое-либо оружие, специальное вооружение?

— Торпеды, сэр,— ответил Донал.

— Я прикажу отделу вооружения снабдить вас торпедами,— сказал Ллудров и ушел.

Через пять часов пять кораблей специального Патрульного отряда, погрузив несколько сотен торпед, вышли в глубокий космос. По же-

ланию Донала они оставили базу как можно быстрее, чтобы никто не мог отменить приказ об экспедиции. Вместе с торпедами на борт явился Ли: Донал понимал, что его ординарец остался на борту ЦЧЖ. Ли прошел через схватку удачно, он лежал, прижавшись к своему гамаку, в наиболее пострадавшей секции корабля. Донал дал ему инструкцию.

— Я хочу, чтобы вы все время находились со мной,— сказал он.— Я сомневаюсь, чтобы вы мне понадобились, но если потребуется, вы должны быть рядом.

— Я буду рядом,— ответил Ли без всякого выражения.

Они разговаривали в каюте командира Патруля, предоставленной Доналу. Донал отправился в контрольную рубку корабля, Ли следовал за ним. Войдя в этот главный центр корабля, Донал обнаружил, что все трое корабельных офицеров под наблюдением Ваннермана расчитывают временной сдвиг.

— Сэр,— сказал Ваннерман, когда Донал вошел.

Глядя на него, Донал вспомнил своего преподавателя математики в школе; внезапно и болезненно он ощутил собственную молодость.

— Все готово к временному сдвигу?— поинтересовался Донал.

— Будет готово через две минуты. Поскольку вы не дали указаний на особый расчет, компьютер рассчитал кратчайший путь. Мы проделали обычные расчеты, чтобы избежать столкновения с каким-либо объектом. Прыжком на четыре светогода, сэр.

— Хорошо,— сказал Донал.— Идем со мной, Ваннерман.

Он направился к большому сложному контрольному глазу, занимающему центр контрольной рубки, и нажал кнопку. На экране появилось изображение, переданное из корабельной библиотеки. Освещенная лучами звезды типа ЖО, в пространстве плыла бело-зеленая планета с двумя спутниками.

— Апельсин и две косточки,— сказал Ваннерман, который, как уроженец лишенного спутников Фриленда, не любил естественных лун.

— Да,— сказал Донал.— Нептун.— Он посмотрел на Ваннермана.— Как близко мы сможем подойти к нему?

— Сэр?— сказал Ваннерман, глядя прямо на него. Донал встретил его взгляд. Ваннерман вновь перевел взгляд на экран.

— Мы сможем подойти так близко, как пожелаете, сэр,— ответил он.— Оказавшись после прыжка в глубоком космосе, мы остановимся и точно определим наше положение. Ну, а точное положение всех цивилизованных планет уже определено. Чтобы выйти в безопасное удаление от кораблей защиты...

— Я не спрашиваю вас о безопасном удалении от кораблей защиты,— спокойно сказал Донал.— Я спрашиваю: как близко?

Ваннерман вновь посмотрел на него. Лицо его не побледнело, но в глазах появилось какое-то печальное выражение. Несколько секунд он глядел на Донала.

— Как близко?— повторил он.— На два диаметра планеты.

— Благодарю вас, капитан,— сказал Донал.

— Сдвиг через десять секунд,— послышался голос первого офицера.

Начался отсчет: девять секунд, восемь секунд, шесть, пять, четыре, три, две, одна, сдвиг!

Наступил временной сдвиг.

— Да,— сказал Донал, как будто ничто не прерывало их разговора,— отсюда, из этой пустоты, мы должны все подготовить для маневра и тренироваться в нем. Созовите всех капитанов на совещание, капитан.

Ваннерман подошел к контрольному щиту и нажал кнопку вызова. Через пятнадцать минут, отпустив всех младших офицеров, капитаны собрались в контрольной рубке флагманского корабля, и Донал объяснил им свой замысел.

— Для всех,— сказал он,— наш Патруль отправился в разведку. На самом деле мы должны изобразить нападение на Нептун.

Он подождал немного, чтобы смысл его слов дошел до них, потом продолжил объяснение.

Они создадут модель планеты при помощи имеющегося на корабле оборудования. Потом приблизятся к этой планете, изображающей Нептун, разными способами и с разных направлений: вначале один корабль, потом два вместе, потом серия одиночных кораблей и так далее. Они должны, появившись у планеты, выпустить одну или две торпеды и немедленно вновь перейти во временной сдвиг. У жителей планеты должно создаться впечатление, что атакует целый флот, стремящийся охватить разрывами торпед поверхность планеты.

При этом торпеды предназначены не для разрушения кораблей защиты и не для взрывов на поверхности. Они должны создать впечатление переносчика особой радиации или вещества, которое постепенно окутывает планету.

И выходы из сдвига должы быть рассчитаны таким образом, чтобы, благодаря постоянным возвращениям пяти кораблей, они произвели впечатление большого флота.

— У кого есть возражения или замечания? — спросил, закончив объяснения, Донал.

За группой капитанов он видел Ли, прислонившегося к стене контрольной рубки и глядевшего своими ничего не выражающими глазами.

Быстрого ответа не последовало. Потом медленно заговорил Ваннерман, как бы взявший на себя обязанности говорить от имени всей команды.

— Сэр,— сказал Ли,— каковы шансы столкновения с кораблями?

— Они велики, я знаю,— сказал Донал.— Особенно с кораблями защиты. Но мы постараемся этого избежать.

— Разрешите спросить: сколько возвращений нам придется сделать?

— Сколько сможем,— Донал осмотрел собравшихся.— Я хочу, чтобы вы поняли меня, джентльмены. Мы примем все возможные меры предосторожности, чтобы избежать столкновения и гибели кораблей. Но если этого не избежать, придется рискнуть.

— А на сколько возвращений рассчитываете вы сами, капитан?— спросил Сукая-Мандез.

— Я думаю, что нам удастся создать иллюзию нападения большого флота только непрерывными возвращениями и бомбардировкой в течение двух часов.

— Два часа?— сказал Ваннерман. Негромкий ропот раздался среди собравшихся.— Сэр,— продолжал Ваннерман,— даже если на одно возвращение положить пять минут, то это означает, что каждый корабль в течение часа должен появиться у планеты дважды. Из-за случайностей и возможного нападения противника это число нужно удвоить. Значит, корабль за час должен испытать восемь временных сдвигов, а за два часа — шестнадцать. Сэр, даже если мы напичкаем свои экипажи медикаментами по уши, никто этого не выдержит.

— Вы знаете кого-нибудь, кто пытался сделать это, капитан?— спросил Донал.

— Но, сэр...— начал Ваннерман.

— Откуда же вы знаете, что это невозможно?— Донал не стал ждать ответа.— Мы и должны это сделать. Наша задача будет заключаться лишь в том, чтобы управлять кораблем и выпускать по две торпеды. Это легче, чем участвовать в сражениях, и не требует никаких усилий со стороны экипажа.

— Труй Дорсай,— пробормотал изуродованный Эл Мен. Донал взглянул на него с благодарностью за поддержку.

— Кто еще хочет говорить?— резко спросил Донал. Послышалось негромкое, но выразительное бормотание. Капитан молчал.

— Хорошо,— сказал Донал.— Тогда немедленно приступайте к подготовке. Вы свободны, джентльмены.— Он подождал, пока капитаны остальных четырех кораблей покинут контрольную рубку.— Хорошо накормите экипаж и дайте ему отдохнуть,— сказал он, обращаясь к Ваннерману.— И отдохните сами. И пошлите, пожалуйста, два обеда в мою комнату.

Донал повернулся и вышел из контрольной рубки, за ним, как тень, последовал Ли. Кобианин молчал, пока они не оказались в своей каюте, потом проворчал:

— Что он хотел сказать, обвиняя вас в трусости?

— В трусости? — Донал удивленно обернулся.

— Труй, трус, что-то такое он сказал.

— А...— Донал улыбнулся.— Это не оскорбление. Наоборот, это была поддержка. Он сказал: «Труй Дорсай». Это значит: « Да здравствует Дорсай!».

КОМАНДИР ПАТРУЛЬНОГО ОТРЯДА-II

Нептун никогда это не забудет.

Над второй после Венеры в техническом развитии планетой, некоторые говорили даже, что она первая, над планетой с огромными материальными богатствами, с огромными запасами знаний, над планетой, самодовольно созерцающей свой космический флот, над этой планетой появилась тень захватчиков. Жители планеты под защитой девяноста кораблей на стационарных орбитах были, как всегда, убеждены в своей безопасности,и вот уже в небе над ними корабли вражеского флота бомбардировали их, но чем?

Нет, Нептун никогда не сможет этого забыть. А для людей в пяти кораблях начался счет возвращений. Первое их появление над планетой напоминало обычное упражнение. Все девяносто кораблей защиты были здесь, так же как и масса мелких кораблей. Они, вернее, большинство из них, так как некоторые находились на противоположной стороне планеты, отразились в приборах фрилендских кораблей. И это было все. Даже вторичное появление прошло безо всяких препятствий. Но когда корабль Донала начал готовиться к третьему возвращению, Нептун загудел, как растревоженный улей.

Пот стекал с лица Донала, когда они вновь появились в пространстве вблизи Нептуна. И не только нервное возбуждение вызвало его. Физическая встряска от пяти временных сдвигов отразилась на состоянии всех членов экипажа. В момент появления последовал сильный толчок, стены контрольной рубки задрожали, но корабль продолжал действовать.

Он выпустил две торпеды и исчез в безопасности шестого временного сдвига.

— Повреждения?— спросил Донал и был поражен, услышав свой собственный хриплый голос. Он сглотнул и вновь повторил более обычным голосом.— Повреждения?

— Повреждений нет,— отозвался офицер от контрольного щита.— Был близкий разрыв.

Донал поднял глаза на экран. Появился второй корабль. За ним третий. Четвертый. Пятый.

— Все сначала,— резко приказал Донал.

Короткий двухминутный отдых и вновь болезненное состояние временного сдвига.

В экране глаза при увеличении Донал неожиданно увидел два

нептунианских корабля, приближавшихся к ним: один ниже и ближе к поверхности планеты, второй — в одной плоскости с ним.

— Защитный...— начал Донал, но орудия корабля не дождались его приказа. Компьютеры мгновенно выдали расчет. Ближайший к ним нептунианский корабль вдруг раскололся, как воздушный шар, и начал падать.

— Временной сдвиг.

Каюта плыла перед затуманенным взором Донала, он почувствовал приступ тошноты и тут же услышал, как кого-то рвет у контрольного щита. Он напряг свои силы, борясь с предательской слабостью.

« Ты это предвидел, ты все это предвидел»,— твердил он себе, как заклинание. Каюта прекратила свое вращение, тошнота слегка отступила.

— Время. — Это слабый голос Ваннермана. Донал мигнул и постарался сосредоточиться на экране глаза. Резкий запах собственного пота ударил ему в ноздри, а может, комната вся пропиталась запахом пота их всех.

В глазе он видел, как один за другим появились корабли. Вот и последний, пятый.

— Повторить,— хрипло приказал он.— На этот раз опустимся ниже.

От контрольного щита донесся сдавленный звук, похожий на рыдание, но Донал даже не повернул головы.

ОПЯТЬ ВРЕМЕННОЙ СДВИГ.

Мерцание планеты внизу. Резкий толчок. Еще один.

ОПЯТЬ ВРЕМЕННОЙ СДВИГ.

Контрольная рубка вся в тумане. Нет, это муть в глазах. Заставить себя смотреть. Не поддаваться слабости.

— Повреждения?

Нет ответа.

— Повреждения?

— Небольшая пробоина в кормовой части. Уже загерметизирована.

— Повторить.

— Капитан,— это голос Ваннермана.— Мы не можем больше. Один из наших кораблей...

Взгляд в глаз. Прекратить дрожь. Да, не хватает одного.

— Который?

— Я думаю,— это, задыхаясь, говорит Ваннерман,— Мандез.

— Повторить.

— Капитан, вы не можете...

— Тогда давайте мне связь со всеми.— Пауза.— Вы меня слышите? Связь со всеми.

— Вы на связи, капитан,— это уже чей-то другой голос.

— Говорит капитан Грим.— Кваканье и сипение. Неужели это действ..тельно говорит он?— Я вызываю добровольцев, нужно еще одно

возвращение. Только добровольцев. Говорите, кто согласе
Долгая пауза.
— ТРУЙ ДОРСАЙ.
— Труй, Эл Мен. Кто еще?
— Сэр, остальные два не отвечают,— это Ваннерман.
Взгляд в глаз. Сосредоточиться. Верно. Два корабля выходят из строя.
— Значит, остаются два, Ваннерман?
— Как прикажете, сэр.
— Возращаемся.
Пауза.
ВРЕМЕННОЙ СДВИГ
Качающаяся планета, удар. Подступает чернота. Прочь ее.
— Уберите ее.— Пауза.— Ваннерман.
Слабый ответ:
— Да, сэр...
ВРЕМЕННОЙ СДВИГ
ТЕМНОТА...
— Встать.

Чей-то насмешливый и резкий шепот в ушах Донала. Лежа с закрытыми глазами, он удивился, кто бы это мог быть. Он услышал этот приказ вновь, потом еще раз. Медленно он начал понимать, что это его собственный приказ себе.

Он с трудом открыл глаза. В контрольной рубке мертвая тишина. В контрольном глазе на полном увеличении видны три маленькие черточки — корабли, далеко разлетевшиеся друг от друга. Негнущимися пальцами Донал начал отстегивать застежки, крепившие его к креслу. Одна за другой они поддались. Он сполз с кресла и опустился на колени.

Покачиваясь, испытывая сильное головокружение, он встал на ноги. Повернувшись к пяти креслам контрольного пульта, он с трудом двинулся к ним.

В четырех креслах находились Ваннерман и три его офицера — все без сознания. Лицо Ваннермана было молочно-бледным. Он, казалось, не дышал.

В пятом кресле на привязанных ремнях висел Ли. Глаза его были широко открыты, он следил за приближением Донала, с уголка его рта стекала струйка крови. Видимо, Ли, как попавшее в западню животное, пытался просто разорвать ремни и подбежать к Доналу. Когда Донал подошел к нему, Ли попытался заговорить, но он смог произнести лишь несколько неразборчивых звуков, и кровь сильнее побежала из его рта.

Наконец, ему удалось выговорить:
— Вы не пострадали?
— Нет,— просипел Донал.— Посидите спокойно с минуту. Что с вашим ртом?

— Язык,— пробормотал Ли.— Я в порядке.

Донал расстегнул привязные ремни и руки его раскрыли рот Ли. Ему понадобилась немалая сила, чтобы сделать это. Еще немного крови и Донал увидел: язык Ли был сильно поврежден.

— Не разговаривайте,— приказал Донал.— Не трогайте язык, пока немного не заживет.

Ли кивнул безо всякого выражения и начал выбираться из кресла. Пока он это делал, Донал успел расстегнуть ремни в кресле третьего офицера. Он извлек его и положил на пол. Донал не ощутил биения сердца. Он начал делать ему искусственное дыхание, но при первых же усилиях у него закружилась голова и он вынужден был остановиться. Он медленно выпрямился и начал освобождать Ваннермана.

— Помогите второму, если сможете,— сказал он Ли. Тот, пошатнувшись, выпрямился и принялся освобождать второго офицера.

Вдвоем они положили трех фрилендеров и сняли с них шлемы. Ваннерман и второй офицер начали приходить в себя, и Донал решил попытаться вновь сделать искусственное дыхание третьему. Но, дотронувшись, он почувствовал, что тело его уже остывает.

Тогда он занялся первым офицером, все еще находящемся без сознания. Через некоторое время первый офицер начал дышать глубже и спокойнее, глаза его открылись. Но по взгляду было видно, что он не понимает, где находится, и не узнает окружающих.

— Как вы себя чувствуете?— спросил Донал Ваннермана.

Фрилендский капитан попытался приподняться на локтях. Донал помог ему, а потом вдвоем с Ли они вначале посадили Ваннермана в кресло и помогли встать.

Глаза Ваннермана, как только он открыл их, устремились на контрольный щит. Сразу же, ни слова не говоря, он наклонился к щиту и нажал кнопку.

— Все корабельные секции,— прохрипел он в микрофон.— Докладывайте.

Ответа не было.

— Докладывайте,— повторил он. Его указательный палец дотронулся до другой кнопки, и тревожный металлический звон раздался на корабле. Он прекратился, и из усилителя донесся слабый голос:

— Докладывает четвертая орудийная секция, сэр... Битва над Нептуном закончилась.

ГЕРОЙ

Сириус садился, маленький яркий диск белого карлика, который жители Фриленда и Новой Земли называют множеством различных имен, бросил на стену спальни Донала зайчика. Донал сел, окунувшись в двойной свет, надел спортивные шаровары и принялся разбирать множество посланий, пришедших на его имя со времени их рейда на Нептун.

Он погрузился в это занятие и ни на что не обращал внимания, пока Ли не положил руку на его плечо, коричневое от загара.

— Пора одеваться на прием,— сказал кобианин. В руках у него был серый мундир — брюки и китель во фрилендском стиле. На мундире не было ни одного знака отличия.

— У меня для вас несколько новостей. Прежде всего, ОНА здесь.

Донал нахмурился, надевая мундир. Эльвин решила, что должна заботиться о нем после его возвращения из госпиталя, где он лечился от последнего набега на Нептун. Она была убеждена, что он все еще страдает от сверхдозы временных сдвигов, через которые они все прошли. Мнение медиков и самого Донала были противоположными, но она настаивала на своем с такой энергией, что Донал иногда испытывал желание вновь испытать временной сдвиг. Хмурое выражение исчезло с его лица.

— Я думаю, что скоро этому наступит конец,— сказал он.— Что еще?

— Этот Уильям из Сеты, которым вы так интересовались,— ответил Ли.— Он будет на приеме.

Донал резко повернул голову. Однако Ли просто продолжал свое сообщение. Лицо его было лишено даже тех слабых следов экспрессии, которую Донал за последние недели научился в нем различать.

— Кто сказал вам, что я интересуюсь Уильямом?— спросил он.

— Вы всегда прислушиваетесь к разговорам о нем,— ответил Ли.— Мне не следует упоминать об этом?

— Нет, все равно,— сказал Донал.— Вы и в будущем должны рассказывать о нем все, чего я не знаю. Но я не думал, что вы так наблюдательны.

Ли пожал плечами. Он держал китель, который надевал Донал.

— Откуда он прибыл?— спросил Донал.

— С Венеры. С ним нептунианин, длинный молодой пьяница по имени Монтор. И девушка — одна из особых людей с Экзотики.

— Избранная из Культиса?

— Да.

— Что они здесь делают?

— Уильям ведет переговоры на высшем уровне,— сказал Ли.— Как же он может не быть на вашем приеме?

Донал вновь нахмурился. Он умудрился забыть, что это в его честь сегодня вечером собираются несколько сот наиболее известных людей планеты. Да, не ожидал он, что из него сделают своеобразное шоу. Социальные правила делали невежливым простое любопытство.

Но косвенное... Теоретически вы оказываете честь человеку, пользуясь его гостеприимством. А так как Донал очень мало желал проявлять гостеприимство, эту роль за него исполнял маршал. Тем не менее, это был тот случай, когда Доналу приходилось действовать вопреки своему желанию.

Он отбросил эти мысли и вернулся к Уильяму. Если только этот человек посетит Фриленд, немыслимо, чтобы он не был приглашен, и столь же трудно представить то, что он отказался бы от приглашения. Так что, все естественно. Возможно, подумал Донал с необычной для его возраста усталостью, что я воюю с тенями. Но даже в момент формирования этой мысли он знал, что она неверна. Это сказала ему его странность. Теперь более ощутимая, чем даже физическая встряска, полученная во время нептунианского сражения от многочисленных сдвигов. То, что раньше было туманным и расплывчатым, начало теперь материализовываться и обретать сложный рисунок с Уильямом в центре, и этот рисунок совсем не нравился Доналу.

— Рассказывайте мне все, что можете узнать об Уильяме,— сказал он.

— Хорошо,— ответил Ли.— И о нептунианине?

— Да, и о девушке с Экзотики.

Донал закончил одеваться и через защитный проход вошел в кабинет маршала. Там была Эльвин, маршал и гости: Уильям и Анеа.

— Я не помешал?— спросил Донал.

— Входите, Донал,— позвал Галт, когда тот заколебался у входа.— Вы, конечно, помните Уильяма и Анеа?

— Я не смог бы забыть,— ответил Донал, подходя и пожимая руку. Улыбка Уильяма была теплой, его рукопожатие крепким, но рука Анеа была холодной, а улыбка неестественной. Донал заметил, что Эльвин внимательно следила за ним, какое-то слабое предчувствие появилось у него.

— Я ведь говорил, что мы увидимся,— заметил Уильям.— Должен извиниться перед вами, Донал. На самом деле я явно недооценивал ваш гений.

— Вовсе не гений,— ответил Донал.

— Гений,— настаивал Уильям.— Скромность — удел маленьких людей.— Он открыто улыбнулся.— Конечно, вы понимаете, что этот набег на Нептун сделал вас сверхновой звездой на нашем военном горизонте.

— Я должен следить, чтобы ваша лесть не вскружила мне голову, принц,— Донал сказал это с тайным умыслом. Первая же ремарка Уильяма заставила его почувствовать себя свободным. Не волки среди людей смущали его и приводили в замешательство. Те, кто от природы были созданы для обмана и интриг, были ясны для Донала. Возможно, подумал он, в этом причина, почему ему всегда легче иметь дело с мужчинами, чем с женщинами: мужчины меньше склонны к самообману. Но тут его внимание привлекли слова Анеа.

— Вы скромны,— сказала она, но два красных пятна на обычно бледном лице и недружелюбные глаза противоречили ее словам.

— Возможно,— сказал он как можно легкомысленнее,— это потому, что я не вижу ничего особенного в том, что совершил. И любой сделал бы то же самое, и вообще, несколько сот человек были там со мной.

— О, но ведь идея-то была ваша,— вмешалась Эльвин.

Донал засмеялся.

— Верно,— сказал он,— вот за идею я и обязан расплачиваться.

— Ну, что ж,— сказал Галт, видя, что разговор принимает нежелательный оборот,— пора присоединиться к гостям, мой Донал. Вы идете?

— Я сейчас приду,— спокойно ответил Донал.

— Поищите мне чего-нибудь выпить, лучше всего дорсайского виски,— обратился он к Ли.

Ли повернулся и вышел из комнаты. Вернулся он через несколько секунд со стаканом в форме тюльпана, в стакане было не меньше децилитра бронзового виски. Донал сделал глоток и ощутил огонь в горле.

— Что-нибудь узнали об Уильямс?— он отдал стакан Ли.

Тот покачал головой.

— Ничего удивительного,— пробормотал на это Донал. Он нахмурился.— Видели ли вы Ар-Делла, нептунианина, прибывшего вместе с Уильямом?

Ли кивнул.

— Можете показать, где его найти?

Ли кивнул. Он провел Донала по террасе, потом вниз и открыл дверь библиотеки. Здесь, в одной из маленьких выгородок для чтения, Донал обнаружил Ар-Делла с бутылкой и несколькими книгами.

— Спасибо, Ли,— сказал Донал. Ли ушел. Донал сел напротив Ар-Делла и его бутылки.

— Приветствую вас,— сказал, взглянув на него, Донал.

— Приветствую и вас,— ответил Ар-делл. Он был лишь слегка пьян по своим стандартам.— Я надеялся, что смогу поговорить с вами.

— Почему же вы не пришли ко мне?— спросил Донал.

— Нельзя.— Ар-Делл наполнил свой стакан и поискал другой, но обнаружил лишь вазу с маленькими местными разновидностями лилий. Цветы он бросил на стол, наполнил вазу и вежливо протянул ее Доналу.

— Спасибо, не нужно,— сказал Донал.

— Все равно держите. Мне не нравится пить в присутствии непьющего человека! А с выпивкой легче понять друг друга.— Он взглянул на Донала с одним из своих всхлипов-усмешек.— Он опять взялся за старое.

— Кто, Уильям?

— Кто же еще?— Ар-Делл глотнул.— Но что же он собирается делать с Протектором Блейном?— Ар-Делл покачал головой.— Это человек ученый. Стоит нас вместе взятых. Не могу видеть, как он обводит Блейна вокруг пальца... и тем не менее...

— К сожалению,— сказал Донал,— мы все связаны своими контрактами. А в этом деле Уильям разбирается лучше всех.

— Но ведь иногда он совершает бессмысленные поступки.— Ар-Делл повертел напиток в стакане.— Возьмите меня. Почему он не хочет, чтобы я погиб? Но он не хочет этого.— Он хихикнул.— Я испугал его недавно.

— Вы?— спросил Донал.— Каким образом?

Ар-Делл щелкнул по стакану.

— Этим. Он боится, что я убью себя. Он, очевидно, этого не хочет.

— Но чего он хочет в дальнейшем?— спросил Донал.— Вообще, чего он хочет?

— Кто знает? Бизнес. Больше бизнеса. И контракты. Большие контракты. Соглашения со всеми правительствами, палец в каждом горшке меда. Таков наш Уильям.

— Да,— сказал Донал. Он отодвинул кресло и встал.

— Посидите,— сказал Ар-Делл.— Поговорите еще. Вы никогда не сидите больше нескольких секунд. Клянусь миром, вы— единственный человек среди звезд, с которым я могу разговаривать.

— Мне очень жаль,— сказал Донал, но сейчас у меня другие дела. Может, настанет такой день, когда мы сможем спокойно посидеть и поговорить.

— Сомневаюсь,— ответил Ар-Делл,— сильно сомневаюсь.

Когда Донал уходил, Ар-Делл задумчиво глядел на бутылку.

Донал отправился на поиски маршала, но неожиданно обнаружил Анет. Девушка стояла на маленьком балконе и смотрела вниз, в зал, со странным выражением — смесью усталости и страстного ожидания чего-то.

Донал подошел, и она обернулась при звуке его шагов. Выражение ее глаз изменилось.

— Это опять вы,— сказала она отнюдь не доброжелательным тоном.

— Да,— резко ответил Донал.— Я рассчитывал отыскать вас позже, но сейчас слишком хорошая возможность для разговора, чтобы упустить ее.

— Слишком хорошая?

— Я имею в виду то, что вы одна... Я могу говорить с вами

конфиденциально,— с нетерпением добавил он.

Она покачала головой.

— Нам не о чем говорить.

— Не говорите глупостей,— сказал Донал.— Конечно, есть о чем, если только вы не перестали бороться с Уильямом.

— Нет! — слово резко вылетело из ее уст, глаза вспыхнули.— Кто вы такой?— яростно воскликнула она.— Кто дал вам право заниматься моими делами?

— Обе мои бабушки родом с Мары,— сказал он.— Возможно, поэтому я чувствую ответственность за вас.

— Не верю,— выпалила она.— Вы не можете быть связаны с Марой. Вы...— она запнулась, подыскивая слово.

— Да?— он угрюмо улыбнулся.— Кто я?

— Вы — наемник,— с триумфом ответила она, найдя, наконец, слово, которое в ее понимании могло задеть его.

Он был рассержен, но постарался справиться со своим гневом. Девушка обладала способностью пробивать его защиту, добираясь до самой глубины, чего никогда не смог бы сделать человек типа Уильяма.

— Дело не в этом,— сказал он.— Мой вопрос касается вас с Уильямом. Последний раз, когда мы виделись, я посоветовал вам не вмешиваться в его интриги. Последовали ли вы моему совету?

— Я не обязана отвечать вам на этот вопрос и не буду.

— Значит,— сказал он неожиданно уверенно,— вы прекратили. Рад узнать об этом.— Он повернулся, чтобы уйти.— Теперь я вас оставлю.

— Подождите минутку!— воскликнула она. Он вновь повернулся к ней.— Я делаю это не ради вас,— сказала она.

— Что делаете?

К его удивлению, она опустила глаза.

— Случилось так, что ваши мысли совпали с моими.

— О, у меня просто здравый смысл,— возразил он.

— Он продолжал свои интриги... а я прикована к нему на следующие десять лет.

— Оставьте мне это,— сказал Донал.

Она открыла рот.

— Вы?..— сказала она. Ее удивление было так велико, что слово выдало ее слабость и усталость.

— Я позабочусь об этом.

— Вы позаботитесь,— воскликнула она. На этот раз слово было произнесено по-другому.— Вы будете сопротивляться такому человеку, как Уильям...— Она внезапно оборвала себя и отвернулась.

— О,— гневно сказала она,— я знаю, почему я так слушаю вас, как будто вы говорите искренне... а ведь я знаю, что вы за человек.

— Вы ничего не знаете,— вновь раздражаясь, ответил он.— Я кое-что совершил с тех пор.

— О, да,— сказала она,— вы расстреляли человека и бом-

бардировали планету.

— До свидания,— устало сказал он и отвернулся. Донал прошел через множество помещений и разыскал наконец маршала в его кабинете, на этот раз одного.

— Можно войти, сэр?— спросил он у дверей.

— В чем дело, мальчик?— спросил маршал. Он поднял свою тяжелую голову и внимательно посмотрел на Донала.— Что случилось?

— Множество происшествий,— согласился Донал. Он поставил кресло против стола Галта и сел в него.— Могу я спросить: Уильям явился сюда вечером с намерением заключить с вами какую-нибудь сделку?

— Спросить можете,— ответил Галт, кладя массивные руки на стол,— но я не знаю, смогу ли я вам ответить.

— Конечно, вы можете не отвечать,— сказал Донал,— но я должен сказать вам, что, по моему мнению, крайне неразумно заключать сейчас какую бы то ни было сделку с Сетой и в особенности с Уильямом.

— А откуда же взялось у вас такое мнение?— спросил Галт с заметной иронией.

Донал колебался.

— Сэр,— сказал он через секунду.— Вынужден напомнить вам, что я был прав на Гармонии и прав относительно Нептуна, я могу оказаться прав и сейчас.

Маршал был вынужден проглотить эту пилюлю. Донал напомнил, что он дважды был прав, а Галт дважды ошибался: во-первых, в оценке Хьюго Киллиена как ответственного офицера, во-вторых, в оценке причин, по которым нептуниане захватили Ориенте. Но если маршал был в достаточной степени дорсайцем, чтобы обладать чувством гордости и самоуверенности, он был в то же время по-дорсайски правдив.

— Хорошо,— согласился он.— Уильям явился сюда с предложением. Он хочет забрать у нас часть наших наземных войск не для определенной кампании, а для передачи их другому нанимателю. Они останутся нашими войсками. Я был против, так как это не повысило бы цены на контракты, и в случае, если бы нам пришлось нанимать новые войска, мы бы понесли убытки. Я не понимаю, что за этим скрывается, и в чем его выгода: очевидно, он хочет получить хорошо обученные войска, которых неспособна ему предоставить другая планета. Уильям умеет добиваться своего, а сравнительно малая гравитация на Сете не повредит нашим войскам.— Он извлек из ящика стола трубку и начал набивать ее.— А какие у вас возражения?

— Уверены ли вы, что войска не будут переданы кому-либо, кто использует их против вас же?— спросил Донал.

Толстые пальцы Галта прекратили набивать трубку.

— Мы можем потребовать гарантии.

— Но насколько надежны гарантии в таком случае?— спросил Донал.— Человек, который даст вам эти гарантии,— Уильям,— он сам не

двинет против вас войска. И если вдруг обнаружите, что фрилендские войска напали на фрилендскую территорию, то у вас будут гарантии, но не будет территории.

Галт нахмурился.

— Я еще не вижу,— сказал он,— в чем тут выгода для Уильяма.

— Возможно,— ответил Донал,— возникла ситуация, когда ему важно столкнуть фрилендские войска с фрилендцами, даже рискуя нарушить гарантии.

— Как это возможно?

Донал колебался, говорить ли о своих подозрениях. Потом решил, что для маршала они недостаточно обоснованы, а если он выскажет их, то это только ослабит его аргументацию.

— Не знаю,— ответил он.— Однако я считаю, что неразумно было бы не учитывать и такую возможность.

Галт фыркнул, и пальцы его вновь принялись набивать трубку.

— Вы не сможете заставить его отказаться от своего замысла, не сможете убедить Штаб и правительство отказать ему.

— Я и не предполагал, что вы откажете ему прямо,— сказал Донал.— Но вы можете поколебать мнение Штаба и правительства. Скажете, что в данный момент вы не считаете возможным даже минимально ослабить фрилендскую армию. Ваша военная репутация, достаточно убедительная, подкрепит это.

— Да,— сказал Галт, беря трубку в рот и разжигая ее,— я думаю, что последую вашему совету. Знаете, я хотел бы, чтобы вы остались моим адъютантом и чтобы я всегда мог узнать ваше мнение.

Донал вздрогнул.

— Мне очень жаль,— сказал он,— но я хотел бы перейти в другое место... если вы освободите меня.

Густые брови Галта сдвинулись, образовав сплошную линию жестких волос. Он извлек трубку изо рта.

— Честолюбие?— спросил он.

— Частично,— ответил Донал.— А частично я буду свободнее противостоять Уильяму как независимый человек.

Галт бросил на него долгий проницательный взгляд.

— Ради небес,— сказал он,— что это за кровная месть Уильяму?

— Я боюсь его,— ответил Донал.

— Оставьте его в покое, и он оставит вас. Это слишком крупная добыча для вас.

Галт оборвал свою речь, сунул трубку в рот и выпустил огромное облако дыма.

— Боюсь,— печально сказал Донал,— что среди звезд появились такие люди, которые никого не оставят в покое.— Он выпрямился в кресле.— Вы аннулируете мой контракт, сэр?

— Я никогда не держу людей против их желания,— проворчал маршал.— Разве лишь в случае крайней необходимости. Куда же вы думаете

направиться?

— Мне сделали несколько предложений,— ответил Донал.— Я собираюсь принять одно из них— от Объединенного Совета Церквей Гармонии и Ассоциации. Их вождь Элдер предложил мне пост главнокомандующего.

— Элдер Брайт? Он разогнал всех командиров с хотя бы намеком на независимость.

— Я знаю,— сказал Донал.— Но это меня даже устраивает в некотором роде. Это укрепит репутацию.

— Но...— Галт медленно сказал.— Всегда размышляешь?

— Вы правы,— печально ответил Донал.— Я родился, вероятно, с особым устройством мозга.

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ-I

Стуча каблуками по черному полу обширного кабинета главнокомандующего силами обороны Гармонии, адъютант приблизился к столу Донала.

— Специальное, срочное, личное, сэр.— Он положил сигнальную ленту на темную поверхность обычного коммуникатора, стоящего на столе.

— Спасибо,— сказал Донал и знаком отпустил адъютанта. Он сломал печать на ленте, вставил ее в коммуникатор и, подождав, пока выйдет адъютант, нажал кнопку.

Из коммуникатора послышался низкий голос отца:

— Донал, сын мой. Мы рады были получить твою ленту и слышать о твоих успехах. Никто из нашей семьи за последние пять поколений не добивался такого успеха за столь короткое время. Мы все гордимся тобой и ждем новых известий...

Но я говорю с тобой по поводу печального события. Твой дядя Кейси с месяц назад был убит в столице Святой Марии Блаувейне членом одной из местных террористических организаций, находящихся в оппозиции к правительству. Ян, который был офицером в той же самой части, позже отыскал штаб-квартиру этой группы и собственноручно убил трех террористов. Но это не вернуло нам Кейси. Он был нашим общим любимцем, и мы тяжело переживаем его гибель.

Но большие опасения доставляет нам Ян. Он привез тело Кейси домой, не пожелав хоронить его на Святой Марии. Теперь он уже несколько недель дома. Ты знаешь, он всегда был более мрачным из близнецов и, казалось, Кейси забрал себе всю ясность и веселость, предназначавшиеся им обоим. Твоя мать говорит, что теперь, утратив

своего ангела, Ян перешел на сторону сил зла, которые всегда оказывали на него влияние.

Как ты знаешь, я всегда считал, что члены одной семьи не должны служить вместе в поле или гарнизоне, чтобы родственные чувства не мешали исполнению долга. Но твоя мать считает, что нельзя сейчас оставлять Яна в темноте и отчаянии: он должен вернуться к активной деятельности. Она просит меня передать тебе ее просьбу: найти для Яна место в твоем Штабе, где бы ты мог приглядывать за ним. Я знаю, это будет для вас обоих довольно трудно: ему придется подчиняться тебе. Но твоя мать считает, что это лучше, чем его теперешнее положение.

Ян не выразил желания вернуться к активной деятельности, но если я поговорю с ним, как глава семейства, он согласится. Твой брат Мор успешно служит на Венере и недавно получил звание коменданта. Мать просит тебя написать ему, сам он, возможно, не решается писать тебе, так как ты очень многого достиг за короткое время, а сам он — нет, хотя он и старший брат.

Шлем тебе свою любовь.

Ичан.

Донал вздохнул. Казалось, все стремятся к нему. Вначале Ли. Потом этот изувеченный Эл Мен, который упросил Донала взять его с собой, когда тот покидал Фриленд. А теперь Ян. Что ж, Ян — хороший офицер, хотя, очевидно, смерть брата принесла ему горе. Донал легко найдет ему место.

Донал нажал кнопку и повернул голову к маленькому микрофону:

— Ичан Кан Грим, Гримхаус, Южный район, кантон Форали, Дорсай,— произнес он.— Рад был получить твое послание. Ты знаешь, я всегда любил Кейси, и понятно, что я сейчас чувствую. Пусть Ян приезжает. Я буду рад видеть его в своем Штабе, сказать по правде, он мне очень нужен. Большинство офицеров, которых я унаследовал как главнокомандующий, так запуганы этим Элдером, что предпочитают ничего не делать. Я знаю, что по этому поводу о Яне не придется беспокоиться. Если он возьмет под контроль программу тренировки войск, я буду спокоен. А потом я смогу дать ему пост либо в Штабе, либо в Патруле. Скажите маме, что я напишу Мору, но письмо будет очень коротким: я сейчас занят по уши. Здесь есть хорошие офицеры, но они так запуганы, что теперь не желают сделать и шага без моего приказа. Всем домашним мой привет.

Донал.

Глава Объединенного правительства Дружественных планет Френдлиза — Гармонии и Ассоциации — имел свою свиту из офицеров в Правительственном Центре, в полусотне метров от военного штаба. Это не было случайностью. Элдер Брайт был воинственным человеком и хотел, чтобы истинные Церкви Господа имели сильную армию. Он работал за своим столом, но встал, когда вошел Донал.

Он двинулся навстрёчу Доналу, высокий, стройный человек, одетый исключительно в черное, широкоплечий, с бицепсами борца и глазами Торквемады, этого светила инквизиции в средневековой Испании.

— Да будет на вас благословение господа,— сказал он.— Кто подписал приказ о покупке дополнительных решеток временного сдвига для кораблей низших классов?

— Я,— ответил Донал.

— Вы тратите деньги, как воду. Церковная десятина, десятая часть церковной десятины церквей наших бедных планет— вот все, чем располагает наше правительство. И, как вы думаете, много ли мы можем истратить на прихоти и фантазии?

— Война, сэр,— сказал Донал,— имеет мало общего с прихотями и фантазиями.

— Но зачем дополнительные решетки?— выпалил Брайт.— Разве они ржавеют в космосе? Разве среди звезд их может сдуть ветром?

— Я хочу изменить внешний вид кораблей: из шарообразных превратить их в цилиндрические. Я возьму с собой корабли всех трех классов. Когда они выйдут в космос, они все должны выглядеть, как корабли первого класса.

— Но зачем?

— Наше нападение на Зомбри не может быть абсолютной неожиданностью,— терпеливо объяснил Донал.— Мара и Культис встревожены и следят за всеми объектами, уязвимыми с военной точки зрения. Разрешите, сэр...— он прошел мимо Брайта к письменному столу и нажал несколько кнопок.

Схематическое изображение системы Проциона возникло на одной из стен кабинета, причем сама звезда находилась слева. Указывая, Донал читал названия планет по порядку слева направо:

— Коби, Культис, Мара, Святая Мария. Подобную группу близко расположенных и пригодных для жизни планет мы вряд ли отыщем в ближайшее время, в ближайшие десять поколений. А рядом с этими мирами проходит орбита этого сбежавшего спутника Зомбри, его эксцентрическая орбита проходит между Марой и Святой Марией.

— Вы меня учите?— резко спросил Брайт.

— Да,— ответил Донал.— Мой опыт научил меня, что люди часто не замечают вещей, которые они когда-то знали, и считают, что знают сейчас. Но она существует, как троянский конь, не хватает только ахейцев, чтобы нарушить мир в Проционе...

— Мы это уже обсуждали,— опять прервал его Брайт.

— И продолжим обсуждение,— вежливо продолжал Донал,— если вы будете выяснять причины каждого моего приказа. Как я уже сказал, Зомбри — это троянский конь в городе. К несчастью, мы не можем доставить туда людей тайком. Зато мы можем воспользоваться силой и высадиться, пока на Экзотике не встревожатся. И, следовательно, наша высадка должа быть как можно более внушительной и быстрой. Мы должны

высадиться без сопротивления, несмотря на то, что регулярные войска Экзотики, несомненно, охраняют Зомбри. Наилучший способ достичь этого — продемонстрировать подавляющее преимущество в силах так, чтобы местный командующий решил, что попытка помешать нам была бы глупостью. А лучший способ продемонстривовать свою силу— это предъявить втрое больше кораблей первого класса, нежели у нас есть. Вот зачем запасные решетки.

Донал замолчал, вновь подошел к столу и нажал кнопку. Изображение исчезло.

— Хорошо,— сказал Брайт. В тоне его не было изменения, высокомерия не уменьшилось.— Я разрешаю исполнить ваш приказ.

— Возможно,— сказал Донал,— вы одобрите и другой мой приказ— убрать охрану совести с моих кораблей и соединений?

— Ересь...— начал Брайт.

— Это меня не касается,— сказал Донал.— Моя работа заключается в том, чтобы люди были готовы к действиям. Под моим командованием— около шестидесяти национальных войск: их моральное состояние подорвано, в частности, из-за трех в среднем судов за ересь в неделю.

— Это дело церкви,— сказал Брайт.— Вы хотите еще о чем-нибудь спросить меня?

— Да,— ответил Донал.— Я заказывал шахтное оборудование, но не получил его.

— Это чрезмерное требование,— ответил Брайт.— На Зомбри ничего не нужно будет копать, кроме командного пункта.

Донал в течение нескольких секунд смотрел на одетого в черном человека. Его белое лицо и белые руки — единственные открытые части тела — казались неестественными, как будто на нем была маска и перчатки, а под ними скрывалось черное и чужое существо.

— Нам нужно понимать друг друга,— сказал Донал.— Я не отправлю людей на верную смерть — наемники ли они или ваши национальные войска. Но чего же вы хотите достичь этим выступлением против Экзотики?

— Они угрожают нам,— ответил Брайт.— Они хуже еретиков. Они— легионы сатаны, отступники господа.— Глаза его заблестели, как льдинки под лучами солнца.— Мы должны воздвигнуть башню, чтобы они не могли напасть на нас без предупреждения. Тогда мы будем жить в безопасности.

— Хорошо,— ответил Донал.— Я создам вам вашу башню. А вы будете мне давать людей и вооружение, которое нам понадобится, без вопросов и отлагательств. Кстати, эти ваши колебания в одобрении моих приказов означают, что мы вынуждены будем выступить на 10-15% слабее, чем я ожидал.

— Что?— Брайт сдвинул свои черные брови.— У нас еще два месяца до условленного дня выступления.

— Условный день,— сказал Донал,— пусть останется для враже-

ской разведки. Мы выступим через две недели.

— Две недели?— Брайт удивленно посмотрел на него.— Вы не сможете подготовиться за две недели.

— Я искренне надеюсь, что Колмейн и Генеральный Штаб Мары и Культиса согласны с вами,— ответил Донал.— У них лучшие полевые и космические силы среди звезд.

— Как?— лицо Брайта потемнело от гнева.— Вы осмеливаетесь утверждать, что мы слабее?

— Смотреть в лицо фактам лучше, чем в лицо поражения,— устало ответил на это Донал.— Да, Элдер, наши силы значительно слабее. Поэтому я больше рассчитываю на внезапность, чем на подготовку.

— Солдаты Церкви — самые храбрые во Вселенной!— воскликнул Брайт.— Они вооружены оружием правдивости и никогда не отступят.

— Это объясняет их большие потери, постоянную необходимость в новобранцах и общий низкий уровень подготовленности,— напомнил ему Донал.— Готовность умереть в битве — необходимое качество солдата. Войска наемников, лишенные местного патриотизма, в то же время гораздо пригоднее для военных действий. Итак, буду ли я встречать в дальнейшем противодействие своим приказам?

Брайт колебался. Выражение фанатизма на его лице смягчилось, сменилось задумчивостью. Когда он заговорил вновь, голос его был холодным, деловитым:

— Во всем, кроме охраны совести,— ответил он,— их действия в конце концов распространяются лишь на членов наших церквей.— Он повернулся и направился к своему столу.— Кроме того, вы могли заметить, что существуют некоторые различия в догмах разных церквей. Присутствие охраны совести делает наших людей менее склонными к спорам друг с другом, а это, как я понимаю, повышает воинскую дисциплину.

— Что ж, ладно,— ответил коротко Донал. Он уже собирался уходить.— Кстати, Элдер,— сказал он,— насчет настоящего дня выступления через две недели. Это должно оставаться тайной, я должен быть уверен, что об этом знают только два человека, и это останется исключительно их знанием до самого часа выступления.

Брайт поднял голову.

— Кто же второй?— резко спросил он.

— Вы, сэр,— ответил Донал.— Я только что принял решение о настоящем дне высадки.

Около минуты они глядели друг на друга.

— Да будет с вами господь,— холодно сказал Брайт.

Донал вышел.

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ-II

Колмейн, о котором говорил Донал, был командующим лучшими наземными и космическими силами среди звезд. Экзотика — планеты Мара и Культис — была не в состоянии сама обеспечить свои армии, но она была достаточно мудра, чтобы нанимать лучших военных специалистов. Колмейн был одним из лучших военачальников своего времени, наряду с Галтом из Фриленда, Комалом — на Дорсае, Исаком — на Венере и этим предводителем военных чудес — Дом Евом, высшим командиром планеты Сеты, где было постоянное местожительство Уильяма. У Колмейна были свои заботы (включая сюда и молодую жену, не обращавшую на него внимания) и недостатки (он был игрок — и за карточным столом, и в военных действиях), но тем не менее, он располагал мощным мозгом и разведывательной службой, штаб которой находился на его командной базе на Маре.

Поэтому он знал, что планеты Френдлиза: и Гармония, и Ассоциация — готовятся к высадке на Зомбри спустя три недели после принятия этого решения. Его шпионы своевременно сообщили ему об условном дне выступления, и вот сейчас он разработал план достойной встречи пришельцев.

Главной составной частью плана было создание укрепленных пунктов на Зомбри. Нападающие обнаружат, что прыгнули в осиное гнездо. В то же время корабли Экзотики настороже, в непосредственной от спутника близости. Как только поверхность Зомбри превратится в поле военных действий, корабли Экзотики извне нападут на флот захватчиков. Атакующие окажутся между двух огней: их высадившиеся войска не смогут окопаться, а корабли лишатся поддержки снизу, в то время, как корабли Экзотики будут поддержаны огнем укрытых тяжелых орудий.

Разработка плана близилась к концу. И вот однажды на командной базе на Маре Колмейн вместе со своим штабом дорабатывал последние детали. Но тут возникла помеха в лице адъютанта, который торопливо вошел в зал совещаний, даже не спросив разрешения.

— В чем дело?— проворчал Колмейн, поднимая от карты свое смуглое лицо, и в шестьдесят лет все еще красивое, чтобы принести ему компенсации недостаточного внимания жены в виде общества других женщин.

— Сэр,— сказал адъютант.— Зомбри атакована...

— Что?— Колмейн вскочил на ноги, остальные члены штаба тоже.

— Около двухсот кораблей, сэр. Мы только что получили сооб-

щение.— Голос его дрожал, ему едва ли исполнилось двадцать лет.— Наши люди на Зомбри обороняются имеющимися силами...

— Обороняются?— Колмейн грозно шагнул в сторону адъютанта, как будто тот был виновен в случившемся.— Они высадили десант?

— Они приземлились, сэр.

— Сколько?

— Не знаю, сэр.

— Баранья голова. Сколько кораблей выбросили десант?

— Нисколько, сэр. Они все приземлились.

— Приземлились?

На несколько секунд в огромном зале совещаний воцарилось молчание.

— Вы хотите сказать,— выкрикнул, наконец, Колмейн,— что на Зомбри спустились двести кораблей первого класса?!

— Да, сэр,— голос адъютанта превратился чуть ли не в писк.— Они отбросили наши войска и окапываются...

Закончить фразу он не успел. Колмейн взглянул на своих военных советников и командиров Патрулей.

— Ад и проклятие!— проревел он.— Разведка!

— Сэр! — заговорил огромного роста офицер-фрилендер.

— Ваше мнение?

— Сэр,— замялся офицер,— я не знаю, как это могло произойти. Последние сообщения получены с Гармонии три дня назад...

— К черту последние сообщения. Через пять часов все корабли и все люди должны быть готовы к выходу в космос. Через десять часов все патрульные корабли, где бы они ни находились, должны соединиться с основным флотом и двинуться на Зомбри. Действуйте.

Генеральный штаб Экзотики начал действовать.

Выполнить приказ Колмейна в такое короткое время было невозможно, и то, что он все-таки был выполнен и через десять часов флотилия из четырехсот кораблей разных классов с полным комплектом экипажа и вооружения выступили к Зомбри, было своего рода чудом военного дела.

Колмейн и офицеры его штаба разглядывали на экране контрольного глаза плывущий вниз спутник. Еще три часа назад они получили доклад о сопротивлении. Теперь тишина на Зомбри красноречиво свидетельствовала об окончании военных действий. А наблюдение обнаружило на поверхности спутников около ста пятидесяти шахтных входов.

— Мы высадимся,— сказал Колмейн,— садимся все и вышвыриваем их с луны.— Он посмотрел на своих офицеров.— Возражения?

— Сэр,— сказал командир Голубого Патруля,— может быть, нам подождать на орбите?

— И не думайте,— сказал Колмейн.— Они не стали бы окапы-

ваться в нашей системе, если бы у них не было достаточно запасов, и ожиданием мы ничего не добьемся.— Он покачал головой.— Время действовать, джентльмены, прежде чем они не закрепятся окончательно. Все корабли вниз, даже те, на которых нет войск. Мы используем их как наземные огневые точки.

Члены штаба отсалютовали и принялись выполнять приказ.

Флот Экзотики опускался на Зомбри, как саранча на фруктовый сад. Колмейн, расхаживая по контрольной рубке флагманского корабля, опускавшегося вместе с другими, улыбался, слушая сообщение о том, как очищаются опорные пункты противника, как сдаются его только что окопавшиеся корабли и как начинают окапываться корабли Экзотики. Войска захватчиков падали, как карточные домики, и мнение Колмейна об их командире— очень высокое при первом сообщении о нападении— начало меняться. Одно дело— смелая игра, другое — игра глупая. Из морального состояния и степени подготовки войск Фриндлиза следовало, что они вряд ли могли рассчитывать на успех... Этот Грим должен был больше внимания уделить подготовке людей и меньше — разработке драматических высадок. Но чего можно было ожидать от юного командира, впервые в жизни получившего такой пост?

Он наслаждался предвкушением несомненной победы, когда его внезапно грубо прервали. Из коммуникатора глубокого космоса раздалось неожиданное гудение, и два офицера в рубке одновременно доложили:

— Сэр, вас вызывает кто-то неизвестный.

— Сэр, корабли над нами.

Колмейн, следивший за поверхностью Зомбри через контрольный глаз, нажал переключатель: искатель приборов, описав круг, устремился к звездам, и на экране при полном увеличении вырисовывалось изображение корабля первого класса с гербом Френдлиз. А за этим кораблем на орбите вокруг Зомбри видны были другие.

— Кто это?— выкрикнул Колмейн, обращаясь к офицеру, сообщившему о неожиданном вызове.

— Сэр,— недоверчиво ответил офицер,— он говорит, что он— главнокомандующий силами Френдлиза.

— Что?— Колмейн вскочил на ноги у контрольного глаза. Стенной экран засветился, и на нем появилось изображение стройного юного дорсайца со странными, неопределенного цвета глазами.

— Грим!— выкрикнул Колмейн.— Что это за имитация флота, которым вы хотите меня напугать?

— Посмотрите, командующий, внимательнее,— ответил молодой человек.— Имитация закопана на поверхности спутника. Там мои корабли низшего класса. Иначе разве вам удалось бы с ними так легко справиться. А здесь у меня корабли первого класса — сто восемьдесят три корабля.

Колмейн нажал переключатель и взглянул на экран. Он обернулся к офицерам у контрольного пункта.

— Докладывайте!

Но офицеры были заняты. Поступали подтверждения. Захваченные корабли были низшего класса с дополнительными решетками временного сдвига, у них было меньше оружия, и они были слабее. Колмейн вновь включил экран. Донал сидел в той же позе, ожидая его.

— Через десять минут мы будем наверху и встретимся,— пообещал сквозь зубы Колмейн.

— Я думаю, что у вас больше здравого смысла, командующий,— ответил с экрана Донал.— Ваши корабли не окопались. И никто не прикроет их, когда они будут взлетать. Мы можем уничтожить вас на взлете, можем разнести на кусочки, пока вы на поверхности. У вас нет оборудования для того, чтобы закрепиться по-настоящему. Я хорошо информирован о вашем поспешном взлете.— Он помолчал.— Предлагаю вам прибыть для обсуждения условий сдачи.

Колмейн, глядя на экран, стоял молча. Но у него не было выбора. Он бы не был командующим такого масштаба, если бы не понял этого. Он неохотно кивнул:

— Сейчас прилечу,— сказал он и выключил экран. Плечи его поникли, он отправился к маленькому курьерскому кораблю, пришвартованному к флагману для его личных нужд.

— Клянусь богом,— были его первые слова при встрече с Гримом на борту флагмана Френдлиза.— Вы уничтожили меня. Я был бы счастлив, если бы мне после этого поручили командовать отрядом из пяти кораблей.— Он был недалек от истины.

Донал вернулся на Гармонию два дня спустя. Даже самые угрюмые фанатики встретили его с триумфом, когда он проезжал по улицам к Правительственному Центру. Но когда он явился для доклада к Элдеру Брайту, его ждал совсем другой прием.

Глава Объединенного Совета Церквей Гармонии и Ассоциации угрюмо глядел на входящего Донала, все еще одетого в комбинезон поверх мундира. Комбинезон он торопливо надел в космопорту. Платформа, на которой он ехал по улицам, была открытой, чтобы ничто не мешало проявлению восторга толпы, а на Гармонии было необычайно холодно.

— Добрый вечер, джентльмены,— сказал Донал, приветствуя Брайта и двух других членов Совета, сидевших рядом с Брайтом за столом. Эти двое не отвечали, Брайт кивнул, и три вооруженных солдата его личной охраны вышли, прикрыв за собой дверь.

— Итак, вы вернулись,— сказал Брайт.

Донал улыбнулся.

— Вы ожидали, что я отправлюсь куда-нибудь в другое место?— спросил он.

— Сейчас не время для шуток,— огромный кулак Брайта ударил по

столу.— Как вы объясните свое возмутительное поведение?

— Вы не в своем уме, Элдер,— голос Донала звучал резко, и трое не ожидали этого — О чем вы говорите?

Брайт встал. Теперь, широкоплечий, мощный, с фигурой кулачного бойца, он более чем когда-либо напоминал Торквемаду.

— Вы вернулись обратно,— медленно и жестко сказал он.— И делаете вид, будто не знаете, что предали нас.

— Предал вас?— Донал смотрел на него, вдумываясь в зловещее утверждение.— Как предал вас?

— Мы послали вас выполнять определенное задание.

— Да, я его выполнил,— сухо сказал Донал.— Вы хотели сторожевую башню над безбожниками. Вы хотели иметь на Зомбри установку для постоянного наблюдения за Экзотикой. Вы помните, несколько дней назад я еще раз спрашивал, чего вы хотите. Вы совершенно определенно высказали мне свои пожелания. Я их выполнил.

— Вы — отродье сатаны,— выкрикнул Брайт, внезапно утратив самоконтроль — неужели это все, что мы хотели?! Вы думаете, что помощники господа стали бы колебаться на пороге безбожников?— Он повернулся и нагнулся над столом.— Они были в вашей власти, и вы выпросили у них только невооруженную наблюдательную станцию на бесплодной луне. Вы держали их за горло и никого не убили, а ваш долг стереть их с лица звезд до последнего корабля, до последнего человека.— Он замолчал, и Донал услышал, как лязгнули его зубы.— Сколько они заплатили вам?— презрительно спросил Брайт.

Донал выпрямился.

— Будем считать,— спокойно сказал он,— что последних слов я не слышал. А что касается вашего вопроса относительно наблюдательной станции, то это было все, что вы хотели. Почему я не убил их? Бессмысленное убийство — не мое дело. Не стал бы я рисковать своими людьми ради бессмысленного убийства.— Он холодно посмотрел Брайту в лицо.— Вы должны были быть честнее со мной, Элдер, и прямо сказать, чего вы хотите. Уничтожения мощи Экзотики, не так ли?

— Да,— ответил Брайт.

— Вам никогда не приходило в голову,— продолжил Донал,— что я слишком хороший командир, чтобы браться за выполнение этой задачи? Я думаю,— он взглянул на остальных членов Совета, что вы подорвались на своей мине.— Он помолчал, потом, слегка улыбнувшись, обратился к Брайту:— С тактической точки зрения было бы крайне неразумно для Френдлиза уменьшить мощь Мары и Культиса. Позвольте дать вам маленький урок, так...

— Вам лучше позаботиться о более правдоподобном ответе,— прервал его Брайт.— Иначе вы будете обвинены в предательстве интересов ваших нанимателей.

— Не может быть,— Донал громко рассмеялся.

Брайт отвернулся он него и пересек комнату. Он стукнул в дверь, она

распахнулась, пропустив троих вооруженных солдат. Указывая пальцем на Донала, Брайт сказал:

— Арестуйте этого изменника.

Охранники сделали шаг к Доналу, но прежде чем они успели извлечь оружие, три голубых луча пересекли их путь. Все трое упали.

Как человек, оглушенный ударом сзади, Брайт смотрел на тела своих гвардейцев, а потом поднял голову и увидел, что Донал засовывает в кобуру свое оружие.

— Вы думаете, что я настолько глуп, чтобы явиться сюда безоружным?— спросил Донал.— Вы думали, что я позволю себя арестовать?— Он покачал головой.— Я просто спасаю вас от самих себя.— Он посмотрел на их ошеломленные лица.— Да,— сказал он и указал на открытое окно в дальнем конце зала. Звуки праздничного торжества доносил оттуда вечерний ветер.— Сорок процентов ваших лучших войск — наемники. Наемники же ценят командира, который выигрывает сражения, не жертвуя их жизнью. Как вы думаете, какой была бы их реакция, если бы меня обвинили в измене и казнили?— Он подождал, чтобы его мысль дошла до них.— Подумайте, джентльмены, об этом.

Он застегнул китель и угрюмо посмотрел на мертвых гвардейцев, потом вновь повернулся к членам Совета.

— Это достаточная плата для расторжения контракта,— сказал он.— Поищите себе другого главнокомандующего.— Он повернулся и направился к двери. Брайт крикнул ему вслед:

— Отправляйтесь к ним! К безбожникам с Мары и Культиса.

Донал покачал головой, помолчал, потом обернулся и наклонил голову.

— Благодарю вас, джентльмены,— сказал он.— Но помните, что это было ваше предложение.

Часть третья

МАРАНИН НАПОЛОВИНУ

Здесь должно было состояться его свидание с Сэйоной. Поднимаясь по широким ступеням сооружения, в котором жил самый известный человек двух планет Экзотики, Донал все более удивлялся.

Пройдя дальше, он встретил высокую сероглазую женщину и объяснил причину своего появления.

— Идите направо,— сказала женщина.— Вы найдете его там.

Странное это было место.

Он прошел по освещенному солнцем коридору и попал в сад, где было множество прудов с разноцветными рыбками, и, наконец, оказался в небольшом, залитом солнцем дворике, наполовину закрытом сверху. В дальнем углу дворика в тени сидел высокий человек неопределенного возраста, одетый в синий свободный костюм. Он сидел на небольшой лужайке дерна, окруженной низкой каменной стеной.

Донал спустился по трем ступенькам, пересек дворик, вновь поднялся по трем ступенькам и остановился возле высокого человека.

— Сэр,— сказал Донал.— Я Донал Грим.

Высокий человек жестом предложил ему сесть рядом.

— Если предпочитаете сидеть на стене, пожалуйста,— он улыбнулся.— Сидеть, скрестив ноги, еще не значит соглашаться с чем-либо.

— Верно, сэр,— ответил Донал и сел, скрестив ноги.

— Хорошо,— сказал высокий человек и погрузился в раздумья.

Донал расслабился в ожидании. Ощущение мирного покоя входило в него. Казалось, это место создано для размышлений. И Донал не сомневался, что это действительно так. Сидя в удобной позе, он позволил своему мозгу свободно размышлять, и ничего удивительного, что мысль его обратилась к человеку, сидевшему рядом.

Сэйона Связующий — об этом Донал знал еще в школе — был самый выдающийся человек на Экзотике. Экзотикой называли две планеты, населенные странными людьми. Некоторые полагали, что жители Мары и Культиса эволюционировали до такой степени, что вообще перестали быть людьми. Это соображение было отчасти смешным, а отчасти — основанным лишь на подозрении. На самом деле они были людьми.

Они видоизменили свой организм. Их исследования шли в области психологии и ее ответвлений, а также в той области биологии, которую можно было назвать генной селекцией и плановым воспроизводством потомства. С этим было связано немало мистицизма. Жители Экзотики открыто поклонялись богу и не признавали никакой религии. У них был принцип невмешательства. Единственное воздействие, которое они признавали, это убеждение. Но все эти рассуждения не уменьшили их способности постоять за себя. Они считали, что не могут применять насилие к другим людям, но и другим нельзя позволить применять насилие. В войнах и делах, благодаря наемникам и посредникам, они умело отстаивали свои интересы.

Но тут Донал вернулся к мысли о Сэйоне Связующем и о его месте в культуре Экзотики. Он был одним из своеобразных вознаграждений людей Экзотики за их особый путь развития. Он был непосредственной частью их эмоциональной жизни, воплощенной в виде отдельной личности. Подобно Анеа, которая при всей ее нормальности и женственности была на Экзотике буквально избранной из Культиса. Она была их лучшим произведением искусства, которому они поклонялись. Главное заключалось в способностях, которые были выработа-

таны у нее. Аналогично — и Сэйона Связующий. И опять в смысле, который могли понять только жители Экзотики, Сэйона был буквально связью между мирами, связью во плоти и крови... В нем заключалась способность всеобщего понимания, всеобщего примирения, выражения общности всех людей...

Донал, внезапно спохватившись, осознал, что Сэйона говорил с ним. Он говорил уже некоторое время, говорил спокойно, а слова его Донал пропустил сквозь мозг, как воду сквозь пальцы. Но то, что он успел услышать и понять, полностью вернуло ему сознание.

— Нет,— ответил Донал,— я думаю, что это обычная процедура, которой вы подвергаете каждого командира, прежде чем нанять его.— Сэйона рассмеялся.

— Проводить каждого командира через эти тесты?— проговорил он.— Нет, нет. Тогда мы никогда не смогли бы нанять нужного нам человека.

— Но мне нравятся эти тесты,— сказал Донал.

— Я знаю,— кивнул Сэйона.— Тест — это форма конкуренции, а вы по натуре борец. Нет, когда нам нужен военный, мы оцениваем лишь его воинские качества, и это все.

— Но тогда почему такое исключение в случае со мной?— спросил Донал, глядя на собеседника.

Сэйона вернул ему взгляд, его светло-коричневые глаза слегка усмехнулись.

— Мы заинтересованы,— ответил Сэйона.— Дело в ваших предках. Вы наполовину маранин, и именно ваши гены заинтересовали нас. У вас удивительные способности!

— Способности к чему?

— К самым различным вещам. Мы лишь определили их по вашим тестам.

— Могу ли я спросить, в чем же мои главные способности?— с любопытством спросил Донал.

— К сожалению, нет. Я не могу ответить на ваш вопрос,— сказал Сэйона.— Да и мой ответ был бы для вас бессмысленным, сейчас вы не владеете нужными словами для понимания. Поэтому-то я и хотел поговорить с вами. Я интересуюсь вашим мировоззрением.

— Мировоззрением?— Донал засмеялся.— Я — дорсаец.

— Каждый, в том числе и дорсаец, каждое живое существо имеет свое мировоззрение — листок травы, птицы, ребенок. Индивидуальное мировоззрение совершенно необходимо, это краеугольный камень, на котором мы основываем свое существование. К тому же, вы частично дорсаец. А что скажет ваша другая часть?

Донал нахмурился.

— Я не уверен, что моя другая часть что-либо скажет. Я — солдат, наемник. У меня есть работа. И я хотел бы выполнять ее всегда наилучшим образом.

— Но кроме этого...— настаивал Сэйона.

— Что ж, кроме этого,— Донал помолчал и нахмурился,— кроме этого, я хотел бы, чтобы все было в порядке.

— Вы сказали, что хотите, чтобы все было в порядке. Вы не сказали, что вам это просто нравится.— Сэйона выжидательно посмотрел на него.— Вы не видите в этом разницы?

— Что? А,— Донал засмеялся.— Я думаю, это высказалась моя вторая половина. Если точнее говорить, то я хотел бы сделать так, чтобы все было в порядке.

— Да,— сказал Сэйона, и Донал не понял, одобряет он сказанное или не согласен с ним.— Вы исполнитель.

— Кто-то должен им быть,— сказал Донал, добавив:— Возьмите цивилизованные планеты,— он внезапно оборвал себя.

— Продолжайте,— сказал Сэйона.

— Я хотел сказать: возьмем цивилизацию. Подумать только, как мало времени прошло с момента создания первого космического корабля на Землю! Четыреста лет? Пятьсот? Что-то вроде этого. А посмотрите, как мы распространились.

— И что же?

— Мне это нравится,— сказал Донал.— Это и эффективно и опасно. Какой смысл в техническом совершенствовании, если мы все еще разбиты на множество групп и каждый живет только своим умом, надеясь только на себя. Это не прогресс.

— Вы хотите, чтобы был прогресс?

Донал взглянул на него.

— А вы разве нет?

— Конечно,— сказал Сейона.— Определенный вид прогресса. Мой тип. А каков ваш?

Донал улыбнулся.

— Вы хотите услышать? Вы правы. У меня действительно есть мировоззрение. Вы в самом деле хотите услышать?

— Да.

— Хорошо.— Донал взглянул на маленький, залитый солнцем сад.— Каждый человек — орудие в своих собственных руках. И все человечество — орудие в своих руках. Величайшее удовлетворение приходит к нам не как награда за работу, оно — сама работа. И величайшая задача наша — совершенствовать этот инструмент, самих себя, чтобы еще лучше выполнять работу.— Он взглянул на Сэйону.— Что вы думаете об этом?

— Я думаю об этом,— ответил Сэйона.— И мой собственный взгляд отличен, конечно. Человек для меня — не исполнительный механизм, а воспринимающий. Я бы сказал, что главная задача индивидуума — не сколько делать, сколько быть. Главное — понять себя.

— Нирвана в противоположность Валгаллу,— сказал Донал, слегка угрюмо улыбаясь.— Благодарю, я предпочитаю Валгаллу.

— Вы уверены?— спросил Сэйона.— Вы совершенно уверены, что вам не нужна Нирвана?

— Совершенно уверен.

— Жаль,— печально сказал Сэйона.— А мы надеялись.

— Надеялись?

— Дело в ваших способностях,— сказал Сэйона, поднимая палец,— в ваших великих способностях. Они могут развиваться лишь в одном направлении — в том, которое вы сами изберете. Но у вас свобода выбора. Ваше место здесь.

— Вместе с вами?

— В других мирах не знают,— сказал Сэйона,— что мы открыли за последние сто лет. И мы лишь начали свою работу. Перед нами огромные задачи развития человечества, человеческих способностей.

— А у меня есть такие способности?

— Да,— ответил Сэйона.— Частично, как результат вашего маранского расположения, и частично просто в результате счастливого расположения генов — это пока вне наших знаний и понимания. Конечно, вам бы пришлось переучиваться. Та часть вашего характера, которая господствует сейчас, должна быть согласована с той частью, которую мы считаем главной.

Донал покачал головой.

— У вас была бы компенсация,— печально сказал Сэйона,— для вас стало бы возможным то, о чем вы сейчас даже не думаете. Знаете ли вы, что относитесь к тому типу людей, которые могут ходить по воздуху, если верят в это?

Донал рассмеялся.

— Я совершенно серьезно,— сказал Сэйона.— Попробуйте когда-нибудь проверить.

— Я не могу поверить в то, во что не верю инстинктивно,— сказал Донал.— Я — солдат.

— Вы необычный солдат,— пробормотал Сэйона.— Солдат, полный сострадания, причудливых фантазий и снов наяву. Человек одинокий, который старается быть похожим на всех, но для которого человечество — это конгломерат странных чужих созданий, чьи прихотливые пути он не может понять, хотя понимает в то же самое время очень хорошо.

Он взглянул на внезапно застывшее лицо Донала.

— Ваши тесты очень эффективны,— сказал Донал.

— Да,— согласился Сэйона,— но не нужно глядеть на меня так. Мы не можем использовать их как оружие, не можем к чему-либо принудить вас. Это разрушило бы все ваши способности. Мы можем только предложить вам.— Он помолчал.— Я могу на основе ваших знаний уверить вас, что, приняв наше предложение, вы будете счастливы.

— А если не приму?

Сэйона вздохнул.

— Вы сильный человек,— сказал он.— Сила влечет за собой ответ-

ственность, а за ответственность нужно платить счастьем.

— Могу лишь сказать, что я всю жизнь работаю, чтобы быть счастливым.— Донал встал.— Благодарю за ваше предложение. Я ценю то высокое мнение обо мне, которое в нем содержится.

— Сказать бабочке, что она бабочка и не должна ползать по земле,— не значит высоко оценить ее,— сказал Сэйона.

Донал вежливо наклонил голову.

— До свидания,— сказал он.

Он повернулся и отошел на несколько шагов к каменным ступеням, чтобы спуститься по ним и пересечь дворик.

— Донал,— голос Сэйоны остановил его. Он повернулся и увидел, что Связующий глядит на него со странным выражением.— Я (он подчеркнул слово «я») верю, что вы можете ходить по воздуху,— сказал Сэйона.

Донал посмотрел на него удивленно, но выражение лица Сэйоны не изменилось. Донал повернулся и ступил на землю. К его величайшему удивлению нога встретила опору в восьми дюймах над поверхностью земли, в воздухе. Не понимая, что он делает, Донал поставил вторую ногу вперед на ничто. Он сделал шаг, другой. Ничем не поддерживаемый, он прошел через весь дворик и ступил на противоположную верхнюю ступень.

Найдя надежную опору, он обернулся. Сэйона по-прежнему смотрел на него, но выражение его лица разгадать было невозможно. Донал вышел из дворика.

Задумчивым вернулся он в свою квартиру в Порсмуте, в этом маранском городе находился штаб Экзотики. Пока он добирался, тропическая ночь быстро накрыла город, но мягкое освещение, что шло от стен и крыш всех зданий, затмило свет звезд. Свет этот проникал в спальню Донала.

Стоя посреди спальни и собираясь приняться за еду — он опять забыл сегодня поесть,— Донал нахмурился. Взглянув наверх, на мягко закруглявшийся купол потолка, в высшей точке достигавший двенадцати футов, он вновь нахмурился и поискал что-то на письменном столе, пока не нашел катушку с распечатанной сигнальной лентой. Держа ее в одной руке, он взглянул на потолок и сделал шаг вперед.

Его нога нашла опору в воздухе. Медленно, шаг за шагом, опираясь на ничто, поднимался он к потолку. Раскрыв капсулу, он извлек ленту и прикрепил ее конец к потолку. Он несколько секунд висел в воздухе, глядя на ленту.

— Нелепость,— сказал он вдруг и немедленно почувствовал, что падает. Инстинктивно, собрав свое натренированное тело, он перевернулся в воздухе, опустился на руки и ноги, мгновенно встал. Невредимый, он взглянул на потолок. Капсула висела там.

Неожиданно он негромко засмеялся.

— Нет, нет,— сказал он в пустое пространство.— Я — дорсаец.

ПРОТЕКТОР - I

Командующий полевыми войсками Ян Грим, холодный, мрачный человек, явился в личный штаб Протектора Проциона с секретной сигнальной лентой, зажатой в огромном кулаке. В трех внешних помещениях никто не преградил ему путь. Но у входа в кабинет Протектора его личный секретарь — девушка в зелено-золотом мундире — попыталась помешать, говоря, что Протектор приказал не беспокоить его. Ян, взглянув на нее, протянул руку и распахнул дверь.

В кабинете он застал Донала, стоявшего возле прозрачной стены, освещенной лучами Проциона разнообразных оттенков.

Глубоко задумавшись, Протектор стоял у прозрачной стены, глядя на Портсмут. В последние дни Протектора все чаще и чаще заставали в такой позе. При звуке шагов Яна он поднял голову.

— Да? — спросил он.

— Они захватили Новую Землю,— ответил Ян и протянул сигнальную ленту.— Личное секретное донесение от Галта.

Донал взял ленту автоматически: вторая, глубоко скрытая часть его характера все еще господствовала над его мозгом. Прошедшие шесть лет изменили его внешность и манеры, но еще более они изменили его внутренний мир. Шесть лет командования, шесть лет оценок положений и принятия решений сблизили его внешний мир с внутренним, этот темный бездонный океан неизвестного, таившийся в нем самом. Он научился вступать в перемирие со своей второй сущностью, странностью, пряча ее от остальных, но используя ее как оружие в необходимых условиях. А теперь это известие, принесенное Яном, произвело вначале лишь рябь на поверхности океана. Постепенно усиливаясь, эта дрожь побудила его к действию.

Протектор Проциона, ответственный теперь не только за оборону планет Экзотики, но и за две меньшие планеты системы — Святую Марию и Коби,— должен был действовать ради них. Больше того, он должен был действовать ради себя. Того, что ему предстояло, он не собирался избегать. Наоборот, он приветствовал действие.

— Понятно,— пробормотал он. Потом сказал дяде:— Галту нужна помощь. Ты сможешь подготовить к отправке войска?

Ян кивнул и вышел такой же холодный и мрачный.

Оставшись в одиночестве, Донал не торопился вскрывать сигнальную ленту. Он не помнил, о чем он думал, когда вошел Ян, но ведь дядя навел его на новые мысли. Последние дни Ян, казалось, чувствует себя хорошо, лучше, чем можно было ожидать. Он жил в одиночестве, не сближаясь с

другими, равными ему по званию, командующими и отказываясь посетить Дорсай даже на короткое время, чтобы повидаться с семьей. Он полностью отдался своим обязанностям по обучению полевых войск и выполнял их прекрасно. Кроме этого, он шел своим особым путем.

Донал вздохнул. Раздумывая над этим, он видел, что никто из тех людей, которые сгруппировались вокруг него, не сближается теперь с ним из-за высокого поста, занимаемого им, или из-за его громкой славы. Это Ян, пришедший, потому что его послала семья. Это Ли, нашедший в нем поддержку, которой ему так недоставало, и следовавший за ним всегда, когда он не был еще Протектором Проциона. Это Ллудров, нынешний помощник Донала в Штабе, пришедший не по своей воле, а по настоянию жены. Ибо Ллудров женился на Эльвин Рай, племяннице Галта, которая продолжала интересоваться Доналом, даже выйдя замуж. Это Колмейн — ему Донал предложил место в своем Штабе и там он прекрасно проявил свои способности. Наконец, это Галт, связанный с ним не просто воинской дружбой. Галт, никогда не имевший сына, видел его в Донале.

И — в противоположность остальным — Мор, кого Донал хотел больше всего иметь на своей стороне, но которого гордость заставляла уходить как можно дальше от преуспевающего младшего брата. В конце концов Мор отправился на Венеру, где на открытом рынке, процветавшем на этой технологической планете, его контракт купила Сета. Теперь он был на положении врага Донала, по другую сторону вражеских сил, которые неизбежно должны были вступить в конфликт.

Донал оборвал свои мысли. Состояние депрессии, ранее часто навещавшее его, теперь было реже — результат его упорной работы над собой. Он распечатал сигнальную ленту Галта.

«Донал!

К этому времени ты получишь сообщение о Новой Земле. Государственный переворот, приведший к власти правительство Кирли, был осуществлен войсками, предоставленными Сетой. Я никогда не перестану благодарить тебя за совет: мы не передали свои войска Уильяму. Но сейчас положение тревожное. Мы подвергаемся атаке изнутри: у нас тоже много сторонников открытой покупки и продажи контрактов. Одна за другой планеты попадают в руки бизнесменов, худший из которых Уильям. Пожалуйста, предоставь нам полевые войска в возможном количестве.

На Венере собирается Общая Планетная дискуссия по поводу признания правительства Новой Земли. Они достаточно мудры, чтобы не пригласить тебя, поэтому прилетай обязательно. Я тоже буду там: нуждаюсь в тебе, поэтому прилетай, даже если других причин для этого нет.

Хедрик Галт. Маршал Фриленда.»

Донал кивнул сам себе. Но он не начал немедленно действовать. Там, где Галт поражен внезапным открытием, Донал увидел лишь подтверж-

дение своих давних предчувствий.

Шестьдесят населенных пунктов восьми звездных систем, от Солнца до Альтаира, зависели от торговли умами. Правда заключалась в том, что человечество шагнуло слишком далеко, и каждая планета не могла позволить себе развивать все области науки и техники. Зачем содержать тысячи средних медицинских училищ повсюду, если можно иметь пять высших и выпускать медиков высшей квалификации и торговать ими с другими планетами, где они могли бы учить других. Преимущества такой системы были огромными, число искусных специалистов ограничено, больше того, прогресс шел быстрее, если все специалисты в одной области тесно контактировали друг с другом.

Система оказалась высоко практичной. Донал был одним из немногих людей, ясно видевших заключенные в ней недостатки.

Спорным вопросом торговли контрактами было следующее: насколько искусный специалист является индивидуальстью со своими правилами и насколько он является собственностью нанимателя. Если он индивидуальность, торговля между мирами превращалась в серию индивидуальных сделок, и тогда общество с трудом может соблюдать общие интересы. Если специалист — собственность нанимателя, это открывает широкие возможности для дельцов — покупателей и продавцов людей, которые смотрят на специалистов лишь как на живой товар, нечто вроде скота, из которого нужно извлекать максимальную прибыль.

Планеты все еще не решили этот вопрос. «Закрытые» общества, подобные обществам технологических планет венерианской группы — самой Венеры, Нептуна, Кассиды и фантастических планет Гармонии и Ассоциации, а также Коби, управляемой анонимным тайным преступным обществом,— эти планеты всегда предпочитали смотреть на специалистов скорее как на собственность, чем как на индивидуумов. «Свободные» общества — республиканские планеты Старая Земля, Марс, планеты Экзотики — Мара и Культис, индивидуалистическое общество Дорсая — склонились скорее на сторону индивидуальности...

Было несколько планет, занимавших промежуточные позиции, и планеты с сильной центральной властью, типа Фриленда и Новой Земли, купеческая Сета, демократическая теократия Святой Марии, и малонаселенная пионерская планета рыбаков Декиин, управляемая объединением под названием Корбел.

Среди «закрытых» обществ рынок контрактов существовал уже много лет. На этих мирах вы можете быть проданы без вашего ведома другому нанимателю, возможно, на другую планету. Преимущества такой торговли: правительства легко перекупали лучших специалистов «свободных» обществ. Хотя соглашения между планетами существовали, но «закрытые» общества всегда умудрялись перехватить львиную долю

талантов.

Это было почвой для неизбежного конфликта, который вызревал уже пятьдесят лет и должен был решить вопрос о жизненной потребности современной цивилизации — умах ее специалистов. И вот, думал Донал, стоя у прозрачной стены, этот конфликт виден. Он начался уже тогда, когда Донал вступил на борт корабля, на котором встретился с Галтом, Уильямом и Анеа. Уже тогда битва началась, и его в этой битве ждала своя роль.

Он подошел к столу, нажал кнопку и сказал в микрофон:

— Всех командиров родов войск и Штаба ко мне, немедленно. Совещание на высоком уровне.

Убрав палец с кнопки, он сел за стол. Предстояло много дел.

ПРОТЕКТОР - II

Прибыв через пять дней в Холистар, столицу Венеры, Донал немедленно отправился разыскивать Галта в правительственном отделе.

— У меня много дел,— сказал, обмениваясь рукопожатием со старым маршалом и садясь рядом с ним, Донал,— иначе я прилетел бы раньше.— Он посмотрел на Галта.— Вы выглядите усталым.

Маршал Фриленда действительно похудел. Кожа на его лице натянулась, глаза помутнели от усталости.

— Политика, политика...— ответил Галт.— Это не мое дело. Она утомляет людей. Выпьем?

— Спасибо, не хочу,— ответил Донал.

— Ну, а я выпью. Только закурю трубку, не возражаешь?

— Я никогда не возражал, но вы никогда меня раньше не спрашивали.

— Да,— Галт то ли закашлялся, то ли засмеялся. Он начал набивать трубку своими дрожащими руками.— Черт бы побрал эти дела. По правде говоря, я готов уйти в отставку, но как можно сейчас уйти. Ты получил мое сообщение. Сколько полевых войск сможешь ты мне выделить?

— Скажем, двадцать тысяч первоклассных солдат.— Галт поднялся.

— Не беспокойтесь,— улыбнулся Донал,— они будут прибывать мелкими группами, чтобы создать впечатление по меньшей мере в пять раз большего количества.

Галт кивнул.

— Я знал, что ты придумаешь что-либо такое,— сказал он.— Нам понадобится твой мозг на этой конференции. Официально мы собрались здесь, чтобы выработать общее отношение к новому правительству Новой Земли, но вы знаете, что здесь имеется в виду на самом деле?

— Догадываюсь,— ответил Донал.— Открытый рынок.

— Верно.— Галт разжег трубку и с наслаждением затянулся.— Положение изменилось: теперь Новая Земля примкнула к венерианской группе, а мы под давлением внутренних сил склонились на сторону противников открытого рынка. Мы могли бы просто подсчитать соотношение сил по головам, сидя за столом, но дело не в этом. У них есть Уильям и этот белоголовый дьявол Блейн.— Он пристально взглянул на Донала.— Ты знаешь Блейна?

— Мы с ним никогда не встречались. Это мое первое посещение Венеры,— сказал Донал.

— Это акула,— с чувством сказал Галт.— Я хотел бы видеть, как они однажды столкнутся лбами с Уильямом. Может, они сожрут друг друга и очистят Вселенную. Что ж... И относительно твоего статуса здесь.

— Официально я послан Сэйоной Связующим как наблюдатель.

— Тогда проблема решена. Мы можем легко перевести тебя из наблюдателей в делегаты. По правде говоря, я уже принял для этого меры. Мы только ждали твоего приезда.— Галт выпустил большое облако дыма и посмотрел на Донала сквозь него.— Как ты насчет этого, Донал? Что ты об этом думаешь? Что произойдет на конференции?

— Я не уверен,— ответил Донал.— Это был ложный шаг — свергать правительство силой. Я думаю, что вернем старое правительство.

Галт вынул трубку изо рта.

— Вернуть правительство? Ты хочешь сказать, что к власти вернется старое правительство? — Он с удивлением посмотрел на Донала.— Кто же из вас вернет его?

— Уильям, как я думаю,— сказал Донал.— Это не его метод — действовать силой. Но можно поклясться, что он вернет старое правительство, и если сделает, то потребует за это хорошую цену.

Галт покачал головой.

— Не понимаю,— сказал он.

— Уильям сейчас в одном лагере с венерианской группой,— разъяснил Донал.— Но он не собирается помогать им так просто. Он преследует свои собственные цели, намеченные им очень давно. Готов поклясться, что на конференции речь будет идти о двух вещах. О первой очереди и второй очереди. Первая очередь — это разговор об открытии рынка. А вторая — игра Уильяма.

Галт вновь затянулся.

— Не знаю,— сказал он задумчиво.— Я не получил сведений об Уильяме подобно тебе, но ты, кажется, подложил что-то под его порог. А ты уверен, что остаешься беспристрастным, когда речь заходит об Уильяме?

— Как я могу быть в этом уверен?— сухо сказал Донал.— Я думаю так об Уильяме, поскольку...— заколебался он,— если бы я был на его месте, я бы поступил именно так.— Он помолчал.— Переход Уильяма на нашу сторону на конференции заставил бы всех нас принять решение

о возвращении правительства Новой Земли, не так ли?

— Да, пожалуй.

— Тогда Уильям добьется своего,— пожал плечами Донал,— перейдет в противоположный лагерь с компромиссным решением и позволит ситуации развиваться в нужном направлении.

— Ну что ж,— медленно сказал Галт,— это мне понятно, но что же делать? Чего же он хочет?

Донал покачал головой.

— Я не уверен,— сказал он осторожно,— я не знаю.

На этом они окончили свой частный разговор, и Галт повел Донала к другим делегатам конференции.

Собрание началось так, как это обычно бывает на подобных конференциях, с групп любителей коктейля в залах Дворца Прожектора Блейна. Блейн, как интересно было увидеть Доналу, оказалось плотным, хладнокровным, беловолосым человеком, который внешне никак не отвечал характеристике, данной ему Галтом.

— Ну, что вы о нем думаете? — пробормотал Галт, когда Блейн со своей женой, обходя гостей, расстался с ними.

— Алмазный человек,— сказал Донал,— но мне кажется, сейчас его нечего бояться.— Донал заметил, как Галт улыбнулся.— Он сейчас слишком погружен в свои дела. И я предвижу, что скоро он вступит в борьбу.

— С Уильямом?— шепотом спросил Галт.

— С Уильямом.

Все это время они потихоньку приближались к Уильяму, сидевшему лицом к ним в конце зала и разговаривавшему с высокой, стройной женщиной, стоящей к ним спиной. Когда Галт и Донал подошли, Уильям взглянул на них.

— А, маршал,— сказал он с улыбкой.— И Протектор?

Женщина обернулась, и Донал оказался лицом к лицу с Анеа. Если пять прошедших лет произвели изменения во внешности Донала, то на внешности Анеа они отразились сильнее. Теперь ей было больше двадцати лет, и последние следы юношеской незрелости исчезли. Она сейчас блистала той редкой красотой, которая никогда не пропадает с годами и не оставит ее даже в пожилом возрасте.

Она очень развилась с того времени, когда Донал в последний раз видел ее, приобрела женственность. Зеленые глаза ее с неопределенным выражением смотрели на Донала с расстояния в несколько десятков сантиметром.

— С радостью вижу вас вновь,— сказал он, наклоняя голову.

— Я тоже,— голос ее изменился. Донал поглядел на нее и произнес:

— Принц, я...

Уильям встал и обменялся рукопожатием с Доналом и Галтом.

— Польщен новой встречей с вами, Протектор,— сказал он вежливо Доналу.— Полагаю, это маршал пригласил вас на конференцию. Для ме-

ня это очень хорошо.

— Да, это хорошо для вас,— ответил Донал.

— Я люблю юных, открытых людей за столом конференции. Не обижайтесь, Хендик. Они гораздо восприимчивее к новому.

— Я не собираюсь претендовать на что-нибудь новое. Я солдат,— ответил Галт.

— И это делает вас особенно опасным. Политиканы обычно чувствуют себя лучше с людьми, от которых они знают, чего ожидать. Честный человек — это всегда проклятие для дельцов.

— Жаль,— вмешалась Анеа,— что их очень мало для того, чтобы проклясть всех дельцов.

Она взглянула на Донала. Уильям улыбнулся.

— Избранная из Культиса вряд ли может относиться иначе к обычным смертным,— сказал он.

— Вы можете отправить меня на Экзотику в любой момент,— возразила она.

— Нет, нет,— Уильям, смеясь, покачал головой.— Человек такого типа, как я, чувствует себя хорошо только в окружении хороших людей, подобных вам. Я погружен в жестокую действительность, это моя жизнь, и я не хочу иной. Но иногда для душевного отдыха мне нравится заглянуть через стены в монастырь, где наши величайшие из трагедий кажутся шипами розы.

— Люди умирают из-за разницы в их цвете,— добавил Донал.

— Верно,— сказал Уильям.— Война Алой и Белой Розы, древняя Англия. Но этот конфликт, как и многие другие, возник из-за вопросов собственности. Войны никогда не возникают из-за абстрактных причин.

— Наоборот,— сказал Донал.— Войны происходят именно из-за абстрактных причин. Они развязываются именно людьми среднего и пожилого возраста, но ведет их молодежь. А молодежь для величайшей трагедии Вселенной нуждается в чем-то большем, чем политические и практические мотивы: ведь, если вы погибаете в юности, для вас погибает вся Вселенная.

— Что за необычные суждения со стороны профессионального солдата,— засмеялся Уильям.— Это напомнило мне, что я должен обсудить с вами кое-что. Я знаю, что вы считаете самым главным в армии подготовку полевых войск и добились в этом больших успехов. Это заинтересовало меня. В чем ваш секрет, Протектор? Вы разрешите прислать наблюдателей?

— Никакого секрета нет,— сказал Донал.— Причина успеха заключена в одном человеке — полевом командире Янс Гриме.

— А, это ваш дядя,— сказал Уильям.— Как вы думаете, не смог бы я перекупить его контракт?

— Боюсь, что нет,— ответил Донал.

— Что ж, мы еще поговорим об этом. Мой стакан совсем опустел. Кто хочет со мной выпить?

— Нет, благодарю вас,— отказалась Анеа.

— Я тоже не хочу,— сказал Донал.

— Ну, а я выпью,— промолвил Галт.

— В таком случае идемте, Галт,— Уильям обернулся к Галту. Они пошли вдоль зала. Донал и Анса остались вдвоем.

— Итак,— сказал Донал.— Вы не изменили своего мнения обо мне?

— Нет.

— Это слишком недальновидно для утонченного разума избранной из Культиса,— иронически сказал он.

— Я не сверхчеловек,— вспыхнула она, как будто в ней проснулся юношеский дух.— Нет,— сказала она уже более спокойно,— вероятно, в мире миллионы людей хуже вас, но вы корыстны. И этого я не могу забыть.

— Уильям перекупил ваши мнения,— сказал он.

— Он во всяком случае не выдает себя за человека лучшего, чем есть.

— Почему зло изобретательней добродетели? — удивился Донал.— Вы ошибаетесь. Уильям изображает из себя Донала, чтобы закрыть вам глаза на то, кем он действительно является. И вряд ли кто-нибудь заглянул в глубину его души.

— Да?— голос ее был презрительным.— И что же там, в глубине?

— Нечто большее, чем личное возвышение. Он живет, как монах, он не изыскивает личной выгоды из долгих часов работы и не заботится о том, что о нем подумают.

— Как и вы...

— Я? Я забочусь о мнении людей, которых уважаю.

— Например?

— Например, о вашем мнении,— ответил он убежденно.— Хотя не знаю, почему.

Она посмотрела на него, глаза ее широко раскрылись.

— О,— воскликнула она,— не говорите же так.

— Не знаю, почему я вообще говорю вам,— неожиданно с горечью ответил он и отошел.

Пройдя мимо гостей, он отправился в свою каюту и работал там до утра. Ложась в постель, он не смог уснуть сразу и отнес это за счет похмелья после выпитых коктейлей.

Его мозг пытался исследовать это изменение, но он не позволил.

ПРОТЕКТОР - III

— Настоящий тупик,— сказал Уильям.— Попробуйте моего мозельского.

— Нет, благодарю вас,— ответил Донал. Он принял приглашение пообедать с Уильямом в его апартаментах после утреннего заседания. Рыба была отличной, вино превосходное, а Донал осторожен, хотя ни о чем важном пока не говорилось.

— Вы разочаровываете меня,— сказал Уильям.— Я сам очень увлекаюсь едой и питьем, но люблю смотреть, как ими наслаждаются другие.— Он поднял брови.— Вероятно, ваше обучение на Дорсае было спартанским?

— В некотором отношении — да,— ответил Донал.— Спартанским и немного провинциальным. Во всяком случае, я не раз вызывал недовольство Хендрика Галта неумением поддерживать разговор.

— Что ж,— сказал Уильям,— в этом ваш характер. Солдат любит действия, а политик — звук своих слов. Вы, очевидно, поняли, что проблема конференции решается не за ее общим столом,— он жестом указал на еду перед ним,— а за маленьким тет-а-тет, наподобие нашего.

— Думаю, что такой тет-а-тет не слишком способствует общему соглашению,— Донал отпил вина из своего стакана.

— Верно,— ответил Уильям,— в сущности, никто не хочет вмешиваться во внутренние дела планет и никакая планета не хочет вмешиваться; как этот открытый рынок, вопреки воле людей.— Он покачал головой при виде улыбки Донала.— Нет, нет, я совершенно искренен. Большинство делегатов конференции хотели бы, чтобы проблема открытого рынка вообще не возникала.

— Я сохраню свое прежнее мнение на этот счет,— ответил Донал.— Но в любом случае мы должны прийти к какому-то решению. За или против нынешнего правительства Новой Земли, за или против открытого рынка.

— Может, существует компромиссное решение? — спросил Уильям.

— Что за компромисс?

— Существует лишь два пути сохранения мира в обществе — изнутри и извне. Почему бы не попробовать его извне?

— Что вы имеете в виду?

— Очень просто,— сказал Уильям.— Разрешим всем иметь открытый рынок, но поставим его под наблюдение межпланетной власти. Снабдим ее достаточной силой, способной повлиять на любое правитель-

ство, поставим во главе этой власти такого человека, чтобы правительство любой планеты подумало, прежде чем ссориться с ним.— Он взглянул на Донала.— Как бы вам понравилась такая должность?

Донал удивленно посмотрел на него. Он колебался, потом сказал:

— Я? Человек, который будет командовать такими силами, должен быть...— Он запнулся, не найдя нужного слова.

— Конечно, должен быть,— согласился с ним Уильям.

Донал видел, что Уильям внимательно рассматривает его. Он спросил:

— Почему вы предлагаете это мне? Ведь много старших командиров, людей с громкими именами.

— Вот потому-то я и обратился к вам,— без колебания ответил Уильям.— Их звезда заходит. Ваша — восходит. Где будут эти старики через двадцать лет? С другой стороны, вы...— он махнул рукой.

— Я,— сказал Донал,— командующий...

— Назовем это верховным главнокомандующим,— сказал Уильям.— Должность есть, а вы — человек как раз для нее. Я подготовлю разработку межпланетного налога. Налог пойдет на содержание ваших сил и вам лично. Но мы должны будем учредить особый орган в составе трех человек, который имел бы власть над вами. Мы не можем бесконтрольно предоставить вам такие полномочия.

— В таком случае,— нерешительно сказал Донал,— я лишусь своего поста в системе Проциона...

— Боюсь, что так,— сказал Уильям,— вы должны отбросить всякие подозрения о том, что вы разделяете интересы одной из конфликтующих сторон.

— Не знаю,— Донал по-прежнему колебался.— Я не могу принять этот пост в такое время...

— Об этом нечего беспокоиться,— сказал Уильям.

— Но,— Донал все еще сомневался,— соглашаясь, я неизбежно обрету множество врагов. Если дела пойдут неважно, мне некуда будет вернуться, меня никто не возьмет.

— Откровенно говоря, я разочарован в вас, Донал. Неужели вы совершенно не умеете заглядывать в будущее?— тон Уильяма выдавал легкое нетерпение.— Разве вы не видите неизбежную тенденцию слияния всех планет под властью единого правительства? Такая межпланетная организация возникнет неизбежно и обязательно со своими вооруженными силами.

— В любом случае,— сказал Донал,— я остаюсь лишь наемником. А я хочу владеть чем-нибудь. Планета — почему бы и нет? И я в состоянии управлять планетой и защищать ее.— Он повернулся к Уильяму.— Я получу вашу поддержку?

Глаза у Уильяма были жесткими, как два камня. Он коротко рассмеялся.

— Вы говорите прямо,— заметил он.

— Таков уж я есть,— с оттенком гордости сказал Донал.— Вы хотите, чтобы я принял участие в вашей затее. Вы хотите верховного командования. Очень хорошо. Дайте мне одну планету под вашим контролем.

— А если я дам вам планету,— сказал Уильям,— то какую именно?

Донал облизнул губы.

— Ну, например, Новую Землю.

Уильям засмеялся. Донал замер.

— Так мы не договоримся,— сказал он и встал.— Благодарю вас за обед.— Он повернулся и направился к выходу из зала.

— Подождите.

Он остановился при звуке голоса Уильяма. Тот тоже встал.

— Я вновь недооценил вас,— сказал Уильям.— Простите меня.— Он держал Донала за руку.— Правда в том, что вы не любите меня. Конечно, я предлагаю вам стать чем-то большим, чем просто наемным солдатом. Но все в будущем,— он пожал плечами.— Я могу лишь пообещать вам то, что вы хотите.

— О,— сказал Донал,— мне нужно нечто большее, чем просто обещание. Вы дадите мне договор, предоставляющий мне власть над Новой Землей.

Уильям посмотрел на него и вновь рассмеялся.

— Донал,— сказал он.— Простите... но что даст вам такой контракт?— он развел руками.— Когда Новая Земля будет моей, тогда и подпишем договор. Но теперь...

— А пока напишите его. Он будет служить для меня определенной гарантией.

Уильям перестал смеяться. Его глаза сузились.

— Поставить мое имя на таком документе? Вы считаете меня дураком?

Донал слегка смутился, уловив враждебное презрение в голосе собеседника.

— Ну тогда просто набросайте текст договора,— сказал он.— Вы можете не подписывать его. Но... тогда у меня будет хоть что-то.

— Вы получите что-нибудь, способное со временем поставить меня в затруднение,— сказал Уильям.— Вы понимаете, что я никогда не признаю этого — у нас с вами не было даже разговора на эту тему.

— И все же я буду чувствовать себя увереннее,— покорно сказал Донал. Уильям пожал плечами, не пытаясь скрыть презрение.

— Ну, что ж, ладно,— сказал он и через всю комнату пошел к письменному столу. Нажав кнопку, он сказал в микрофон.— Стенографистку.

Позже, покинув помещение Уильяма с неподписанным контрактом в кармане, Донал вышел в коридор отеля и столкнулся с Анеа, которая тоже, казалось, уходила.

— Вы откуда?— спросил он.

Она отвернулась от него.

— Не ваше дело,— выпалила она, но выражение ее лица, не способное скрывать что-либо, усилило его подозрение. Он схватил ее правую руку, сжатую в кулак. Она сопротивлялась, но он легко разжал ее пальцы. В ее ладони был спрятан маленький подслушивающий аппарат.

— Вы остаетесь глупышкой,— устало сказал он, отбрасывая ее руку.— Много ли вы узнали?

— Достаточно, чтобы мое мнение о вас укрепилось.

— Сохраните это мнение до следующего заседания конференции.

И ушел. Она смотрела ему вслед, испытывая внезапную предательскую слабость, которую она не могла объяснить.

Весь вечер она говорила себе, что у нее нет никакого желания присутствовать на следующем заседании конференции. Но на утро она разыскала Галта и попросила взять ее с собой в зал.

Маршал сказал, что по требованию Уильяма это заседание конференции будет закрытым. Он обещал ей тем не менее сразу после окончания заседания рассказать обо всем. Ей пришлось смириться с этим.

Что касается Галта, то он отправился на заседание и появился там через несколько минут после начала. Уильям высказывал предложение, которое заставило маршала Фриленда насторожиться и прислушаться.

— ...будет утверждаться голосованием на нашей конференции,— говорил Уильям.— Естественно,— он улыбнулся,— наши правительства будут позже ратифицировать это предложение и соглашение. Но все мы знаем, что это пустая формальность. Верховный контролирующий орган, регулирующий только торговлю и обмен контрактами вместе с открытым рынком удовлетворит требования всех присутствующих. К тому же у нас не будет причин поддерживать новое правительство Новой Земли. Мы потребуем, чтобы к власти вернулось старое, законное правительство. И я уверен, что, если мы выскажем это требование все вместе, теперешнее правительство Новой Земли вынуждено будет отступить.— Он улыбнулся всем сидящим за столом.— Я готов выслушать ваши возражения, джентльмены.

— Вы говорили,— произнес своим мягким голосом Прожект Блейн,— о вооруженных силах, которые должны поддерживать этот межпланетный орган. Такие вооруженные силы противоречили бы нашим принципам независимости каждой планеты. Вряд ли мы одобрим существование таких сил, командир которых может занять враждебную нам позицию. Короче...

— Мы не признаем командира, если он не будет полностью разделять наших принципов,— прервал его Арджен со Святой Марии. Косматые брови Галта сдвинулись, придав его лицу хмурое выражение.

Слишком уж кстати столкнулись эти двое. Галт взглянул на Донала, ожидая от него подтверждения своих подозрений, но тут голос Уильяма вновь привлек его внимание.

— Я понимаю вас,— сказал Уильям.— Однако, я думаю, что у меня

ответ есть на ваши возражения. Высших офицеров немного. Каждый из них связан с определенной группой, а это вызовет против него возражения со стороны остальных участников конференции. Мы нуждаемся в человеке, который был бы профессиональным военным, профессиональным солдатом. Пример такого человека, конечно же, наш дорсаец...— Он быстро взглянул на Галта, который уже нахмурился, чтобы скрыть изумление.— Маршал Фриленда, благодаря своему опыту и авторитету, был бы нашим общим кандидатом, но...— Уильям покачал головой.— Но Сета понимает, что некоторые из вас будут возражать против кандидатуры маршала, так как многие годы он связан с Фрилендом. Поэтому мы предлагаем другого человека, молодого, лишь недавно появившегося на политической арене и не успевшего прочно связаться с какой-либо группой. Я имею в виду Протектора Проциона Донала Грима.

Он указал на Донала и сел. Вновь раздался гул голосов, но Донал был уже на ногах. Он стоял, ожидая, пока все замолкнут.

— Я задержу вас не более, чем на минуту,— сказал он.— Я полностью согласен с компромиссным решением, предложенным принцем Уильямом. Ибо убежден, что должен быть сторожевой пес среди звезд, который убережет наш мир от больших неприятностей,— он помолчал и вновь оглядел всех собравшихся.— Я польщен предложением принца Уильяма и тем не менее вынужден отказаться из-за документа, попавшего мне в руки. Я убежден, что среди собравшихся есть не менее полдюжины аналогичных документов.— Он опять замолчал, чтобы сказанное дошло до их сознания.— Итак, я отказываюсь от предложения. И покидаю конференцию в знак протеста против этого документа. Я могу принять такой пост только с чистыми руками и только добровольно. До свидания, джентльмены.

Он кивнул всем и направился к выходу. У выхода он остановился и извлек из кармана неподписанный, лишенный имен, договор, который вручил ему накануне Уильям.

— Кстати,— сказал Донал,— вот то, о чем я говорил. Возможно, это заинтересует вас.

Донал пошел не к себе, а в помещение Галта. Дверной робот предложил ему войти. В кабинете, который ожидал найти пустым, Донал обнаружил человека, сидевшего за шахматным столом. Это была Анеа. Он остановился и склонил голову.

— Простите, я хотел бы увидеть Хендрика. Я подожду в другой комнате.

— Нет,— встала она,— я тоже жду его. Кончилось ли заседание?

— Еще нет,— ответил он.

Она нахмурилась, но прежде чем успела сказать что-либо, раздался звук шагов и вошел Галт, очень возбужденный. Донал и Анеа встали.

— Что случилось?— воскликнула она.

— А? Что?— внимание маршала было привлечено к Доналу, но тут он заметил Анеа.— Он не рассказал, что произошло на конференции до

его ухода?

— Нет,— она бросила сердитый взгляд на Донала.

Галт быстро рассказал ей все. Ее лицо приобрело недовольное выражение. Она повернулась к Доналу, но прежде чем она задала вопрос, спросил Донал:

— А после моего ухода?

— Вы бы только видели это,— голос маршала был весел.— Все вцепились друг в друга. Я чувствую себя намного лет моложе после такого зрелища.— Галт засмеялся.— Кто предложил тебе этот договор? Уильям?

— Я ничего не говорил,— ответил Донал.

— Ну-ну, дело не в этом. Но ты только подумай, что случилось, чем все это кончилось.

— Они избрали меня верховным главнокомандующим,— сказал Донал.

— Но...— лицо Анеа приобрело изумленное выражение.— Откуда ты знаешь?

Донал невесело улыбнулся. Прежде чем он успел ответить, вскрик донесся до ушей мужчин. Это была Анеа, стоявшая с бледным и напряженным лицом.

— Я должна была заподозрить,— тихим и злым голосом сказала она.— Я должна была знать.

— Знать? Что знать?— спросил Галт, глядя на них по очереди. Но глаза Анеа не отрывались от Донала.

— Так вот что вы имели в виду, говоря, чтобы я подождала сегодняшнего заседания,— продолжала она тем же голосом.— Вы думали, что эта... эта махинация изменит мое мнение?

Какая-то тень коснулась непроницаемых глаз Донала.

— Мне лучше знать, зачем это,— спокойно сказал он.— Если вы думаете, что необходимость этого...

— Спасибо,— прервала она.— Я и так по уши в грязи.— Она повернулась к Галту.— Увидимся позже, Хендрик.— И ушла из комнаты.

ВЕРХОВНЫЙ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ - I

С организацией общего рынка, контролируемого Межпланетными силами под командованием Верховного Главнокомандующего Донала Грима, цивилизация наслаждалась непривычным миром в течение двух лет, девяти месяцев и трех дней абсолютного времени. Ранним утром четвертого дня Донал проснулся от того, что кто-то тронул его за плечо.

— Что?— спросил он, мгновенно проснувшись.

— Сэр,— это был Ли.— Прибыл курьер. Он говорит, что его сообщение не может ждать.

Донал оделся, следом за Ли в предрассветных сумерках прошел через анфиладу комнат своей квартиры в Тоби-Сити на Кассиде и вышел в сад. Курьер ждал его.

— У меня сообщение для вас,— сказал курьер.— Я сам не знаю, что оно значит.

— Ничего,— прервал Донал.— Давайте.

— Я должен сказать: «Серая крыса вышла из лабиринта и нажала белый рычаг».

— Понятно,— сказал Грим.— Спасибо.

— До свидания,— сказал курьер и вышел в сопровождении Ли. Когда Ли вернулся, то увидел, что Донал не один. С ним был его дядя, Ян Грим, полностью вооруженный и одетый. Донал прикрепил к талии оружейный пояс.

— Вооружайтесь, Ли,— сказал он, указывая на оружейный пояс.— До рассвета еще два часа, а на рассвете придется пострелять. После этого я могу оказаться преступником, объявленным вне закона на всех планетах, кроме Дорсая, и вы вместе со мной.

— Ян, вы связались с Ллудровым?— спросил Донал.

— Да,— ответил Ян.— Он в глубоком космосе со всеми силами и сможет удержать их там неделю.

— Хорошо, пошли.

Они вышли из здания к платформе, ожидавшей их у входа. И пока платформа мчалась на посадочное поле, Донал размышлял о том, какие изменения могут произойти в мире за семь дней абсолютного времени. Семь дней...

Космический корабль и атмосферный курьер ВЧЖ ожидали их. Передний люк открылся при их приближении, и оттуда вышел капитан с изуродованным шрамами лицом.

— Коби, капитан,— сказал Донал.

— Да, сэр,— капитан наклонился к задраенному небольшой решеткой маленькому отверстию в стене.— Контрольная рубка. Коби,— сказал он. Они прошли в кают-компанию. Вскоре из коридора выкатилась небольшая автоматическая платформа с кофе.

— Ян, это капитан Коруна Эл Мен. Кор, это мой дядя Ян Грим.

— Дорсай,— сказал Ян, пожимая руку капитану.

— Дорсай,— ответил Эл Мен.

— Хорошо,— сказал Донал.— Когда мы будем на Коби?

— Как минимум через восемнадцать часов,— ответил Эл Мен.

— Хорошо,— сказал Донал.— Мне потребуется десять человек для участия в операции. И хороший офицер.

— Я,— сказал Эл Мен.

— Капитан, я... Ладно. Вы и десять человек.— Донал извлек из кар-

мана какой-то чертеж.— Взгляните, этим нам нужно будет заняться.

Чертеж представлял собой план подземного помещения на Коби. Все население было изображено в помещении из восемнадцати комнат, окруженных садом и двором; кроме того, проход по подземным путям обеспечивал внезапность нападения. Когда все были проинструктированы, Донал отдал чертеж Эл Мену и тот отправился знакомить с планом своих людей. А Донал предложил Ли и Яну поспать.

— Мы вблизи планеты, главнокомандующий, если хотите послушать новости...

— Да,— сказал Донал.

— «... как нам только что сообщили, борьба разворачивается на следующих планетах: Венере, Кассиде, Новой Земле, Фриленде, Ассоциации, Гармонии и Святой Марии. Принц Уильям предложил свои войска использовать как полицейские силы при подавлении беспорядков. Мы передавали новости. Ждите нашего сообщения через пятнадцать минут».

— Хорошо,— сказал Довал.— Сколько до посадки?

— Около часа,— ответил Эл Мен.— У вас есть координаты пункта посадки?

Донал кивнул.

— Идемте в контрольную рубку,— сказал он капитану.

Они приземлились на лишенную атмосферы планету прямо над люком из подземных транспортных туннелей.

— Отлично,— сказал Донал вооруженному отряду, собравшемуся в кают-компании.— Операция проводится добровольцами, и я даю вам еще одну возможность подумать и отказаться, не опасаясь последствий.— Вот что нам предстоит. Вы пойдете со мной через грузовой люк до двери, ведущей в туннель. Никто не должен нас видеть. Понятно?— он посмотрел на их лица.— Хорошо,— сказал он.— Пошли.

Это был лабиринт туннелей, настолько узкий, что пройти мог только один человек, и усеянный нишами, в которых помещалась сложная аппаратура. На стенах изредка висели лампы, в их холодном свете они прошли по туннелю и оказались в саду. Впереди находились комнаты, освещенные изнутри мягким светом.

— Два человека остаются у входа,— прошептал Донал,— остальные за мной.

Низко пригнувшись, они пробрались в чудесный сад, к подножию широкой лестницы, ведущей на террасу.

— Три человека остаются на террасе,— прошептал Донал.

Отряд тихо вступил в освещенные помещения. Они прошли через несколько комнат, не встретив никого. И вдруг наткнулись на засаду.

Члены экипажа хотели броситься на пол и открыть огонь, но не успели. Они были обожжены. Но трое дорсайцев не были застигнуты врасплох, отработанные рефлексы и специальные тренировки делали их непревзойденными солдатами. Они среагировали мгновенно и быс-

трее мысли оказались у стен, а затем и у дверей, захлопнув их. Помещение погрузилось в темноту, в которой началась рукопашная схватка.

В комнате в засаде находилось восемь человек, но никто из них, даже вдвоем, не справились бы с одним дорсайцем. Вдобавок у дорсайцев было важное преимущество: они инстинктивно узнавали друг друга в темноте и могли объединиться без обсуждений. Общее впечатление было таким, будто трое зрячих боролись с восемью слепцами.

Донал быстро справился со своими противниками и поспешил на помощь дяде. Ян, к его удивлению, все еще не мог справиться с одним. Донал подошел ближе и понял почему. Противником Яна был дорсаец. Донал схватил его за одну руку, Ян — за другую, и тот оказался беспомощным между Доналом и его дядей.

— Труй Дорсай! — воскликнул Донал.— Сдавайтесь!

— Кому?

— Донал и Ян Грим,— сказал Ян.

— Польщен,— сказал дорсаец.— Хорд Ван Тарсел... Отпустите меня, у меня сломана рука.

Донал и Ян помогли Ван Тарселу встать на ноги.

Подошел Эл Мен.

— Ван Тарсел — Эл Мен,— познакомил их Донал.

— Мы ищем спрятанного здесь человека, где его найти?— спросил Донал.

— Следуйте за мной,— сказал Ван Тарсел. Он провел их сквозь еще одну дверь.— Закрыта,— сказал он.— Тревога дошла сюда.— Дальше идти он не мог.

— Прожжем ее,— сказал Донал.

Он, Ян и Эл открыли огонь по двери, она раскалилась добела и начала плавиться. Ян ударил по ней, и она сорвалась.

В дальнем углу комнаты стоял высокий человек в черном капюшоне, закрывавшем лицо.

— Идемте,— сказал Донал.

Человек подошел, опустив плечи. Они пошли через дом тем же путем и через пятнадцать минут были уже на ВЧЖ, который тотчас же отправился в глубокий космос.

Донал стоял в кают-компании возле одетого в капюшон человека, развалившегося в кресле.

— Джентльмены,— сказал Донал.— Посмотрите на главного помощника Уильяма. Вот человек, который вызвал ураган, бушующий сейчас в цивилизованном мире.— Он протянул руку к черному капюшону. Человек отпрянул, но Донал схватил капюшон и отбросил его. Легкое удивленное восклицание сорвалось с уст дорсайцев.

— Значит, вы продались ему,— сказал он.

Перед ними был Ар-Делл Монтор.

ВЕРХОВНЫЙ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ - II

— Капитан, как можно скорее мы должны встретиться с флотом Ллудрова,— сказал Донал.

Они встретились с флотом за три дня до конца недели, после которой Ллудоров должен был восстановить связь. Донал, в сопровождении Яна, вступил на борт флагманского корабля и принял командование.

— Есть новости? — был его первый вопрос Ллудорову, когда они встретились.

Ллудоров коротко пересказал, что, благодаря покупке контрактов, сдаче в аренду, взятию на обучение, временной передаче командования и дюжине других бумажных манипуляций, Уильям держал под контролем действующие армии планет, где начались беспорядки. Теперь все, что ему необходимо,— это высадка небольших отрядов с офицерами, имеющими соответствующие приказы.

— Совещание Штаба,— сказал Донал.

— Джентльмены,— произнес Донал, когда все собрались и расселись вокруг стола.— Я уверен, что ситуация вам всем известна. Я хочу напомнить вам, что, когда сражаешься с противником врукопашную, не следует его бить там, где он ожидает удара. Смысл успеха в том, чтобы ударить по противнику неожиданно и в незащищенное место.

Донал встал.

— Уильям,— продолжал он,— все последние годы уделял чрезвычайно большое внимание подготовке полевых войск. Я сделал то же самое, но с другой целью.— Он помолчал.— Зачем все это было нужно, джентльмены? Мы должны опровергнуть древнее изречение и захватить цивилизованную планету, обладающую совершенной защитой и снабженную всем необходимым. Мы сделаем это, используя своих людей и корабли: они хорошо подготовлены к выполнению этой задачи. Этой планетой будет сердце вражеских войск — Сета.

Это было слишком даже для старших офицеров. За столом раздался гул голосов. Но Донал не обратил на это внимания.

— Мы захватим Сету в течение 24-х часов. Когда население планеты проснется, она уже будет под нашей властью. Детали операции — в этой папке, джентльмены. Можем ли мы заняться этим?

Они просмотрели документы. Это был великолепный образец военного планирования.

— Теперь,— сказал Донал,— когда все ознакомились с планом, идите и готовьте войска.

В короткий срок на планету высадились десантники, получившие

различные задания. Каждая группа захватила одно военное сооружение, обезопасила полицейский отряд или гарнизон. Высадка производилась под покровом ночи.

Донал высадился с четвертой волной нападающих. Когда утром над планетой взошло солнце, огромный желтый диск, она была захвачена. Через два часа ординарец доложил, что обнаружен Уильям. Он находился в своей резиденции в Уайттауне.

— Я отправлюсь туда,— сказал Донал. Он оглянулся: его офицеры были заняты, а Ян был где-то со своими войсками. Донал обернулся к Ли.— Идемте со мной.

Они взяли четырехместную платформу и отправились в путь. Приземлившись в саду в резиденции Уильяма, Донал оставил ординарца, а сам отправился в здание. Пройдя через арку, он оказался в небольшой приемной лицом к лицу с Анса. Лицо ее было бледным, но спокойным.

— Где он? — спросил Донал.

Она повернулась и указала на дверь в дальнем конце приемной.

— Закрыта,— сказала она.— Он был там, когда началась высадка ваших людей. Никто не видел его с тех пор. Я не смогла уйти.

— Да,— сказал Донал, осматривая дверь,— для него это было нелегко.

— Вы беспокоитесь о нем? — голос ее звучал резко.

— Я беспокоюсь о каждом человеке,— ответил он.

Донал подошел к двери и дотронулся до нее рукой. Дверь отворилась. Он щутил внезапный внутренний холод.

В конце длинной комнаты, у стола, заваленного бумагами, сидел Уильям. Он встал, увидев входящего Донала.

— Наконец-то вы здесь,— спокойно сказал он.— Это была хорошая операция. Мудрый ход. Признаю это. Я недооценивал вас с самой первой нашей встречи. И это я вынужден признать. Я побежден.

Донал подошел к столу и взглянул в спокойное лицо Уильяма.

— Сета под моим контролем,— сказал Донал.— Ваши экспедиционные войска на других планетах бездействуют, их контракты и бумаги, на которых они написаны, ничего не стоят, без ваших приказов они ничего не станут делать.

Уильям посмотрел на Донала с таким необычным вопросительным взглядом, что Донал насторожился.

— Вы нездоровы,— сказал он.

— Да, я нездоров,— ответил Уильям, устало потирая глаза.— Я слишком много работал в последнее время. Расчеты Монтора были верны. Я вас ненавижу,— сказал Уильям.— Ни одного человека в мире я не ненавижу так, как вас.

— Идемте,— сказал Донал.— Я отведу вас туда, где вам помогут.

— Нет, подождите,— Уильям отступил.— Сначала я должен кое-что показать вам. Я понял, что всему наступил конец, как только по-

лучил сообщение о высадке ваших войск. Я ждал с тех пор десять часов.— Он неожиданно содрогнулся.— Долгое ожидание. Но у меня было занятие.— Он неожиданно подошел к двери у дальней стены и нажал кнопку.

— Посмотрите.

Дверь скользнула в сторону. Донал взглянул. В небольшом помещении висел человек, которого с трудом можно было узнать по изуродованному лицу. Это был брат Мор...

СЕКРЕТАРЬ СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ

Проблески сознания стали появляться все чаще. Но он до сих пор был занят. И вот только теперь прислушался к голосам — это были голоса Анеа, Сэйоны и еще кого-то независимого...

— Донал,— это голос Сэйоны.

— Я здесь,— ответил он, открыл глаза и увидел белые стены госпиталя и кровать, на которой он лежал. Рядом сидели Анеа, Сэйона и Галт. Чуть подальше стоял небольшой человек с усами и в белом халате — один из психиатров Экзотики.

— Вы должны отдохнуть,— сказал медик.

Донал взглянул на него, врач отвел глаза.

— Благодарю вас, доктор, вы меня вылечили,— с улыбкой сказал Донал.

— Я не лечил вас,— ответил врач, по-прежнему отводя глаза.

— Донал,— начал Сэйона незнакомым, слегка вопросительным голосом. Донал взглянул, и тот прикрыл глаза. Только Анеа, когда он посмотрел на нее, вернула ему взгляд по-детски чистый.— Не сейчас, Сэйона,— сказал Донал.— Где Уильям?

— Этажом ниже, Донал,— внезапно сказал Сэйона,— что вы с ним сделали?

— Я приказал ему страдать,— просто ответил Донал.— Я был неправ. Отведите меня к нему.

В палате лежал человек, которого трудно было узнать. Лицо его было обезображено гримасой боли, кожа обтянула кости, а глаза никого не узнавали.

— Уильям,— сказал Донал, подходя к кровати.— Все, что связано с Мором, забыто. Все будет хорошо. Теперь все будет хорошо.— Медленно напряжение на лице лежавшего слабело, глаза его остановились на Доналe.— Для вас найдется работа,— сказал Донал. Уильям глубоко вздохнул. Донал убрал руку со лба. Глаза лежавшего закрылись. Уильям заснул.

ДОНАЛ

Человел отличался от других — пока лишь несколько человек знали об этом. Необходимо найти способ, который послужил бы для этой репутации громоотводом, то есть сделал бы ее безвредной.

Он услышал голос подходящей Анеа.

— Здесь Сэйона,— сказала она.— Вы не хотите с ним поговорить?

— Немного позже,— ответил Донал.

Донал оторвался от своих мыслей и занялся той проблемой, о которой сейчас говорили Сэйона и Анеа.

— ...он походил по залу,— звучал голос Сэйоны.— Сказал слово здесь, слово там, но после этого все оказалось в его руках.

— Я понимаю, как это было,— ответила Анеа.— Он сверкает среди костров, как атомное пламя. Их слабое пламя тускнеет по сравнению с его огнем.

— И вы не жалеете?

— Жалеть? — ее счастливый смех разорвал на клочки его вопрос.— Какие сожаления? Что вы имеете в виду?

— Мне нужно кое-что рассказать вам,— сказал Сэйона.— Анеа, что вы знаете об истории собственных генов?

— Я знаю о них все,— ответила она.

— Нет,— сказал Сэйона.— Вы знаете, что были выращены для определенной цели.— Он протянул старую сухую руку с видом человека, просящего о помощи.— Вы знаете, что стояло за расчетом Монтора? Угроза всему человечеству в целом. Человечество самовосстанавливается как единый организм, если его отдельные части погибают. Но если изменить условия существования человечества... Человечеством можно управлять, подвергая людей физическим и эмоциональным воздействиям. Увеличьте температуру в комнате, и человек, находящийся в ней, снимет пиджак. В этом секрет власти Уильяма над людьми.

И такова была наука Монтора. Наши ученые на Экзотике тоже пришли к выводу, что человечеством можно и нужно управлять, но другим путем. Мы рассматривали человечество как объект, допускающий регулировку через своих представителей, через индивидуумы: все человечество меняется, когда становятся другими люди. А ключом к этому изменению, как мы установили, является генный отбор — и естественный, случайный, и искусственный, контролируемый...

— Но так оно и есть,— сказала Анеа.

— Нет,— Сэйона медленно покачал головой.— Мы ошибались, мы

можем их лишь объяснить. Мы оказываемся в положении историка. Изменения в генах возможны лишь в минимальных дозах. Раса не может быть существенно изменена изнутри: мы можем добиваться лишь тех свойств, о существовании которых мы знаем или догадываемся. И это отталкивает нас от тех генов, которые мы встретили, но не распознали и, конечно, мы не можем работать с теми генами, о существовании которых мы даже не догадываемся. А нужны были совершенно новые гены, новые комбинации.

Изменение расы изнутри — это неразрешимый вопрос. Все, что мы можем делать,— это развивать, стабилизировать и укреплять наследственность генов наших предков.

Уильям — вы, Анеа, должны это знать лучше, чем кто-либо другой,— принадлежал к небольшой группе людей, которые являются двигателями и победителями истории. Они не поддаются контролю. А сейчас я постараюсь сообщить вам нечто важное. Мы на Экзотике обратили на Уильяма внимание, когда ему не было еще и двадцати лет. И тогда было принято решение отобрать необходимые гены. В результате появились вы.

— Я? — она застыла, глядя на него.

— Вы,— Сэйона наклонил голову.— Разве вы никогда не задавали себе вопрос, почему вы яростно сопротивляетесь любому начинанию Уильяма? Или почему он так настойчиво держался за ваш контракт? Или почему мы на Культисе позволяли продолжать таким несчастливым отношениям, почему продлевали контракт?

Анеа медленно покачала головой.

— Я... Я вижу... но не понимаю.

— Вы были задуманы как дополнение к Уильяму в психическом смысле.— Сэйона вздохнул.— Его действия должны были хоть отчасти контролироваться вашим присутствием. Ваш с ним неизбежный брак — он-то и был нашей целью — привел бы, как мы надеялись, к смешиванию двух натур. Разумеется, результат этого брака был бы исключительным... так думали мы.

Она содрогнулась.

— Я никогда бы не вышла за него замуж.

— Вышли бы,— сказал Сэйона со вздохом.— Вы были предназначены — простите меня за резкое слово — вы предназначались мужчине, возвышавшемуся над всеми в Галактике.— Напряжение слегка спало с Сэйоны, в глазах его сверкнул огонек.— И этого, моя дорогая, было очень трудно добиться. Мы использовали старейший и сильнейший из женских инстинктов — стремление принадлежать самому сильному самцу. А высшая цель женщины — рожать детей от такого самца.

— Но ведь есть Донал,— сказала она с просветленным лицом.

— Вот именно,— засмеялся Сэйона.— И поскольку сильнейший человек Галактики был определен нами неверно, вы отвергли его. На сцене появился Донал... Он разрушил все наши теории, все наши планы. Слу-

чайное сочетание генов, нечто недоступное нашему пониманию поставило его выше Уильяма. Он потомок долгой линии мыслителей, смешавшейся со столь же долгой линией деятелей.

Я не сумел понять этого, даже когда мы решили определить это... мы... мы этого не знаем. Если мы не сумели распознать талант, и наши тесты не способны дать выгоду своей расе, значит, мы вообще на неверном пути.

— Но почему вы считаете виновным себя? — спросила она.

— Предполагалось, что эту сферу науки я знаю. Если кибернетик не сумеет определить, что у его товарища сломана кость, никто не обвинит его в этом. Но если подобную ошибку допустит врач, он будет признан виновным и наказан.

Нашей обязанностью на Экзотике было распознать эту новую способность, новый талант, выделить и изучить. Может случиться так, что Донал обладает способностью, которую он сам не может определить.— Он взглянул на нее.— В этом вопросе и заключается то, о чем я должен был спросить вас. Вы ближе всех к Доналу: думаете ли вы, что у Донала есть нечто отличное от других планет и людей? Я имею в виду не просто его военный гений — это касается в большей или меньшей степени и других людей. Я имею в виду способности, совершенно чуждые другим людям?

Анеа долго молчала, глядя куда-то в сторону. Потом вновь взглянула на Сэйона и сказала:

— Почему вы спрашиваете меня? Спросите его самого.

Дело в том, что она не знала ответа: она просто не могла объяснить, что она чувствует.

Сэйона пожал плечами.

— Я глупец, я не доверяю тому, что говорит мне весь мой опыт. Разве избранная из Культиса могла бы дать другой ответ? Но я боюсь его спрашивать. Все мои знания не уменьшают моего страха. Но вы правы, моя дорогая, я... я... спрошу его.

Она подняла руку.

— Донал,— позвала она.

Он услышал ее голос с балкона, но не двинулся и не оторвал взгляда от звезд.

— Да,— ответил он.

Послышались шаги и голос Сэйона.

— Донал...

— Простите,— сказал Донал, не оборачиваясь.— Я не хотел заставлять вас ждать. Но мне нужно было подумать.

— Все в порядке,— ответил Сэйона.— Мне отнюдь не хочется вас беспокоить. Я знаю, как вы были заняты в последние дни. Но у меня есть к вам один вопрос.

— Сверхчеловек ли я? — спросил Донал.

— Да, верно,— Сэйона засмеялся.— Кто-то уже задавал вам этот

вопрос?

— Нет,— Донал тоже глубоко улыбнулся.— Но думаю, еще зададут.

— Вы не должны обвинять спрашивающих,— серьезно сказал Сэйона.— В известном смысле вы, конечно, сверхчеловек.

— В каком смысле?

— О,— Сэйона сделал отвергающий жест рукой.— В смысле общих способностей, намного превосходящих уровень обычного человека. Но мой вопрос...

— Мне кажется, вы сами говорили, что название само по себе ничего не означает. Что вы имеете в виду, говоря «сверхчеловек»? И можно ли ответить на ваш вопрос, если то, что навешивают ярлык, само по себе непонятно.

— Кто захотел бы быть сверхчеловеком? — продолжал Донал печально.— Кто хотел бы выращивать 60 биллионов детей? Кто сумел бы охватить столько? Подумайте об ответственности, которая на него ложится, он отказывает им в конфете или дает ее, а потом видит, что они вынуждены обратиться к дантисту. И если ваш сверхчеловек действительно «сверх», кто может заставить его вытирать 60 биллионов носов и готовить 60 биллионов порций манной каши? Разве не сможет ваш сверхчеловек найти что-либо более удовлетворяющее его самого?

— Да,— сказал Сэйона,— но я вовсе не думаю о столь неестественном. Мы достаточно знаем о генетике теперь, чтобы понять, что не может сразу возникнуть совершенно новый взгляд на человеческое бытие. Любое изменение происходит в форме изменения индивидуумов.

— Но что, если это изменение нераспознаваемо? — спросил Донал.— Предположим, что у меня имеется способность видеть совершенно необычный цвет. Как я могу описать его, если вы не в состоянии увидеть это?

— О, все равно мы сумеем понять,— ответил Сэйона.

— Но все же не увидите его сами.

— Нет, конечно,— сказал Сэйона,— но это не так уж важно, если мы знаем, что это такое.

— Вы уверены? — настаивал Донал.— И что же вы получите, если узнаете, что такая способность существует?

— Конечно, ничего хорошего,— согласился Сэйона,— но с другой стороны, для него в этом тоже нет ничего хорошего. Он, несомненно, смог бы даже скрыть эту способность. И эта мутация исчезла бы без продолжения.

— Я не согласен с вами,— сказал Донал,— я и есть такой сверхчеловек, обладающий сверхзнанием — интуицией. Это мой единственный особый талант, но он превосходит все существующие способности людей.

Сэйона рассмеялся.

— Согласно моему мнению, это ничего хорошего вам не принесло,

вы были даже не способны обнаружить все. Я так давно не применял сократовского метода в спорах, что не узнал его, когда он был применен против меня.

— Возможно, вы подсознательно сопротивляетесь признанию этой моей способности.

— Нет, нет, довольно,— сказал Сэйона.— Вы выиграли, Донал. Но в любом случае, спасибо за разговор.— Он улыбнулся.— Ну, а теперь не сможете ли вы мне сказать, в чем действительно секрет ваших успехов?

— Я человек интуиции,— ответил Донал.

— Конечно,— согласился Сэйона,— конечно, вы человек интуиции. Но только интуиция не может...— Он засмеялся.— Что ж, благодарю вас, Донал...— он помолчал, но Донал не обернулся.— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи,— ответил Донал. Он слышал, как шаги Сэйона удалялись.

— Спокойной ночи,— сказал Сэйона в зале.

— Спокойной ночи,— ответила Анеа.

Шаги Сэйоны пропали в тишине. Донал не двигался. Он чувствовал рядом Анеа.

— Только интуиция,— повторил он шепотом,— только...

Он поднял глаза к неизвестным звездам, как человек утром на прохладном от росы поле в начале долгой дневной работы, когда свободный вечер еще далеко. Он видел то, что ни один человек — даже Анеа — не мог видеть. Медленно он опустил глаза. Медленно повернулся, и по мере того, как он поворачивался, это выражение исчезало с его лица. Как сказала Анеа, он прятал свой блеск от людей, чтобы не ослепить их. Он бросил последний взгляд в неизвестное, в будущую жизнь человека.

ВТОРАЯ ДОРСАЙСКАЯ ВОЙНА

Солдат, не спрашивай, как и что,
Там, где война, твое знамя вьется.
Орды врагов идут на нас.
Смелей воюй — и счастье найдется!

Это игрушки, химера, обман:
Величие, слава, хвала и почет.
Людскую ложь ты им оставь!
Только вера идет в зачет!

Кровь и горе, печаль и скорбь —
Нас эта участь ждет — учти!
Крепче держи, сжимай клинок!
Нет большего счастья, чем в битву идти!

И будем мы, избранники Божьи,
Стоять перед троном с мечами в руках.
Молимся Господу Богу,
Лишь он один у нас в сердцах!

Это боевой гимн колонизировавшей Космос фанатичной армии. Существовала только одна сила, которая могла противостоять им,— ДОРСАЙ!!!

ГЛАВА 1

...Гомеровская «Илиада» начинается словами: «Это история о ярости Ахиллеса». История, которую поведаю я вам,— о моей ярости. Я, землянин, выступил против людей двух миров, называемых Френдлиз: против Гармонии и Ассоциации. Это ярость, подобная Ахиллесовой, это моя ярость — человека с Земли.

Вас это удивляет?

В те дни, когда сыновья более молодых миров являются более высокими, сильными, более искусными и умными, чем мы, люди со старого Мира? Тогда как же мало вы знаете Землю и ее сыновей.

Оставьте ваши молодые миры и возвращайтесь назад, к материнской планете. В благоговении коснитесь ее. Она все еще здесь и все такая же.

Ее солнце все так же светит над волнами Красного моря, которые расступились перед Богом. Ветры все так же дуют в ущелье Фермопил, где Леонид с тремя сотнями спартанцев сдержал орды Ксеркса, царя Герони, и тем самым изменил историю. Здесь люди боролись и умирали, рождались и хоронили своих близких. Все это было более 500 тысяч лет назад. В те времена новые миры были только мечтой. Думали ли вы о тех тысячелетиях и поколениях людей, которые рождались и умирали под одними и теми же небесами и на той же самой земле и которые оставили на всех нас отметки — в крови, на теле, в душе?

Планеты... Им нет числа!

Люди Дорсая стали прирожденными солдатами. Воинственные, без чувства самосохранения, опытные, умелые, бесстрашные.

Люди с Культиса и Мары глубоко проникали во внутренний мир человека в своих попытках дать ответы на вопросы, интересующие все человечество.

Ученые с Нептуна и Венеры настолько ушли вперед по пути умственного развития, что могли с трудом общаться с нами, обыкновенными людьми.

Но мы — «тупые», низкорослые, простоватые люди старой Земли — имеем нечто большее, чем любой из них. Мы все еще храним в себе человека, генетику нашего рода, от которого прочие миры сохранили лишь осколки — яркие, сверкающие, прекрасно обработанные...

Но ведь это только осколки!

Если вы один из тех, кто подобно моему дяде Матиасу Олину пренебрегает нами, то я приведу вам в пример Анклав св.Луиса, где 42 года назад землянин по имени Марк Торр, человек великого видения, первым начал строить то, что через сотни лет будет именоваться Окончательной Энциклопедией.

Массивная, сложная и в то же время тонкая структура. Вы сможете увидеть ее с орбиты материнской планеты. Через сотни лет она уже будет существовать, но никто не знает, как это произойдет. Теория Торра гласит, что существует забытая память человечества — такая скрытая часть земной души, которую юные миры утеряли и не способны больше никогда вернуть.

Вглядитесь в себя. Идите в Анклав св.Луиса и присоединитесь к одному из тех потоков людей, который проведет вас через коридоры и лаборатории Проекта Энциклопедии, где громадные извилистые стены уже начали меняться, впитывая знания, на приобретение которых затрачены тысячелетия. Когда интерьер комнаты изменится окончательно, когда наладятся связи между различными областями знания, появится то, чего никогда прежде не было, то, чего никогда прежде и не могло быть.

Но, как я говорю, сейчас это невозможно. Просто посещение Индекс-комнаты — это единственное, что я прошу сделать. Посетите ее, в дни отдыха. Встаньте в ее центр и сделайте то, что скажет гид.

Слушайте!

Слушайте. Напрягите всю вашу волю и слушайте! Слушайте — и вы не услышите ничего. И тогда ваш гид, нарушив эту почти нестерпимую тишину, скажет вам, зачем он просил вас сделать это.

Только один человек из многих миллионов может что-то услышать в этой комнате. Только один из многих миллионов людей, рожденных на Земле.

Но никто, ни один из тех, кто рожден на новых мирах и приходил сюда слушать, не услышал ничего!

Это ничего не доказывает, вы полагаете? Тогда вы думаете неверно, мой друг! Мне, одному из тех, кто пытался что-то услышать, это изменило всю жизнь. Услышанное соприкоснулось с познанием власти. Я впал в неистовство, желая уничтожения людей двух дружественных миров Френдлиза.

Не смейтесь же над сравнением моей ярости с гневом Ахиллеса, горькой яростью Мирмидонян перед стенами Трои. Между нами много общего.

Мое имя — Там Олин, и мои предки — ирландцы. Но вырос я и стал тем, кто я есть, на Пеллопоннесе, в Греции, как и Ахилл. В Густой тени Парфенона, белеющего над Афинами, наши души по воле дяди спали, хотя ему следовало бы растить их свободными под солнцем.

Наши души. Моя и моей младшей сестры Эйлин.

Слушайте!

Слушайте. Напрягайте всю волю вашу и слушайте!

Глава 2

Это была идея Эйлин — посетить Окончательную Энциклопедию, пользуясь моим новым удостоверением служащего Бюро Коммуникаций. Обычно я поинтересовался бы, как ей в голову пришла такая мысль. Но в тот момент, когда она предложила мне это, какое-то невероятно щемящее чувство охватило меня. Это был не страх, а что-то гораздо более сложное. Оно было похоже на ощущение, которое возникает у человека перед великими испытаниями. Нечто похожее, но гораздо слабее, бывает перед сдачей экзаменов на зрелость. Но тут было еще что-то. Нет, еще раз говорю, это не было страхом. Может быть, нечто похожее испытывает охотник, ожидающий в засаде Боевого Дракона?

Всего лишь на мгновение это коснулось меня, и этого оказалось вполне достаточно. Я знал, что теоретически Энциклопедия предоставляет шанс всем землянам, а так как Катлас считала поведение землян безнадежным, я не обращал внимания на это чувство, решив бросить вызов всему миру — отправиться, и притом как можно скорее, в Сент-Луис.

Возможно, была и другая причина. Уж очень долго я не видел свою

сестру. Ведь в течение всех лет учебы я старался как можно меньше посещать дом дяди. Поэтому был очень рад хоть немного побыть с ней и поделиться переполнявшей меня радостью.

Я только что подписал годичный контракт с «Интерстеллар Ньюс Сервис». И это сразу же после окончания Женевского Университета Коммуникаций! Хотя Университет и считался лучшим учебным заведением, готовящим журналистов и литературных работников для всех 14 миров, но такую работу могли предложить начинающему выпускнику только раз в сто лет, если только вообще могли предложить!

«Межзвездные Новости» были закрытой и привилегированной организацией. Поэтому я не стал спрашивать свою 17-летнюю сестру, почему ей хочется попасть вместе со мной на Окончательную Энциклопедию, тем более, что день и час она не назначила. Сейчас, оглядываясь назад, я могу только предположить, что она стремилась хотя бы на день убежать из мрачного дома нашего дяди...

Дядя Матиас — брат нашего отца, который взял нас к себе, Эйлин и меня, двух подростков, оставшихся сиротами после смерти родителей, последовавшей в авиакатастрофе и в течение всех последующих лет старавшийся нас сломить. Нет, он не прикоснулся к нам даже мизинцем. С его стороны не было ни малейшего проявления грубости или посягательства на свободу поступков. Ничего этого не было. Он предоставил нам в полную собственность богатейший из домов, изысканнейшую пищу, одежду, машины и находился в уверенности, что мы обязаны разделить с ним и его собственный внутренний мир. Такой же темный и мрачный, как и его большой неуютный дом. Такой же бессолнечный, как глубокая пещера, которая никогда не ощущала дневного света.

Его библия была написана в XXV веке святым или дьяволом — Уолтером Блантом, чьим девизом было «РАЗРУШЕНИЕ» и чья «Гильдия Часовни» позднее дала рождение культуре Экзотики, возникшей на молодых мирах Мара и Культис. Нет никакого сомнения, что на Экзотике всегда читали писание Бланта с оглядкой, осторожно применяя его к действительности. Наш же дядя видел в нем лишь догмы. День за днем он пытался заставить нас уверовать в это кредо безысходности. Он свято верил, что человечество молодых миров отринуло нас, землян, подобно любому атрофированному органу. Но ни Эйлин, ни я не могли смириться с этой мрачной философией, хотя мы и были тогда еще детьми.

И вот в один прекрасный день мы совершили челночный полет из Афин в Сент-Луис, а затем из него небольшим самолетом в Анклав.

Небольшой аэробус доставил нас прямо во двор Энциклопедии. Припоминаю, что сходил по трапу последним.

Как только я ступил на бетонные плиты двора, опять что-то произошло со мной. Как будто в глубине моего «я» ударил гонг судьбы. Все произошло настолько неожиданно, что я невольно остановился.

— Извините,— послышался приятный голос за моей спиной,— вы участник тура, не так ли? Вы намереваетесь совершить экскурсию? Я ваш

гид...

Я резко повернулся и обнаружил свое отражение в карих глазах девушки, одетой в голубые одежды Экзотики. Она стояла такая светлая и жизнерадостная, как солнечный свет вокруг нее. Но что-то в ней было странное.

— Вы не с Экзотики,— внезапно выпалил я, понял в чем дело.

Она не походила на рожденных на Марс и Культисе. Уроженцы Экзотики отличались от остальных людей. Их глаза выглядели бездонными и более проницательными, чем у нее, да и у людей с остальных молодых миров. В их взгляде чувствовалась любовь к Повелителю Мира, который всегда был где-то поблизости и обязательно с молнией в руке...

— Я служащая,— ответила девушка.— Меня зовут Лиза Кант... Все верно, я родилась не на Экзотике...

Она вовсе не казалась обескураженной моим решительным разоблачением. Несколько ниже Эйлин, с распущенными темно-каштановыми волосами, свободно струившимися по плечам, с веселой улыбкой и в одежде, которая была ей к лицу, она совершенно очаровала меня. Одежда различных оттенков придавала ей какую-то нереальную легкость, воздушность.

Мне показалось, что я ее уже где-то видел, но где?

— Пойдемте,— мило проговорила она и, повернувшись, направилась к остальным пассажирам аэробуса, которые ожидали нас невдалеке.

Я приноровился к ее шагам и начал расспросы.

Она, не колеблясь, начала рассказывать о себе. Убежденная последовательница философии Экзотики, она родилась тут же, на Среднем Западе Американского континента. Закончив начальную и среднюю школу в Анклаве, она приняла предложение стать служащей Проекта.

Я почему-то решил, что она очень одинока, и, не колеблясь, сказал ей об этом.

— Как же я могу быть одинокой, если все свои силы я полностью отдаю этому пути ... из самых лучших побуждений!

Я подумал, что она смеется надо мной. И это мне не понравилось. Даже в те дни я не был тем, над кем можно было смеяться.

— Что же это еще за самые лучшие намерения? — спросил я, стараясь говорить грубо.— Созерцание вашего центра доставляет вам огромную радость?

Улыбка слетела с ее лица, и она странно взглянула на меня, так странно, что я навсегда запомнил этот взгляд.

— Мы всегда здесь,— вдруг сказала она.— Запомните это.

Затем она повернулась и повела нас через двор к зданию Проекта.

— Для Окончательной Энциклопедии,— говорила она по дороге,— недостаточно огромного количества фактов. Назначение Энциклопедии — посредством пульсирующей энергии скрыть связи с другим множеством внутренних связей. После окончания Проекта Энциклопедии земля-

не смогут получить такую информацию о себе и Вселенной, которая сделает их всемогущими.

С этой точки зрения Земля могла бы на равных конкурировать с такими славящимися своими научными знаниями мирами, как Нептун и Венера, с мирами Экзотики, славящимися глубоким проникновением в тайны человеческой психики, и вообще со всеми другими планетами, специализирующимися в той или иной области.

- Поэтому в мультимировой человеческой культуре, в которой преобладающее значение имеет торговля квалифицированными мозгами, Проект Энциклопедии в конечном итоге полностью окупил бы себя, несмотря на столь огромные капитальные вложения. Но не только это заставляет нас, землян, предпринимать это строительство. Прежде всего, Проект был и остается надеждой Земли, надеждой всего человечества в раскрытии тайн мозга, согласно теории Марка Торра.

Вы, конечно, знаете эту теорию. Но позвольте напомнить вам ее суть. В человеческих знаниях о себе существуют так называемые «темные» области. О них человечество никогда не знало, а только догадывалось. Возьмите, например, телепатию, телекинез и так далее. Энциклопедия могла бы найти в себе что-то такое ... может быть, это будет новое качество, возможность или сила, которая лежит в основе человеческого рода...

Слушая это и разглядывая странные и необычные комнаты Проекта, через которые мы проходили, я опять осознал, как во мне возникает незнакомое чувство. На этот раз оно не отступило, а начало расти и переполнять меня. Но все это внезапно кончилось, как только мы оказались в центре Энциклопедии, в таинственной Индекс-комнате.

Комната имела форму шара, такого огромного, что противоположная полусфера терялась в тумане. Ее присутствие только можно было угадать по наличию слабо мерцающих огоньков, которые хаотично вспыхивали в том месте, где она должна была находиться, отмечая появление новых фактов и ассоциативных связей.

Комната была пуста, но в ее геометрическом центре находилась платформа двадцати футов в диаметре, на которую мы и взошли.

— ...теперь мы здесь остановимся,— сказала Лиза, когда мы все, немного взволнованные, столпились вокруг нее.— Это место известно под названием Точки Перехода. Вы, должно быть, знаете, что это не что иное, как место, с которого можно будет работать с Энциклопедией.

Она замолчала и повернулась кругом, проверяя каждого в группе.

— Соберитесь, пожалуйста, поближе,— сказала она. На секунду ее взгляд задержался на мне... И опять незнакомое чувство потрясло меня, причиняя легкую боль.

— Теперь,— продолжала она после того, как мы образовали тесную группу в центре платформы,— я хочу, чтобы вы на минуту сохранили абсолютное спокойствие и прислушались. Постарайтесь отрешиться от всего постороннего и слушайте. Если кому-то покажется, что он что-то

уловил, не стесняйтесь этого, скажите.

Все разговоры смолкли, и тяжелое, нерушимое молчание этой огромной комнаты повисло над нами. Незнакомое чувство еще больше завладело моим сознанием. Никогда прежде меня не волновали ни высота, ни огромные пространства, но теперь я внезапно почувствовал головокружение, мир начал медленно раскручиваться вокруг меня.

— А что же мы должны услышать? — резко спросил я, пытаясь хоть как-то противостоять панике, охватившей меня. Я стоял точно за спиной Лизы, когда говорил это. Она повернулась и внимательно взглянула на меня. В ее глазах мелькнула та странная тень, которую мне уже довелось видеть.

— Ничего,— сказала она, словно раздумывая.— Хотя есть один шанс из миллиона что-то услышать...

Она легко прикоснулась к моей руке.

— А теперь помолчите и не мешайте другим, даже если вы и не желаете слушать себя.

— О, я с удовольствием сделаю это,— усмехнувшись, проговорил я.

Девушка отвернулась, и внезапно через ее плечо, далеко от нас, у самого входа в Индекс-комнату, возле лестницы, ведущей на платформу, я увидел свою сестру. Как я не заметил, что она отстала, не знаю! Я узнал ее на таком расстоянии только по фигуре. Она разговаривала с каким-то незнакомцем, одетым во все черное. Его лицо, скрытое в полумраке, я не мог разглядеть, да и расстояние было чересчур большим, но он стоял очень близко к Эйлин и, казалось, был очень увлечен разговором.

Я был поражен и рассержен. Вид стройной мужской фигуры, казалось, возбуждал меня, подобно оскорблению. Уже одна мысль, что Эйлин отделилась от нашей группы и любезничает с каким-то мужчиной после того, как уговорила меня прилететь сюда, говорила с кем-то, кто был мне совершенно незнаком, и это в то время, когда я не мог слышать, о чем они говорят... Даже на таком расстоянии движения ее рук и колебания фигуры в мерцающем полумраке казались мне возмутительными.

Холодная волна гнева поднялась во мне. Даже обладая самым лучшим в мире слухом, нельзя было разобрать, о чем они так оживленно беседуют, но, поскольку мрачная тишина повисла в комнате, я напряг все свои силы, чтобы постараться хоть что-либо услышать из их беседы.

И тогда — постепенно, но во все возрастающей громкости — я начал слышать!

Это не был голос моей сестры или ее собеседника. Это был несколько глуховатый голос человека, говорившего на языке, похожем на латинский, но с падающими гласными и пришептыванием. И эта речь нарастала, усиливаясь не по громкости, а по четкости произношения.

Затем я услышал другой голос, что-то говоривший в ответ. А затем другой голос, и еще, и еще... Шепчущие, кричащие, визжащие, подобные снежной лавине голоса входили в меня с разных концов. Все голоса, все языки звучали в моей голове... И все это усиливалось, усиливалось,

усиливалось...

Они звучали, бубня, крича, смеясь, скрежеща, приказывая и моля — но отнюдь не сливаясь, как это могло бы показаться, в вой или могучий гром, подобный звуку водопада.

По мере роста они становились все отчетливее и отчетливее.

Я СЛЫШАЛ КАЖДОГО!

Каждого из тех миллионов мужчин и женщин, которые жили сейчас на Земле.

Я испугался, не в силах совладать с этим. Грудь сжало удушье, мне стало не хватать воздуха. Задыхаясь, я упал без чувств.

Глава 3

С трудом открыв глаза, я с удивлением обнаружил, что лежу на полу и лишь Лиза Кант склонилась надо мной. Другие члены нашей группы еще только растерянно оглядывались по сторонам, пытаясь понять, что такое приключилось со мной.

Лиза присела возле меня и, положив мою голову к себе на колени, спросила низким прерывистым голосом:

— Что с вами? Вы что-то слышали?

Я потряс головой, инстинктивно пытаясь прогнать тот ужас, который минуту назад пленил мое сознание, но тут же с изумлением обнаружил, что только бормотание изумленных людей, столпившихся вокруг меня, нарушает глубокую тишину Индекс-комнаты.

— Вы что-то слышали? — повторила свой вопрос Лиза.

Я взглянул на нее и все вспомнил.

Эйлин и незнакомец! Все еще лежа на полу, я повернул голову в том направлении, где стояли они раньше, но там уже никого не было.

С трудом поднявшись на ноги, я направился к выходу.

Но Лиза решительно преградила мне дорогу.

— Куда это вы собрались? Вы не можете оставить это так! Если вы в самом деле что-то слышали, вам следует немедленно пройти к Марку Торру. Он говорит со всяким, кто что-либо слышал в этой комнате!

Я еле дослушал до конца эту длинную и гневную речь.

— Прочь с дороги! — с трудом подбирая слова, пробормотал я и, не очень вежливо отстранив ее в сторону, направился к выходу из Индекс-комнаты.

Но она догнала меня и вцепилась с силой, которую трудно было заподозрить в девушке ее возраста.

— Стойте! Остановитесь же на секунду! В чем дело?

— Дело? — огрызнулся я.— Моя сестра...

Но тут я остановился. Что я мог сказать? Что меня возмутил поступок

семнадцатилетней сестры, заговорившей с кем-то, кого я, старший ее брат, не знал. Даже если бы я их настиг, что я мог им сказать? Потребовал бы, чтобы мужчина назвал себя или убирался прочь? Да меня просто примут за идиота.

— Вы должны пойти со мной,— донесся до меня голос девушки как будто издалека.— Вы даже не представляете себе, как ужасно редко находят того, кто что-то слышит в Точке Перехода... Вы даже не можете себе представить, как много это значит для Марка Торра!

Я отрицательно покачал головой. У меня не было ни малейшего желания становиться подопытным кроликом.

— Вы должны! — настойчиво повторяла Лиза.— Ведь это так много значит для всего Проекта! Вдумайтесь в это!

Слово «вдумайтесь» дошло до меня.

Девушка была совершенно права, я это понял только сейчас.

... Все миры, населенные человеческой расой, в настоящее время были расколоты на два лагеря, один из которых держал свое население в рамках «неразрывного» или «жесткого», как они говорили, контракта, а другой свято верил в «свободный» контракт. На стороне «жесткого» контракта были оба мира Френдлиза, Кассида и Венера, а также большой новый мир Сста у звезды Тау Кита.

На стороне «свободных» миров выстроились Земля, Дорсай, миры Экзотики — Культис и Мара, Новая земля, Фриленд, Марс и маленький католический мир Святой Марии.

Планеты не могли готовить всех необходимых им специалистов, особенно когда другие миры делали это лучше. Даже самое лучшее обучающее оборудование не могло обеспечить воспитание первоклассных солдат, подобных тем, которых давал Дорсай. Никто не мог приготовить физиков и психологов по качеству сходных с физиками Нептуна или психологами с Экзотики. Поэтому планета воспитывала и обучала один тип профессионалов, которыми и торговала с другими мирами.

Разделение между двумя лагерями было полным. В «свободных» мирах контракт частично принадлежал человеку, продающему свои услуги. Без его согласия, за исключением особой необходимости, продажа его на другую планету была невозможна.

На планетах «неразрывного» контракта индивидуум был в полной зависимости от своего хозяина, и, если ему приказывали, он обязан был беспрекословно повиноваться и работать в том месте, где указывалось.

«Свободные» миры гордились тем, что им не приходится продавать выпускников своих университетов партиями в обмен на специалистов других миров. Но, подобно всем высокоразвитым планетам, Земля, как и другие миры ее лагеря, пользовалась правом индивидуального найма. По такому найму я и пришел работать в «Интерстеллар Ньюс Сервис», заключив годичный испытательный контракт. Но того, что я хотел, еще не было достигнуто! Я был свободным, да! Но «свободный» контракт еще не полная свобода! Настоящая свобода в своей деятельности в наше время

предоставляется только членам планетных правительств, а также особой группе людей, представляющих «Гильдию Интерстеллар Ньюс Сервис». Эти работники в области коммуникаций были связаны клятвой неподкупности и практически отказывались от своего родного Мира. Вступив в «Гильдию», я был бы поистине свободен — никакой Мир после этого не способен был бы предать меня суду или продать мои услуги, не спросив предварительно моего согласия! Да, у меня был сейчас контракт с «Интерстеллар», но это был только годичный контракт! Возобновит ли «Гильдия» его после года моей работы? Вероятность этого составляла всего 5-10%, это уж я хорошо знал. А что будет потом?

И сейчас мне в голову пришла мысль, что, может быть, Марк Торр сможет мне чем-то помочь.

— Вы правы,— сказал я Лизе.— Мне необходимо встретиться с Торром. Куда идти?

— Я провожу вас,— радостно сверкнула глазами девушка.— Только вначале мне необходимо позвонить.

Она отошла от меня на несколько шагов и стала что-то говорить в телефон, имеющий вид кольца на ее среднем пальце. Через минуту она подошла ко мне и взмахом руки пригласила следовать за ней.

— А как же другие?— поинтересовался я, заметив встревоженные взгляды остальных членов нашего тура.

— Я попросила, чтобы кто-нибудь продолжил обход с ними,— ответила девушка, не оборачиваясь.— Сюда, пожалуйста.

Мы вошли в маленькую комнатушку, которая тут же сдвинулась в каком-то направлении и через мгновение остановилась.

— Сюда,— повторила Лиза, подводя меня к одной из стен комнаты. При ее касании стена ушла вниз, и перед моим взором предстала комната, посреди которой находился пульт управления с сидящим за ним старым человеком. Это был Марк Торр — я часто видел его фотографии в «Ежедневных Новостях».

Он был не старше, чем должен был выглядеть для своего возраста — около 80 лет.

Пригласив нас войти и подождав, пока дверь за нами закроется, он указал нам на кресло. Нажав что-то на пульте, Марк Торр откинулся на спинку стула. Он с большим интересом следил за мной.

Внезапно сбоку от нас отошла часть стены, и в комнату вошел среднего роста мужчина. Он был с Экзотики! Эти проницательные глаза нельзя было спутать ни с чем. Одет он был в такую же голубую одежду, что и Лиза.

— Мистер Олин,— сказал наконец Торр,— познакомьтесь, это Ладна, преподобный отец с Мары, работающий в Анклаве св. Луиса. Он уже знает, кто вы!

— А кто я?— изумился я, повернувшись к незнакомцу.

Тот улыбнулся.

— Для меня большая честь с вами познакомиться, Там Олин,— ска-

зал священник и сел. Он только мгновение смотрел на меня, но и этого было достаточно, чтобы я почувствовал странную неловкость.

Его мимолетный взгляд, голос, даже манера садиться — все говорило о том, что в одно мгновение он изучил меня лучше, чем мне хотелось бы.

За все годы моего противоборства дяде, его философии, только сейчас я почувствовал факт превосходства юных миров над человечеством Земли.

Я отвел свой взгляд от проницательных глаз священника с Экзотики и обратился к более человеческим глазам Марка Торра.

— Теперь, когда преподобный отец Ладна здесь,— сказал старик,— я попрошу тебя, мой мальчик, сказать нам, на что это было похоже. Расскажи нам, что ты слышал?

Я попытался было систематизировать все происшедшее со мной, но тут же понял, что сам ничего не понимаю.

— Я слышал голоса. Все говорили одновременно, но вместе с тем вполне отчетливо...

— Много голосов?— перебил меня Ладна. Я взглянул на него и снова повернулся к старику.

— Не знаю. По моему, это были все голоса Земли,— пролепетал я что-то невразумительное.

— Только голоса?— спросил Марк Торр, но так тихо, словно про себя.

— А что?— вскинулся я раздраженно.— Или мне полагалось слышать нечто иное, что слышали другие люди?

— Это всегда по-разному,— раздался голос Ладны, но я не посмотрел в его сторону. Я все еще не сводил своего взора с Марка Торра.— Каждый слышит только что-то свое,— продолжил священник. Я повернулся к нему.

— Что же слышали вы?— вызывающе спросил я.

Преподобный отец улыбнулся и печально произнес:

— Ничего, Там. Абсолютно ничего! Только люди, рожденные на Земле, могут что-то услышать в Точке Перехода.

— Тогда вы уж наверняка что-то слышали?— спросил я у девушки, которая сидела рядом со мной.

— Я? Конечно же нет! — просто ответила она.— В Проекте нет и шести человек, которые что-то слышали!

— Что?— вскрикнул я.— Нет и шести человек?

— Точнее сказать, в Проекте участвуют всего пять человек, которые смогли что-то слышать в Точке Перехода,— печально сказала Лиза.— Марк из них первый! Было еще четыре человека, но один недавно умер, и сейчас осталось только три.

Только пять человек за сорок лет!

Я был потрясен. Значит, со мной случилось далеко не заурядное событие. Я, конечно, об этом догадывался, но чтобы всего пять человек были выявлены за эти долгие годы существования Проекта, этого я не

ожидал.

Теперь я понял, как важно для служащих Проекта найти хоть одного человека, способного что-то услышать в Индекс-комнате.

Марк Торр внимательно посмотрел на меня и вдруг сказал:

— Дайте мне руку!

Я протянул ему свою правую руку, и он, крепко удерживая ее в своей ладони, начал пристально всматриваться мне в глаза.

Прошли минуты.

Я был сломлен, не зная, для чего он все это делает. Наконец, старик отпустил мою руку и откинулся на стуле, словно обессилел.

— Ничего,— сказал он немного спустя, повернувшись к Ладне.— Совершенно ничего! Ты полагаешь... он что-то смог уловить?

— Очевидно! — улыбнулся священник, спокойно вглядываясь мне в глаза, когда я вслед за Торром повернулся в своем кресле.— Вполне возможно, он что-то и слышал...

Постепенно его взгляд становился все более неприятным, и мне показалось, что тысячи мелких иголочек стали впиваться в мое тело.

— Марк расстроен тем, Там, что ты услышал только голоса, а должно быть и понимание этих голосов. Ты должен был знать, о чем они говорят,— донесся до меня издалека его голос.

— Что я должен был понять?

— Вот это вы и должны были нам рассказать!

Его взгляд так глубоко проникал в меня, что я почувствовал себя странно неловко, словно сова, подвергающаяся испытанию светом. Меня начало охватывать раздражение против такой бесцеремонности.

— А какое отношение ко всему этому имеете вы?— с вызовом произнес я.

Священник опять улыбнулся.

— Фонды Экзотики оказывают большую финансовую помощь Проекту. Но это не НАШ Проект. Он— ЗЕМНОЙ! Мы только хотим помочь человеку осознать себя Человеком. Тем не менее, между нашей философией и теорией Марка Торра имеются кое-какие разногласия.

— Разногласия?— удивился я.— О, кажется, я узнаю новость, о которой никто из моих соотечественников не догадывается.

Но Ладна отрицательно качнул головой, как будто прочитал мои мысли.

— В этом нет ничего нового,— сказал он.— Основное разногласие между нами возникло с самого начала. Суть его заключается в том, что мы верим в то, что человек постоянно улучшается и особенно быстро это происходит в юных парах. Наш же друг Марк утверждает, что Землянин — Базовый Человек — уже само совершенство, но его способности еще не раскрыты, и он, соответственно, не может ими пользоваться.

Я кивнул головой.

— Но что же в конечном итоге произошло со мной?

Что это за голос?

— На этот вопрос вряд ли кто ответит, кроме вас!

— Но я же не знаю!

— Возможно. Мы увидим...— с этими словами священник протянул вперед руку и выставил указательный палец.— Ты видишь этот палец, Там?

Я посмотрел на руку священника, и внезапно что-то ворвалось в меня. Наступила тьма. Вокруг меня засверкали молнии, и вновь голоса миллионов и миллионов людей взорвались в моей голове. Каждый голос боролся с молнией, пытаясь отвести ее в сторону, но не каждому это удавалось. Я почувствовал, что могу легко манипулировать этими сверкающими стрелами. Отклонять их в сторону, тушить, собирать в пучки и бросать в темноту. Многие голоса звали меня, говорили что-то мне, предлагали не бороться в одиночку, а объединиться с ними в общем усилии и привести всю битву к какому-то обоюдному согласию. Они призывали меня упорядочить этот хаос. Но что-то во мне сопротивлялось их приказу.

Я достаточно долго был скован и порабощен тьмой Матиаса Олина. Теперь же я победил. Я упивался своим могуществом и не желал мира. Злость клокотала в моей груди. Я был свободен! Я — Мастер! И никто не сможет сковать меня снова...

Внезапно я вновь очутился в кабинете Марка Торра.

Старик — его морщинистое лицо стало подобно дереву — напряженно вглядывался в меня. Побледневшая Лиза тоже во все глаза смотрела в мою сторону. Едва я посмотрел на Ладну, как он отвел свой взгляд от меня и пробормотал:

— Нет! Я думаю, что он ничем не может помочь Проскту!

Лиза вскрикнула — негромкий вскрик утонул в «хрюканье» Марка Торра, «хрюканье» недовольного медведя, который медленно обернулся к потревожившему его человеку.

— Не может?— переспросил старик у священника и, подняв свою огромную руку, он с размаху опустил ее на пульт управления.— Он должен... Он вынужден будет! За последние двадцать лет никто не прошел испытания Индекс-комнатой! А я старею!

— Он всего лишь слышал голоса, но они не оставили в нем даже искры, даже искры,— печально произнес Ладна.— Ты же ничего не почувствовал, Марк, когда коснулся его!

Он говорил очень печально, отрешенно, закрыв глаза. Слова вылетали одно за другим из его горла, словно марширующие в строю солдаты.

— Это потому, что у него ничего нет! Нет сходства с другими слышащими. У него только признаки, но если нет сопереживания, нет и источника могущества.

— Но мы же не можем научить его, черт возьми! — прогремел Марк Торр.— Вы ведь не сможете его вылечить у себя на Экзотике!

Ладна отрицательно покачал головой.

— Нет,— сказал он.— Никто не сможет помочь ему, кроме него са-

мого. Он вовсе не болен. Ему просто не удалось развиться надлежащим образом. Скорее всего, в юности он глубоко ушел в себя и сейчас, когда его уединение стало еще глубже, никто уже не сможет ему помочь. Вся беда не только в том, что он не подходит нашему Проекту, а в том, что он не примет нашего предложения работать здесь. Взгляните только на него!

Все это время он даже не открыл своих глаз и ни разу не взглянул на меня, словно меня не было в этой комнате.

— Вы загипнотизировали меня,— крикнул я, обращаясь к нему.— А на это я не давал вам моего согласия. Я не давал разрешения подвергаться психоанализу!

Ладна открыл глаза, посмотрел на меня и покачал головой.

— Никто вас не гипнотизировал,— ответил он.— Я только открыл вам внутреннее зрение. И я вовсе не занимался психоанализом!

— Тогда что же это было?..— я замолк на полуслове, призывая себя к осторожности.

— То, что вы видели и слышали, было вашими собственными чувствами и знаниями, переведенными в присущие только вам символы. А на что это было похоже, я понятия не имею... и не смогу никогда узнать, если вы только не расскажете мне об этом.

— Тогда как же вы сделали такой вывод? Как вы пришли к такому решению?

— Я наблюдал за вами, ваш вид, ваши действия, ваш голос рассказал мне обо всем. И еще дюжина других, не так бросающихся в глаза примет. Они-то и позволили мне сделать такой вывод.

— Я не верю этому! — вспыхнул я. Холодное бешенство вновь охватило меня.— Я не верю этому! — вновь повторил я, чтобы хоть немного успокоиться и прийти в себя. — Вы наверняка руководствовались еще чем-то!

— Да,— согласился он.— Вы правы. У меня было время, перед тем как прийти сюда, послушать записи вашей жизни. Вы ведь знаете, что ваша биография, подобно всем землянам, хранится в Энциклопедии!

— Нет,— сказал я мрачно.— Было еще что-то, гораздо более высокое, что повлияло на ваше решение! Я уверен в этом!

— Да,— усмехнулся Ладна.— Вы очень проницательны. Я уверен, что вы научитесь всему достаточно быстро и без нашей помощи.

— Бросьте говорить загадками! — закричал я. Но странность его речи так поразила меня, что, когда он в ответ на мой возглас испытующе посмотрел на меня, я успел придать своему лицу безразличное выражение.

— Это случится, Там,— мягко сказал священник.— То, чем ты себя сейчас ощущаешь, мы называем обычно «изоляцией» — необычной центральной силой в изменяющейся модели человеческого общества на его пути к своему совершенству...

От его слов мои руки сжались в кулак, и я, сдерживая дыхание, ждал продолжения. Но он не захотел продолжать свою мысль.

— Ну и что же? — пробормотал я нетерпеливо.

— Ничего! — усмехнулся Ладна.— Это все. Кстати, слышал ли ты когда-нибудь об онтогенетике? Надеюсь, ты позволишь мне при обращении к тебе такую маленькую фамильярность, учитывая мой возраст?

— Как вам будет угодно,— сказал я,— но об этом вашем учении я ничего не слышал.

— Если говорить коротко, об этой теории можно сказать, что все длительно изменяющиеся обстоятельства должны учитываться ею. В массе схваток и желаний индивидуумов, составляющих основу жизни, определяется направление роста модели человечества в будущем. Но в отличие от индивидуумов, которые сами учитывают желания всех людей, и чем совершеннее этот учет, тем лучше и точнее модель...

Он посмотрел на меня, как бы спрашивая, понял ли я его.

О, я понял. Но не дал ему увидеть этого.

— Продолжайте,— только и сказал я.

— В случае появления необычных индивидуумов,— продолжал Ладна,— мы получаем в модели особую комбинацию факторов. Когда это случается, как в твоем случае, возникает «изоляция», центральный характер, способный действовать, не ограничиваясь рамками модели...

Он снова остановился и испытующе посмотрел на меня.

Я глубоко вздохнул, чтобы унять биение сердца.

— Хорошо, я — «изоляция», но что же вы хотите от меня?

— Марк хочет, чтобы ты был возле него, как контролер строящейся Энциклопедии. Мы тоже помогаем ему. Но необходимо понять, что, когда Энциклопедия будет завершена, только «слышащие» личности смогут с ней работать. В противном случае землян ожидает глубокое разочарование, моральное опустошение, деградация!

Он вздохнул и мрачно посмотрел на меня.

— Кроме того, Марк сейчас в затруднении. Если он не найдет немедленно последователей, то Энциклопедия никогда не будет завершена. А это, как я уже сказал, будет означать конец Земли. И если уйдут земляне, то человечество молодых миров перестанет быть жизнеспособным. Но это тебя не касается. Не так ли, Там? Ты ведь один из тех, кто враждебно относится к молодым мирам, а?

Я отрицательно покачал головой, словно стряхивая с себя его вопросительный взгляд. Но где-то в глубине души я знал, что он прав! Я представил себя сидящим в кресле перед пультом, прикованным долгом на все оставшиеся мне дни к этой нудной работе... Нет! Я не хотел ни их, ни их работы на Энциклопедии!

Довольно долго и тяжело работать, чтобы избавиться от Матиаса, стать рабом этих беспомощных людей — всех тех в великой массе человеческой расы, кто был слишком слаб, чтобы подчинять себя молнии! Нужно ли мне отбросить перспективу своего могущества и полной свободы ради ТЕХ, кто не в состоянии оплатить эту свободу для себя? Как я оплатил свою? Нет и еще раз нет!

— Нет! — произнес я с вызовом.

Марк Торр глубоко вздохнул.

— Нет? Вот видишь, Марк, я был абсолютно прав! — кивнул Ладна.

— Ты мой мальчик, не имеешь сочувствия... не имеешь души.

— Что? Души? — переспросил я.— А что это такое?

— Могу ли я описывать цвет золота человеку, слепому от рождения? В одном могу тебя уверить — если ты найдешь ее, то сразу же узнаешь. Но это возможно только в том случае, если пробьешь себе дорогу через долину!

— Долину? Опять изволите говорить загадками?— начал было я снова распаляться.— Какая еще такая долина?

— Ты знаешь, про что я говорю, Там,— спокойно сказал Ладна.— Ты это знаешь лучше, чем я могу тебе объяснить. Это долина мозга и духа, куда возвращается все уникальное, созданное ими. Но оно искажается тобой и потому стремится к разрушению...

«РАЗРУШЕНИЕ»!

Это слово гремело в голосе моего дяди Матиаса, когда он читал Уолтера Бланта.

Внезапно, словно отпечатанное светящимися буквами на внутренней поверхности моего черепа, я увидел слово «ВЛАСТЬ» и понял возможности этой силы применительно ко мне.

И как будто долина раскрылась передо мной. Высокие черные стены высились по обе стороны от меня, теряясь где-то в тумане. Узкая тропинка вела во тьму, где меня поджидало что-то огромное, черное, шевелящееся...

Но даже после того, как я отшатнулся от ЭТОГО, от чего-то великого, черного и ужасного внутри меня, мысль, что я повстречался с ЭТИМ, наполнила меня радостью.

Откуда-то издалека, подобно слабому звуку колокола, донесся до меня голос Марка Торра, очевидно, обращавшегося к Ладне.

— Неужели нет никакого шанса? И мы так ничего и не сможем сделать? Что, если он никогда не придет в Энциклопедию?

— Нам остается только ждать... и надеяться,— прозвучал в ответ голос Ладны.— Выбор остается за ним. Если он преодолеет себя, то сможет вернуться, а так... Его ждет или преисподняя... или небеса!

Подобно звуку холодного дождя, громыхающего по крышам зданий, этот голос ничуть не тронул меня. Я почувствовал огромное желание покинуть эту комнату и, оставшись наедине, подумать.

Тяжело встав с кресла, я спросил, обращаясь к Марку Торру:

— Как мне отсюда выйти?

— Лиза,— обратился тот к девушке, которая тут же вскочила, услышав обращение старика,— проводи его.

— Прошу вас,— пробормотала девушка и повернулась к двери, через которую некоторое время назад вошел человек с Экзотики.

Она вывела меня во двор Проекта, где к этому времени уже собрались

все члены нашего тура, и, не проронив ни слова, а только склонив голову в знак прощания, ушла. Но это меня уже не трогало. Я забыл о ней. Самое главное было сейчас разобраться во всем происшедшем со мной.

Глубоко погруженный в свои мысли, я не заметил, как попал в Сент-Луис, а затем в Афины. И только оказавшись в дядюшкином доме, я очнулся от своих дум. Прислуга сказала мне, что у нас гости, и я поспешил в библиотеку, где обычно Матиас принимал посетителей. Я был поражен — гости в нашем доме?

В комнате находился дядя, сидевший в своем высоком кресле с раскрытой книгой на коленях, моя сестра Эйлин, которая усмехнулась, когда я вошел, и ... молодой темный человек. Его предки, несомненно, были барберами. Это было понятно любому, кто, подобно мне, изучал этические различия людей в Университете. Он был одет во все черное. Мне показалось, что я узнал в нем того незнакомца, который был с Эйлин в Энциклопедии.

Короткий ежик черных волос и колючий, словно стальной клинок, взгляд его черных глаз выдавали в нем жителя молодых миров.

Я вновь почувствовал темную радость, испытанную мной в глубине «долины»,— это был первый шанс испытать мое могущество!

ГЛАВА 4

Но Матиас помешал мне.

— ...еще раз повторяю тебе, Эйлин,— донесся до меня его голос,— что я не вижу причин для беспокойства. Я ведь никогда тебя не ограничивал. Делай, как хочешь!

И его пальцы перевернули страницу книги.

— Но скажи мне, что делать? Как поступить?!— закричала Эйлин.— Ведь я прошу у тебя совета?— В глазах ее стояли слезы.

— Я не знаю! Какая разница, как ты поступишь? — Он повернулся ко мне.— А, с приездом, Там. Эйлин забыла вас познакомить. Этот молодой человек— мистер Джаймтон Блек с Гармонии.

— Офицер вооруженных сил Блек,— представился незнакомец, повернувшись ко мне и слегка наклонив голову.— Я исполняю на Земле обязанности военного атташе.

Теперь я окончательно определил его происхождение. Он был с тех планет, которые люди с других миров с кислым юмором называли Френдлиз (Дружественные). Религиозные, спартански воспитанные и отлично вышколенные фанатики составляли население планет Гармонии и Ассоциации. Меня всегда удивляло, что из сотен видов и типов человеческих обществ, наряду с солдатским Дорсаем, научным миром Нептуна и Венеры, философскими мирами Экзотики, выросло и процве-

тало такое мрачное и фанатичное человеческое поселение.

Все остальные миры слышали и знали о них, как о солдатах. Но это были не солдаты, что с Дорсая. Миры Френдлиз были очень бедны, и единственный «урожай», который они могли снимать на своих скудных каменистых почвах, не всегда был необходим другим мирам. Да и кому могло прийти в голову нанимать по контракту толпы евангелистов. Но френдлизцы умели стрелять и отлично подчинялись приказам... а это значит,что они умели умирать! И кроме того, они были так бедны! Элдер Брайт, глава Совета Церквей, управляющий Гармонией и Ассоциацией, мог бы сбить цену на наемников любому правительству, но... на наемников с весьма низким уровнем военного искусства.

Дорсайцы были истинными мужчинами войны. Оружие шло к ним в руки, как ручные собачонки, и сидело в их руках, как перчатки. Солдат же Френдлиза держал винтовку, как топор...

Поэтому знатоки говорили, что Дорсай поставляет всем человеческим мирам солдат, а Френдлиз— пушечное мясо!

— ... офицер ВС Френдлиза мистер Блек,— продолжал Матиас,— слушает вечерний курс земной истории в том же университете, что и Эйлин. Они познакомились месяц назад. И теперь молодой человек пришел просить ее руки. Он предлагает ей выйти за него замуж и отправиться на Гармонию, куда его отзывают в конце этой недели.

— И...

— Вот я и говорю, что это ее личное дело. Пускай сама решает! — закончил свою речь наш дядя.

— Но я хочу, чтобы кто-то помог мне, помог мне решить, как поступить! — воскликнула в слезах Эйлин.

Матис покачал головой.

— Я уже говорил тебе,— сказал он,— что здесь нечего решать. Что эти решения могут дать? Я предоставил тебе полную свободу действий и настоятельно прошу избавить меня от участия в этом фарсе.

И он снова склонился над своей книгой.

— Но я ... я не знаю, как мне поступить! — всхлипывала Эйлин.

— Тогда ничего не делай,— изрек наш дядя, переворачивая очередную страницу.— Значит, ты не готова к предстоящим испытаниям!

— О, боже, что же мне делать?— разобрал я бормотание сестры.

В комнате воцарилась на мгновение тишина.

— Эйлин,— прервал эту тишину голос Джаймтона Блека. Сестра с готовностью повернулась к нему.— Ты же говорила мне, что хочешь выйти за меня замуж и сделать своим мой дом на Гармонии! — Он говорил размеренным, низким и приятным голосом.

— О, да! Да, Джимми! — воскликнула Эйлин. Но Блек не подошел к ней, и тогда сестра воскликнула вновь:

— Но я не уверена, что это верное решение! Я ведь хочу как лучше! Она повернулась ко мне.

О, брат, что мне делать? Как я должна поступить? — Ее голос

резко звучал в моей голове, словно голоса, слышанные мною в Индекс-комнате. Обстановка в библиотеке, необходимость решить сложную проблему — все это отбросило меня назад в то состояние, из которого я вернулся не так давно.

Внезапно я понял Матиаса. Понял так, как никогда прежде не понимал! Он хорошо знал, что если скажет «останься», то сестра сделает наоборот. Он был бесподобен в своем дьявольском или богоподобном безразличии и, конечно, был уверен, что я поддержу решение сестры уехать из этого мрачного дома. Это решение его вполне устраивало.

И все же дядюшка ошибся. Он не увидел, что изменения коснулись меня. Для него «РАЗРУШЕНИЕ» было простым звуком. Но я теперь в этом слове увидел оружие, которое могло быть повернуто против этих суперменов из молодых миров.

Я взглянул на Джаймтона Блека и не испугался, как в свое время перед Ладной. Противоборство началось.

— Нет,— сказал я спокойно.— Не думаю, Эйлин, что тебе следовало бы бежать из дома.

Слова убеждения очень легко складывались в моей голове.

— Гармония— это не место для тебя. Ты же знаешь, как эти люди отличаются от нас, землян. Ты будешь выбита из колеи. Их взгляд на окружающий мир не совсем согласуется с твоим. А кроме того, этот человек— офицер...— Я сделал паузу и с симпатией взглянул на Блека. При этих словах он повернул свое умное лицо ко мне.— Ты ведь знаешь, что означает «офицер» в мирах Френдлиз? В любой момент его контракт может быть продан на сторону, и его пошлют туда, куда ты не сможешь за ним последовать. Он, может быть, будет отсутствовать долгие годы... или вообще убит. Неужели тебя это устраивает? Ты уверена, что достаточно сильна, чтобы подвергнуть себя такой эмоциональной пытке? Я знаю тебя уже много лет и не вполне уверен в твоих силах! Тебе не следует уезжать с ним.

Я перевел дух и кинул быстрый взгляд на дядю. Матиас внимательно слушал меня, но ничего не сделал, чтобы вмешаться в разговор. Это был хороший признак.

Что же касается Эйлин, то она благодарно кивнула мне головой.

Джаймтон Блек подошел к ней и мягко, почти ласково, сказал:

— Так ты не поедешь со мной, Эйлин?

Она покачала головой и отвернулась.

— Я не могу, Джимми,— прошептала она.— Ты слышал, что сказал брат. Я хочу, чтобы ты ушел!

— Это неправда! Что значит — ты не можешь? Скажи, что ты хочешь, и я уйду!

Он ждал. Но она молчала и смотрела в сторону, боясь встретиться с ним взглядом. Затем снова покачала головой.

Блек глубоко вздохнул и, не глядя ни на кого, вышел. На его лице не было заметно ни боли, ни ярости.

Эйлин в слезах выбежала из комнаты. Я взглянул на Матиаса— он продолжал внимательно читать библию, не глядя на меня.

Он никогда после не упоминал об этом инциденте и о Джаймтоне Блеке.

Эйлин тоже.

Прошло всего полгода, Эйлин подписала контракт с Кассидой и уехала на работу в этот мир. Через несколько месяцев после этого она вышла замуж за уроженца этой планеты Дэвида Лонг Холла. С этого времени мы перестали получать от нее хоть какие-то известия.

Но я в это время был так же мало огорчен этим, как и Матиас, меня захватили мои успехи в словесном воздействии на других людей. Новое восприятие все больше проникало в меня, помогая совершенствовать свои возможности. Я был на верном пути к своей цели— власти и свободе!

ГЛАВА 5

События, происшедшие в библиотеке, надолго оставили след в моей памяти. За те пять лет, в течение которых я продвигался по служебной лестнице в «Ньюс Сервис», я не получил ни единой весточки от Эйлин. Несколько писем, которые были отправлены ей, остались без ответа.

Постепенно я начал понимать, что остался один-одинешенек в целом мире, что из всех людей, которых я знал, ни один не мог бы назвать себя моим другом!

Вскоре тихо и неожиданно умер наш дядя Матиас. И я, связавшись с Кассидой, отыскал, наконец, Эйлин для того, чтобы обговорить права наследования. Все осложнилось тем, что в это время правительства и крупные промышленные и торговые фирмы получили возможность переводить валюту на другие планеты.

Встретив сестру и вдоволь наговорившись, я с сожалением узнал, что ее муж, Дэвид Холл, находится в рядах кассидиан, участвующих в заварушке на Новой Земле. Это послужило одной из причин того, что я оказался в скором времени в районе Сириуса. Меня, как корреспондента «Нью Сервис», направили освещать войну, вернее ход боевых действий между Северным и Южным Разделенным Онтландом.

Только ядро Севера и Юга составляли уроженцы Новой Земли. Более 80% войсковых формирований мятежников Севера составляли наемники с Френдлиза. В частях Юга было собрано около 60% кассидиан, нанятых по контракту с Кассидой правительством Новой Земли. Среди кассидиан, участвовавших в этой нелепой войне, был и молодой офицер Дэвид Холл, муж моей сестры.

Моим проводником был назначен один из солдат Южных сил. Не

кассидианин, а уроженец Новой Земли, он, с высоты моего понимания людей, не представлял из себя ничего ценного. Мы уже минут десять шли по горному склону, на котором еще несколько часов назад гремело эхо войны. Войдя в расположение войск южан, мы проделали довольно длинный путь по лабиринту защитных сооружений и пришли, наконец, в командный пункт.

— Комендант Хал Фрейк,— представился мне офицер лет сорока с тяжелой челюстью и темными кругами под глазами.— Ваши документы?

Я протянул удостоверение. Кассидианин рассматривал его с изменяющимся выражением лица.

— О?— поднял он брови.— Кадет?

Такой вопрос был равносилен оскорблению, ведь это было не его дело,— полноправный ли я член «Гильдии» или всего лишь подмастерье! Он посчитал, что я еще достаточно «зеленый» и поэтому представлю для него и его людей здесь, на линии фронта, серьезную опасность. Тем не менее, он не знал, что в моей защите гораздо меньше уязвимых мест, чем в его.

— Верно,— сказал я, беря назад документ. Необходимо было сразу же держать его на дистанции.— Что-то я слышал в штабе о присвоении ряду офицеров очередных званий...

— Что?— сразу встал в стойку офицер.— Про что вы слышали? Присвоение?

Он посмотрел на меня. Тон его голоса изменился. Я всегда был убежден, что главная слабость, да и самый верный путь, которым люди предают себя,— это их голос. Сказался мой почти пятилетний опыт.

— Что-то я слышал о присвоении какому-то коменданту Фрейку звания майора,— сказал я с легкой усмешкой.— И я подумал...— Но тут я оборвал себя и с интересом посмотрел на стоящего рядом офицера.— Но скорее всего, я ошибся. Похоже, та фамилия была не Фрейк... а что-то вроде...— я опять оборвал фразу и стал с любопытством рассматривать странную обстановку блиндажа.

— Что вы слышали о моем повышении в звании?— потребовал кассидианин.

Настало время отхлестать его.

— О, вы что-то сказали? Да, да... Вы же знаете, что наши источники информации очень ненадежны. Но это было так давно, вчера утром. Не думаю, что могу вспомнить такую мелочь. К тому же, где и что я слышал— это мой секрет! Не прошу же я вас, военных, разглашать мне свои тайны.

Он привстал на каблуках. Лицо его побагровело. Но ему вовремя пришла на ум мысль, что я не был его подчиненным! У него не было права приказывать говорить мне то, что я не хочу. Он понимал, что, если он хочет что-то узнать, ему необходимо сменить железные перчатки на бархатные.

В одно мгновение я оценил весь ход его мыслей.

— Да,— сказал он, улыбаясь через силу.— Да, конечно, секрет есть секрет! Извините меня. У меня здесь недавно было очень «жарко». Что мы можем сделать для вас, Ньюсмен?

— Не могли бы вы немного рассказать о себе? — проговорил я, делая вид, что колеблюсь.— Думаю, мог бы получиться неплохой репортаж о войне с точки зрения опытного офицера-фронтовика...

Он все понял.

— Почему я? Разве не мог подойти любой другой офицер рангом повыше и покрасноречивее?— казалось, спрашивал его взгляд. Но вслух он этого не произнес. Его тайные надежды сбывались. Если он удачно будет описан в такой заметке, то, вполне вероятно, не будет больше прозябать в действующих войсках, где все возможно...

Все эти мысли ясно проявились в его манере держаться, выражении лица, изменении интонации. Повышение в чине вплоть до ранга майора было пределом его мечтаний. Больше денег, долгосрочный контракт и меньшая вероятность быть убитым в какой-нибудь заварушке— разве это так плохо?

— Вы знаете, у меня есть идея,— сказал я.— Что, если мне взять себе помощника из числа ваших подчиненных?

— Из моих людей?— изумился офицер.

— Да. Я хотел бы взять себе сообразительного парня, который мог бы во всех подробностях описать ход кампании и постоянно держать меня в курсе всех военных новостей.

— Я все понял,— лицо офицера прояснилось.— Мы здесь всегда рады помочь «Интерстеллар». Я сейчас отдам соответствующее распоряжение.

— О, не беспокойтесь,— проговорил я, доставая из кармана свой пропуск.— Вы можете вписать сюда имя. Думаю, что ваш представитель понадобится мне на день или два.

— Но кто бы вам подошел?— задумался Фрейк. Я отлично понял его. После недели сражений личный состав его отряда сократился чуть ли не вполовину, и отдать сейчас хорошего, умного значило пробить брешь в обороне.

— Может быть...— начал было он. Но я перебил:

— Думаю, что я с вами вполне соглашусь: Дэвид Холл вполне бы мне подошел.

На его лице отразилась целая гамма чувств, которую я постарался побыстрее привести в порядок.

— Я заметил это имя в списках личного состава вашего отряда еще в штабе, перед тем, как отправиться сюда. Но, по правде говоря, есть и другая причина...— Я умышленно сделал паузу, чтобы привлечь его внимание.— Мы с Холлом находимся в некотором родстве, и я подумал, что одним выстрелом мог бы убить двух зайцев.

Фрейк подозрительно посмотрел на меня.

— Но, впрочем,— заметил я,— если уж он вам так необходим, то...

— Кто? Холл?— изобразив изумление, переспросил офицер.— Ну, что вы, я вполне могу сделать для вас такую любезность.

Он позвонил по телефону и приказал кому-то, чтобы нашли Холла и передали ему, что его ждут на командном пункте.

— Через несколько минут он будет здесь, сэр,— повернувшись ко мне «доложил» комендант Фрейк.

ГЛАВА 6

Дэйв никогда не видел меня прежде, но, очевидно, Эйлин говорила ему обо мне. И когда Фрейк представил меня, он сразу все понял.

По пути в штаб я имел довольно много времени, чтобы изучить его. Он не слишком вырос в моих глазах. Невысокий, выглядевший несколько моложе своих лет, он, очевидно, был не слишком умен. Его лицо, манера держаться ясно указывали на то, что он относится к типу натур, которые знают, что они слишком слабы, чтобы бороться за свои права, и лучшее, что могут,— ни во что не вмешиваться и зависеть от доброй воли других.

Как я узнал из расспросов, он был обычным программистом, когда Эйлин вышла за него замуж. Он работал, а вечером учился в кассидианском университете на курсе прикладной механики. Ему оставалось учиться еще три года, когда на экзаменах он оказался ниже семнадцатипроцентного уровня знаний. Это было несчастье, так как в это время Кассида поддержала Новую Землю и направила свои войска на борьбу с мятежниками Севера. И Дэйву пришлось надеть форму.

Когда мы, наконец, добрались до Каслшэйта, города, в котором находился штаб соединения, Дэйв попытался поблагодарить меня.

— Оставь! — прервал я его.— Это не составило мне никакого труда. Помни, что твоя основная задача— сопровождать меня в моих «прогулках» по обе стороны от линии фронта. Об одном только я хочу тебя попросить— не подавай виду, что ты не любишь Френдлиз. Я понимаю, очень нелегко быть безразличным к тем, кто только сегодня утром убивал твоих друзей, но все же постарайся. Я очень прошу тебя!

Побывав в штабе и позвонив в пресс-центр «Ньюс Сервис», мы направились в гостиницу. Оставив Дэйва в своем номере и объяснив ему, что утром вернусь, я отправился в путь для дальнейшего выполнения намеченного плана.

Новая Земля и Фриленд — планеты-близнецы Сириуса. Поэтому перелет с одной планеты на другую занимал не более полутора часов.

И вот через два часа я находился уже у входа в апартаменты Хендрика Галта, Первого Маршала вооруженных сил Фриленда. Я хотел присутствовать на вечере в честь одного человека, который только начал входить

в зенит своей славы. Это был дорсаец (так же, как, впрочем, и Галт). Командующий Космическим Патрулем по имени Донал Грим. Сегодня он проводил свою первую пресс-конференцию.

Только что он совершил смелое нападение на планетарную оборону Нептуна с малой горсткой кораблей, и это очень подняло его в глазах «заинтересованных» лиц.

И, кроме того, мне было необходимо встретиться здесь, на вечере, с кое-какими влиятельными людьми.

Особенно мне необходимо было встретиться с шефом отделения «Интерстеллар Ньюс Сервис» на Фриленде и согласовать с ним документы Дэйва.

Я нашел его, представительного, приятного землянина по имени Най Спелинг, без труда и получил от него заверения в том, что Дэйв будет пользоваться временной опекой Гильдии.

— Подготовьте, какие надо документы, я подпишу,— любезно пообещал мне Спелинг и повернулся к человеку в голубых одеждах Экзотики, в котором я с изумлением узнал священника Ладну.

— Преподобный отец! — слова сами выпрыгнули из меня.— Что вы здесь делаете?

— Я бы желал спросить тебя о том же, Там! — нисколько не обидевшись столь бесцеремонному вопросу, ответил священник.

Я тут же начал отступление.

— Извините меня, сэр. Я иду туда, где пахнет новостями. Это моя работа.

— С этой же целью и я здесь,— улыбнулся Ладна.— Помнишь, я говорил тебе о модели общества? Сейчас это место и момент времени являются локусом.

Я не понял, что это означает, но, начав беседу, я уже не мог остановиться.

— Локус? Что это такое? Надеюсь,— при этом я широко усмехнулся,— никакого отношения ко мне не имеет?

— Не беспокойтесь,— так же лучезарно засмеялся священник.— Это связано с Доналом Гримом.

— Ну и отлично,— сказал я, пытаясь сообразить, как бы побыстрее кончить разговор и уйти.— Кстати, а как та девушка, которая привела меня к Марку Торру? Как она себя чувствует? Э... Лиза Кант, кажется?

— Да,— проговорил Ладна, впиваясь в меня взглядом.— Она здесь, со мной. Я взял ее к себе личным секретарем. Ты что, поссорился с ней тогда? Она была так заинтересована в твоем спасении.

— Спасении?— вмешался в разговор Спелинг. В его голосе мелькнул неприкрытый интерес.— В спасении от чего?

— От себя,— коротко произнес Ладна.

— Думаю, что будет лучше, если я увижу ее и сам все выясню,— проговорил я, поворачиваясь.

Встреча с этой странной девушкой совершенно не входила в мои планы. Правда, вот уже пять лет время от времени меня охватывало беспокойство, желание вернуться назад в Анклав и увидеть Лизу. Это желание будоражило меня, как страх. Глубоко во мне было чувство — я сознавал это,— что к этой девушке я смогу применить свою власть над людьми.

Двигаясь в толпе людей, приглашенных на этот вечер, я совершенно не заметил, как поднялся по лестнице и оказался на небольшом балконе с несколькими креслами вокруг небольшого круглого стола. Я хотел еще увидеть Элдера Брайта — Главу Объединенного Совета Церквей. Брайт был воинствующим монахом, одним из тех, кто свято верил, что только сила войны может привести в лоно истинной церкви всех еретиков.

Его подпись на паспорте Дэйва была бы лучшей защитой, чем пять батальонов вооруженных до зубов кассидиан.

Перегнувшись через перила балкона, я начал рассматривать толпу гостей в надежде увидеть отца Брайта. Через мгновение я увидел его фигуру. Он стоял ко мне спиной, разговаривая с седым человеком, похожим на венерианина. Мне очень часто приходилось видеть Элдера Брайта в выпусках новостей, но то, что я увидел во плоти, потрясло меня. Он довольно странно выглядел для священника. Гораздо выше меня, с плечами, подобными амбарным дверям, одетый во все черное, он стоял, немного расставив ноги, словно тренированный боец, равномерно распределяющий свой вес на обе ноги. В этом человеке чувствовалась такая сила, что я начал жалеть, что хочу встретиться с ним. Не было сомнений, что заворожить этого человека, как Фрейка, путаницей слов не удастся.

Но отступать было некуда. У меня должна была быть гарантия безопасности Холла.

Я собрался было уже идти, но случай остановил меня. Если только это был случай.

Повернувшись, я внезапно оказался шагах в десяти от небольшой группки людей, что-то горячо обсуждавших между собой. Среди них был принц Уильям, глава правительства огромной планеты Сеты, вращающейся вокруг звезды Тау Кита. Рядом с ним стояла высокая, красивая блондинка— Анеа Марлевана, избранная из Культиса, главная ценность нынешнего поколения, воспитанного Экзотикой. Кроме них в этой группе был Хендрик Галт, очень внушительно выглядевший в своем маршальском мундире, и его жена Элами. Последним человеком в этой компании мог быть только Донал Грим.

Это был юноша в мундире начальника субпатруля — темнолицый дорсаец со странной стремительностью движений, свойственной людям, рожденным для войн. Он поймал мой взгляд, брошенный в их сторону, и внимательно посмотрел на меня.

На секунду наши глаза встретились. Мы стояли близко, так близко, что я вполне смог разглядеть цвет его глаз. И это остановило меня.

Эти глаза были то серыми, то зелеными, то голубыми,в зависимости от того, откуда вы смотрите на них. Только мгновение мы смотрели в

глаза друг другу. Грим тут же отвернулся, продолжая что-то доказывать Галту, но я еще долго удерживал в своей памяти эти странные глаза.

Когда я очнулся от транса и оглянулся на отца Брайта, то увидел, что седого человека уже с ним нет, а он говорит с кем-то, чья фигура была мне до странности знакома.

Что-то обсуждая, они продвигались к выходу. Поняв, что я рискую совсем потерять его, я повернулся и ...

Но мой путь был перекрыт!

Мгновение встречи с Доналом Гримом все изменило. Когда я обернулся, чтобы сбежать по ступенькам, то увидел, что меня поджидает Лиза Кант!

ГЛАВА 7

— Там! — крикнула она.— Подожди! Не уходи!

Я остановился, по инерции продолжая оглядываться в сторону Брайта. Мне уже все стало ясно. Мне не догнать его. Он только что вышел из зала и сейчас, вероятно, вполне мог направиться к транспортной стоянке. Если бы не эта задержка с Гримом, я успел бы поймать преподобного отца. Не появление Лизы, а моя собственная нерасторопность была всему виной.

Я посмотрел на девушку. Она действительно поймала меня.

— Как ты узнала, что я здесь? — потребовал я объяснений.

— Ладна сказал, что ты избегаешь меня. Вот я и подумала, что только здесь, на таких укромных балконах, ты мог бы спрятаться от меня. А если честно, то я увидела, как ты кого-то сверху разглядывал в толпе гостей,— засмеялась Лиза.

Она немного запыхалась, поднимаясь по лестнице, и поэтому смеялась с придыханием.

— Верно,— кивнул я головой.— Но что тебе нужно от меня?

Она была красива, этого я не мог отрицать и поэтому старался говорить как можно резче.

— Там! Марк Торр хочет поговорить с тобой!

В ее словах,ее взгляде чувствовалась убежденность, страстное, завуалированное желание. Будто бы кто-то «поработал» с ней и заставил встретиться со мной. Здесь была опасность! Я должен был как можно быстрее покинуть ее. Но она преграждала мне путь.

— Что еще ты хочешь?

— Марк...

И тут я увидел путь, при помощи которого можно было бы отвести ее атаку. Я засмеялся.

Она недоуменно посмотрела на меня.

— Извини,— сказал я, перестав смеяться.— Что еще может Торр мне сказать, кроме того старого дела? Разве ты не помнишь, что сказал тогда Ланда? Я ориентирован на... РАЗРУШЕНИЕ!

— Ты нисколько не изменился, Там! — ласково и печально сказала она.

— Нет! Изменился! — зло выкрикнул я.— Почему вы все время за мной охотитесь? Как ты узнала, что я буду здесь, а? Отвечай! Я требую!

— Мне сказал Ладна...

— Нет, вы заранее знали, что я буду на этом вечере,— перебил я ее.

— Ладна знал, что ты будешь здесь! Он говорил, что это будет твой последний шанс... Он вычислил его! Ты помнишь, что он говорил об онтогенетике?

Я посмотрел на нее и засмеялся.

— Эти с Экзотики— самые обыкновенные люди, такие же, как и ты! И меня не обмануть разговорами, что они могут вычислить будущее любого человека, живущего на каждой из четырнадцати обитаемых миров!

— Не любого! — гневно воскликнула она.— А только тебя и нескольких подобных тебе. Ты — создатель, ты сам можешь управлять людьми в рамках модели, и поэтому тебя можно относительно легко вычислить. Управляя людьми, ты можешь легко воздействовать на события в будущем и легко их предсказывать.

— И что же?

— О, Там,— в отчаянии простонала Лиза.— Разве то, чего ты достиг за эти пять лет в «Гильдии» не подтверждает моих слов? Разве это не очевидно?

— Конечно, ты, может быть, права, я никогда не делал секретов из своих желаний. Я понимаю, еще можно как-то объяснить мое появление на Новой Земле. Война между Севером и Югом, новости с линии фронта, мне, как корреспонденту, представляется возможность утвердить себя в «Гильдии» оперативным описанием военных действий. Но как же можно вычислить, что я буду на этом вечере на Фриленде?

На мгновение Лиза заколебалась.

— Ладна... говорил, что это место — локус, и ты просто обязан был здесь присутствовать.

— Но это же локус Донала Грима! Неужели Ладна скрыл от меня, что это и мой локус? Но почему и зачем?

— Я не знаю, Там. Не думаю, что он хотел чего-то плохого.

— И вы явились сюда только ради меня? Зачем?— Я наступал на нее, как лис на дрожащего кролика.

— Ладна,— выдавила она,— Ладна провел новые вычисления на Экзотике. И результаты показали, что Проект никогда не сможет быть завершен, если только не принять срочных мер.

— Что еще за меры?

— Не знаю. Это тайна Ладна, а он...

— Хорошо! Что еще?

— Думаю, что Ладна получил данные, что твоя власть, как разрушительная, постоянно растет. Пять лет назад он еще не мог учесть всех последствий. Он мне говорил, что еще можно повернуть вспять, если ты все бросишь и возратишься в Энциклопедию. Но надо прямо сейчас!

— Прямо сейчас? Ну, вы и даете! Нет, это невозможно. И кроме того, я вовсе не чувствую в себе возрастающую власть разрушителя.

— Но это так, Там! Ты это не можешь почувствовать, но это в тебе, как ружье, постоянно готовое выстрелить. Только ты не должен дать ему стрелять! Ты можешь изменить себя, пока еще есть время. Ты можешь спасти себя и Энциклопедию.

Последнее слово отозвалось во мне многоголосым эхом. Голоса, слышанные мною пять лет назад в Индекс-комнате, подобно сверкающему факелу осветили тьму, лежащую между высокими, теряющимися во мраке стенами, окружающими долину. И на мгновение я увидел себя под дождем, Ладну, стоящего лицом ко мне, и мертвеца, лежащего между нами.

Огромным усилием воли я заставил погаснуть этот факел и вновь окунулся в спасительную темноту. Чувство моей власти и силы снова вернулись ко мне.

— Я не нуждаюсь в вашей Энциклопедии!

— Но ты должен помочь, Там,— заплакала девушка.— Ведь Энциклопедия— это надежда всего человечества. И только ты можешь сделать, чтобы эта надежда не угасла. Там, ты ДОЛЖЕН!

— Должен?! Я никому НИЧЕГО не должен,— зло сказал я.— Не смей смешивать меня в одну кучу с этими темными земными червями. Может быть, им и нужна ваша Энциклопедия, но только не мне!

Я прошел мимо нее, с силой отстранив ее в сторону. Она звала меня, что-то кричала, но я старался не слышать ее слов и быстро спустился по лестнице в зал.

Как и следовало ожидать, Брайта там уже не было. Швейцарец сказал, что он уехал. Я больше не пытался отыскать его. Он вполне мог быть уже на Гармонии.

Осталось только одно. Добраться до Новой Земли и попытаться заполучить подпись на документе Дэйва от командования соединениями френдлизцев на Северной территории.

К середине ночи я был уже в районе Главного Штаба Северных Сил Новой Земли. Мой паспорт ньюсмена легко позволил мне проникнуть через боевое охранение, и угрюмый человек с оружием на изготовку провел меня в приемную штаба.

В маленькой комнате находился лейтенант ВС Френдлиза, который сидел за столом и что-то писал.

Когда я вошел в комнату, он оторвал глаза от бумаги и вопросительно посмотрел на меня.

— Я ньюсмен из «Интерстеллар Ньюс Сервис»...— начал было я.

— Документы!

Меня оборвали грубо и нетерпеливо. Черные глаза на костистом лице смотрели в упор. Хриплый голос неприязненно отозвался в моей голове. Он разглядывал документы словно лев, намеривающийся обрушиться на жертву.

Я никогда прежде не сталкивался с френдлизцами лицом к лицу. А этот лейтенант, очевидно, принадлежал к той породе людей с Гармонии или Ассоциации, которые проповедывали отказ от всего лишнего.

Это был один из тех аскетов, которые упорно избегали любых радостей. Его жизнь была очерчена обязанностями и службой Господу. Он считал жителей других планет еретиками, а подобных себе— избранниками Божьими.

Я присмотрелся к нему, ища хоть какое-нибудь слабое место. Кто мог бы знать это лучше, чем я? Не может быть, чтобы человек, который вознес себя так высоко, не имел бы никаких слабостей! Его самомнение вызвало смех, но я не мог заставить свои губы разжаться хоть в малейшей усмешке.

— Твои документы в порядке,— подвигая документы в мою сторону, изрек он.

— Что это?— спросил он тут же, увидев, что я протягиваю ему паспорт Дэйва.

— Документы моего помощника. Видите ли, мы будем передвигаться вдоль линии фронта и...

— За нашей линией нет необходимости в паспортах, достаточно документов «Гильдии»,— бросил он.

— Но у моего помощника,— я постарался сохранять свой голос на прежнем уровне,— нет документов ньюсмена. Я взял его себе только вчера днем и не имел времени позаботиться о соответствующих бумагах. Мне необходим временный пропуск, выданный одним из ваших штабов.

— Так твой помощник не ньюсмен?

— Официально нет. Но...

— Тогда ему не будет позволено пересекать наши боевые порядки. Пропуск не может быть выдан!

— Не знаю даже, что и делать,— сказал я, испытывая разочарование.— Дело в том, что я собирался попросить Элдера Брайта об этом. У нас с ним была назначена встреча на Фриленде, но его куда-то позвали, прежде чем я успел перемолвиться с ним парой слов.

Сказав это, я замолчал и стал внимательно следить за реакцией офицера.

— Брат Брайт,— сказал тот после недолгого молчания,— не мог подписать пропуск какому-то неизвестному и тем самым позволить возможному шпиону проникнуть в наше распоряжение на радость нашим противникам.

Теперь мне необходимо было сыграть совсем уж отменно.

— Если вы не возражаете,— произнес я,— я хотел бы обсудить этот вопрос с кем-нибудь из высших офицеров.

— Я не могу беспокоить командиров ради такого пустякового дела,— сказал офицер, подавая мне назад паспорт Дэйва.— Можете быть уверены, что они скажут вам то же самое.

Мой план потерпел полный провал. Я ничем не мог пронять этого фаната, а потому повернулся и вышел.

ГЛАВА 8

Когда дверь за мной закрылась, я взобрался на вершину ближайшего холма и, усевшись на пенек, постарался обдумать свои дальнейшие действия. Что же предпринять? Мною было потрачено слишком много времени, чтобы так легко сдаться. Должен же быть какой-то выход.

И внезапно я понял, что делать. Это же так очевидно.

Во-первых, незнакомец, который разговаривал с Брайтом на вечере. Еще тогда фигура его показалась мне подозрительно знакомой.

Во-вторых, неожиданный отъезд Элдера Брайта после разговора с этим человеком.

И, наконец, малочисленность окружавших штаб людей и отказ дежурного вызвать ко мне старшего офицера.

Или сам Брайт, или присутствие его ближайших помощников подстегивало фрейндлизцев к активности в районе боевых действий. Внезапный удар крупных сил Френдлиза на ничего не подозревающих кассидиан приведет к полному разгрому и деморализации противника и в конечном итоге к быстрой и окончательной победе в этой войне. А это будет лучшим козырем для Брайта, который попытается тут же всучить своих наемников правительству других миров.

Таким образом, намечается крупная боевая операция, назначением которой будет добиться превосходства в этой войне.

Я быстро прошел к своей летающей платформе и набрал номер телефона. На экране появилось хорошенькое личико юной блондинки-секретаря отделения «Ньюс-Сервис» на Новой Земле.

Я дал ей номер своего видео и сказал:

— С вами говорит ньюсмен Там Олин, индекс 1241136. Мне необходимо срочно переговорить с Джаймтоном Блеком. Он офицер ВС Френдлиза, здесь, на этой планете. Его звание? Может быть, форс-лидер.

— Хорошо, сэр. Подождите минутку. Я сейчас посмотрю.

Я сел в кресло платформы и стал ждать. Менее чем через сорок секунд раздался телефонный звонок.

— Я выполнила вашу просьбу,— сказала девушка.— Вас должны сейчас соединить. Подождите.

Через мгновение на экране возникло столь знакомое мне лицо.

— Здравствуйте, форс-лидер Блек,— изобразив радость встречи,

проговорил я, отметив про себя, что начало хорошее — ведь звание я все-таки отгадал.— Вы, конечно, помните меня? Я — Там Олин. Вы прежде знали мою сестру Эйлин.

Его глаза уже сказали мне, что я узнан. Думаю, что все эти пять лет он не забывал меня. Сам он изменился, постарел, но не настолько, чтобы стать неузнаваемым. Нашивки на мундире еще не успели потускнеть, значит, звание «форс-лидер» он получил совсем недавно.

— Чем могу быть вам полезен, мистер Олин? — сухо спросил он. Голос его по-прежнему был холоден и глубок.— Оператор сказал, что я вам необходим.

— В некотором роде, да,— сказал я твердо.— Мне не хотелось бы отрывать вас от работы, но сейчас я нахожусь возле вашего штаба, у стоянки платформ, и мне действительно необходимо с вами срочно переговорить. Конечно, если ваши обязанности...

— Мои обязанности в данный момент могут немного подождать,— сказал он, растягивая последнее слово.— Так вы у стоянки?

— В платформе УП-23, зеленой, с закрытым верхом.

— Я спущусь к вам, мистер Олин.

Экран погас.

Удача не изменила мне. Блек служил в штабе!

Через несколько минут отнюдь не спокойного ожидания в платформе из дверей штаба вышел человек. Я открыл дверь и, когда Блек подошел поближе, передвинулся на другое сиденье.

— Мистер Олин?— спросил подошедший офицер, вглядываясь в темноту кабины.

— Да, садитесь.

— Благодарю.

Он сел, оставив дверь открытой.

— Зачем я вам?

— Мне нужен пропуск для помощника...— Я описал ему положение вещей, опустив только, что Дэйв — муж Эйлин.

Когда я закончил, он долго сидел молча, словно прислушиваясь к звукам теплой ночи Новой Земли.

— Если ваш помощник не ньюсмен, мистер Олин,— наконец проговорил он,— то я ничем не могу вам помочь.

— Он ньюсмен. По крайней мере, в этой компании у него есть такие документы, я уже договорился на Фриленде. Но пока они еще не подготовлены. Но вы понимаете, что у нас нет времени. Я отвечаю за него, и «Гильдия» охраняет его сейчас так же, как и меня. Ньюсмены нейтральны!

Блек покачал головой.

— Если он окажется... шпионом, то вы просто можете сказать, что он обманул вас.

Я отвернулся.

— Нет, не скажу. Он не шпион. Я могу сказать вам, что это муж

Эйлин. Взяв его в помощники, я хочу уберечь его от передовой. Мне надо спасти его жизнь для Эйлин, и поэтому я прошу вас помочь мне в этом деле.

Джаймтон Блек окаменел. Мне даже показалось, что он перестал дышать. В темноте я не смог увидеть выражения его лица, но был почему-то совершенно уверен, что оно и сейчас ничего не выражало. Спартанское воспитание должно было сказаться и в этом случае. Но если он любит Эйлин, пути назад у него не было. Не такой он низкий человек, чтобы его любовь перешла в ненависть, если девушка отказалась выйти за него.

Блек все еще молчал.

— Давайте документы,— наконец выдавил он из себя.— Я посмотрю, что можно будет для него сделать.

И, взяв паспорт Дэйва, он поспешно выбрался из платформы.

Но уже чёрез пару минут я увидел, что он возращается.

— Вы не сказали мне,— произнес он тихим голосом,— что вам уже было отказано в выдаче пропуска!

— Кем? Тем лейтенантом?— удивился я.— Но ведь он только младший офицер! Что он может решать?

— Это сейчас не имеет значения,— холодно проговорил форслидер.— Отказ уже дан. И я не могу изменить уже принятого решения. Мне очень жаль, поверьте мне, но получить пропуск для вашего шурина невозможно.

Я уже это понял, и бешеная ярость закипела во мне.

— Так вот чего вы хотите! — чуть ли не закричал я.— Вы жаждете смерти мужа Эйлин! И не думайте, что я не вижу этого, Блейк!

Его лицо было в тени, ответил он тем же ровным тоном.

— Вы смотрите на это, как ЧЕЛОВЕК, а не как Слуга Божий, мистер Олин. Мне больше нечего сказать вам. Я должен вернуться к своим обязанностям. Доброго утра.

Он закрыл за собой дверцу платформы и скрылся в темноте. Я сидел, уставясь немигающим взглядом в его спину.

Я потерпел полное поражение!

Ярость вновь охватила меня. Тут же, сидя в своей служебной платформе, я дал клятву: «Дэйву не понадобится пропуск! Я не отпущу его от себя, и он не будет участвовать в сражении. Мое присутствие даст ему необходимую защиту и безопасность!».

ГЛАВА 9

Было уже 6.30 утра, когда я, наконец, попал в гостиницу. Чувствовал я себя преотвратно: сказались бессонная ночь и чувство, что в следующие 24 часа меня ожидает то же самое. Кроме того, у меня было постоянное ощущение, что в ближайшие дни произойдет что-то необычное.

Проходя мимо дежурного, я увидел в ящике с ключами от моего номера что-то белое. Я подошел и вытащил конверт. Это было письмо от Эйлин. Разорвав конверт и вытащив письмо, я начал его читать.

«Дорогой Там!

Твое письмо о планах вытащить Дэйва с передовой и взять себе в помощники я получила. Не могу даже выразить словами, как я счастлива. Никогда бы не подумала, что ты удосужишься что-то сделать для нас. Очень прошу тебя простить меня за столь долгое молчание. Я, наверное, плохая сестра. Но это лишь потому, что я знала, насколько я бесполезна и беспомощна. Еще когда я была девушкой, я знала, что ты стыдишься меня и поэтому избегаешь. Когда ты сказал мне, в тот день, в библиотеке, что я не могу выйти замуж за Джимми Блека... и это была истинная правда... я возненавидела тебя. Мне показалось, что вы с дядей были очень горды тем, что сумели убедить меня отказаться от Джимми. Но я была неправа, и ты не можешь себе представить, как мне сейчас стыдно. Ты был единственным, кого я любила после смерти мамы и папы, но мне всегда казалось, что ты любишь меня не больше, чем дядя Матиас. Я так рада, что все изменилось с тех пор, как я встретила Дэйва и вышла за него замуж. Ты обязательно должен приехать к нам в Альбам, на Кассиду, и увидеть наш дом. Мы были бы очень счастливы встретить тебя. Это ведь мой, по-настоящему МОЙ, дом, и думаю, ты будешь удивлен тем, каким мы его сделали. Дэйв тебя расскажет, если ты его попросишь. Не правда ли, он великолепен и очень подходит мне! Он такой же, как я! Еще раз благодарю тебя, Там, за то, что ты делаешь для Дэйва. Вся моя любовь отдана вам обоим. Скажи Дэйву, что я ему тоже написала. Но как всегда армейская почта работает не так быстро, как хочется.

Со всей любовью, твоя Эйлин.

P.S. Извини за некоторую грубость при нашей встрече на похоронах Матиаса.»

Я сложил письмо, сунул его в конверт и поднялся к себе в комнату. Все ее благодарности были не заслужены мною. Все сделано было из чисто профессиональных соображений. Она считала, что я стыжусь ее. Какой абсурд! Но, может быть, в доме Матиаса и не могло быть по-другому...

Дэйв был уже одет и ждал меня, сидя в кресле.

— Я получил письмо от Эйлин,— сказал я, махнув рукой, чтобы он сидел.— Она написала и тебе, но твое письмо еще в пути.

Он кивнул, и мы пошли завтракать. Пища помогла мне окончательно прогнать сон. Позавтракав, мы отправились в штаб. Дэйв взялся нести мой магнитофон, он не был тяжелым, но такая помощь позволила мне сосредоточиться на предстоящем репортаже.

В транспортном отделе Штаба кассидиан нам дали платформу на воздушной подушке, и только я собирался было попросить повесить на ее борт опознавательные знаки Гильдии, как в комнату вошел высокий стройный человек в форме полевого командира. Я тут же хотел взять у него интервью, но остановился. Это был не простой офицер. Это был темнолицый дорсаец! И форма на нем была голубого оттенка и являлась идентичной форме ВС Экзотики. Экзотика, богатая и могущественная, не скупившаяся на расходы и нанимавшая лучшие войска среди звезд. В ее рядах было больше всего дорсайцев. По крайне мере, все офицеры ВС Экзотики были дорсайцами. Но что мог делать дорсайский командир тут, в штабе кассидиан? Похоже, это еще раз подтверждало мое предположение о грядущих событиях. Значит, кассидиане догадываются о предстоящем наступлении Френдлиза?

— Стой здесь,— посоветовал я Дэйву, а сам медленно направился к дорсайцу. Но в это время открылась дверь, и какой-то сержант-кассидианин выглянул из нее и крикнул, обращаясь к командиру:

— Вас ждут, сэр. Машина здесь.

Офицер кивнул и стремительно вышел. Я бросился из комнаты вдогонку, но смог только увидеть, как дорсаец сел в боевую амфибию, а несколько высших офицеров-кассидиан и новоземельцев разместились в другой машине. Вопросы было задавать некому, так как эта в высшей степени странная группа тотчас же тронулась в путь.

Подождав, пока один из солдат подгонит нашу платформу, я вскоре был в курсе всего происходящего. Полевой командир, как я узнал, был дан взаймы Южным Силам Новой Земли вчера вечером по приказу преподобного отца с Экзотики по имени то ли Катма, то ли Ладна. Кроме того, этот офицер является родственником того самого Донала Грима, на чьем вечере я вчера присутствовал.

— Его имя Кейси Грим,— сказал солдат, немного подумав.

— У него, кажется, есть брат-близнец? Неужели он тоже здесь?— спросил я, наблюдая, как Дэйв усаживается на заднее сиденье платформы.

— Не знаю, сэр,— пожал плечами солдат.— Не думаю, что другой остался на Культисе. Я слышал, что они почти неразлучны и даже в одном и том же звании.

— А как зовут другого?— поинтересовался я.

— Не помню, сэр... Какое-то короткое имя... кажется, Ян.

— Спасибо,— сказал я и, усевшись на место пилота, поднял машину вверх.

Мы находились в сотне футов за окнами кассидиан. И хотя летели над нейтральной полосой, это меня не беспокоило. На нашей машине явственно были различимы цвета «Ньюс Сервис». А кроме того, я вывесил флаг и включил прибор, подающий радиосигналы на несущей частоте. Все было спокойно, и я начал внимательно осматривать боевые позиции враждующих сторон.

Главный вопрос, который меня сейчас волновал,— что собираются предпринять френдлизцы?

К северу от меня равнина нейтральной полосы переходила в холмистую, поросшую огромными 40-60 футовыми деревьями, местность. Непрерывной позиции войск Юга и Севера там, соответственно, не могло быть. Вполне возможно, в тени этих деревьев могли скрываться ударные силы Френдлиза. И, может быть, сейчас они уже готовятся к предстоящей операции!

Я опустил свой аэрокар на вершину какого-то холма, расположенного среди лесного массива. И тут я увидел то, что с воздуха увидеть было трудно. Я находился возле боевого поста южан. Маскировка орудийных позиций произведена настолько тщательно, что только сейчас, находясь всего в нескольких шагах от нее, я заметил торчащие вверх стволы акустических пушек.

— Есть ли данные о продвижении войск Френдлиза?— спросил я у подбежавшего к нам старшего сержанта, уроженца Новой Земли.

— Все спокойно, сэр. Мы ничего не заметили.— Это был стройный молодой человек, его форменная куртка была застегнута всего на две пуговицы. Было жарко.— Патрули расставлены!

— Хм-м. Вы не возражаете, если я прогуляюсь немного в этом направлении,— неопределенно взмахнув рукой, проговорил я и, взлетев на несколько дюймов от поверхности земли, влетел в лес. Пролетев футов двести, мы были задержаны патрулем кассидиан. Его члены расположились на деревьях, и мы заметили их только тогда, когда были остановлены. Лейтенант с каской в руке перегнулся в кабину и крикнул:

— Какого черта вы здесь делаете?

— Я ньюсмен! Вы что, не видите наши опознавательные знаки? У меня есть разрешение находиться здесь и пересекать боевые порядки воюющих сторон. Предъявить?

— Знаете, что можете сделать со своим разрешением? Учтите, что это не пикник на лоне природы! Френдлиз что-то замышляет!

— Что вы говорите? Неужели?— наивно спросил я.— А откуда вы это взяли?

— Мы получили данные разведки. У нас рация, и штаб проинформировал об усилении наблюдения. Вы знаете, что передовые посты неприятеля покинуты. А кроме того, если воткнуть в грунт щуп, то можно через несколько секунд услышать гул танков, находящихся на расстоянии не более 15-20 километров. Это вас не убеждает?

— А это не ваши танки?

— Нет, сэр. Не наши. Если вы хотите немного прогуляться в том направлении,— офицер кивнул в сторону Френдлиза,— то пожалуйста. Но хочу предупредить вас, что, если начнется «заварушка», ваши шансы выжить будут равны нулю!

— Спасибо за заботу, лейтенант. Мы постараемся быть очень осторожными.

Мы медленно двигались через лес и маленькие поляны часа полтора. Внезапно раздался резкий звук, несущийся от приборной панели, что-то взорвалось перед моими глазами, и я потерял сознание.

Очнулся я на траве возле упавшей платформы. Дэйв склонился надо мной, и, когда я открыл глаза, он с облегчением выпрямился.

— Что это?— пробормотал я, но Дэйв не обратил на мой вопрос никакого внимания. Открыв фляжку, он жадными глотками пил воду.

Через мгновение я уже был на ногах и постарался сориентироваться.

Мы, очевидно, наскочили на вибрационную мину. Конечно, платформа, как и всякая боевая машина, обладала чувствительными датчиками для обнаружения этой пакости, но эта мина взорвалась еще тогда, когда мы были в дюжине футов от нее.

Кар был выведен из строя. К моему удивлению, я разбил головой панель управления, ухитрившись не свихнуть при этом себе шею.

— Что же нам делать?— загрустил Дэйв.

— Пойдем к позиции Френдлиза пешком. Они уже недалеко,— сказал я бодро...— Не забывай, что мы находимся здесь для того, чтобы добывать НОВОСТИ!

Я повернулся и заковылял прочь от кара. Вероятно, вокруг было много вибрационных мин, но, продвигаясь пешком, мы могли не бояться их. Через мгновение Дэйв присоединился ко мне, и мы в мертвом молчании пошли по мшистому ковру между необычными стволами деревьев вперед, к позиции Френдлиза. Когда я оглянулся через несколько минут, аэроплатформа была уже невидна.

И только сейчас я понял, что забыл сверить свой ручной указатель направления с индикатором аэрокара. Мой компас определил позиции Френдлиза впереди, и если он сохранял корреляцию с индикатором в разбитом каре, то все будет хорошо! Но если нет... Тогда среди этих неприветливых деревьев можно было брести с одинаковым успехом в любую сторону. Я еще раз посмотрел на свой компас и со вздохом двинулся в правильном направлении.

ГЛАВА 10

В полдень, обессиленные, мы присели на поляне перекусить. На всем протяжении нашего пути мы никого не видели, и поэтому, едва отды-

шавшись, Дэйв пошутил:

— Может быть, эти вояки убрались домой? Я имею в виду Френдлиз.

Но мне было не до шуток.

— Прекрати болтать,— прервал я его.— Сейчас меня одно только заботит— почему до сих пор мы не встретили ни одного мятежника?

— Т-с-с,— прошептал вдруг Дэйв и протянул руку. Я обернулся в том направлении, куда он показывал, и прислушался. Приглушенное дребезжание, гул, еще что-то, было трудно разобрать, доносились из-за кромки леса.

— Боже! Они-таки начали свое наступление!— Закричал я, вскакивая на ноги. Остаток сэндвича вылетел у меня из рук.— Нам необходимо посмотреть, что там происходит. Это не более, чем в двухстах метрах от нас...

Фразу я не успел закончить, внезапно раздался громовой раскат, и я провалился в темноту.

Когда я пришел в себя и с трудом встал на негнущиеся ноги, то увидел Дэйва, лежащего в пяти метрах от меня на земле. Метрах в десяти от нас дымилась воронка с наваленными на нее стволами деревьев.

— Дэйв,— позвал я. Он не отзывался. Я, шатаясь, подошел к нему. Он дышал, и глаза его были открыты, но лицо было залито кровью, которая хлестала из разбитого носа.

— Дэйв! Артналет! Необходимо встать и как можно быстрее уносить отсюда ноги. Ты слышишь меня, Дэйв?

Медленно поднявшись, он оперся на меня, и мы двинулись с максимально возможной для нашего состояния скоростью в сторону предполагаемого расположения кассидиан.

На всем протяжении нашего «бегства» мы слышали глухие раскаты взрывов акустических снарядов продолжающегося огневого налета.

Через некоторое время в лесу наступила гнетущая тишина. Мы остановились, и я сказал Дэйву:

— Нам необходимо переждать здесь. Артналет перенесен в глубь территории противника, и сейчас начнется наступление. Пойдут войска при поддержке танков. С пехотой мы еще могли бы договориться, но с артиллерией и с танками — пустое дело. Поэтому я предлагаю немного отдохнуть, а потом двинуться вдоль этого склона. Возможно, там мы наткнемся на кассидиан или на первую волну наступающих френдлизцев.

Тут я увидел, что Дэйв с каким-то непонятным выражением лица смотрел на меня. Через мгновение, к своему стыду, я понял, что это восхищение.

— Ты спас меня! — воскликнул он.

— Не говори ерунды. Ты просто был контужен, вот и все.

— Но ты принял верное решение и подумал не только о себе. Ты подождал, пока я очнусь, и помог мне выбраться из этого ада.

Я покачал головой. Что ж, пусть считает, что это правда. Он наверняка думает, что я отношусь к тем полубезумным героям, которые в лю-

бых условиях выполняют свои обязанности, и это его умилило. Ну и черт с ним. Переубеждать его я был не намерен.

— Я хочу сказать,— начал он опять, но я перебил его:

— Приди в себя, Дэйв. Хватит трепаться, нам необходимо идти.

Мы двинулись в путь, стремясь обходить многочисленные лесные полянки, залитые ослепительными лучами солнца. Только сейчас у меня возникло чувство, что мы найдем передовые подразделения кассидиан гораздо раньше, чем подойдет первая волна наступающих френдлизцев. И это спасло бы нас. Находиться в гуще боя, среди наступающего противника, даже для члена «Гильдии»— положение хуже не придумаешь. Правда, моя одежда ньюсмена, несмотря на изменившийся цвет, явно отличала меня от военных, но Дэйв, одетый в серую полевую форму кассидиан, хотя и без знаков различия, мог послужить отличной мишенью для разъяренных мятежников.

Счастье не изменило нам. Внезапно, с вершины одного из деревьев что-то сорвалось, пронеслось в воздухе и взорвалось ярко-желтым пламенем в дюжине футов от нас. Я инстинктивно толкнул Дэйва на землю и, падая, прокричал:

— Не стреляйте! Здесь ньюсмен!

— Вижу, вижу, что ты чертов ньюсмен,— прозвучал сзади меня схидный голос.— Шагом марш ко мне, и не болтать!

Поднявшись с травы и пройдя в направлении голоса несколько футов, мы оказались лицом к лицу с офицером кассидиан, тем самым офицером, с которым я имел счастье разговаривать днем.

— О, опять вы?— удивился я.

Но офицер не обрадовался нашей встречи. Низким хриплым голосом он начал говорить все, что думает о таких, как я. Свою речь он закончил риторическим вопросом о том, что не знает, что с нами делать.

— Ничего не надо делать. Это наша работа — рисковать собой ради сногсшибательного репортажа. И если мы лезем в самую гущу боя, то это касается только нас. Скажите, куда нам надо идти, чтобы не путаться у вас под ногами.

— Черт побери! — рассмеялся лейтенант.— Ладно, идите вот в этом направлении и побыстрее.

— Хорошо! Но перед тем как уйдем, ответьте нам, лейтенант, на один вопрос. Чем вы сейчас занимаетесь?

Офицер посмотрел на меня долгим, внимательным взглядом, а затем, чеканя каждую букву, сказал:

— Закрепляемся!

— Вы, патруль, собираетесь удерживать эту позицию? Ведь у вас нет и дюжины человек. Если Френдлиз начнет наступление, вас сметут в одно мгновение.

Я немного подождал, но он ничего не сказал в ответ.

— Вы что, сумасшедшие? — начал я опять, но тут лейтенанта прорвало.

— Вот что, мы не дураки, как кажется некоторым! Но мы попробуем. Мы не собираемся пасовать перед черными сутанами.

Тут он обернулся, подозвал какого-то солдата и что-то ему передал.

— Отнесите это в штаб,— услышал я.— И скажите, что с нами пара ньюсменов.

В это время начался артналет, и мы с Дэйвом вслед за кассидианином бросились в укрытие.

Из наших окопов мы могли прекрасно видеть поросшую лесом низину в направлении предполагаемых позиций френдлизцев. Деревья необыкновенно желтого цвета покрывали соседний холм и тянулись за него. Затем следовали небольшие полянки и опять заросли, за которыми наверняка находились акустические орудия Божьих Сынов.

Это было мое первое хорошо просматриваемое поле генерального сражения. Я тщательно рассматривал его в бинокль, пока, наконец, не заметил едва уловимые признаки движения. На сцене, разворачивающейся передо мной, появлялись передовые отряды мятежников.

Вскоре завязалась ожесточенная перестрелка, которая, правда, кончилась так же внезапно, как и началась.

ГЛАВА 11

В этом не было ничего странного. Войдя в соприкосновение с противником, передовое охранение френдлизцев несколько отошло назад, чтобы дождаться подхода главных сил. Их делом было прощупать позиции кассидиан, не начиная при этом активных действий.

Это была очень странная тактика, применявшаяся еще со времен Юлия Цезаря, могучего полководца древнейших времен.

Передышка позволила мне трезво оценить ситуацию. Эта война была похожа на партию двух шахматистов. С одной стороны, несомненно, был Элдер Брайт со своей компанией, которая добивалась только одной цели — вывести своих легионеров на межзвездный рынок наемников. Брайт как шахматист делал ставку на победу одним стремительным ударом.

Но этот удар мог удаться, если бы не был вычислен его противником. А этим противников мог быть только Ладна с его соотечественниками.

Если Ладна мог определить, что я буду на приеме Донала Грима, то таким же образом он мог вычислить, что Брайт хочет нанести сокрушительный удар по кассидианам. И эти расчеты наверняка заставили его послать сюда лучшего тактика вооруженных сил Экзотики Кейси Грима для того, чтобы разрушить планы Брайта. Но меня в этом столкновении интересовало еще и другое: почему Ладна противостоит Брайту? Ведь Экзотика не должна была вмешиваться в эту гражданскую войну на Новой Земле, хотя это и была достаточно важная планета среди четыр-

надцати человеческих поселений под звездами.

И ответ мог лежать только в конкретных отношениях, которые контролировали обмен специалистами.

Вероятно, Экзотика, будучи «свободным» миром, автоматически противостояла «жестоким» мирам Френдлиза. Но это не могло быть единственной причиной. Могли существовать секретные соглашения о контрактном балансе между Экзотикой и Френдлизом, но об этом я ничего не знал. Тем не менее, мне было трудно понять позиции Ладна в текущих делах.

И второе, что меня сейчас заботило. Даже для такого гражданского человека, как я, было совершенно ясно, что защита этого холма дюжиной людей — полная бессмыслица.

У меня даже возникло мимолетное дружеское чувство к лейтенанту. Это, похоже, был настоящий солдат, отлично знающий свое дело и презирающий смерть.

Но какой мог бы получиться репортаж!

Можно было отлично описать безудержную храбрость горстки кассидиан, цветисто расписать их безуспешную попытку защитить эту позицию без всякой надежды на поддержку своих частей. Дюжина смельчаков — против целой армии фанатиков Френдлиза.

Дэйв толкнул меня в бок и оторвал от приятных размышлений.

— Взгляни туда... вот туда...— выдохнул он мне в ухо.

Я посмотрел.

Между деревьями, приблизительно в километре от нас, происходила перегруппировка основных сил френдлизцев. Тут и там мелькала черная униформа противника, но это было для меня не в диковинку.

Я недоуменно посмотрел на Дэйва. Он понял и опять показал мне на что-то рукой.

— Вот там, у горизонта.

Я посмотрел и увидел. Из-за деревьев, граничащих с кромкой неба, на расстоянии не более десяти километров от нас возникли какие-то светлые блики. Есть очень мало предметов на свете, которые могли бы создавать такое явление.

— Танки! — закричал я.

— Похоже, что они движутся сюда,— добавил Дэйв, напряженно всматриваясь в эти вспышки света, выглядевшие на таком расстоянии вполне безобидными. Но мы отлично знали, что это были прожигающие клинки света с температурой 40 000 градусов, которые могли сбить огромные деревья, окружающие нас, так же легко, как лезвие бритвы срезает волоски на лице человека.

Эти танки были неуязвимы для пехоты, вооруженной игольчатыми акустическими ружьями. Управляемые снаряды — классическое противотанковое оружие — вышли из употребления еще лет сто назад, когда противоракетная защита этих мастодонтов достигла своей высшей точки. Правда, это сделало танки очень медленными. Но куда спешить?

Пехота могла идти в наступление и шагом.

Наше положение становилось смехотворным. Я услышал какой-то шум справа от себя и увидел, как некоторые солдаты начали вылезать из траншей.

— Ни с места! — раздался зычный голос командира.— Мы обязаны удержать эту позицию, и если вы ее...

Но он не успел закончить: разрыв снаряда подбросил его высоко вверх, и он упал на бруствер окопа, залитый кровью.

Началась атака противника.

Ни о каком бегстве теперь не могло быть и речи. Хотя кругом рвались снаряды и наступающая пехота открыла ожесточенную пальбу, я не смог заметить среди защитников ни одного, кто был бы парализован страхом и не открыл огонь по противнику из ручных орудийных установок или личного оружия.

Френдлиз получил свое. Первая волна атакующих так и не смогла достичь вершины холма: в мгновение ока она была сметена залпом огня. Откатившись к подножию холма, «монахи» залегли. Снова наступила недолгая тишина.

Я выскочил из окопа и подбежал к лежащему лейтенанту. Это было, конечно, глупо с моей стороны, независимо от того, был ли я одет в форму ньюсмена или нет. У отброшенных назад френдлизцев, конечно, осталось очень много друзей, лежащих на этом холме. Как всегда я оказался прав! Что-то впилось мне в правую ногу, и я упал лицом вниз.

Очнулся я в окопе рядом с телом залитого кровью лейтенанта. Возле меня сидели два сержанта, немного поодаль — Дэйв.

— Вот что,— начал было я и попробовал встать на левую ногу. Тупая боль пронзила мое тело, и я вновь потерял сознание.

Меня привел в чувство голос одного из сержантов.

— Пора отсюда сматываться, Эйк. В следующий раз они сомнут нас или же пойдут танки!

— Нет! — прохрипел за моей спиной офицер. Я думал, что он мертв, но когда повернулся, то увидел, что он сидит, прислонившись к стене окопа. На его лице, залитом кровью, застыла судорожная гримаса боли. Он умирал, это было ясно по его глазам.

Сержант проигнорировал его слова.

— Послушай, Эйк,— продолжал он, снова обращаясь ко второму солдату, выглядывавшему из окопа.— Теперь командир ты! Прикажи отступать!

Сержант Эйк сел на дно траншеи с растерянно бегающими глазами.

— Я — командир,— захрипел вновь лейтенант.— Я приказываю вам...

Но тут ужасная боль пронзила мое колено, и я вновь погрузился в небытие.

— Там, Там, ну, очнись же, наконец,— донесся до меня голос Дэйва.

Я открыл глаза и увидел его, склонившегося надо мной.

С его помощью я осторожно сел, вытянул раненую ногу. Офицер уже лежал рядом со мной. В его голове появилась новая рана от игольчатой пули, он был мертв. Оба сержанта исчезли.

— Они ушли, Там,— ответил Дэйв на мой немой вопрос.— Нам тоже надо уходить. Френдлизцы решили, что мы не стоим их жизни, и просто обошли холм. Но их танки приближаются... Мы не можем идти быстро, потому что твое колено... Попробуй встать, я тебе помогу.

Я встал, было ужасно больно, но я встал! Дэйв поддержал меня, и мы начали спускаться по склону холма, прочь от танков.

Если раньше я с интересом наблюдал за окружающим лесом, размышляя о его красоте и таинственности, то теперь мне было не до этого— каждый шаг давался мне с трудом. Но это — самое удивительное — не отнимало у меня последних сил, а наоборот, подбадривало, придавало ясности. И чем сильнее была боль, тем больше неистовство. Возможно, виной этому было некоторое количество крови древних берсерков, струящейся в моих ирландских жилах.

Мы шли очень медленно, и танки вполне могли бы нас догнать. Но в своей слепой ярости я их не боялся. Может быть, где-то подсознательно я не сомневался в том, что моя одежда ньюсмена спасет меня. Я был почти мистически убежден в своей неуязвимости. Единственное, что меня сейчас беспокоило — это Дэйв. Его судьба и судьба Эйлин были мне далеко не безразличны.

Я кричал на него, гнал прочь, убеждал, чтобы он бросил меня и уходил, так как мне ничего не угрожало. Но он отвечал, что я не бросил его, контуженного, и поэтому он не может сейчас оставить меня одного. И кроме того, его долгом было помочь мне, так как я — брат его жены.

Обозвав его дураком и глупцом, я сел на землю и отказался идти дальше. Тогда он без лишних слов взвалил меня на спину и понес.

Вот это было уже совсем плохо. Он мог совершенно измучиться. Я опять начал кричать, чтобы он немедленно бросил меня.

И вскоре это подействовало. Менее чем через пять минут, он отпустил меня. Я поднял голову и увидел стоящих перед нами молодых френдлизских стрелков, очевидно, привлеченных моими криками.

ГЛАВА 12

Я думал, что они обнаружат нас даже раньше, чем это произошло на самом деле. Насколько я знал, все вокруг кишело френдлизцами. Но, очевидно, боясь попасть под обстрел кассидиан, они старались обходить холм стороной.

Итак, перед нами стояли два френдлизца, два молодых парня. Сер-

жант и рядовой. Насколько я понял, их задачей было обнаружение очагов сопротивления кассидиан и наведение на них основных сил наступающих. Думаю, что они уже давно обнаружили нас, но подходили очень осторожно, опасаясь засады. Похоже, что я разгадал ход их мыслей. Кричал один человек. Солдат Господа не стал бы этого делать ни при каких обстоятельствах на поле боя! Тогда зачем же кассидианину надо так громко кричать в районе боевых действий? Это было непонятно, а потому требовало повышенной осторожности!

Но теперь они увидели, кто был перед ними— ньюсмен и его помощник. Оба гражданские.

— Что такое, сэр? — спросил меня сержант.

— Черт вас побери,— крикнул я.— Разве вы не видите, что мне необходима медицинская помощь? Доставьте меня в один из ваших полевых госпиталей, да побыстрее!

— У нас нет приказа,— немного поколебавшись, произнес сержант,— возвращаться с поля боя.— Он посмотрел на своего товарища.— Единственное, что мы можем для вас сделать, это доставить на место сбора пленных, где наверняка есть врач. Это недалеко отсюда.

— Черт с вами, давайте!

— Гретен, возьми его, а я понесу твою винтовку,— приказал сержант рядовому. Солдат взвалил меня на спину, и мы двинулись в путь. Мы довольно долго пробирались через лес, то там, то здесь встречая следы недавнего сражения. С большими трудностями нам удалось, наконец, добраться до места назначения. Шесть вооруженных френдлизцев охраняли группу пленных.

— Кто из вас старший?— спросил их сержант, доставивший нас.

— Я,— вышел вперед один из френдлизцев. Это был обыкновенный полевой стрелок в звании младшего сержанта. Несмотря на столь низкое звание, он был уже довольно пожилой— похоже, ему было уже за сорок.

— Этот человек— ньюсмен,— сказал сержант, указывая на меня винтовкой,— а другой — его помощник. Ньюсмен ранен, и поскольку мы не можем доставить его в госпиталь, может быть, вы сможете вызвать ему врача по радио.

— Нет,— покачал головой младший сержант.— У нас здесь нет рации, а командный пункт метрах в двухстах отсюда.

— Мы с Гретом могли бы помочь вам, пока кто-нибудь сбегает туда.

— Это невозможно,— опять покачал головой командир охраны,— у нас нет приказа покидать этот пост.

— Даже в особых случаях?

— Такие не указаны!

— Но...

— Повторяю, сержант. Нам не было указано ни на какие исключения! Мы не сдвинемся с места, пока не появится старший командир.

— А как скоро он может появиться?

— Не знаю.

— Тогда я схожу сам. Подождите меня здесь, Гретен. Командный пункт в этом направлении? Спасибо.

Он закинул свою винтовку на плечо и исчез за деревьями. Больше мы никогда его не видели.

До этого момента я держался из последних сил, но тут уж можно было бы и дать себе слабинку. Скоро будет помощь. Медленно, очень медленно я погрузился в беспамятство.

Очнулся я от ужасной боли. Раненая нога ниже колена распухла, и малейшее движение вызывало судорожные боли, молотом отдававшиеся в голове.

Постаравшись принять положение, при котором боль хоть ненамного уменьшилась бы, я начал осматриваться.

Я лежал в тени на самом краю поляны. На другом ее конце находилась группа пленных и рядом с ними несколько охранников. Но большинство солдат располагались невдалеке от меня. Среди них я заметил новое лицо. Человека лет тридцати в чине фельдфебеля, который, угрожающе размахивая руками, что-то говорил им.

Небо над нами отдавало красным. Это лучи заходящего солнца создавали удивительную картину. Его лучи падали на мундиры френдлизцев, создавая причудливую игру красок.

Красное и черное, черное и красное,— цвета зловеще отражались на кронах деревьев.

Я прислушивался и услышал, о чем разговаривали солдаты.

— Ты мальчишка! — рычал фельдфебель. Он потряхивал головой, не в силах сдержать своих эмоций. Его лицо было красным в лучах заходящего солнца.

— Ты мальчишка! Сопляк! Что ты знаешь о борьбе за выживание на наших суровых, каменистых планетах? Что ты знаешь о целях тех, кто послал нас сюда защищать Слово Божье? Неужели ты не хочешь, чтобы наши дети и женщины жили и процветали, когда все вокруг хотели бы видеть нас мертвыми?

— Но кое-что я знаю,— ответил знакомый голос.— Я знаю, что мы правы. Мы во всем придерживаемся Кодекса Наемников.

— Заткнись! — рявкнул фельдфебель.— Что этот Кодекс перед Кодексом Всемогущего? Что значат эти клятвы перед клятвой Всевышнего. Элдер Брайт сказал, что мы обязаны победить! Эту битву должны услышать в будущем. Нам нужна только победа!

— Но я говорю...

— Молчи! Я не желаю слушать тебя. Я твой командир! И только я могу говорить Слово Божье! Нам приказали атаковать врага. Ты и еще четверо должны немедленно отправиться на командный пункт. Не мне тебе напоминать, к чему может привести неповиновение командиру.

— Тогда мы возьмем пленных с собой...

Фельдфебель вскинул винтовку и направил ее на спорящего с ним солдата.

— Так ты отказываешься подчиняться приказу?

Он немного отошел в сторону, и только тут я заметил, что неизвестный, чей голос показался мне знакомым,— рядовой Гретен.

— Всю жизнь я преклонялся перед Богом и мне не страшно умереть...

Я пытался привстать, но ужасная боль пронзила мое тело.

— Эй! Фельдфебель! — закричал я, превозмогая боль. Тот быстро оглянулся, и ствол его винтовки холодно уставился мне в глаза. Осклабившись, он кошачьими шагами направился в мою сторону.

— О, ты уже очнулся?— поинтересовался он. Багровый отблеск заката играл на его физиономии. Его улыбка ясно показывала мне, что он отлично понимал, что даже малейшее физическое усилие может меня заставить страдать.

— Очнулся достаточно, чтобы услышать кое-какие интересные вещи,— прохрипел я. В горле у меня пересохло, нога начала непроизвольно вздрагивать. Но неукротимая ярость наполняла мое тело невиданной силой. Казалось, еще немного, и она, вырвавшись, испепелит негодяя.

— Разве ты не знаешь, что я ньюсмен? И все действия, которые могут причинить мне вред,— противозаконны! Вот мои бумаги.

Фельдфебель осторожно нагнулся, взял документы и начал внимательно их рассматривать.

— Все верно,— сказал я, когда он снова взглянул на меня.— Я ньюсмен. И я не прошу тебя, а приказываю! Мне необходимо срочно в госпиталь! И мой помощник,— я указал на Дэйва,— должен быть со мной.

Фельдфебель снова уткнулся в документы. Когда он оторвал от них взгляд, лик его был грозен. Это был лик фанатика.

— Я знаю тебя, ньюсмен,— заревел он.— Ты один из тех писак, которые в своих статейках чернят Слово Божье. Твои документы — халтура и бессмыслица. Но ты мне нравишься, так как уже успел получить свою долю справедливости. И поэтому я отправлю тебя в госпиталь, и ты напишешь историю нашей борьбы, историю торжества Бога и его последователей.

— О правь меня немедленно! — приказал я.

— Успеешь! — махнув рукой, прервал он меня.— В тех документах, которые ты мне дал, я нигде не нашел сведений о твоем помощнике. На его документах нет ни одной подписи наших командиров о том, что он твой помощник. А что это значит? А? А значит это то, что этот человек— шпион! И поэтому место его с другими военнопленными! И он встретит то, что угодно будет Богу!

Бросив документы к моим ногам, фельдфебель повернулся и пошел прочь. Я закричал, требуя, чтобы он вернулся, но он не обратил на это внимания.

Гретен подбежал к нему, схватил за руку и что-то зашептал на ухо, указывая на группу пленных. Фельдфебель грязно выругался.

Подойдя к солдатам, он закричал:

— Становись!

Стрелки поспешно бросились выполнять команду.

— Смир-но! Напра-во! Шагом марш! Рядовой Гретен! По прибытии на командный пункт доложите командиру, что я послал вас на помощь атакующим.

Фельдфебель немного постоял, глядя вслед удаляющимся солдатам, а затем, вскинув оружие на изготовку, медленно направился к пленным.

— Теперь, когда ваши защитники ушли,— угрюмо начал он,— все стало на свои места. Нас впереди ждет не одна атака, и оставлять вас, врагам в нашем тылу я не могу. А тратить солдат для вашей охраны тоже невозможно, на счету каждый боец. Поэтому я посылаю вас туда, откуда вы уже не сможете больше вредить помазанникам Божьим!

И только сейчас я окончательно понял, что он задумал.

Крик боли и ненависти, вырвавшийся из моего горла, потонул в громе автоматических выстрелов.

ГЛАВА 13

Я мало что помню после этого. Помню, как фельдфебель направился ко мне после того, как перестали шевелиться тела. Он тяжело шел, держа оружие в одной руке.

Он стоял возле меня и долгим задумчивым взглядом смотрел мне в глаза.

Я попытался встать, но не смог.

— Не беспокойся, ньюсмен, я тебя не трону,— сказал он. Его голос был глубок и спокоен, но глаза безумны.— Одного только прошу у тебя. Поспеши с этой историей. Ты будешь жить, чтобы всем рассказать о том, что здесь произошло! И пускай все узнают, как беспощадны могут быть Божьи воины к нечестивцам! Может быть, я скоро погибну в бою, этом или следующем, но я рад, что исполнил волю того, кто только что управлял моим пальцем! Твоя писанина ничего не значит для тех, кто читает только писание Бога Битв!

Он отступил назад.

— А теперь оставайся здесь, ньюсмен,— усмехнулся он одними губами.— Не бойся, они найдут тебя.— Фельдфебель повернулся и ушел. Я смотрел на его черную спину, таявшую в темноте, до тех пор, пока не остался один в темном лесу, один на один с трупами.

Не знаю, как я добрался до них, как нашел Дэйва. Он был залит кровью, я почувствовал ее. Я приподнял его голову и поставил рядом горящий фонарь.

— Эйлин,— внезапно спросил он, когда свет упал на его лицо. Но

глаза он так и не открыл. Я начал тормошить его, что-то говорить, что-то очень странное.

— Она скоро будет здесь,— пытался я его успокоить.

Он ничего больше не сказал, а только тяжело дышал.

Отчаяние разрывало мне сердце. Я не обращал внимания на боль, терзавшую мое тело. Все мои мысли были заняты Дэйвом. Я что-то говорил, плакал, молил бога о помощи, но все было зря.

Внезапно я заметил, что Дэйв открыл глаза. Я наклонился и вдруг увидел на его лице счастливую улыбку.

— О, Эйлин, ты, наконец, пришла! — еле слышно произнес он.

Я не знал, что сказать, и только слезы капали из моих глаз.

Дэйв еще что-то прошептал и вдруг замолчал на полуслове. В это время взошла одна из лун Новой Земли и при ее свете я увидел, что мой шурин мертв.

ГЛАВА 14

Меня нашли вскоре после восхода солнца, но не френдлизцы, а кассидиане. Кейси Грим ударил во фланг наступающим войскам Севера, опрокинул их и начал преследовать по всему фронту. И всего за сутки отряды Френдлиза, полностью обескровленные, вынуждены были капитулировать. Гражданская война между Севером и Югом Новой Земли была закончена полной победой кассидиан.

Но меня это не беспокоило. В полубессознательном состоянии меня доставили в Блаувейн, в госпиталь. Излечение мое несколько затянулось, так как рана оказалась запущенной и я потерял много крови. Положение еще ухудшилось моим ужасным моральным состоянием.

Чтобы немного привести меня в чувство, врач сказал мне, что фельдфебеля, который совершил то гнусное убийство, взяли в плен и после недолгого разбирательства расстреляли за нарушение Кодекса Наемников. Но что это могло изменить? Ведь я не смог уберечь Дэйва!

Я чувствовал себя, как часы, которые только недавно сломались. Они уже не могут показывать точного времени, но если их поднести к уху и немного потрясти, то можно было бы что-то и услышать. Я сломался, сломался внутренне. И даже известие, пришедшее из «Интерстеллар Ньюс Сервис» о моем зачислении полноправным членом «Гильдии», не могло ничего изменить в моей жизни. И тогда меня послали на Культис, на одну из планет Экзотики, для лечения.

На Культисе мне пообещали быстрое выздоровление, если удастся выбрать способ, которым меня можно будет вылечить. Дело в том что они не могли в моем случае применять свою власть. Основная их философская концепция заключалась в том, что они не могли использовать силы

их собственных личностей для проникновения в психику других индивидуумов. Они могли только предлагать идти по тому пути, который был бы желателен для успешного излечения.

И инструмент, который они выбрали в качестве указателя направления, был достаточно могуществен. Это была Лиза Кант!

— Но ты же не психиатр! — изумился я, когда она впервые появилась передо мной. Определенно, в ее присутствии я глупел, говорил резкости и легко раздражался.

— Но откуда тебе известно, кто я?— усмехнулась она.— Ведь с нашей последней встречи на Фриленде прошло столько лет, а ты даже не спросил, чем я занималась все это время. Так вот, знай, все это время я была студенткой и изучала психологию в одном из Университетов Культиса.

— Значит, ты в самом деле психиатр?

— И да, и нет! — спокойно ответила она. Внезапно она улыбнулась мне.— В любом случае, как мне кажется, психиатр тебе не нужен.

Когда она сказала это, я понял, что это была моя мысль, мысль, которую я всячески старался от себя гнать. «Но если она это поняла так быстро, значит, она может все знать обо мне!»

— Может быть, это и правда,— усмехнулся я.— Может быть, мы сможем немного поболтать!

— Не возражаю,— просто сказала она.

— Почему Ладна думает, что ты... что ты могла... в общем, что ты должна была навестить меня?

— Не просто навестить тебя, а работать с тобой,— поправила она меня.

Она была не в одежде Экзотики, а в простом белом платье. Ее голубые глаза показались мне гораздо более голубыми, чем я помнил. Внезапно она метнула в меня острый, как отточенное копье, взгляд.

— Потому что он верит, что я — единственный человек, кого ты можешь послушать.

Взгляд и слова потрясли меня. Я понял, что эта девушка для меня значит.

Прошло несколько дней. К тому времени я, пробудившийся и настороженный, использовал свою способность смотреть и увидел, что делали со мной люди Экзотики. Я постоянно жил как бы под тенью, искусно сплетенной общим давлением, давлением, которое не предназначалось для управления моим поведением, но которое постоянно вынуждало меня самому держать рукоять своего существования и направлять свою жизнь в определенную сторону. Вероятно, на структуру, которая составляла мою сущность, влияло окружение — стены, люди и все,что угодно. Все это вынуждало меня жить... не просто жить, а жить активно, полно и радостно.

И Лиза была частью этого.

Я начал замечать, что я пробуждаюсь от депрессии, благодаря ее го-

лосу, смеху, запаху. Все это оказывало максимальное влияние на мои развивающиеся чувства. Я не думаю, что Лиза воспринимала себя как часть обстановки, продублировавшей ожидаемый эффект. Я думал, что Лиза, как и я, была влюблена.

Женщины не доставляли для меня сложностей с того момента, как я покинул дом дяди и осознал свою власть над умом и телом. Особенно красивые, в которых был часто голод в любви и которые очень часто покидали меня, так и не поняв, что их ко мне притягивало.

Но до Лизы они все, красивые или нет, немного поломавшись, уходили, ничего не зная для меня. Это было так, словно они были певчими пташками, но стоило им только провести у меня ночь, как они превращались в обыкновенных воробышков, а их необыкновенное пение превращалось в обычное чириканье. Но потом я понял, что ошибался. Это я делал их такими. Благодаря мне, моим словам, они мгновенно вспархивали, и мы парили вместе в чудесном замке, построенном из света и воздуха, обещаний и красоты. Им всегда нравился мой замок. Они прибывали туда радостными, на крыльях моего воображения, и я сам верил, что мы будем вечно парить вместе. Но позднее, в свете дня, я приходил к выводу, что свет померк, а наша песня нудна! Женщины уже не верили в мой замок. Они находили, что это безумие с их стороны — предаваться мечтам. Возможно, они были такими же сухими логиками, как и мой дядя Матиас.

Но Лиза не оставляла меня, как другие. Мы постоянно сталкивались с ней на протяжении недолгого времени. Она парила со мной и парила сама. И тогда, впервые, я узнал, почему она не падает на землю, подобно другим. Это потому, что у нее был свой собственный воздушный замок, и она не нуждалась в моей помощи, чтобы оторваться от бренной земли. Она летала сама, при помощи своих собственных крепких крыльев.

Конечно, ее замок отличался от моего, и я решил идти с ней до конца жизни. Но она остановила меня.

— Нет, Там,— сказала она.— Еще нет.

Ее «нет» могло означать « не в данный момент» или « не завтра». Но, взглянув в ее изменившееся лицо, в ее глаза, я увидел, что что-то похожее на закрытые ворота стояло между нами.

— Энциклопедия?— спросил я.— Ты хочешь, чтобы мы вернулись и работали там? Правильно? Попроси меня снова.

Она отрицательно покачала головой.

— Нет,— сказала она изменившимся голосом.— Там, на вечере Донала Грима, я поняла, что ты никогда не придешь в Энциклопедию, если я буду тебя просить. И если бы я попросила тебя об этом сейчас, ты бы и теперь сказал «нет!» Разве не так?

Рот мой открылся от изумления. Потому что, подобно каменной руке небесного бога, на меня обрушилось то, что оставили мне Матиас и фельдфебель, вырезав мою душу и выбросив ее прочь.

Между мной и Лизой пробежал холодок.

— Верно,— согласился я.— Ты права. Думаю, что и сейчас я сказал бы «нет».

Я взглянул на Лизу, сидевшую на обломках нашей мечты.

— Когда ты впервые сюда пришла,— медленно и осторожно говорил я, поскольку она была снова почти врагом мне,— ты говорила, что Ладна говорил о каких-то двух путях, по которым я мог бы идти. Тогда я не спросил тебя о том, что это за дороги. И если я сейчас двигаюсь по одной из них, то что представляет собой другой путь?

Внезапно посмотрев на меня довольно странно, она произнесла:

— Не хочешь ли ты увидеться со своей сестрой?

Эти слова обрушились на меня как брусок железа. Это было то, чего я подсознательно боялся и от чего постоянно старался избавиться.

— Я не способен...— начал я, но мой голос подвел меня. Что-то сжало мое горло, и я стал лицом к лицу со своей собственной душой, с сознанием своего малодушия.

— Вы известили ее! — закричал я, с ненавистью глядя на Лизу.— И она знает все, что случилось с Дэйвом?

Лиза молчала и только смотрела на меня. И я понял, что она не скажет мне больше того, что ей поручили передать эти господа с Экзотики.

Дьявол вполз в мою душу и стоял на другом берегу реки, смеялся, махая мне рукой, приглашая присоединиться к нему.

Я повернулся и, ни слова не говоря Лизе, ушел во тьму.

ГЛАВА 15

Как полноправный член «Гильдии» я получил достаточно денег, чтобы удовлетворить малейшее свое желание. Но хоть здесь и не было моего желания, билет на рейсовый звездолет Культис-Кассида я достал без труда. И вот теперь, когда наш корабль совершил очередной временной прыжок и после паузы еще один, воспоминания мелькали передо мной, воспоминания об Эйлин.

Это не было неприятно. Очень часто она оказывала мне посильную помощь или своим присутствием снимала то давление, которое Матиас оказывал на мою душу. Я вспоминал множество случаев, когда она игнорировала собственные заботы, чтобы помочь мне, и ничего я не мог вспомнить о том, когда бы я мог позабыть свои дела, чтобы помочь ей.

Все это пришло на ум мне, обдав холодом, придавив чувством вины и несчастья. В одном из перерывов между прыжками я попытался отбросить эти воспоминания, но это было выше моих сил.

В таком состоянии я и приземлился на Кассиде.

Более бедная, более маленькая планета, чем Культис, Кассида была близнецом Нептуна, с которым она образовывала, наряду с двенадцатью

другими планетами, систему вокруг звезд Альфа Центавра. Кассида остро нуждалась в научных кадрах, которые ей обычно поставлял значительно ранее заселенный Нептун.

Из столичного космопорта Моро я долетел до Альбани, где размещался университетский городок, основанный Нептуном. Здесь работали Эйлин и Дэйв, вернее, раньше работал Дэйв.

Это был отличный многоуровневый город. Земли было мало, а нептунианские кредиты еще более скудны, и пришлось застроить маленькую площадь, собрав многие объекты на различных уровнях.

Я сел в такси и назвал адрес Эйлин. После бесчисленных вертикальных и горизонтальных туннелей мы достигли нижнего уровня. Перед тем как войти в нужную дверь, я замешкался. Сцена гибели Дэйва возникала перед моими глазами. Я нажал кнопку звонка.

Дверь открыла женщина средних лет.

— Эйлин...— пробормотал я.— Я имел в виду ... миссис Холл? Она дома?— Но тут мне в голову пришла мысль, что эта женщина меня не знает.— Я ее брат... с Земли. Ньюсмен Там Олин.

Я был в своей гильдской форме, и это достаточно говорило обо мне. Но в тот момент я совершенно не подумал об этом. Хотя, может быть, она никогда раньше и не видела гилдсменов.

— Миссис Холл переехала,— сказала женщина.— Эта квартира была слишком велика для нее одной. Она живет несколькими ярусами ниже и севернее. Подождите, я дам сейчас ее адрес.

Она ушла и через некоторое время вернулась.

— Вот. Я здесь написала, как туда добраться. На такси туда можно попасть очень быстро.

— До свидания.

Затем было долгое ожидание в такси и совсем уже непереносимое у двери.

— Там! — только и сказала она, открыв двери на мой звонок.

Она совершенно не изменилась. И у меня возникла надежда, что все будет в порядке. Но она стояла и молчала. Я тоже молчал.

— Входи,— наконец сказала она ровным голосом, отошла в сторону, и я вошел. Дверь медленно закрылась за мной.

Я оглянулся ошеломленный. Комната не больше моей каюты первого класса, в которой я имел «счастье» добраться сюда. Стены серого цвета.

— Почему... ты живешь здесь?— недоуменно выдавил я из себя.

— Эта комната очень дешевая,— сказала она равнодушно.

— Но ты же можешь не экономить деньги! То, что ты получаешь в наследство от дяди... Постой, постой... Я одного не могу понять— зачем ты живешь в такой дыре? Разве тебе не хватает денег?

— Мне хватает,— спокойно сказала она.— Но надо еще заботиться и о семье Дэйва.

— Что? Какая семья?

— Младшие братья Дэйва еще учатся в школе. — Она все еще стояла

и не приглашала меня сесть.

— Что ты хочешь, Там? Зачем ты пришел сюда?

Я глядел ей в глаза.

— Эйлин,— сказал я , с трудом подбирая слова,— если у вас все же есть какие-то проблемы, то я как полноправный член «Гильдии» мог бы кое в чем помочь. Я могу обеспечить вас всем необходимым.

— Нет.

— Но почему? Я тебе говорю, что в средствах я не ограничен!

— Я не хочу от тебя ничего, Там. Благодарю, но нам и так хорошо. Кроме того, у меня хорошо оплачиваемая работа.

— Эйлин!

— Я спросила уже, зачем ты пришел?

Это была не та Эйлин, которую я знал прежде.

— Увидеть тебя,— сказал я.— Думаю, ты хотела бы знать...

— Об этом я все и так знаю. Мне рассказали также, что ты был ранен. Но сейчас у тебя все в порядке, Там? А теперь уходи! Я это делаю для безопасности семьи Дэйва. Если я дам тебе возможность прикоснуться к братьям Дэйва, ты их уничтожишь.

Я не знал, что сказать. Мы молчали и смотрели друг на друга.

— Лучше уходи, Там,— наконец сказала она.

Ее слова вернули меня к действительности.

— Да...— пробормотал я.— Думаю, что так будет лучше.

Я повернулся и пошел, все время ожидая, что она позовет меня. Но она не остановила. Она не двинулась с места, пока я не сел в такси.

Я вернулся в космопорт один!

Один, один, один...

ГЛАВА 16

Я сел на первый же звездолет, отлетающий на Землю, и, закрывшись в своей каюте, начал размышлять о создавшемся положении. Безусловно, влияние Матиаса не могло не сказаться на мне. Даже воспоминания о руинах Парфенона, куда мальчишкой я часто бегал от дяди и его мрачного дома, были связаны у меня с Матиасом. Мой юношеский ум старался здесь, в старых развалинах греческой цивилизации, найти опровержение идей дядюшки. Я находил их тогда, но было ли это опровержением? Разве руины Парфенона не были ярким доказательством идеи об упадке и разрушении Земли под влиянием более великих представителей молодых миров? В молодости мы с сестрой... Сестра? Эйлин! Разве мог я представить себе, сколько боли мне принесет то, что она забыла меня? Разве я виноват в смерти Дэйва? Разве обязательно должно быть РАЗРУШЕНО все, к чему только я прикоснусь? Лиза упоминала, что у меня есть два

пути. И один из них путей была она. Ее любовь сможет увести меня с той дороги, на которой я сейчас нахожусь!

Любовь? Эта смертельная болезнь высасывает из человека все жизненные соки!

Ха-ха-ха!

Находясь в таком расположении духа, я захотел напиться! По пути на Кассиду я бы не смог этого сделать из-за чувства вины и надежды. Но теперь! Я засмеялся. Сейчас я уж смогу залить свой мозг, как обыкновенный, нормальный человек. Заказав бутылку виски, стакан и лед, я вскоре уже чокался с собой о зеркало каюты.

— Будь здоров, Там Олин!

Шотландские и ирландские предки в моем генеалогическом древе начали требовать, чтобы их выпустили на волю. О, как я хотел надраться.

Хороший ликер струился по моим жилам, согревая и успокаивая. Воспоминания о молниях, возникших под гипнотическим взглядом Ладны, вернулись ко мне.

Более того, я сейчас почувствовал силу и ярость, которые тогда бушевали во мне. И теперь я понял, каким слабым стоял перед ними, боясь использовать эти молнии.

Сейчас я увидел, как использовать могущество УНИЧТОЖЕНИЯ! Возможности, которыми обладал когда-то Матиас, казались мне сейчас детской забавой.

Я пил, мечтая о могуществе. Я спал и мечтал о могуществе. И пока я спал, способы осуществления моей мечты прошли передо мной. Это была мысль, с которой я проснулся.

Возможно, я действительно был там. В том месте, на каменном склоне горы, между взгорьем и морем, в маленьком домике с многочисленными щелями, замазанными дерном и грязью.

В том маленьком однокомнатном доме без камина, но с примитивным очагом у стены, запачканным копотью, и дырой в крыше для дыма. На стене возле костра на двух деревянных колышках висела моя драгоценная собственность!

Это было фамильное оружие, настоящий старинный палаш — «великий меч»! Более четырех футов длины, с обеих сторон заточенное широкое лезвие, ни пятнышка ржавчины. Его эфес имел только простую поперечину. Хотя это и был двуручный меч, тщательно смазанный жиром и хранящийся у огня, ножен для него не было.

Во время сна я снял его и пошел к берегу моря. Отыскав большой серый камень, я два дня точил на нем лезвие. В течение всего этого времени стояла чудесная погода, светило яркое солнце и было тепло. Но на утро третьего дня пошел дождь и поднялся холодный ветер. Я поспешно прервал работу, обернул лезвие мешковиной, которую снял со своих плеч, и бегом бросился домой. И там, сидя возле жаркого огня, закутанный в толстую войлочную накидку, я любовался игрой огненных зайчиков, отражающихся от костра на лезвии меча. Ярость, которую я

раньше никогда не испытывал, переполняла меня. Сейчас, сидя у этого костра, я чувствовал себя волком, только что досыта напившимся крови.

И тут я проснулся.

Яркий свет еще заливал мою каюту. На столике сиротливо стояли две пустые бутылки. Тяжелое чувство, знакомое всем, хотя бы раз очнувшимся после ужасной пьянки, владело мной. Но радость этого странного сна все еще была в моей душе.

Облегченно вздохнув, я снова погрузился в сон.

Сейчас мне уже ничего не снилось.

Когда я проснулся, то не почувствовал необходимости в похмелье. Мой мозг был холоден, чист и свободен. Я помнил все, происшедшее со мной за эту странную воображаемую жизнь. Сейчас, как никогда ясно, я увидел путь, по которому мне предстояло идти.

Я решительно отбросил любовь! Вместо этого открыл в себе странную радость мести. Я вспомнил, как фельдфебель перед тем, как покинуть меня, говорил, указывая на убитых пленных:

«То, что я написал на этих телах, не в силах стереть никто!»

Это было правда. Но я... один среди человечества четырнадцати миров, способен был стереть гораздо больше, чем это. И я сотру инструменты, которые создали это писание. Я, наездник и хозяин молний, клянусь в этом. Ими я уничтожу культуру людей двух миров Френдлиза. И я уже видел способ, которым будет это осуществлено.

К этому времени звездолет достиг Земли. Основные моменты моего плана были, по существу, уже определены!

ГЛАВА 17

Я принял решение вернуться на Новую Землю, где в это время Элдер Брайт начал выкупать своих солдат, попавших в плен к Кейси Гриму.

Френдлизцы, выкупая пленных, немедленно размещали их вблизи столицы северян, города Мортона, словно это были оккупационные силы. Френдлиз требовал от нового правительства Севера обещанную плату за наем солдат. Эта плата была обещана Френдлизу ныне несуществующим правительством мятежников. Но в требовании Элдера Брайта не было ничего необычного. Такие вещи случались и ранее.

А всему причиной был тот особый обмен специалистами, который установился между мирами уже более ста лет назад. И тут не было различия между научным работником и наемным солдатом.

Задолженность одного мира другому должна была быть погашена и не зависела от смены правительств. Их можно было легко менять, если бы это влияло на оплату межпланетного долга. В том же случае, если конфликтующие стороны призывали помощь со стороны, вступал в

действие закон: «Победитель оплачивает все!»

И вот сейчас случилось следующее: Френдлиз, не получив в свое время обещанной платы от бывшего правительства мятежного Севера, объявил «войну» Новой Земле до тех пор, пока долг не будет выплачен. Правительство Новой Земли, в свою очередь, направило протест в Совет Миров с целью вывода войск Френдлиза с территории планеты.

Вопрос ставился таким образом: только после полного вывода наемников с Новой Земли возможно начало обсуждения вопроса о долге. А пока войска Френдлиза находились на территории суверенной планеты, можно было бы говорить о некоторой победе мятежников...

Да, здесь могла бы получиться отличная серия статей. Вот почему через восемь месяцев после того, как я оставил планету, я снова рвался на Новую Землю.

Но для того чтобы осуществить эту затею, мне необходимо было уладить несколько вопросов.

Как полноправный член «Гильдии» я обладал очень широкими правами и не имел прямых начальников, кроме пятнадцати членов Совета, которые следили за соблюдением Кредо Беспристрастности, а также за разработкой политики, которой должны были придерживаться все члены «Интерстеллар Ньюс Сервис».

Договорившись встретиться с Пирсом Лифом, председателем Совета, я уже на следующий день, ярким апрельским утром, прибыл в Сент-Луис и направился в величественное здание «И.Н.С.».

— Ты прошел очень длинный путь на удивление быстро для такого молодого человека,— начал мой шеф, когда мы, обменявшись обычными приветствиями, уселись друг против друга за широкий дубовый стол.

Пирс Лиф был маленьким, сухоньким человеком в возрасте за 50, который никогда в жизни не оставлял Солнечной Системы и очень редко — Землю из-за пристального внимания общественности к его особе.

— Не говори мне только, что ты все еще не удовлетворен! Неужели тебе еще чего-то не хватает?

— Я хочу место в Совете!

Лиф медленно приподнялся. Его острый, как у сокола, взгляд пронзил меня.

— И скажу вам, почему,— продолжал он.— Должно быть, вы заметили, что у меня особое чутье на различные сенсационные новости.

Лиф сел и радостно усмехнулся.

— Именно поэтому, Там, ты и носишь сейчас нашу форму. А своевременно информировать читателя о событиях в цивилизованном мире — наша святая обязанность.

— Да,— сказал я,— но мне кажется, что я обладаю небольшим отличием от рядовых членов «Гильдии».

Брови шефа поползли вверх.

— Я вовсе не претендую на роль провидца, но думаю, что подобная

возможность у меня более развита, чем у кого бы то ни было из членов Службы новостей.

Лиф покачал головой.

— Я знаю,— продолжал я,— что это похоже на хвастовство. Но думаю, что я имею все основания, так утверждать. Полагаю, что вскоре мой талант может понадобиться «Гильдии» для принятия кое-каких политических решений... Сейчас я сделаю предсказание. Пророчество... И если оно окажется верным и повлечет за собой изменение политики «Гильдии», то...

— Хорошо,— прервал меня Лиф.— Пророчествуй, оракул.

Мой шеф слегка улыбнулся. Думаю, эта ситуация показалась ему очень смешной.

— Экзотика стремится уничтожить Френдлиза!

Улыбка исчезла. Он пристально посмотрел на меня.

— Что тебе известно? — потребовал он. — Думай, что говоришь! Экзотика не может желать чьей-либо гибели. Это противоречит их заявлениям и всему тому, во что они верят. А кроме того, никто не может уничтожить два процветающих мира, заселенных людьми. Поэтому я спрашиваю, что ты подразумеваешь под словом «уничтожить»?

— Только то, что вы сами понимаете под этим словом,— кивнул я головой.— А именно: стереть культуру Френдлиза как теоретическую, подорвать экономику, оставить одни лишь каменистые планеты, заставив население эмигрировать в другие миры.

Лиф молча рассматривал свои руки, лежащие на столе.

— Что заставило тебя сделать такое фантастическое предположение?

— Не знаю, как это объяснить... Просто я суммировал ряд фактов. А самый главный из них — это то, что в самый последний момент кассидианские войска возглавил Кейси Грим! Дорсаец! Переданный Новой Земле Экзотикой по приказу преподобного отца Ладны.

— Ну и что?— изумился Лиф.— Такого рода вещи случаются в каждой войне, во всяком случае, очень часто.

— Не совсем то,— я отрицательно покачал головой.— Кейси Грим возглавил кассидиан именно в тот момент, когда Френдлиз намерезался начать активные действия против Юга.

Шеф потянулся к видсофону, но я упредил его.

— Не стоит. Я уже проверил. Решение послать Кейси было принято еще до начала активных действий Френдлиза. Думаю, что Экзотика предугадала это.

— Тогда это просто совпадение. А может быть... всем же известны выдающиеся способности дорсайцев.

— А не кажется ли вам, что эти выдающиеся способности дорсайцев Грима были использованы несколько поспешно? А что касается совпадений, этого просто не может быть! Слишком крупная идет игра!

— Тогда что же?— пожал плечами Лиф.— Как ты объяснишь все

это?

— Я уже объяснил это, сэр. Думаю, что Экзотика предусмотрела выпад Френдлиза. Мы знаем о военных талантах дорсайцев, но что мы знаем о психологических способностях уроженцев Экзотики?

— Да, но...— Пирс внезапно задумался.— Все же это слишком фантастично. Как ты думаешь, если все это окажется правдой, что нам следует предпринять?

— Полагаю, что предварительно вы должны разрешить мне покопаться в этом деле. Если я окажусь прав, то в течение нескольких ближайших лет мы станем свидетелями схватки вооруженных сил Френдлиза и Экзотики. И это будет не простая схватка наемников, а настоящая война между планетами! И если я окажусь прав, смогу ли я надеяться на то, что, когда освободится место в Совете, вы выдвинете мою кандидатуру?

Последовало длительное молчание. Маленький, сухонький человек пристально разглядывал меня.

— Там,— сказал он наконец.— Я не верю ни одному твоему слову. Но занимайся этим столько, сколько найдешь нужным. Я сообщу на Совете обо всем этом... и если что-нибудь произойдет, приходи, мы поговорим снова.

— Отлично,— сказал я, улыбаясь.

Он кивнул головой, сидя в кресле, но ничего больше не сказал.

— Надеюсь, что мы не надолго прощаемся, сэр,— сказал я и вышел.

Теперь с надлежаще оформленными документами я смог возвратиться на Новую Землю в качестве официального корреспондента «Ньюс Сервис».

Я прибыл в расположение войск Френдлиза, с ближайшего командного пункта позвонил в штаб и договорился с командующим Весселем о встрече.

Хотя при разговоре френдлизец мне не «тыкал», а обращался на «вы», судя по его тону, он не был рад моему появлению. Но все же, соблюдая приличия, он согласился принять меня. Узнав, где я нахожусь, Вессель сказал, что пришлет за мной амфибию.

Когда мы остались с ним наедине в штабной палатке, он с угрюмой улыбкой на лице пытался изобразить радушного хозяина.

— Очень рад вас видеть, ньюсмен... Садитесь, пожалуйста, ньюсмен Олин... Я так много слышал о вас.

Это был человек 40-50 лет, с коротко остриженными, слегка седыми волосами. Тяжелая челюсть, выдающаяся немного вперед, придавала его лицу мрачное выражение.

— Думаю, что вам и следовало обо мне много слышать,— немного резко сказал я, садясь в предложенное кресло.— Поэтому-то с самого начала я хотел бы напомнить вам, командующий, о беспристрастности членов «Гильдии» «И.Н.С.».

Командующий откинулся на спинку кресла.

— Мы знаем, что члены «Гильдии» дают клятву беспристрастности. Но, думаю, что в вашем случае, ньюсмен, нет повода даже в душе упрекать нас в том, что случилось. Поверьте, я очень сожалею о смерти вашего шурина и вашем ранении. Но мне все же хотелось бы указать, что Служба Новостей послала вас, члена «Гильдии», написать серию о нашем нынешнем положении...

— Дайте мне кое-что уточнить,— бросил я ему.— Я сам попросил об этом назначении.

Лицо Весселя стало напоминать морду бульдога, которого чем-то сильно раздразнили.

— Я вижу, вы не понимаете, командующий,— выдавливая слова, металлическим тоном продолжал я,— что такое Кредо Беспристрастности членов «Гильдии».

Он продолжал мрачно смотреть на меня.

— Мистер Олин,— немного спустя произнес он.— Вы намерены написать ряд статей, чтобы доказать то, что у вас нет предубеждений против нас?

— Да, против вас у меня нет ничего, ни хорошего, ни плохого,— кивнул я головой.— В соответствии с Кодексом Ньюсмена эта серия статей послужит доказательством нашей беспристрастности и, следовательно, принесет еще большую пользу тем, кто носит нашу форму.

Думаю, что даже тогда он не поверил мне. Его здравый смысл предостерегал от всего того, что я ему сейчас плел, и искренность моей речи не поколебала его осторожного отношения к чужаку, к нефрендлизцу.

Но под конец нашего разговора я уже заговорил его языком. Стремление обелить свою профессиональную принадлежность не могло ему не импонировать. Ведь с чувством уважения к своему рангу и профессии он прожил всю жизнь.

— Ну, ньюсмен. Я не стану говорить, что мы рады видеть вас здесь даже теперь. Но мы будем сотрудничать с вами столько, сколько это будет возможно. Хотя любой репортаж, отражающий факт, что мы здесь являемся непрошеными гостями, может нанести вред...— сказал он и, встав, протянул мне руку. Я тоже поднялся.

— Я так не думаю,— коротко сказал я и пожал его руку. Вессель ответил таким же крепким пожатием и с интересом посмотрел на меня.

— Спокойной ночи, сэр,— сказал я и вышел, услышав за спиной его ответное «спокойной ночи».

И все же я знал, как он удивился, когда первые мои статьи начали появляться в выпусках «И.Н.С.».

В своих репортажах я начал показывать солдат Френдлиза, незаслуженно обманутых прежними правителями мятежного Севера. За последние годы это было впервые, когда солдат Френдлиза не критиковали в прессе. Их, кто не признавал полумер и не желал быть аутсайдерами. Когда была опубликована половина серии, я был так близко к сердцу Весселя и его солдат, как вообще может быть близок чужак.

Конечно, репортажи вызвали вой среди новоземельцев, которые кричали, что их положение замалчивают. И вот очень хороший журналист, Моха Сканоски, был откомандирован «Гильдией» на Новую Землю для выяснения претензий аборигенов.

Я давно уже знал, что в словах заключена некая магия. И вот когда я уже почти закончил серию, то почувствовал вдруг нечто вроде симпатии к этим неуступчивым людям с их мрачной спартанской верой.

Но моя душа была окружена изрезанной, шершавой, каменной стеной, которая препятствовала проникновению туда какой бы то ни было слабости.

ГЛАВА 18

После моего возвращения на Землю среди почты я обнаружил записку от Пирса Лифа.

«Дорогой Там!

Твоя серия статей восхитительна. Но, возвращаясь в мыслях к тому, о чем мы беседовали с тобой в последний раз, я думаю, что простое изложение фактов принесло бы большую пользу для всех нас, чем твое копание в материалах подобного рода.

С наилучшими пожеланиями.

П.Л.»

Через несколько дней я получил письмо из Совета, предлагавшего мне отправиться на Святую Марию. Именно в это время Донал Грим, который был Главкомом ВС Френдлиза, совершал свой потрясающий — военные историки потом скажут «неправдоподобно блистательный!» — рейд на Ориенте, небольшую планету, находящуюся в той же звездной системе Проциона, что и миры Экзотики. В результате этого рейда он принудил флот Экзотики капитулировать и совершенно подмочил таким образом репутации Женевье бар Колмейна — командующего сухопутными и космическими силами Экзотики.

Все население 14 миров моментально подняло вой в защиту Экзотики, направив свой справедливый гнев на Френдлиз. Это привело к тому, что о моей недавней серии статей никто не захотел больше вспоминать. И этому я был, пожалуй, только рад. То, чего я хотел добиться своей писаниной, я приобрел сполна — ослабление враждебности ко мне со стороны командующего Весселя и его подчиненных.

В письме мне предписывалось немедленно отправиться на Св. Марию, планету системы Проциона, в которую входили также планеты Коби, Культис, Мара и Ориенте. Официальной целью визита было выяснение последствий военной катастрофы планет Экзотики для этой окраинной планеты с преимущественно католическим населением. В

силу своего местонахождения Св. Мария зависела от более крупных и более могущественных миров Экзотики.

Поскольку Св. Мария пользовалась благорасположением и подачками своего соседа, то ее положение во многом зависело от политических и экономических успехов Экзотики. Для общественности на всех заселенных людьми планетах было бы интересно знать, как повлияло военное поражение Экзотики на внутриполитическое положение Св. Марии.

Как оказалось, оно было напряженным. После нескольких дней ожидания я, наконец, взял интервью у Маркуса О'Дайна — политического лидера так называемого Голубого Фронта, оппозиционной партии Св. Марии. Не понадобилось и нескольких минут разговора, чтобы убедиться в том, что он переполнен неудержимой радостью.

— Это должно будет их разубедить! — О'Дайн бурно дышал.— Наши люди спали, успокоенные этими дьяволами с Экзотики. Но дело на Ориенте должно разбудить их. Оно заставит их раскрыть глаза!..

— Как я понял из ваших высказываний,— прервал я его,— вашей целью является свержение правительства, которое сейчас полностью подчиняется Экзотике.

— Что? Правительство? Какое правительство? Это комарилья недалеких политиков, мистер Олин. Называйте их просто Зеленым Фронтом, какими они и являются на самом деле. Они говорят, что представляют всех людей Св. Марии? Ха! Они... вы знаете, ньюсмен...

— Думаю, что за то время, пока я здесь,— опять прервал я его,— мне удалось кое-что выяснить. Согласно вашей конституции, вся планета разбита на ряд районов, которые выдвигают по два представителя в планетарное правительство. И, как я понял, ваша партия требует, чтобы в выборной системе был отражен рост населения городов. Весь город, подобный вашей столице Клаувенту, город с пятисот тысячным населением, выдвигает в правительство не больше представителей, чем сельский район с населением в две-три тысячи.

— Точно! — согласился О'Дайн.— Необходимо внести изменения в выборную систему в соответствии с изменившимися историческими условиями. Но согласится ли Зеленый Фронт добровольно лишиться власти? Ничего подобного! Только дерзкий удар, только решительная революция может заставить их передать власть в руки нашей партии, представляющей рядовых избирателей, угнетенных, лишенных всевозможных прав людей города!

— Вы полагаете, что такая «решительная революция» возможна в настоящее время?— удивился я и незаметно включил магнитофон.

— До событий на Ориенте я бы сказал — нет! И это несмотря на то, что я постоянно надеялся на подобное. Но после этих событий...— он остановился и победно посмотрел на меня.

— После Ориента,— заговорил я, понимая, что молчание О'Дайна не изобразишь на бумаге. Этот человек оказался достаточно опытным политиком.

— После Ориента,— заговорил снова О'Дайн,— любой думающий человек на нашей планете начнет понимать, что Св. Мария обязана проводить свою независимую политику и обходиться без этой паразитической руки Экзотики. Он мог бы спросить:«А где те люди, которые должны встать у кормила власти?» И я отвечу:«В городах! В рядах тех из нас, кто всегда боролся за права простого человека. В рядах Голубого Фронта!»

— Понимаю вас,— кивнул я.— Но мне также ясно, что изменение избирательных прав у вас на планете не предвидится. И в ходе выборов вы никак не сможете победить!

— Совершенно верно! — рявкнул он.— Вы это точно подметили, ньюсмен.

— Но я тогда не вижу, каким же образом может произойти эта «решительная революция»?

— В наше время все возможно,— загадочно произнес лидер Голубого Фронта.— Для простого человека нет ничего невозможного. Соломинки летят по ветру, а ветер очень часто меняет свое направление. Кто может что-нибудь возразить против этого?

Я выключил магнитофон.

— Так мы с вами ничего не выясним, мистер О'Дайн. Может быть, продолжим наш разговор без записи?

— Без записи? Ну конечно! — радостно заблестел глазами хитрец.

— Кстати,— кивнул я головой.— Что вы говорили здесь о каких-то соломинках?

Он наклонился ко мне и понизил голос.

— Существуют... волнения даже в сельских районах. Соломинки устали — это все, что я могу сказать! И если вы спросите меня о каких-либо именах, я не смогу вам ничего сказать!

— Вы оставляете меня без конкретных фактов, сэр. Что я могу сделать стоящего из того, что узнал от вас? НИЧЕГО!!!

— Да, но...— его могучая голова опустилась.— Я не могу рисковать...

— Вижу,— согласился я.

После долгой паузы он открыл было рот, чтобы произнести что-то, но тут же закрыл, словно боясь, что слова помимо его воли вырвутся на свободу.

— Но может быть,— начал я,— я смогу быть вам в чем-то полезен?

— И вы поделитесь со мной своими сведениями?— О'Дайн подозрительно посмотрел на меня.

— А почему бы и нет?— усмехнулся я.— В «Ньюс Сервис» мы имеем собственную информацию, из которой обычно строим картину того или иного события, даже если имеем только кое-какие фрагменты. Рассмотрим гипотетическую общую картину событий Св. Марии. Неспособность к управлению, волнения и недовольство... можно сказать, марионеточным правительством.

— Очень хорошее слово,— подхватил О'Дайн.— Это просто то, что

надо! Марионеточное правительство!

— В то же время, как мы уже обсудили,— продолжал я,— это правительство способно справиться с неприятностями и удержать власть на планете. Мы с вами пришли к выводу, что конституционного пути для смены власти нет. Высокопоставленные лидеры, которые смогли бы стабилизировать положение, находятся в Голубом Фронте...

— Верно! — прошептал он, не отрывая от меня глаз.

— Теперь остается решить, кто смог бы возглавить новое правительство? Для этого требуется храбрая, сильная личность, способная сохранить контроль над будущими событиями. В противном случае может возникнуть много непредвиденного...

О'Дайн смотрел на меня, его губы беззвучно шевелились.

— Короче,— вел я дальше свою мысль,— переворот, точно рассчитанные действия — и о плохих вождях больше никто никогда и не вспомнит! Теперь мы знаем...

— Подождите,— прошептал мой собеседник.— Я хотел бы предупредить вас, ньюсмен, что мое молчание не должно рассматриваться вами как согласие со всем тем, что вы только что тут наговорили. Вам не удастся использовать меня в своих спекулятивных целях!

— Безусловно,— прервал я его.— Все это чисто теоретическое построение. Дальше, для того чтобы совершить «решительную революцию», должны быть люди.

— Нас поддерживает обыватель!

— Конечно,— кивнул я головой.— Но когда необходимо изменить существующий «статус кво», необходимы решительные люди. А под этим термином я понимаю военных людей, способных обучить ваших обывателей или самим принять участие в...

— Мистер Олин,— воскликнул О'Дайн.— Я протестую. Я отказываюсь беседовать с вами на подобные темы! Я должен...— Он засмеялся.— Я должен отказаться выслушивать ваши инструкции!

— Извините,— согласился я.— Но как я ранее упоминал, это только гипотетическая ситуация. Точка зрения, которую я пытаюсь...

— Она неприемлема для нас, эта ваша точка зрения,— замахал руками Лидер Голубого Фронта.

— Я и говорю, что она неприемлема для вас! Конечно, пока что эта точка зрения неприемлема!

— Почему же?— подозрительно вскинулся О'Дайн.

— Все дело в перевороте! Ведь это так очевидно. Такие вещи требуют помощи извне. А именно: хорошо обученных военных. Они поставляются некоторыми мирами, но эти миры, очевидно, не захотят вмешиваться в политическую ситуацию на вашей планете, мистер О'Дайн. Тем более, оказывать помощь оппозиционной партии!

Я позволил себе расслабиться и развалился в кресле. Добрых двадцать секунд мы сидели молча, изучая друг друга.

— Очевидно,— наконец не вытерпел я,— что мы не будем свидете-

лями смены правительства, поддерживаемого Экзотикой. Ну, что ж, очень сожалею, что...— я встал и протянул собеседнику руку,— что интервью было очень коротким. Теперь мне надо быть у президента, чтобы дополнить картину политических событий на Св. Марии, но уже с другой стороны. И только после этого я смогу с чистой совестью возвратиться на Землю.

Он автоматически пожал мне руку. Я повернулся и был уже возле двери, когда его голос заставил меня остановиться.

— Ньюсмен Олин...

Я обернулся.

— Да?

— Я чувствую, что должен спросить вас. Это мой долг перед Голубым Фронтом, перед моей партией! Я хочу потребовать от вас, чтобы вы передали мне все сведения, которые вы получите с других планет... о людях, готовых прийти к нам... на помощь... к нам, к настоящему правительству Св. Марии. И мы, ваши читатели, ньюсмен, мы спрашиваем у вас, не слышали ли вы на некоторых мирах, о той помощи, которую мог бы оказать движению «обывателей» на Святой Марии кое-кто из Сильных Мира Сего, кто был бы заинтересован в сдерживании могущества Экзотики?

Я помолчал секунду или две.

— Нет.

Он стоял неподвижный, словно мои слова приковали его к месту.

— Очень сожалею,— покачал я головой.— Прощайте.

Вскоре я провел уже двадцатиминутное интервью с Шарлем Перини — Президентом Святой Марии. Затем, проделав путь в космопорт, я сел на лайнер, отправляющийся на Землю.

На Земле я просмотрел полученную почту и тут же вылетел на Гармонию, главную планету Френдлиза. Пробыв пять дней в состоянии полной неизвестности, я на шестой день все же добился того, чтобы командующий Вессель заплатил мне долг.

На шестой день я был приглашен в здание Совета. После обыска в поисках оружия — существовали некоторые различия между церковными группировками на мирах Френдлиза, которые даже для ньюсмена были трудно различимы,— я был препровожден в комнату с низким потолком и голыми стенами. Там стояло несколько черных кресел, пол был выложен черно-белой плиткой. За тяжелым столом сидел человек, одетый в черное.

Белыми у него были только лицо и руки. Глаза его были закрыты, но когда он открыл их секундой позже после моего появления в этой комнате, колючий взгляд пронзил меня.

Человек встал и протянул мне руку. Рукопожатие было некрепким, но таким, что мои пальцы почувствовали его силу.

Передо мной был человек, который управлял Объединенными Церквями Гармонии и Ассоциации. Его звали Элдер Брайт, и он был Первым среди френдлизцев.

ГЛАВА 19

— Вас рекомендовал командующий Весселъ,— сказал он, предложив мне сесть.— А это довольно необычно.

В этом человеке чувствовалась власть. До этого только у одного человека я встречал такой же всеподчиняющий взгляд. Его глаза были глазами Торквемады, главы Инквизиции в древней Испании.

В первый момент я растерялся. Точно так же, как и тогда, когда очнулся после обморока в Индекс-комнате. У этого человека не было видно слабостей, и у меня мелькнула мысль о поражении, если я попытаюсь управлять им.

Но так как каждое из тысячи интервью, которые я брал, было рискованно, и я уже свыкся с такой опасностью, мой язык начал автоматически:

— ... в величайшем сотрудничестве с командующим Весселем и его людьми на Новой Земле,— сказал я.— Я оценил его...

— Я тоже,— перебил меня резко Брайт. Его глаза сжигали меня.— В противном случае, вы не получили бы аудиенции. Работа Правителя оставляет мне очень мало свободного времени. Ну, что же вас интересует?

— Я хотел бы,— начал я,— представить Френдлиз в наилучшем свете перед человечеством 14 миров.

— Чтобы доказать еще раз вашу лояльность Кодексу?

— В общем-то, да. Знаете, я очень рано осиротел и моей сокровенной мечтой было работать в Службе Новостей...

— Не тратьте моего времени, ньюсмен! — тяжелый голос Брайта прервал меня на середине предложения.— Что ваш Кодекс для меня, кто движется по пути божественного слова?

— Каждый из нас движется по собственному пути,— возразил я.

Он застыл, придвинувшись ко мне.

— Если бы не мой кодекс, я не был бы здесь,— продолжал я.— Возможно, вы не знаете, что случилось со мной и моим шурином на Новой Земле?

— Знаю,— это было сказано жестко.— Вы, ньюсмен, были наказаны за свою самонадеянность.— Его губы растянулись в кривой усмешке.— Насколько мне известно, ньюсмен Олин, вы не принадлежите к Помазанникам Божьим?

— Нет!

— У тех из нас, кто следует божественному слову, есть немало причин совершить какое-нибудь действие из ненависти, невзирая на соб-

ственные интересы. Ну, а в безбожниках какая может быть ярость, кроме как на самих себя?

Я растерялся.

— Вы насмехались над нашим Кодексом Ньюсмена, потому что он не ваш?— выпалил я через мгновение.

Усмешка исчезла с лица священника.

— Бог не выбрал бы дурака Старейшиной наших Церквей. Ты должен подумать об этом, перед тем как ехать на Гармонию. Но в любом случае, ньюсмен, теперь ты это уже знаешь.

Я взглянул на него, почти ослепленный озарившим меня пониманием. Я понял, как можно использовать этого человека. Его слабостью была его же сила. Тот софизм, который вывел его в правители этих. Тот фанатизм, который наносил так много ему вреда во встречах с лидерами других миров, поскольку из-за него он во все вмешивался. Хотя недобрые глаза, сверкающие на фоне черной одежды, различали всего лишь два цвета — черный и белый, тем не менее их владелец претендовал на роль политика. И поэтому я решил действовать с ним, как с политиком.

Я мог вынудить его совершить политическую ошибку.

— Думаю, что мне здесь делать больше нечего,— сказал я растерянно.— Полагаю...

— Уходите?— голос священника прозвучал, как выстрел.— Но разве я сказал вам, ньюсмен, что интервью закончено? Садитесь!

Поспешно сев, я постарался выглядеть бледно и думаю, что преуспел в этом, так все время понимал, что, хотя я и разгадал этого человека, это все же был лев, в клетке которого я продолжал находиться.

— Теперь,— сказал он, вглядываясь в меня,— что вы в действительности хотите получить от нас?

Я поджал губы.

— Говорите! — приказал Брайт.

— Совет...— пробормотал я.

— Совет? Совет наших Старейшин? Что ты хочешь, ньюсмен, знать о нашем Совете?

— Вы меня... не так поняли, сэр,— выдавил я из себя, глядя в пол.— Я имел в виду Совет Ньюсменской Гильдии. Я хотел бы получить там место... И вы, френдлизцы, можете стать причиной, из-за которой мне откроется дверь. После того, что случилось с Дэйвом, моя совместная работа с Весселем доказала, что я могу действовать без предубеждений... А если я и в дальнейшем буду придерживаться такой линии, то...

Я умолк и медленно взглянул на Преподобного Брайта. Он смотрел на меня с жесткой улыбкой.

— Ну что ж, твоя исповедь мне нравится,— сказал он.— Думаю, что мы поможем тебе,— его глаза Торквемады мимолетной улыбкой приветствовали меня.

Внезапно на столе раздался зуммер видеофона. Элдер Брайт нажал

кнопку и повернулся к экрану, на котором возникло лицо пожилого человека.

— Вы приказали мне выяснить, Старейшина...— начал было он, но Брайт жестом остановил его и, посмотрев на меня, указал на дверь кабинета. Я встал и вышел в приемную. Минут через пять секретарь снова пригласил меня зайти. Брайт стоял за столом.

— Ньюсмен,— сказал он грубо,— меня предупредили, что члены Совета вашей «Гильдии» после событий на Ориенте настроены враждебно к нам, людям миров Френдлиза. И, скорее всего, ваши репортажи могут и не увидеть свет! А если это так, то какая же нам от вас, ньюсмен, польза?

— Но я...— я не говорил, что буду восхвалять ваш народ, сэр. Мне достаточно объективно осветить жизнь простых тружеников, простых людей ваших миров!

— Да,— кивнул он головой.— В этом что-то есть! Тогда пойдем и посмотрим на наших людей!

Брайт вышел из команты и по эскалатору провел меня в гараж. Мы сели в машину и поехали.

— Смотрите,— сказал священник, когда мы проезжали через небольшой городок.— Мы с муками выращиваем на наших каменистых почвах всего один урожай в год. И для того чтобы наш народ не голодал, мы вынуждены закупать продовольствие на других планетах. А для того чтобы достать на это деньги, мы вынуждены продавать своих юношей в солдаты. Что обезображивает их юные души, когда они отправляются на другие миры, чтобы принять участие в чужих войнах?

Я повернулся и увидел, что его глаза впились в меня.

— Отношение... к ним,— сказал я как можно растерянней. Брайт рассмеялся.

— Отношение?! Оставь простые слова, ньюсмен! Не отношение,— нет...— гордость! ГОРДОСТЬ!!! Худые, искусные лишь в труде и владении оружием, они для тех, кто их нанимает, всего лишь грязный убойный скот! И я тебя спрашиваю, ньюсмен, что им остается? Им остается только гордость, чтобы защитить себя!

Он печально улыбнулся.

— Вот что ты можешь увидеть здесь! Но что ты сможешь сделать своими статьями на других мирах? Научить скромности и гостеприимству тех, кто нанимает Детей Божьих?

Он вновь насмехался надо мной. Но я уже изучил его достаточно, чтобы не обращать внимания на это.

— Думаю, что если бы миры внезапно узнали, что ваши люди, Старейшина, более терпимы — не интересны, нет, а просто терпимы, то отношение к ним могло бы в корне измениться,— сказал я и посмотрел прямо в глаза старику.

Брайт отвел свой взгляд и, посмотрев в окно, вдруг приказал водителю:

— Остановитесь!

Мы находились в маленькой деревеньке. Одетые в черное люди двигались между одноэтажных бараков, сделанных из резины,— временных строений, которые на других мирах уже редко использовались.

— Где мы?— поинтересовался я.

— Этот город называется «Понимание Господа»,— ответил Брайт и открыл дверцу машины.— Кстати, ньюсмен, к нам направляется тот, кто очень хорошо вам знаком!

Действительно, фигура в военной форме приближалась к нам. Когда человек подошел к машине и остановился, я узнал в нем Джаймонта Блека.

— Здравствуйте, сэр,— приветствовал он отца Брайта.

— Да снизойдет на тебя благословение Господа нашего,— сказал в ответ Глава Объединенных Церквей. И не поворачиваясь ко мне, произнес:

— Надеюсь, ньюсмен, вы узнали этого человека? Так вот, я хотел бы... Форс-лидер,— обратился он к Блеку,— вы видели этого человека дважды. Первый раз, когда просили руки его сестры, и еще раз, на Новой Земле, когда он хотел получить пропуск для своего помощника. Что вы можете сказать о нем?

Глаза Джаймтона сузились, вглядываясь сквозь полумрак кабины в меня.

— Только то, что он любил свою сестру и хотел для нее лучшей жизни, чем бы я мог ей предложить,— спокойным, как и его лицо, голосом произнес офицер.— Он хотел спасти своего шурина...— Джаймтон повернулся к Брайту и сказал: — Я верю, что он честный человек, Старейшина.

— Я не спрашиваю вас, во что вы верите!— взорвался Брайт.

— Как хотите,— пожал плечами Джаймтон.

Я почувствовал ненависть к этому человеку. Ненависть, которая вот-вот разорвет меня, несмотря на такие неподходящие обстоятельства. Ярость к этому спокойному человеку. Не только потому, что он только что рекомендовал меня как честного и хорошего человека, но и потому, что в его лице было еще что-то, чего я никак не мог понять. Но тут я осознал — он не боялся Брайта! А я — боялся! Хотя я и был ньюсменом с авторитетом «Гильдии» за плечами, а он простым офицером перед своим главнокомандующим, верховным военным вождем двух миров... Как он мог? И затем я вновь понял это. Зубы сжались от ненависти и раздражения. Джаймтон ничем не отличался от того лейтенанта, который отказался выдать пропуск Дэйву. Тот офицер готов был повиноваться Брайту, который был Старейшиной, но ни в грош не ставил Брайта как человека.

Таким же образом Брайт держал Блека в своих руках, но держал только меньшую ее часть.

— Ваш отдых здесь окончен, форс-лидер,— резко сказал Брайт.—

Скажите своей семье, чтобы отправили ваши вещи в столицу, и присоединяйтесь к нам. Я назначаю вас в помощь этому ньюсмену. Мы присваиваем вам чин капитана, чтобы сделать эту должность более привлекательной.

— Сэр! — бесстрастно произнес Джаймтон, щелкнув каблуками и наклонив голову.

Когда мы возвратились, Брайт приказал Джаймтону ознакомить меня с ситуацией на Френдлизе и достопримечательностями этих двух планет. После короткого осмотра столицы я вернулся в отель. Это требовало выдержки — видеть постоянно возле себя Блека, официально поставленного, чтобы помогать мне, а неофициально — чтобы шпионить. Тем не менее, я ничего не сказал об этом, а Джаймтон тоже молчал. Это странное соседство двух людей, прогуливающихся по городу и не говорящих друг с другом, было вполне объяснимо, поскольку между нами стояли Эйлин и Дэйв.

Тем не менее, меня время от времени приглашали к Брайту. Он встречал меня более или менее приветливо, интересовался, как я вхожу в курс событий, и вообще, он выглядел более доброжелательным. Я понимал его. Он хотел как можно полнее использовать меня, ньюсмена, в деле рекламы своего народа.

День за днем, интервью за интервью, он становился в беседах со мной все доверчивее и мягче.

— Что любят больше всего читать на других планетах, ньюсмен?— спросил как-то Брайт.— Точнее, о чем они больше всего хотят знать?

— О героях, конечно,— ответил я.— Вот почему Дорсай имеет такую популярность... И вот почему другие миры, и в том числе Экзотика, так охотно нанимают их.

Днем позже он снова вернулся к этому разговору.

— Что делает людей героями в глазах общественности?

— Обычно это происходит на войне. Вот, например, если равное количество ваших солдат встретится с тем же числом дорсайцев и разобьет их, то...

Наступила тишина, так как меня остановил взгляд Элдера Брайта.

— Ты что, считаешь меня дураком?!— рявкнул он.— А может быть, ты сам дурак?— он долго смотрел на меня. Я молчал. Наконец, он кивнул головой и тихо, как бы про себя, произнес: — Все верно... этот ньюсмен — глупец!

Затем Глава Объединенных Церквей встал и указал мне на дверь. На этом наше интервью закончилось.

Не думаю, что он посчитал меня дураком. Все было гораздо сложнее. Это был момент, когда я сделал свое предложение. Но я так и не понял, что означала такая необычная реакция. И это беспокоило меня. Мое упоминание о дорсайцах не могло быть таким впечатляющим. Я хотел было спросить об этом Джаймтона, но решил, что мудрее будет немного подождать.

Наконец настал тот день, когда Брайт задал вопрос, который он рано или поздно обязан был задать.

— Ньюсмен,— сказал он,— ты как-то говорил, что героями становятся, победив прежних, признанных героев. Ты упомянул при этом как пример, прежних героев в общественном мнении: Дорсай... и Экзотику.

— Да, Старейшина.

— Но эти безбожники с Экзотики,— медленно выговаривал он слова, будто пробуя их на язык,— они ведь используют наемные войска. А что толку разгромить наемников? Даже если это легко и возможно!

— Но почему бы вам не рискнуть?— спросил я.— Такого рода победа могла бы создать вам благоприятное общественное мнение. Правда, для встречи с Дорсаем Френдлиз еще не вполне подготовлен...

Он тяжело взглянул на меня.

— А с кем мы могли бы рискнуть?— потребовал он.

— Ну... всегда есть небольшие группы людей, которые хотят что-то изменить. Скажем, если небольшая инакомыслящая группа наймет ваших солдат для свержения конституционного правительства... Конечно, я не хотел бы, чтобы повторилась ситуация с Новой Землей...

— Мы получили деньги, и нас не касается, кто выиграл в той грязной войне,— раздраженно бросил Брайт.— Разве мы не придерживаемся Кодекса Наемников?

— Да, но силы противников на Новой Земле были примерно равны. И вот, если бы вы оказали помощь крохотному меньшинству против всей государственной машины... Скажем, что-то подобное борьбе шахтеров Коби против шахтовладельцев!

— Что? Коби?— Брайт в задумчивости начал мерить шагами кабинет.— Как ни странно, ньюсмен, но я уже получил подобную просьбу о помощи, причем на совершенно выгодных условиях, от группы...

Он снова сел за стол и внимательно посмотрел на меня.

— От группы, подобной Коби?— спросил я невинно.— Уж не сами ли шахтеры взывают о помощи?

— Нет, не шахтеры!

Брайт помолчал, затем встал и подошел ко мне.

— Мне сказали, что вы собираетесь покинуть нас, ньюсмен.

— Я?

— Не думаю, что меня неправильно проинформировали,— почти весело проговорил он.— Мне сказали, что сегодня вечером вы улетаете на Землю. Вы что, уже купили билет?

— В общем... да,— кивнул я, изображая растерянность.— Как это я мог запамятовать? Неужели я не сказал вам об этом, сэр?

— Доброго пути, ньюсмен,— протянул мне руку Брайт.— Я очень рад, что мы смогли достичь с вами понимания. Можете рассчитывать на меня в будущем. Думаю, что в следующий ваш приезд на Гармонию мы лучше встретим вас.

— Благодарю,— просиял я.

— До свидания, ньюсмен.

Мы снова пожелали друг другу всего наилучшего, и я отправился в отель. Мои вещи были уже упакованы. На столе лежал билет на вечерний лайнер.

И вот, пятью часами позже, я находился уже в космосе, на пути к Земле.

А спустя неделю движение «обывателей» на Святой Марии, тайно обеспеченное людьми и снаряжением с Френдлиза, совершило быстрый и кровопролитный переворот, заменив законное правительство лидерами Голубого Фронта.

Глава 20

На этот раз я не просил о встрече Пирса Лифа. Он сам вызвал меня. Когда я шел по коридорам «И.Н.С.» и подымался по эскалатору к его кабинету, головы одетых в гильдийскую форму людей поворачивались, провожая меня взглядом.

За три года, прошедшие после того, как лидеры Голубого Фронта захватили власть, многое изменилось для меня.

Я получил свой час мучений встречи с сестрой. И каждый раз, когда я вспоминал про это, с новой силой вспыхивала боль и сожаление. Чтобы отомстить за все, я предпринял два действия — на Святой Марии и на Гармонии. Я привел свою месть в движение. Эти три года, действительно, изменили меня. Поэтому-то Пирс Лиф и вызвал меня. За три года сила моего знания стала полной в такой мере, что по сравнению с ней та, что была у меня, когда я говорил с Брайтом, представлялась слабой, хрупкой, словно только что родившейся. Я грезил местью, с клинком в руке, который вершит правосудие. То, что я сейчас в себе ощущал, было неизмеримо сильнее, чем какое бы то ни было прежнее чувство, сильнее, чем желание есть и пить, чем желание любить и жить.

Тупицы те, кто думает, что человека удовлетворит здоровье, женщины и горячительные напитки. Эти вещи мелки по сравнению с величайшей из страстей, которая поглощает все силы, надежды, страхи и мечты, которая, не найдя выхода, иссушает мозг.Эта страсть — жажда мести! Глупцы, кто думает иначе. Ни живопись, ни музыка, ни молитва не могут доставить такой радости, как свершение этой страсти. Пожалуй, с ней можно было бы сравнить радость тех, кто строил Парфенон, или сражался, защищая родной дом в Фермопилах. Владеть собой, использовать себя как оружие в собственных руках, и так создавать или разрушать, как никто больше не сможет воздвигнуть или разрушить,— это и есть величайшее удовольствие, которое доводилось знать только богам и демонам!

Это и вошло в меня за эти два или чуть более года.

Я грезил держать молнии в руках над 14 мирами и подчинять их своей воле. Теперь я держал их! Мои возможности усилились. Я предугадывал поступки таких людей, как Уильям с Сеты, Блейк с Венеры и Сэйона, преподобный отец с миров Экзотики — всех тех, чьи движения и колебания делали межзвездную политику,— и ощущал их результаты совершенно ясно. И с этим знанием я направлялся туда, где эти события ожидались. И описывал их, словно они уже случились, хотя все еще было впереди. Поэтому-то мои коллеги по «Гильдии»и считали меня полудьяволом или полупророком.

Но я ничего не говорил им. Свои секреты я держал при себе, согреваемый предвкушением мести, чувством клинка, сжатого в руке,— инструмента моего РАЗРУШЕНИЯ!

И вот кабинет Пирса Лифа. Сам он стоял у двери, ожидая меня, хотя я был только еще на подходе. Шеф пожал мне руку, провел к столу и усадил. Затем налил в стаканы виски и произнес:

— Ты слышал, Там, что Морган Шу Томпсон умер?

— Да,— кивнул я.— И место в Совете освободилось!

— Да,— подтвердил Лиф. И добавил, отвернувшись от меня: — Он был моим старым другом.

— Я знаю это. Думаю, что это был очень тяжелый удар для вас, сэр.

— Мы одногодки ...— устало проговорил Лиф и немного виновато улыбнулся мне.— Я полагаю, ты ожидаешь, что я выдвину твою кандидатуру в Совет?

— Ожидаю, сэр,— сказал я,— но думаю, что члены «Гильдии» могут сделать это, даже если вы этого и не захотите!

Лиф кивнул головой.

— Около трех лет назад,— сказал он,— ты приходил сюда с предсказанием. Ты помнишь это?

Я улыбнулся.

— Ты мог бы забыть это ..— покачал головой старик.— Ну, уж ладно, Там ...— он остановился и тяжело вздохнул. Он, казалось, подыскивал слова. Но я был уже достаточно умудрен опытом. Я просто ждал.— Мы оба наблюдали события, и мне кажется, что оба были правы ... и не правы!

— Неправы? — удивился я.

— Да,— сказал шеф.— Это была твоя теория, что Экзотика намерена разрушить культуру Френдлиза. Но взгляни, как все сейчас повернулось.

— Как?

— Ну,— удивился Лиф,— неужели тебе неясно, что фанатизм Френдлиза — своего рода защитная реакция на отношение к ним тринадцати миров, населенных человечеством. Это должно быть понятно. Но любой здравомыслящий человек не стал бы обвинять Экзотику в разжигании этих предубеждений против Френдлиза. Не так ли?

— Целиком с вами согласен, сэр.

— Когда ты пришел ко мне и сказал, что Экзотика намерена стереть с лица земли культуру Френдлиза, я сначала тебе не поверил. Но после того, как Френдлиз поддержал войсками и снаряжением переворот на Святой Марии, вотчине Экзотики, я понял, что между этими мирами что-то происходит.

— ???

— Но Голубой Фронт продержался недолго ...

— Хотя и казалось, что его поддерживают массы,— вставил я.

— Да, да,— Пирс не осудил мое нетерпение.— Дело в том, что лидеры Голубого Фронта оказались недальновидны. Все дело было основано только на глотках активистов Голубого Фронта. Оказалось, что Св.Мария не может развиваться самостоятельно. Она финансово, да и рядом других пут, связана с богатыми мирами Экзотики. И как только Экзотика перестала оказывать помощь Св. Марии, Голубой Фронт пал!

— Это сейчас понятно любому,— согласился я.

— Но вы знали это раньше!— воскликнул Лиф.— Не говорите мне, что вы предвидели это с самого начала, Там. Но то, что я не предвидел ... и вероятно не предвидели и вы, это оккупацию Св. Марии войсками Френдлиза с требованием законному правительству оплатить услуги и помощь, предоставленные в свое время Голубому Фронту. Но между Святой Марией и Экзотикой существует договор, а это значит, что Экзотика должна заступиться за свою союзницу.

— Я предвидел и это ...

Он недоверчиво взглянул на меня.

— Предвидел? Тогда как вы могли подумать, что Экзотика что-то затевает против Френдлиза? Похоже, что Френдлиз постоянно вступает в конфликт с Экзотикой. Вспомни, как и со Св. Марисй, у Экзотики был договор о взаимной помощи с Новой Землей. Поэтому-то она и вступила в тот конфликт.

Лиф встал и посмотрел в окно.

— Сейчас на Св. Марии зима. Но весной многотысячный экспедиционный корпус с Экзотики высадится на этой планете. Думаю, что начнется резня. Брайт не пошлет оккупационным войскам подкреплений. То, что Экзотика допустила на Новой Земле, она не позволит у себя под боком, в своей звездной системе. А это значит, что Брайту ничего не останется делать, как обратиться за помощью к Сете, Нептуну и всем другим «жестким» мирам, чтобы как-то противостоять Экзотике. И что ты сейчас скажешь на это? Ты понимаешь, что я имел в виду, когда говорил, что ты был прав и неправ одновременно? ..

Лиф в волнении даже не заметил, как перешел на «ты». Но я его не перебивал.

— ... ты был прав в предсказании вендетты между Френдлизом и Экзотикой ... и неправ ... ты видишь, почему, ПОЧЕМУ ты был неправ?

Я откинулся назад, прежде чем ответить.

— Да, кивнул я.— Вижу. Это не Экзотика хочет уничтожить Френдлиз. Это Френдлиз хочет уничтожить Экзотику!

— Точно! — воскликнул Лиф.— Здоровые и узкоспециализированные знания Экзотики олицетворяют миры свободных контрактов, которые имеют равновесие, действуя в союзе со всеми свободными мирами, образуя силы, которые «жесткие» миры не смогут сломать! Если Экзотика будет разгромлена, баланс между двумя этими группировками будет нарушен. Только такое равновесие позволило стоять нашей старушке Земле в стороне от обеих групп. Хотя мы и тяготеем к мирам свободного контракта, это для непосвященного наблюдателя не так заметно. Теперь же мы будем вынуждены официально примкнуть к одной из групп и таким образом поставим нашу «Гильдию» под ее контроль. А это будет означать, что придет конец беспристрастности «Ньюс Сервис».

Он умолк и выжидательно посмотрел на меня.

— Ты знаешь, что за группа достанется нам, если победит Френдлиз? — спросил он.— Группа «жесткого» контракта! Поэтому я хотел бы посоветоваться с тобой... что мы в «Гильдии» ... должны сейчас предпринять?

Я взглянул на него и задумался. Но в действительности я в это время упивался местью. Здесь была цель, которую я вынашивал, лелеял, и вот настало время «Гильдии» всем своим авторитетом и влиянием стать на мою сторону. Я медленно произнес:

— Если Френдлиз может уничтожить Экзотику, то возможно, что и Экзотика сможет уничтожить Френдлиз! В любой ситуации, подобной этой, поражение каждой из сторон равновероятно. Теперь же без компромисса с нашей беспристрастностью я мог бы полететь на Св. Марию для разведки, что позволило бы нам глубже проникнуть в ситуацию. Это поможет сделать выбор!

Пирс вгляделся в меня, его лицо побледнело.

— Что ты подразумеваешь под словами «сделать выбор»? Мы не можем сейчас открыто встать на сторону Экзотики! Мы ведь об этом?

— Нет! Просто я мог бы выяснить кое-какие детали, которые позволили бы нам занять в этом конфликте выгодную позицию. Я ничего не вижу ясно в этом конфликте, а вы ведь спросили меня, сэр, что нам необходимо предпринять?

Он колебался. Его руки немного дрожали. Это позволило мне догадаться о том, что он думает. Это было колебание между двумя поступками: беспристрастностью «Гильдии» и необходимостью поддержать свободные миры в их борьбе с «жесткими».

Внезапно раздался зуммер, и Лиф нажал кнопку видеофона. На экране возникло лицо Тома Лассери, его секретаря.

— Сэр,— сказал Том,— вызов с Окончательной Энциклопедии. Для ньюсмена Олина. От мисс Лизы Кант. Она говорит, что дело чрезвычайно важное.

Пирс вопросительно посмотрел на меня, и я кивнул головой.

Тогда шеф переключил какой-то тумблер, и на экране видео возникло лицо Лизы.

— Там! — воскликнула она без приветствия.— Там, приезжай быстрее! Марк Торр ранен убийцей! Он умирает и хочет поговорить с тобой ... с тобой, Там. О, Там, поспеши!

— Еду! — воскликнул я.

И я вышел. Не было времени спрашивать себя, почему я откликнулся. Звук голоса этой девушки оторвал меня от кресла. И я ... пошел на ее зов.

Глава 21

Лиза меня встретила у входа в Окончательную Энциклопедию, там же, где я впервые увидел ее. Она провела меня в комнату Марка Торра, по пути рассказывая подробности.

Существовала постоянная угроза для работников Энциклопедии со стороны фанатически настроенных людей не только с Земли, но и остальных миров, которые утверждали, что Окончательная Энциклопедия может стать великим Умом, который возьмет под контроль волю всего человечества. И вот один из них, наконец, добрался до Марка Торра. Бедняга параноик, который тщательно скрывал свою болезнь от семьи, который лелеял в своем больном воображении мысль, что только он является освободителем человечества. Мы прошли мимо его окровавленного тела, долговязого, белокурого, с приятными, мягкими чертами лица, со лба на щеку которого стекала кровь.

— Он совершил ошибку,— говорила мне Лиза.— Он дважды выстрелил в Марка и один раз себе в лоб. Но, несмотря на два ранения, Марк Торр еще жив, а вот бедняга сумасшедший убит наповал.

Лиза провела меня к старцу, лежащему на кушетке. Всю его грудь обтягивали бинты. Глаза были прикрыты. Создавалось впечатление, что черты его лица высечены из мрамора — я понял, что смерть медленно, но верно, перетягивает его в свое царство.

Это не было лицо, которое я видел прежде. Я внезапно вспомнил свое детство и историю об умирающем президенте Аврааме Линкольне, лежащем, раненном, с трудом дышащем ...

Я огляделся. В комнате было много людей, но они уже уходили, повинуясь знаку Лизы.

Она наклонилась к умирающего и тихо позвала его.

— Марк! Марк ...

Несколько секунд я не верил, что старик ответит. Но глаза открылись, удивленно присматриваясь к девушке.

— Я привела Тама, Марк,— сказала она тихо.— Наклонись, Там. Подойди поближе.

Я придвинулся и наклонился. Старик улыбнулся мне одними глазами, и его губы медленно зашевелились.

— Там ...

— Да,— сказал я, машинально взяв его руку. Она была безжизненна и костиста.

— Сын ...— прошептал Марк так слабо, что я еле расслышал его. Вся моя плоть застыла и похолодела от этого слова. Я словно превратился в лед. Ярость медленно заполняла меня.

Как он посмел? Как он посмел назвать меня «сыном»? Ведь я не остался в этой Энциклопедии и не имею к ней никакого отношения! Он это твердо знал. Меня, который не имел с ним ничего общего, как он посмел назвать меня «сыном»? Старик все еще что-то шептал. Я разобрал слово, которое еще больше разожгло во мне ненависть.

— ... прими ...

Затем глаза закрылись, а губы перестали двигаться, хотя чуть заметное дыхание свидетельствовало о том, что он еще жив. Я отпустил его руку и вышел из спальни. В кабинете я остановился.

— Там,— Лиза взяла мою руку своей. Но я не обратил на это внимания. Я думал о том, что сказал мне Марк. Он не просил меня принять руководство Проектом, он просто СКАЗАЛ мне об этом. Но слова не дошли до меня. Мой рот был открыт, но не мог произнести ни слова. Впервые я не знал, что мне предпринять.

И тут сигнал вызова видеофона вырвал меня из оцепенения. Лиза стояла рядом и автоматически нажала кнопку включения экрана.

— Здравствуйте,— произнес голос из прибора. Я не мог видеть экран, так как стоял в неудобном положении.— Есть здесь кто-нибудь? — продолжал голос.— Мне необходим ньюсмен Там Олин. Это срочно. Эй! Есть здесь кто-нибудь?

Я узнал голос Пирса Лифа. Обогнув стол Марка Торра, я подошел к телефону.

— А, это ты, Там,— сказал с экрана Лиф.— Послушай, мальчик, я думаю, тебе не стоит больше тратить время ... Мы посовещались здесь и решили. Тебе нужно срочно отправиться на Святую Марию. Ты понял?

Внезапно жажда мести вновь вспыхнула во мне, смыв те сомнения, которые только что начали появляться под влиянием слов Марка Торра.

— Когда надо отправляться?

— Думаю, сейчас же. Билет тебе куплен ...

— Пусть его вместе с вещами доставят в космопорт.

Я обернулся и поглядел вновь на Лизу. Ее взгляд мог бы потрясти меня, как это случалось прежде, но сейчас я был гораздо сильнее ...

— Как выйти отсюда? — потребовал я.— Я уезжаю!

— Там,— заплакала девушка.

— Я должен уехать, разве ты не понимаешь, что меня направляют на Святую Марию. Это ведь моя работа,— крикнул я.— Где выход? Где! ..

Она прошла мимо меня и нажала выступ в стене. Дверь открылась, и

я медленно прошел в нее.

— Там!

Ее голос остановил меня и я оглянулся.

— Ты вернешься, Там,— сказала она сквозь слезы.— Вот увидишь, ты вернешься!

Что-то в моей душе шевельнулось, но тут же спряталось, подавленное могущественной силой мести. Я прошел дальше.

— Я вернусь,— не оборачиваясь, громко сказал я.

Это была легкая, простая ложь. Затем дверь за мной закрылась.

Глава 22

Когда я выходил из космолайнера на Святой Марии, легкий ветерок, из-за разницы атмосферного и корабельного давлений, дувший мне в спину, был похож на руку темноты, подталкивающую меня в хмурый дождливый день. Но это меня не трогало. Я был как обнаженный палаш моей мечты, завернутый и упрятанный в плед, отточенный на камне и несущийся сейчас на встречу, которую он ждал все эти долгие три года.

Встречи в холодном дожде вечны. Они надолго оставляют свой след в вашей душе. Я чувствовал холод, как старую кровь на руках. Небо было низким, облака тянулись на восток. Дождь падал размеренно. Звук дождя, казалось, достиг своего апогея, когда я начал спускаться по трапу. Создавалось впечатление, что космопорт и город попали под ошеломляющий камнепад, который разнесет их на куски.

Это был такой же дождь, который обычно обрушивался на развалины Афин, на мрачный, несчастливый дом Матиаса, на руины Парфенона, какими я их обычно видел из окна своей спальни.

— Ваш багаж, сэр? — раздался возле меня голос.

Я вздрогнул и очнулся от своих дум. Ко мне обращался офицер с корабля. Его приветливая, дружеская улыбка окончательно вернула меня в этот мир.

— Пошлите его в лагерь Френдлиза,— улыбнулся я в ответ.— Я хочу зарегистрировать удостоверение личности.

Я прошел по эскалатору, миновав вертушку, и оказался перед человеком в форме диспетчера, сидевшем за стеклом у стола.

— Имя, сэр? — спросил он.— Что вас привело на Святую Марию?

Он сделал вид, что не узнал меня, и это меня развеселило.

— Ньюсмен Там Олин,— сказал я.— Представитель «И.Н.С.», уроженец Старой Земли. Я здесь для того, чтобы осветить в печати конфликт между Экзотикой и Френдлизом.

Я открыл свой портфель и достал документы.

— Прекрасно, мистер Олин,— сказал мой «знакомый», возвращая

мне паспорт и указывая на машину с автопилотом.— Следуйте по шоссе прямо в Джозеф-таун. Там вы и найдете лагерь Френдлиза.

— Спасибо,— поблагодарил я.— Одну минуту!

Он вышел из-за ограждения и ждал, что я скажу.

— Сэр.

— Помогите мне дойти до машины.

— О! Извините, сэр.— Он быстро подскочил ко мне.— Я не заметил, что ваша нога ...

— Совершенно занемела,— закончил я.

Когда я уселся, он собрался было уходить, но я его остановил.

— Погодите, милейший. Вы Уолтер Имер, не так ли?

— Да, сэр,— медленно произнес он.

— Послушайте, у вас нет никакой информации для меня?

Он медленно опустил голову.

— Нет, сэр.

— Ну, что же,— усмехнулся я.— Все равно я получу информацию из других источников, а они решат, что ее дали вы.

Маленькие усики человека задрожали.

— Послушайте, об этом нельзя нигде сообщать... Вы не понимаете меня ... ведь у меня семья, дети ...

— А у меня нет! — отрезал я.

— Но ведь они убьют меня. Те, из Голубого Фронта. Что вы хотите знать о них? Я не понимаю, откуда вы знаете меня?

— Когда-то я был знаком с вашим шефом и, кроме того, у меня отличная память на тех людей, кто возле него тогда болтался.

— Подождите,— сказал быстро Имер.— Я помогу вам. Поезжайте в Новый Сан-Маркос. На проспект Золотоискателей. Это сразу же за Джозеф-тауном, где лагерь Френдлиза,— он сжал зубы.— Вы расскажете обо мне?

— Да,— бросил я и посмотрел на него.— Солдаты Френдлиза здесь уже два года. Любят ли их люди?

Он улыбнулся.

— О, как любого пришельца.

Я почувствовал боль в левой ноге.

— До свидания,— прервал я разговор и тронулся в путь.

На приборной модели автомобиля я увидел медаль Святого Христофора. Очевидно, один из солдат Френдлиза забыл ее здесь. И для меня было особым удовольствием найти ее здесь. После развенчанных иллюзий детства, когда ничего не оставалось, кроме несоблюдения обязанностей, тоже доставлявших удовольствие ... Ведь фанатики, когда все сделано и сказано, ничем не лучше бешеных псов. Но те должны уничтожаться, чтобы не заражать других, здоровых ...

Всю дорогу, пока я добирался до Джозеф-тауна, меня не покидали такие чувства.

И вот, наконец, френдлизский сержант остановил мою машину у во-

рот города и открыл дверцу.

— Что тебе здесь нужно?

Его голос был резким и скрипучим. Нашивки фельдфебеля оттенялись черным цветом униформы. На вид ему было не более тридцати.

Я открыл портфель и протянул часовому документы.

— Мое удостоверение ньюсмена,— сказал я. — Мне необходимо видеть вашего командира, полковника Джаймтона Блека.

— Тогда подвиньтесь,— сказал солдат.— Я должен провезти вас. Сами вы не найдете дороги.

Я подвинулся.

Он сел за руль, и мы поехали по аллее. Проезжая, я вслушивался в лающие, отрывистые слова команд, доносившиеся ко мне через открытое окно. Вскоре мы подъехали к одноэтажному зданию, и фельдфебель, остановившись, попросив меня подождать несколько минут, скрылся внутри.

Невдалеке проходила колонна солдат, во все горло распевающих свой боевой гимн «Солдат, не спрашивай!»

Я сидел, пытаясь заблокировать свои уши. Не было никакого музыкального сопровождения, только луженые мужские глотки да мерное топанье башмаков.

Фельдфебель, сопровождаемый офицером, подошел к моему автомобилю. Присмотревшись, я узнал в офицере Джаймтона Блека.

Я находился в маленькой, плохо освещенной комнате. Протянув офицеру свои документы, я, пока он их рассматривал, попытался рассмотреть его, как-никак мы не виделись с ним почти три года. Я заметил, что в его лице появился тот же фанатизм, что и у фельдфебеля, который расстрелял на Новой Земле пленников. Это особенно подчеркивалось усталыми глазами с тенями под ними. Прямая линия рта и нахмуренные брови говорили о его намерении быть со мной строгим.

Джаймтон держал мои документы перед собой, не возвращая их мне.

— Несомненно, мистер Олин,— сказал он,— у вас в другом кармане разрешение, выданное руководителем Экзотики для интервьюирования наемных дорсайцев, входящих в экспедиционный отряд ... дорсайцев, которые противостоят нам, Избранникам Бога, в этой войне!

Я улыбнулся. Его суровость возбудила во мне желание уничтожить его.

Глава 23

Фельдфебель на Новой Земле тоже называл себя Избранником Божьим!

— Но вы же знаете, полковник, что люди «Гильдии» беспристрастны. Мы не отдаем предпочтения ни одной из сторон.

— Да,— усмехнулся губами Джаймтон,— вы поддерживаете правду!

— Конечно,— подтвердил я.— Только бывает так, что очень трудно определить, где правда, а где ложь! Сейчас вы здесь, на планете, которую ваши предки никогда не осваивали. И вам противостоят наемные войска двух миров, принадлежащих этой же звездной системе Порциона, частью которой является и Святая Мария. Я не уверен, что правда на вашей стороне.

Он покачал головой.

— Мы не ожидаем понимания от неизбранных.

— Не возражаете, если я сяду? — вставил я.— У меня болит нога.

— Пожалуйста,— поспешно сказал Джаймтон и пододвинул мне стул.— Я решил встретиться с вами и помочь в работе. Нужен ли вам автомобиль и водитель?

— Спасибо,— поблагодарил я его.— У меня все есть.

— Как хотите. Фельдфебель!

— Сэр!

— Поставьте на постой одного гражданского. Подготовьте пропуск для этого человека.

— Сэр! — голос солдата констатировал желание немедленно выполнить данный приказ.

— Полковник,— говорил я, вкладывая документы обратно в портфель.— Два года назад ваши Старейшины Совета Объединенных Церквей Гармонии и Ассоциации обвинили планетарное правительство Святой Марии в невыполнении долговых обязательств, поэтому-то вы и оказались здесь, чтобы взыскать соответствующую плату. Меня в первую очередь интересует такой вопрос: а много ли у вас людей и снаряжения?

— Это, мистер Олин, военная тайна.

— Тем не менее,— я закрыл портфель,— вы, в чине полковника, командуете оккупационными силами. Насколько мне объяснили, здесь, по меньшей мере, должен быть офицер со званием на пять рангов выше, чем ваше. Может быть, такой офицер прибудет, чтобы сменить вас?

— Почему бы вам, ньюсмен, не задать этот вопрос в штаб-квартире на Гармонии?

— Но вы ожидаете подкрепления?

— Если это и так,— его голос был спокоен,— то это военная тайна.

— Но может быть, вы знаете, что ваш генеральный Штаб на Гармонии решил, что эта экспедиция на Св. Марию обречена?

— Ничего не могу вам сказать, ньюсмен.

— И у вас нет комментариев? — я пытался хоть как-то растормошить его.

— Не стоит повторять сплетни, мистер Олин.

— Тогда последний вопрос. В случае весеннего наступления

Экзотики вы планируете отступление на Запад? Или ...

— Избранники никогда не отступают в войне,— перебил он меня.— Они никогда не покинут позиции и своих братьев во Господе.

Джаймтон встал.

— У меня есть неотложная работа, мистер Олин.

Я тоже встал.

— Думаю, мы переговорим еще раз, когда у вас будет больше времени.

— Конечно. Фельдфебель, проводите ньюсмена.

По дороге к выходу фельдфебель выписал мне пропуск.

— Благодарю,— сказал я, беря этот документ.— Вы, случайно, не знаете, где находится штаб сил Экзотики?

— По нашим сведениям, они километрах в ста к востоку отсюда. Новый Сан-Маркос!

— Сан-Маркос,— повторил я.— Полагаю, вы осведомлены, что вам не пришлют подкрепления с Гармонии?

— Нет, этого я не знал,— сказал он невыразительным голосом.— Что-нибудь еще хотите узнать, сэр?

— Нет. Благодарю.

Он проводил меня к машине и остался стоять, пока я не тронулся. Мой путь лежал в Новый Сан-Маркос. За час я проделал три четверти пути. Но ехал я не в штаб Экзотики. Сейчас я ловил другую рыбу.

Это был проспект Золотоискателей. Я увидел сквозь стеклянную стену на первом этаже пожилого мужчину и зашел внутрь.

— Сэр? — спросил человек, когда я приблизился к нему.

— Думаю, вы поняли, кого я представляю,— сказал я.— Все миры знают Службу Новостей. Мы не поддерживаем местных политиков.

— Сэр?

— Вы хотите знать, как я вас нашел? — я улыбнулся.— Меня направил диспетчер космопорта Имер. За это я обещал ему свое покровительство. Мы оценим это, если с ним будет все в порядке.

— Боюсь, — его руки лежали на столе у меня на виду,— я вас не понимаю. Вы желаете что-то купить?

— Если это информация ...

— Сэр,— вздохнул человек.— Боюсь, вас ввели в заблуждение и вы попали не в тот магазин.

— Напротив,— возразил я,— меня направили правильно, и я сейчас говорю с членом Голубого Фронта.

Человек покачал головой.

— Неужели вы не знаете, сэр, что Голубой Фронт — это нелегальная организация? До свидания, сэр!

— Минутку, я еще не кончил.

— Тогда извините, но если вы не хотите ничего купить, то я вас покину. Пока вы находитесь в этой комнате, сюда никто не войдет!

Он поклонился и вышел. Я оглядел пустую комнату.

— Хорошо!— сказал я громко.— Полагаю, что я должен говорить это стенам. Уверен, что они смогут услышать меня. Я — журналист, и все, что может интересовать меня, — это информация! И мы получили сведения, что командование Френдлиза вступило в контакт с Голубым Фронтом. Убийство вражеских командиров противоречит Кодексу Наемников и Уставу ведения Войны ... но ведь гражданские личности могут сделать то, чего не смогут солдаты ...

Стояла тишина.

— Как представитель Службы Новостей, я придерживаюсь правила беспристрастности,— продолжал я.— Вы знаете, как высоко чтим мы наше кредо. Я только хочу задать вам несколько вопросов. Я клянусь, что ответы будут сохранены в тайне.

Некоторое время я ждал, но ответа не последовало. Тогда я повернулся и вышел.

Мой путь лежал в лагерь Экзотики.

Он был городом. Капитан по имени Джекол Марат встретил меня и привел в здание штаба. Здесь царила деловая атмосфера. Солдаты были хорошо вооружены и обучены. Особенно это бросалось в глаза сразу же после того, как я побывал у френдлизцев. Я не преминул сказать об этом Джеколу.

— Наш командующий — дорсаец, думаю, что этим все сказано,— улыбнулся он.— И это делает всех нас оптимистами.

Я улыбнулся в ответ.

— Меня многое интересует. Все, что вы будете рассказывать, мне будет интересно!

— Ну ...— заметил офицер,— думаю, что вы можете упомянуть в своих репортажах тот факт, что наши наниматели на Экзотике достаточно щедры, когда надо платить за людей и снаряжение. И кроме того, посол Экзотитки на Св. Марии, преподобный отец, вы знаете ...

— Знаю.

— Он стал преподобным отцом здесь три года назад. Как мне говорили, он — что-то особенное, даже для представителя миров Культис и Мара. Он эксперт в каких-то онтогенических вычислениях, если только вам это что-нибудь говорит. Для меня это пустые слова.

— Как зовут вашего командующего? — поинтересовался я.

— А вы разве не знаете? — удивился Джекол.— Его зовут Кейси Грим!

— Грим? Знакомая фамилия ...

— Вы, наверное, слышали о другом члене их семьи,— пояснил Джекол.— О Доналс Гриме. Он племянник Кейси Грима. Кейси не так известен, как юный Грим. Но думаю, что дядюшка вам больше понравится, чем племянник. Должен вам еще сказать, что у Кейси есть два обличья,— загадочно улыбаясь, проговорил капитан.

— Что вы имеете в виду? — изумился я.

— У Кейси есть брат-близнец Ян Грим. Поэтому мы и шутим, что у

Кейси два обличья. Кстати, Яна Грима можно встретить в Блаувейне, в посольстве Экзотики.

— Я не могу его знать, так как встречал очень мало дорсайцев.

— О, тут я ничем не могу помочь вам, ньюсмен, я тоже не слишком близко с ними знаком. Дорсай — небольшой мир, и те, что живут до старости ...

Джекол остановился возле какого-то капитана, сидевшего за столом.

— Старик свободен, не знаешь? Позволь тебя познакомить, Гарри, с ньюсменом из Службы Новостей.

— Думаю, что старик свободен,— проговорил офицер. Он нажал кнопку на приборной панели и через несколько секунд добавил: — У него преподобный отец. Но сейчас он уходит, так что входите.

Джекол повел меня между столами. Но прежде чем мы вошли, перед нами открылась дверь, и я оказался лицом к лицу с человеком в голубых одеждах Экзотики. Его глубокие карие глаза встретились с моими.

Это был Ладна.

— Сэр,— сказал Джекол,— это ...

— Там Олин. Я его знаю,— медленно проговорил Ладна. Он улыбнулся нам и сказал: — Мне было больно слышать о вашем горе, Там.

— Моем горе? — удивился я.

— Да, о вашем шурине. О том молодом человеке, убитом у Кастлмейна, на Новой Земле.

— О,— только и мог я промычать сквозь зубы.— Я удивлен, что вы знаете об этом случае.

— Я знаю это из-за вас, Там,— глаза Ладны излучали свет.— Вы забыли? Я же рассказывал вам об онтогенетике, с помощью которой мы рассчитываем возможности человеческих действий в настоящем и будущем. Вы — важный фактор в этих вычислениях. Вот поэтому я и ожидал, что встречу вас на Святой Марии. Как видите, пока что вы входите в мою схему, Там,— с этими словами Ладна рассмеялся громким счастливым смехом.

— Так вы знаете, что я делаю здесь? — взъярился я.

— У нас есть вычисления,— мягко сказал Ладна.— Но цели ... пока что скрыты. Кстати, заезжайте ко мне в Блаувейн, Там, я кое-что могу вам показать.

— Хорошо.

— Мы будем вам очень рады,— кивнул Ладна и пошел дальше.

— Сюда,— показал Джекол, и я двинулся за ним.— Командующий здесь.

Когда мы вошли в комнату, командующий стоял. Я ожидал увидеть хмурого темноволосого здоровяка, какими и были дорсайцы, но передо мной стоял худощавый, высокий мужчина в полевой форме, с ширококостным, но открыто улыбающимся лицом под темными, слегка вьющимися волосами, которые так редко встречаются у дорсайцев.

Он крепко пожал мне руку.

— Входите,— сказал он.— Ваши документы, ньюсмен.— Кейси сразу оценил мою униформу и понял цель моего визита.— Джекол,— обратился он к офицеру,— приготовь нам пока что-нибудь выпить, а потом, думаю, мы с ньюсменом сами разберемся, что к чему.

Джекол приготовил виски, отдал честь и вышел. Я присел с Гримом у маленького бара. Впервые за три года под влиянием магии этого необычайно жизнерадостного человека немного мира вошло в мою душу. С таким человеком я не мог проиграть!

Глава 24

Пока мы сидели за рюмками с дорсайским виски, Кейси неспеша просмотрел мои документы. Наконец, он протянул их мне назад и спросил:

— Вы остановились в Джозеф-тауне?

Я кивнул и заметил, что он присматривается ко мне.

— Вы не любите Френдлиз? — заметил Кейси.

Его слова заставили мое сердце забиться сильнее. Я собирался откровенно поговорить с этим человеком. Но такой разговор начался слишком внезапно. Я отвернулся. Мне не хотелось отвечать прямо на поставленный вопрос. Я просто не мог. Нужно было рассказать многое, и все равно это было очень мало. Тогда я выдавил из себя:

— Если я сделаю что-нибудь значительное за оставшиеся мне годы — все это будет для того, чтобы устранить Френдлиз из общества цивилизованных человеческих существ.

Кейси молча рассматривал меня. Наконец, он покачал головой и пробормотал:

— Жесткая точка зрения, не так ли?

— Не жестче, чем их!

— Вы так думаете? — удивился командующий.— Я бы этого не сказал.

— Думаю, вы единственный человек, который побеждал их,— постарался я направить разговор в другое русло.

— Ну, да,— слегка улыбнулся генерал.— Но не забывайте, ньюсмен, что мы солдаты, хотя и воюем на разных сторонах баррикады. Поэтому я привык уважать своего противника.

— Не думаю, что они придерживаются того же мнения.

— Что вас заставляет так говорить?

— Я видел их,— ответил я.— Я был в полосе боевых действий под Кастлмейном три года назад. Вы помните тот конфликт на Новой Земле? — я потер свое колено.— Я был тогда подстрелен и не смог сориентироваться. Кассидиане вокруг нас отступали...

Я умолк и взял рюмку виски. Грим сидел и ждал продолжения.

— У меня был помощник, молодой кассидианин,— продолжал я.— Моя младшая сестра за два года перед этим уехала по контракту на Кассиду и вышла за него замуж. Этот помощник был моим шурином.

Грим взял у меня пустую рюмку и снова наполнил ее.

— Он не был военным. Он изучал механику в университете и ему предстояло учиться еще три года. Но он не очень удачно сдал экзамен, когда Кассида должна была поставить по контракту войска Новой Земле.— Я перевел дыхание.— Ну, укоротим историю. Он погиб на Новой Земле. Я думал, что спасу его, если возьму себе в помощники.

Я сделал глоток.

— Но мы попали в зону боев. Меня ранило, двинулись танки Френдлиза, и стало очень «жарко». Все побежали, а Дэйв попытался помочь мне. Он думал, что танки раздавят меня, прежде чем заметят, что я ньюсмен ... Потом нас взяли в плен, и фельдфебель, один из этих фанатиков, приказал сам себе от имени Бога разделаться с пленными. Как будто это были низшие существа, которых можно и нужно было убивать. И он их убил! Я сидел под деревом и смотрел, как этот фанатик расстреливает их. Я сидел там и видел Дэйва, видел, как он падает под градом пуль.

Я никогда никому не рассказывал этого, но что-то в Гриме располагало к нему и вызывало доверие.

— Да,— сказал офицер.— Это очень плохо. А того фельфебеля нашли?

— Его расстреляли, но что толку ...

Он кивнул и, не глядя на меня, сказал:

— Они не все такие, поверьте мне.

— Таких вполне достаточно, чтобы создать репутацию всем.

— К несчастью, да. Поэтому в этой кампании,— улыбнулся Грим,— мы постараемся уберечься от подобных вещей.

— Скажите мне,— сказал я, поставив рюмку на стол,— как бы вы поступили, если бы подобное произошло с вами? Так же?

Наступила тишина. Она казалась мне томительно долгой в ожидании ответа. Я чувствовал, как мое сердце медленно отстукивает удары. Наконец, Грим сказал:

— Нет! Я бы так не поступил!

— Но почему нет? — вскричал я.

В комнате возникло напряжение. И я понял, что слишком поторопился. Я говорил с ним, как с человеком, забыв, кем он был еще. Я отбросил свое впечатление о нем, как о человеке, и стал думать, как о дорсайце — личности, тренировавшейся всю жизнь. Эта тренированность передавалась из поколения в поколение и превратила этих людей в настоящих бойцов. Кейси не изменил тона своего голоса, когда заметил, что я делаю что-то не то. Он не изменил тональности, но у меня создалось впечатление, что расстояние между нами увеличилось.

Я вспомнил, что рассказывали о его народе. О народе небольшого, холодного и гористого мира. Если бы дорсайцы отказались наниматься на другие миры, а бросили бы им вызов, то не было бы никого, кто смог бы устоять перед ними. Никогда прежде я не верил этому. Но сидя здесь, после того, что здесь произошло, я признал это как реальность. Я уже знал, что то, что он сейчас скажет, будет сущей правдой.

— Я не поступлю так,— повторил Кейси Грим не спеша,— потому что это будет противоречить второй статье Кодекса Наемников.

Он улыбнулся и предложил пойти пообедать в офицерскую столовую.

Мы обедали вместе. Еда была очень хорошей. Кейси предложил остаться мне на ночь, но я не мог лишить себя удовольствия отправиться в тот холодный, безрадостный лагерь вблизи Джозеф-тауна, где были мои враги.

Я вернулся.

Было около 23 часов, когда я проехал створ ворот и припарковался у входа в штаб. Площадка перед ним была освещена слабо. Возле стены я видел какие-то неясные очертания фигуры. Приглядевшись, я обнаружил, что это Джаймтон.

Он находился не так далеко от меня. Я вышел из машины и подошел к нему.

— Мистер Олин,— ровным голосом сказал он,— рад вас видеть.

В темноте я не мог разглядеть выражение его лица.

— У меня к вам несколько вопросов,— улыбнулся я.

— Уже довольно поздно отвечать на вопросы,— начал уклончиво френдлизец.

— Но это не займет много времени,— я старался увидеть его лицо, но оно продолжало находиться в тени.— Я посетил лагерь Экзотики. Их командующий — дорсаец. Думаю, вы знаете об этом.

— Да.

Я почти разглядел движение его губ.

— Я хотел бы задать вам всего один вопрос, полковник. Вы приказываете своим людям убивать пленных?

Между нами возникло короткое, напряженное молчание. Затем Джаймтон ответил:

— Убийство или нанесение вреда военнопленным запрещены второй статьей Кодекса Наемников.

— Но вы ведь не относитесь к наемникам? Разве не так? Вы же находитесь на службе Френдлиза?

— Мистер Олин,— говорил он, пока я безуспешно пытался разглядеть эмоции на его лице. Слова доносились до меня ровно, спокойно, несколько растянуто.— Мой Господь приказал мне быть его Слугой и вождем людей войны, и ни в одной из этих задач я не подведу его.

И не добавив больше ничего, Блек повернулся и ушел.

Я возвратился в свою комнату, разделся и лег на жесткую, узкую кровать, которую они предоставили мне. Накрапывающий дождь прек-

ратился. Через открытое окно я мог разглядеть звезды.

Я лежал, пытаясь заснуть, но события дня так взволновали меня, что сна не было. Встреча с Ладной неожиданно удивила меня. Я почти забыл, что он может вычислять действия такого человека, как я, и обдуманно искать встречи со мной при помощи своей науки онтогенетики.

Поэтому мне необходимо было начать первому!

Никто, думаю, не придет к фантастической мысли, что один человек, даже такой, как я, может уничтожить культуру двух человеческих миров Френдлиза. Но Ладна может сделать такой вывод... Он вполне может прийти к этому своими вычислениями и помешать мне. Я обязан быть первым!

Новый ветер дул между звездами. Четыреста лет назад мы все были людьми Земли — Старой Земли, материнской планеты, которая была моей родиной. Мы были одним народом!

С переселением на новые миры человеческая раса «распалась», если использовать термин Экзотики. Каждый маленький социальный обломок и психологический тип развивался отдельно и прогрессировал в создании определенных социальных групп. Мы имели уже полдюжины специализированных обществ: военных на Дорсае, философов на Экзотике, ученых на Нептуне, Кассиде, Венере ...

Изоляция подстегивала специализацию типов. Но наряду со специализацией начали расти связи между мирами. Изолированные миры, не признающие другие сообщества людей, просто-напросто вымирали. Торговля между мирами стала торговлей квалифицированными кадрами. Ценившиеся генералы с Дорсая обменивались на психологов с Экзотики, коммуникационники со Старой Земли, подобные мне, — на конструкторов космических кораблей с Кассиды. Это продолжалось уже больше ста лет. Но торговля начала опять сплачивать миры. Экономика, зиждящаяся на связях между планетами, начала сплачивать расу в единое целое. И тут возникло противоречие: наряду с единством миров каждая планета боролась за то, чтобы идти своим собственным путем!

Необходим был компромисс: не жесткая и суровая религия Френдлиза, отвергающая всякое соглашение и поэтому приобретшая много противников. На других мирах общественное мнение было настроено против Френдлиза. Дискредитировать их, унизить, вымазать грязью, показать всю их несостоятельность в деле ведения войн — вот что стало моей задачей. После этого они уже никогда не смогут сдавать внаем своих солдат. Таким образом, нарушится равновесие в торговле с другими мирами. Они не смогут больше нанимать квалифицированных специалистов с других планет для того, чтобы их два мира могли хотя бы сносно существовать! И тогда наступит смерть. Они умрут. Как умер молодой Дэйв. Медленно, в темноте ...

Я лежал в лагере Френдлиза, не в силах заснуть, и вспоминал. И слушал топот марширующих солдат, который не утихал здесь даже

ночью. «Солдат, не спрашивай ...» — этот гимн определенно начинал действовать мне на нервы. Но при мысли о том, что ему недолго осталось звучать в этом мире, я успокоился. Начал накрапывать дождь, своим мерным шепотом убаюкивая меня ...

Глава 25

В день моего приезда на святую Марию шел дождь. Но больше уже дождей не было. День за днем поля подсыхали и вскоре уже наверняка смогли бы выдержать вес танков. Тем не менее, и Экзотика, и Френдлиз не спешили с военными действиями, продолжая тренировки своих солдат.

За все время, пока я находился на этой планете, я ничего не слышал о Голубом Фронте, хотя, выполняя работу журналиста, имел много контактов с местными жителями. Но одно все же я узнал — ювелирная лавка, которую я посетил в первый же день по приезде, оказалась покинутой. Этого мне только и надо было.

После этого я установил наблюдение за Джаймтоном Блеком, и к концу недели мои ожидания оправдались.

В девять часов, в пятницу, наблюдая за штабом Блека, я заметил, что трое гражданских вошли в штаб Френдлиза. Они оставались там чуть больше часа. Когда они ушли, я отправился спать. Сны в эту ночь меня не беспокоили.

Следующим утром мне принесли письмо из Службы Новостей с личной благодарностью за подробные репортажи о событиях на Св. Марии. Три года назад это меня здорово бы обрадовало. Но только не сейчас. Совет почему-то решил, что я привлек огромное внимание человечества на всех мирах к событиям на Св. Марии, и поэтому решил помочь мне, прислав несколько помощников. Но я не мог позволить, чтобы персонал «И.Н.С.» видел, чем я здесь занимаюсь.

Я сел в автомобиль и направился в Новый Сан-Маркос, намереваясь посетить штаб Экзотики. Километрах в двадцати от Джозеф-тауна я был неожиданно остановлен патрулем Френдлиза. Они узнали меня.

— Ради бога, мистер Олин,— сказал один из них, подбежавший ближе всех,— вам нельзя дальше ехать!

— Не возражаете, если я спрошу — почему?

Солдат повернулся и указал на небольшую долину между двумя поросшими лесом холмами.

— Тактический смотр, сэр.

Я посмотрел в предлагаемом направлении. В небольшой долине между двумя холмами было всего ярдов сто ширины. На поросших лесом склонах виднелись проплешины сиреневых кустов. Они расцвели всего

несколько дней назад. Сам луг был зеленым и резко контрастировал с кустами цветущей псевдосирени. За «дубами», составляющими основную массу деревьев, я заметил черную форму солдат Френдлиза. А в середине всего этого, в самом центре луга, рассыпались цепью фигуры в черном и какие-то движущиеся устройства. Высокая трава, подминаемая ими, оставляла хорошо различимый след.

Я оглянулся на юнца-солдата.

— Похоже, что вы уже готовы разгромить Экзотику?

Он посмотрел на меня, словно не почувствовал иронии в моих словах.

— Да, сэр,— сказал он серьезно.

— И у вас не возникло ни тени сомнения? У вас не возникло и мысли о том, что вы можете проиграть?

— Нет, мистер Олин,— солдат отрицательно покачал головой.— Человек, который идет в бой, руководствуясь повелением Господа, не может проиграть,— он увидел мою усмешку и решил, что меня необходимо еще убедить.— Господь простирает длань над своим Воинством и все делает для того, чтобы оно победило ... или погибло с честью! А что есть смерть?

Я ответил за него, что есть смерть, но он этого не услышал.

Смертью был фельдфебель, убивший пленных. Вот что такое смерть!

— Позовите-ка мне офицера,— попросил я солдата.— Мои документы позволяют мне передвигаться здесь.

— Сожалею, сэр,— отозвался еще один из патрульных.— Но мы не имеем права оставлять наш пост без приказа офицера. А он вскоре должен подойти. Так что, подождите или возвращайтесь назад!

Я подумал, что это «вскоре» скорее всего будет нескоро!

Так оно и оказалось. Наконец, ближе к полудню, к нам подошел лейтенант и разрешил мне следовать дальше.

Когда я попал в штаб Грима, солнце уже садилось, отбрасывая на землю длинные тени от деревьев. Казалось, лагерь уже спал. Но не нужно было обладать большим опытом, чтобы понять, что силы Экзотики уже выступили против солдат Джаймтона. Я нашел капитана Джекола.

— Могу ли я видеть командующего Грима?— поинтересовался я у него.

Капитан покачал головой.

— Сейчас нет, к сожалению.

— Джекол,— напирал я,— поймите, что мне надо! Это не блажь репортера. Дело идет о жизни и смерти. Я ДОЛЖЕН видеть Кейса Грима.

— Подождите,— согласился все же капитан. Он вышел из комнаты и вернулся через пять минут.

— Прошу вас, ньюсмен,— пригласил он меня следовать за ним.

Мы оказались в небольшой комнате, которая одновременно служила и спальней, и кабинетом и в которую сразу же вошел Кайси Грим, одетый в полевую форму. Он насмешливо посмотрел на меня и, отослав капитана, обратился ко мне:

— В чем дело, ньюсмен? Зачем я вам так срочно понадобился?

— Я знаю, что вы готовы выступить против Экзотики, если уже не выступили.

Грим с усмешкой взглянул на меня и начал рассматривать убранство своего помещения. Я почувствовал в нем какой-то особый, неуловимый признак дорсайца. Это не были его физические данные или же сила. Это не было даже то, что его с детства тренировали для войны, как и всех рожденных для жизни. Нет, это было что-то явное, но непередаваемое. Какое-то неуловимое отличие, характерное для дорсайцев.

— Это больше похоже на задачи психологов,— весело рассмеялся Грим.— И что же вы нашли, изучая людей?

— О, я видел людей. Видел торговца с Сеты — он ищет свою максимальную прибыль, но продолжает оставаться человеческим существом. Видел нептунцан и венериан, витающих в заоблачных высях, но если вы вернете их к действительности, оторвете от науки, то увидите, что они ЛЮДИ! Видел уроженцев Экзотики, подобных Ладне, с их умственными фокусами и видел фрилендеров с их тесной сплоченностью. Видел я все миры и народы и скажу вам, что есть нечто, характерное для них всех. Все они — ЛЮДИ! Любой из них — ЧЕЛОВЕК. Только они специализируются в разных, присущих только им областях.

— А Френдлиз нет?

— Фанатизм,— покачал я головой.— Разве это ценность? Что хорошего в слепой, глупой, тупой, бездушной ненависти, которая лишает людей всего человеческого без надежды на исправление. Что хорошего в том, что такая культура существует на свете?

Кейси Грим покачал головой.

— Вы что-то говорили, ньюсмен, о Голубом Фронте?

— Да,— кивнул я головой.— Я пришел сюда предложить вам следующее, командующий. Докажите, что Френдлиз нарушает Кодекс Наемников и Устав Ведения Войн тем, что нанимает Голубой Фронт для политических убийств, может быть, даже и вашего, тем самым вы одержите победу на этой планете без единого выстрела.

— Но как мне это доказать?

— Думаю, что я смог бы быть вам полезным, командующий. У меня есть кое-какие подходы к Голубому Фронту. Если вы дадите мне все полномочия, то я пойду и перебью цену Джаймтона. Думаю, если вы предложите признание их нынешним правительствам, они успокоятся и отвернутся от Френдлиза. Ладна и Святая Мария будут признательны вам, если удастся так легко очистить планету от фанатиков.

Ни один мускул не дрогнул на лице дорсайца.

— А что я должен купить у них? — спросил он.

— Свидетельство под присягой, что их наняли, чтобы убить вас, сэр.

— Но ни один межпланетный суд не поверит таким людям,— возразил Кейси.

— Ох,— вздохнул я и не мог не улыбнуться.— Они поверят мне, как представителю «И.Н.С.», когда я подтвержу их слова.

Опять повисло молчание. На его лице не возникло никаких эмоций.

— Вижу,— сказал он, затем встал и прошел в прихожую.— Джекол,— позвал он.

На пороге возник капитан.

— Сэр?

— Мистер Олин остается здесь до дальнейших распоряжений.

— Хорошо, сэр.

Грим кивнул мне и вышел.

Я стоял, окаменевший, не в силах произнести ни слова. Я не мог поверить, что он арестовал меня, чтобы предотвратить тем самым мои дальнейшие действия. Я повернулся к Джеколу. Он следил за мной с сочувствующим выражением лица.

— Его преподобие в лагере? — спросил я.

— Нет,— Джекол прошелся передо мной.— Ладна вернулся в посольство в Блаувейн. Будьте хорошим парнем, ньюсмен, и сидите смирно. А то в течение нескольких последующих часов вы можете оказаться убитым.

Мы стояли лицом к лицу и, недолго думая, я ударил его в солнечное сплетение.

В университете я немного занимался боксом. Упоминаю не для того, чтобы вы считали меня мускулистым героем, а только для того, чтобы объяснить, каким образом я освободился из-под опеки Грима.

Джекол упал на пол и лежал без чувств. Я перешагнул через него и вышел.

Лагерь был пуст, и поэтому никто не остановил меня. Я сел в свой автомобиль и уже через пять минут мчался по дороге в Блаувейн.

Глава 26

От Нового Сан-Маркоса до Блаувейна было 1400 километров. Обычно в хорошую погоду такая поездка заняла бы у меня часов шесть, но поскольку было уже темно и опустился туман, до посольства Ладны я добрался лишь через четырнадцать часов.

Я позвонил и, когда привратник открыл дверь, поинтересовался, здесь ли преподобный отец Ладна.

— Мистер Олин? — поинтересовался охранник.— Преподобный отец давно ожидает вас.

Привратник улыбнулся, но я не обратил на его слова никакого внимания. Я был рад, что Ладна не успел еще уехать.

Мужчина, открывший мне дверь, провел меня через коридор внутрь

дома, и я предстал перед молодым симпатичным парнем, уроженцем Экзотики, который представился мне личным секретарем Ладны. Он встал из-за стола и вновь повел меня куда-то вглубь дома. Перед какими-то дверьми юноша остановился и, сказав, что эта дверь — вход в личный кабинет его шефа, удалился. Я открыл дверь и переступил через порог. Но оказался не в кабинете, а в другом коротком коридоре.

И тут я увидел нечто невероятное. Ко мне приближался Кейси Грим. Но к моему удивлению, он только бегло взглянул на меня, кивнул и прошел мимо. Тогда я понял, кто это был. Конечно же, это не был Кейси. Передо мной только что прошел его брат-близнец Ян Грим, командующий гарнизоном войск Экзотики в Блаувейне. Я никак не мог предполагать, что братья так похожи, хотя неоднократно слышал, что они близнецы. Ведь Джекол не раз говорил мне об их диаметральной противоположности. Если Кейси, когда военные дела не занимали его, был подобен лучу солнца, то Ян, его физический близнец, скорее напоминал Одина, был подобен тени. Казалось, древняя дорсайская легенда возвратилась к жизни. Передо мной только что прошел мрачный человек с железным сердцем и темной одинокой душой. В могучей крепости своего тела он был как отшельник в хижине среди гор. Это был неистовый и одинокий горец из древней сказки, вновь возвращенной к жизни. Если верить слухам, то чернота, которую излучал Ян, иногда рассеивалась в присутствии Кейси. Но, несмотря на столь удивительное различие, в военном смысле оба брата были великолепными образцами дорсайских офицеров.

Все эти мысли невольно вылетели у меня из головы, когда я, пройдя через маленький коридор, толкнул дверь и оказался лицом к лицу с Ладной.

— Входите, мистер Олин,— сказал священник, вставая,— и идите за мной.

Он повернулся и вышел. Я последовал за ним и оказался на открытой площадке у припаркованного аэромобиля. Ладна сел за пульт управления и жестом пригласил меня садиться на заднее сиденье.

— Куда это мы направляемся? — подозрительно поинтересовался я.

Священник, коснувшись кнопки автопилота, поднял аппарат в воздух. Затем, повернувшись ко мне с креслом, он произнес:

— В полевой штаб командующего Грима! — Его глаза были все того же коричневого цвета, но испускали лучистый свет, который не позволял мне изучать выражение его лица.

— Понятно...— протянул я,— но надобно вам знать, преподобный отец, что мой статус ньюсмена защищает меня не только от Френдлиза, но и от Экзотики. Произвол с ньюсменом даже на такой планете, как Экзотика, не может пройти даром. Учтите это, святой отец.

Ладна сидел лицом ко мне. Его руки были сцеплены. Бледные руки на фоне голубой одежды загипнотизировали меня.

— Вы находитесь здесь в соответствии с моим решением, а не с

приказом Кейси Грима.

— Я хотел бы знать, почему? — спросил я с нажимом.

— Потому что вы очень опасны!

Он выпрямился в кресле, не отрывая от меня взгляда. Я ждал, что он будет продолжать, но Ладна молчал.

— Опасен? — удивился я.— Опасен для кого?

— Для нашего будущего. Вы, ньюсмен, опасны для всех нас. Будущее человечество ...

— К черту его! — воскликнул я.

Священник покачал головой. Его глаза неотрывно следили за мной.

— Хорошо,— согласился я.— Объясните мне тогда, почему это я опасен?

— Потому что вы хотите уничтожить жизнеспособную часть человеческой расы. И вы знаете как!

Наступило короткое молчание. Аэромобиль беззвучно скользил над полями.

— Что за странные инсинуации, сэр? — спросил я спокойно.— Хотелось бы знать, почему они у вас возникли? На основании чего?

— Из наших онтогенетических вычислений,— произнес Ладна таким же спокойным тоном.— И это не выдумки, Там, а обоснованные вычисления.

— Опять эти ваши ученые, святой отец, стоят на моем пути,— рассмеялся я через силу.— Чего вы конкретно сейчас хотите от меня?

— Я предлагаю вам, ньюсмен, выслушать меня.

— Выслушать? Ну, конечно! Ведь это моя обязанность — выслушивать людей. Рассказывайте.

Ладна поправил что-то на пульте, потом опять повернулся ко мне.

— Человеческая раса раскололась эволюционным взрывом, когда межзвездная колонизация стала практически решенным делом. Это произошло из-за расового инстинкта, от которого в полной мере мы не избавились до сих пор.

Я достал блокнот.

— Мне надо кое-что записать.

— Если желаете,— безразлично согласился Ладна.— После этого взрыва начали развиваться человеческие культуры, основанные на отдельных качествах человеческой личности. Борющейся, сражающейся ветвью человечества стал Дорсай. Ветвью, которая наделила индивидуума верой и кое-чем другим, стал Френдлиз. Философская и культурная ветвь — это Экзотика, к которой принадлежу и я. Мы называем такие миры «осколочными культурами».

— Мне об этом известно,— кивнул я.

— Вы знаете о них, Там, но вы совсем не знаете их!

— Что? Почему это?

— Потому что вы, как и все наши предки,— с Земли! Вы представляете ствол, который включает все ветви человечества. «Осколочные»

люди эволюционно изменились по отношению к вам.

Я почувствовал легкую боль, пронзившую все тело. Эти слова пробудили во мне эхо голоса Матиаса.

— О? Боюсь, что я не замечаю этого.

— Потому что вы не хотите замечать этого. Если бы вы допустили, что они отличаются от вас, то должны были бы судить их уже по другим нормам.

— Отличаются от меня? Но чем?

— Они отличаются от вас, людей Старой Земли, свойством, общим для всех индивидуумов «осколочных» миров,— понимать и совершать поступки инстинктивно, в то время как вы экстраполируете свое воображение. Поймите, Там, отличие заключается в том, что вместо всех сторон его умственных и физических способностей представитель «осколочной» культуры имеет одну, в крайнем случае, несколько необыкновенных способностей, остальные же игнорируются и атрофируются. Эти способности развиваются вместо атрофированных настолько сильно, что создается новая личность, и в этом случае мы имеем не больного, неполноценного человека, а здоровую, духовно богатую личность, сильно отличающуюся от нас.

— Здоровую? — удивился я, мысленно увидев френдлизского фельдфебеля, убивающего Дейва у меня на глазах.

— Да! Мы можем получить здоровых людей. Здоровых, как культуру, а не как единичных представителей этой культуры.

— Извините,— покачал я головой.— Но этому я не верю.

— Вы верите, Там,— мягко проговорил Ладна.— Хоть неосознанно, но вы этому верите. Поэтому-то вы и намерены воспользоваться слабостью этой культуры, чтобы уничтожить ее.

— Что еще за слабость?

— Обычная слабость, в которую превращается любая сила. Должен вам заметить, Там, что «осколочные» культуры из-за своей узкой духовной специализации нежизнеспособны.

Я постарался выглядеть ошарашенным. Буквально ошарашенным этими словами.

— Нежизнеспособны? Вы хотите сказать, что они не могут жить сами по себе?

— Думаю, что вы, ньюсмен, сами уже об этом догадались,— холодно заметил Ладна.— В связи с распространением в космосе человеческая раса изменяется под воздействием окружающей среды, пытаясь адаптироваться. Эти изменения затрагивают все элементы личности. Теперь, в наше время, эти элементы — «осколочные» культуры — выжили и приспособились. И вскоре должно наступить время для взаимослияния ветвей, взаимопроникновения культур с целью создания более совершенного, всесторонне развитого человека.

Аэромобиль начал снижаться. Мы прибыли к цели нашего назначения.

— Если же вы разрушите одну из «осколочных» культур,— продолжал Ладна,— то в итоге не получится ЧЕЛОВЕК, впитавший в себя все осколочные ветви. А это будет означать смерть для человечества. Потому что его целое, один ценный элемент его «души», будет безвозвратно утерян.

— А может, это не будет потерей?

— Это будет жизненно важной потерей,— покачал головой Ладна.— И я могу доказать это. Вы — представитель «столбовой» культуры, имеете в себе все элементы «осколочных» культур. Когда вы убьете часть себя, как вы будете выглядеть?

Аппарат коснулся земли. Дверь открылась. Я выглянул и увидел поджидающего нас Кейси. Он стоял, рослый и жизнерадостный, почти на две головы выше Ладны и меня тоже. Когда мы встретились с ним взглядом, на его лице проступило недовольство.

— Я — пьюсмен,— с вызовом глядя на него, произнес я, выпрыгивая из машины.— Не забывайте этого, генерал. Я делаю то, что хочу делать!

Кейси передернул плечами, но ничего не сказал.

Ладна поздоровался с Гримом за руку и пошел внутрь здания. Мы с Кейсом последовали за ним. Среди офицеров, выстроившихся в штабе, очевидно, был и Джекол, но я его не заметил.

На столе Грима лежало что-то, что он поднял и передал мне.

Это была мнемозапись от Элдера Брайта к командующему обороной Х-Центра на Гармонии. Она была двухмесячной давности. Меня удивило это, так как общеизвестно, что мнемозапись невозможно перехватить и расшифровать.

«Во имя Господа нашего!

Да будет вам известно, генерал, что с тех пор, как наши войска на Святой Марии не добились мгновенного успеха, не следует больше оказывать им никакой помощи. Мы будем продолжать боевые действия на этой планете без расширения нашего вмешательства. И если случится, что, исполняя ЕГО волю, мы не добьемся успеха, тогда было бы верхом безбожия продолжать попытки нарушать это святое желание. Наши братья на Святой Марии должны знать, что помощи им ждать неоткуда, что им придется продолжить борьбу своими силами, с верой в Господа и Непобедимость Святой Церкви. Внемлите этому приказу во имя Господа нашего!

По приказу того, кого зовут
Старейшим среди избранных
Элдер Брайт."

Я оторвался от мнемо. Грим и Ладна следили за мной.

— Как вы достали это? — изумился я.— Впрочем, нет, все равно вы не скажете правды. Еще я хотел бы спросить вас, господа. То, что здесь написано, уже давно известно. Так вот почему вы позаботились познакомить меня с этим документом?

— Думаю, что это могло бы помочь вам переменить свой взгляд на

кое-какие вещи. Думаю ...— медленно говорил Ладна.

Но я перебил его:

— Каким бразом?

— Если бы вы внимательно прочли это донесение и действительно поняли бы, о чем говорит Брайт, то вы смогли бы понять и отдельно каждого из френдлизцев. Вы могли бы изменить свое предубеждение.

— А я так не думаю!

— Позвольте мне сделать еще кое-что,— сказал Ладна.— Возьмите мнемо с собой.

Я застыл на мгновение.

— Хорошо. Я возьму его с собой на квартиру и подумаю. Поблизости есть автомобиль? — я посмотрел на Кейси.

— Метрах в двухстах отсюда,— ответил он.— Но я вам не советую пользоваться им. Френдлиз уже маневрирует у наших позиций.

— Возьмите мой аэромобиль,— предложил Ладна.— Флаг посольства поможет вам пересечь линию фронта.

— Спасибо.

Мы направились к аэромобилю. Сев за пульт управления, я поинтересовался у священника:

— А как мне вернуть вам машину?

— Вы можете послать мобиль назад автопилотом, Там,— предложил Ладна,— когда он вам уже не понадобится.

Я согласно кивнул.

Закрыв дверцу, я взлетел.

В полете я вытащил мнемо из кармана. Моя рука задрожала. Это был рычаг. Архимедов рычаг, с помощью которого я смогу сокрушить Френдлиз!

Глава 27

Меня уже ждали. Как только я приземлился в расположении войск Френдлиз, четверо человек окружили мою машину, держа винтовки наперевес. Я знал этих солдат. Один из них был фельдфебель, которого я встретил в свое первое посещение лагеря, трое остальных — солдаты караульной роты. Похоже, что и френдлизцы меня узнали, так как стрельбы не последовало.

— Мне нужен полковник, ребята!— крикнул я, открывая дверцу машины.

— Почему вы находитесь в этой машине, ньюсмен?— подозрительно спросил фельдфебель.— Этот аэромобиль не должен находиться здесь!

— Я должен видеть полковника Блека немедленно. Поэтому-то я и

воспользовался аэромобилем Экзотики.

Они не могли не понять, что я должен был видеть Блека по очень важной причине, и я знал это. Они немного потянули время, но уступили.

Я нашел Джаймтона в его кабинете. Он был в полевом снаряжении, как и Кейси. Но если на том оружие и снаряжение выглядели как игрушки, то у Блека они были тяжеловаты на вид.

— Добрый день,— поздоровался офицер.

Я прошел через комнату и достал мнемо из кармана. Джаймтон нервно перебирал пальцами свое снаряжение.

— Вы выступили против Экзотики, полковник?

Он кивнул. Никогда прежде я не был так близок к нему и не видел так отчетливо. Если раньше он представлялся мне монументом, изваянным из камня, то теперь я увидел вместо каменной неподвижности печать усталости духа на его бледном лице. Под глазами были темные круги. Уголки рта опустились.

— Это мой долг, мистер Олин.

— К черту долг!— вскричал я.— Если ваши лидеры на Гармонии вычеркнули вас из своих списков!

— Я уже говорил вам, мистер Олин,— сказал он спокойно.— Избранные не предают Господа и тем более друг друга!

— Вы уверены в этом, полковник?

Он слегка усмехнулся.

— В этом предмете я более сведущ, чем вы.

Я посмотрел в его глаза. Они были усталыми, но спокойными. Я взглянул на фото в солидографе на столе, где на фоне церкви стояли пожилые мужчина и женщина, а также юная девушка.

— Ваша семья, Блек?

— Да!

— Вы вспоминаете их сейчас?

— Я очень часто думаю о них!

— И в то же время собираетесь убить себя?

— Вы ничего не понимаете, Там.

— О, я отлично вас понимаю. Понимаю всех вас, френдлизцев! Вы так красиво лжете, так хорошо, что сами верите в свою ложь. Потому что, если вы ее отбросите, вам ничего не останется! Не так ли? Поэтому вы скорее погибнете теперь, чем допустите совершение самоубийства, которое не является самой величественной вещью во Вселенной! Вы скорее умрете, чем допустите прощение долгов или чего-либо еще ...

Блек не двигался.

— Кто вы, делающие глупость? — продолжал я дальше.— Я изучал вас, как это делают люди на других мирах. Я знаю, что за мумбо-юмбо ваша Объединенная Церковь! Я утверждал, что тот путь, о котором вы гнусавите на всю Вселенную, не есть тот, о котором вы мечтаете! Я знаю вашего Брайта — этого узкомыслящего старика, который возглавляет

мировую тиранию и не верит в то, о чем сам говорит. Я уверен, что ты знаешь это!

И я ткнул ему под нос мнемо.

— Читай!

Он взял. Я отступил назад, чтобы лучше видеть выражение его лица.

Блек просмотрел документ и вернул мне его. Выражение его лица не изменилось.

— Могу я помочь вам встретиться с Гримом, полковник? — поинтересовался я официальным тоном.— Вы могли бы передать ответ через линию фронта в посольском аэромобиле. Вы сможете капитулировать, прежде чем начнется стрельба!

Джаймтон отрицательно покачал головой.

— Вы отказываетесь?! — вскричал я.

— Вам лучше переждать здесь,— тихо проговорил Джаймтон.— Даже с посольскими флагами мобиль может быть обстрелян над боевыми порядками наших войск.— Он отвернулся от меня, словно собирался уходить.

— Куда ты? — закричал я, протягивая ему мнемо.— Поверь, это действительность!

Он остановился и внимательно посмотрел на меня. Затем подошел и сжал своими пальцами мою руку с мнемо. Я не ожидал, что в нем столько силы.

— Поверь мне, Там, что я все знаю... И еще, я хотел бы предостеречь вас, мистер Олин, чтобы вы не вмешивались больше ни во что! Мы выступаем.

Блек повернулся и ...

— Ты лжец! — я должен был остановить его и поэтому, схватив со стола солидограф, швырнул его на пол.

Френдлизец повернулся, как кот, и бросился к моим ногам собирать осколки.

— Вот что вы делаете! — крикнул я, указывая на них.

Он посмотрел на меня так, что я замер.

— Если бы не мои обязанности, то ...

Он умолк. Я увидел его глаза, впившиеся в меня. Это был убийца!

— Ты ...— спросил я медленно.— Ты не веришь мне?

— Что заставило тебя думать, что мнемо принудит меня изменить свои убеждения?

— Прочти! — прорычал я.— Брайт написал, что помощи не будет! И вам ничего не сказали из опасения, что капитулируете!

— Вот что ты понял!

— А что же еще? Что же другое можно было прочитать в этом приказе?

— То, как там написано,— он встал прямо, сверля меня глазами.— Вы прочитали это без веры, ньюсмен, отбросив имя и Волю Божью. Старейшина Брайт не писал, что мы покинуты. Он вверяет нас в руки нашего

Бога! А если нам не сообщили об этом, то только для того, чтобы никто не суетился и не надевал на себя венец мученика. Взгляните, мистер Олин, это написано черным по белому!

— Но он не это имел в виду. Не это! Кроме того, ведь он сам приказал, чтобы вам сообщили о прекращении поддержки. Но вам никто ничего не говорил. Значит, в его окружении ...

— Мистер Олин,— покачал головой Блек,— я не могу оставить вас в таком заблуждении.

Я всмотрелся в его лицо и заметил проблески симпатии к себе.

— Это ваша собственная слепота,— начал он,— сбивает вас. Вы ничего не видите, и поэтому верите, что человек не может видеть. Наш Бог — не имя. Вот почему в наших церквях нет украшений, которые создавали бы экран между нами и нашим Богом. Послушайте меня, мистер Олин. Церкви сами по себе ничего не значат. Наши Старейшины и Вожди, хотя и Избранные и Посвященные, являются не более чем простыми смертными. Никто не может поколебать нашу веру: ни люди, ни вещи, ни обстоятельства. Даже если то, что вы сейчас говорите, и имело место и наши Старейшины были бы горсткой тиранов, то вы не можете этого доказать! Допустим, это даже вам удалось бы каким-то немыслимым образом, но веру и надежду в наших сердцах вам так и не удалось бы убить! И даже если бы против нас выступили все легионы Вселенной, я все равно повел бы солдат на них и ничто не смогло бы остановить меня!

Он умолк и отвернулся. Постояв минуту, он вышел из комнаты.

Я стоял, не зная, что предпринять. Выбежав из комнаты, я уже не смог догнать Джеймтона.

Военный бронеавтомобиль уже трогался с места.

— Это верно для вас, ну, а для наших людей? — закричал я вдогонку.

Они могли и не услышать меня. Неудержимые слезы побежали из моих глаз. Но я продолжал кричать, что есть мочи:

— Ты убиваешь своих людей, чтобы доказать свою правоту! Ты убиваешь беспомощных людей!

Взлетающий бронеавтомобиль направлялся на юго-запад к ожидавшим его войскам. И мои слова эхом отразились от пустых зданий и деревьев.

Глава 28

Мне следовало бы уехать в космопорт, но я снова сел в аэромобиль, перелетел через линию фронта и оказался в штабе войск Грима.

Я совершенно не заботился о своей жизни. Здесь мы, вероятно, были

похожи сейчас с Джаймтоном. Думаю, что меня по крайней мере дважды обстреляли, несмотря на посольские флажки, пока я пересекал линию фронта.

Незнакомые люди окружили меня, когда я посадил машину возле командного пункта Грима. Пришлось предъявить им свои документы.

Меня провели к опушке небольшой дубовой рощи, и здесь, в тени огромного дуба, я увидел небольшую группу людей. Грим, Ладна и офицеры штаба наблюдали по приборам за перемещением своих войск и отрядов противника. Но громкая речь была вызвана поступающими данными из центра связи, находящегося тут же, невдалеке.

Солнце едва просвечивало сквозь густую крону деревьев. Был почти полдень, день стоял ясный и теплый. Никто не обратил внимания на меня. И только Джекол бросил холодный взгляд, продолжая заниматься своим делом. Но, должно быть, выглядел я довольно паршиво, потому что, оторвавшись от компьютера, он предложил мне стаканчик дорсайского виски.

— Спасибо,— поблагодарил я его, после того как одним махом опорожнил запотевшую рюмку.

— Не стоит,— капитан опять занимался своим делом.

— Джекол,— попросил я,— расскажите мне, что происходит.

— Смотрите сами.

— Я ничего не понимаю. Извините меня за то, что я предпринял против вас. Но ведь это моя работа — добывать новости. А меня хотели оградить ...

— Мне запрещено болтать с гражданскими,— начал было капитан, но тут его лицо просветлело.— Так и быть, ньюсмен. Я согласен, но только потому, что вы хороший боксер. Ваш «хук» правой был великолепен. Пошли.

Он подвел меня к смотровому экрану, где стояли Ладна и Кейси, рассматривая непонятные линии и значки.

— Это,— указал Джекол,— перед вами, ньюсмен, карта местности, на которой будут развертываться боевые действия. Вот это,— палец показал на две извивающиеся линии,— реки Макинток и Сарай. Там, где они сходятся, в десяти милях отсюда, находится Джозеф-таун. Вот эти холмы, как вы видите, как раз между реками. Хорошая позиция, чтобы обороняться, и плохая, чтобы наступать.

— Почему?

— Если вы туда попадете, то увидите, что здесь,— палец опять показал на извилистые линии рек,— высокие обрывистые берега, на которые нелегко взобраться, но откуда очень легко отбить любой десант. Кроме того, прямо перед холмами открытая, ровная местность, хорошо просматриваемая. И так до самого Джозеф-тауна. С другой стороны также довольно открытая местность и, проводя атаку, придется очень долгое время находиться под огнем противника. Поэтому-то мы и спешим. Мы занимаем лучшую позицию, лучше вооружены и превосходим

противника численно.

В голосах людей, стоящих вокруг нас, что-то изменилось. Мы повернулись. Все всматривались в экран видеофона. Мы протиснулись между двумя офицерами и увидели на экране лужайку, поросшую травой. В центре холма возле длинного стола развивался френдлизский флаг. Возле стола было много стульев, но сидел лишь один френдлизский офицер.

Местность была довольна живописна. Лужайка, поросшая по краям цветущими кустами псевдосирени, окаймленная высокими темно-зелеными «дубами», выглядела на экране очень красиво.

— Я знаю это место,— начал было я объяснять Джеколу.

— Тихо!— приказал он.

И тут я услышал, что перед нашей группой говорил только один голос.

— ... стол переговоров.

— Они вызвали? — послышался голос Кейси.

— Нет, сэр,— произнес первоначальный голос.— Они просто передали в эфир этот видеосюжет без комментариев. Похоже, что это все же «стол переговоров».

— Похоже! — согласился Кейси.

— Придется идти.

Я протиснулся через толпу и, увидев уходящих Кейси и Ладну, бросился вдогонку. Послышался крик Джекола, но я не обратил на него никакого внимания. Я был уже возле них, когда, услышав крики, они обернулись.

— Я пойду с вами,— предложил я без всяких предисловий.

— Если так хотите,— согласился сразу же Кейси,— то, пожалуйста. Оставьте его нам, Джекол,— сказал он подбежавшему капитану.

— Есть, сэр,— только и мог сказать капитан Марат.

Когда мы остались втроем, Кейси повернул ко мне голову и спросил:

— Почему вы хотите идти со мной, мистер Олин?

— Моя работа требует от меня смелости, командующий.

— Тогда пошли,— усмехнулся тот и повернулся к Ладне:— Надеюсь, ваша работа не требует от вас смелости?

— О, нет,— серьезно проговорил священник.— Мне, пожалуй, лучше будет остаться.— Ладна повернулся ко мне.— Удачи вам, мистер Олин,— сказал он и ушел.

Мы проделали недолгий путь до холма на бронированной платформе. Возле возвышенности нас остановил патруль Экзотики. Кейси вылез из вездехода и ответил на приветствие начальника патруля.

— Вы видели стол переговоров, лейтенант? — задал вопрос Грим.

— Да, сэр. Тот офицер все еще там.

— Хорошо. Будьте здесь со своими людьми. Мы с ньюсменом пойдем и посмотрим.

Мы пошли, пробираясь сквозь кусты и деревья, пока не оказались ярдах в пятнадцати от фигуры в черном.

— Что вы думаете обо всем этом? — спросил Кейси, вглядываясь в происходящее на лужайке.

— Почему его не подстрелят?

Он посмотрел на меня свысока.

— Чтобы его застрелить, много ума не надо. Но меня интересует другое. Вы ведь совсем недавно видели командующего Френдлиза. Если это настоящий стол для переговоров, тогда я спрашиваю вас: Блек готов капитулировать?

— Нет! Он был против капитуляции.

— М-да ...— покачал головой Кейси.

— Но почему вы думаете, что Блек готов капитулировать, сэр? Когда я был в расположении войск Френдлиза ...

Кейси знаком руки остановил меня.

— Стол переговоров обычно служит для проведения разговора об условиях сдачи!

— Но они же не просили вас о переговорах! Они просто передали эту картинку в эфир!

— Да,— согласился генерал.— Но могло же быть так, что просьба о помощи противоречит его принципам ... А так может получиться, что мы случайно обнаружили друг друга за столом переговоров.

Он повернулся и сделал знак рукой. Лейтенант, ожидавший нас поблизости, тут же оказался рядом.

— Сэр?

— Поблизости есть френдлизцы?

— Четверо. Наши приборы различают их довольно четко. Да они и не пытаются прятаться. Больше никого.

— Лейтенант, будьте так добры, подойдите к этому френдлизцу и спросите, что ему надо.

— Слушаюсь, сэр.

И он побежал к центру лужайки.

Они стояли лицом друг к другу и о чем-то разговаривали. Затем лейтенант повернулся и пошел к нам.

Он встал перед Кейсом и отдал честь.

— Командующий!— проговорил он.— Командующий избранными войсками Господа желает встретиться с вами для обсуждения условий капитуляции.

— Благодарю, лейтенант,— кивнул Грим.— Думаю, мне надо сходить.— Вы,— обратился он к патрульному,— держите здесь своих людей наготове. Если Блек хочет сдаваться, я буду настаивать, чтобы он немедленно явился на встречу.

— Слушаюсь, сэр,— лейтенант снова отдал честь.

— Возможно, он захочет, чтобы сведения о капитуляции немедленно дошли до его солдат...

— Сэр!— подал я голос.— Но Блек не собирается сдаваться! Ведь я только недавно беседовал с ним об этом.

— Мистер Олин,— повысил голос Грим.— Полагаю, что вам вместе с лейтенантом лучше остаться здесь. Отсюда вы все равно все увидите.

— Ну нет, генерал,— усмехнулся я.— Я иду с вами. Если это настоящие переговоры, там не будет опасно. Если же это не так, то зачем же вам туда идти?

Кейси странно посмотрел на меня.

— Хорошо. Пошли.

Мы вышли из-под деревьев. Когда мы подошли к столу, там уже были четыре фигуры в дополнение к уже бывшему там прежде офицеру. Очевидно, это были те, о ком лейтенант говорил, что они находятся под прикрытием деревьев. Там же находился и Джаймтон.

Генерал и полковник приветствовали друг друга.

— Полковник Блек? — спросил Грим.

— Да, командующий Грим,— отозвался френдлизец.— Я пригласил вас для встречи.

— С удовольствием принимаю ваше предложение, полковник.

— Я желал бы обсудить условия сдачи,— медленно произнес Джаймтон.

— Я могу предложить вам,— начал Кейси,— обычные условия, оговариваемые Кодексом Наемников ...

— Вы не поняли меня, генерал,— перебил его Блек.— Я пришел сюда, чтобы обсудить вашу капитуляцию.

Флаг, развевающийся возле стола, затрепетал.

Внезапно я обратил внимание на угрожающую неподвижность черных фигур.

— Боюсь, что вы ошибаетесь, полковник,— усмехнулся Грим.— Я занимаю более выгодную позицию, и ваше поражение неизбежно.

— Так вы отказываетесь капитулировать?

— Да! — строго ответил Кейси.

И в этот момент я увидел, чтто ровная линия черных фигур сломалась.

— Осторожней,— крикнул я, но было слишком поздно.

И тут я впервые увидел в деле человека с Дорсая.

Реакция Кейси была такой быстрой, что казалось, будто он читал мысли Джаймтона. Когда руки френдлизцев еще только тянулись к кобурам, Грим уже летел над столом с пистолетом, зажатым в руке. Казалось, он вонзился в первого френдлизца — они оба кубарем полетели на землю. Но если Кейси поднялся и продолжал свое стремительное движение, его противник так и остался лежать на земле. Не обращая внимания на пораженного противника, он с ходу выстрелил и, упав, покатился по земле.

Френдлизец справа от Джаймтона упал. Блек и еще двое попытались перехватить Кейси, но их оружие еще не было нацелено на дорсайца. Кейси резко остановил свое дыхание, словно наткнулся на каменную стену. Он вскочил на корточки и этим напомнил мне напряженного дикого

зверя, уже готового к прыжку. На какую-то долю секунды он замер и дважды выстрелил. Еще двое френдлизцев, нелепо взмахнув руками, попадали в траву.

Теперь Джаймтон стоял лицом к лицу с Кейси, с наведенным на того оружием. Он выстрелил, и воздух пронзила голубая вспышка. Но Кейси успел в последнее мгновение прыгнуть в сторону. Лежа на боку в траве, он еще дважды успел выстрелить из своего пистолета.

Бластер Блека в его руке поник. Джаймтон повернулся, покачнулся и попытался свободной рукой ухватиться за край стола. Он попытался овладеть непослушным оружием, но не смог, и бластер бесшумно упал в траву. Пытаясь перенести вес тела на руку, которая опиралась на край стола, Блек повернулся ко мне лицом. Он все еще владел своей мимикой, но в его глазах уже возникло непередаваемое выражение, которого я никогда прежде не видел. Что-то подобное тому, что появляется на лице триумфатора, который только что одержал победу и которому больше уже ничего не угрожает! Слабая улыбка пронзила кончики его губ. Улыбка внутреннего триумфа...

— Там,— прошептал он. Затем жизнь ушла из его тела и он рухнул на стол.

Близкий взрыв потряс землю. С вершины холма патрульный лейтенант, которому Кейси приказал быть поблизости, выстрелил дымовой шашкой, которая, взорвавшись, скрыла нас от наблюдения врагов. Дымовая завеса плыла в голубом небе, и под ее защитой мы с генералом начали отходить. Все закончилось. Но мне навек запомнилась мертвая, слабая улыбка на лице Джаймтона.

Глава 29

Я наблюдал церемонию капитуляции войск Френдлиза. Их командование пришло к выводу, что даже Старейшие не могли бы упрекнуть офицеров в принятии такого решения. Даже Блек не мог уже приказать им умереть, так как командующий погиб. Командующий, который досконально знал ситуацию. Войска лишились управления, головы, и при превосходстве противника по всем параметрам их смерть в глазах всего человечества была бы совершенно бессмысленна. Но этому я не радовался. Для меня уже ничего не оставалось. НИЧЕГО!

Если бы Джаймтон преуспел в деле убийства Кейси — даже если бы в результате этого он добился капитуляции войск Экзотики,— я мог бы кое-что извлечь из этого эпизода. Но он только попытался и... погиб.

Я отправился назад на Землю в прострации, непрерывно мучая себя вопросом «почему»?

Вернувшись, я сказал своим коллегам, что болен. Они лишь взглянули на меня и сразу поверили. Я бросил работу и засел в библиотеке Службы Новостей, изучая редкие материалы из истории Френдлиза, Дорсая и Экзотики. Для чего? Я не знал. У меня было чувство солдата, приговоренного к смерти за невыполнение боевого задания. В одной из сводок новостей я неожиданно наткнулся на заметку, в которой сообщалось, что тело Джаймтона отправлено на Гармонию для погребения, и я внезапно понял, что ожидал этого! Противоестественного чествования фанатика фанатиками. Фанатика, который с четырьмя подручными пытался подло убить вражеского командира, убить, прикрываясь парламентским флагом. Об этом можно было бы и написать ...

Я наскоро собрал документы и вылетел на Гармонию.

По пути мне пришло поздравление Пирса Лифа в связи с избранием меня в Совет «Гильдии» — и это привело меня в отличное расположение духа. Оказывается, не все так плохо, как могло показаться на первый взгляд.

Через несколько дней я был уже в том самом городишке — Поминание Господа,— в котором я уже имел счастье встречать Блека.

Я направился в церковь, куда двигались все люди в темных, скорбных одеждах. Интерьер церкви был бедным, лишенным каких-либо украшений: без окон и каких-либо архитектурных излишеств. Через простое, круглой формы отверстие в потолке свет падал на тело Джаймтона, которое лежало на площадке, очевидно, отведенной для подобных случаев. Тело до подбородка было накрыто темным полотенцем. Я пристроился за линией людей, медленно двигавшихся, чтобы проститься с телом. Справа и слева от цепочки людей стояли в мрачном молчании служки. Было довольно темно. Музыки не было, лишь тихий шепот молящихся голосов нарушал однообразную тишину. Как и Джаймтон, люди здесь были смуглыми. Темные в темном, они двигались и исчезали в темноте.

Наконец, я очутился возле Блека. Он выглядел так, как я его помнил. Казалось, смерть не имела власти над ним. Он лежал на спине, его руки были сложены по бокам, губы плотно сжаты.

Несмотря на темноту, в тот момент, когда я отходил от тела, я вдруг почувствовал, что за мной наблюдают. Резко повернувшись, я встретился с глазами с девушкой, которую однажды уже видел ... видел в солидографе Джаймтона. На мне не было гильдийской формы — не имело смысла афишировать себя в этом мире. В тусклом блеске свечей, стоящих у изголовья гроба, лицо девушки напоминало мне лик с иконы Старой Земли.

— Вы были ранены,— обратилась она ко мне мягким голосом,— вы, должно быть, один из тех наемников, которые знали брата еще по Нептуну, перед тем, как его отозвали на Гармонию. Мои родители были бы рады встретиться с другом их сына ... Это их утешит, хотя ...

Ветер пронесся между нами, и ледяной холод пробрал меня до костей.

— Нет,— пробормотал я,— нет, я не знал его. Я никогда не знал вашего брата.

Резко повернувшись, я направился к выходу. Я почти бежал. Но, пройдя футов пятьдесят, внезапно понял, что обращаю на себя взгляды. Замедлив шаг, я оглянулся. Девушка уже потерялась среди фигур. Подойдя к выходу, я отошел в сторону и стал внимательно разглядывать толпу людей в черных одеждах со склоненными головами, медленно выходящих из церкви и непрестанно шепчущих молитвы тихими голосами. Я стоял, и голоса медленно убаюкивали мой разум.

Внезапно в мой мир ворвался взволнованный голос девушки:

— ... он отрицал, что был знаком с братом. Думаю, что это один из тех наемников, которые были с Джаймтоном еще на Нептуне...

Я очнулся и увидел стоящую в нескольких футах от меня девушку, обращавшуюся к какому-то мужчине. Она повернула голову, и ... наши взгляды опять встретились.

— Нет,— почти прохрипел я.— Я же сказал, что не знал его. Я не понимаю, о чем вы говорите.

Почти ничего не соображая, я бросился вон, расталкивая людей.

Пробежав порядочный отрезок, я немного успокоился, не слыша за собой шум погони. Я остановился и огляделся.

Я был один. Дождь, который едва накрапывал, когда я только заходил в церковь, теперь стал сильнее. Стемнело. Я не заметил, как возле меня остановился автомобиль.

— Итак,— раздался голос за моей спиной,— вы не знали его?

Эти слова парализовали меня. Как затравленный волк, я захрипел:

— Да, я знал его! Что вы хотите еще от меня?— я обернулся.

Передо мной стоял Ладна в своей голубой одежде, так и не тронутой, казалось, дождем. Его руки, никогда не знавшие оружия, были сжаты. Но моя волчья сущность знала, что он охотник и очень хорошо вооружен.

— Вы? Что вы здесь делаете?

— Наши вычисления показали, что вы будете здесь, Там,— мягко сказал Ладна.— Поэтому-то я и приехал сюда. Но почему вы здесь? Среди этих людей, где найдется по крайней мере несколько фанатиков, слышавших лагерные сплетни о вашей причастности к смерти Блека и капитуляции Френдлиза?

— Слухи? Кто распространяет их?

— Вы своими действиями на Св.Марии сделали все, для того чтобы ... Разве вы не знали, как рискованно для вас приезжать сюда?

Я открыл было рот, но тут же закрыл его, так как понял, что он все знает.

— Что, если кто-то скажет им, что Там Олин, журналист, освещавший события на Св. Марии, присутствует здесь инкогнито?

Я мрачно посмотрел на священника.

— Но если вы это сделаете, то как же ваши принципы? — усмехнулся я.

— О, можете не беспокоиться!

Но мне уже не было страшно, лишь какое-то тяжелое чувство тяготело надо мной.

— Зовите их, — захохотал я.

Ладна странно посмотрел на меня.

— Если бы я этого хотел, то зачем бы мне было сюда приезжать? Достаточно было бы только одного слова!

— Но почему же вы тогда здесь? Какое вам и всей вашей Экзотике дело до меня?

— Мы заботимся о всей расе. А вы все еще опасны для нее. Вы непересубежденный идеалист, Там, наделенный разрушительной способностью, которая в полной мере проявилась на Святой Марии. Что если повернуть нашу способность против вас же, чтобы уберечь всю расу людей?

Я рассмеялся и услышал горечь в своем смехе.

— Что вы намерены делать?

— У меня есть для вас новость, Там. Кейси Грим — мертв!

— Мертв?

— Его убили трое из Голубого Фронта пять дней назад.

— Убили? — прошептал я.— Почему?

— Потому что война была закончена,— пояснил Ладна.— Потому что смерть Джаймтона и капитуляция войск Френдлиза устранили обычные тяготы войны, ложащиеся на плечи гражданского населения, и тем самым лишили Голубой Фронт возможности получить всеобщую поддержку населения Св. Марии. Голубой Фронт надеялся, что убийство Кейси Грима повлечет за собой действия со стороны его солдат против гражданского населения этой планеты, а это в свою очередь повысит престиж этой оппозиционной партии.

Я смотрел на священника.

— Все вещи взаимосвязаны,— продолжал Ладна.— Если бы вы не вошли в конфликт с Блеком на Святой Марии и он не проиграл бы, Кейси остался бы жив!

— Что? Что вы такое городите?

— Это показывают наши вычисления, Там!

— Джаймтон и я? — в горле у меня стало сухо.

— Да,— кивнул головой Ладна.— Вы стали фактором, который помог Джаймтону Блеку принять решение.

— Я ... помог ему? Я?

— Он все понял, благодаря вам. Он все увидел сквозь призму вашего желания отомстить. Разрушительная сущность ваших мыслей, Там, настолько глубоко укоренилась в вас, что даже ваш дядя вряд ли смог бы уничтожить ее.

Дождь шумел вокруг нас. Но каждое слово Ладны четко доносилось до меня.

— Я не верю вам! — закричал я.— Я не верю, что это я толкнул его на убийство!

— Говорю тебе,— покачал головой Ладна,— что ты не вполне представляешь себе эволюцию наших «осколочных» культур. Вера Джаймтона не была разновидностью чего-то такого, что можно было бы легко разрушить внешним вмешательством! Если бы ты излагал факты, как твой дядя Матиас, Джаймтон даже не прислушался бы к тебе. Он бы просто начал избегать тебя, как бездушного человека. На самом же деле он начал прислушиваться к тебе, как к человеку, говорившему голосом Сатаны!

— Я не верю этому! — завопил я.

— Поверишь! У тебя нет другого выхода. Слушай дальше, мальчик. Джаймтон только так мог найти решение!

— Решение?

— Это был человек, способный умереть за веру. Но, как командир, он решил, что слишком тяжело заставлять своих подчиненных умирать по той же причине. Ты предложил ему то, что он распознал как «выбор дьявола». Что значила бы его жизнь в этом мире после капитуляции его веры и людей? Он уклонился от конфликта, разрешением которого могла стать смерть его или его подчиненных!

— Что за безумец выдумал все это?

— Не безумец, Там, отнюдь, не безумец. Когда он понял это, его ответ стал очевиден. Все, что он должен был сделать,— это отвергнуть предложение Сатаны. И он пришел к абсолютной необходимости своей смерти.

— Я спрашиваю вас, преподобный отец, о решении, но разве оно было единственным?

— Да, это было единственное решение,— кивнул Ладна.— Он пришел к выводу, что только одно может заставить его людей капитулировать, и вы это знаете!

Эти слова повергли меня в шок.

— Но ведь он не собирался умирать!

— Он отдался в руки своему Богу. Он понимал, что только чудо может спасти его.

— Что вы несете? — возмутился я бессильно.— Он предложил переговоры и взял четверых...

— Разве он давал вам сообщение о переговорах? А его люди были мучениками!

— Он взял четверых!— захлебываясь, орал я.— Четыре и один — пять! Пятеро против одного Кейси! Одного! Я стоял и все видел. Пятеро против ...

— Там!

Слово остановило меня. Внезапно я испугался. Я ничего больше не хотел слышать об этом. Я боялся, что он может еще что-то сказать мне. Я знал, что это будет, и только сильное нежелание знать это заставило меня перечить ему.

Голос Ладны приглушенно дошел до меня.

— Неужели ты мог подумать, что Блек за минуту поглупел? Он был продуктом «осколочной» культуры. Он распознал в Кейси другого ее представителя. Неужели ты думаешь, что он верил, будто чудо свершится? Что он, даже с четырьмя неистовыми фанатиками, сможет захватить врасплох и убить вооруженного, настороженного и готового ко всему человека с Дорсая ... Убить, когда их оружие даже не было наведено на него. Пойми, что они сами себя убили! Они сами пошли на это!

Сами... сами ... сами ...

Я не замечал ни дождя, ни грома. Но вот я очнулся и вспомнил.

С самого начала я внутренне понимал, что фанатик, который убил Дэйва, не был обобщенным экземпляром всех френдлизцев. Джаймтон не был обычным убийцей, хотя и пытался себя убедить в противоположном. Но теперь ложь разоблачена! Джаймтон не был обычным фанатиком, так, как Кейси не был обычным солдатом, а Ладна — философом. Они были чем-то большим, чем людьми в земном смысле этого слова. Вот почему, когда я пытался навязать им свою волю, у меня не получилось ничего.

Высокогорная, каменистая почва Дорсая, Френдлиза, да и других миров, была землей, взрастившей их всех, не знавших прямой лжи и метаний.

Они были отлиты из чистого металла «осколочных» культур. И их сила шла от этого металла. Они не знали ошибок. И это искусство ума и тела делало их непобедимыми. Людей, подобных Кейси, никто не мог победить. Никто не мог сокрушить веру людей, подобных Блеку.

Даже если бы армия отступила, Кейси остался бы на своем посту и исполнял бы свой долг до конца. Он дрался бы один с целой армией. Она могла бы убить его, но не победить!

Они шли вверх по этой горной каменистой земле — все: Дорсай, Френдлиз, Экзотика... И я был достаточно глуп, чтобы попытаться остановить их. Неудивительно, что я потерпел поражение, как всегда и предсказывал Матиас. У меня никогда и не было надежды победить...

Поэтому я возвращался назад, к действительности, как человек, колени которого гнутся под собственным весом.

— Дайте мне уйти,— промямлил я.

— Куда?

— Куда-нибудь,— пробормотал я.— Я уйду куда-нибудь, только бы уйти ...

— Это нелегко,— покачал головой Ладна.— Ты не можешь уйти отсюда сейчас. Ты можешь только поменять сторону.

— Сторону? — переспросил я.— Что за сторона?

— Сторону, которая заставляет человека идти против своей эволюции,— сторону твоего дяди. Поменять на эквивалентную сторону, которая является нашей. Должен тебе сказать, что полотно человеческого будущего должно быть соткано, и этому необходимо помочь. Тебе следует поменять русло, Там, не препятствовать эволюции, а помогать ей.

Я покачал головой.

— Нет,— пробормотал я.— Ничего не выйдет. Вы видели, что я двигал небеса и землю, двигал политиков всех четырнадцати миров Джаймтона — а он победил! Я больше ничего не хочу делать. Оставьте меня!

— Даже если я оставлю тебя, все равно ничего не изменится,— ответил Ладна.— Открой глаза, Там, и посмотри на вещи так, как они есть. Послушай. Силой, которая вмешивалась в естественный ход событий на Святой Марии, был ты! Ты был блокирован направлением приложения собственных усилий, но концентрированная энергия не может быть блокирована. Когда ты попытался изменить ход событий и противостоять Джаймтону, твоя сила не была уничтожена. Она трансформировалась в другого индивидуума, тоже понесшего тяжелую утрату.

Я сжал губы.

— Кто это?

— Ян Грим! Он нашел убийц своего брата, скрывавшихся в одном из отелей Блаувейна, и убил их голыми руками. Этим он успокоил наемников и сорвал планы Голубого Фронта. Затем Ян разорвал контракт с Экзотикой и вернулся домой на Дорсай. Он сильно изменился. Его гложет горечь тяжелой утраты, как и тебя, наверное ... Теперь Ян Грим обладает огромным потенциалом. Как это отразится на модели будущего, мы еще увидим.

Ладна снова внимательно уставился на меня.

— Видишь, Там, никто кроме тебя не может так влиять на течение событий! Повторяю, ты должен и можешь измениться! Так же, как Джаймтон изменил ход событий на Святой Марии и тем самым спас своих людей.

Все было верно. Я не мог отрицать этого. Джаймтон отдал свою жизнь за веру. А я верил лишь в свои планы!

— Это невозможно,— начал я слабо протестовать,— у меня нет сил сделать что-либо. Я же говорил вам, преподобный отец, что все силы противопоставил Джаймтону, а он победил.

— Но Джаймтон был искренен в своей вере, а ты сражался против своей натуры, думая, что борешься с ним. Подумай хорошо, мальчик, и ты поймешь, что у тебя нет другого пути.

Я смотрел в его магнетические глаза.

— Мы вычислили эту возможность. Поэтому-то я здесь. И все еще жду вас, мистер Олин. Вспомните, как в кабинете Торра вы попали под мой гипнотический взгляд.

Я кивнул.

— Но это был не гипноз,— объяснил священник.— Или, скорее, не совсем гипноз. Я просто пытался помочь вам открыть канал между двумя частями вашего «я». Той, что вы знаете, и той, что скрыта от вас завесой. Хватит ли у вас, мистер Олин, мужества помочь мне сделать это еще раз?

Его слова витали в воздухе. Я видел солнце, пытавшееся пробиться сквозь облака. Только небольшой коридор света проникал сквозь них. Казалось, что это был путь для нас. События последних лет промелькнули передо мной. Я думал о молниях, которые видел в тот раз, и слабость просачивалась в меня, пробуждая чувство безнадежности. Я не был достаточно силен, чтобы повторить еще раз тот эксперимент. Может быть, и никогда не смогу...

— ... он был солдатом народа, который является Народом Бога и Солдатом Господа,— донесся до нас голос из храма,— и все, что ему приказывал Господь, он выполнял искренне и изо всех сил, полагаясь при этом лишь на одного Господа и его Мощь! И теперь он уходит в Его обитель, где найдет вечный покой и радость ...

Внезапно я захотел домой, на Землю. И это было таким сильным чувством, что я забыл обо всем. Слова навеяли на меня какой-то гипноз, и я стал двигаться в такт им, подчиняясь ритму толпы, выходящей из церкви.

— Вперед! — услышал я.

И увидел Его палец, направленный на меня.

И я упал в темноту — в темноту и ярость. Упал в пропасть, где ничего не было. Но постепенно я начал различать, что темнота затянута пеленой темных клубящихся облаков. Тут царил настоящий хаос, завесы облаков, которые окружали меня, дико вращаясь ...

Это был мой внутренний шторм, шторм моего сознания. Это была внутренняя ярость нетерпения, жажды мести и разрушения, которые я нагромождал в себе все эти годы. И как я направлял силы эти против других, так они вливались в меня, обращаясь против меня же, толкая меня все ниже и ниже, все дальше и дальше в темноту от света. И чем ниже я опускался, тем эта сила становилась больше, чем моя. Я падал все ниже и ниже, становясь все слабее. Но что-то во мне препятствовало этому, заставляло бороться и сопротивляться. И я понял, что это.

Это было то, чего Матиас не мог убить во мне, даже когда я был ребенком. Это была вся земля и ее страдающее и борющееся человечество. Это был Леонид и его три сотни спартанцев, это были отважные израильтяне, перед которыми расступилось Красное море. Это был Парфенон и мрачная темнота дома моего дяди. Все это было во мне — мятежный дух всех людей земли. Внезапно мой размазанный по истории дух, погруженный во тьму, собрался для дикой ярости. Потому что я увидел выход для себя. Тот высокогорный каменистый островок, где воздух чист и свеж. Во мне возрождалась вера.

В результате своего поражения я перестал верить в свои силы. Но поражение еще не означало, что они иссякли. Они были во мне, прячась, укрываясь, но были!

Теперь я видел это совершенно отчетливо. И звон, подобный колокольному, звучавший когда-то в голосе Марка Торра, привел меня к триумфу. И голос Лизы, которая, как я видел теперь, понимала меня

лучше, чем я сам. Я знал, что она никогда не покинет меня. И как только я подумал о ней, я стал слышать их всех.

Миллионы биллионов галдящих голосов — с тех пор, как первый человек встал и пошел на подгибающихся ногах. Они были уже вокруг меня в тот день, в Точке Перехода Индекс-комнаты. И они подхватили меня, как крылья, неся, придавая мужества, которое было родственно мужеству Кейси, возвращая веру, родственную вере Джаймтона, раскрывая мудрость, родственную мудрости Ладны.

Вместе с ними страх и подозрительность, привитые Матиасом, оставляли меня раз и навсегда. Корень рода, базовый род, земной человек, к которому принадлежал я, был частью их на молодых мирах. Поэтому я вырвался из темноты на свет — в место молний, закончивших свою битву искренних людей против древней, враждебной темноты, которая сохранилась в нас от животных.

И я увидел Ладну, источавшего свет и обращавшегося ко мне.

— Теперь ты видишь, почему Энциклопедия нуждается в тебе! Только Марк Торр способен был вести ее дальше, только ты сможешь закончить его работу, потому что большая часть землян не в состоянии видеть будущего. Ты своим видением проложишь мостик меж молний, мостик между Основной Столбовой Культурой и Осколочными Мирами! Ты поможешь «осколочным» культурам вернуться назад и на основе базового создать нового, более совершенного человека.

Взгляд Ладны стал мягче. Он слегка улыбнулся.

— Ты увидел больше, чем я, Там. А сейчас прощай.

И тут без какого-либо предупреждения я увидел это. Увидел Энциклопедию и понял, что только это является единственной реальностью. Знания об этом стали возникать у меня в голове. Формы и методы, которыми я буду руководствоваться, будут в корне отличаться от применявшихся Марком Торром. Я уже знал это. Я сохраню его имя, как наш символ и буду продолжать следовать его плану. Сам же стану лишь одним из руководителей Проекта и таким образом освобожусь от необходимости находиться в помещении Марка Торра. Я останусь свободным, передвигаясь по Земле, даже руководя борьбой против тех, кто попытается помешать нам. Я уже видел, в каком направлении необходимо двигаться.

Ладна собирался уезжать. Я не мог позволить ему уйти. С усилием оторвавшись от будущих планов, я сказал:

— Подождите!

Священник остановился и повернулся, ожидая, что я скажу.

— Вы ...— голос мой сорвался.— Вы не отказывались ... Вы верили в меня все это время?..

— Нет,— покачал он головой.— Я всегда верил результатам своих вычислений.— Ладна слегка улыбнулся.— А мои вычисления не оставляли надежды для вас. Даже в геометрическом месте точек на вечере Донала Грима на Фриленде возможность вашего спасения была ничтож-

ной. Даже на Маре, когда вы были там, вычисления не предоставляли вам ни единого шанса.

— Но ... вы ... оставались ...

— Не я. И никто из нас. А только Лиза. Она никогда не отказывалась от вас, Там. Даже после того, как вы оттолкнули ее на вечере у Грима, и когда вы появились на Маре, она настояла, чтобы мы эмоционально привязали ее к вам.

— Привязали? — это слово не имело смысла.

— Она связана с вами эмоционально. Это не влияет на вас, но если она потеряет вас, этот урон будет для нее невосполнимым. Больше, чем потеря Кейси для Яна Грима.

— Я не ... понимаю ... Это совсем ... Будьте добры, тогда ...

— Никто не мог предугадать такого хода событий. Только Лиза сможет сказать вам что-либо по этому поводу.

Ладна повернулся, дошел до машины, сел и, повернувшись ко мне, попрощался.

— До свидания,— сказал он и уехал.

Я шел и хохотал, потому что понял, что я мудрее его. Никакие расчеты не могли сказать ему, почему Лиза привязала меня к себе и тем самым спасла меня.

Я вновь почувствовал свою любовь к ней. А для спасения этой любви я должен был жить.

Почему я не пошел, когда она звала меня?

Сейчас ничего не изменилось вне меня. Изменился я сам! Я снова громко расхохотался. Сейчас я видел цель, которой раньше так недоставало.

«РАЗРУШЕНИЕС — ОЗИДАНИЕ»

СОЗИДАНИЕ — ясный и четкий ответ, который я искал все эти годы. Теперь, подобно одному чистому куску металла, откованного и свободного от примесей, я ясно представил себе истинную цель жизни.

Я сел в автомобиль, набрал код космопорта и, открыв окно для того, чтобы ветер обдувал мое разгоряченное лицо, тронулся в долгий путь. Уже отъезжая, я услышал песню. Это был Боевой Гимн Солдат Френдлиза. Хотя я уносился прочь, голоса, казалось, преследовали меня.

Солдат, не спрашивай, как и что,
Там, где война, твое знамя вьется.
Орды врагов идут на нас.
Смелее воюй — и счастье найдется!

Но на далеком расстоянии голоса стали постепенно глохнуть. Облака впереди меня рассеивались, и робкие лучи солнца все смелее и смеле проглядывали сквозь них. Облака напоминали мне знамена армий, двигающихся вперед...

Я следил за ними все это время ... и вспоминал их во время космического рейса.

До тех пор, пока в один солнечный день не увидел ожидавшую меня Лизу.

НАЕМНИК

ПРОЛОГ

Острый, маслянистый запах бил в ноздри, непрерываемый шум оглушал. Сотни тысяч человек прошли через космопорт. Их запах пропитал погрузочный зал и сливался с гомоном очередных жертв, втиснутых за ограду.

Длинное и узкое помещение. Выкрашенные белым бетонные стены, скрывавшие яркое флоридское солнце, потускнели от пленки налипшей грязи, которую не удалили рабочие-арестанты Бюро Перемещения. С потолка изливали яркий холодный свет люминесцентные панели.

И запах, и звуки, и свет сплетались с его собственными страхами. Его место было не здесь, но он никого не мог в этом убедить. Все, что он говорил, терялось в непреклонной грубости выкрикнутых приказов, рычании угрюмых охранников-капо в решетчатых загородках, тянувшихся рядами вдоль всего зала; в низком гуле испуганных людей, маршировавших вперед, к кораблю, который увезет их из Солнечной Системы навстречу неизвестной судьбе.

Одни колонисты бушевали и сопротивлялись, другие сдерживали ярость до тех пор, когда ее можно будет использовать. Серолицее же большинство плелось вперед без всяких эмоций, находясь по ту сторону страха.

На бетонном полу были начертаны красные полосы и колонисты старательно оставались в их пределах. Даже дети научились сотрудничать с охранниками Бюрпера. В колонистах была какая-то одинаковость: одетые в поношенную одежду из Благополучной ткани, усеянной одноразовыми украшениями, выброшенными налогоплательщиками и собранными со складов вторсырья, или выклянченных в Миссии какого-нибудь благополучного округа.

Джон Кристиан Фалькенберг знал, что он не выглядел очень уж похожим на типичного колониста. Выросший в бандитском районе, в свои пятнадцать лет он приближался к шести футам роста, но худоба указывала на то, что он еще не исчерпал отпущенных ему природой пределов роста, так что никто бы не принял его за мужчину, как бы сильно он ни пытался себя вести как таковой.

Прядь волос песочного цвета спадала юноше на лоб, угрожая ослепить его, и он нервным жестом машинально смахнул ее. Осанка

и поза отделяли его от других, так же как и почти комически серьезное выражение лица. Одежда тоже была необычной: новой, хорошо пригнанной и явно не бывшей в употреблении. На нем был и парчовый френч из настоящей шерсти и хлопка, ярко пылающие брюки, новый пояс и кожаная сумка-планшет на левом боку. Его одежда стоила больше, чем мог себе позволить его отец, но здесь от нее было мало проку. И все же он стоял, высокий и прямой, вызывающе сжав губы.

Джон шел вперед, чтобы сохранить свое место в длинной очереди. Его чемодан — обычный космический саквояж без ярлычков, лежал перед ним, но он предпочитал пинком поддавать его вперед, чем нагибаться и поднимать. Он думал, что наклоняться выглядело бы недостойным, а достоинство было всем тем, что у него оставалось.

Впереди находилась семья из пяти человек: трое визгливых детей и их апатичные родители, возможно, подумал он, и не родители. Семьи граждан никогда не были стабильными. Агенты Бюрпера набирали свою квоту где придется и как придется, а их начальство редко заботила личность тех, кого они нахватали.

Беспорядочная толпа неуклонно продвигалась к концу помещения. Каждая очередь заканчивалась у решетчатой клетки, где находился лишь стол из пластистали. Очередная семейная группа заходила в клетку, двери закрывались и начиналось собеседование.

Скучающие чиновники-кало, ведавшие распределением, едва слушали своих клиентов, а колонисты не знали что сказать. Большинство ничего не знало о планетах вне земной системы. Немногие знали, что на Танит было жарко, на планете Фульсона было холодно, а на Спарте жить тяжело, но зато там свобода. Некоторые понимали, что Хэдли обладала хорошим климатом и находилась под милостивой защитой «Американ Экспресс» и министерства колоний. Для приговоренных к транспортации без ограничений, знание столь малого могло бы сделать большую разницу в их будущем; большинство не знало и отправлялось на жаждущие рабочей силы горнодобывающие и сельскохозяйственные планеты, или в Танитский ад, где их уделом будут каторжные работы, чтобы там ни гласил их приговор.

Пятнадцатилетний мальчик — он любил считать себя мужчиной, но знал, что многие из его эмоций были мальчишескими, как бы упорно он ни старался их контролировать — почти достиг клетки собеседования. Он почувствовал отчаяние.

Коль скоро он пройдет собеседование, его запихнут в Бюрперский транспортный корабль. Джон снова повернулся к охраннику в серой форме, стоящему позади защитного ограждения в виде большой сети.

— Я все пытаюсь объяснить вам, что произошла ошибка! Мне не...

— Заткнись,— ответил охранник. Он угрожающе двинул своим ультразвуковым станнером с дулом в форме колокола.— Это для

всех ошибка, верно? Всем здесь не место. Скажи это собеседователю, сынок.

Губа Джона искривилась, он хотел наброситься на охранника, чтобы заставить его выслушать. Он боролся с собой, чтобы удержать подымающийся поток ненависти.

— Черт вас побери, я...

Охранник поднял оружие. Семья граждан впереди Джона сбилась в кучу, толкаясь вперед, чтобы убраться подобру-поздорову от этого бешеного парнишки, который мог всех втравить в неприятности. Джон покорился и мрачно поплелся в очередь. Телекомментаторы говорили, что глушилки были безболезненными, но Джон не горел желанием испробовать их на себе. Телевизионщики много чего говорили. Они говорили, что колонисты были добровольцами, и они говорили, что Бюро Перемещения достойно обходилось с Транспортируемыми.

Никто им не верил. Никто не верил ничему, что говорило им правительство. Они не верили ни в дружбу между народами, создавшими Кодоминиум, ни цифрам голосов на выборах, ни чему другому.

Он достиг клетки собеседования. На трасти была та же форма, что и на охранниках, но на груди и спине серой спецовки были нарисованы по трафарету номера. Между неровно заостренных зубов этого человека зияли широкие пустоты, и когда он улыбался, его зубы показывали желтые пятна. Улыбался он часто, но в выражении лица не было никакой теплоты.

— Что имеем для меня? — спросил трасти. — Паренек, одетый как ты, может позволить себе все, что захочет. Куда ты хочешь отправиться, мальчик?

— Я не колонист,— настаивал Джон. Гнев его возрос. Сам-то трасти был не больше, чем арестантом. Какое право он имел так разговаривать? — Я требую разговора с офицером Кодоминиума.

— Один из тех, да? — усмешка трасти исчезла.— Танит для тебя.— Он нажал кнопку и открылась дверь в противоположной стороне клетки.— Топай,— отрезал он,— пока я не позвал охранников.— Его палец угрожающе завис над маленькой консолью на столе.

Джон достал документы из внутреннего кармана своего френча.

— У меня назначение на Космическую Службу Кодоминиума,— сказал он.— Мне приказано явиться на Канаверальскую Погрузочную Станцию для транспортировки на лунную базу.

— Двига...а? — Трасти остановился и его усмешка появилась вновь.— Дай мне посмотреть их.— Он протянул свою грязную руку.

— Нет.— Теперь Джон был более уверен в себе.— Я покажу их любому офицеру Кодоминиума, но вам их в свои руки не заполучить. А теперь вызовите офицера.

— Разумеется,— трасти не шевельнулся.— Обойдется в десятку кредиток.

— Что?

— Десять кредиток. Пятьдесят баков /долларов/, если у тебя нет кредиток КД. Не бросай на меня таких взглядов, малыш. Не заплатишь, отправишься на Танитский корабль. Может они там и разберутся, а может и нет, но ты опоздаешь с явкой. Лучше всего тебе сунуть мне что-нибудь.

Джон вынул двадцатидолларовую монету.

— Это все, что у тебя есть? — раздосадованно спросил трасти.— Ладно, ладно, должно сойти.— Он выбил на телефоне код и спустя минуту старшина в синей форме Космических Вооруженных Сил Кодоминиума вошел в клетку.

— Чего тебе надо, Смайли?

— Получил одного из ваших. Новый гард. Смешался с колонистами,— трасти засмеялся, в то время как Джон с трудом держал себя в руках.

Старшина с отвращением глянул на Смайли.

— Вам приказ, сэр? — спросил он у Джона. Джон передал ему документы, боясь, что он никогда не увидит их вновь. Флотский быстро просмотрел их.— Джон Кристиан Фалькенберг?

— Да.

— Благодарю вас, сэр.— Он обернулся к Смайли.— Отдай.

— О, он может это себе позволить.

— Хочешь, чтобы я вызвал десантников, Смайли?

— Господи, ну и сволочь же ты,— трасти вынул монету из кармана и отдал ее.

— Сюда, пожалуйста, сэр,— предложил флотский.

Он нагнулся поднять саквояж Джона.

— И вот ваши деньги, сэр.

— Спасибо. Оставьте их себе.

Старшина кивнул.

— Благодарю вас, сэр. Смайли, пощупаешь одного из наших людей снова и я направлю Десантников повидаться с тобой вне службы. Идемте, сэр.

Джон последовал за космолетчиком из куба клетки. Старшина был вдвое его старше и никто никогда не называл его раньше «сэр». Это дало Джону Фалькенбергу чувство принадлежности, ощущение, что он нашел что-то, что искал всю свою жизнь. Даже уличные банды были для него закрыты, а друзья, с которыми он рос, всегда казались частью жизни кого-то другого, но не его. Теперь, за несколько секунд, он, казалось, нашел... Хотел бы он знать, что...

Они прошли через узкие выбеленные коридоры, затем на яркое флоридское солнце. Узкий трап вел к переднему концу огромного крылатого корабля, способного опускаться на Землю, плавающего у конца длинного пирса, где толпились колонисты и матерящиеся охранники.

Старшина коротко переговорил с часовыми Десантниками у офицерского трапа, затем четко отдал честь офицеру на верхней площадке трапа. Джон хотел сделать то же самое, но он знал, что в штатском честь не отдают. Отец заставил его читать книги по военной истории и обычаях воинской службы, как только он решил найти Джону назначение в Училище.

Неразборчивые звуки, издаваемые колонистами, заполняли весь воздух, пока они не оказались внутри корабля. Когда люк закрылся за ними, последними услышанными им звуками были ругательства охранников.

— Если позволите, сэр, в эту сторону.— Старшина вел его через лабиринт из стальных коридоров, герметичных переборок, лестниц, труб проводки и другого незнакомого оборудования. Хотя им управлял флот КД, большая часть корабля принадлежала Бюрперу и поэтому воняло. Не было никаких иллюминаторов и после нескольких поворотов по коридорам, Джон окончательно потерял ориентировку.

Старшина все вел его строевым шагом, пока не подошел к двери, которая ничем не отличалась от любой другой. Он надавил на кнопку в панели двери.

— Войдите,— ответила панель.

В каюте имелось восемь столов, но только три человека. Все сидели в одном углу. По контрасту с серо-стальными коридорами снаружи, каюта была почти веселой на вид, с картинами на стенах, мягкой мебелью, и тем, что походило на ковры. На противоположной от двери стене висел герб Кодоминиума — американский орел и советский серп и молот, красный, белый и голубой цвета, белые и красные звезды.

Трое держали стаканы со спиртным и сидели в расслабленных позах. Все были в штатском, не намного отличавшимся от одежды Джона, за исключением мужчины постарше, на котором был более консервативный френч. Другие были примерно ровесниками Джона, может быть на год постарше Джона, не больше.

— Один из наших, сэр,— объявил старшина.— Новый гард затерялся среди колонистов.

Один из тех, кто помоложе, рассмеялся, но офицер оборвал его резким взмахом руки.

— Хорошо, шлюпстаршина, благодарю вас. Заходи. Мы не кусаемся.

— Благодарю, сэр,— ответил Джон. Он неуверенно переминался в дверях, гадал, кто это такие. Вероятно, офицеры КД, решил он. Старшина не вел бы себя так по отношению к кому-нибудь другому.

Как он ни был испуган, его аналитический ум продолжал работать, а глаза зыркали по каюте. Определенно офицеры КД, решил он, возвращаются на Лунную Базу после увольнения, или, наверное, после положенного тура в нормальную гравитацию. Естественно, они

были в штатском. Носить на Земле вне службы форму КД являлось просьбой об убийстве.

- Лейтенант Хартманн, к вашим услугам,— представился старший.— А это гардемарины Рольников и Бэйтс. Ваш приказ, пожалуйста.

— Джон Кристиан Фалькенберг, сэр,— сказал Джон.— Гардемарин. Или я полагаю, что гардемарин. Но я не уверен. Я не давал присягу или что-нибудь.

На это все трое рассмеялись.

— Дадите, мистер,— пообещал Хартманн. Он взял-таки его приказ.— Но все одно — вы один из проклятых, присягнувший или нет.— Он изучил пластиковый лист, сравнивая лицо Джона с фотографией, затем, читая нижние строчки, он присвистнул.— Гранд Сенатор Мартин Грант. Назначен другом ВК, никак не меньше. С ним у тебя за спиною, я бы не удивился, что через несколько лет ты обгонишь меня в чинах.

— Сенатор Грант — бывший студент моего отца,— пояснил Джон.

— Понятно,— Хартманн вернул приказ и сделал Джону знак сесть рядом с ними. Затем он повернулся к одному из гардемаринов.— Что же до вас, мистер Бэйтс, то я-то не вижу юмора. Что такого забавного в том, что один из ваших собратьев-офицеров затерялся среди колонистов? Разве вы никогда не терялись?

Бэйтс неловко поежился. Голос его был высок и Джон понял, что он был не старше, чем он сам.

— А почему он не показал карточку со статусом налогоплательщика? — спросил в ответ Бэйтс.— Они бы отвели его к офицеру. Разве нет?

Хартманн пожал плечами.

— У меня ее нет,— ответил Джон.

— Гм.— Хартманн, казалось, отпрянул, хотя на самом деле он не шевельнулся.— Ну,— произнес он,— мы обычно не получаем офицеров из семей Граждан.

— Мы не Граждане,— быстро сказал Джон.— Мой отец — профессор Университета Кодоминиума и я родился в Риме.

— А...— протянул Хартманн.— Долго вы там жили?

— Нет, сэр. Отец предпочитает быть наведывающимся членом факультета. Мы жили во многих университетских городах.— Ложь прошла теперь легко, и Джон подумал, что профессор Фалькенберг, вероятно, поверил в нее после того, как столько раз ее повторял. Джон-то лучше знал: он видел, что отец отчаянно добивался стабильности положения, но всегда, всегда наживал слишком много врагов. Он был слишком прям и слишком честен. Одно объяснение — он — мятежный сукин сын и не мог ни с кем поладить. Это другое. «Я так долго жил в такой ситуации, что она меня больше не волнует. Однако, приятно было бы иметь родной дом, я думаю».

Хартманн расслабился.

— Ну, по какой бы там ни было причине, вы, мистер Фалькенберг, поступили бы лучше, если бы устроились родиться налогоплательщиком в Соединенных Штатах. Или советским членом партии. К несчастью, вы, как и я, обречены оставаться в нижних рядах офицерского корпуса.

В голосе Хартманна чувствовался след акцента, но Джон не мог точно определить его. Немец, конечно. В боевых частях КД было много немцев. Этот немец, однако, был необычным. Джон достаточно долго жил в Гейдельберге, чтобы научиться многим оттенкам немецкой речи. Восточный немец? Возможно.

Он понял, что другие ждали, что он что-нибудь скажет.

— Я думал, сэр, что в службах КД существует равенство.

Хартманн пожал плечами.

— В теории, да. На практике — генералы и адмиралы, даже капитаны кораблей, всегда, по-видимому, бывают американцы или советские. Это не предпочтение офицерского корпуса, мистер. Между собой у нас нет никаких стран происхождения и никакой политики. Никогда. Флот — наше отечество и наше единственное отечество.— Он взглянул на свой стакан.— Мистер Бэйтс, нам нужно налить еще стакан и для нашего нового товарища. Мигом.

— Есть, сэр.— Коротышка-гард оставил каюту, пройдя по пути оставленный без внимания бар в углу. Он быстро вернулся с полной бутылкой американского виски и пустым стаканом.

Хартманн налил стакан доверху и толкнул его к Джону.

— ВКФ научит вас многим вещам, мистер гардемарин Джон Кристиан Фалькенберг. Одна из них — это умение пить. Мы все слишком много пьем, но прежде, чем узнать, почему мы пьем, вы должны узнать, как.

Он поднял стакан. Когда Джон поднес к губам свой и сделал только глоток, Хартманн нахмурился.

— Еще,— сказал он приказным тоном.

Джон выпил половину виски. Он не один год уже пил пиво, но отец не часто позволял ему пить крепкие напитки. На вкус оно было неплохим, но обожгло горло и желудок.

— А теперь, почему ты присоединился к нашему благородному отряду братьев? — спросил Хартманн. Его голос нес предупреждение: он использовал шутливые слова, но под этим было серьезное настроение — наверное, он вовсе не насмехался над своей службой, когда назвал ее отрядом братьев.

Джон надеялся, что нет. У него никогда не было братьев. У него никогда не было друзей, родного дома, а отец был строгим воспитателем, учившим его многим вещам, но никогда не дававшим ему никакого тепла или дружбы.

— Я...

— Честно,— предупредил Хартманн.— Я открою тебе тайну. Тайну флота. Мы не лжем своим.— Он посмотрел на двух других гар-

демаринов и они кивнули. Рольников слегка позабавленный, Бэйтс серьезный, словно в церкви.

— Там...— сделал жест Хартманн,— там они лгут, обманывают, используют друг друга. С нами же это не так. Нас используют, да. Но мы знаем, что нас используют и мы честны друг с другом. Вот почему солдаты верны нам. И почему мы верны флоту.

И вот это-то и значительно, подумал Джон, потому что Хартманн поглядывал на знамя Кодоминиума, но совсем ничего не сказал про КД. Только флот.

— Я здесь потому, что отец хотел убрать меня из дому и сумел достать для меня назначение,— выпалил Джон.

— Ты найдешь другую причину или же не останешься с нами,— сказал Хартманн.— Выпей.

— Да, сэр.

— Надлежащий ответ — «есть, сэр».

— Есть, сэр,— Джон осушил свой стакан.

— Отлично,— улыбнулся Хартманн. Он снова наполнил свой стакан, затем стаканы других.— Что является задачей ВКФ Кодоминиума, мистер Фалькенберг?

— Сэр? Выполнять волю Гранд Сената.

— Нет. Он должен существовать. И существуя, поддерживать некоторую меру мира и порядка в углу Галактики. Чтобы выиграть для людей достаточно времени для того, чтобы убраться достаточно далеко от Земли, чтобы, когда эти дураки убьют себя, они не убили человеческую расу. И это наша единственная задача.

— Сэр? — спокойно и настойчиво проговорил гардемарин Рольников.— Сэр лейтенант, следует ли вам так много пить?

— Да, следует,— ответствовал Хартманн.— Благодарю вас за заботу, мистер Рольников. Но, как видите, я в настоящее время пассажир. На Службе нет никаких правил против выпивки. Совсем никаких. Есть сильный запрет против того, чтобы быть непригодным для выполнения своего долга, но ничего против выпивки. А в данный момент я не обязан выполнять никакого долга.— Хартманн поднял свой стакан.— Кроме одного. Поговорить с вами, мистер Фалькенберг, и сказать вам правду, так чтоб вы либо сбежали от нас, либо были чертовски с нами до конца своей жизни, потому мы никогда не лишем своим.

Он замолк на миг, и Фалькенберг гадал, насколько же пьян был Хартманн. Офицер, казалось, обдумывал свои слова более внимательно, чем делал его отец, когда выпивал.

— Что вы знаете об истории ВКФ Кодоминиума, мистер Фалькенберг? — потребовал ответа Хартманн.

«Вероятно, больше, чем ты»,— подумал Джон. Отцовская лекция о росте Кодоминиума была знаменита.

— Это началось с разрядки и скоро стало паутиной формальных договоров между Соединенными Штатами и Советским Союзом. До-

говоры не положили конец основам вражды между этими великими державами, но их общие интересы были больше, чем их разногласия; потому что явно было лучше, чтобы были только две великие державы.— Нет. Хартманн не хотел услышать лекцию профессора Фалькенберга.

— Очень мало, сэр. Мы были созданы из французского Иностранного Легиона,— сказал Хартманн.— «Легиона чужаков», чтобы сражаться за искусственный альянс наций, которые ненавидят друг друга. Как может человек отдать за это душу и жизнь, мистер Фалькенберг? Какое у альянса сердце? Какая власть может вдохнуть верность в солдат?

— Не знаю, сэр.

— И они не знают.— Хартманн махнул рукой на других гардов, которые осторожно откинулись на спинки своих кресел, ведя себя так, словно они не слушали или не слышали...— Джон не мог сказать. Наверно, они считали, что Хартманн был безумно пьян. И все же это был хороший вопрос.

— Я не знаю,— повторил Джон.

— А-а. Но ведь никто не знает, потому что ответа нет. Люди не могут умирать за альянс. И все же мы сражаемся. И мы умираем.

— По приказу Сената,— спокойно заметил гардемарин Рольников.

— Но мы не любим Сенат,— ответил Хартманн.— Вы любите Сенат, мистер Рольников? А вы, мистер Бэйтс? Мы знаем, что такое Гранд Сенат. Продажность, политиканы, которые лгут друг другу и которые используют нас, чтобы приобрести богатства для себя и власть для своих фракций. Если смогут. Они не используют нас так много, как когда-то. Выпьем, джентльмены. Выпьем.

Виски произвело свой эффект и голова у Джона закружилась. Он почувствовал, что пот у него выступил на макушке и под мышками, а желудок забунтовал, но он поднял стакан и снова выпил в унисон с Рольниковым и Бэйтсом, и это было более значительно, чем когда-то была Чаша Братства. Он попытался спросить себя почему, но тут были только эмоции, а не мысль. Его место было здесь, с этими людьми и с ними он был человеком.

Словно прочтя мысли Джона, Лейтенант Хартманн положил руки на плечи трем паренькам, двум слева, Джону справа и понизил голос, чтобы сказать им всем:

— Нет, мы здесь потому, что флот — наше отечество, а наши братья по Службе — наша единственная семья. И если флот потребует когда-нибудь наши жизни, мы отдадим их как мужчины, потому что нам некуда больше идти.

1

Двадцать лет спустя

Земля плыла в вечной красоте над мрачными лунными горами. Дневной свет падал на Калифорнию и часть Тихого океана и пылающий океан создавал невозможно голубой фон для воронки ярких облаков, кружащихся в массивном тропическом вихре. За лунными скалами родной дом человека выглядел хрупким шариком среди усеянного звездами черного бархата космоса; шариком, который человек мог схватить и раздавить голыми руками.

Гранд Адмирал Сергей Лермонтов смотрел на яркие изображения на обзорном экране и думал, как легко было бы для Земли погибнуть. Он сохранил ее образ на обзорном экране, чтобы напоминать себе об этом каждый раз, когда он поднимал взгляд.

— Это все, чего мы могли добиться для тебя, Сергей.— Его посетитель сидел, аккуратно сложив руки на коленях. Фотография показала бы его в расслабленной позе, удобно сидящего в большом кресле для посетителей, покрытом кожей животных, выросших на планете в сотне световых лет от Земли. При более близком взгляде, сей человек вовсе не был расслабившимся. Он выглядел таким из-за своего долгого опыта политика.

— Я желал бы, чтобы было больше.— Гранд Сенатор Мартин Грант медленно покачал головой.— Это, по крайней мере, хоть что-то.

— Мы будем терять корабли и распускать полки. Я не могу управлять флотом при таком бюджете.

Голос Лермонтова был ровным и четким. Он переместил на тонком носу очки без оправы в более удобное положение. Его жесты, подобно его голосу, были точными и правильными, и в кают-компаниях ВКФ поговаривали, что Гранд Адмирал практиковался перед зеркалом.

— Тебе придется делать все, что в твоих силах. Нет даже уверенности, что Объединенная Партия сможет пережить следующие выборы. Видит Бог, мы будем не в состоянии прожить, если дадим флоту сколько-нибудь больше.

— Но вот для национальных армий денег хватает.— Лермонтов многозначительно посмотрел на изображение Земли на видеоэкране.— Армий, которые могут уничтожить Землю. Мартин, как же мы можем поддерживать мир, если вы не даете нам ни кораблей, ни солдат?

— Вы не сможете поддерживать мир, если не будет Кодоминиума. Лермонтов нахмурился.

— Значит есть настоящий шанс, что Объединенная Партия

проиграет?

Мартин Грант почти на мгновение вскинул голову.

— Да.

— И Соединенные Штаты выйдут из КД? — Лермонтов подумал, что это будет означать для Земли и почти для ста планет, где жили люди.

— Немногие из колоний выживут без нас. Еще слишком рано. Если бы мы не подавили науку и исследования, могло бы быть иначе. Мартин, мы слабо распространены по колониальным планетам. Кодоминиум должен помочь им. Мы создали их проблемы с нашими колониальными правительствами. Мы совершенно не дали им шансов прожить без нас. Мы не можем так вдруг отпустить их на все четыре стороны.

Грант сидел не двигаясь и ничего не говоря.

— Да, я проповедую обращенному. Но ведь это флот дал Гранд Сенату эту власть над колониями. Я не могу не чувствовать себя не ответственным.

Голова сенатора Гранта снова дернулась, то ли кивок, то ли дрожь.

— Я бы подумал, что есть многое, что ты мог бы сделать, Сергей. Флот подчиняется тебе, а не Сенату. Я знаю, мой племянник дал это понять достаточно ясно. Воины уважают другого воина, но к нам, политикам, у них только презрение.

— Ты предлагаешь измену?

— Нет. Конечно, я не приглашаю флот попробовать заправлять спектаклем. Военное правление не очень то хорошо сработало для нас, не так ли? — Сенатор Грант слегка повернул голову, показывая на земной шар позади него.— Двадцать государств на Земле управлялось армиями, но ни одно из них не делало этого хорошо.

С другой стороны, политики делали свое дело немногим лучше, подумал он. Никто не делал лучше.— У нас, кажется, нет никаких целей, Сергей. Мы просто болтаемся на весу, надеясь, что обстановка станет лучше. С чего бы это?

— Я почти перестал надеяться на лучшие условия, — ответил Лермонтов.— Теперь я только молюсь, чтобы она не ухудшалась.— Его губы слегка дернулись в тонкой улыбке.— На такие молитвы редко отвечают.

— Я говорил вчера с моим братом,— сказал Грант.— Он снова угрожает подать в отставку. Я думаю, на этот раз он всерьез.

— Но он не может этого сделать! — Лермонтов содрогнулся.— Твой брат — один из немногих людей в правительстве США, который понимает, сколь отчаянно нам нужно время.

— Я говорил ему об этом.

— И?..

Грант покачал головой.

— Это крысиная гонка, Сергей. Джон не видит ей никакого кон-

ца. Конечно, очень хорошо играть в авангард, но ради чего?

— Разве выживание цивилизации — нестоящая цель?

— Если мы идем именно к этому, то — да. Но какие у нас гарантии, что мы достигнем даже этого?

Улыбка Гранд Адмирала стала ледяной.

— Никаких, конечно. Но мы можем быть уверенными, что ничто не выживет, если у нас не будет еще времени. Несколько лет мира, Мартин. Многое может случиться за эти несколько лет. А если ничего не случится — ну, тогда у нас будет несколько лет мира.

Стенка позади Лермонтова была покрыта знаменами и панелями. В центре, среди них, был герб Кодоминиума: американский орел, советские серп и молот, красные и белые звезды. Под ними был официальный девиз Военно-Космического флота: МИР — НАША ПРОФЕССИЯ.

Мы выбрали этот девиз для них, подумал Грант. Сенат заставил ВКФ принять его. Хотел бы я знать, сколько офицеров флота верят в него кроме Лермонтова? Что бы они выбрали, если предоставить это им самим?

Всегда есть воины, и если не дашь им что-то, за что стоит драться... Но мы не можем жить без них, потому что грядет время, когда необходимо иметь воинов. Вроде Сергея Лермонтова.

Но необходимо ли иметь политиков, вроде меня?

— Я снова поговорю с Джоном. В любом случае я никогда не был уверен, насколько он серьезен насчет отставки. К власти привыкаешь и трудно сложить ее с себя. Требуется лишь немного убеждения, какой-нибудь аргумент, чтобы позволить тебе оправдать ее сохранение. Власть — наркотик, посильней опиума.

— Но вы ничего не можете поделать с нашим бюджетом.

— Да. Дело в том, что есть еще проблемы. Нам нужны голоса Бронсона, а у него есть требования.

Глаза Лермонтова сузились, а голос стал густым от отвращения.

— По крайней мере, мы знаем, как иметь дело с людьми, вроде Бронсона.— И это было странно, подумал Лермонтов, что презренные твари, вроде Бронсона, вызывали столь мало проблем. Им можно было дать взятку. Они ждали, что их купят.

Настоящие-то проблемы создавали люди честные, вроде Гармона в Соединенных Штатах и Каслова в Советском Союзе, люди, имеющие дело, за которое они готовы умереть — они-то и довели человечество до нынешнего состояния. Но я предпочел бы знаться с Касловым и Гармоном и их друзьями, чем с людьми Бронсона, которые поддерживают нас.

— Тебе не понравится кое-что из того, что он просит,— предупредил Грант.— Ведь полковник Фалькенберг твой особый фаворит, не так ли?

— Он один из лучших наших людей. Я использую его, когда ситуация кажется отчаянной. Его солдаты последуют за ним куда

угодно и он не теряет зря жизней в достижении наших целей.

— Он явно чересчур часто наступал на мозоль Бронсона. Они хотят его уволить.

— Нет.— Голос Лермонтова стал тверд.

Мартин Грант покачал головой. Он вдруг почувствовал себя очень усталым, несмотря на низкую гравитацию луны.

— Выбора нет, Сергей. Это не просто личная неприязнь, хотя этого тоже много. Бронсон стыкуется с Гармоном, а Гармон считает Фалькенберга опасным.

— Конечно, он опасен. Он воин. Но он опасен только для врагов Кодоминиума...

— Именно.— Грант снова вздохнул.— Сергей, я знаю. Мы отнимаем у тебя лучшие орудия, а потом ожидаем, что ты выполнишь работу без них.

— Тут больше, чем это, Мартин. Как управлять воинами?

— Прошу прощения?

— Я спросил: «Как управлять воинами?» — Лермонтов переместил очки кончиками пальцев обеих рук.— Заслужив их уважение, конечно. Но что случится, если право на это уважение потеряно? Им нельзя будет управлять, а ты говоришь об одном из лучших ныне военных умов. Вам, может, придется жить, жалея об этом решении, Мартин.

— Ничего не поделаешь, Сергей, ты думаешь, мне нравится говорить тебе: «Выбрось хорошего человека ради змеи вроде Бронсона»? Но это не имеет значения. Патриотическая партия готова поднять из-за этого дела большой шум и Фалькенберг все равно не смог бы пережить такого рода политического давления, ты это знаешь. Никакой офицер не сможет. Его карьера кончена, несмотря ни на что.

— Ты всегда поддерживал его в прошлом.

— Я, черт побери, Сергей, сам в первую очередь дал ему направление в училище. Я не могу поддержать его, и ты не можешь. Он уйдет, или мы потеряем голоса Бронсона по бюджету.

— Но почему? — потребовал ответа Лермонтов.— Настоящая причина?

Грант пожал плечами.

— Бронсона или Гармона? Бронсон всегда ненавидел Фалькенберга после того дела на Кеникотте. Семейство Бронсона потеряло там много денег, и делу не помогло то, что Бронсон тоже был вынужден проголосовать за награждение медалями Фалькенберга. Я сомневаюсь, что тут есть что-нибудь больше этого. Гармон — другое дело. Он действительно верит, что Фалькенберг может повести своих солдат против Земли. А раз он просит скальп Фалькенберга как услугу от Бронсона...

— Понятно. Но причины Бронсона нелепы. По крайней мере, в данный момент...

— Если он так чертовски опасен, убей его,— сказал Грант. Он

увидел выражение лица Лермонтова.— Я на самом деле не имею в виду этого, но тебе придется что-нибудь сделать.

— Сделаю.

— Гармон думает, что ты можешь приказать Фалькенбергу идти в поход на Землю.

Лермонтов в удивлении поднял взгляд.

— Да. Дошло и до этого. Даже Бронсон не готов просить т в о й скальп. Пока еще. Вот и еще причина, почему твоим фаворитам придется теперь не высовываться.

— Ты говоришь о лучших наших людях.

Взгляд Гранта был полон боли и печали.

— Разумеется. Всякий, кто эффективен, насмерть пугает патриотов. Они хотят вообще ликвидировать КД, а если не смогут этого добиться, то будут ослаблять его. Они будут продолжать пережевывание, к тому же, избавляясь от наших самых компетентных офицеров, и мы мало что можем поделать. Может быть, через несколько лет положение улучшится.

— Но скорее ухудшится,— ответил Лермонтов.

— Да, всегда есть и такой вариант.

Долгое время после того, как Гранд Сенатор Грант покинул кабинет, Сергей Лермонтов глядел невидящим взором на обзорный экран. Темнота медленно проползла через Тихий океан, оставляя в тени Гавайи, а Лермонтов все еще сидел, не двигаясь, беспокойно барабаня пальцами по полированной поверхности стола.

«Я знал, что дойдет до этого,— думал он.— Правда, не так скоро. Еще так много надо сделать, прежде чем мы можем махнуть на все рукой. И все же недолго осталось ждать, пока у нас не будет никакого выбора. Наверно, нам следует действовать сейчас.»

Лермонтов вспомнил свою юность в Москве, когда президиум контролировали генералы, и содрогнулся. Нет, подумал он. Военные доблести бесполезны для управления штатскими. Но политики-то управляли не лучше. Если бы мы не подавили научных исследований! Но это было сделано во имя мира. Чтобы сохранить контроль в руках правительства над технологией, не допустить, чтобы она диктовала политику всем нам. Это казалось таким разумным и, кроме того, теперь такая политика была очень старой. Осталось мало тренированных ученых, потому что никто не хотел жить под ограничениями Бюро технологии.

Но что сделано, то сделано. Он оглядел кабинет. Полки открытых шкафов были усыпаны сувенирами с дюжины планет. Экзотические раковины лежали рядом с набитыми чучелами рептилий и обрамлялись светящимися камнями, за которые можно было получить баснословные деньги, потрудись он их продать.

Он импульсивно потянул руку к настольной консоли и переключил селектор. По экрану замелькали изображения, пока он

не увидел колонну солдат, марширующих через огромный открытый каменный пузырь. В этой огромной пещере они казались карликами.

Подразделение Десантников Кодоминиума маршировало через центральный район лунной базы. Палата Сената и правительственные кабинеты были намного ниже пещеры, столь глубоко похороненные в скале, что никакое оружие не могло уничтожить лидеров Кодоминиума внезапным ударом. Над ними были охраняющие их воины, а эта группа шла сменить охрану.

Лермонтов включил звук, но услышал не больше, чем четкий размеренный звук марширующих солдат. Они шли осторожно в низкой гравитации, приспособив шаг к своему низкому весу; и они, думал он, шагали бы столь же четко на планете с высокой гравитацией.

На них были ало-голубые мундиры, со сверкающими золотыми пуговицами, значками из темных, богатых бронзой сплавов, найденных на Кенникоте, береты, сделанные из какой-то рептилии, плавающей в Танитских морях. Подобно кабинету Гранд Адмирала, Десантники Кодоминиума демонстрировали влияние планет, находящихся во многих световых годах от Земли.

— Запевай!

Приказ донесся через динамик так громко, что поразил Адмирала и он убавил звук, когда солдаты начали петь.

Лермонтов улыбнулся про себя. Эта песня была официально запрещена и она, конечно, была неподходящим выбором для караула, собирающегося занять посты перед палатами Гранд Сената. Она также была очень близка к официальной маршевой песне Десантников. И это, подумал Лермонтов, должно было бы кое-что сказать любому слушающему Сенатору. /Если Сенаторы когда-нибудь слушали армейцев/.

Донеслись размеренные стихи, медленно, в такт со зловещим скользящим шагом солдат:

Сердца разбив у наших женщин и ваши
задницы вдобавок,
Уходим снова мы в сраженье,
не разгромивши ваших лавок.
Мы разверием свои знамена, а после с
воплями лихими
Не зная страха и резона, мы
в ад последуем за ними.
Дьявол с нами, хоть нам он не брат.
Его мы отлично знаем.
Срок свой отслужим, отправимся в ад,
И адский Сенат доконаем!

А там выпьем по разгонной и
вещмешки свои отложим.
И станем отдыхать законно все десять
лет на спинах лежа.
Но снова вскочим мы мгновенно, когда
сыграют нам тревогу.
Должны вы, скажут, непременно, сквозь
ад построить нам дорогу!
Нам флот давно — страна родная,
Жена любимая — винтовка.
Кто от ней сына поимеет,
Тот, значит, парень очень ловкий.
Нам за победы платят джином,
А коль грешим, ругают что-то.
Терпеть не можете вы нас,
Коль мы не сбавим обороты.
Мир проиграем — ждет расстрел нас,
А победим — в три шеи гонят.
Но мы товарищей хороним.
И это духа в нас не сломит.
И нет людей таких на свете,
Что смогут с нами потягаться,
Хоть мы ничто, насилья дети,
Однако ж мы умеем драться.

Стихи кончились с грохотом барабана, и Лермонтов переключил селектор на вращающуюся Землю.

— Наверно,— сказал он вслух,— наверное, есть надежда, но только если у нас будет время. Могут ли политики выиграть достаточно времени?

2

Достопочтенный Джон Роджерс Грант положил ладонь на мигающий огонек на консоли письменного стола и тот исчез, отключив телефон безопасности с Лунной Базой. Его лицо сохраняло выражение удовольствия и отвращения, как всегда, когда он кончал разговор с братом.

— Не думаю, что я когда-нибудь выиграю спор с Мартином,— думал он.— Может быть это потому, что он знает меня лучше, чем я сам.

Грант повернулся к телевизору, где оратор был в полной готов-

ности. Речь началась спокойно, как начинались все речи Гармона. Полная резонирующих тонов и призывов к разуму. Спокойный голос просил внимания, но теперь он стал громче и требовал его. Фон позади него тоже изменился, так что Гармон стоял теперь под звездами и полосами, покрывающими полушарие, с огромным американским орлом над Капитолием. Гармон доводил себя до одного из своих знаменитых приступов бешенства, и его лицо искажалось от обилия эмоций.

— Честь? Это слова, значения которых Липскомб теперь не понимает! Чем бы он ни мог быть — а, друзья мои, мы все знаем, сколь велик он некогда был,— он больше не один из нас! Его камарилья, темные людишки, нашептывающие ему, разложила даже такого великого человека, как президент Липскомб! А наша нация истекает кровью из тысяч ран! Народ Америки, услышь меня! Она истекает кровью из незаживающих ран в лице этих людей и их Кодоминиума!

Они говорят, что если мы покинем Кодоминиум, это будет означать войну. Я молю Бога, чтобы этого не случилось, но если это случится, то зачем эти тяжелые времена. Многие из нас будут убиты, но мы умрем как мужчины! Сегодня наши друзья и союзники, народы Венгрии, Румынии, чехи, словаки, поляки — все они стонут под гнетом своих коммунистических хозяев. Кто держит их там? Мы! Наш Кодоминиум! Мы стали не больше, чем рабовладельцами. Лучше уж умереть как мужчины.

Но до этого не дойдет. Русские никогда не станут драться. Они размякли. Так же размякли, как и мы. Их правительство охвачено тем же разложением, что и наше. Народ Америки, услышь меня. Народ Америки, слушай!

Грант тихо произнес два слова телевизору и тот выключился. Ореховая панель скользнула над потемневшим экраном и Грант снова проговорил два слова.

Стол открылся, предложив бутылочку молока. Он ничего не мог поделать со своей язвой, несмотря на все достижения медицинской науки. Деньги не были проблемой, но никогда не было времени для хирургического вмешательства и недель с регенерационными стимуляторами.

Он полистал документы на столе. Большая часть была рапортами с ярко-красными обложками службы безопасности и Грант на миг закрыл глаза. Речь Гармона была важной и, вероятно, повлияет на предстоящие выборы. Этот человек начинает досаждать, подумал Грант.

— Не следует ли мне предпринять что-нибудь относительно него?— Он с содроганием отложил эту мысль в сторону. Гармон когда-то был его другом.— Господи, до чего же мы докатились? — Он открыл первый рапорт.

Произошли беспорядки на съезде в Международной Федерации

Труда. Трос убиты и гладкие планы переизбрания Матта Бреди полетели к черту. Грант снова поморщился и выпил еще молока. Сотрудники разведки заверяли его, что это пройдет легко.

Он порылся в рапортах и обнаружил, что ответственность за это несут трое из детей крестоносцев Харви Бертрана. Они установили подслушивающие устройства в номере Бреди. Этот идиот не придумал ничего лучше, как заключать сделку именно там. Теперь ребята Бертрама имели достаточно доказательств продажности боссов, чтобы воспламенить чувства делегатов на дюжине съездов.

Рапорт заканчивался рекомендацией правительству бросить Бреди и сосредоточить поддержку на Макнайте, который обладал хорошей репутацией и чье досье в здании ЦРУ разбухло от информации. Макнайтом будет легко управлять. Грант кивнул про себя и нацарапал свою подпись на бланке действия.

Он бросил его на поднос «Совершенно секретно: исходящее» и следил, как он исчез. Не было смысла терять время. Затем он праздно поинтересовался, а что будет с Бреди. Матт Бреди был хорошим членом Объединенной Партии, во всяком случае, не давал спуску ребятам Бертрана.

Он взял следующую папку, но прежде чем он открыл ее, вошла секретарша. Грант поднял взгляд и улыбнулся, радуясь своему решению игнорировать электронику. Некоторые администраторы неделями не видели своих секретарш.

— Ваша встреча, сэр,— напомнила она.— И время для вашего нервного тоника.

Он крякнул.

— Я предпочел бы умереть.— Но позволил ей налить мензурку горького снадобья, опрокинул его в горло, запив затем молоком. Потом он взглянул на часы, но в этом не было необходимости. Мисс Экридж знала время пути до каждого кабинета в Вашингтоне. Не было времени браться за другой рапорт и это устраивало Гранта.

Он позволил ей помочь ему облачиться в черный пиджак и расчесал немногочисленные седые волосы. Он не чувствовал себя шестидесятилетним, но выглядел теперь таковым. Это случилось как-то все сразу. Пять лет назад он мог бы сойти за сорокалетнего. Джон видел девушку в зеркале за ним и знал, что она его любила, но из этого ничего не получится.

«А почему нет, черт возьми? — спросил он себя.— Ведь дело не в том, что ты тоскуешь по Присцилле. К тому времени, как она умерла, ты молился, чтобы это случилось, и мы поздно поженились, чтобы начинать. Так почему же, черт возьми, ты ведешь себя так, будто навек ушла великая любовь из твоей жизни? Все, что тебе надо сделать — это обернуться, сказать пять слов, и что? Она больше не будет превосходной секретаршей, а секретаршу найти труднее, чем любовницу. Оставь это дело в покое.»

Она постояла там еще миг, потом двинулась прочь.

— Ваша дочь хочет вас видеть этим вечером,— сказала она ему.— Она приезжает в полдень и говорит, что это очень важно.

— Не знаете, почему? — спросил Грант. Экридж знала о Шарон больше, чем Грант. Возможно, намного больше.

— Могу догадываться. Я думаю, ее об этом просил ее молодой человек.

Джон кивнул. Это не было неожиданным, но все же причинило боль. Так скоро, так скоро, так скоро... Они так быстро растут, когда ты старик. Джон-младший был командиром в ВКФ Кодоминиума, скоро будет командовать своим кораблем. Фредерик погиб в той же катастрофе, что и его мать. А теперь Шарон, дитя, нашла иную жизнь... не то, чтобы они были близки с тех пор, как он взялся за эту работу.

— Пропустите его имя через ЦРУ, Флора. Я не один месяц собирался это сделать. Они ничего не найдут, но нам это понадобится для справок.

— Да, сэр. Вам лучше теперь поспешить. Водители ждут за дверью.

Он подхватил свой чемоданчик.

— Я сегодня не вернусь. Пришлите мою машину к Белому Дому, хорошо? Я сегодня поеду домой один.

Он ответил на отданную шофером с вооруженным механиком честь небрежным взмахом руки и последовал за ними к лифту в конце длинного коридора. По стенам висели картины и фотографии древних битв и на полу был ковер, но в остальном коридор был как пещера. Проклятый Пентагон, в сотый раз подумал он. Глупейшее из когда-либо построенных зданий. Никто не мог ничего найти и его нельзя было уберечь ни за какую цену. Почему кто-нибудь не мог взорвать его?

Они отправились к Белому Дому наземной машиной. Полет был лишней деталью для беспокойства и, кроме того, этим путем он получал возможность увидеть вишневые деревья и цветочные клумбы вокруг Джефферсона. Потомак был коричневым месивом. В нем можно было плавать, если обладать крепким желудком, но несколько администраций назад армейские инженеры дали ему бетонные берега. Теперь они сдирали их и это вызывало обвалы грязи.

Они проехали через ряды правительственных зданий, некоторые в запустении. Городское возрождение дало Вашингтону все конторское пространство, которое когда-либо могло понадобиться правительству, и больше, так что тут были заброшенные здания как реликты времени, когда округ Колумбия был самым пораженным преступностью городом в мире. Однако, когда-то в юности Гранта, из Вашингтона вышвырнули всех, кто там не работал, и быстро последовавшие затем бульдозеры снесли жилые дома. По

политическим причинам офисы исчезли столь же быстро, как были разрушены другие здания.

Они проехали мимо бюро Контроля над населенностью, объехали Эллипс и мимо старого Госдепа к воротам. Охранник внимательно проверил его личность и заставил положить ладонь на маленькую сканирующую панель. Затем они въехали в туннель к подвалу Белого Дома.

Президент встал, когда Грант вошел в Овальный Кабинет и остальные вскочили на ноги, словно их катапультировало. Грант пожал всем руки, но внимательно посмотрел на Липскомба. Сомнений нет, Президент чувствовал напряжение. Ну, они все чувствовали.

Министра обороны не было, но впрочем, его всегда не было. Министр был политическим битюгом, контролировавшим блок голосов Аэрокосмической гильдии и даже большой блок акций аэрокосмической промышленности. Покуда правительственные контракты обеспечивали его фирмы заказами, а его людей работой, он плевать хотел на политику. Он мог присутствовать на формальном заседании Кабинета, где никогда ничего не говорилось и никто бы не увидел разницы. Джон Грант был в такой же степени обороной, как и ЦРУ.

Немногие из людей, сидящих в Овальном Кабинете, были хорошо известны публике. За исключением Президента, любой из них мог прогуляться по улицам любого города, кроме Вашингтона, без страха быть узнанным. Но власть, которую они контролировали как помощники и заместители, была огромной и они все это знали. Здесь не было нужды притворяться.

Служитель принес напитки и Грант принял шотландское виски. Некоторые не доверяли человеку, который не пил с ними. Его язва устроит ему кромешный ад, а его врач — еще один, но врачи и язвы не понимали реальной власти. Так же как и я, подумал Грант, или любой из нас, но мы обладаем ею.

— Не начнете ли, мистер Каринз? — предложил Президент. Головы повернулись к западной стене, где у справочного экрана стоял Каринз. Справа от него пылала огоньком полярная проекция Земли. Огоньки показывали расположение вооруженных сил, которыми командовал Президент, но контролировал Грант.

Каринз стоял уверенно, с брюшком, переваливавшимся через ремень. Этот жир был просто неприличен в столь раннем возрасте. Герман Каринз был вторым самым молодым человеком в этой комнате, помощник отдела административно-бюджетного управления и был, говорят, самым блестящим экономистом, когда-либо выпускавшимся Иельским университетом. Он был также самым лучшим политическим техником в стране, но этому он научился не в своем университете.

Он активизировал экран, чтобы показать набор цифр.

— У меня самые последние результаты опросов,— слишком громко произнес Каринз.— Это настоящие, а не мусор, что мы даем

прессе. Они воняют.

Грант кивнул. Разумеется, воняют. Объединенная партия колебалась примерно на тридцати восьми процентах, как раз почти поровну разделившихся между республиками и демократическим крылом. Патриотическая партия Гармона получила как раз за двадцать пять. Крайне левая освободительная партия Миллингтона получила свои обычные десять, но настоящим ударом была Бертранова партия Свободы. Популярность Бертрана стояла на невероятных двадцати процентах населения.

— Эти цифры для тех, кто имеет мнение и может голосовать,— пояснил Каринз.— Конечно, есть обычная орава, которой наплевать, но мы знаем как они разделяются. Они так или иначе последуют за всяким, кто доберется до них последним. Вы видите, новости плохие.

— Вы уверены в этом? — спросил помощник генерального почтмейстера. Он был лидером республиканского крыла Объединенной партии и не прошло еще и шести месяцев с тех пор, как он говорил им, что они могут забыть о Бертраме.

— Да, сэр,— ответил Каринз.— И поддержка растет. Эти беспорядки на трудовом съезде, вероятно, дали им еще пять пунктов, здесь не показанных. Дайте Бертрану шесть месяцев, и он нас опередит. Как вам нравятся их яблочки, мальчики и девочки?

— Не нужно быть легкомысленным, мистер Каринз,— сказал Президент.

— Сожалею, мистер Президент,— Каринз совсем не сожалел и он победоносно ухмылялся помощнику генерального почтмейстера. Затем он щелкнул переключателем, демонстрируя иные расклады.

— Мягкие и твердые,— объяснил Каринз.— Заметьте, что голоса Бертрана весьма мягкие, но твердеют. Гармоновские настолько тверды, что их у него не отнять без ядерного оружия. А наши малость походят на масло. Мистер Президент, я не могу даже гарантировать, что мы будем самой большой партией после выборов, не говоря уж о том, что сможем сохранить большинство.

— Невероятно,— пробормотал председатель комитета объединенных начальников штабов.

— Хуже, чем невероятно,— покачала головой представитель коммерции.— Катастрофа. И кто победит?

— Бросайте жребий,— пожал плечами Каринз.— Но если бы мне пришлось говорить, я бы выбрал Бертрана. Он получает больше наших голосов, чем Гармон.

— Вы все молчали, Джон,— сказал Президент.— Что вы об этом думаете?

— Ну, сэр, довольно ясно, какой будет результат: кто бы ни победил, это пока что не мы.— Грант поднял стакан виски и с облегчением глотнул. Он решил выпить еще и черт с ней, с этой язвой.— Если победит Гармон, он выйдет из Кодоминиума и мы получим войну. Если верх возьмет Бертран, он ослабит безопасность, Гармон со своими

штурмовиками выгонит его и мы все равно получим войну.

Кариниз кивнул.

— Я не представляю, чтобы Бертран продержался у власти больше года, вероятно, и того меньше. Этот человек слишком честен.

Президент громко вздохнул.

— Я помню время, когда люди это говорили обо мне, мистер Кариниз.

— Это все еще правда, мистер Президент,— поспешно заверил Кариниз.— Но вы достаточно реалистичны, чтобы позволять нам делать то, что мы должны делать. Бертран не позволил бы.

— Так что же нам делать с этим делом? — тихо спросил Президент.

— Смухлевать выборы,— быстро ответил Кариниз.— Я выдаю здесь цифры популярности.— Он привел схему, указывающую большинство популярности в пользу Объединенной партии.— Потом мы продолжим накачивать липовые данные, в то время как люди мистера Гранта поработают на подсчитывающих голоса компьютерах. Черт, это же делалось и раньше.

— А на этот раз не сработает.

Они повернулись посмотреть на самого молодого человека в комнате. Ларри Мориарти, помощник Президента и иногда именуемый «еретиком на жаловании», покраснел от внимания к нему.

— Люди Бертрана уже работают в компьютерных центрах, не так ли, мистер Грант? Они разглядят это в один миг.

Грант кивнул. Он послал доклад днем раньше; интересно, что Мориарти уже переварил его.

— Сделайте это напрямик смухлеванными выборами и вам придется использовать для поддержки порядка Десантников Кодоминиума,— продолжил Мориарти.

— День, когда мне понадобятся Десантники Кодоминиума для подавления беспорядков в Соединенных Штатах, будет днем моей отставки,— холодно отчеканил Президент.— Я могу быть реалистом, но есть пределы того, что я сделаю. Вам понадобится новый шеф, господа.

— Это легко сказать, мистер Президент,— сказал Грант. Он хотел закурить свою трубку, но врачи запрещали ему это делать. Черт с ними, подумал он, и вынул сигарету из пачки на столе.— Это легко сказать, но вы не сможете это сделать.

— Это почему же?— нахмурился Президент.

Грант покачал головой.

— Объединенная партия поддерживает Кодоминиум, а Кодоминиум сохраняет мир, но клянусь богом — это мир. Я желал бы, чтобы поддержка договоров с Кодоминиумом не была столь основательно связанной с Объединенной партией, но это так, и ничего тут не поделаешь. И вы чертовски хорошо знаете, что даже в партии Кодоминиум поддерживает только слабое большинство. Верно, Гарри?

Помощник генерального почтмейстера кивнул.

— Но не забывайте, в группе Бертрана есть сторонники КД.

— Разумеется, но они слишком ненавидят нас,— сказал Мориарти.— Они говорят, что мы коррумпированы. И они правы.

— Ну и что с того, что они правы? — огрызнулся Каринз.— Мы здесь, а они там. Всякий, кто здесь ненадолго, коррумпирован. Если он не коррумпирован, его здесь не будет.

— Я не вижу смысла в этой дискуссии,— перебил Президент.— Лично я не люблю напоминаний обо всем, что я сделал, чтобы удержаться в этом кабинете. Вопрос в том, что же нам делать. Я считаю, что будет честно предупредить вас, что ничто не сделало бы меня счастливей, чем мистер Бертран, сидящий в этом кресле. Я был Президентом долгое время, и я устал. Я не хочу больше этой работы.

3

Все заговорили сразу, крича Президенту, перешептываясь с соседями, пока Грант громко не прочистил горло.

— Мистер Президент,— произнес он, используя командный тон, усвоенный во время краткого пребывания в армейском резерве.— Мистер Президент, простите меня, но это предложение нелепо. В Объединенной Партии нет никого, кто обладает даже призрачным шансом на победу. Вы один сохраняете популярность. Даже мистер Гармон говорит о вас столь хорошо, как он не говорит ни о ком, кто не в его группе. Вы не можете уйти в отставку, не потянув за собой Объединенную Партию, и вы не можете отдать кресло мистеру Бертрану, потому что он не сможет продержаться в нем и шести месяцев.

— Неужели дела так плохи? — Президент Липскомб нагнулся к Гранту в конфиденциальной манере, используемой им в разговоре по душам.— Действительно ли мы столь уверены, что только мы можем спасти человеческую расу, Джон? Или мы всего лишь хотим удержать власть?

— И то и другое, я полагаю,— ответил Грант.— Не то, чтобы я сам возражал против того, чтобы уйти на покой.

— Уйти на покой,— фыркнул Кариниз.— Пустите чистых деток Бертрана на два часа в архивы и никто из нас не уйдет на покой, кроме как на тюремную планету КД. Вы, должно быть, шутите... Уйти на покой?!

— Может быть и верно,— согласился Президент.

— Есть другое средство,— предложил Каринз.— Генерал, что произойдет, если Гармон возьмет верх и начнет свою войну?

— Мистер Грант знает лучше меня,— ответил генерал Карпентер. Когда другие уставились на него, он продолжил: — Никто никогда не вел атомной войны. Почему мундир делает меня большим экспертом, чем вы? Может быть, мы сумеем победить. С тяжелыми потерями, очень тяжелыми, но наша оборона хороша.

Карпентер сделал жест в сторону двигающихся огоньков на настенной карте.

— Технология у нас лучше, чем у русских. Наши лазерные пушки должны бы сбить большинство их ракет. Флот КД не позволит никому из нас воспользоваться космическим оружием. Мы можем победить.

— Можем,— мрачно повторил Липскомб.— Джон?

— Мы можем и не победить. Мы можем убить больше половины человечества. Может и больше. Во имя Бога, откуда я знаю, что произойдет, когда мы станем швыряться атомными бомбами?

— Но русские не подготовлены,— заметил представитель коммерции.— Если мы ударим по ним без предупреждения... Люди никогда не меняют правительства посреди войны.

Президент Липскомб вздохнул.

— Я не собираюсь начать атомную войну, чтобы остаться у власти. Что бы я ни сделал, я это делал для сохранения мира. Это мое последнее оправдание. Я не мог бы жить в мире с самим собой, если принесу мир в жертву для сохранения власти.

Грант откашлялся.

— В любом случае мы не могли этого сделать. Если мы начнем обращать оборонительные ракеты в наступление, разведка Кодоминиума прослышит про это через десять дней. Договор, знаете ли, не допускает этого.— Он закурил еще одну сигарету.— Так или иначе, мы не единственная угроза КД. Всегда есть Каслов.

Каслов был чистым оптимистом, желавшим освободить Землю для коммунизма. Некоторые называли его последним коммунистом, но он, конечно, не был последним. У него имелась масса последователей. Грант хорошо помнил тайную конференцию с послом Черниковым всего лишь несколько недель назад.

Советский посол был опытным дипломатом, но было ясно, что он отчаянно чего-то хотел. Он хотел, чтобы Соединенные Штаты поддерживали давление, не ослабляли своей обороны на границах американской сферы влияния, потому что если коммунисты когда-нибудь отберут что-то у США без тяжелого боя, Каслов приобретет дома больше влияния. Он может даже захватить власть над Президиумом.

— Повсюду национализм,— вздохнул Грант.— Почему?

На это ни у кого не было ответа. Гармон набрал силу в США, а Каслов в Советском Союзе, в то время как дюжина мелких националистических лидеров набрала власть в дюжине других стран. Некоторые думали, что это началось с японского националистического

оживления.

— Все это чепуха,— заявил помощник генерального почтмейстера.— Мы не собираемся уходить и не затеваем никаких войн. А теперь, что потребуется для того, чтобы отобрать поддержку у мистера Чистюли Бертрана и направить ее обратно к нам, где ей и надлежит быть? Хороший скандал, верно? Срабатывало прежде не раз. Можно в наглую обокрасть людей, если достаточно громко орешь, какой жулик другой парень.

— Например... — поторопил его Каринз.

— Работает с япошками. Может дать япошкам ядерное. Поддерживает движение независимости Мэйдзи. Я уверен, что мистер Грант может что-нибудь устроить.

Каринз энергично закивал.

— Это может сработать. Развеет иллюзии у организаторов его кампании. Сторонники Кодоминиума враз переметнутся к нам.

Каринз помолчал и засмеялся.

— Конечно, некоторые из них направятся и к шайке Миллингтона тоже.

Все рассмеялись. Никто не беспокоился насчет Освободительной партии Миллингтона. Его сумасшедшие вызывали беспорядки и поддерживали страх в налогоплательщиках и делали популярными многие мероприятия по линии безопасности. Освободительная партия давала возможность полиции разбить несколько голов, прекрасные беспорядки для телевидения к вящей забаве Граждан и счастью налогоплательщиков.

— Я думаю, мы можем спокойно предоставить детали мистеру Гранту,— широко ухмыльнулся Каринз.

— Что вы сделаете, Джон? — спросил Президент.

— Вы действительно хотите узнать, мистер Президент? — Перебил Мориарти.— Я — нет.

— И я нет, но если я могу это разрешить, я могу, по крайней мере, выяснить, что именно. Что вы сделаете, Джон?

— Слепим чепуху, полагаю. Состряпаем заговор, а потом раскроем его.

— Вот как,— покачал головой Мориарти.— Он должен быть состряпан хорошо. Люди начинают сомневаться насчет всех этих заговоров.

Грант кивнул.

— Будут доказательства. Вещественные доказательства. Тайный арсенал ядерного оружия.

Все кивнули. Затем снова ухмыльнулся Каринз.

— Вот здорово. Вот это рванет так рванет. Спрятанное ядерное. Настоящее, я полагаю?

— Конечно.

Грант с отвращением посмотрел на толстого юнца. Какой бы был смысл в липовом ядерном оружии? Но Каринз до такой степени жил

в мире обмана, что липовое оружие могло быть для него приемлемым.

— Лучше выставить побольше копов, когда вы объявите об этой истории,— заметил Каринз.— Коль люди прослышат об этом, они разорвут Бертрана на части.

«Достаточно верно,— подумал Грант.— Вот этот пункт ему надо запомнить. Защитить этих ребят будет нелегко. С тех пор, как одна воинственная группа устроила атомную бомбежку Бейкерсфилда в Калифорнии, а преступный синдикат пытался шантажировать Сиэтл ради ста миллионов выкупа, люди не считали частные запасы ядерного оружия чем-то смешным».

— Мы не будем вовлекать лично мистера Бертрана,— мрачно заявил Президент,— ни при каких обстоятельствах. Понятно?

— Да, сэр,— быстро ответил Джон. Ему и самому не нравилась эта идея.— Просто несколько из его главных помощников.— Грант раздавил сигарету. Она или что-то иное оставила дурной привкус во рту.— Я выдам их КД для окончательного решения. Приговоренными к транспортации. Мой брат может устроить так, чтобы они не получили тяжелых приговоров.

— Разумеется. Они могут стать независимыми плантаторами на Танит, если станут с нами сотрудничать,— сказал Каринз.— Вы можете присмотреть, чтобы они не пострадали.

«Черта с два,— подумал Грант.— Жизнь на Танит была не в радость при самых лучших условиях».

— Есть еще одно дело,— сказал Президент.— Как я понял, Гранд Сенатор Бронсон что-то хочет от КД. Какой-то офицер был излишне эффективен в разоблачении действий семейства Бронсон, и они хотят его уволить.— Президент выглядел так, словно попробовал прокисшего молока.— Мне крайне неприятно, Джон. Мне крайне неприятно, но мне нужна поддержка Бронсона. Ты не мог бы поговорить со своим братом?

— Я уже поговорил,— ответил Грант.— Это будет устроено.

Грант покинул совещание спустя несколько минут. Другие могли продолжать бесконечные дискуссии, но он не видел в них ни малейшего смысла. Было ясно, что надо действовать, и чем дольше они ждут, тем больше будет у Бертрана времени собрать своих сторонников и укрепить поддержку. Если что-то надо было сделать, то это следовало делать сейчас.

Всю свою жизнь Грант находил, что неправильные действия, предпринятые решительно и своевременно, были лучше, чем правильные, но позже. Добравшись до Пентагона, он вызвал своих замов и отдал приказы. Приведение машины в действие заняло не больше часа.

Коллеги Гранта всегда говорили, что он торопыга, слишком скорый на действия без изучения последствий. Они также допускали, что ему везет. Для Гранта дело было не в везении, и он-таки учитывал последствия, но он скорее предвидел события, чем реагировал

на кризис. Он знал, что за последние недели поддержка Бертрана тревожно возросла и прежде, чем отправиться на совещание с Президентом, составил черновые планы.

Теперь было ясно, что акция должна быть совершена немедля. Через несколько дней будут утечки с совещания. Ничего о предпринимаемых действиях, но будут слухи о тревоге и озабоченности. Одна секретарша заметит, что Грант вернулся в Пентагон после того, как отпустил своего шофера. Другая увидит, что Каринз посмеивался больше обычного, когда покинул Овальный Кабинет, или, что два политических врага вышли вместе и отправились выпить по одной. Еще одна услышит разговор о Бертране и скоро по всему Вашингтону будет гулять слух, что Президент обеспокоен популярностью Бертрана.

Поскольку утечки были неизбежны, ему следовало действовать, пока это могло сработать. Грант распустил своих помощников с чувством удовлетворения. Он был готов, и кризис кончится прежде, чем начнется. И только оставшись один, он прошел через украшенную тисовыми панелями комнату к бару в стене и налил двойного шотландского.

Мерилендский пейзаж скользил мимо далеко внизу, когда «Кадиллак» летел себе на автопилоте. Лента-антенна тянулась почти до дома Гранта и он следил за сумеречным видом с максимальной расслабленностью, которой он когда-либо достигал в последнее время. Огни дома мигали внизу и немногие поверхностные машины неслись по дорогам. Позади него раскинулся массивный Остров Благополучия «Колумбия», куда убрались те перемещенные лица из Вашингтона. Нынешние обитатели были третьим поколением и никогда не знали никакой иной жизни.

Он поморщился. Острова Благополучия были глыбами бетонных зданий, контейнерами для кипящего негодования бесполезных жизней, где спокойствие поддерживалось правительственными запасами танитского гашмера и борлоя, а также дешевыми американскими виски. Человек, родившийся в одном из этих комплексов, мог оставаться там всю жизнь. И многие оставались.

Грант попытался представить себе, на что это похоже, но не мог. Рапорты от его агентов давали интеллектуальную картину, но не было никакой возможности отождествить себя с этими людьми. Он не мог испытывать безнадежности и притупленных чувств, горючей ненависти, страхов, горькой гордости уличных банд.

Каринз, однако, знал. Он начал жизнь на Острове Благополучия, где-то на среднем западе. Каринз зубами и костями проложил себе путь через школы к университетской стипендии и выходной билет на всю вечность. Он устоял перед стимуляторами, наркотиками и трилевидением. Стоило ли оно того, гадал Грант?

И, конечно, был еще один путь с Острова Благополучия — до-

бровольным колонистом, но столь немногие ступали теперь на эту дорожку. Некогда их были массы.

Динамик на приборном щитке вдруг ожил, оборвав Бетховена посреди ноты:

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ. ВЫ ПРИБЛИЖАЕТЕСЬ К ОХРАНЯЕМОМУ РАЙОНУ. НЕУПОЛНОМОЧЕННЫЙ ТРАНСПОРТ БУДЕТ УНИЧТОЖЕН БЕЗ ДАЛЬНЕЙШИХ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЙ. ЕСЛИ У ВАС ЕСТЬ ЗАКОННОЕ ДЕЛО В ЗАПРЕТНОЙ ЗОНЕ, СЛЕДУЙТЕ ЗА НАВОДЯЩИМ ЛУЧОМ ДО КОНТРОЛЬНОГО ПОЛИЦЕЙСКОГО ПОСТА. ЭТО ПОСЛЕДНЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ.

«Кадиллак» автоматически свернул с курса налево, к штаб-квартире полиции штата и Грант выругался. Он активировал микрофон и тихо проговорил:

— Это Джон Грант из Пичмонс Бэй. С моей машиной что-то случилось.

Возникла короткая пауза, а затем из динамика донесся мягкий женский голос:

— Мы очень сожалеем, мистер Грант. Ваш сигнал правильный. У вас не в порядке прибор идентификации. Пожалуйста, следуйте к своему дому.

— Исправьте эту проклятую штуку, прежде чем она застрелит налогоплательщика,— велел Грант.— Избирательный округ Энн Арундел был твердыней Объединенной партии. Долго ли так будет после несчастного случая?

Он перешел на ручное управление и пошел напрямик, игнорируя правила. Они теперь могли только оштрафовать его, поскольку знали, кто он такой. Его банковский компьютер расплатится, даже не затруднившись сообщить ему об этом.

Это вызвало на его лице мрачную улыбку. Правила нарушались, компьютеры это замечали и штрафовали. Другие компьютеры платили им и ни один человек не осознавал их присутствия. Налогоплательщик узнавал о событиях только если набиралось достаточно пробитых талонов для предупреждения о временном лишении водительских прав, если, конечно, он не любил проверять свой банковский счет сам.

Его дом лежал впереди, большое, раздавшееся здание начала двадцатого века на берегу бухты. Его яхта стояла подальше от берега и вызывала у него угрызения совести. Ею не пренебрегали, но она слишком много пребывала в руках платного экипажа, слишком долго без внимания своего владельца.

Корвер, шофер, бросился помочь выбраться Гранту из Кадиллака. Хэпвуд ждал его в большой библиотеке со стаканом «шерри» в руке. Князь Бисмарк, дрожа в присутствии своего бога, положил на колени Гранту свою доберманскую морду, готовый прыгнуть по команде хоть в огонь.

Была своеобразная ирония в том, что дома он наслаждался властью феодального владыки, но она была ограничена тем, сколь сильно слуги хотели оставаться вне Острова Благополучия. Но ему нужно было только поднять трубку телефона безопасности в углу, и его настоящая власть, совершенно невидимая и ограниченная только тем, что хотел выяснить Президент, придет в действие. Деньги давали ему видимую власть, наследственность давала ему власть над собакой, а вот что давала ему власть телефона безопасности?

— В какое время вы хотели бы пообедать, сэр? — спросил Хэпвуд.— А мисс Шарон здесь с гостем.

— С гостем?

— Да, сэр. Молодой человек, мистер Аллан Торри, сэр.

— Они обедали?

— Да, сэр, мисс Экридж позвонила и сказала, что вы опоздаете к обеду.

— Хорошо, Хэпвуд. Я пообедаю сейчас и встречусь с мисс Грант и ее гостем после.

— Отлично, сэр. Я уведомлю повара.— Хэпвуд незаметно покинул комнату.

Грант снова улыбнулся. Хэпвуд был еще одной фигурой с Острова Безопасности и вырос он, говорят, на диалекте, которого Грант никогда бы не понял. По какой-то причине на него произвели впечатление английские дворецкие, коих он видел по трилевидению, и он культивировал их манеры и был теперь известен по всему округу как превосходный управляющий домохозяйством.

Хэпвуд этого не знал, но у Гранта был записан каждый цент, принятый его дворецким: подарки от бакалейщиков и поставщиков, взносы от садовников и удивительно хорошо управляемый портфель вкладов. Хэпвуд мог легко уйти на покой со своим домом и жить жизнью вкладчика налогоплательщика. «Почему? — праздно гадал Грант.— Почему он остается? Это делает жизнь легче для меня, но почему?»

Это достаточно заинтриговало Гранта, чтобы он велел своим агентам приглядеться к Хэпвуду, но у него не было никаких политических взглядов, кроме стойкой поддержки Объединенной Партии. Единственным подозрительным пунктом в его контактах была утонченность, с которой он выжимал деньги из каждой сделки, вовлекавший дом Гранта. Детей у Хэпвуда не было, а его сексуальные потребности удовлетворялись нечастыми визитами на окраинные районы вокруг Острова Благополучия.

Грант ел механически, спеша закончить и увидеться с дочерью, и все же он боялся встретиться с парнем, которого она привела в дом. На миг он подумал было воспользоваться телефоном безопасности и выяснить о нем побольше, но тут же сердито покачал головой. Слишком много думанья о безопасности не к добру. На сей раз он

будет родителем, встречающимся с суженым своей дочери, и ничего более.

Он оставил свой обед незаконченным, не думая о том, сколько будут стоить остатки жареного мяса, ни о том, что Хэпвуд, вероятно, их где-нибудь продаст, и прошел в библиотеку.

Сев за массивный стол восточного дерева он взял бренди. За ним, по обеим сторонам от него, стены были прострочены книжными полками, безупречно чистыми от пыли отчетами о мертвых империях, но он уже много лет ни одной книги не читал. Теперь все его чтения было отдано рапортам в ярко-красных обложках. Они рассказывали живые повести о живых людях, но иногда поздно ночью Грант спрашивал себя, не такая же мертвая страна его, как и империя в книжках?

Грант любил свою страну, но ненавидел народ, всех их: Каринза и эту новую породу: транквилизированных Граждан в их Островах Благополучия, надменных налогоплательщиков, мрачно держащихся за свои привилегии.

«Что же тогда я люблю? — спрашивал он себя.— Только нашу историю и то величие, коим некогда были Соединенные Штаты? И которое находилось в этих книгах и в древних зданиях, но никогда в рапортах безопасности. Где патриоты? Все они стали Патриотами, глупцами, следующими за вожаком к ничему. Даже не к славе...»

Тут вошла Шарон. Она была впечатляющая девушка, намного красивее, чем когда-либо бывала ее мать, но у нее отсутствовала материнская осанка. Она привела высокого парня, лет двадцати с небольшим.

Грант изучал новоприбывшего, пока они подходили к нему. Симпатичный мальчик, аккуратно подстриженные длинные волосы, консервативные для нынешних времен усы. Сине-фиолетовый френч, красный шарф, немножко щеголевато, но даже Джон-младший одевался щегольски, когда выбирался из формы Кодоминиума.

Паренек шел колеблясь, почти робко, и Грант гадал, было ли это от страха перед ним и его положения в Правительстве или же лишь от естественной нервозности молодого человека, собравшегося встретиться с богатым отцом своей невесты. На руке Шарон, в желтом свете камина искрился крошечный бриллиант и она держала руку в неестественном положении.

— Папа... я так много рассказывала о нем, это Аллан. Он только что попросил меня выйти за него замуж! — Она вся светилась, Грант видел, и говорила доверчиво, уверенная в его одобрении, никак не думая, что он может быть против. Грант иногда хотел знать, не была ли Шарон единственным человеком в стране, не испытывавшим страха перед ним. За исключением Джона-младшего, которому незачем было его бояться. Он был вне досягаемости гранатового телефона безопасности. Флот КД заботился о своих.

По крайней мере, он попросил ее выйти за него замуж. Он мог бы просто переселиться к ней. Или уже переселился? Грант встал и протянул руку.

— Хэлло, Аллан.

Рукопожатие Торри было твердым, но глаза его избегали встретиться с глазами Гранта.

— Так, значит, вы хотите жениться на моей дочери? — Грант указующе взглянул на ее руку.— Похоже, что она одобряет эту идею.

— Да, сэр. Э-э, сэр, она хотела подождать и спросить у вас, но я настоял. Это моя вина, сэр. — На этот раз он посмотрел ему в глаза почти вызывающе.

— Да.— Грант снова сел.— Ну, Шарон, раз уж ты дома этим вечером, я желал бы, чтобы ты поговорила с Хэпвудом насчет князя Бисмарка. По-моему, животное неправильно кормят.

— Ты хочешь сказать, прямо сейчас? — надула она губы.— В самом деле, папа, это уже викторианство! Высылать меня из комнаты, пока ты говоришь с моим женихом!

— Да, действительно, не так ли? — Грант не сказал больше ничего, и она, наконец, повернулась к двери.

— Не давай ему себя запугать, Аллан. Он примерно так же опасен, как та мышиная голова в комнате охотничьих трофеев! — и выскочила, прежде чем мог быть какой-нибудь ответ.

4

Они уселись, испытывая неловкость. Грант оставил стол и сел рядом с Торри у камина. Бренди, предложение курить и все обычные любезности — он их все выполнил; но наконец Хэпвуд принес им освежающее и дверь закрылась.

— Ладно, Аллан,— начал Джон Грант.— Давайте будем банальными и покончим с этим. Как вы намерены ее содержать?

На этот раз Торри посмотрел ему прямо в глаза. В его глазах плясало то, что было — /Грант был в этом уверен/ скрытым весельем.

— Я ожидаю, что меня назначат на хороший пост в Министерстве Внутренних Дел. Я по образованию — инженер.

— Внутренних Дел? — Грант задумался. Такой ответ удивил его — он как-то не думал, что такой парень был еще одним искателем теплого местечка.— Я полагаю, что это можно будет устроить.

Торри улыбнулся. Это была замечательная улыбка и Гранту она понравилась.

— Ну, сэр, это уже устроено. Я не прошу работы.

— О? — Грант пожал плечами.— Я что-то не слышал.

— Заместителем помощника секретаря по природным ресурсам. У меня диплом магистра по экологии.

— Это интересно, но я думаю, что слышал бы о вашем предстоящем назначении.

— Оно еще не является официальным, сэр. И не будет, пока министра Бертрана не изберут Президентом. В данный момент я в его штабе.— Улыбка по-прежнему играла на его губах и она была дружелюбной, а не враждебной. Парень думал, что политика — это игра. Он хотел победить, но это была только игра. И он видел настоящие опросы, подумал Грант.

— А что именно вы делаете для министра Бертрана?

Аллан пожал плечами.

— Пишу речи, разношу почту, печатаю на ксероксе — да вы бывали в штаб-квартире избирательной компании. Я — тот парень, которому достается работа, которую не желает больше никто другой.

— Я начинал как мальчик на побегушках,— засмеялся Грант.— Но скоро я сам нанял такого на то, что некогда пожертвовал на партию. Больше они этого фокуса со мной не пробовали. Я полагаю, что для вас этот курс закрыт.

— Да, сэр. Мой отец — налогоплательщик, но платить нам сейчас весьма тяжело...

— Да.

Ну, по крайней мере, он был не из семьи Граждан. Детали Грант завтра узнает от Экридж, а сейчас важно было познакомиться с парнем поближе.

Это было трудно. Аллан был искренен и не напряжен и Грант был доволен, увидев, что он отказался от третьей рюмки; но им было не о чем говорить. Торри не имел ни малейшего представления о реальностях политики. Он был одним из детей-крестоносцев Бертрана и он собирался спасти Соединенные Штаты от людей вроде Джона Гранта, хотя он был слишком вежлив, чтобы прямо так и сказать.

«И я когда-то был таким же молодым,— подумал Грант.— Я хотел спасти мир, но насколько все тогда было иначе. Когда я был молод, никто не хотел положить конец Кодомениуму. Мы были слишком счастливы покончить со второй холодной войной. Что произошло с великим чувством облегчения, когда мы смогли перестать беспокоиться об атомных войнах. Когда я был молод, мы думали только об этом, о том, что мы будем последним поколением. Теперь они воспринимают как должное, что у нас будет мир на веки веков. Неужели мир это такая малость?

— Впереди столько дел,— говорил между тем Торри.— Проект «Байя», тепловое отравление моря Кортеса! Они убивают всю экологию просто ради создания поместий для налогоплательщиков. Я знаю, это не ваш департамент, сэр, вы, вероятно, даже не знаете,

что они творят. Но Липскомб слишком долго был у власти! Коррупция, особые интересы, настало время, чтобы мы снова получили истинно двухпартийную систему вместо положения, при котором маятник власти ходит взад-вперед для перемен и мистер Бертран самый подходящий человек, я знаю это.

Улыбка Гранта была натянутой, но он сумел улыбнуться.

— Едва ли вы ждете, что я соглашусь с вами.

— Да, сэр.

— Но, наверное, вы в этом правы,— вздохнул Грант.— Должен сказать, что я бы не возражал против ухода на покой, так, чтобы я смог жить в этом доме вместо того, чтобы навещать его только лишь по выходным.

«Какой в этом смысл,— подумал Грант.— Ему никогда не убедить этого парня, а Шарон хотела его. Торри бросит Бертрана после начала скандала. Да и вообще, какие тут объяснения? Проект «Байя» был создан в помощь синдикату налогоплательщиков в шести штатах, бывших прежде Мексикой. Правительство в них нуждалось, а они плевать хотели на китов и рыбу. Близорукие, да и Грант пытался уговорить их на изменение проекта, но они не соглашались, а политика — это искусство возможного».

Наконец, болезненно, беседа закончилась. Вошла Шарон, робко улыбаясь оттого, что она обручилась с одним из ребят Бертрама, но она это понимала лучше, чем Аллан Торри. Это была только игра. Бертран победит, а Грант уйдет на покой и никому никакого вреда.

Как он мог сказать им, что так больше не получалось. Объединенная партия стала не самой чистой партией в мире, но по-крайней мере в ней не было фанатиков. А по всему миру поднимались сектанты. Друзья Народа были на марше, а все это случалось и раньше, все это снова и снова рассказывалось в этих асептически чистых книгах на полках над ним.

ПОМОЩНИКИ БЕРТРАНА АРЕСТОВАНЫ МЕЖКОНТИНЕНТАЛЬНЫМ БЮРО РАССЛЕДОВАНИЙ !!! МБР ЗАХВАТЫВАЕТ ТАЙНЫЙ СКЛАД ОРУЖИЯ В ШТАБ-КВАРТИРЕ БЕРТРАНА. НАМЕКАЮТ НА ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ.

Чикаго. Пятнадцатое мая /ЮПИ/ — агенты МБР арестовали здесь пять главных помощников сенатора Харви Бертрана за то, что правительственные чиновники называют одним из самых подлых когда-либо раскрытых заговоров.

Грант без удовлетворения прочел сообщение на своем настольном дисплее. Все вышло согласно плану и ничего больше не оставалось добавить, но он ненавидел это.

По крайней мере, сработано чисто. Улики были налицо. Ребята Бертрама могли получить свой суд, отводить присяжных, отводить судей. Правительство откажется от своих прав по тридцать первой

поправке и позволит судить дело по старым правилам противоборства сторон. Это уже не имело значения.

Затем он прочел мелкую печать внизу:

«Были арестованы: Грегори Каламинтор, девятнадцать лет, пресс-секретарь Бертрана; Тимоти Джордано, двадцать два года, секретарь; Аллан Торри, двадцать два года, административный помощник...

— Боже мой, что же мы наделали!

Он не шевельнулся, когда загудел интерком мисс Экридж.

— Ваша дочь на четвертом канале, сэр. Она, кажется, расстроена.

— Да.— Грант резко ударил по кнопке. Лицо Шарон появилось в поле зрения. Ее косметика была пересечена длинными бороздами слез. Она выглядела старше, чем была, очень похожей на свою мать.

— Папа! Они арестовали Аллана! И я знаю, что это неправда, он не имеет никакого отношения к ядерному оружию! Многие сотрудники мистера Бертрана говорили, что в этой стране никогда не будет честных выборов. Они говорили, что Джон Грант об этом позаботится! Я отвечала им, что они неправы, но они были правы, не так ли? Ты сделал это, чтобы остановить выборы, так ведь?

Сказать было нечего, потому что она была права. Но кто мог услышать?

— Я не знаю, о чем ты говоришь? Я только видел сообщение трилевидения об аресте Аллана, ничего больше. Приезжай домой, киска, и мы поговорим об этом.

— Ну, нет! Ты не заманишь меня туда, где доктор Поллард сможет сделать мне милый дружеский укольчик и заставить забыть об Аллане! Нет! Я останусь с моими друзьями и дома не буду, папочка. А когда я обращусь к газетам, то они, я думаю, меня выслушают. Я еще не знаю, что скажу им, но я уверена, что люди мистера Бертрана что-нибудь придумают. Как вам это нравится, мистер Бог?

— Все, что ты скажешь прессе, будет ложью. Ты ничего не знаешь.

Вошел один из его помощников и теперь покинул кабинет.

— Ложью? А где же это я научилась лгать? — Экран померк.

Неужели они были столь хрупкими, спросил он себя. Все, доверие и любовь, смогли исчезнуть так быстро, неужели они были такими хрупкими?

— Сэр?

Это был Хартман, его помощник.

— Она звонила из Шампани, Штат Иллинойс.— Штаб-квартира Бертрама, о которой они думают, что мы не знаем. На телефоне одно из тех устройств, гарантирующих непрослеживание.

— Доверчивые ребята, а? — заметил Грант.— Поставьте несколько надежных людей следить за тем домом, но ее не трогайте.— Он встал и ощутил столь сильный приступ тошноты, что вынужден был

ухватиться за край стола.— Удостоверьтесь, черт возьми, что они ее не тронут. Понятно?! — выкрикнул он.

Хартман стал так бледен, как и Грант. Шеф пять лет не повышал голоса на своих сотрудников.

— О, да, сэр, понял.

— Тогда убирайтесь отсюда.— Грант говорил размеренно, пониженным тоном и этот механический холодный голос был ужасней, чем крик.

Он сидел один, уставившись на телефон. Что пользы было теперь в его власти?

«Что мы можем сделать? То, что Шарон была обручена с этим парнем не было общеизвестно. Он отговорил их от формальной помолвки, пока это нельзя будет объявить в Национальном соборе и они не смогут устроить большой светский прием. Было что-то, что можно было сделать для них со временем, но...

Но что? Он не мог освободить паренька. Такой не станет хранить молчание в качестве цены за собственную свободу. Он возьмет Шарон в газету через пять минут после своего освобождения, а заголовки, в результате, уничтожат Липскомба, Объединенную Партию, Кодоминиум и — мир. Газетчики послушают дочь совершенно секретного начальника тайной полиции страны.

Грант выстучал код на коммуникаторе, затем другой.

— Да, мистер Грант?

— Вы одни?

— Да.

Разговор был болезненным и долгая задержка, пока сигналы достигли Луны и возвращались обратно, не делала его легче.

— Когда отбывает из Солнечной системы ближайший боевой корабль КД? Не колониальный корабль, и уж особенно не тюремный. Военный корабль.

Еще долгая пауза. Даже дольше, задержка.

— Я полагаю, что-нибудь можно будет устроить,— сказал Гранд Адмирал.— Что вам нужно?

— Мне надо...— Грант поколебался, но нельзя было терять времени. Времени не было вовсе.— Мне надо место для двоих очень важных политзаключенных. Женатой пары. Экипаж не должен знать кто они и всякий, кто узнает, должен оставаться вне Солнечной системы по меньшей мере пять лет. И я хочу, чтобы их поселили на хорошей колониальной планете, в достойном месте. На Спарте, наверное. Со Спарты никто никогда не возвращается. Можете ли вы это устроить?

Грант мог наблюдать перемены в лице Лермонтова, когда слова достигли его. Адмирал нахмурился.

— Это достаточно важно. Мой брат, мистер Мартин, после объяснит все, что вам нужно знать. Заключенные будут доставлены сегодня ночью, Сергей. Пожалуйста, подготовь корабль. И... и пусть

это будет не «Саратога» . На ней служит мой сын и он узнает одного из заключенных.— Грант с трудом сглотнул.— На борту должен быть капеллан. Ребят надо будет обвенчать.

Лермонтов снова нахмурился, словно гадал, не сошел ли с ума Джон Грант. И все же он нуждался в Грантах, в них обоих, и разумеется Джон Грант не попросил о такой услуге, не будь она жизненно важной.

— Будет сделано,— пообещал Лермонтов.

— Спасибо, я также оценю, если ты присмотришь за тем, чтобы они получили хорошее поместье на Спарте. Им незачем знать, кто это устроил. Просто позаботься об этом и пришли мне счет.

Все было так очень даже просто. Направить агентов, арестовать Шарон и препроводить ее в разведку КД. Он не хотел бы сперва повидать ее. Министр юстиции пошлет Торри в то же место и объявит, что он сбежал. Это было не так аккуратно, как обвинить их всех на открытом суде, но это сделают, а то, что один из них сбежал от правосудия, даже поможет. Это будет признанием вины.

Что-то в нем снова и снова кричало, что это его девочка, единственный человек в мире, не боявшийся его, но Грант отказался его слушать. Он откинулся на спинку кресла и почти спокойно продиктовал приказы.

Он вынул тонкий лист из печатной машинки и его рука совершенно не дрожала, когда он подписывал его.

«Ладно, Мартин,— подумал он.— Ладно. Я выиграл время, о котором вы просили, ты и Сергей Лермонтов. Можете вы теперь что-нибудь сделать с ним?»

5

Две тысячи восемьдесят седьмой год нашей эры.

Десантная шлюпка отвалила от военного корабля на орбите. Когда она отошла на безопасное расстояние, включились задние двигатели и после того, как она достигла верхних слоев планеты, на носу открылись заборные ковши. Разреженный воздух был всосан и сжат, пока температура в камере прямоточного турбореактивного двигателя не стала достаточно высокой для зажигания.

Двигатели включились с ревом пламени. Выскочили крылья, чтобы дать поддержку космоплану на сверхзвуковой скорости и он полетел через пустой океан к контингенту в двух тысячах километров отсюда.

Корабль перевалил через горы, высотой в двенадцать километров, затем снизился над густо поросшей лесом равниной. Он сбавлял скорость до тех пор, пока не стало больше опасности для тонкой полоски обитаемых земель вдоль океанских берегов. Великий океан

планеты соединялся с меньшим морем, почти совсем окруженным сушей, каналом не больше пяти километров в поперечнике в самом широком месте и почти все колонисты жили неподалеку от этого соединения вод.

Столица Хэдли притулилась на длинном полуострове в устье этого канала и две морских гавани, одна морская, другая океаническая дали городу подходящее название — Рефьюдж /англ.— прибежище, тихая пристань/. Название предполагало спокойствие, которого город более не знал.

Корабль до предела выпустил крылья и проплыл низко над тихими водами порта на канале. Затем он приводнился. Через ясную синюю воду к нему бросились буксиры. Потные матросы бросили концы и отбуксировали десантное судно к доку, где и закрепили его.

Со шлюпки промаршировала длинная цепь Десантников Кодоминиума в гарнизонной форме. Они построились в шеренги ярких цветов на длинном сером бетонном пирсе. Следом за ними вышли двое мужчин в штатском.

Они прищурились от непривычного сине-белого солнца Хэдли. Оно находилось так далеко, что показалось бы только маленькой точкой, если бы у кого-нибудь из них хватило глупости посмотреть прямо на него. Малые на вид размеры были всего лишь вызванными расстоянием иллюзией. Хэдли получала столько света от своего более жаркого светила, сколько Земля от своего Солнца.

Оба мужчины были высокими и стояли так же прямо, как Десантники перед ними, так что за исключением одежды они могли быть ошибочно приняты за часть высадившегося батальона. Меньший ростом нес багаж за них обоих и стоял уважительно позади; хоть и старший по возрасту он был младше по званию.

Они следили, как двое мужчин помоложе шли неуверенно вдоль пирса. Лишенные украшений мундиры новоприбывших резко контрастировали и с ярко-красными и золотыми цветами мельтешивших вокруг них Десантников Кодоминиума. Те уже сновали к шлюпке и обратно, вынося казарменные ранцы, оружие и все прочее личное снаряжение легкого пехотного батальона.

Тот из штатских, который был повыше ростом, повернулся к пришельцам в мундирах:

— Как я понял, вы встречаете нас? — любезно спросил он. Голос его звенел сквозь шум на пирсе и доносился легко, хоть он и не кричал. Акцент его был нейтральным, почти универсальный английский нерусских офицеров на военной службе Кодоминиума и он отмечал его профессию так же верно, как выправка и командный тон.

Но даже теперь встречающие не были уверены. В последнее время развелось много бывших офицеров Военно-Космического Флота Кодоминиума, ставших бичами, так как КД с каждым годом снижают бюджет.

— Я думаю, что так,— сказал наконец один.— Вы Джон Кристиан Фалькенберг?

На самом деле его звали Джон Кристиан Фалькенберг III и он подозревал, что его дед настаивал бы на этом отличии.

— Совершенно верно, и главстаршина Кальвин.

— Рад вас видеть, сэр. Я лейтенант Баннеро, а это — поручик Маурер. Мы из штата Президента Будро.— Баннеро оглянулся, словно ожидая подхода других, но никого вокруг не было, кроме Десантников. Он бросил на Фалькенберга слегка озадаченный взгляд, а затем добавил: — У нас есть транспорт для вас, но вашим солдатам, боюсь, придется идти пешком. Это, примерно, одиннадцать миль.

— Миль,— улыбнулся про себя Фалькенберг.— Это и в самом деле захолустье.— Я не вижу никакой причины, почему бы десять здоровых наемников не могли бы промаршировать восемнадцать километров, лейтенант.

Он повернулся лицом к черному отверстию входа на шлюпку и окликнул кого-то изнутри:

— Капитан Фест, транспорта нет, но кто-нибудь покажет вам куда отвести людей. Прикажите им отнести все снаряжение.

— Э-э, сэр, в этом нет необходимости,— запротестовал лейтенант.— Мы можем достать, ну, у нас есть гужевой транспорт для багажа.— Он посмотрел на Фалькенберга так, словно ждал, что тот засмеется.

— Это едва ли редкость на колониальных планетах,— сказал Фалькенберг.— Лошадей и мулов можно было перевозить в виде замороженных эмбрионов и им не требовался для восстановления высокий технологический уровень промышленности, они не нуждались и в промышленной основе для своей заправки.

— Этим займется поручик Маурер,— сказал лейтенант Баннерс. Он снова замолк и, похоже задумался, неуверенный как сказать что-то Фалькенбергу. Наконец он покачал головой.— Я думаю, будет разумно, если вы раздадите своим солдатам личное оружие, сэр. На пути к казармам не должно быть никаких неприятностей, но.... так или иначе, десять вооруженных солдат, конечно, не столкнутся ни с какими проблемами.

— Ясно. Наверное, мне следует отправиться с моими солдатами, лейтенант. Я не знал, что дела на Хэдли так плохи.— Голос Фалькенберга был спокоен и ровен, но он внимательно следил за младшими офицерами.

— Нет, сэр. Они на самом деле не настолько плохи... Но нет смысла идти на риск.— Он взмахом руки указал поручику Мауреру на десантное судно и снова повернулся к Фалькенберга. Из воды за бортом десантного судна появилась большая черная махина. Она плеснула водой и исчезла. Баннерс, казалось, ее не заметил, но Десантники взволнованно закричали.— Я уверен, что поручик и ваши

офицеры смогут управиться с высадкой, а Президент хотел бы увидеться с вами немедленно, сэр.

— Несомненно. Ладно, Баннерс, ведите. Я захвачу с собой главстаршину Кальвина.— Он последовал за Баннерсом с пирса.

«Нет смысла в этом фарсе,— подумал Фалькенбергу.— Всякий, увидев десять вооруженных людей в сопровождении президентского поручика, поймет, что они наемники, в штатском они или нет. Еще один случай неверной информации».

Фалькенбергу велели хранить в тайне свой статус и статус своих солдат, но это не пройдет. Он спрашивал, не сделает ли это более трудным сохранение его собственной тайны.

Баннерс быстро провел их через шумные казармы Десантников Кодоминиума, мимо скачущих часовых, полуотдавших честь мундиру президентской гвардии. Крепость Десантников была активным муравейником, все открытое пространство было забито вещмешками и оружием — признаками вооруженных сил, собирающихся переезжать на другую базу.

Когда они покинули здание, Фалькенберг увидел пожилого флотского офицера.

— Извините, Баннерс, я на минутку задержусь. — Он повернулся к капитану Военно-Космического Флота Кодоминиума.— Они прислали за мной. Спасибо, Эд.

— Никаких проблем. Я доложу о твоем прибытии Адмиралу. Он хочет быть в курсе твоих дел. Неофициально, конечно. Желаю удачи, Джон. Видит Бог, она тебе сейчас понадобится. Подлое это было дело.

— Так уж повелось.

— Да, но флот, бывало, лучше заботился о своих. Я начинаю задумываться, а в безопасности ли хоть кто-нибудь? Проклятый сенатор...

— Забудь об этом,— перебил его Фалькенберг. Он быстро оглянулся, чтобы убедиться, что Баннерс был за пределами слышимости.— Передай мой привет остальным офицерам, ты командуешь хорошим кораблем.

Капитан тонко улыбнулся.

— Спасибо. От тебя это высшая похвала.— Он протянул руку и крепко сжал ладонь Джона.— Слушай, мы отчаливаем через пару дней, не больше. Если понадобится куда-нибудь подбросить, я могу это устроить. Проклятому сенатору не обязательно об этом знать. Мы можем отвезти тебя куда угодно, на территории КД.

— Спасибо, но я полагаю, что я останусь.

— Здесь может стать тяжко,— предупредил капитан.

— А разве повсюду в Кодоминиуме не будет тоже самое? — спросил Фалькенберг.— Еще раз спасибо, Эд. — Он было отдал честь, но остановился.

Баннерс и Кальвин ждали его, и Фалькенберг повернулся и подо-

шел к ним. Кальвин поднял три чемодана с личными вещами так, словно они были пустыми и одним гладким движением распахнул дверь. Капитан смотрел им вслед, пока они не покинули здание, но Фалькенберг не оглянулся.

— Будь они прокляты,— пробормотал капитан.— Будь они прокляты все.

— Машина здесь,— Баннерс открыл заднюю дверцу помятой машины на воздушной подушке совершенно неопознаваемой марки. Ее соорудили из чистой дюжины других машин, а некоторые части были явно самоделкой неуверенного механика. Баннерс влез на сиденье водителя и завел мотор. Тот дважды кашлянул, потом заработал гладко и они отъехали в облаке черного дыма.

Они проехали мимо другого дока, где с десантного судна, у которого крылья были величиной с целую десантную шлюпку, выгружали бесконечный поток штатских пассажиров. Дети визжали, а мужчины и женщины неуверенно глазели по сторонам, пока их бесцеремонно не толкали охранники в форме как у Баннерса. Кислый запах немытых людей смешивался с живительно чистым соленым воздухом близкого океана. С выражением отвращения на лице Баннерс поднял стекла окон.

— Всегда так,— заметил Кальвин, ни к кому в особенности не обращаясь.— При той водной дисциплине, что царит на тюремных кораблях, требуется неделя грязности, чтобы добиться чистоты.

— Вы когда-нибудь бывали на одном из этих кораблей? — спросил Баннерс.

— Нет, сэр,— ответил Кальвин.— Быть на десантной шлюпке, я думаю, так плохо. Но я не могу сказать, что горю желанием оказаться втиснутым на шесть месяцев в одну бочку с десятью-пятнадцатью тысячами штатских.

— Мы все можем очутиться в одной из этих бочек, — сухо заметил Фалькенберг.— И будем рады своей удаче. Расскажите мне о здешней ситуации, Баннерс.

— Я даже не знаю с чего начать, сэр. — Ответил Баннерс.— Я... вы знаете о Хэдли?

— Считайте, что не знаю,— предложил Фалькенберг.

«Можно вдобавок посмотреть какую оценку ситуации способен дать офицер президента»,— подумал он.

Он пощупал, как оттопыривается во внутреннем кармане его френча доклад флотского разведчика, но эти доклады всегда оставляли за бортом важные детали, а позиция президентской гвардии могла быть важна для его планов.

— Да, сэр. Ну, для начала, мы находимся вдалеке от ближайших корабельных линий. Но это, я полагаю, вы знаете. Единственной причиной, по которой у нас вообще существует какая-то торговля, были рудники. Торий, на какое-то время, самые богатые залежи из

всех известных, пока они не стали истощаться.

— В первые несколько лет, в горах, примерно восемьдесят миль в ту сторону,— он показал на еле видимую на горизонте тонкую голубую линию.

— Должно быть, весьма высокие горы,— заметил Фалькенберг.— Какой диаметр у Хэдли? Примерно восемьдесят процентов от земного?.. Что-то вроде того. Горизонт должен быть весьма близко.

— Да, сэр. Это высокие горы. Хэдли мала, но у нас все здесь больше и лучше.— В голосе молодого офицера звучала гордость.

— Чемоданы у них кажутся весьма тяжелыми для такой маленькой планетки,— заметил Кальвин.

— Хэдли очень плотная,— объяснил Баннерс.— Гравитация почти девяносто процентов от стандартной. Так или иначе, рудники там, и у них неподалеку от озера имеется свой собственный космопорт. Рефьюдж, весь этот город, был основан компанией «Американ Экспресс». Она же доставила и первых колонистов и довольно много.

— Добровольцев?— Спросил Фалькенберг.

— Да, все добровольцы. Обычные неужившиеся на Земле. Я полагаю, мой отец был довольно типичен. Инженер, который не мог выдержать крысиной гонки и устал от ограничений Бюро Технологии на то, что он мог узнать. Они были первой волной и взяли самую лучшую землю. Они основали город и привели в движение экономику.«Американ Экспресс» в двадцать лет расплатился за все авансы. — Гордость Баннерса была явной и Фалькенберг понял, что это было трудной задачей.

— Это было когда, пятьдесят лет назад? — спросил Фалькенберг.

— Да.

Они проезжали по заполненным народом улицам, вдоль которых выстроились деревянные дома и немногочисленные каменные здания. Тут были жилые дома, бары, матросские бордели — все обычные заведения припортовой улицы, но на мостовой не было других машин. Вместо автомобильного движения сплошь были телеги, запряженные лошадьми и быками, велосипеды и пешеходы.

Небо над Рефьюджем было чистое. Не было никаких следов смога или промышленных отходов. В порту буксиры двигались с бесшумной эффективностью электрической энергии, а также гонимые ветром парусные суда, омароловы на веслах и даже одна замечательно красивая на фоне чистой голубой воды марсельная шхуна. Она подымала белые буруны, устремляясь в открытое море. На верфи был причален трехмачтовый корабль с полной оснасткой и его вручную грузили огромными тюками того, что могло быть хлопком.

Они проехали мимо повозки с дынями. Нарядно одетая парочка весело помахала им, затем мужчина щелкнул длинным кнутом тянувшую повозку упряжку лошадей. Фалькенберг какое-то время изучал эту первобытную сценку и наконец произнес:

— На вид непохоже, чтобы вы пробыли здесь пятьдесят лет.

— Да,— Беннерс бросил на них горький взгляд. Затем он свернул, чтобы избежать бесформенной группы слонявшейся на припортовой улице подростков. Ему снова пришлось свернуть, чтобы избежать закрываемой ими баррикады из булыжников. Машина дико затряслась, и Баннерс газанул, чтобы поднять ее повыше и направил к самому низкому месту в баррикаде. Она скребанула по ней, когда проходила, а затем и он прибавил ходу.

Фалькенберг вынул руку из-за пазухи. Позади него Кальвин проверял автомат, появившийся из принесенного им с собой крупногабаритного ранца. Когда Баннерс ничего не сказал об этом инциденте, Фалькенберг нахмурился, и слушая, дальше откинулся на спинку сиденья. Рапорты разведки упоминали о беззаконии, но тут было худо, как на Острове Благополучия на Земле.

— Да, мы не очень индустриализованы,— продолжал Баннерс.— Сперва не было никакой нужды развивать основные виды промышленности. Рудники сделали всех богатыми, так что все, что нам было нужно, мы импортировали. Фермеры продавали горнякам продукты за громадные цены. Рефьюдж был городом индустрии обслуживания. Работавшие здесь люди скоро могли позволить себе домашних животных и рассеялись по равнинам и лесам.

Фалькенберг кивнул.

— Многим из них нет дела до городов.

— Именно так. Они не желали промышленности, они же сюда и приехали, чтобы сбежать от нее.— С минуту Баннерс ехал молча.— А потом какой-то проклятущий бюрократ Кодоминиума прочел экологический отчет с Хэдли. Бюро контроля над населенностью решило, что это превосходное место для недобровольной колонизации. Корабли все равно приходили сюда за торием, так что вместо предметов роскоши и машинерии им приказали привозить осужденных. Сотни тысяч, полковник Фалькенберг. За последние десять лет на нас сваливали более пятидесяти тысяч человек в год.

— И вы не могли содержать всех,— тихо произнес Фалькенберг.

— Да, сэр.— Лицо Баннерса сжалось. Он, казалось, боролся со слезами.— Видит Бог, мы пытаемся. Каждый эрг, который могут произвести плавильные генераторы, уходит на обращение нефти в протоуглероды, только для того, чтобы их прокормить. Но они не такие как первые колонисты! Они ничего не знают, они ничего не делают! О, не в самом деле, конечно. Иные из них работают. Некоторые из наших лучших граждан — ссыльные. Но ведь тут столько совсем иного рода.

— А почему вы не велели им работать или пусть подыхают с голоду? — напрямик спросил Кальвин. Фалькенберг бросил на него холодный взгляд и сержант слегка кивнув, погрузился в спинку своего сиденья.

— Потому что КД нам бы не позволил! — крикнул Баннерс.— Черт побери, у нас же не было самоуправления. Сотрудники Бюрс Перемещения указывали что нам делать. Они заправляли всем...

— Мы знаем,— мягко вставил Фалькенберг.— Мы видели результаты влияния на Бюрпер Лиги Гуманности. Мой главстаршина не задавал вам вопрос, а выражал мнение. Тем не менее, я удивлен. Я бы подумал, что ваши фермы могли бы поддержать городское население.

— Это должно бы быть им по силам, сэр.— Долгую минуту Баннерс ехал в мрачном молчании.— Но нет никакого транспорта. Народ здесь, а большая часть обрабатываемой земли находится в пятистах милях вглубь материка. Есть и ближе пригодная для обработки земля, но она не расчищена. Наши поселенцы хотели убраться подальше от Рефьюджа и Бюрпера. У нас есть железная дорога, но ее без конца взрывают бандитские шайки. Мы не можем полагаться на продукцию Хэдли в сохранении жизни Рефьюджа. На Хэдли миллион населения и половина его набита в один этот неуправляемый город.

Они приближались к огромному чашеобразному строению, соединенному с массивным квадратом каменной крепости. Фалькенберг внимательно изучил их, а затем спросил, что это за здания.

— Наш стадион,— ответил Баннерс. На сей раз в его голосе не было никакой гордости.— Его построил нам КД. Мы скорей бы предпочли новый плавильный завод, но получили стадион, который может вместить сто тысяч человек.

— Построенный, как я думаю, компанией «ГЛК Констракшн энд Девелопмент»,— сказал Фалькенберг.

— Да... Откуда вы знаете?

— По-моему, я это где-то видел.— Он не видел, но догадаться было легко: ГЛК принадлежала акционерной компании, которая в свою очередь принадлежала семейству Броксонов. Было достаточно легко понять, почему посланная Гранд Сенатом помощь, в конечном итоге, использовалась на то, в чем могла принять участие ГЛК.

— У нас есть очень приличные спортивные команды,— зло сказал Баннерс.— Здание рядом с ним — Президентский Дворец. Его архитектура совершенно функциональна.

Перед ними вырисовывались смутные очертания дворца, приземистого и массивного. Он походил скорей на крепость, чем на столичное здание.

По мере их приближения к дворцу город становился все более густонаселенным. Здания здесь были по большей мере из камня и литого бетона, а не из дерева. Немногие были более трех этажей в высоту, так что Рефьюдж далеко расползался вдоль берега. За пределами дворцово-стадионного комплекса плотность населения стремительно возросла. Баннерс внимательно смотрел вперед, когда они ехали по широким улицам, но казался менее нервозным, чем в

районе доков.

Рефьюдж был городом контрастов. Улицы были прямые и широкие и тут, по-видимому, существовала хорошая система удаления отходов, но нижние этажи зданий были открытыми лавками, а тротуары заставлены лотками. Мимо этих киосков и лавок двигалась толпа пешеходов.

По-прежнему не было ни моторного транспорта, ни движущихся тротуаров. Вместе с совершенно функциональными фонарями и водозаборными колонками были поставлены с частыми интервалами ясли для лошадей и коновязи. Немногие признаки технологии контрастировали с общим примитивным видом города.

На уличном переходе пробивал себе дорогу сквозь толпу контингент людей в форме. Фалькенберг внимательно посмотрел на них, а затем на Баннерса:

— Ваши солдаты?

— Нет, сэр. Это форма дома Гленна Фостера. Официально, они — неорганизованные резервы Президентской Гвардии, но тем не менее это частные войска.— Баннерс зло рассмеялся.— Звучит словно из какого-то исторического романа, не правда ли? Мы почти вернулись к феодализму, полковник Фалькенберг. Всякий достаточно богатый держит наемных телохранителей. Они в ы н у ж д е н ы. Преступные шайки настолько сильны, что полиция не пытается поймать тех, кто под организованной защитой, а судьи не карают их, если те попадутся.

— А частные телохранители в свою очередь сами становятся бандитами?

Баннерс остро поглядел на него.

— Да, сэр. Вы видели такое и раньше?

— Да, я видел такое и раньше.

Баннерс был не в состоянии разобрать выражение лица Фалькенберга.

6

Они въехали в президентский дворец и получили честь от солдата в синей форме. Фалькенберг заметил надраенное оружие и четкую вымуштрованность Президентской Гвардии. Здесь на посту были хорошо обученные солдаты, но часть-то была маленькая. Фалькенбергу хотелось знать, смогут ли они так же хорошо драться, как стоят на посту. Они были местными гражданами, верными Хэдли, и были непохожи на привычных ему Десантников КД.

Его провели через серию комнат в каменной крепости. В каждой имелись металлические двери и некоторые были кордегардиями.

Фалькенберг не видел никаких признаков правительственной деятельности, пока они не прошли через внешние слои огромного дворца в открытый двор, а через него во внутреннее здание.

Здесь было полно народа. Клерки носились по коридорам, а девушки, задрапированные в тоги модные на Земле много лет назад, сидели за столиками по кабинетам. Большинство, казалось, упаковывало содержимое столов в ящики, а другие шныряли по коридорам. Некоторые кабинеты были пустыми, а их столы покрыты легкой пылью, а перед ними свалены передвижные пластмассовые ящики.

У кабинета Президента было две приемных, сам Президент Будро был высоким худощавым мужчиной с рыжими тонкими усами и быстрыми жестами. Когда их ввели в эту чересчур изукрашенную комнату, Президент оторвался от кипы бумаг, но глаза его не сразу сфокусировались на посетителях. Его лицо было маской беспокойства и озабоченности.

— Полковник Джон Кристиан Фалькенберг, сэр,— доложил Баннерс,— и главстаршина Кальвин.

Будро поднялся на ноги.

— Рад вас видеть, Фалькенберг,— выражение его лица говорило им иное; он посмотрел на своих посетителей с легким отвращением и знаком велел Баннерсу покинуть кабинет. Когда дверь закрылась, он спросил: — Сколько вы привезли с собой людей?

— Десять, мистер Президент. Всех, кого могли провести на борт ракетоносца, не возбуждая подозрений. Нам повезло, что и столько-то смогли. Гранд Сенат направил в погрузочные доки инспекторов, проверять нарушения антинаемнического кодекса. Если бы мы не дали взятку портовому чиновнику, чтобы тот отвлек инспектора, нас бы здесь не было вообще. Мы с Кельвином отправились бы на Танит ссыльными.

— Понимаю.— Судя по выражению лица, он не был удивлен. Джон подумал, что Будро был бы больше доволен, если бы инспектор его поймал. Президент нервно побарабанил пальцами по столу.— Наверное, этого хватит. Как я понял, корабль, которым вы прибыли, привез также Десантников, собравшихся добровольно поселиться на Хэдли. Они должны создать ядро превосходных полицейских сил. Хорошие солдаты?

— Это был демобилизованный батальон,— ответил Фалькенберг.— Это солдаты, которые больше не нужны Кодоминиуму. Могут быть поскребыши со всех гауптвахт на двадцати планетах. Нам повезет, если во всей компании хоть один настоящий солдат.

Лицо Будро вернулось к прежней маске отчаяния. Было видно, что надежда покинула его.

— У вас наверняка есть свои собственные войска,— заметил Фалькенберг.

Будро поднял кипу бумаг.

— Все они здесь. Я как раз просматривал их, когда вы вошли.—

Он протянул рапорт Фалькенбергу.— В них мало обнадеживающего, полковник. Я никогда не думал, что существует военное решение проблем Хэдли и это поддерживает тот страх. Если у вас только десять человек плюс батальон Десантников-мародеров, военный вопрос не стоит даже рассматривать.

Будро вернулся в свое кресло. Его руки беспокойно бегали по морю бумаг на столе.

— Будь я на вашем месте, Фалькенберг, я бы вернулся на ту шлюпку ВКФ и забыл про Хэдли.

— А почему вы этого не сделаете?

— Потому что Хэдли — мой дом! Никакой сброд не выгонит меня с плантации, которую мой дед создал собственными руками. Они не заставят меня бежать.— Будро стиснул руки вместе, пока костяшки пальцев не побелели от напряжения, но когда он снова заговорил, голос его был спокойным.— У вас здесь ничего не поставлено на кон, а у меня стоит.

Фалькенберг взял рапорт со стола и полистал его, прежде чем передать Кальвину.

— Мы проделали долгий путь, мистер Президент. Вы можете с таким же успехом рассказать нам в чем заключается проблема, прежде чем я отчалю.

Будро кисло кивнул. Рыжие усы дернулись и он разгладил их.

— Она достаточно проста. Внешняя причина вашего пребывания здесь, причина, данная нами Министерству Колонии для позволения вербовать нам планетные полицейские силы,— это бандитские шайки в горах. Никто не знает, сколько их там, но они достаточно сильны, чтобы нападать на фермы. Они также прерывают сообщения Рефьюджера с провинцией, когда захотят.

— Да,— Фалькенберг стоял перед столом, потому что его не пригласили сесть. Если его это беспокоило, то внешне ничем не проявлялось.— Партизанствующие гангстеры не имеют никаких шансов, если у них нет политической базы.

Будро кивнул.

— Но, как вам сказал вице-президент Брэдфорд, настоящая проблема не в них.— Голос Президента был сильный, но в нем имелась нотка раздражительности, словно он привык, что его выводы всегда оспаривались и ждал, что Фалькенберг за это примется.— На самом деле, бандитов мы могли бы пережить, но они получают политическую поддержку у Партии Свободы. Моя Прогрессивная Партия больше ее, но прогрессисты рассеяны по всей планете. ПС же сосредоточена прямо здесь, в Рефьюдже, и у них тут бог знает сколько избирателей и примерно сорок тысяч активистов, которых они могут сконцентрировать, когда бы им не вздумалось устроить беспорядки.

— У вас очень часто бывают беспорядки? — спросил Джон.

— Слишком часто. Их мало чем обуздаешь. У меня триста солдат

в Президентской Гвардии, но они рекрутированы и обучены КД, вроде юного Баннерса. От них мало пользы в прекращении беспорядков и в любом случае они верны своей работе, а не мне. У ПС есть в гвардии свои люди.

— Значит, мы можем вычеркнуть президентскую Гвардию, когда дело дойдет до украшения Партии Свободы?— заметил Джон.

— Да,— Будро невесело усмехнулся.— Потом есть полиция. Всей моей полицией командуют офицеры КД, которые уезжают. Мой административный аппарат был набран и обучен Бюрпером и всех компетентных людей отозвали на Землю.

— Я вижу, что это создает проблему.

— Проблему? Это невозможное положение. Не осталось никого, умеющего управлять, но эта работа досталась мне и все другие хотят ее получить. Я могу наскрести тысячу активистов и еще пятнадцать тысяч членов партии, которые будут сражаться за нас, если положение станет отчаянным, но они совершенно не обучены. Как они могут устоять перед сорока тысячами ПС?

— Вы серьезно верите, что Партия Свободы подымет бунт?

— Как только уберется КД, можете на это рассчитывать. Они потребовали собрать новый конституционный съезд, сразу после отбытия губернатора Кодоминиума. Если мы не дадим им съезда, они поднимут бунт и увлекут за собой много колеблющихся. В конце концов, что неразумного в съезде, когда отбудет колониальный губернатор?

— Понимаю.

— А если мы дадим им съезд, какого они хотят, то они будут тянуть резину, пока на нем не останется никого, кроме их сторонников. Моя Партия состоит из работающих избирателей. Как они смогут оставаться столько дней? А безработные ПС будут заседать, пока не выбросят прогрессистов из правительства. А коль они придут к власти, они разрушат планету. При таких обстоятельствах я не вижу, что может сделать для нас военный, но вице-президент Брэдфорд настоял, чтобы мы наняли вас.

— Наверное, мы сможем что-нибудь придумать,— гладко сказал Фалькенберг.— У меня нет опыта в управлении, как таковом, но Хэдли не уникальна. Я так понял, что партия прогрессистов это старые поселенцы?

— И да, и нет. Прогрессивная партия хочет провести индустриализацию Хэдли, а некоторые из наших сельских семей против. Но мы хотим провести ее немедленно. Мы закроем большинство рудников и будем добывать столько тория, сколько надо продать для получения основного промышленного оборудования. Остальные я хочу сохранить для наших собственных плавильных генераторов, потому что позже нам это понадобится.

— Мы хотим развивать сельское хозяйство и транспорт и урезать основной рацион граждан так, чтобы у нас была правильная энергия,

доступная для нашей новой промышленности. Я хочу закрыть производство сервиса и ширпотреба и не открывать его, пока мы не сможем себе этого позволить.— Голос Будро поднялся, глаза его сверкали, теперь было легче понять, почему он стал популярен. Он верил в свое дело.— Мы хотим создать орудия самообеспечивающегося мира и прожить без всякого Кодоминиума, пока мы не сможем вновь присоединиться к Человечеству как равные! — Будро оборвал себя и нахмурился.— Извините. Не собирался закатывать речь. Садитесь, что вы.

— Благодарю вас,— Фалькенберг сел в тяжелое кожаное кресло и оглядел помещение. Мебель была вычурной и доставить с Земли обстановку кабинета стоило целое состояние, но большая часть ее была безвкусной — скорее броской, чем элегантной. Министерство Колоний делало много вещей подобного сорта и Фалькенберг гадал, какому Гранд сенатору принадлежала фирма, снабжавшая всех конторской мебелью.— А чего хочет оппозиция?

— Я полагаю, вам действительно нужно все это знать.— Будро нахмурился и его усы нервно вздрогнули. Он сделал усилие, чтобы расслабиться и Джон подумал, что некогда Президент производил впечатление.— Лозунг Партии Свободы — «Сервис для народа». Сервис для них значит товары ширпотреба и сейчас. Они хотят выпотрошить рудники. Это получило поддержку горняков, можете не сомневаться. ПС изнасилует планету для покупки товаров с других систем и черт знает как они за это будут расплачиваться. Галопирующая инфляция будет только одной из созданных ими проблем.

— Они, похоже, с амбициями.

— Да. Они даже хотят ввести экономику, основанную на двигателе внутреннего сгорания. Бог знает как, ибо тут нет никакой поддерживающей технологии, но есть нефть. Нам придется покупать все это вне планеты. Здесь нет тяжелой промышленности, чтобы изготовлять двигатели, даже если экология может поглотить их. Но для ПС это не имеет значения. Они же обещают всем машины. Немедленную модернизацию. Больше продуктов, роботизированных фабрик, развлечений, короче говоря, рай и прямо сейчас.

— Они это всерьез или это лозунги?

— Я думаю, что большинство всерьез,— ответил Будро.— В это трудно поверить, но тем не менее...

— Где, по их словам, они достанут деньги?

— Из карманов богачей, как будто здесь хватит состоятельных людей для этого дела. Тотальной конфискации всего, чем владеет каждый, не расплатиться за все обещанное. Эти люди не имеют ни малейшего понятия о реальности ситуации, а их лидеры готовы винить во всем, что не так, Прогрессивную партию, администраторов Кодоминиума, что угодно, только не признать, что обещанное ими просто невозможно. Некоторые из партийных лидеров, может быть,

это и знают, но если и так, то они в этом не признаются.

— Я так понимаю, что эта программа приобрела поддержку.

— Конечно, приобрела,— вспылил Будро.— И каждый бюрперский корабль привозит еще тысячи, готовых голосовать за линию ПС.— Будро поднялся из-за стола и подошел к настенному бару в противоположной стене. Он достал бутылку бренди и три стакана, затем налил и вручил их Кальвину и Фалькенбергу. Он игнорировал сержанта, но ждал, пока Фалькенберг не поднимет свой стакан.— Ваше здоровье.— Будро осушил свой стакан одним глотком.— Некоторые из самых старых семей на Хэдли вступили в эту проклятую партию свободы. Они обеспокоены предложенными мной налогами! ПС им вовсе ничего не оставит, но они все равно присоединяются к оппозиции, в надежде заключить сделку. Похоже, вы вовсе не удивлены?

— Да, сэр. Эта повесть древняя, как сама история, а военный читает историю.

Будро в удивлении поднял взгляд.

— В самом деле?

— Умный солдат хочет знать причины войны. А также — как кончать их. В конце концов, война это нормальное положение дел, не так ли? Мир — это название идеала, который мы выводим из факта, что между войнами бывают интерлюди.— Прежде чем Будро ответил, Фалькенберг добавил: — Неважно. Как я понимаю, вы ждете вооруженного сопротивления сразу после ухода Кодоминиума.

— Я надеялся это предотвратить. Брэдфорд думал, что может вы сумеете что-нибудь сделать, а я одарен в искусстве убеждения,— вздохнул Президент.— Но это, кажется, безнадежно. Они не хотят компромиссов. Они думают, что могут одержать полную победу.

— Я бы подумал, что у них невелик послужной список для агитации,— заметил Фалькенберг.

Будро рассмеялся.

— Активисты ставят себе в заслугу изгнание Кодоминиума, полковник.

Они рассмеялись. Кодоминиум отчаливал потому, что рудники больше не стоили того, чтобы управление Хэдли оплачивалось. Если бы рудники были так же продуктивны, как бывало в прошлом, никакие партизаны не выгнали бы Десантников.

Будро кивнул, словно читая его мысли.

— Ну, так или нет, у них есть люди верящие в это. Много лет шла компания терроризма, ничего особо серьезного. Она не угрожала отправке грузов с рудников, иначе Десантники положили бы ей конец. Но они деморализовали столичную полицию. Там, в лесах, народ вершит свое собственное правосудие, но здесь, в Рефьюдже, большую часть города контролируют банды ПС.— Будро показал часть бумаг на столе.— Вот отставки из полиции. Я даже не знаю

сколько у меня останется полицейских, когда уйдет КД.

Кулак Будро сжался, словно он хотел трахнуть по столу, но он не двинулся.

— Уйдет. Годами они заправляли всем, а теперь предстоит убирать за ними. Я — Президент по милости Кодоминиума. Они поставили меня у власти, а сейчас отчаливают.

— По крайней мере, во главе вы,— заметил Фалькенберг.— Бюрперовцы хотели кого-то другого. Брэдфорд отговорил их.

— Разумеется. И это стоило нам много денег. Ради чего? Может, было бы все намного лучше, случись все по-другому...

— Я думал, вы сказали, что их политики разрушат Хэдли.

— Я сказал это. Я в это верю. Но политические вопросы возникли после раскола.— Будро говорил не столько с Джоном, сколько с самим с собой.— Теперь они так ненавидят нас, что будут из противоречия против всего, что мы хотим. А мы делаем то же самое.

— Похоже на политику Кодоминиума. На русских и американцев в Гранд Сенате. Точь в точь как дома.

В последовавшем вежливом смехе не было веселья.

Будро открыл ящик стола и достал пергамент.

— Я, конечно, сохраняю в силе соглашение. Вот ваше назначение командующим полицейскими силами, но я по-прежнему думаю, что вам может быть лучше уехать с ближайшим кораблем. Проблемы Хэдли не могут быть разрешены военными консультантами.

Главстаршина Кальвин хмыкнул. Звук был почти неразличимым, но Фалькенберг знал, что он думал. Будро шарахнулся он нехорошего термина «наемник», словно «военный консультант» было легче для его совести. Джон допил свое бренди и встал.

— С вами хотел встретиться мистер Брэдфорд,— сказал Будро.— Лейтенант Баннерс покажет вам его кабинет.

— Благодарю вас, сэр.— Фалькенберг широким шагом вышел из комнаты. Закрывая за собой дверь он увидел, что Будро возвращается к настенному бару.

Вице-президент Эрнест Брэдфорд был маленьким человеком с казалось, никогда не тающей улыбкой. Он упорно работал над тем, чтобы нравиться, но это не всегда удавалось. Тем не менее, он приобрел сторонников среди тех, кто всецело посвятил себя партийной работе и мнил себя законным политиком.

Когда Баннерс ввел Фалькенберга в кабинет, Брэдфорд улыбнулся еще шире, но предложил Баннерсу показать Кальвину дворцовые кордегардии. Фалькенберг кивнул, отпуская их.

Кабинет вице-президента был абсолютно рационален. Столы и стулья были изготовлены из местного дерева с безразличной отделкой и украшением служила лишь одинокая роза в хрустальной вазе. Одет Брэдфорд был на тот же манер, в бесформенную одежду, купленную в дешевом магазине.

— Слава Богу, наконец-то вы здесь! — сказал Брэдфорд, когда дверь закрылась.— Но мне сообщили, что вы привезли с собой только десять солдат. Мы ничего не сможем сделать всего с десятком людей! Предполагалось, что вы привезете свыше ста верных нам солдат! — Он взволнованно вскочил со стула, затем снова сел.— Можете вы что-нибудь сделать?

— Во флотском корабле со мной было десять солдат,— сказал Фалькенберг.— Когда вы покажете мне, где я буду тренировать полк, я найду остальных наемников.

Брэдфорд заговорщически подмигнул ему и просиял.

— Значит, вы привезли больше! Мы им покажем — всем им. Мы еще победим. Что вы думаете о Будро?

— Он, кажется, достаточно искренен. Обеспокоен, конечно. Я думаю, что на его месте и я бы был обеспокоен.

Брэдфорд покачал головой.

— Он не может принимать решений. Ни в чем! Раньше он был не так уж плох, но в последнее время его приходится заставлять принимать каждое решение. Почему Министерство Колоний выбрало его? Я думал, вы собираетесь устроить так, что Президентом стану я. Мы дали вам достаточно денег.

— Не все сразу,— ответил Фалькенберг.— Зам. министра не смог оправдать ваше назначение перед министром. Нельзя, знаете ли, подкупить всех. Профессору Уитлоку было достаточно трудно добиться от них одобрения Будро, не говоря уж о вас. Мы покрылись кровавым потом, стараясь добиться хотя бы того, чтобы они забыли о Президенте из Партии Свободы.

Голова Брэдфорда вскидывалась и падала как у марионетки.

— Я знал, что могу доверять вам,— сказал он. Улыбка его была теплой, но несмотря на все его усилия быть искренним, этого никак не выходило.— Так или иначе, вы выполнили свою часть сделки. А когда уберется КД...

— У нас будет свобода рук.

Брэдфорд снова улыбнулся.

— Вы очень странный человек, полковник Фалькенберг. Был разговор, что вы предельно верны Кодоминиуму. Когда доктор Уитлок высказал предположение о том, что вы доступны для найма, я был поражен.

— У меня не было выбора,— напомнил ему Фалькенберг.

— Да,— Брэдфорд не сказал, что у Фалькенберга и сейчас не многим больше, но явно это подумал. Его улыбка конфиденциально разъехалась.— Ну, теперь мы должны позволить министру Хамнеру встретиться с вами. Он — второй вице-президент. Затем мы можем ехать в поместье «Вагнер». Я устроил так, что ваших солдат расквартировали там. Это именно то, что вам надо для тренировочной базы. Вас там никто не потревожит. Вы можете сказать, что другие ваши солдаты — местные добровольцы.

— Можно,— кивнул Фалькенберг. — В последнее время я становлюсь довольно-таки хорош в сочинении легенд для прикрытия.

— Разумеется,— снова просиял Брэдфорд.— Клянусь богом, мы еще выиграем.— Он коснулся кнопки на столе.— Попросите, пожалуйста, зайти мистера Хамнера.— Он подмигнул Фалькенбергу.— Нельзя слишком долго оставаться наедине. Это может вызвать мысль, что мы строим заговор.

— Как Хамнер ладит с остальными членами правительства?— спросил Фалькенберг.

— Погодите, пока не увидите его. Будро ему доверяет, но он опасен. Он представляет в Прогрессивной партии технологов. Мы не можем действовать без него, но его политические взгляды нелепы. Он хочет все выпустить на свободу. Если бы он мог добиться своего, не было бы вообще никакого правительства. А его люди ставят себе в заслугу все, словно только технологией и нужно управлять. Он не знает асов правления. Всех людей, которых мы должны ублажать, митинги, он считает глупым, думая, что можно создать партию, работая инженером.

— Иными словами, он не понимает политических реальностей,— заключил Фалькенберг.— Именно так. Тогда, я полагаю, ему придется уйти.

Брэдфорд кивнул, снова улыбнувшись.

— В конечном итоге. Но в данный момент мы нуждаемся в его влиянии на технологов. И конечно, он ничего не знает о наших с вами приготовлениях.

— Конечно,— Фалькенберг спокойно сел и изучал карты, пока интерком не объявил, что Хамнер ждет за дверью. Он праздно прикидывал: безопасно ли говорить в этом кабинете? Брэдфорд был, вероятно, тем самым человеком, который всаживает подслушивающие устройства в кабинеты других, но он мог быть не единственным, выгадывающим на этом, а посему никакое место не могло быть абсолютно безопасным.

«Если это так, то я мало что могу поделать,— решил Фалькенберг. — А кабинет, по всей вероятности, чист».

Джордж Хамнер был рослым человеком, выше, чем Фалькенберг и даже тяжелее, чем главстаршина Кальвин. У него были расслабленные движения великана и многое от легкой уверенности, завоевывасмой, обычно, массивными размерами. Люди не затевали драк с Джорджем Хамнером. Его рукопожатие было мягким, но когда они протягивали друг другу руки, он, безжалостно сомкнув кулак, осторожно испытал Фалькенберга. Когда он почувствовал ответное давление, он похоже удивился и они долгий миг стояли молча, прежде чем Хамнер ослабил хватку и махнул рукой Брэдфорду.

— Так, значит, вы наш новый полковник полиции? — сказал Хамнер.— Надеюсь, вы знаете, во что ввязались. Мне следовало бы сказать, надеюсь, не знаете. Если вы знаете о наших проблемах и

все равно беретесь за дело, нам придется усомниться в вашей нормальности.

— Я все слышу, как тяжелы проблемы Хэдли,— проговорил Фалькенберг.— Если многие из вас только и будут говорить об этом, может я поверю, что дело обстоит безнадежно, но прямо сейчас я этого не вижу. Итак, молодчики партии Свободы нас численно превосходят. Каким оружием они располагают, чтобы причинить нам неприятности?

— Прямой парень, не так ли? — рассмеялся Хамнер.— Мне это нравится. В их оружии нет ничего особенного, просто его много. Ничего крупного, никаких танков, или бронемашин, черт, не хватает вообще всяких машин, чтобы была какая-то разница. Горючего нет, а энерго-распределительную сеть иные так создали, что машины все равно бесполезны. У нас есть метро, пара монорельсовых дорог для передвижения в городе и то, что осталось от железной дороги. Но ведь вы не просили прочесть лекцию о состоянии транспорта?

— Да.

— В данный момент это моя любимая мозоль,— снова рассмеялся Хамнер.— У нас его не хватает. Давайте посмотрим оружие...— Великан развалился в кресле. Он перекинул одну ногу через подлокотник кресла и взъерошил свои только-только начавшие редеть с широкого лба густые волосы.— Никаких военных самолетов, вообще, едва ли есть какой-нибудь воздушный транспорт, кроме нескольких вертолетов. Никакой артиллерии, пулеметов, вообще тяжелого вооружения. По большой части мелкокалиберные охотничьи винтовки и ружья. Кой-какое полицейское оружие. Военные винтовки со штыками, немного, и почти все у нас. А на улицах можно найти почти все, что угодно, полковник, я имею в виду буквально все. Луки и стрелы, ножи и сабли, топоры, молоты. Называйте что хотите.

— Ему незачем знать о таком устаревшем добре,— бросил Брэдфорд. Голос его был насыщен презрением, но он по-прежнему носил свою улыбку.

— Никакое оружие не бывает никогда по-настоящему устаревшим,— возразил Фалькенберг.— Во всяком случае в руках человека, который им воспользуется. Что насчет доспехов? Насколько приличные у вас запасы немурлона?

На секунду, казалось, Хамнер раздумывал.

— На улицах есть немного доспехов и у полиции кое-что. Президентская Гвардия этим добром не пользуется. Я могу снабдить вас немурлоном, но вам придется делать из него доспехи. Вы это сможете?

— Да, — кивнул Фалькенберг.— Я привез превосходного техника и кое-какие инструменты. Итак, господа, ситуация примерно такая, как я и ожидал. Я не могу понять, почему все так обеспокоены?

У нас есть батальон Десантников КД, правда не самых лучших, но все же они обученные солдаты. С оружием легкого пехотного батальона и тренировкой, которую я могу дать рекрутам, добавленным к нашему батальону, я берусь встретиться лицом к лицу с вашими сорока тысячами молодчиков из партии Свободы. Проблема партизан будет несколько более трудной, но мы ведь контролируем все распределение продуктов в городе. С продуктовыми карточками и удостоверениями личности будет не так уж трудно установить контроль.

Хамнер рассмеялся. Смех был горький.

— Хотите сказать ему, Эрни?

Брэдфорд был смущен.

— Сказать ему это?

Хамнер снова рассмеялся.

— Не выполняете домашних заданий. Это было в утреннем рапорте пару дней назад. Министерство Колоний решило по совету Бюрпера, что Хэдли не нуждается ни в каком военном оружии. Десантникам КД повезет, если они сохранят свои винтовки и штыки. Все остальное снаряжение уйдет с кораблями КД.

— Но это безумие,— запротестовал Брэдфорд. Он повернулся к Фалькенбергу.— Почему они это сделали?

Фалькенберг пожал плечами.

— Наверное какой-то деятель из партии Свободы добрался до чиновника Министерства Колоний.— Я полагаю, они не выше подкупа?

— Конечно, нет,— подтвердил Брэдфорд.— Мы должны что-то сделать.

— Если сможем. Я подозреваю, что это будет нелегко. — Фалькенберг сжал губы в линию.— На это я не рассчитывал. Это значит, что если мы попытаемся завинтить гайки через нормирование продуктов и удостоверения личности, то столкнемся с вооруженным мятежом. В любом случае, насколько хорошо организованы эти активисты ПС?

— Хорошо организованы и хорошо финансированы,— заверил его Хамнер.— В любом случае, я не так уж уверен, что продуктовые карточки были бы ответом на проблему партизанской войны. Кодоминиум был способен примириться с множеством диверсий потому, что они не интересовались ничем, кроме рудников. Но мы не можем жить при таком уровне террора, который существует в городе прямо сейчас. Тем или иным способом, мы должны восстановить порядок и справедливость, если уж на то пошло.

— Справедливость это не то, с чем обычно имеют дело солдаты,— сказал Фалькенберг.— Порядок — другое дело. Этим, я думаю, мы сможем обеспечить.

— С сотней-другой солдат? — недоверчиво спросил Хамнер.— Но мне нравится ваш подход. Вы, по крайней мере, не сидите и не хнычете, чтобы кто-то помог вам. Не сидя думая, а так и не принимая

решения.

— Мы посмотрим, что можем сделать,— сказал Фалькенберг.

— Да.— Хамнер встал и направился к двери.— Ну, я желал с вами встретиться, полковник. Теперь я встретился. У меня много дел, у Энри, я думаю, тоже, но я не замечал, чтобы он ими много занимался.— Он больше не оглядывался на них, а вышел, оставив дверь открытой.

— Видите,— улыбнулся Брэдфорд. Он тихо прикрыл дверь. Улыбка его была знающей.— Он бесполезен. Мы найдем кого-нибудь для работы с техниками, как только вы возьмете под контроль все остальное.

— В некоторых пунктах он, кажется, прав,— заметил Фалькенберг. — К примеру, он знает, что нелегко будет установить надлежащую полицейскую защиту. По пути сюда я видел пример того, что происходит в Рефьюдже. И если всюду так плохо...

— Вы найдете способ,— перебил его Брэдфорд. Он, казалось, был уверен.— Вы можете рекрутировать, знаете ли, довольно крупные силы. И многое в беспорядках это не более, как уличные банды подростков. Они ничему не верны, ни партии Свободы, ни нам, ни кому-либо иному. Они всего лишь хотят контролировать район, где живут.

— Разумеется, но они едва ли вся проблема.

— Да. Но вы найдете способ. И забудьте о Хамнере. Вся его группа — гнилье. Они не настоящие прогрессисты, вот и все.— Голос его был полон эмоций, а глаза, казалось, сверкали. Нагнувшись вперед, Брэдфорд понизил голос.— Хамнер, знаете, раньше был в партии Свободы. Он утверждает, что порвал с ними из-за политики в области технологии. Но подобному человеку никогда нельзя доверять.

— Понимаю. К счастью, я и не должен этого делать.

— Именно,— просиял Брэдфорд.— А теперь, давайте приниматься за дело. У вас много работы и не забывайте, что вы уже согласились обучать для меня некоторые партизанские войска.

7

Поместье было большое, почти двадцать пять квадратных километров, расположенное на невысоких холмах в дневном переходе от Рефьюджа. Там имелась центральная усадьба и амбары, все сделанное из напоминающего дуб местного дерева. Здания располагались в лесистой впадине в центре поместья.

— Вы уверены, что вам больше ничего не нужно? — спросил лейтенант Баннерс.

— Нет, спасибо,— поблагодарил Фалькенберг.— Те немногие, что с нами, сами принесут свое снаряжение. Нам придется организовать доставку продовольствия и горючего, когда придут другие, но пока мы сами справимся.

— Ладно, сэр,— согласился Баннерс.— Я вернусь с Маурером и оставлю вам машину. И у вас есть животные...

— Да, благодарю вас, лейтенант.

Баннерс отдал честь и сел в машину. Он начал было еще что-то говорить, но Фалькенберг уже отвернулся, и Баннерс уехал из поместья. Кальвин следил за его отъездом.

— Этот — любопытный,— заметил он.— Я считаю, он хотел бы побольше знать о том, что мы делаем.

Губы Фалькенберга дернулись в тонкой улыбке.

— Я и ждал, ему этого захочется. Ты позаботишься о том, чтобы он не узнал больше того, что мы хотим.

— Есть, сэр. Полковник, что это мистер Брэдфорд говорил о партийных солдатах? Много их у нас будет?

— Думаю, что да.— Фалькенберг пошел по широкой лужайке к большому ранчо. Капитан Фаст и несколько других ждали на веранде, а на столе ждала бутылка виски.

Фалькенберг налил порцию и опрокинул стакан одним махом.

— Я думаю, что у нас будет довольно много активистов Прогрессивной партии, коль скоро мы начнем, Кальвин. Я этого не жажду, но этого не избежать.

— Сэр? — капитан Фаст слушал спокойно.

Фалькенберг наградил его полуулыбкой.

— Ты действительно думаешь, что власти собираются вручить нам монополию на вооруженные силы?

— Вы думаете, они нам не доверяют?

— Амос, ты стал бы нам доверять?

— Нет, сэр,— признался Фаст.— Но мы могли надеяться.

— Мы будем выполнять свою миссию не на надежде. Капитан, главстаршина.

— Да, сэр.

— У меня есть для вас поручение на этот вечер, позже. Пока же найдите кого-нибудь проводить меня до квартиры, а потом позаботьтесь о нашем обеде.

Фалькенберг проснулся от тихого стука в дверь его комнаты. Он открыл глаза и положил руку на пистолет под подушкой, но не сделал никакого другого движения.

Стук раздался вновь.

— Да,— тихо откликнулся Фалькенберг.

— Я вернулся, полковник,— ответил Кальвин.

— Верно. Заходи.— Фалькенберг скинул ноги и натянул сапоги.

В остальном он был полностью одет.

Вошел главстаршина Кальвин. Он был одет в легкий кожаный френч и брюки боевой формы Десантников КД. Из военного вещмешка на его плече выпирала полная чернота ночного боевого комбинезона. На ремне висел пистолет, а в ножнах на левой стороне груди — тяжелый окопный нож. С Кальвином вошел невысокий жилистый человек с тонкими каштановыми усиками.

— Рад вас видеть,— сказал Фалькенберг.— Были ли какие-нибудь неприятности?

— Банда хулиганов попыталась что-то заварить, когда мы проходили через город, полковник,— по-волчьи оскалился Кальвин.— Протянула недостаточно долго, чтобы установить какие-нибудь рекорды.

— Кто-нибудь ранен?

— Ни одного такого, кто бы не мог идти сам.

— Хорошо. Есть какие-нибудь проблемы в бараках перемещенных?

— Нет, сэр,— отрапортовал Кальвин.— Они их там не охраняют. Всякий, кто хочет, убирается от благотворительности Бюрпери, им позволяют уходить. Без продуктовых карточек, конечно. Это были просто недобровольные колонисты, а не осужденные.

Слушая доклад Кальвина, Фалькенберг изучал вошедшего с ним человека. Майор Джереми Сэвидж выглядел усталым и намного старше своих сорока пяти лет. Он был тоньше, чем помнил его Фалькенберг.

— Так плохо, как я и слышал? — спросил его Джон.

— Не сахар,— ответил Сэвидж на отрывистом диалекте, усвоенном им, пока он рос на Черчилле.— Да этого и не ждали. Но вот мы и здесь, Джон Кристиан.

— Да. И слава Богу. Вас никто не заметил? Люди вели себя как надо?

— Да, сэр. С нами обращались точно так же, как и с другими недобровольными колонистами. Солдаты вели себя великолепно и неделя-другая тяжелых упражнений должна вернуть нас всех обратно в форму. Главстаршина говорит мне, что батальон прибыл в целости.

— Да. Они все еще в казармах Десантников. Это наше слабое звено, Джереми. Я хочу иметь их здесь, где мы контролируем, с кем они болтают и как можно скорее.

— Вам достались наилучшие. Я думаю, с ними будет полный порядок.

Фалькенберг кивнул.

— Но держи глаза открытыми, Джерри. Будь осторожен с солдатами, пока не отчалит КД. Я нанял проверить для нас положение доктора Уитлока. Он еще не докладывал, но я считаю, что он на Хэдли.

Сэвидж понял взмах руки Фалькенберга и сел на единственный

стул в комнате. С кивком благодарности он взял у Фалькенберга стакан виски.

— Не скупился с наймом экспертов, а? Говорят, он наилучший из всех доступных... Ого, хорошее. На этих бюрперовских кораблях совершенно нечего пить.

— Когда Уитлок доложит, у нас будет полный сбор штаба,— сказал Фалькенберг.— А кроме того — держитесь плана. Брэдфорд предполагает прислать завтра батальон и вскоре после этого он начнет собирать добровольцев из своей партии. Имеется в виду, что мы будем обучать их. Разумеется, все они будут верны Брэдфорду. Не партии, и уж, конечно, не нам.

Сэвидж кивнул и протянул стакан Кальвину наполнить по новой.

— А теперь расскажите мне о тех хулиганах, с которыми вы подрались по пути сюда, главстаршина,— предложил Фалькенберг.

— Уличная банда, полковник. Неплохи в индивидуальном бою, но никакой организации. Для, примерно, сотни наших — не соперники.

— Уличная банда.— Джон задумался, оттопырил нижнюю губу, потом усмехнулся. — Сколько ребят из нашего батальона были такой же шпаной, главстаршина?

— Минимум половина, сэр, включая меня.

Фалькенберг кивнул.

— Я думаю, что было бы хорошо, чтобы Десантники встречались с некоторыми из этих ребят, главстаршина. Неформально, знаете ли.

— Сэр! — квадратное лицо Кальвина засияло от удовольствия.

— Теперь,— продолжал Фалькенберг.— Нашей настоящей проблемой будут рекруты. Можете головы позакладывать, что некоторые из них попытаются завести дружбу с солдатами. Они захотят поразузнать у бойцов об их прошлом и об их компаниях. А солдаты будут выпивать, а выпивши — болтать. Как ты с этим управишься, первый солдат?

Кальвин, похоже, задумался.

— Какое-то время будет несложно. Мы будем держать рекрутов в стороне от солдат, кроме инструкторов по строевой подготовке, а ИСПы с рекрутами не болтают. Когда же они пройдут основы, будет труднее, но черт возьми, полковник, бойцы любят приврать о своих компаниях. Мы просто будем такими диковинными, что в них никто не поверит.

— Правильно, мне незачем говорить вам обоим, что некоторое время мы будем кататься по очень тонкому льду.

— Сумеем, полковник.— Кальвин говорил убежденно. Он долгое время был с Фалькенбергом и, хотя другой человек мог ошибаться, по опыту Кальвина, но Фалькенберг бы нашел выход из любой дыры, куда бы они не провалились. А если они не выберутся... ну, над дверью каждого кубика Флота КД был плакат: «Вы — Десантники,

для того, чтобы погибнуть, а Флот отправит вас туда, где вы это сможете сделать». Кальвин прошел под этим плакатом, когда записывался на Флот и с тех пор еще тысячи раз.

— Вот так, Джереми,— сказал Фалькенберг.

— Да, сэр,— четко ответил Сэвидж. Он встал и отдал честь.— Будь я проклят, если не приятно почувствовать, что ты снова это делаешь, сэр.

Годы спали с его лица.

— Рад вас снова видеть на борту,— ответил Фалькенберг. Он встал и отдал честь в ответ.— Спасибо, Джереми. За все...

Батальон Десантников прибыл на следующий день. Их привели в лагерь офицеры регулярных войск КД, передавшие их Фалькенбергу. Возглавивший их капитан хотел остаться и понаблюдать, но Фалькенберг нашел для него поручение и услал его, чтобы осталась только компания майора Сэвиджа. Час спустя в лагере не было никого, кроме людей Фалькенберга. Два часа спустя солдаты занялись сооружением своего собственного базового лагеря.

Фалькенберг наблюдал за ними с крыльца своего ранчо.

— Есть ли какие-нибудь проблемы, главстаршина? — спросил он.

Кальвин поскреб щетину на квадратной челюсти. На гарнизонной службе он брился дважды в день и, в данный момент, он подумывал не побриться ли ему вторично.

— Ничего такого, что не исцелит солдатский мат, полковник. С вашего разрешения, я приволоку несколько баррелей виски и дам им раздавить их прежде, чем придут рекруты.

— Разрешаю.

— Они будут мало на что годны до завтрашнего полудня. Но мы теперь на расписании, лишняя работа будет им на пользу.

— Сколько сбегут?

Кальвин пожал плечами.

— Может быть, нисколько, полковник. У нас хватит работы, чтобы занять их, а они плохо знают эту местность. Рекруты — другое дело и, коль скоро они сюда прибудут, у нас может быть пара смывшихся.

— Да. Ну посмотрим, что можно будет сделать. Нам понадобится каждый боец. Ты слышал анализ ситуации от президента Будро?

— Да, сэр. Это сделает солдат счастливыми. Похоже, что предстоит хорошая драка.

— Я думаю, ты можешь спокойно обещать солдатам какие-нибудь тяжелые бои, главстаршина. Им также лучше понять, что если мы этого боя не выиграем, деваться будет некуда. На этом туре не будет никакой ракетной эвакуации.

— На половине наших заданий не было никакой ракетной эвакуации, полковник. Мне лучше повидаться с капитаном Фастом насчет бренди. Не присоединитесь к нам около полуночи, сэр? Солдаты хотели бы этого.

— Не подведу, главстаршина.

Предсказание Кальвина не оправдалось. Солдаты были бесполезны весь следующий день. Рекруты прибыли день спустя.

Лагерь кипел деятельностью. Десантники вновь усваивали уроки основной тренировки. Каждый манипул из пяти человек сам себе варил, сам себе стирал, сам себе строил укрытия из плетеной сетки и веревок и выделял людей для работы на окопах и палисадах лагеря.

Рекруты занимались тем же самым и под руководством фалькенберговских наемных офицеров и младкомов. Большинство из прибывших с Сэвинджем на бюрперовском корабле были офицерами, центурионами, сержантами и техниками в то время, как в батальоне Десантников было необычно большое число мониторов и капралов. Между этими двумя группами было достаточно лидеров для целого полка.

Рекруты учились спать в своих военных плащ-палатках и жить в полевых условиях без всякого обмундирования, кроме боевой формы и обуви из синтекожи. Они делали себе все сами и не зависели ни от кого за пределами полка. После двух недель их обучали самим себе изготовлять доспехи из немурлона. Завершив это, они жили в них и любой, пренебрегавший своим долгом, обнаруживал, что его доспехи отяжелены свинцом. Марширующие в наказание манипулы, отделения и целые секции рекрутов и ветеранов стали в лагере обычным зрелищем после наступления темноты.

У вертолетов было мало времени панибратствовать с ветеранами-Десантниками. Сэвидж, Кальвин и другие офицеры безжалостно прогоняли их через строевую подготовку, полевые испытания, боевые упражнения и ремонтные работы. Формирование рекрутов с каждым днем становилось все меньше и меньше, так как людей доводили до покидания службы, но откуда-то был постоянный приток новых бойцов.

Эти все были помоложе и приходили мелкими группами прямо в лагерь. Они появлялись перед полковой канцелярией на побудку и их часто сопровождали кадровые Десантники. В их формированиях наблюдалось такое же истощение, как и среди партийных волонтеров, но службу покидало намного меньше и они жаждали боевой тренировки.

Через шесть недель лагерь посетил вице-президент Брэдфорд. Прибыв, он обнаружил весь лагерь на построении, рекруты — по одну сторону плаца, ветераны — по другую.

Главстаршина Кальвин читал солдатам:

— Сегодня на Земле тридцатое апреля,— гремел голос Кальвина, он не нуждался в рупоре.— Это день Камерона. Тридцатое апреля тысяча восемьсот шестьдесят третьего года капитан Жан Данжу из Иностранного Легиона с двумя офицерами и шестьюдесятью двумя

легионерами столкнулся с двумя тысячами мексиканцев у асьенды Камерона. Бой продолжался весь день. У легионеров не было ни пищи, ни воды. У них не хватало боеприпасов. Капитан Данжу был, убит. Его место занял лейтенант Биллэн. Он тоже был убит. В пять пополудни все, кто остались, это были лейтенант Модэ и четверо бойцов. У них было по патрону на каждого. По команде они выстрелили свой последний заряд и бросились на врага в штыки. Выживших не было...

Солдаты молчали. Кальвин посмотрел на рекрутов. Они стояли, застыв по стойке смирно под жарким солнцем. Наконец Капитан Кальвин проговорил:

— Я не жду, чтобы кто-нибудь из вас когда-нибудь достиг такого... Но может быть, один из вас когда-нибудь узнает однажды, что же такое Камерон. Сегодня вечером каждый получит добавочную порцию вина. Боевые ветераны также по пол-литра бренди. А теперь слушай приказ.

Фалькенберг провел Брэдфорда в дом. Он теперь был приспособлен под офицерскую кают-компанию и они уселись в одном углу гостиной. Стюард принес напитки.

— И для чего же это все было? — требовательно спросил Брэдфорд.— Это же не иностранный Легион! Предполагается, что вы обучаете полицейские силы планеты.

— Полицейские силы, у которых на руках дьявольская драка,— напомнил ему Фалькенберг.— Верно, в этой воинской части у нас нет никакой преемственности с Легионом, но вы должны помнить, что наши основные кадры — Десантники КД, или были ими. Если бы мы пропустили день Камерона, у нас был бы мятеж.

— Я полагаю, вы знаете, что делаете,— фыркнул Брэдфорд. Его лицо почти потеряло носимую им вечную улыбку, но были еще следы.— Полковник, у меня жалобы от людей, поставленных нами офицерами. Мои люди из Прогрессивной партии отделены от других солдат и им это не нравится. Мне тоже.

Фалькенберг пожал плечами.

— Вы выбрали их произвести еще до обучения, мистер Брэдфорд. Это делает их офицерами вежливости, но они ничего не знают. Они выглядели бы нелепо, если бы я смешал их с ветеранами, или даже с рекрутами, пока они не усвоят основ военного дела.

— Вы к тому же избавились от многих из них.

— По той же причине, сэр. Вы дали нам трудное задание. Нас превосходят в численности и нет никаких шансов на внешнюю поддержку. Через несколько недель мы столкнемся с сорока тысячами молодчиков из партии Свободы и я не стану отвечать за последствия, если мы скуем войска некомпетентными офицерами.

— Ладно. Я этого ожидал. Но дело не только в офицерах, полковник. Волонтеров-прогрессистов тоже выгоняют. Ваши тренировки слишком тяжелы. Это верные люди, а верность тут важна!

— Согласен,— мягко улыбнулся Фалькенберг.— Но я предпочел бы иметь один батальон хороших солдат, на которых смогу положиться, чем полк солдат, которые могут сломаться под огнем. После того как я получу голый минимум первоклассных солдат, я подумаю о взятии других для несения гарнизонной службы. Прямо сейчас нам нужны солдаты, которые смогут драться.

— А разве у вас их нет? Эти Десантники кажутся вполне дисциплинированными.

— В строю разумеется. Но неужели вы действительно думаете, что КД отпустило бы надежных солдат?

— Может быть и нет,— уступил Брэдфорд.— О'кей. Вы — эксперт. Но где, черт побери, вы берете других рекрутов? Тюремные махи, ребята, состоящие на учете в полиции. Вы сохраняете их, позволяя, в то же время моим, прогрессистам убегать!

— Да, сэр! — Фалькенберг дал знак налить еще по кружке спиртного.— Мистер вице-президент...

— С каких это пор вы стали таким формальным? — спросил Брэдфорд. Улыбка его вернулась.

— Извините, я подумал, вы прибыли сюда проконтролировать меня.

— Нет, конечно же нет. Но я, знаете, должен отвечать перед президентом Будро. И Хамнером. Я сумел добиться, чтобы вашу деятельность перепоручили моему министерству, но это не значит, что я могу сказать Кабинету не соваться.

— Правильно,— согласился Фалькенберг.— Ну, насчет рекрутов. Мы берем то, что можем получить. Тренировка зеленых солдат требует времени и если уличные бойцы держатся крепче, чем ваши партийные силачи, я ничего не могу поделать. Вы можете сказать Кабинету, что когда у нас будут кадры, на которые мы сможем положиться, мы будем обращаться с волонтерами полегче. Мы даже сможем сформировать своего рода неполнодневную милицию. А прямо сейчас есть нужда в людях достаточно крепких для того, чтобы выиграть предстоящий бой. И я не знаю никакого лучшего способа сделать это.

После этого Фалькенберга вызывали во дворец каждую неделю с докладом. Обычно он встречался только с Брэдфордом и Хамнером. Президент Будро ясно дал понять, что он считал военную силу злом, необходимость которого не установлена и только благодаря настояниям Брэдфорда полк продолжали снабжать.

На одном совещании Фалькенберг встретился с шефом рефьюджской полиции Хорганом.

— У Хоргана есть жалобы, полковник,— сообщил Будро.

— Да, сэр? — спросил Фалькенберг.

— Все дело в этих чертовых Десантниках,— сказал Хорган. Он потер подбородок.— Они устраивают в городе дьявольский тарарам по ночам. Мы ни разу не словили ни одного из них, потому что

мистер Брэдфорд хочет, чтобы мы спускали это дело на тормозах, но это становится тяжело.

— Что они делают? — спросил Фалькенберг.

— Называйте все, что хотите. Они захватывают пару таверн и никого туда не пускают без своего разрешения, хотя бы. И они каждую ночь затевают драки с уличными бандитами. Все это мы могли бы пережить, но они заходят и в другие части города. Их множество. Они пьют всю ночь в кабаках, а потом говорят, что им нечем платить. Если владелец не отстает, они громят все его здание.

— И исчезают прежде, чем туда добираются ваши патрули,— закончил за него Фалькенберг.— Это старая традиция. Они называют ее «Системой Д» — дерябнул и деру. На планирование этих операций у них уходит больше времени и усилий, чем я могу добиться от них в бою. В любом случае, я постараюсь положить конец «Системе Д».

— Это помогло бы. И еще одно. Ваши ребята заходят в самые опасные части города и затевают драки с кем попало, кого только могут найти и с кем связаться.

— И как они действуют? — заинтересовался Фалькенберг.

Хорган усмехнулся, затем поправился под строгим взглядом Будро.

— Очень хорошо. Как я понял, они ни разу не были биты. Но все это вызывает кошмарный эффект среди граждан, полковник! И еще один фокус всех сводит с ума! Они во все часы ночи маршируют на волынках! Волынки в ночные часы, полковник, могут быть страшной вещью.

Фалькенберг подумал, что увидел крохотную искорку в левом глазу Хоргана и шеф полиции сдерживал кривую улыбку.

— И я хотел спросить вас, полковник,— вмешался второй вице-президент Хамнер.— Это ведь едва ли шотландская часть, почему же у них вообще есть волынки?

— Волынки стандартны во всех частях Кодоминиума,— пожал плечами Фалькенберг.— С тех пор, как русские части КД начали принимать казацкие обычаи, полки западного блока нашли себе свои. В конце концов, десантные войска были сформированы из множества старых воинских частей. Иностранный легион, сайлендеры. И многие другие люди любят волынку. Я, признаться, сам люблю.

— Разумеется, но не посреди ночи в моем городе,— сказал Хорган.

Джон открыто улыбнулся шефу полиции.

— Я постараюсь держать волынщиков по ночам в лагере. Я могу себе представить, что они плохи для морального состояния граждан. Но что касается удержания в лагере Десантников, то как мне это сделать? Они нужны нам все, до одного, а они — добровольцы. Они могут сесть на транспортный корабль КД и отчалить, тогда уедут остальные. И мы ни черта не можем с этим поделать.

— До спуска флага Кодоминиума осталось меньше месяца,— с удовлетворением сказал Брэдфорд. Он взглянул на знамя КД на флагшток снаружи. Орел с красным щитом и черным серпом и молотом на груди; вокруг него красные и синие звезды. Брэдфорд удовлетворенно кивнул. Висеть ему не долго.

Этот флаг мало что значит для народа Хэдли. На Земле его было достаточно, чтобы вызвать беспорядки в националистических городах как в США, так и в Советском Союзе, в то время как в других странах он был символом альянса, не давая другим государствам подняться выше второразрядного статуса. Для Земли альянс Кодоминиума предоставлял мир за высокую цену, для многих — за слишком высокую.

Для Фалькенберга он представлял почти тридцатилетнюю службу, кончившуюся военным трибуналом.

Осталось еще две недели. Затем губернатор Кодоминиума отбудет восвояси и Хэдли официально станет независимой.

Вице-президент Брэдфорд навестил лагерь поговорить с рекрутами.

Он рассказал им о ценности верности правительству и о наградах, которые они все получат, как только Прогрессивная партия официально придет к власти. Лучшая оплата, больше свободы и возможность продвижения в увеличившейся армии, премиальные и легкая служба. Его речь была полна обещаний и Брэдфорд ею очень гордился.

Когда он кончил, Фалькенберг отвел вице-президента в отдельную комнату офицерской кают-компании и захлопнул дверь.

— Черт вас побери, н и к о г д а не делайте предложений моим солдатам без моего разрешения.— Лицо Джона Фалькенберга было белым от гнева.

— Я буду делать со своей армией что мне угодно, полковник,— надменно ответил Брэдфорд. Улыбочка на его лице была совершенно лишена тепла.— Не рявкайте на меня, полковник Фалькенберг. Без моего влияния Будро вмиг бы вас уволил.

Затем его настроение изменилось и Брэдфорд достал из кармана фляжку бренди.

— Вот, полковник, давайте выпьем,— его улыбка была заменена чем-то более искреннем,— мы должны работать вместе, Джон. Слишком много надо сделать. Сожалею, в будущем я буду советоваться с вами, но разве вы не думаете, что солдатам следовало бы узнавать меня. Я же скоро буду президентом.— Он посмотрел на Фалькенберга, ища поддержки.

— Да, сэр.— Джон взял фляжку и поднял в тосте.— За нового президента Хэдли. Мне не следовало бы на вас рявкать, но не делайте предложений солдатам, не показавшим себя в бою. Если вы дадите людям причину думать, что они хороши, когда они плохи, то у вас никогда не будет армии, стоящей того, что ей платят.

— Но ведь они хорошо действовали на тренировке. Вы сами говорили.

— Разумеется, но не говорите этого им. Гоняйте их до тех пор, пока им будет нечего больше выдавать и дайте им понять, что это лишь еле-еле удовлетворительно. Тогда в один прекрасный день они выдадут больше, чем, по их мнению у них есть за душой. Вот в тот день можете предлагать награды, только к тому времени вам уже не понадобиться это.

С неохотой соглашаясь, Брэдфорд кивнул.

— Если вы так говорите, тогда ладно. Но я бы подумал, что...

— Слушайте,— предложил Фалькенберг.

За окном промаршировали рекруты. Они пели, и слова песни доносились в открытое окно.

Когда ты просадишь последний свой грош
На баб и в канаве проснешься,
Тогда на вербовочный пункт ты пойдешь
В десантники ты наймешься.
И скажешь сержанту, что ты молодец,
Что крупно ему повезло,
А он заплачет и спросит, подлец,
Кому причинил он зло.
За что, мол, он так обижен судьбой,
Отчего неудача такая,
Что прут на вербовочный пункт гурьбой
Дураки без конца и края.
И если уж крупно тебе повезет,
Он примет тебя в войска,
Паршивым солдатом тебя обзовет
Кормить тебя станет с ножа.

— Бегом, арш! — Песня оборвалась, когда солдаты бросились бежать через центральный плац.

Брэдфорд отвернулся от окна.

— Такого рода вещи очень хороши даже для каторжников, полковник. Но я настаиваю на сохранении также преданных мне людей. В будущем вы не станете увольнять прогрессистов без моего одобрения. Это понятно?

Фалькенберг кивнул. Он уже давно видел, что это надвигалось.

— В таком случае, сэр, может лучше будет сформировать отдельный батальон. Я сведу всех ваших людей в четвертый батальон и отдам их под начало назначенных вами офицеров. Это будет удовлетворительно?

— Если вы присмотрите за их тренировкой, да.

— Разумеется.

— Хорошо.— Улыбка Брэдфорда расширилась, но предназначена

она была не для Фалькенберга.— Я также думаю, что вы будете консультироваться со мной насчет любых продвижений по службе в этом батальоне. Вы, конечно, согласны с этим?

— Да, сэр. Могут возникнуть некоторые проблемы с нахождением местных для заполнения мест старших младкомов. У вас есть потенциальные мониторы и капралы, но у них нет опыта, чтобы быть сержантами и центурионами.

— Я уверен, что вы найдете средства,— осторожно ответил Брэдфорд.— У меня есть некоторые довольно э... особые задачи для Четвертого батальона, полковник. Я бы предпочел, чтобы он был целиком укомплектован подобранными мною партийными активистами. Ваши люди должны быть там только для наблюдения за тренировками, но не как командиры.

— Вы согласны с этим?

— Да, сэр.

Улыбка Брэдфорда, когда он покинул лагерь, была искренней.

День за днем солдаты потели под палящим солнцем. Подавление беспорядков, штыковой бой, использование доспехов в обороне и нападение на людей в доспехах, более сложные упражнения. Были форсированные марши под безжалостным управлением майора Сэвиджа, резкие крики сержантов и центурионов, капитан Амос Фаст с его крошечным стеком и язвительными насмешками.

И все же число покидавших полк было меньше, чем раньше, и по-прежнему был приток рекрутов от ночных экскурсий Десантников. Офицеры, набиравшие рекрутов, могли даже проявлять разборчивость, хотя они редко когда это делали. Десантные войска, подобно Легиону до них, принимали всех тех, кто был готов драться. А все офицеры Фалькенберга были Десантниками.

Каждую ночь группы Десантников проскальзывали мимо часовых выпить и закусить и покуролесить с батраками соседних ранчо. Они играли в карты и орали в местных тавернах, мало обращая внимания на своих офицеров. Было много жалоб и протесты Брэдфорда становились все сильней.

Фалькенберг давал всегда один и тот же ответ: «Они всегда возвращаются обратно и они не обязаны оставаться здесь. Как вы мне предлагаете соблюдать дисциплину? Поркой?»

Полицейская армия имела определенный раскол в личном составе, с рекрутами обращались жестче, чем с ветеранами. В то же время Четвертый батальон становился больше с каждым днем.

8

Джордж Хамнер старался каждый вечер быть дома к ужину, чего бы это ни стоило в смысле ночной работы позже. Он считал, что обязан сделать для семьи хотя бы это.

Его обнесенная стенами усадьба была сразу за пределами дворцового округа. Она была построена его дедом на деньги, одолженные у «Американ Экспресс». Старик гордился, что расплатился за каждый цент прежде положенного. Это был большой удобный дом, хитроумно комбинировавший местные материалы и импортированную роскошь и Джордж всегда был рад сюда вернуться.

Дома он чувствовал, что был хозяином чего-то, что, по крайней мере, один предмет находился у него под контролем. Это было единственное место в Рефьюдже, где он мог испытывать подобное чувство.

Меньше чем через неделю отчалил губернатор Кодоминиума. Независимость была близка и полагалось считать это временем надежд, но Джорж Хамнер испытывал только страх. Официально проблемы общественного порядка были не его. Он занимался Министерством Технологии, но брешь в законе и порядке нельзя было игнорировать. Уже половина Рефьюджа была недоступна для правительства.

Были районы, куда полиция заходила целыми отделениями или не заходила вовсе, а бригады ремонтников приходилось охранять или же они не могли войти.

Сейчас-то Джордж сопровождал Десантников Кодоминиума, но что же будет, когда они уедут?

Джордж сидел в обитом панелями кабинете и смотрел на удлинявшиеся тени в роще за окном. Они создавали пляшущие узоры среди деревьев и на аккуратно подстриженных лужайках. Наружные стены портили вид проходившего ниже скоростного канала и Хамнер проклинал их.

«Почему мы должны иметь стены? Стены и дюжины охранников, чтобы патрулировать вдоль них. Я еще помню, как сидел в этой комнате с отцом, мне было не больше шести и мы могли смотреть на лодки в канале. А позже у нас были такие большие мечты насчет Хэдли. Дед рассказывал, почему он покинул Землю, что мы могли бы сделать здесь. Свобода и изобилие. У нас был рай и Господи, Господи, что же мы с ним сделали!»

Он проработал час, но мало что сделал. Не было никаких решений, только вереницы проблем, ведших обратно в замкнутый круг. Разрешить одну — и все станет на свои места, но ни одна не была разрешима без решения других. «И все же, если бы у

нас было несколько лет,— подумал он.— Несколько лет, но мы их не получим.

Через несколько лет фермы будут снабжать городское население, если мы сможем переселить людей в сельскохозяйственную глубинку и заставить их работать. Но они не покинут Рефьюдж, и мы не сможем заставить их это сделать. Если бы, однако, мы смогли. Если бы можно было убавить городское население; энергию, которую мы обращаем на производство пищи можно было бы использовать на создание транспортной сельской сети. Тогда мы могли бы организовать лучшую жизнь в сельской местности и могли бы получить оттуда больше продовольствия. Мы могли бы сделать достаточно такого, чтобы сельская жизнь была приятной и люди захотели покинуть Рефьюдж. Но нет места для первого шага. Люди не хотят переселяться, а партия Свободы обещает, что им этого и не понадобится».

Джордж покачал головой. «Сможет ли армия Фалькенберга заставить их переселиться? Если у него будет достаточно солдат, сможет ли он принудительно эвакуировать часть города? — Хамнер содрогнулся от такой мысли.— Будет сопротивление, будет бойня, будет гражданская война. Нельзя строить независимость Хэдли на фундаменте из крови. Нет».

Другие его проблемы были схожими. Правительство перебинтовывало раны Хэдли, но это и все. Лечило симптомы, потому что никогда не было достаточно контроля над событиями, чтобы лечить причины.

Он взял доклад по плавильным генераторам. Они нуждались в запчастях и он гадал сколько еще протянет даже такая немыслимая выносливость. Он не мог по настоящему ждать больше нескольких лет, даже если все пойдет хорошо. Несколько лет, а потом — голод, потому что транспортную сеть нельзя было создать достаточно быстро. А когда откажут генераторы, продовольственные запасы города исчезнут, санитарные службы придут в упадок... голод и мор. Было ли это лучше, чем бунт и войны?

Он подумал о своей беседе с лидерами партии Свободы. Генераторы их не волновали, потому что они были уверены, что Земля не допустит голода Хэдли. Они думали, что Хэдли сможет использовать собственную беспомощность как оружие для выжимания платежей из Кодоминиума.

Джордж выругался себе под нос. Они были неправы. Земле наплевать на Хэдли и Хэдли находилась слишком далеко, чтобы заинтересовать кого-бы там ни было. Но даже если они были правы, то они продавали независимость Хэдли. И ради чего? Неужели настоящая независимость для них ничего не значит?

Вошла Лаура со стайкой орущих детей.

— Уже время спать? — спросил он. Четырехлетний сын схватил его карманный калькулятор и сел к нему на колени, нажимая на

кнопки и любуясь, как вспыхивают цифры и огоньки. Джордж поцеловал их всех и отправил спать, гадая про себя, какое же их ждет будущее.

«Мне следовало бы уйти из политики,— сказал он себе.— Я не приношу никакой пользы и добьюсь лишь того, что случится, если мы уйдем? какое будущее ждет их тогда?»

— Ты выглядишь обеспокоенным,— уложив детей, Лаура вернулась.— Всего лишь через несколько дней...

— Да.

— И что на самом деле тогда произойдет? — спросила она.

— Не обещания, которые мы все время слышим. Что на самом деле произойдет тогда, когда Кодоминиум уйдет? Плохо будет, не так ли?

Он привлек ее к себе, чувствуя ее тепло и пытаясь утешиться ее близостью. Она на миг прильнула к нему, а затем опять отступила.

— Джордж, а не стоит ли нам взять все, что можно, и уехать на восток? У нас мало что останется, но мы будем живы.

— Так плохо не будет,— сказал он ей. Он попытался рассмеяться, словно она пошутила, но звук вышел пустым. Она не поддержала его смех.

— Для этого будет время позже,— сказал он ей.— Если ничего не получится. Но сперва все должно быть хорошо. У нас есть планетные полицейские силы. И должно хватить сил для защиты правительства, но через пару дней я переведу вас всех во дворец.

— Армия,— произнесла она с сильным презрением,— та еще, Джордж. Добровольцы Брэдфорда, которые могут свободно убить тебя. И не думай к тому же, что он не хотел бы увидеть тебя мертвым. А эти Десантники! Ты сам говорил, что они подонки космоса.

— Я это говорил. Хотел бы я знать, верю ли я в это. Здесь происходит что-то очень странное, Лаура. Что-то, чего я не понимаю.

Она уселась на кушетку рядом с его рабочим столом и подобрала под себя ноги. Ему всегда нравилась эта ее поза. Она подняла широко раскрытые глаза. Она никогда не смотрела так ни на кого другого.

— Я сегодня ездил повидать майора Карантова,— сказал Джордж,— сыграть на старой дружбе и получить немного информации об этом Фалькенберге. Бориса в кабинете не было, но один из младших лейтенантов, парень по имени Клейст...

— Я его встречала,— сказала Лаура.— Милый мальчик. Немного молод.

— Да. Так или иначе, у нас завязался разговор о том, что произойдет после независимости. Мы обсудили уличные бои, беспорядки толп, ну сама знаешь, и я сказал, что желал бы, чтобы у нас

было немного надежных Десантников, вместо оставляемой ими здесь демобилизованной части. Он странно посмотрел на меня и спросил, а что же я хотел, Гвардию Гранд Адмирала?

— Странно.

— Да, а когда пришел Борис, и я спросил, что имел в виду Клест, Борис ответил, что паренек был новичком и не знал о чем говорит.

— А ты думаешь, что он знал? — спросила Лаура.— Борис не стал бы тебе лгать. Прекрати это! — поспешно добавила она.— У тебя назначена встреча.

— Она может подождать.

— При всего лишь паре дюжин машин на всей этой планете и одной из них, прибывшей за тобой, ты не заставишь ее ждать, пока занимаешься любовью со своей женой, Джордж Хамнер! — Ее глаза сверкали, но не гневом.— Кроме того, я хочу знать, что сказал тебе Борис.— Она отпрянула от него и он вернулся за стол.

— Дело не только в этом,— сказал Джордж.— Я все думал об этом. Эти солдаты не кажутся мне непригодными к службе. Вне службы они пьют и уже вынудили батраков запирать своих жен и дочерей, но ты знаешь, приходит утро и они на том же плацу. А Фалькенберг непохож на человека, который примирится с недисциплинированными солдатами.

— Но...

Он кивнул.

— Но это не имеет смысла. И есть вопрос офицеров. У него их слишком много и они не с Хэдли. Вот почему я собираюсь отправиться туда сегодня без Брэдфорда.

— Ты спрашиваешь об этом Эрни?

— Разумеется. Он говорит, что достал несколько партийных активистов с офицерской подготовкой. Я немного медлителен, Лаура, но не настолько глуп. Может, я и не все замечаю, но если бы было пятьдесят прогрессистов с военным опытом, то я бы об этом знал. Брэдфорд лжет. А почему?

Взгляд Лауры стал задумчивым и она потянула себя за нижнюю губу жестом, который Хамнер теперь едва заметил, хотя подшучивал над ней из-за него прежде, чем они поженились.

— Он лжет для практики,— сказала она.— Но его жена болтала о независимости и она обронила что-то насчет того, что Эрни станет президентом.

— Ну, Эрни ждет, что наследует Будро.

— Нет,— возразила Лаура.— Она вела себя так, словно это случится скоро. Очень скоро.

Джордж Хамнер покачал головой.

— У него не хватит пороху для переворота,— твердо сказал он.— И техники в ту же секунду выйдут на улицы. Они терпеть не могут его и он это знает.

— Эрнест Брэдфорд никогда не признавал никаких ограничений,— возразила Лаура.— Он действительно верит, что может заставить любого полюбить его, если только приложить усилия. Сколько бы раз он ни пинал человека, он считает, что несколько улыбок и извинений все уладят. Но что сказал тебе Борис о Фалькенберге?

— Сказал, что он самый хороший человек, какого мы только можем получить. Лучший командир Десантников, начинал во флоте и перешел в десантные войска потому, что в ФВК он не мог достаточно быстро продвинуться.

— Честолюбивый человек. И насколько он честолюбив?

— Не знаю.

— Он женат?

— Как я понял, когда-то был, но давно нет. Я получил релиз по тому военному трибуналу. Не было никаких открытых вакансий для продвижения. Но когда наблюдательный совет обошел Фалькенберга продвижением, которого адмирал в первую очередь не мог дать ему, он поднял из-за этого такой шум, что его уволили за неподчинение.

— Можешь ли ты тогда доверять ему? — спросила Лаура.— Его солдаты могут быть единственным, что сохранит тебе жизнь...

— Я знаю. И тебе, и Джимми, и Кристи, и Питеру... Я спросил об этом Бориса и он сказал, что лучше человека по росту нет. Нельзя его высоко рекомендовать. Говорит, что солдаты его любят, что он блестящий тактик, имеет опыт в командовании войсками, так и в штабной работе.

— Похоже на большую удачу.

— Да, но Лаура, если он такой уж ценный, почему его тогда выперли? Боже мой, все это кажется таким запутанным.

Загудел телефон и Хамнер с отсутствующим видом ответил. Это был дворецкий, объявивший, что его машина и шофер его ждут.

— Я вернусь поздно, милая. Не ожидай меня. Но ты можешь подумать над этим... Я клянусь, что Фалькенберг является ключом к чему-то и желал бы я знать к чему?

— Он тебе нравится? — спросила Лаура.

— Он не тот человек, который пытается нравиться.

— Я спросила, нравится ли он т е б е?

— Да. И для этого нет никакой причины. Он мне нравится, но могу ли я ему доверять?

Выходя из дома, он думал об этом же. Мог ли он верить Фалькенбергу? Жизнь Лауры... детей... и, если уж на то пошло, всей планеты, которая, казалось, направлялась прямо в ад и не могла свернуть.

Солдаты расположились лагерем в виде правильного квадрата. По периметру были насыпаны земляные валы, а палатки были уста-

новлены рядами, четкими, словно проложенными с помощью теодолита.

Снаряжение было надраено и отполировано, одеяла скатаны туго, каждый предмет на одном и том же месте в двухместных палатках... но солдаты мельтешили вокруг, орали, открыто играли у костров. Даже из-за внешних ворот было видно множество бутылок.

— Стой! Кто идет?

Хамнер вздрогнул. Машина остановилась у забаррикадированных ворот, но часового Хамнер не видел. Это был его первый визит в лагерь ночью и он нервничал.

— Вице-президент Хамнер,— ответил он.

Мощный луч света осветил его лицо с противоположной стороны машины. Значит, часовых было двое и оба невидимы, пока он не вышел на них.

— Добрый вечер, сэр,— сказал первый часовой.— Я передам, что вы здесь.

Он поднес к губам маленький коммуникатор.

— Капрал охранения. Пост номер пять.— Затем он крикнул то же самое и призыв четко разнесся в ночи. Несколько голов возле костров повернулись к воротам, а затем вернулись к прежней деятельности.

Хамнера переправили через весь лагерь к офицерскому ряду. Хижины и палатки стояли по другую сторону от густо забитых ратных войсковых улиц и имели свою собственную охрану.

По всему ротному району солдаты пели и Хамнер остановился послушать.

Башка моя трещит аж жуть,
Вот-вот концы отдам.
Вчера мне врезали чуть-чуть
Солдаты по мозгам.
Я был тогда мертвецки пьян,
А тут патруль, хватали,
Я не стерпел и вот фонарь
Под глазом у капрала.
Теперь сижу я на «губе»
И плащ под головой.
Лежу, гляжу на двор себе
И мучаюсь тоской.
Теперь кранты — наряд дадут
И не один, а сто.
Системе «Д» теперь капут
И стану холостой.
Какие бабы тут, когда патрульных

Бил среди ночи,
А в случаях таких всегда
Начальство строго очень.
И тем вину усугублял, что
Пьяным с ними дрался.
Меня патруль ведь задержал,
А я сопротивлялся.
Теперь конец — за этот бой
Меня наряды ждут,
Мне не отделаться «губой» —
Системе«Д»капут.
Мне приговор не отменят,
Да я и не старался.
«Под мухой» взял патруль меня,
А я сопротивлялся!

Фалькенберг вышел из хижины.

— Добрый вечер, сэр. Что привело вас сюда?

« Держу пари, тебе как раз хотелось бы знать,»— подумал Хамнер.

— Мне надо обсудить с вами некоторые вещи, полковник. Относительно полицейских сил.

— Конечно,— голос Фалькенберга был резок и казался слегка нервным. Хамнер гадал, не пьян ли он.— Не пройти ли нам в офицерскую кают-компанию? — предложил Фалькенберг.— Там удобней, да и я не приготовил свою квартиру для посетителей.

« Или ты приготовил здесь что-то, что не следует мне видеть,— подумал Джордж.— Что-то или кого-то. Местную девочку? Какая разница? Боже, желал бы я, чтобы мог доверять этому человеку ».

Фалькенберг провел его на ранчо в центре офицерского ряда. Солдаты все еще орали и пели и одна группа гонялась за другой по плацу. Большинство было одето в придуманную Фалькенбергом сине-желтую гарнизонную форму, но другие трусили мимо них в боевом обмундировании из синтекожи. Они тащили винтовки и тяжелые ранцы.

— Наряд в наказание,— объяснил Фалькенберг.— Не так много, как раньше.

Из здания офицерской кают-компании раздался грохот: барабан и волынки, дикие звуки войны, слитые вместе с громким смехом. Внутри, за длинным столом сидело два десятка людей, а стюарды в белых пиджаках уверенно двигались вокруг со стаканами и бутылками.

Вокруг стола маршировал оркестр волынщиков в шотландских юбках. В одном углу стояли барабанщики. Когда вошел Фалькенберг, оглушающий шум прекратился и все поднялись на ноги. Некоторые очень даже нетвердо.

— Продолжайте,— сказал Фалькенберг, но никто не стал. Они нервно глядели на Хамнера и по взмаху тамады во главе стола, волынщики и барабанщики вышли. Несколько стюардов с бутылками в руках последовали за ними. Другие офицеры сели и стали говорить на пониженных тонах. После всего этого шума в помещении, казалось, стало очень тихо.

— Мы посидим здесь, хорошо? — предложил полковник. Он отвел Хамнера к столику в углу. Стюард принес и поставил два стакана виски.

Помещение показалось Хамнеру курьезно голым. Несколько знамен, немножко картин и почти ничего другого. «Как-то,— подумал он,— должно быть больше. Словно они ждали. Но это было нелепо.»

Большинство офицеров было чужаками, но Джордж узнал с полдесятка прогрессистов, званием не выше младшего лейтенанта. Он махнул рукой тем, кого знал и получил в ответ быстрые улыбки, казавшиеся почти виноватыми, прежде чем партийные добровольцы повернулись обратно к своим товарищам.

— Итак, сэр? — поторопил его Фалькенберг.

— Кто именно эти люди? — спросил Хамнер.— Я знаю, что они не уроженцы Хэдли. Откуда они взялись?

— Офицеры Кодоминиума, ставшие бичами,— быстро ответил Фалькенберг.— Сокращение вооруженных сил. Многих хороших солдат шуганули в досрочную отставку. Некоторые из них прослышали, что я отправлялся сюда и решили покинуть свои резервные ряды. Они прибыли колониальным кораблем на случай, что я найму их.

— И вы наняли?

— Естественно, что я ухватился за шанс получить опытных солдат за цену, которую мы можем себе позволить.

— Но зачем вся эта секретность? Почему я не слышал о них раньше?

Фалькенберг пожал плечами.

— Мы, знаете ли, нарушили несколько постановлений Гранд Сената о наемниках. Лучше всего не болтать о таких вещах, пока КД определенно не уберется. После этого солдатам уже будет некуда деваться. Они будут верными Хэдли. — Фалькенберг поднял стакан с виски. Вице-президент Брэдфорд все знал об этом.

— Да уж, точно знал.— Хамнер поднял свой стакан.— Ваше здоровье.

— Ваше здоровье.

«И я хотел бы знать, о чем еще знает этот змееныш,— подумал про себя Хамнер.— Без его поддержки Фалькенберг в минуту вылетел бы отсюда... и что тогда?»

— Полковник, вчера в мой кабинет принесли ваш план организации. Вы сохранили всех Десантников в одном батальоне с этим ново-нанятыми офицерами. Кроме них у вас есть три ба-

тальона местных, но все стойкие члены партии — в четвертом. Во втором и третьем — местные рекруты, но под начальством ваших людей.

— Это достаточно хорошее описание, сэр,— согласился Фалькенберг...

«И ты знаешь мой вопрос»,— подумал Джордж.

— Почему, полковник? Подозрительный человек подумал бы, что вы собрали здесь собственную маленькую армию, со структурой, устроенной так, что вы можете взять полный контроль над ней, если когда либо возникнет разница во мнениях между вами и правительством.

— Подозрительный человек мог бы так сказать,— опять согласился Фалькенберг. Он осушил свой стакан и подождал, пока Джордж сделает то же самое. Подошел стюард со свеженаполненными стаканами.— Но человек практичный мог бы сказать нечто иное. Вы что, ждете, что я поставлю зеленых офицеров командовать этими ветеранами гауптвахт? Или ваших добросердечных прогрессистов командовать зелеными рекрутами?

— Но вы ведь сделали именно это...

— По приказу мистера Брэдфорда я сохранил четвертый батальон по возможности свободным от наемников. Это, между прочим, не помогает их обучению. Но у мистера Брэдфорда, кажется, та же жалоба, что и у вас.

— Я не жаловался.

— Я подумал, что жаловались,— сказал Фалькенберг.— Тем не менее, у вас есть свои партийные вооруженные силы, если вы пожелаете контролировать меня. Фактически, у вас есть весь контроль, который вам нужен. В ваших руках финансовые нити. Без снабжения этих ребят продовольствием и деньгами я и часу не смог бы удержать их.

— Солдаты всегда находили, что легче ограбить тех, кто им платит, чем сражаться за него,— сказал Хамнер.— Ваше здоровье.

Он осушил свой стакан, затем подавил кашель. Напиток был крепкий и он не привык пить чистое виски. Он гадал, что произойдет, если он закажет что-нибудь другое: пиво или коктейль. Это как-то казалось неподходящим для данного собрания.

— Такого замечания я мог бы ожидать от Брэдфорда,— сказал Фалькенберг.

Хамнер кивнул. Брэдфорд всегда что-то подозревал. Иногда Джордж задумывался, а совершенно ли нормален Первый вице-президент, но это было глупо. И все же, когда давление возрастало, Эрни Брэдфорд умел действовать людям на нервы своими подозрениями и он скорей бы предпочел, чтобы ничего не делалось, чем бросить контроль над чем бы то ни было.

— Как я, по-вашему, организую этот переворот?— осведомился Фалькенберг.— У меня есть кучка верных мне солдат. Остальные

наемники или ваши местные. Вы много заплатили за то, чтобы привезти сюда меня и мой штаб. Вы хотите, чтобы мы сражались с невозможным неравенством в силах и несуществующим снаряжением. Если вы также настаиваете на своей собственной организации вооруженных сил, то я не могу принять на себя ответственность.

— Я этого не говорил.

Фалькенберг пожал плечами.

— Если Президент Будро так прикажет, а он прикажет по вашей рекомендации, я передам командование любому, кого он выберет.

«А он назовет Брэдфорда,— подумал Хамнер.— Я уж скорей доверюсь Фалькенбергу. Что там ни сделает Фалькенберг, это будет сделано, по крайней мере, профессионально. С Эрни же нет никакой уверенности в том, что он не выкинет чего-нибудь и, что он сможет достичь чего-нибудь, если не выкинет.»

— Что вы хотите получить, полковник Фалькенберг?

Вопрос, казалось, удивил полковника.

— Деньги, конечно. Немного славы, наверное, хотя ныне этим словом не очень-то пользуются. Ответственный пост, соразмерный моим способностям. Я всегда был солдатом, ничего иного я не знаю.

— А почему не остались в КД?

— Это есть в послужном списке,— холодно ответил Фалькенберг.— Наверняка, вы знаете.

— Но я не знаю,— Хамнер был спокоен, но выпитого виски было достаточно, чтобы сделать его смелей, чем он намеревался, даже в этом лагере, окруженном солдатами Фалькенберга.— Я совсем не знаю это, что мне рассказывали не имеет никакого смысла. У вас не было причин жаловаться на продвижение, а у Адмирала Лермонтова — обвинять вас. Все выглядит так, словно вы сами себя уволили.

Фалькенберг кивнул.

— Вы почти правы. Проницательно с вашей стороны.— Губы солдата были туго сжаты, а серые глаза впились в Хамнера.— Полагаю, вы заслужили право на ответ. Гранд Сенатор Бронсон поклялся уничтожить меня по причинам, которые вам незачем знать. Если бы меня уволили по тривиальному обвинению в техническом подчинении, я столкнулся бы с серией сфабрикованных обвинений. Таким путем я, по крайней мере, ушел с чистым послужным списком. С чистым послужным списком и большой горечью и злостью.

— И это все?

— Это все.

Это было правдоподобным. Так же, как и все другое, сказанное Фалькенбергом. И все же Хамнер был уверен, что Фалькенберг лжет. Нет, непрямо лжет, но и не говорит всего тоже. Хамнер чувствовал,

«И,— подумал Хамнер,— я должен либо довериться этому человеку, либо избавиться от него, а раздражать его, сохраняя его на службе — самая глупейшая политика».

Вернувшись, волынщики и тамада посмотрели на Фалькенберга.

— Еще что-нибудь? — спросил Фалькенберг.

— Нет.

— Благодарю вас,— полковник кивнул младшему офицеру. Тамада взмахом руки дал добро главному волынщику. Тот поднял свой жезл и затрещали барабаны. Заиграли волынщики сперва стоя на месте, а затем маршируя вокруг стола. Офицеры заорали и помещение наполнилось массовыми криками. Собрание пошло гулять снова.

Джордж поискал глазами кого-нибудь из рекомендованных им и обнаружил, что все офицеры-прогрессисты в комнате были его собственные. Не было ни одного из брэдфордовского крыла партии. Имело ли это значение?

Он поднялся и встретился взглядом с лейтенантом-прогрессистом.

— Пускай Фаркхар проводит меня, полковник,— попросил Хамнер.

— Как желаете.

Шум преследовал его, пока он выходил из здания и шел по улице. С плаца и лагеря за ним доносились новые звуки. Костры ярко горели в ночи.

— Ладно, Джейми, что здесь происходит? — требовательно спросил Хамнер.

— Происходит, сэр? Насколько я знаю, ничего. Если вы имеете в виду собрание, то мы праздновали окончание солдатами тренировки. Завтра они начнут отрабатывать усложненную программу.

— Может я имел в виду и собрание,— произнес Хамнер.— Ты, кажется, весьма дружен с другими офицерами?

— Да, сэр.— Хамнер заметил энтузиазм в голосе Джейми Фаркхара. Мальчик был достаточно молод, чтобы заразиться представлением об избранности военных. И Джордж испытывал к нему жалость.— Они хорошие люди.

— Да, и я полагаю, что так. А другие? Люди мистера Брэдфорда?

— У них возникли левые проблемы, задержавшие их допоздна вне лагеря,— ответил Факхар.— Мистер Брэдфорд приехал к обеду и попросил, чтобы их отправили куда-то на митинг. Он проводит с ними много времени.

— Не сомневаюсь,— сказал Хамнер.— Слушай, ты был среди Десантников, Джейми. Откуда эти солдаты, каких частей КД?

— Я по-настоящему не знаю, сэр. Полковник Фалькенберг запретил нам их расспрашивать. Он говорит, что солдаты начинают здесь с чистым послужным списком.

Хамнер заметил, что тон, использованный Факхаром, когда тот упомянул Фалькенберга, больше, чем уважение. Благоговейный ужас,

наверное.

— Кто-нибудь из них служил раньше с полковником?

— Я думаю, что да, сэр. Они его не любят, клянут полковника совершенно откровенно. Но они боятся этого его здоровенного главстаршину. Кальвин предлагал помахаться с любыми двумя солдатами в лагере и правила выбирают они сами. Некоторые из новичков попробовали это, но из Десантников никто не стал. Ни один.

— И ты говоришь, что полковник не популярен среди солдат?

Фаркхар на минутку задумался.

— Я бы не сказал, что он п о п у л я р е н, нет сэр.

«И все же,— подумал Хамнер,— Борис говорил, что он был популярен среди солдат». Виски гудело в голове у Джорджа.— А кто популярен?

— Майор Сэвидж, сэр. Солдаты его любят. И капитан Фаст. Его Десантники особенно уважают. Он командует строевой подготовкой.

— Ладно. Слушай, может ли эта часть драться? Есть у нас шанс, после того, как КД уйдет?

Они стояли и наблюдали лагерную жизнь в свете костров. Солдаты крепко пили, орали, пели песни и гонялись друг за другом по лагерю. Перед одной из парочек шел кулачный бой и ни один офицер не двинулся, чтобы прекратить его.

— Вы такое позволяете?— потребовал ответа Хамнер.

— Мы стараемся не вмешиваться слишком много,— ответил Фаркхар.— Полковник говорит, что половина офицерского образования — это усвоение того, чего не надо видеть. В любом случае, сержанты прервали драку, видите?

— Но вы позволяете солдатам пить.

— Сэр, нет таких правил против выпивки. Только против непригодности для выполнения своего долга. А эти солдаты крепкие. Они выполняют приказы и они могут драться. Я думаю, мы будем действовать действительно хорошо.

Гордость. Они вложили кое-какую гордость в Джэйми Фаркхара и, может быть, в некоторых из этих тюремных птах.

— Ладно, Джейми. Возвращайся на свое собрание. Я найду своего шофера.

Отъезжая, Джордж Хамнер чувствовал больше уверенности в будущем Хэдли, но он был по-прежнему убежден, что здесь что-то не так, но не имел ни малейшего понятия, что же именно.

9

Стадион был построен с расчетной вместимостью в сто тысяч человек. Сейчас там было набито как минимум столько, и такое же

число людей кишело на прилегающих к нему рыночных площадях и улицах. Весь гарнизон Кодоминиума был в карауле для поддержания порядка, но в этом не было нужды.

Празднование было бурным, но никаких неприятностей сегодня не будет. Партия Свободы была не меньше Десантников озабочена тем, чтобы избежать инцидентов в этот день, величайший для Хэдли со времен открытия.

Кодоминиум передавал власть местному управлению и убирался восвояси. Ничто не должно было испортить это.

Хамнер и Фалькенберг следили с верхнего яруса стадиона. Ряд за рядом пластистальные скамьи спускались каскадами, словно гигантская лестница, с их галерки до центрального поля внизу. Все места были заняты, так что стадион пестрел разными цветами.

Прямо против них стояли в президентской ложе президент Будро и Губернатор Флаэрти. Вокруг высоких чинов стояли по стойке «смирно» президентские гвардейцы в синих мундирах и Десантники Кодоминиума в ало-золотых.

Президентскую ложу разделяли вице-президент Брэдфорд, лидеры оппозиционной партии Свободы, деятели Прогрессивной, чиновники уходящего в отставку правительства Кодоминиума и все другие, кто смог выклянчить приглашение.

Джордж знал, что некоторые из них гадали, куда он делся.

Брэдфорд точно заметит отсутствие Хамнера. Он может даже, подумал Хамнер, подумать, что второй вице-президент поднимает оппозицию или бунт. В последнее время Брэдфорд обвинял Хамнера во всевозможной нелояльности к Прогрессивной партии, и недолго потребуется ждать, прежде чем он потребует, чтобы Будро дал ему отставку. К дьяволу этого коротышку!

Джордж терпеть не мог толп, и мысль о необходимости стоять там и слушать все эти речи, быть вежливым с партийными функционерами, которых он ненавидел, была уже сама по себе нестерпимой. Когда он предложил посмотреть с другого наблюдательного пункта, Фалькенберг быстро согласился. Солдат, кажется, тоже не слишком уважал формальные церемонии. «Гражданские церемонии,— поправил себя Хамнер.— Военные парады Фалькенберг, вроде бы, любил».

Ритуал был почти окончен. Оркестры Десантников КД промаршировали через поле, речи были произнесены, подарки доставлены и приняты. Сто тысяч человек прокричали «Ура!», и это был звук, внушающий ужас. Голая сила была пугающей. Хамнер взглянул на часы. Когда он это сделал, оркестр Десантников загрохотал в барабаны. Массовый барабанный бой прекращался смолканием одного барабана за другим, пока не остался один-единственный, который все продолжал и продолжал выбивать раскатистую дробь, пока, наконец, не замолк. Весь стадион ждал.

Раздалась одна труба, не больше. Ясный звук, заунывный, но победный, последняя честь знамени Кодоминиума над дворцом. Ноты

повисли в воздухе Хэдли, словно нечто осязаемое, и ало-голубое знамя медленно, ровно спустилось с флагштока, и поднялось пылающее золотисто-зеленое знамя Хэдли.

По всему городу люди в мундирах отдавали честь этим флагам. Одному поднимавшемуся, другому сползающему. Голубые мундиры Хэдли отдавали честь с улыбками, красно-мундирные Десантники с безразличием. В этом году знамя Кодоминиума поднималось и падало на протяжении двухсот световых лет и на семидесяти планетах, какая разница от одной мелкой планеты?

Хамнер бросил взгляд на Джона Фалькенберга. Полковник не смотрел на поднимающееся знамя Хэдли. Его застывшая честь была отдана флагу КД, и когда замерла последняя нота финального трубного салюта, Хамнеру показалось, что он заметил, как Фалькенберг вытер глаза.

Жест этот был столь поразительным, что Джордж поглядел снова, но видеть было больше нечего, и он решил, что ошибся.

— Вот так, значит,— отрывисто сказал Фалькенберг. Голос у него был напряженным.— Я полагаю, нам следует присоединиться к остальным. Нельзя заставлять Его Шефство ждать.

Хамнер кивнул. Президентская ложа была прямо связана с дворцом, и все чины прибудут на прием быстро, в то время, как им предстоит пересечь переполненный стадион. Люди уже устремились вниз, чтобы присоединиться к торжествующим толпам на траве в центре чаши.

— Давайте отправимся этой дорогой,— предложил Хамнер. Он провел Фалькенберга на самый верх стадиона в маленькую нишу, где он воспользовался ключом, чтобы открыть не очень-то заметную дверь.— Система туннелей доставит нас прямо во дворец через стадион и под ним,— объяснил он Фалькенбергу.— Не то чтобы секрет, но мы не хотим, чтобы люди об этом знали, иначе они потребуют, чтобы мы открыли туннели для публики. Система создана в основном для ремонтных бригад.

Он запер за ними дверь и выразительно махнул рукой в сторону широкого внутреннего коридора.

— Это здание было в самом деле весьма хорошо спроектировано.

Тон неохотного восхищения не был для него естественным. Коль вещь была хорошо сделана, то она хороша и все тут... но в последнее время он обнаружил, что говорит так о проектах Кодоминиума. Он негодовал на администрацию КД и тех людей, что бросали работу по управлению после создания многочисленных проблем, которые никто не мог разрешить.

Они спустились вниз по лестнице, прошли через какие-то переходы, а затем еще через один набор запертых дверей. Сквозь них они вышли во внутренний двор дворца. Празднование было уже в разгаре, и ночь, вероятно, будет долгая.

Хамнер гадал про себя, что же их теперь ждет. Утром уйдет последняя шлюпка КД, и Кодомииума не будет... Завтра Хэдли останется один на один со своими проблемами!

— Смир-рна!— проревел гул голосов четкая команда Кальвина.

— Сидите, пожалуйста, господа,— Фалькенберг занял свое место во главе стола в командном помещении того, что было центральным штабом Десантников Кодомииума.

За исключением мундиров и знамен было мало перемен по сравнению с тем, что уже называли «старыми временами».

Офицеры сидели на обычных местах для заседания штаба полка. На одной стене висели картины, а на другой господствовал выводной экран компьютера. Стюарды в белых куртках принесли кофе и незаметно удалились за двери, охраняемые вооруженными часовыми.

Фалькенберг смотрел на знакомую сцену и знал, что полицейские силы занимали казармы Десантников всего три дня, Десантники же были здесь двадцать лет.

На месте, зарезервированном для полкового офицера разведки, сидел, развалясь, штатский. Его френч был пестрого цвета, он был одет по нынешней земной моде: яркий галстук и мешковатые рукава. Вместо ремня был длинный кушак, скрывавший его карманный калькулятор. Высшие классы Хэдли только-только начинали носить такие наряды.

— Мы все знаем, почему мы здесь,— обратился Фалькенберг к собравшимся офицерам.— Те из вас, кто служил со мной раньше, знают, что я нечасто провожу штабные совещания. Они, однако, общепринятые среди наемных частей. Главстаршина Кальвин будет представлять рядовой состав полка.

Послышались приглушенные смешки. Кальвин воевал вместе с Фалькенбергом восемнадцать стандартных лет. Предположительно у них бывали различия во мнениях, но их никто никогда не замечал. Мысль, будто ПГС будет противостоять полковнику от имени солдат, была забавной. С другой стороны, никакой полковник не мог позволить игнорировать взгляды своего сержантского кубрика.

Жесткие черты лица Фалькенберга слегка расслабились, словно он оценивал собственную шутку. Его глаза прошли по лицам присутствующих. Все в комнате прежде были десантниками, и все, за редким исключением, служили с ним и раньше. Офицеры-прогрессисты были где-то на задании. И чтобы этого достичь, не вызывая подозрений, потребовалось осторожное планирование начальника строевой подготовки.

Фалькенберг повернулся к штатскому.

— Доктор Уитлок, вы пробыли на Хэдли шестьдесят дней. Это не очень долгий срок для изучения планеты, но это примерно все то время, что у нас есть. Вы пришли к каким-нибудь выводам?

— Да,— Уитлок говорил, сильно растягивая гласные и, по

мнению большинства, не из-за природного акцента.— Немногим отличается от оценки флота, полковник. Не могу понять, зачем вы пошли на лишние расходы, связанные с доставкой меня сюда? Ваша разведка знает свое дело примерно так же хорошо, как и я свое.

Уитлок откинулся на спинке кресла и выглядел очень расслабленным и беззаботным посреди военной формальности других. В его манере держаться не было никакого презрения. У военных был один набор правил, у него — другой. Но он прекрасно срабатывался с военными.

— Значит, ваши выводы сходны с выводами Флота?— заключил Фалькенберг.

— В пределах анализа — да, сэр. Сомневаюсь, что любой компетентный человек мог прийти к иным выводам. Эта планета движется полным ходом к варварству при жизни одного поколения.

Со стороны офицерства не раздалось ни звука, но некоторые были поражены. Хорошая тренировка удержала их от явного проявления чувств. Уитлок достал сигарету из нарукавного кармана и внимательно изучал ее.

— Хотите услышать анализ?— спросил он.

— Суммарно, пожалуйста,— Фалькенберг снова оглядел лица собравшихся. Майор Сэвидж и капитан Фаст не были удивлены. Они знали это еще до прибытия на Хэдли. Некоторые из младших офицеров и командиров рот догадывались и раньше.

— Достаточно просто,— сказал Уитлок.— Нет никакой самообеспечивающейся технологии, для населения и вполовину меньше. Без импорта жизненный уровень обязательно упадет. В некоторых местах это смогут перетерпеть, здесь — нет. Здесь, когда люди не смогут получить своих приборчиков, то вместо того, чтобы работать, они тут, в Рефьюдже, потребуют, чтобы правительство на этот счет что-нибудь предприняло. А оно не в таком положении, чтобы отказывать. Недостаточно сильное.

Так что им придется обратить вложенный капитал на производство товаров ширпотреба. Возникнет снижение технологической эффективности, а потом уменьшение количества товаров, ведущее к новым требованиям, то есть еще к одному циклу — такому же, как и предыдущие. Трудно сказать, что именно грядет после этого, но хорошо быть не может.

В скором времени у них не останется чего-нибудь стоящих технологических ресурсов. Картина не нова, полковник. Флот предвидел заранее, что это произойдет. Я уверен, что вы не положились на их слово.

Фалькенберг кивнул.

— Я положился, но решил, что со столь важным делом мне лучше получить еще одно мнение. Вы, доктор Уитлок, встретились с лидерами партии Свободы. Есть какой-нибудь шанс, что они сохранят цивилизацию, если будут править?

Уитлок рассмеялся. Это был долгий, протяжный смех, непринужденный, но совершенно неуместный на военном совете.

— Примерно столько же шансов, что аллигатор выпустит хрюшку, полковник. Даже если исходить из того, что они знают, что делать, как они это смогут сделать? Предположим, на них снизойдет прозрение, и они попытаются изменить свою политику? Кто-нибудь создаст новую партию в русле нынешнего мышления партии Свободы?

— Полковник, вы НИКОГДА не убедите весь их народ, что есть вещи, которые правительство просто НЕ СМОЖЕТ сделать. Они не захотят этому верить, и всегда найдутся ловкие ораторы, готовые сказать, что все это — заговор. А вот если бы Прогрессивная партия, у которой уже есть правильные идеи, сумела бы установить сильное правительство, они имели бы шанс удержать наплаву что-то немного дольше.

— Вы думаете, они смогут?— спросил майор Сэвидж.

— Нет, они могут повеселиться, пытаясь,— ответил Уитлок.— Проблема в этой независимой глубинке. Для того, что они должны сделать, не хватает поддержки ни в городе, ни в деревне. В конечном итоге все должно измениться, но революция, что даст стране по-настоящему мощное правительство, будет сплошной кровавой свалкой, могу вас заверить. И притом надолго растянувшейся.

— Неужели у них нет никакой надежды? — спросивший был младшим офицером, недавно произведенным в ротмистры.

Уитлок вздохнул

— Куда ни глянь, везде увидишь проблемы. Город, к примеру, уязвим для любой диверсии, что остановит заводы по производству пищи. И плавильные генераторы тоже не вечны. Они крепко гоняют их, не останавливая на достаточный срок для ремонта. Хэдли живет на свой капитал, а не на доход, и весьма скоро не останется никакого капитала, чтобы на него жить.

— И в этом ваш вывод? — сказал Фалькенберг.— Похоже, тут не самое подходящее место для нашего ухода на покой.

— Разумеется,— согласился Уитлок. Он с хрустом потянулся.— Как ни прикинь, этой планете не видать самообеспечения без большого кровопролития.

— А не могут ли они попросить помощи у «Американ Экспресс»? — спросил тот же ротмистр.

— Попросить-то они могут, но получить — нет,— усмехнулся Уитлок.— Сынок, эта планета была нейтрализована по соглашению, еще когда Губернатор КД поднялся на борт корабля. И теперь русские не собираются позволять американской компании, вроде «Американ Экспресс», забрать ее обратно в сферу американского влияния, точно также, как США не позволит комми явиться сюда и открыть лавочку. Гранд Сенат прикажет наложить карантин на эту систему, только так,— историк щелкнул пальцами.— И в этом-то весь смысл Ко-

доминиума.

— Меня беспокоит одно,— сказал капитан Фаст.— Вы исходили из того, что КД просто-напросто позволит Хэдли вернуть к варварству. Разве Бюрпер и Министерство колоний не возвратятся обратно, если положение станет отчаянным?

— Нет.

— Вы, кажется, в этом убеждены,— заметил майор Сэвидж.

— Убежден,— ответил доктор Уитлок.— В этом году снова урезали бюджеты. У них не хватает ресурсов, чтобы взять планету, вроде Хэдли. У Бюрпера хватает своих забот.

— Но...— ротмистр, задававший вопросы, похоже, забеспокоился.— Полковник, что же могло случиться с Бюро Перемещений?

— Как говорит доктор Уитлок, никаких бюджетов,— ответил Фалькенберг.— Вообще-то, господа, мне нет необходимости говорить вам об этом. Вы видели, что Гранд Сенат сделал с Флотом. Потому-то вы и деморализованы... А люди Каслова будут иметь несколько лишних кресел в Президиуме в следующем году, точно так же, как банда Гармона победила на некоторых мелких выборах в Штатах. Обе эти компании хотят отменить КД, и у них хватает влияния, чтобы до костей урезать всем ассигнования.

— Но ведь бюро контроля над населенностью должно отправлять людей из солнечной системы,— запротестовал ротмистр.

— Да,— лицо Фалькенберга стало мрачным, наверное, он вспомнил свой опыт знакомства с методами демографического контроля.— Но ближе к Земле, невзирая на проблемы, которые это может вызвать у колонистов. Отдаленные ненадежные предприятия типа Хэдли закрываются. Эта планета не единственная, которую КД бросает в этом году,— в его голосе звучала нотка тяжелой иронии.— Извините, предоставляет независимость.

— Так значит, они не могут полагаться на помощь Кодоминиума?— заключил капитан Фаст.

— Да, если Хэдли хочет добиться подъема, то это ей придется сделать самой по себе.

— Что, как говорит доктор Уитлок, невозможно,— заметил майор Сэвидж.— Похоже, Джон, мы попали в капкан, не так ли?

— Я сказал, что это маловероятно, а не невозможно,— напомнил доктор Уитлок.— Однако, потребуется правительство, посильнее, чем любое, которое достанется Хэдли. И несколько умных людей, делающих правильные ходы. Ими может быть какая-нибудь удача, вроде избирательной чумы. Вот она дело сделает. Чума, которая перебьет нужных людей. Но если она уничтожит слишком много народу, оставшихся не хватит, чтобы использовать преимущества технологии, так что я полагаю, это тоже не ответ.

Фалькенберг мрачно кивнул.

— Благодарю вас, доктор Уитлок. Теперь, господа, я хочу, чтобы

командиры батальонов и штабные офицеры прочитали рапорт Уитлока. В то же время, у нас есть еще один вопрос. Майор Сэвидж скоро будет докладывать кабинету Прогрессивной партии, и я хочу, чтобы вы обратили на это внимание. После того, как он представит свой доклад, мы проведем критическое обсуждение. Майор?

Сэвидж встал и подошел к дисплею.

— Господа,— он воспользовался пультом управления, чтобы вывести на экран схемы организаций.— Полк состоит приблизительно из двух тысяч солдат и офицеров. Из них — пятьсот — бывшие Десантники и еще пятьсот — активисты прогрессивной партии, организованных под началом офицеров, назначенных вице-президентом Брэдфордом. Другая тысяча — обычные рекруты. Некоторые из них годятся в наемники, а некоторые — местные молодчики, захотевшие поиграть в солдатики, годятся лишь в национальную гвардию. Все рекруты прошли основную тренировку, сравнимую с основной тренировкой Десантников КД, правда, без обучения полетам и прыжкам. Они показали себя несколько лучше, чем мы могли ожидать от сравнимого числа рекрутов Десантников на службе КД.

Этим утром мистер Брэдфорд приказал полковнику удалить из четвертого батальона последних из наших офицеров и младкомов. И уже с полуночи четвертый батальон будет под контролем офицеров, назначенных вице-президентом Брэдфордом. Он не проинформировал нас о причинах этого приказа.

Фалькенберг кивнул.

— По вашей оценке, майор, войска готовы к выполнению боевого долга?

Фалькенберг, праздно слушая, попивал кофе. Выступление было отрепетировано, и он знал, что ответит Сэвидж. Солдаты были обучены, но еще не представляли боевой части. Фалькенберг ждал, пока Сэвидж не кончил свой доклад.

— Рекомендации?

— Рекомендуется интегрировать второй батальон с первым, сэр. Нормальная практика — формировать каждый манипул одним рекрутом, тремя рядовыми и монитором во главе. При равном числе новичков и ветеранов у нас будет более высокая пропорция рекрутов, но это даст нам два батальона солдат под командованием наших ветеранов МКС с рядовыми Десантниками для закваски. Таким образом, мы порываем с временной тренировочной организацией и устанавливаем полк с новой постоянной структурой, первый и второй батальоны — для выполнения боевого долга; третий, составленный из местных,— с бывшими офицерами Десантниками — для резерва; а четвертый не будет под нашим командованием.

— Ваши причины для такой организации? — спросил Фалькенберг.

— Повышение боевого духа, сэр. Новые солдаты чувствуют, что против них существует дискриминация. Они находятся под более

жесткой дисциплиной, чем бывшие Десантники, и возмущаются этим. Отправка их в один манипул с Десантниками это прекратит.

— Давайте посмотрим новую структуру.

Сэвидж поманипулировал с выключателем ввода, и по экрану поплыли схемы. Административная структура была стандартной, основанная частично на десантных восках КД, а в основном на национальных армиях с Черчилля. Важно было не это, в глаза это не бросалось, но структура требовала, чтобы все ключевые посты занимали наемники Фалькенберга.

Лучшие из рекомендованных Прогрессистов были либо в третьем, либо в четвертом батальоне, и на планете не было никого из местных с должным опытом командования войсками, так что имелось оправдание. Для Фалькенберга все выглядело хорошо, и не было никакой причины, чтобы поставить план под вопрос. Брэдфорд будет столь доволен своим новым контролем над четвертым батальоном, что не посмотрит на остальное, во всяком случае, пока. А у других не хватит военных знаний, чтобы возразить.

«Да,— подумал Фалькенберг,— это должно сработать».

Он подождал, пока Сэвидж не закончил, и поблагодарил его, затем обратился к другим.

— Господа, если у вас есть критические замечания, давайте, выслушаем их сейчас. Я хочу иметь твердый фронт, когда мы будем завтра на заседании кабинета, и я хочу, чтобы каждый из вас был готов ответить на любой вопрос. Мне незачем говорить вам, как важно, чтобы они купили это.

Все кивнули.

— И еще одно,— добавил Фалькенберг.— Главстаршина.

— Сэр?

— Как только Кабинет купит этот новый план организации, я хочу, чтобы в полку была нормальная дисциплина.

— Сэр!

— Вбей им это покрепче, Первый Солдат. Скажи Сорок Второму, что спектакль окончен. Отныне с рекрутами и «стариками» будут обращаться одинаково, и первый, кто причинит мне неприятности, пожалеет, что родился на свет.

— Сэр! — Кальвин счастливо улыбнулся. Последние месяцы были для всех напряженными. Теперь полковник, слава Богу, снова забирал вожжи в свои руки. Солдаты несколько потеряли сноровку, но он снова вложит ее обратно в них. Настало время сбросить маски, и Кальвин был этому рад

10

Звук кричащих в унисон пятидесяти тысяч человек может быть ужасающим. Он возбуждает страх на инстинктивном уровне, вызывает панику более древнюю, чем страх перед ядерным оружием и всеми достижениями военной технологии. Это неприкрытая голая сила из котла звука.

Все во дворце прислушивались к скандирующей толпе. Члены правительства были внешне спокойны, но передвигались по коридорам тихо и говорили на пониженных тонах — или беспричинно кричали. Дворец был наполнен безымянным страхом.

Заседание Кабинета началось на рассвете и шло все утро. Оно все тянулось и тянулось, ничего не решая. Как раз перед полуднем вице-президент Брэдфорд встал со своего места за совещательным столом, твердо сжав губы от ярости. Он ткнул дрожащим пальцем в сторону Джорджа Хамнера.

— Это ваша вина! Теперь техники присоединились к требованию принять новую конституцию, а их контролируете вы. Я всегда говорил, что вы предатель Прогрессивной партии!

— Пожалуйста, господа,— настаивал президент Будро. В его голосе звучала безграничная слабость.— Перестаньте, что это за выражения!

— П-предатель? — переспросил Хамнер.— Если бы ваши проклятые чиновники обращали немного внимания на моих техников, этого бы не случилось. За три месяца вы сумели превратить техников из самых стойких сторонников партии в мятежников, несмотря на все, что я мог сделать.

— Нам нужно сильное правительство,— заявил Брэдфорд. Голос его был пронзительным, и легкая полуулыбка вернулась на место.

Джордж Хамнер сделал огромное усилие, пытаясь сдержать свой гнев.

— Вы не получите его таким способом. Вы гоняли моих техников, как скот, заставляли их работать сверхурочно без дополнительной платы и поставили к ним своих проклятых солдат, когда они запротестовали. Одному человеку стоило жизни то, что ваши жандармы взбеленились на него.

— Сопротивление полиции,— отмахнулся Брэдфорд.— Мы не можем этого допускать.

— Вы не знаете, что значит «править»! — крикнул Хамнер. Его сдержанность исчезла, и он встал, возвышаясь над Брэдфордом. Коротышка отступил на шаг, и его улыбка примерзла к губам.— У вас

хватило наглости назвать меня предателем после того, что вы сами сделали! Мне следовало бы свернуть вам шею!

— Господа! — Будро встал со своего места во главе стола.— Прекратите!

Со стадиона донесся рев. Дворец, казалось, завибрировал от криков конституционного съезда. В кабинете на миг воцарилось молчание. Будро устало продолжил.

— Это ни к чему вас не приведет. Я предлагаю сделать перерыв на полчаса, чтобы дать остыть страстям.

Все согласились.

— И я хочу чтобы, когда мы соберемся снова, не было больше этих обвинений и угроз,— добавил президент Будро.— Понятно?

Другие нехотя согласились. Будро ушел один. Затем Брэдфорд с кучкой самых близких сторонников позади. Остальные министры поспешили, показывая что они уходят с ним, словно находиться, по их мнению, в оппозиции к первому министру было опасно.

Джордж Хамнер остался в комнате один. Он пожал плечами и вышел. К Эрнесту Брэдфорду подошел человек в форме. Хамнер узнал в нем подполковника Кордову, командира четвертого батальона и фанатичного сторонника Брэдфорда. Хамнер вспомнил, что он впервые предложил назначить на этот пост Кордову, и каким это казалось тогда неважным. Группа Брэдфорда направилась налево по коридору. Они, казалось, о чем-то перешептывались и подчеркнуто игнорировали второго вице-президента. Хамнер лишь пожал плечами.

— Вам взять кофе? — раздался сзади голос, заставивший Джорджа вздрогнуть. Он повернулся и увидел Фалькенберга.

— Разумеется. Не то, что от этого будет какая-то польза, но все же... Мы в беде, полковник.

— Что-нибудь решили? — спросил Фалькенберг.— Ожидание было долгим.

— И бесполезным, полковник. Им следовало бы приглашать вас на эти заседания Кабинета. Вы могли бы дать несколько хороших советов. Разумеется, нет никакой, к черту, причины, чтобы заставлять вас ждать в приемной, пока мы орем друг на друга. Я пытался изменить эту политику, но я сейчас не пользуюсь поддержкой.

Со стадиона донесся еще один вопль.

— Все правительство не слишком популярно,— заметил Фалькенберг.— А когда этот съезд закончится...

— Еще одно, чему я пытался помешать на прошлой неделе,— сказал ему Джордж.— Но у Будро не хватило духу им противостоять. Так что теперь мы собрали пятьдесят тысяч бродяг, у которых нет лучшего занятия, чем заседать в качестве народного собрания.

Фалькенберг пожал плечами. Может, он хотел что-то сказать, подумал Джордж, но если и так, то передумал. Они достигли административной столовой и заняли места возле стены. Группа Брэд-

форда сидела за столиком напротив, и все его люди посмотрели на них с подозрением.

— На вас повесят ярлык предателя за то, что вы сидите со мной, полковник,— засмеялся Хамнер, но голос его был серьезен.— Я, знаете, думаю, что и впрямь так будет. Брэдфорд винит меня в наших проблемах с техниками, и, между нами говоря, он настаивает, что вы недостаточно делаете для восстановления порядка в городе.

Фалькенберг заказал себе кофе.

— Нужно мне объяснять вам, почему мы это делаем?

— Нет,— огромная ручища Джорджа Хамнера облапила стакан.— Видит Бог, последнюю пару месяцев вам не оказывали почти никакой поддержки. Отдавали невыполнимые приказы и никогда не позволяли сделать ничего решительного. Я вижу, вы прекратили рейды на штабы мятежников?

Фалькенберг кивнул.

— Мы никого не захватывали. Слишком большая утечка информации во Дворце. И, по большей части, оказывалось, что четвертый батальон уже взбаламутил воду. Если бы нам дали делать наше дело вместо необходимости по правительственным каналам просить разрешения на каждую проводимую нами операцию, враг, может быть, не знал бы так много о том, что мы собираемся делать. Теперь я прекратил спрашивать.

— Вы весьма хорошо действовали с железной дорогой.

— Да. Это, во всяком случае, единственный успех. В провинции, где мы предоставлены сами себе, стало очень тихо. Странно, не правда ли, что, чем мы ближе к опытному руководству, тем менее эффективными кажутся мои солдаты?

— Но неужели вы не можете контролировать молодчиков Кордовы? Они заставляют перебегать от нас к мятежникам больше людей, чем вы можете подсчитать. Я не могу поверить, что неудержимая жестокость полезна.

— Я тоже. Если у вооруженных сил нет цели, они не очень эффективный инструмент правительства. Но вы наверняка знаете, что я не имею никакого контроля над четвертым батальоном. Мистер Брэдфорд увеличил его с тех пор, как забрал под свое руководство, и теперь он такой же по численности, как остальной полк. И под полным его, а не моим контролем.

— Брэдфорд обвинил в предательстве меня,— осторожно произнес Хамнер.— Имея собственную армию он может что-то планировать...

— Некогда вы думали обо мне,— сказал Фалькенберг.

— Это очень серьезно,— сказал Хамнер.— Эрни Брэдфорд создал армию, которую контролирует только он, и он предъявляет дикие обвинения.

Фалькенберг мрачно улыбнулся.

— Я бы не слишком беспокоился об этом.

— Это как? Да, вам нечего беспокоиться. Но я напуган, пол-

ковник. Я должен думать о своей семье, и я здорово напуган.

«Ну, теперь,— подумал Джордж,— карты открыты. Могу я подумать, что он не человек Эрни Брэдфорда?»

— Вы считаете, что Брэдфорд планирует незаконный шаг? — спросил Фалькенберг.

— Не знаю,— Джорджа вновь охватил страх. Он не видел никакого сочувствия в глазах собеседника.

«А кому я могу доверять? Кому? Кому бы то ни было?»

— Вы бы чувствовали себя спокойнее, если бы ваша семья была бы в наших полковых казармах? — спросил Фалькенберг.— Это можно будет устроить.

— Сейчас самое время для нас кое-что открыть,— наконец произнес Хамнер.— Да, я бы чувствовал себя в большей безопасности, коль моя жена и дети будут находиться под вашей защитой. Но я бы почувствовал себя еще в большей безопасности, если бы вы были честны со мной.

— В чем? — выражение лица Фалькенберга не изменилось.

— Для начала насчет этих ваших Десантников. Это не штрафбатовцы. Я наблюдал за ними, они слишком хорошо дисциплинированы. И носимые ими боевые знамена получены ими не за какую-то ерунду, на этой планете или еще где-нибудь. Кто именно эти солдаты, полковник?

Джон Фалькенберг тонко улыбнулся.

— Я все гадал, когда вы про это спросите. Почему вы не подняли этот вопрос у президента Будро?

— Не знаю. Я думаю, потому, что доверяю вам больше, чем Брэдфорду. Наш президент — всего лишь спросил бы его... Кроме того, если президент удалит вас, не будет никакого способа противостоять Эрни. То есть, если вы станете противостоять ему, но вы, во всяком случае, можете это выдержать.

— Что заставляет вас думать, что я стал бы? — спросил Фалькенберг.— Я подчиняюсь законным приказам гражданского правительства.

— Да, разумеется. Хэдли столь стремительно катится вниз по склону, что одним заговором больше, одним меньше, все равно не будет никакой разницы... Вы не ответили на мой вопрос.

— Боевые знамена из Сорок Второго полка Десантных Войск Кодоминиума,— медленно ответил Фалькенберг.— Он был распущен из-за бюджетных сокращений.

— Сорок Второй? — Хамнер на секунду подумал. Он порылся в памяти, отыскивая информацию о Фалькенберге.— Это был ваш полк?

— Конечно.

— Вы привели его с собой?

— Один его батальон,— согласился Джон Фалькенберг.— Их женщины ждут, чтобы присоединиться к нам, когда мы устроимся. Когда Сорок Второй был распущен, солдаты решили остаться вместе, если

смогут.

— Так значит, вы привели с собой не только офицеров, но и солдат тоже.

— Да,— в выражении лица Фалькенберга по-прежнему ничего не изменилось, хотя Хамнер вглядывался в лицо собеседника.

Джордж испытывал и страх, и облегчение. Если это были солдаты Фалькенберга...

— В чем ваша игра, полковник? Вы хотите большего, чем просто плата для ваших солдат. Хотел бы я знать, не следует ли бояться вас больше, чем Брэдфорда?

Фалькенберг пожал плечами.

— Решение должны принимать вы, мистер Хамнер. Я мог бы дать вам слово, что мы не собираемся причинить вам никакого вреда, но что бы это стоило? Я клянусь позаботиться о вашей семье, если вы захотите этого.

Со стадиона донесся еще один крик, на этот раз громче. Брэдфорд и полковник Кордова покинули свое место, все еще говоря на пониженных тонах. Разговор был оживленный, с сильной жестикуляцией, словно Кордова пытался уговорить Брэдфорда на что-то. Когда они выходили из столовой, Брэдфорд согласился.

Джордж проследил, как они покинули помещение. Толпа закричала, принимая решение за него.

— Я пришлю Лауру и ребят к вам в штаб в полдень.

— Лучше сделайте это немедленно,— спокойно посоветовал Фалькенберг.

Джордж нахмурился.

— Вы имеете в виду, что осталось мало времени? Что бы вы ни планировали, оно должно быть скоро, но в этот полдень? — Джордж покачал головой.

— Вам кажется, что у меня есть какой-то гениальный план, мистер вице-президент? Я предлагаю вам отправить вашу жену в наши казармы, пока мне не приказали не брать ее под защиту, вот и все. В остальном же я только солдат в острой политической ситуации.

— С подающим вам советы доктором Уитлоком,— сказал Хамнер, пристально посмотрев на Фалькенберга.

— Я вас этим удивил, не правда ли? — спросил Хамнер.— Я видел, как Уитлок ходит кругами, и задумался, почему он не зашел к президенту. У него, должно быть, прямо сейчас человек пятьдесят политических агентов на съезде.

— А вы кажетесь наблюдательным,— заметил Фалькенберг.

— Разумеется,— разозлился Хамнер,— только что хорошего мне это приносит, черт возьми! Я не понимаю ничего, что происходит, и никому не доверяю. Я вижу куски головоломки, но не могу сложить их в целое. Иногда я думаю, что мне следует употребить все оставшееся у меня влияние, чтобы как угодно уб-

рать из картинки ВАС.

— Как вам угодно,— улыбка Фалькенберга была холодно-вежливая.— Кому вы предложите охранять вашу семью после этого? Шефу полиции? Послушайте.

Стадион снова взревел гневным гулом, набравшим громкость.

— Вы выиграли,— Хамнер покинул столик и медленно пошел обратно в комнату совещаний. Голова у него шла кругом. Четко выделялось только одно: Джон Кристиан Фалькенберг контролировал единственную военную силу на Хэдли, которая могла противостоять компании Брэдфорда...— и гангстерам из партии Свободы, которые и были в первую очередь главными врагами. Нельзя забывать о них просто потому, что мне становится страшен Эрни, подумал Джордж.

Он повернулся от совещательной комнаты и спустился по лестнице в назначенные ему апартаменты. Чем раньше Лаура окажется в казармах Десантников, тем безопаснее он будет себя чувствовать.

«Но не посылаю ли я ее к своим врагам? О, боже, могу ли я вообще кому-нибудь доверять? Борис говорит, что он человек чести. Всегда помни это. Честь. У Фалькенберга есть честь, а у Эрни Брэдфорда ее нет. А я? Что я получил за то, что я покинул партию Свободы и привел своих техников к прогрессистам? Ничего не значащий титул второго вице-президента? А... »

Толпа снова заорала:

— ВЛАСТЬ НАРОДУ!

Джордж пошел быстрее.

Улыбка Брэдфорда вернулась. Это было первым, что заметил Джордж, когда он вошел в палату совещаний. Маленький человечек стоял за столом с веселой улыбкой. Она казалась совершенно искренней и больше, чем малость пугающей.

— А вот и наш благородный министр Технологии и второй вице-президент,— осклабился Брэдфорд.— Как раз вовремя. Мистер президент, эта банда там угрожает городу. Я уверен, что вам будет приятно узнать, что я предпринял шаги для окончания этой ситуации.

— Что вы сделали?— потребовал ответь Джордж.

Улыбка Брэдфорда расширилась еще больше.

— В данный момент полковник Кордова арестовывает лидеров оппозиции. Включая, мистер президент, лидеров Ассоциации Инженеров и Техников, которые присоединились к ним. С этим бунтом будет покончено в течение часа.

Хамнер уставился на него.

— Вы дурак! Вы заставите всех техников в городе присоединиться к партии Свободы! А техники контролируют электростанции, наше последнее средство воздействия на толпу. Вы — проклятый поганый дурак!

— Я думал, Джордж, вы будете рады,— проговорил Брэдфорд с преувеличенной вежливостью,— видеть, что с бунтом так легко покончено. Естественно, что я послал людей обезопасить электростанции. А! Послушайте-ка!

Толпа за стенами больше не скандировала. Возникло путаное бурление, затем глухой шум. Никаких разборчивых слов до них не доходило, только страшный, гневный рев. Потом раздалась частая стрельба.

— Боже мой — президент Будро уставился в замешательстве в пространство диким взглядом.— Что происходит? В кого они стреляют? Вы начали открытую войну?

— Требуются строгие меры, мистер президент. Хэдли не могут управлять слабовольные люди. Наше будущее принадлежит тем, у кого есть сила воли ухватить его!

Джордж Хамнер повернулся к двери. Прежде, чем он дошел до нее, Брэдфорд его окликнул.

— Пожалуйста, Джордж,— его голос был полон заботы.— Боюсь, что вам пока еще нельзя уйти. Это было бы небезопасно и для вас. Я взял на себя смелость приказать людям полковника Кордовы э... охранять эту комнату, пока мои войска восстанавливают порядок.

На стадионе воцарилась беспокойная тишина, и они ждали долго. Затем раздались вопли и новые выстрелы.

Шум приблизился, словно он был за пределами стадиона так же, как и на нем. Брэдфорд нахмурился, но никто ничего не сказал. Они ждали, казалось, целую жизнь, когда стрельба продолжалась. Ружья, крики, выстрелы, сирена и тревога — все вперемежку.

Дверь резко распахнулась. Вошел Кордова. Теперь на нем были знаки отличия полного полковника. Он огляделся по комнате в поисках Брэдфорда.

— Сэр, не могли бы вы выйти на минутку?

— Вы сделаете доклад Кабинету,— приказал президент Будро.

Кордова взглянул на Брэдфорда.

— Сейчас же, сэр.

Кордова все еще глядел на Брэдфорда. Первый вице-президент слегка кивнул.

— Отлично, сэр,— согласился молодой офицер.— По указанию вице-президента подразделения четвертого батальона прошли на стадион и арестовали около пятидесяти лидеров так называемого конституционного съезда. Наш план был быстро войти и отвести арестованных через президентскую ложу во дворец. Однако, когда мы попытались провести аресты, нам оказали сопротивление вооруженные люди, многие в форме частных охранников. Нам сказали, что на стадионе не будет никакого оружия, но это случилось по ошибке.

Толпа одолела моих офицеров и освободила пленников. Когда мы

вновь попытались захватить их, мы были атакованы толпой и были вынуждены пробиваться со стадиона.

— Господи помилуй,— вздохнул Будро.— Сколько ранено?

— Электростанции?! Вы обезопасили их? — крикнул Джордж.

У Кордовы был несчастный вид.

— Нет, сэр. Моих людей не впустили. Электростанции держит совет техников им инженеров. Они угрожают уничтожить их, если мы попытаемся войти силой. Мы попробовали отгородить их от внешней поддержки, но я не думаю, что мы сможем поддержать порядок с одним только моим батальоном. Нам понадобятся вся полицейская армия, чтобы...

— Идиот — Хамнер стиснул левый кулак в правом и до боли сжал его.— Совет техников. Большинство из них я знаю. Мои друзья или были ими. Станет ли мне теперь кто-нибудь из них доверять? По крайней мере, Брэдфорд не контролирует плавильные заводы.

— Каково текущее положение дел снаружи?— спросил президент Будро. Они все еще слышали стрельбу на улице...

— Э... одна толпа забаррикадировалась на рынке, другая — в театре напротив дворца, сэр. Мои солдаты пытаются выбить их,— голос Кордовы был оправдывающимся.

— Пытаются. Как я полагаю, они вряд ли преуспеют,— Будро поднялся и подошел к двери в приемную.— Полковник Фалькенберг?

— Да, сэр.— Фалькенберг по знаку президента вошел в комнату.

— Полковник, вы знакомы с ситуацией на улицах?

— Да, мистер президент.

— Черт вас подери, можете ли вы что-нибудь сделать?

— А что мне предлагает сделать президент?— Фалькенберг посмотрел на членов Кабинета.— Три месяца мы пытались сохранить порядок в этом городе. Мы были не в состоянии это сделать даже при сотрудничестве с техниками.

— Это была не моя вина,— начал было и полковник Кордова.

— Я не разрешал вам говорить,— губы Фалькенберга были сжаты в мрачную строчку.— Господа, вы теперь имеете открытый бунт и одновременно отчуждение одного из самых мощных блоков вашей партии. Мы больше не контролируем ни электростанции, ни центры производства пищи. Я повторяю: что предлагает мне сделать президент?

Будро кивнул.

— Достаточно честная критика.

Его перебил Брэдфорд.

— Выгоните толпу с улиц! Используйте своих драгоценных солдат для боя, именно для этого вы здесь и находитесь.

— Разумеется,— сразу же согласился Фалькенберг.— Не подпишет ли президент объявление чрезвычайного положения?

Будро неохотно кивнул.

— Я полагаю, что должен.

— Отлично,— сказал Фалькенберг.

Хамнер вдруг встрепенулся. Что он заметил в голосе и манере Фалькенберга? Что-то важное?

— Для политиков стандартно впутываться в ситуацию, из которой их могут вытащить только солдаты. Для них также стандартно винить после во всем военных,— заявил Фалькенберг.— Я готов принять на себя ответственность за проведение чрезвычайного положения. Но я должен командовать всеми правительственными силами. Я не стану пытаться восстанавливать порядок, когда некоторые войска не ответственны за линию.

— Нет!— Брэдфорд вскочил на ноги, кресло упало позади него.— Я понимаю, что вы делаете! Вы тоже против меня! Вот почему: «еще не время действовать», «еще не время для меня быть президентом». Вы сами хотите получить контроль над этой планетой! Ну, так это у вас не пройдет, дешевый диктатор! Кордова, арестуйте этого человека!

Кордова облизнул губы и посмотрел на Фалькенберга. Оба солдата были вооружены. Кордова решил не рисковать.

— Лейтенант Харгрив!— позвал он. Дверь в приемную открылась шире. Никто не вошел.— Харгрив!— снова крикнул Кордова. Он положил руку на пистолет в кобуре.— Вы под арестом, полковник Фалькенберг.

— В самом деле?

— Это абсурд!— закричал Будро.— Полковник Кордова, снимите руки с этого оружия! Я не позволю, чтобы заседание моего Кабинета превращалось в фарс.

Какой-то миг ничего не происходило. В комнате было очень тихо, и Кордова переводил взгляд с Будро на Брэдфорда, гадая, что делать.

Затем Брэдфорд повернулся к президенту.

— И ты тоже, старик? Арестуйте и мистера Будро, полковник Кордова. Что же касается вас, мистер предатель Джордж Хамнер, то вы получите то, на что напрашивались. У меня солдаты по всему этому дворцу. Я знал, что мне, возможно, придется это сделать.

— Вы знали — что это, Эрнест?— президент Будро казался сбитым с толку, и его голос был заунывен.— Что вы делаете?

— А, заткнись, старик,— зарычал Брэдфорд.— Я полагаю, что тебя мне тоже придется расстрелять.

— Я думаю, мы слышали достаточно,— отчетливо произнес Фалькенберг. Его голос прозвенел по помещению, хотя он не кричал.— И я отказываюсь быть арестованным.

— Убей его!— крикнул Брэдфорд и сунул руку под френч. Кордова выхватил пистолет. Тот еще не покинул кобуры, когда от двери раздались выстрелы. Их резкий лай заполнил комнату, и у Хамнера

зазвенело в ушах.

Брэдфорд с удивленным выражением крутанулся к двери. Затем его глаза остекленели, и он соскользнул на пол, все еще с полуулыбкой на губах. Раздался треск автоматического оружия, и Кордову отшвырнуло к стене палаты совещаний. Там его и держало разрывными пулями. На его форме выступили красные кляксы.

В комнату вошел главстаршина Кальвин с тремя Десантниками в боевом обмундировании: коже над выпуклыми доспехами. Их шлемы были тусклыми в голубоватом солнечном свете, струившемся из окна. Фалькенберг кивнул и сунул пистолет в кобуру.

— Все обеспечено, главстаршина?

— Сэр!

Фалькенберг снова кивнул.

— Цитируя мистера Брэдфорда, я взял на себя смелость обезопасить коридоры, мистер президент. Теперь, сэр, если вы издадите это объявление, я взгляну на ситуацию на улицах снаружи. Главстаршина!

— Сэр!

— У вас при себе объявление чрезвычайного положения, набросанное капитаном Фастом?

— Сэр,— Кальвин достал скатанный в трубку документ из кармана своего кожаного френча. Фалькенберг взял его и положил на стол перед президентом Будро.

— Но...— тон Будро был безнадежным.— Ладно. Не то, чтобы было много шансов,— он взглянул на тело Брэдфорда и содрогнулся.— Он готов был убить меня,— еле слышно пробормотал Будро.— Слишком много всего произошло, и слишком много надо было сделать.

Звуки боя снаружи стали громче, а комната наполнилась резким медным запахом свежей крови. Будро притянул к себе документ и, бросив на него лишь быстрый взгляд, достал из кармана ручку. Он нацарапал поперек него свою подпись и передал засвидетельствовать Хамнеру.

— Вам лучше поговорить с президентской гвардией,— посоветовал Фалькенберг.— Она не будет знать, что делать.

— Разве вы не собираетесь использовать ее в уличных боях?— спросил Хамнер.

Фалькенберг покачал головой.

— Я сомневаюсь, будет ли она драться. У них много друзей среди мятежников. Они будут защищать дворец, но будут ненадежны для всего другого.

— У нас есть шанс?— спросил Хамнер.

Будро оторвался от своих дел во главе стола.

— Да. Есть ли у нас шанс?

— Возможно,— ответил Фалькенберг.— Это зависит от того, насколько хороши люди, с которыми мы сражаемся. Если их командир

наполовину так хорош, как я о нем думаю, нам не выиграть этой битвы.

11

— Черт побери, мы не станем этого делать!— лейтенант Мартин Латэм уставился на капитана Фаста.— Этот рынок — смертельная ловушка. Эти люди не для того присоединились к войскам, чтобы атаковать через открытые улицы засевших в безопасности мятежников.

— Да. Вы присоединились, чтобы стать славной полицией,— спокойно сказал капитан Фаст.— А теперь вы позволили обстановке выйти из-под контроля. Кому же лучше снова привести ее в порядок?

— Четвертый батальон подчиняется приказам полковника Кордовы, а не вашим,— Латэм огляделся, ища поддержки. Несколько взводов четвертого находились в пределах слышимости, и он чувствовал себя уверенней.

Они стояли в глубокой выемке дворцовой стены. Всего лишь снаружи и за углом они слышали эпизодическую стрельбу, когда другие части полка не давали мятежникам отдыха. Здесь Латэм чувствовал себя в безопасности, но там...

— Нет,— повторил он.— Это самоубийство.

— Так значит, это отказ подчиняться приказу? — спокойно произнес Амос Фаст.— Не оглядывайтесь и не повышайте голоса. А теперь поглядите на меня на стены дворца.

Латэм увидел их. Блеск стволов винтовок, расплывчатые пятна одетых в кожу фигур, расположившихся на стенах и окнах, выходивших за эту нишу.

— Если вы не пойдете в атаку, вы будете разоружены и отданы под трибунал за трусость перед лицом врага,— так же спокойно объяснил Фаст.— Исход такого суда может быть только один. И только одно наказание. Вам лучше идти в атаку. В этом мы вас поддержим.

— Почему вы это делаете?— потребовал ответа Мартин Латэм.

— Вы создали эту проблему,— ответил Фаст.— А теперь приготовьтесь. Когда вы ворветесь на рыночную площадь, остальной поток двинется на поддержку.

Атака была успешной, но она стоила четвертому батальону тяжелых потерь. После этого произошла еще одна серия атак. Когда они кончились, мятежники были изгнаны из района, непосредственно прилегающего ко дворцу, но полк Фалькенберга дорого заплатил за каждый приобретенный метр.

Когда бы они ни захватывали здание, враг оставлял его подож-

женным, когда полк брал в клещи большую группу мятежников, Фалькенберг бывал вынужден бросать наступление для помощи в эвакуации госпиталя, подожженного врагом. В пределах трех часов повсюду вокруг дворца бушевали пожары.

В палате совещаний не было никого, кроме Будро и Хамнера. Тела были удалены, и пол вымыт, но Джорджу Хамнеру казалось, что в комнате всегда будет запах смерти; и он не мог заставить свои глаза не коситься время от времени, не упираться взглядом в аккуратную строчку дыр, пробивших на уровне груди дорогую панель.

Вошел Фалькенберг.

— Ваша семья в безопасности, мистер Хамнер,— он повернулся к президенту.— Готов доложить, сэр.

Будро поднял затуманенный взгляд. Звуки перестрелки были слабыми, но все же слышимыми.

— У них хорошие лидеры,— доложил Фалькенберг.— Покинув стадион, они немедленно направились в полицейские казармы. Они захватили оружие и распространили его среди своих союзников после того, как порезали полицию.

— Они убили...

— Разумеется,— подтвердил Фалькенберг,— им требовалось здание полиции как крепость. И мы сражаемся там не со всего лишь с толпой, мистер президент. Мы неоднократно сталкивались с хорошо вооруженными и обученными бойцами, частные войска. Утром я попробую предпринять еще одну атаку, но сейчас, мистер президент, мы удерживаем немногим больше километра вокруг дворца.

Пожары горели всю ночь, но боев было мало. Полк удерживал дворец, став бивуаком во внутреннем дворе, и если кто-нибудь задавался вопросом, почему четвертый расположился в центре дворца, окруженный другими частями, они делали это молча.

Лейтенант Мартин Латэм мог бы иметь ответ для каждого, задавшего вопрос, но он лежал под флагом Хэдли в зале части перед госпиталем.

Утром атаки начались вновь. Полк наступал тонкими струйками, просачиваясь всюду, где были слабые места, обходя сильные, пока снова не расчистил прилегающий ко дворцу район. Затем он наткнулся на еще одну хорошо укрепленную позицию.

Час спустя полк был сильно скован снайперами на крышах, забаррикадированными улицами и горящими повсюду зданиями. Манипулы и отделения попытались прорваться в здание, но были отброшены.

Четвертый понес значительные потери в неоднократных атаках против баррикад.

Джордж Хамнер отправился с Фалькенбергом и стоял в полевом штабе. Он наблюдал, как была отбита атака еще одного взвода чет-

вертого.

— Они весьма хорошие солдаты,— заметил он.

— Хорошие. Сейчас,— сказал Фалькенберг.

— Но вы использовали их весьма быстро.

— Не было выбора. Президент приказал мне сломить сопротивление врага. Это выводит солдат в расход. Я скорее использую четвертый, чем притуплю остроту полка.

— Но мы ничего не достигнем.

— Да. Противник слишком хорош, и его слишком много. Мы не можем заставить их сосредоточиться для правильного боя, а когда мы настигаем их, они поджигают часть города и отступают под прикрытием огня.

Капрал связи сделал настойчивый жест, и Фалькенберг подошел к низкому столику с кучей электроники. Он взял предложенный наушник и послушал. Затем поднял микрофон.

— Отойди ко дворцу,— приказал он.

— Вы отступаете?— спросил Хамнер.

Фалькенберг пожал плечами.

— У меня нет выбора. Я не могу удержать такой тонкий периметр, и у меня только два батальона. Плюс то, что осталось от четвертого.

— А где третий? Активисты Прогрессивной партии? Мои люди?

— У электростанций и центров производства пищи,— ответил Фалькенберг.— Мы не можем ворваться, не дав времени техникам все там поломать, но мы можем помешать попасть туда новым мятежникам. Третий не так хорошо тренирован, как остальной полк,— и кроме того, техники могут им довериться.

Они шли обратно по выжженным улицам. Звуки боя следовали за ними, когда полк отступал. Государственные служащие боролись с пожарами и заботились о раненых и убитых.

«Безнадежно,— подумал Хамнер.— Безнадежно. Не знаю, почему я думал, что Фалькенберг вытащит кролика из шляпы, коль скоро Бродфорд исчез. Что он мог сделать? Что может кто-нибудь другой сделать?»

Выглядевшие обеспокоенными гвардейцы впустили их во дворец и захлопнули за ними тяжелые двери. Гвардейцы удерживали дворец, но не выходили наружу.

Президент Будро был в своем изукрашенном кабинете с лейтенантом Баннерсом.

— Я собирался послать за вами. Мы не сможем выиграть, не так ли?

— Судя по ходу дел — нет,— ответил Фалькенберг. Хамнер, соглашаясь, кивнул.

Будро быстро кивнул, словно про себя.

— Именно так я и думал,— его лицо было маской утерянных надежд.— Отведите своих людей ко дворцу, полковник Фалькенберг.

Или вы собираетесь отказаться?

— Нет, сэр. Солдаты уже отступают. Они будут здесь уже через полчаса.

Будро шумно вздохнул.

— Я ведь говорил вам, Фалькенберг, что военный ответ здесь не сработает.

— Мы могли бы чего-нибудь достичь в первые месяцы, если бы нам дали шанс.

— Могли бы,— президент слишком устал, чтобы спорить.— Но возложение вины на бедного Эрни уже не поможет. Он, должно быть, сошел с ума.

— Но сейчас — не три месяца назад, полковник. Даже не вчера. Я мог бы достичь компромисса прежде, чем начались бои. Но я не достиг, а вы проиграли. Вы мало, что делаете, кроме сжигания города... По крайней мере, я могу избавить Хэдли от этого. Баннерс, ступайте и скажите лидерам партии Свободы, что я не могу больше этого вынести.

Гвардейский офицер отдал честь и вышел с непроницаемой маской на лице. Будро следил за его выходом из кабинета. Его глаза сфокусировались далеко за пределами стен с их земными украшениями.

— Так, значит, вы подаете в отставку?— медленно произнес Фалькенберг.

Будро кивнул.

— Вы подали в отставку, сэр?— потребовал ответа Фалькенберг.

— Да, черт побери, моя отставка у Баннерса.

— А что вы теперь будете делать?— спросил Джордж Хамнер. В его голосе было и презрение, и изумление. Он всегда восхищался и уважал Будро. А что теперь им оставлял великий вождь Хэдли?

— Баннерс обещал меня вывести отсюда,— сказал Будро.— У него есть лодка в порту. Мы отплывем вдоль побережья, высадимся на берег и отправимся к рудникам. Там, на следующей неделе будет звездолет, и я отправляюсь на нем со своей семьей. Вам лучше отправиться со мной, Джордж.

Президент закрыл лицо ладонями, затем отнял их.

— Вы знаете? Большое облегчение сдаться. Что будете делать вы, полковник Фалькенберг?

— Мы сумеем выкрутиться. В порту много лодок, если они нам понадобятся. Но вполне вероятно, что новое правительство будет нуждаться в тренированных солдатах.

— Совершенный наемник,— с презрением бросил Будро. Он вздохнул, затем обвел глазами кабинет, задерживаясь взглядом на знакомых предметах.— Это — облегчение. Я больше не должен решать дела,— он встал, и его плечи больше не были расправлены.— Я заберу семью. Вам лучше тоже уходить, Джордж.

— Я догоню, сэр. Не ждите нас. Как говорит полковник Фалькенберг, лодок много.— Он подождал, пока Будро не вышел, а затем повернулся к Фалькенбергу.

— Ладно, а что теперь?

— А теперь мы сделаем то, что мы пришли сюда делать,— отчеканил Фалькенберг. Он подошел к столу президента и изучил телефоны, но отверг их ради карманного коммуникатора. Он поднес его к губам и довольно долго говорил.

— Что же вы все-таки делаете?— потребовал ответа Хамнер.

— Вы еще не президент,— сказал Фалькенберг.— И не будете им, пока не присягнете. А этого не произойдет, пока я не закончу. И нет никого, чтобы принять вашу отставку тоже.

— Какого черта?— Хамнер внимательно посмотрел на Фалькенберга, но не мог прочитать выражение лица офицера.— У вас явно есть идея. Давайте выслушаем ее.

— Вы еще не президент,— повторил Фалькенберг.— Согласно объявленному Будро чрезвычайному положению я должен предпринять любые действия, какие сочту нужными, для восстановления порядка на Рефьюдже. Этот приказ остается в силе, пока его не отменит новый президент. А в данный момент нет никакого президента.

— Но Будто капитулировал! Партия Свободы изберет президента.

— По конституции Хэдли только Сенат и Ассамблея на совместной сессии могут изменить порядок наследования. Но они рассеяны по всему городу, а палата Собрания сожжена.

К двери подошел главстаршина Кальвин и несколько помощников Фалькенберга. Они стояли, выжидая.

— Я разыгрываю юриста с гауптвахты,— усмехнулся Фалькенберг.— Но президент Будро не имеет права назначать нового президента. Со смертью Брэдфорда вы здесь главный, но не раньше, чем вы явитесь перед магистратом и дадите присягу.

— Это не имеет смысла,— запротестовал Хамнер.— В любом случае, сколько, по-вашему, вы можете здесь оставаться у руля?

— Сколько мне потребуется,— Фалькенберг повернулся к адъютанту.— Капрал, я хочу, чтобы мистер Хамнер оставался со мной, а вы с ним. Вы будете относиться к нему с уважением, но он никуда не пойдет и ни с кем не встретиться без моего разрешения. Понятно?

— Сэр!

— А теперь что?— спросил Хамнер.

— А теперь вы будете ждать,— тихо произнес Фалькенберг.— Но не слишком долго...

Джордж Хамнер сидел в палате совещаний спиной к запятнанной и простроченной стене. Он старался забыть об этих пятнах, но не мог.

Фалькенберг сидел напротив него, а его помощники — на противо-

положном конце стола. Средства связи были разложены на одном из боковых столов, но не было никакой тактической карты; Фалькенберг не перенес сюда свой командный пункт. Время от времени прибывали офицеры с боевыми рапортами. Фалькенберг их едва слушал. Однако, когда один из помощников доложил, что вызывает доктор Уитлок, Фалькенберг немедленно взял наушники.

Джордж не мог расслышать, что говорит Уитлок, а фалькенбергова часть разговора состояла из односложных слов. Единственной, в чем Джордж был уверен, это то, что Фалькенберг был очень заинтересован в том, что делал политический агент.

Полк пробил себе дорогу обратно ко Дворцу и находился теперь во внутреннем дворе. Входы во Дворец охранялись президентской Гвардией, и бои прекратились. Мятежники оставили гвардейцев в покое, и в городе Рефьюдже воцарилось тревожное перемирие.

— Они идут на стадион, сэр,— доложил капитан Фаст.— Это «ура!», что вы слышали, было, когда Баннерс передал им отставку президента.

— Понятно. Спасибо, капитан,— Фалькенберг знаком велел подать еще кофе. Он предложил чашку Джорджу, но тому не хотелось.

— Долго это еще будет продолжаться?— раздраженно спросил Джордж.

Они просидели еще час, Фалькенберг с наружным спокойствием, Хамнер — с растущим напряжением. Затем в комнату вошел доктор Уитлок.

Высокий штатский посмотрел на Фалькенберга и Хамнера, затем небрежно уселся в кресло президента.

— Не думаю, что у меня будет еще раз шанс посидеть в кресле власти,— ухмыльнулся он.

— Но что происходит?— не выдержал Хамнер.

Уитлок пожал плечами.

— Примерно то, что я и рассчитывал, полковник Фалькенберг. Толпа двинулась прямо на стадион. Никто теперь не хочет оставаться в стороне, когда они думают, что победили. Они отловили всех сенаторов, каких только смогли найти, и теперь готовятся избрать себе нового президента.

— Но эти выборы не будут иметь законной силы,— сказал Хамнер.

— Да, сэр. Но это их, кажется, ничуть не смущает. Они, я думаю, считают, что завоевали это право. А гвардейцы уже заявили, что они будут чтить выбор народа.— Уитлок иронически улыбнулся.

— Сколько там, в этой толпе, моих техников?— спросил Хамнер.— Они меня выслушают, я знаю это.

— Они там могут быть,— сказал Уитлок,— но не так много, как бывало. Большинство из них не смогло переварить поджогов и грабежей. Все же есть приличное число.

— Вы можете их убрать оттуда?— спросил Фалькенберг.

— Прямо сейчас этим и занимаюсь,— усмехнулся Уитлок.— Одна из причин, по которой я пришел сюда,— было получить в этом помощь мистера Хамнера. Мои люди толкаются кругом, говоря техникам, что они уже получили в президенты мистера Хамнера, так зачем им нужен еще кто-то? Это тоже срабатывает, но несколько слов от их вождя тоже могут помочь.

— Верно,— согласился Фалькенберг.— Ну, сэр?

— Я не знаю, что говорить,— запротестовал Джордж.

Фалькенберг подошел к контрольной панели в стене.

— Мистер вице-президент, я не могу отдавать вам приказы, но я бы предложил вам дать несколько обещаний. Скажите, что вы скоро примете командование на себя, и что дела пойдут по-другому. Потом прикажете им отправляться по домам, в противном случае они будут обвинены в мятеже. Или попросите отправляться по домам в качестве услуги для вас. Что по вашему выбору сработает.

Речь была не бог весть что, и в любом случае из-за рева толпы снаружи ее мало кто расслышал. Джордж пообещал амнистию всем, кто покинет стадион, и попытается воззвать к прогрессистам, захваченным мятежом. Когда он отложил микрофон, Фалькенберг казался довольным.

— Полчаса, доктор Уитлок?— спросил Фалькенберг.

— Около того,— согласился историк.— Все, кто уйдет, к этому времени будет уже далеко.

— Идемте, мистер президент,— предложил Фалькенберг.

— Куда?— спросил Хамнер.

— Увидеть конец этого. Вы хотите посмотреть или предпочтете присоединиться к своей семье? Вы можете идти куда угодно, кроме как к магистрату или кому-нибудь, кто может, принять вашу отставку.

— Полковник, это смешно! Вы не можете заставить меня быть президентом, и я не понимаю, что происходит.

Улыбка Фалькенберга была мрачной.

— А я и не хочу, чтобы вы понимали. Пока. Вам и так будет достаточно трудно жить в мире с собой. Идемте.

Джордж Хамнер последовал за ним. В горле у него пересохло, а внутри было такое ощущение, будто кишки завязались в тугой узел.

Первый и второй батальоны собрались во дворе. Солдаты стояли в строю. Их боевое обмундирование из синтекожи было замызгано, покрыто грязью и дымом уличных боев. Из-под формы выпирали доспехи.

Солдаты стояли молча, и Хамнер подумал, что они могли быть высеченными из камня.

— Следуйте за мной,— приказал Фалькенберг. Он повел их ко

входу на стадион. В дверях стоял лейтенант Баннерс.

— Стой!— скомандовал он.

— В самом деле, лейтенант? Вы станете драться с моими войсками?— и Фалькенберг указал на мрачные ряды позади него.

Лейтенант Баннерс глотнул. Хамнеру показалось, что гвардейский офицер выглядел очень молодым.

— Нет, сэр,— запротестовал Баннерс.— Но мы заложили двери. Чрезвычайное заседание Ассамблеи и Сената избирает там нового президента, и мы не разрешим вашим наемникам вмешиваться.

— Они никого не избрали,— возразил Фалькенберг.

— Да, сэр. Но когда изберут, Гвардия будет находиться под его командованием.

— У меня есть приказ вице-президента Хамнера арестовать лидеров мятежа и имеющее силу объявление чрезвычайного положения,— настаивал Фалькенберг.

— Сожалею, сэр,— Баннерс, казалось, и впрямь сожалел.— Наш офицерский совет решил, что капитуляция президента Будро имеет законную силу. Мы намерены чтить ее.

— Понятно,— Фалькенберг отступил. Он жестом подозвал своих помощников, и Хамнер присоединился к группе. Никто не возразил.

— Не ожидал этого,— произнес Фалькенберг.— Потребуется неделя, чтобы пробиться через эти кордегардии.

Он с минуту подумал.

— Дайте-ка мне ваши ключи,— резко скомандовал он Хамнеру. Тот, сбитый с толку, достал их.— Туда, знаете, есть еще один путь. Майор Сэвидж! Возьмите роты Г и Х из второго батальона и перекройте выходы со стадиона! Окопайтесь и выставьте все оружие. Арестовывайте всякого, кто выйдет.

— Сэр!

— Окопайтесь, как следует, Джереми. Они могут выходить с боем. Но я не жду, что они будут хорошо организованы.

— Нам стрелять по вооруженным?

— Без предупреждения, майор, без предупреждения. Главстаршина, ведите остальные войска за мной. Майор, у вас будет двадцать минут.

Фалькенберг повел своих солдат ко входу в туннель и воспользовался ключами Хамнера, чтобы отпереть двери.

Фалькенберг его игнорировал. Он повел свои войска вниз по лестнице и дальше под полом.

Джордж Хамнер оставался поблизости от Фалькенберга. Он слышал, как длинная колонна вооруженных людей топала позади него. Они двинулись вверх по лестнице на другой стороне скорым шагом, пока Джордж не начал задыхаться. Солдаты, казалось, не замечали. Разница в гравитации, подумал Хамнер, и тренировка.

Они достигли верха и развернулись вдоль коридора. Фалькенберг

расположил солдат у каждого выхода и вернулся к центральным дверям. Потом подождал. Напряжение росло.

— Но...

Фалькенберг покачал головой. Его взгляд требовал молчания. Он стоял, ожидая, пока текли секунды.

— ВПЕРЕД!— скомандовал Фалькенберг.

Двери разом распахнулись. Вооруженные солдаты быстро распространились по верху стадиона. Большая часть толпы находилась ниже, и немногие безоружные были сшиблены, когда пытались противостоять штурму. Взмах прикладов, а затем миг спокойствия. Фалькенберг взял громкоговоритель у сопровождающего его капрала.

— ВНИМАНИЕ. ВНИМАНИЕ. ВЫ НАХОДИТЕСЬ ПОД АРЕСТОМ В СИЛУ ОБЪЯВЛЕННОГО ПРЕЗИДЕНТОМ БУДРО ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ПОЛОЖЕНИЯ. СЛОЖИТЕ ОРУЖИЕ, И ВАМ НЕ БУДЕТ ПРИЧИНЕНО НИКАКОГО ВРЕДА, ЕСЛИ ВЫ ОКАЖЕТЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ, ТО БУДЕТЕ УБИТЫ.

Мгновение было молчание, потом крики, когда толпа поняла, что сказал Фалькенберг. Некоторые засмеялись. Затем с поля и нижних сидений стадиона раздались выстрелы. Хамнер услышал глухой щелчок пули, просвистевший мимо его уха. Потом услышал треск винтовочного выстрела.

Один из лидеров на поле внизу держал громкоговоритель. Он крикнул другим:

— АТАКУЙТЕ ИХ! ИХ ТАМ НЕ БОЛЬШЕ ТЫСЯЧИ, НАС — ТРИДЦАТЬ ТЫСЯЧ. АТАКУЙТЕ, УБЕЙТЕ ИХ!

Раздались новые выстрелы. Некоторые из солдат Фалькенберга упали. Другие продолжали стоять, не двигаясь, ожидая приказа.

Фалькенберг снова поднял громкоговоритель:

— ПРИГОТОВИТЬСЯ К СТРЕЛЬБЕ ЗАЛПАМИ. ГОТОВСЬ. ЦЕЛЬСЯ. ЗАЛПОМ ОГОНЬ!

Семьсот винтовок грохнули, как одна.

— О г о н ь!— кто-то пронзительно закричал, долгий протяжный крик, мольба без слов.

— ОГОНЬ!

Это был словно один выстрел, очень громкий, длящийся намного дольше, чем следовало винтовочному, но было невозможно расслышать индивидуальное оружие.

Линия людей, карабкавшихся к ним вверх по сидениям, заколебалась и сломалась. Люди кричали, некоторые толкались назад, ныряли под сиденья, пытались оказаться где угодно, лишь бы не под непоколебимыми дулами винтовок.

— ОГОНЬ!

Снизу раздались крики:

— Во имя Бога...

— Сорок второй, в наступление. Примкнуть штыки! ВПЕРЕД

МАРШ! ОГОНЬ! БЕГЛО ОГОНЬ!

Теперь был постоянный треск орудия. Одетые в кожу ряды двинулись вперед и вниз, через сиденья стадиона, непреклонно стекая к давке внизу, на поле.

— Главстаршина!

— Сэр!

— Снайперам и экспертам выйти из строя и занять позиции. Они будут отстреливать всех вооруженных.

— Сэр.

Кальвин заговорил в свой коммуникатор. В каждом секторе солдаты вышли из строя и заняли позиции за сидениями. Они принялись стрелять прицельно и быстро. Всякий внизу, поднимавший оружие, погибал. Полк наступал.

Хамнеру стало дурно. Вопли раненых были слышны повсюду.«Боже, сделай так, чтобы это прекратилось, сделай так, чтобы это прекратилось»,— молил он.

— ГРАНОТОМЕТЧИКАМ ПРИГОТОВИТЬСЯ!— грянул из громкоговорителя голос Фалькенберга.— ЗАЛП!

Из наступающего строя вылетела сотня гранат. Они упали в мечущуюся внизу толпу. Приглушенные взрывы были перекрыты воплями ужаса.

— ЗАЛПОМ ОГОНЬ!

Полк наступал, пока не вошел в контакт с толпой. Возникла короткая борьба. Винтовки стреляли, а штыки блестели красным. Строй остановился, но только на миг. Затем он двинулся дальше, оставляя за собой страшный след.

Мужчины и женщины забили выходы со стадиона. Другие лихорадочно пытались выбраться, карабкаясь через павших, отбрасывая с пути женщин, чтобы протолкнуться дальше, топча в свалке друг друга. Снаружи донесся треск винтовочного огня. Те, что в воротах, отшатнулись, чтобы быть раздавленными другими, пытавшимися выбраться.

— Вы даже не позволяете им убраться!— крикнул Хамнер Фалькенбергу.

— Невооруженным.— И не для того, чтобы сбежать,— лицо полковника было твердым и холодным, глаза сузились в щелки. Он равнодушно смотрел на бойню, безо всякого выражения глядя на всю эту сцену.

— Вы собираетесь убить их всех?

— Всех, кто окажет сопротивление.

— Но они не заслуживают этого!— Джордж Хамнер почувствовал, что его голос ломается.— Они не заслуживают!

— Никто не заслуживает, Джордж. ГЛАВСТАРШИНА!

— Сэр!

— Половина снайперов теперь может сосредоточиться на лидерах.

— Сэр!

Кальвин быстро заговорил в командное радио. Снайперы сосредоточили огонь на президентской ложе напротив них. Центурионы бегали вдоль ряда укрывшихся солдат, указывая им цели. Снайперы поддерживали постоянный огонь. Кожаные ряды людей в доспехах непреклонно наступали. Они почти достигли нижнего яруса сидений. Стрельба поутихла, но окрашенные алым штыки блестели под полуденным солнцем.

Еще одно подразделение вышло из строя и отправилось охранять крошечное число пленных в конце стадиона. Остальной строй двигался дальше, наступая через сделавшиеся скользкими от крови сиденья.

Когда полк достиг уровня земли, его продвижение замедлилось. Противодействия было мало, но одна лишь масса народу задерживала солдат. Было несколько очагов активного сопротивления, и летучие отряды бросились туда укрепить строй. Снова полетели гранаты. Фалькенберг спокойно наблюдал за боем и изредка говорил что-нибудь в свой коммуникатор. Внизу погибали новые люди.

Рота солдат построилась и взбежала по лестнице на противоположную стену стадиона. Они рассеялись по верхнему ярусу. Затем их винтовки прицелились и затрещали еще в одной страшной серии залпов.

Вдруг все было кончено. Не стало никакого сопротивления, оказались только кричащие толпы. Люди бросали оружие и бежали, подняв руки. Раздался последний залп, а потом на стадион пало смертельное молчание.

Но не тишина, сообразил Хамнер. Винтовки смолкли, люди больше не выкрикивали приказов, но шум был. Были вопли раненых, были мольбы о помощи, стоны, мучительный кашель, которому не было конца, когда кто-то пытался прочистить пробитые легкие.

Фалькенберг мрачно кивнул.

— Теперь вы можете найти магистрата, господин президент. Теперь.

— Я... О, боже мой!— Хамнер стоял наверху стадиона. Он стискивал колонну, чтобы удержаться на ногах. Сцена внизу казалась нереальной. Там было слишком много крови, реки крови, кровь, водопадом стекающая по лестницам, кровь, льющаяся в лестничные колодцы, чтобы впитываться в травянистое поле внизу.

— Все кончено,— мягко произнес Фалькенберг.— Для всех нас. Полк отбудет, как только вы надлежащим образом примете командование. У вас не должно возникнуть трудностей с электростанциями. Ваши техники будут теперь доверять вам, раз Брэдфорд исчез. А без своих лидеров горожане не станут сопротивляться.

Вы можете отправить в глубинку столько, сколько вам понадобится. Рассейте их среди лояльных людей, где они не причинят

вам никакого вреда. Та ваша амнистия — это только предложение, но я бы его возобновил.

Хамнер обратил помутившийся взгляд на Фалькенберга.

— Да, сегодня было слишком много бойни. Кто вы, Фалькенберг?

— Наемный солдат, мистер президент. Ничего более.

— Но на кого же тогда вы работаете?

— Этого вопроса мне никто прежде не задавал. На Гранд Адмирала Лермонтова.

— На Лермонтова? Но ведь вас же выбросили из Кодоминиума! Вы хотите сказать, что вас нанял Адмирал? В качестве солдата удачи?

— Более-менее,— холодно кивнул Фалькенберг.— Флот малость тошнит от того, что его используют, чтобы поганить людям жизнь, и не дают людям шанс оставить дела в рабочем порядке.

— А теперь вы уходите?

— Да, мы не могли бы остаться здесь, Джордж. Никому не забыть сегодняшнего дня. Ты не смог бы сохранить нас тут и построить работоспособное правительство. Я возьму Первый и Второй и то, что осталось от Четвертого батальона. Есть еще работа для нас.

— А других?

— Третий останется тут помогать вам,— ответил Фалькенберг.— Мы свели в Третий всех женатых местных, солидных людей. И послали его к электростанциям. Они не были вовлечены в бои,— он обвел взглядом стадион, потом снова посмотрел на Хамнера.— Обвини во всем нас, Джордж. Ты не стоял у руля. Ты можешь сказать, что это Брэдфорд приказал устроить эту резню, а потом убил себя в раскаянии. Люди захотят этому поверить. Им захочется думать, что кто-то был наказан за это,— он махнул рукой на поле внизу. Где-то там рыдал ребенок.

— Это надо было сделать,— настаивал Фалькенберг.— Ведь никакого выхода не было, вы ничего не могли сделать, чтобы сохранить цивилизацию... По оценке доктора Уитлока треть населения вымерла бы, когда наступил коллапс. Разведка Флота поднимала еще выше. Теперь у вас есть шанс.

Фалькенберг говорил торопливо, и Джордж гадал, кого же он пытался убедить.

— Вывезите их,— говорил Фалькенберг,— вывезите их, пока они еще ошеломлены. В этом вам не понадобится много помощи. Они не будут сопротивляться. И мы наладим для вас железные дороги. Используйте их и отправьте людей на фермы. Без подготовки им будет тяжеловато, но до зимы еще далеко.

— Я знаю, что делать,— перебил Хамнер. Он прислонился к колонне и, казалось, набирал новую силу от этой мысли.— Да, я знаю, что делать сейчас. Я все время знал, что надо было сделать. Теперь мы можем этого добиться. Мы не будем благодарить вас за это. Но вы спасли весь мир, Джон.

Фалькенберг мрачно посмотрел на него, а затем показал на тела

внизу.

— Не говорите этого, черт вас возьми!— закричал он. Его голос перешел почти в визг.— Я ничего не спас. Все, что может сделать солдат,— это выиграть время. Я не спас Хэдли. Это должны сделать вы; помоги вам Бог, если вы этого не сумеете!

12

Крофтонская Экспедиция Современной Истории и Социальных вопросов. (2-е издание)

Наемные войска.

Наверное, самым беспокоящим результатом ухода Кодоминиума с наиболее отдаленных планет (см. движение за независимость) был быстрый рост чисто наемных частей. Тенденция эта была непредсказуема и, наверное, неизбежной, хотя степень ее превзошла все ожидания.

Многие из бывших колониальных планет не имеют планетарных правительств. Поэтому эти новые нации не обладают достаточным населением или промышленными ресурсами, чтобы сохранять крупные и эффективные национальные вооруженные силы. Роспуск многочисленных Десантных частей Кодоминиума оставил без работы излишек тренированных солдат, и было неизбежно то, что некоторые из них соберутся в наемные войска.

Таким образом колониальные правительства столкнулись с жестокой и невозможной дилеммой. Оказавшись лицом к лицу со специализирующимися на насилии наемными частями, у них было мало выбора, кроме как отвечать в том же духе. Некоторые колонии разорвали этот круг, создав собственные армии, но были не в состоянии расплатиться за них.

Таким образом, вдобавок к чисто частным наемным организациям, таким как Легион Наемников Фалькенберга, теперь есть и национальные вооруженные силы, сдаваемые в наем, чтобы уменьшить расходы отечественных правительств. Некоторые бывшие колонии нашли эту практику столь прибыльной, что экспорт наемников стал их главным источником доходов, а вербовка и обучение солдат — их главной промышленностью.

Гранд Сенат Кодоминиума пытался сохранить свое присутствие в бывших колониальных областях через обнародование так называемых Законов Войн, цель которых регулировать оружие и тактику,

которые могут применять наемные войска. Проведение в жизнь этих законов носит спорадический характер. Когда Сенат приказывает Флоту вмешаться и принудить к законам войны, неизбежно возникает подозрение, что на кон поставлены другие интересы Кодоминиума или что один или несколько сенаторов имеют нераскрытые причины для своего интереса.

Наемные части набирают своих рекрутов в общем из тех же источников, что и Десантные Войска Кодоминиума, а обучение делает упор, скорее, на верность товарищам и командиру, чем какому-нибудь правительству. Степень, до какой командир наемников успешно отделил своих солдат от всяких нормальных общественных отношений и удивительна, и тревожна.

Наиболее известные наемные войска описаны в отдельных статьях. Смотри: КОВНАНТ, ФРИДЛАНД, ЗАНАДУ, ЛЕГИОН НАЕМНИКОВ ФАЛЬКЕНБЕРГА, НОВЫЙ ИНОСТРАННЫЙ ЛЕГИОН, КАТАНГСКИЕ ЖАНДАРМЫ, КОММАНДОС МУЛМЭНА.

Легион наемников Фалькенберга.

Чисто частная военная организация, сформированная из бывших строевых Десантников Сорок Второго Полка Кодоминиума под командованием Джона Кристиана Фалькенберга III. Фалькенберг был кассирован из Флота Кодоминиума при неясных обстоятельствах, а вскоре после этого был распущен его полк. Большая часть бывших солдат и офицеров Сорок Второго решила остаться с Фалькенбергом.

Легион Фалькенберга, похоже, впервые был нанят правительством только недавно обретшей независимость бывший колонии Хэдли для подавления гражданских беспорядков. Были многочисленные жалобы, что в ходе безуспешного мятежа, последовавшего за уходом Кодоминиума, обеими сторонами было применено крайнее насилие, но правительство Хэдли выразило удовлетворение действиями Фалькенберга.

Вслед за наймом на Хэдли Легион Фалькенберга принимал участие в многочисленных мелких оборонительных и наступательных войнах, по крайней мере, на пяти планетах и в этом процессе приобрел репутацию одной из лучше всего тренированных и наиболее эффективных существующих ныне мелких военных частей. Затем он был нанят Губернатором Кодоминиума на тюремной планете КД Танит.

Этот последний найм вызвал большие споры в Гранд Сенате, так как Танит остается под контролем КД. Однако Гранд Адмирал Лермонтов указал, что его бюджет не позволяет ему располагать на Таните регулярные войска, обязанные выполнять другие задания, данные Гранд Сенатом. После продолжительных дебатов найм был одобрен как альтернатива набору нового полка Десантников КД.

По последним сообщениям Легион Фалькенберга остается на Танит. Его контракт с Губернатором, говорят, истек.

Яркий образ Танит заменил изображение Земли на обзорном экране Гранд Адмирала Лермонтова. Планета могла бы сойти за Землю: у нее имелись яркие облака, закрывавшие контуры земли, и моря, которые завихрялись в типичной картине циклона.

Более пристальный взгляд показывал различия. Светило было желтым: звезда Танит была не такой горячей, как Солнце, но планета находилась к ней ближе. Там было меньше гор и больше болот, струившихся в желто-оранжевом мареве.

Несмотря на свой несчастный климат, Танит была важной планетой. Она являлась первой и ближайшей удобной свалкой для отщепенцев Земли. Не было лучшего способа иметь дело с преступниками, чем отправить их на полезные и каторжные работы на другую планету. Танит получала их всех: бунтовщиков, преступников, недовольных, жертв административной ненависти; все отбросы цивилизации, которая не могла больше себе позволить неуживчивых.

Танит также являлась главным источником борлоя, названного всемирным фармацевтическим обществом «совершеннейшим возбуждающим наркотиком». При больших запасах борлоя, крышку на котле с Гражданами в их Островах Благополучия можно было удержать. Вызываемое наркотиком счастье было искусственным, но от этого не менее реальным.

— Итак, я торгую наркотиками,— говорил Лермонтов своему визитеру.— Едва ли это то, чего я ожидал, когда стал Гранд Адмиралом.

— Мне очень жаль, Сергей,— Гранд Сенатор Мартин Грант постарел; за десять лет он стал выглядеть на сорок лет старше.— Факт, однако, тот, что ты лучше протянешь с Флотом, владеющим несколькими плантациями борлоя, чем полагаться на то, что я могу вырвать для тебя у Сената.

Лермонтов с отвращением кивнул.

— Это должно кончиться, Мартин. Где-то, как-то, но это кончится. Я не могу удерживать боевую часть от развала на выручку от продажи наркотиков — наркотиков, выращенных рабами! Солдаты не делаются хорошими рабовладельцами.

— Да, легко представить, не так ли?— Адмирал негодующе покачал головой.— Но есть пороки, естественные для солдата и матроса. Эти у нас имеются во множестве, но это не те пороки, которые разлагают его боеспособность. Рабовладельчество — это порок, разлагающий все, к чему прикасается.

— Если ты так чувствуешь, что я могу сказать?— спросил Мартин Грант.— Я не могу предложить тебе другой альтернативы.

— А я не могу пустить все это на самотек,— сказал Лермонтов. Он зло стукнул по пульту управления, и Танит растаяла на экране.

Земля более голубая и для Лермонтова куда более прекрасная выплыла из минутной черноты.— Дураки они там, внизу,— пробурчал он словно про себя.— И мы не лучше. Мартин, я все снова и снова спрашиваю себя, почему мы не можем ничего контролировать? Почему мы подхвачены, словно щепки в бешеном потоке? Люди могут направлять свою судьбу. Я знаю это. Так почему же мы так беспомощны?

— Ты спрашиваешь себя не чаще, чем я,— ответил Сенатор Грант. Голос его был низким и слабым.— По крайней мере, мы все еще пытаемся. Черт, у тебя же больше власти, чем у меня! У тебя есть Флот и есть тайные фонды, полученные с Танит. Господи, Сергей, если ты не можешь что-либо сделать, имея это...

— Я могу помочиться на пожар,— сказал Лермонтов.— И ничего больше,— он пожал плечами.— Так что, если это все, что я могу поделать, то я буду продолжать сливать воду. Ты выпьешь?

— Спасибо.

Лермонтов подошел к шкафу и достал бутылки. Его разговор с Гранд Сенатором Грантом никто другой никогда не слышал, даже годами бывшие при нем ординарцы.

— Прозит.

— Прозит.

Они выпили. Грант достал сигарету.

— Кстати, Сергей, что ты теперь собираешься делать с Фалькенбергом, раз с неприятностями на Танит покончено?

Лермонтов холодно улыбнулся.

— Я надеялся, что у тебя есть решение этого вопроса. У меня больше нет фондов...

— Деньги с Танит?

— Нужны в других местах, просто, чтобы удержать Флот от развала,— убежденно ответил Лермонтов.

— Тогда Фалькенбергу придется просто самому найти свой путь. С его репутацией у него не должно быть проблем,— сказал Грант.— А даже если и будут, у него станет не больше неприятностей, чем у нас.

13

(2093 год н.э.)

Жара навалилась на сырые поля. Два часа по полудня из пятнадцати с лишним часов танитского солнечного дня были уже жаркими. Даже посреди зимы джунгли курились и в полдень, и вечером.

Небеса над полковым лагерем были желто-серыми. Местность понижалась на запад и переходила в болото, где фыркали, зарываясь поглубже в грязь, звери Вима. В самом лагере завис горячий, влажный, тяжелый воздух с густым запахом брожения и разложения.

Полковой лагерь был островком геометрической точности в хаосе джунглей и холмов. Все казармы из желтой утрамбованной земли находились на перпендикулярных друг к другу линиях. Каждая рота вытянулась в единую линию от коттеджа ее центуриона на одном конце, до коттеджа старшего взводного сержанта — на другом.

Широкая улица отделяла Ряд Центурионов от Линии Ротных Офицеров, а за тем, что было более короткой Линией Полевых Офицеров, пирамида неизбежно сужалась, пока на ее вершине неизбежно не оказывалось одинокое здание, где жил полковник. Другие офицеры жили со своими женами, а квартиры женатых рядовых сформировали одну из сторон лагеря; но полковник жил один.

Визитер стоял с полковником и следил за церемонией смотра, развившейся в Англии времен королевы Анны, когда полковым командирам платили согласно силе их полков, а мастера смотров королевы должны были определять, что каждый, тянувший плату, в самом деле мог пройти смотр, или вообще существовал.

Визитер был историком-любителем и обозревал парад с кривой усмешкой. Война переменилась, и солдаты больше не маршировали сомкнутыми рядами, чтобы давать залпы по команде. Но полковникам снова платили согласно силам, которые они могли повести в бой.

— Доложить!— команда начальника строевой подготовки легко донеслась по открытому плацу до неподвижных сине-золотых каре.

— Первый батальон: Рота «Б» в дозоре. Отсутствующих без уважительных причин нет, сэр!

— Второй батальон: отсутствующих без уважительных причин нет, сэр!

— Третий батальон: отсутствующих без уважительных причин нет, сэр!

— Четвертый батальон: четверо в самоволке, сэр!

— Ай, как неловко,— произнес визитер sotto voce (франц., см. в словаре).

Полковник попытался улыбнуться, но у него это не получилось.

— Артиллерия: отсутствующих без уважительных причин нет, сэр!

— Разведвзвод в полном составе, сэр!

— Саперы в полном составе, сэр!

— Оружейный батальон: авиавзвод в дозоре. Батальон присутствует или в отчете за отсутствующих, сэр!

— Штабная рота: свободные от караула в строю, сэр!

Начальник строевой подготовки ответил на каждую честь, а потом четко повернулся и отдал честь полковнику.

— В полку четверо солдат отсутствуют без уважительной причины, сэр.

Полковник Фалькенберг отдал честь в ответ.

— Займите свое место.

Капитан Фаст сделал поворот кругом и промаршировал на свое место.

— Торжественным маршем, марш!

— Играй!

Оркестр заиграл военный марш, который, должно быть, был старым и в двадцатом веке. Полк построился в колонну и замаршировал по плацу. Когда роты достигали командиров и солдаты вскидывали в унисон головы, вымпела и знамена приспускали в салюте, а офицеры и центурионы размашисто вращали саблями.

Визитер кивнул про себя. Это было не самое подходящее. В восемнадцатом веке демонстрации способностей солдат маршировать строем, а младкомов и офицеров умело пользоваться шпагой имели прямое отношение к боеспособности. Теперь же — нет. И все-таки это была впечатляющая церемония.

— Слушай приказ!— главстаршина стал зачитывать со своей планшетки приказы о повышениях, расписании дежурств — повседневная деятельность полка, в то время, как визитер обливался потом.

— Очень впечатляюще, полковник,— похвалил он.— Наши вашингтонцы и в лучшие дни не выглядели так четко.

Джон Кристиан Фалькенберг холодно кивнул.

— Подразумеваете, что они могут быть не так хороши в бою, господин министр? Вы хотели бы демонстрацию иного рода?

Говард Баннистер пожал плечами.

— Что бы это доказало, полковник? Вам нужен найм, прежде, чем полк пойдет к черту. Я не могу себе представить, что ловля беглецов на тюремной планете Кодоминиума сильно привлекает хороших ребят.

— Да. Когда впервые прибыли, дела обстояли не так просто.

— Это я тоже знаю. Сорок Второй был одной из наилучших частей десантных войск КД. Я никогда не понимал, почему распустили именно его? Я говорю о вашей нынешней ситуации с вашими войсками, застрявшими здесь без транспорта — вы ведь наверняка не собираетесь сделать Танит своей пожизненной штаб-квартирой?

Главстаршина Кальвин покончил с приказами на день и терпеливо ждал инструкций. Полковник Фалькенберг изучал своих солдат в ярких мундирах, стоявших по стойке «смирно» под палящим татинским солнцем. На миг на его лице могла заиграть легкая улыбка. Было мало людей из четырех тысяч, чьих имен и историй

он не знал.

Лейтенант Фаркхар был партийным функционером, навязанным ему, когда Сорок Второй наняли политизировать Хэдли. Он стал хорошим офицером и выбрал возможность уехать с полком после дела. Рядовой Алькасар был задумчивым великаном с неутолимой жаждой, самый медлительный солдат в роте «К», но он мог поднять в пять раз больше собственного веса и спрятаться в любой местности. Дюжины, тысячи бойцов, каждый с собственными сильными и слабыми сторонами, складывались в полк наемных солдат без шансов отправиться по домам и неприятным будущим, если они не уберутся с Танит.

— Главстаршина!

— Сэр!

— Вы останетесь со мной и засечете время. Трубач, играй «Седлай», «С полной выкладкой» и «Товсь на борт».

— Сэр!— трубач был седоватый ветеран с капральскими лычками. Он поднял сверкающий инструмент с синими и золотыми кисточками и по плацу полились маршевые ноты. Прежде, чем они замерли, стройные ряды растворились в массах бегущих солдат.

Суматохи было меньше, чем ожидал Говард Баннистер. Казалось, прошло невероятно короткое время прежде, чем первые солдаты снова стали строиться. Они выбегали из казарм мелкими группами, по несколько человек на каждую роту, потом еще, еще и, наконец, поток разрозненных солдат. Теперь вместо ярких цветов было тусклое разнообразие выпирающей над немурлоновыми доспехами синтекожи. Яркая надраенность исчезла с оружия. Фуражки были заменены боевыми касками, сверкающие сапоги — сапогами из кожи помягче. Когда полк построился, Баннистер повернулся к полковнику:

— А почему трубы? По-моему, это довольно несовременно.

Фалькенберг пожал плечами.

— Вы бы предпочли, чтобы приказ кричали? Вы должны помнить, господин министр, наемники живут в гарнизонах так же, как и в боях. Трубы напоминают им, что они солдаты.

— Думаю...

— Время, главстаршина,— потребовал начальник строевой подготовки.

— Одиннадцать минут, восемнадцать секунд, сэр.

— Вы пытаетесь сказать, что солдаты сейчас готовы грузиться на корабли?— спросил Говард Баннистер. Выражение его лица показывало вежливое недоверие.

— Собрать снаряжение оружейного и артиллерийского батальонов потребовало бы больше времени, но пехота может подняться на борт корабля прямо сейчас.

— Я считаю, что в это трудно поверить,— солдаты, конечно, знали, что это только тренировка.

— Откуда бы им это знать?

Баннистер рассмеялся. Он был крепким мужчиной, одетым в дорогой деловой костюм, присыпанный сигарным пеплом впереди. Часть пепла улетела, когда он рассмеялся.

— Ну, вы и главстаршина все еще в парадной форме.

— Оглянитесь,— предложил Фалькенберг.

Баннистер оглянулся. Караул Фалькенберга и их трубач были по-прежнему на своих местах с их сине-зеленым обмундированием, дико контрастировавшим с мрачной синтекожей, построившихся с ними других.

— Наше снаряжение у штабной роты,— объяснил Фалькенберг.— Главстаршина!

— Сэр!

— Мы с мистером Баннистером проинспектируем войска.

— Сэр!

Когда Фалькенберг и его визитер покинули смотровую площадку, Кальвин встал в строй к дежурному отделению позади него.

— Выберите пару наугад,— посоветовал Фалькенберг.— Здесь жарко, как минимум сорок градусов.

Баннистер думал то же самое.

— Да, нет смысла быть слишком жестоким с солдатами. В их доспехах им, должно быть, невыносимо.

— Я думал не о солдатах,— ответил Фалькенберг.

Военный министр выбрал для осмотра роту «Л» Третьего Батальона. Солдаты все выглядели одинаковыми, если не считать размеров. Он искал что-нибудь выделяющееся: незастегнутый ремень, что-нибудь, указывающее на индивидуальное отличие, но ничего не нашел. Баннистер приблизился к покрытому ранами рядовому, выглядевшему лет на сорок. С регенерационной терапией он мог бы снова стать наполовину моложе.

— Вот этого.

— Висорик, выйти из строя!— приказал Кальвин.— Выложите свое снаряжение.

— Сэр!— рядовой Висорик вроде бы тонко улыбнулся, но Баннистер в этом не был точно уверен. Он легко скинул с плеч ранец с рамой и поставил его на землю. Штабное отделение помогло ему разложить его нейлоновый маскхалат и Висорик опустошил свой ранец, раскладывая каждый предмет в отдельности: новоабердинская семимиллиметровая полуавтоматическая винтовка с обоймой на десять патронов и пятидесятизарядным магазином, полным и, как и винтовка, безупречно сытым; патронташ, нейлоновый ремень со штыками, пять гранат, фляга, ложка, стальная кружка, служившие столовым набором рядового, плащ-палатка и пончо, нижнее белье в сетку, слои одежды.

— Заметьте, что он экипирован для любого климата,— прокомментировал это Фалькенберг.— Он будет ожидать, что его снабдят

специальным снаряжением для неземной среды, но он может жить с тем, что у него есть на любой, пригодной для обитания планете.

— Да,— Баннистер следил с интересом: ранец не казался тяжелым, но Висорик продолжал вытаскивать из него снаряжение. Аптечка первой помощи, снаряжение и защитные таблетки для химической войны, концентрированные полевые пайки: порошковые супы и напиток, крошечная полевая керосинка.

— Что это?— спросил Баннистер.— Все солдаты носят их?

— Один на каждый манипул, сэр,— ответил Висорик.

— Его доля из общего снаряжения пятерки солдат,— пояснил Фалькенберг.— Монитор, трое солдат и рекрут составляют основную боевую единицу данной части, и мы стараемся держать манипулы на самообеспечении.

Из ранца появлялось новое снаряжение. Многое в нем было из легких сплавов, но Баннистер гадал, какой же будет общий вес. Саперная лопатка, колышки для палатки, нейлоновые веревки, миниатюрный автоген, еще полевое снаряжение для полевого ремонта как механизмов, так и немурлоновых доспехов, инфракрасный прицел для винтовки, маленькая пластиковая труба полметра длиной и восемь сантиметров в диаметре.

— А это?— спросил Баннистер.

— Противовоздушная ракета,— сообщил ему Фалькенберг.— Не эффективна против скоростных реактивных самолетов, но вертолеты сбивает в девяноста пяти случаев из ста. Имеет также некоторую пригодность против танков. Мы не любим, чтобы солдаты слишком зависели от частей с тяжелым вооружением.

— Понимаю. Ваши солдаты кажутся хорошо экипированными, полковник,— прокомментировал Баннистер.— Это, должно быть, их сильно отягощает.

— Двадцать один килограмм в стандартном гравиполе,— ответил Фалькенберг.— Здесь больше, на Вашингтоне немного меньше. Каждый солдат носит недельный паек, боеприпасы для короткой схватки и достаточно снаряжения, чтобы прожить в поле.

— А что это за подсумок у него на ремне?— заинтересовался Баннистер.

Фалькенберг пожал плечами.

— Личное имущество. Вероятно, все, чем он владеет. Если вы хотите это изучить, вам надо будет спросить разрешения у Висорика.

— Не имеет значения. Благодарю вас, рядовой Висорик,— Говард Баннистер извлек из внутреннего кармана яркий цветастый платок и вытер им лоб.— Ладно, полковник, вы убедительны или ваши солдаты таковы. Давайте пройдем к вам в кабинет и поговорим о деньгах.

Когда они ушли, Висорик и Главстаршина Кальвин обменялись многозначительным подмигиванием, в то время, как монитор Харцингер испустил вздох облегчения. Только представить себе,

что эта визитствующая важная шишка выбрала рекрута Латтерби! Черт, этот парень собственного зада не смог бы найти обеими руками.

14

В кабинете Фалькенберга было жарко. Это была просторная комната и вентилятор на потолке безуспешно пытался создать ветерок. Все было влажным от мокрого воздуха танитских джунглей. Говард Баннистер подумал, что он увидел плесень, растущую в узком пространстве между шкафчиком и стеной.

По контрасту с самой комнатой мебель была хорошей выделки. Она была вырезана вручную и являлась продуктом сотен часов солдатского труда, которые могли мало что дать своему командиру, кроме времени. Они привлекли к заговору главстаршину Кальвина, поручив ему уговорить Фалькенберга отправиться в инспекционный тур, пока они уволокли его старое, строго функциональное полевое снаряжение и заменили его оборудованием столь же легким и полезным, но украшенным боевыми сценами.

Стол был большим и абсолютно голым. На одной стороне в пределах досягаемости был стол, покрытый бумагами. На другой стороне двухметровый куб показывал местные звезды с обитаемыми планетами. Средства связи были встроены в длинный шкаф на ножках, в котором также хранилось виски. Фалькенберг предложил своему визитеру выпить.

— Нельзя ли нам чего-нибудь со льдом?

— Конечно,— Фалькенберг повернулся к шкафу и повысил голос, говоря с отчетливой переменой в тоне.— Ординарец, два джина с тоником и много льда, будьте любезны. Это будет удовлетворительно, господин министр?

— Да, спасибо,— Баннистер не привык, чтобы электроника была столь обычным делом.— Слушайте, нам нет нужны спорить. Мне нужны солдаты, а вам нужно убраться с этой планеты. Вот так все просто.

— Едва ли,— ответил Фалькенберг.— Вы еще упоминали о деньгах.

Говард пожал плечами.

— У меня их немного. У Вашингтона чертовски мало экспорта. Франклин высушил его блокадой. Наша транспортировка и зарплата используют большую часть того, что у нас есть. Но я полагаю, что вы уже знаете это — мне говорили, что у вас есть доступ к источникам разведки флота.

— У меня есть свои каналы,— пожал плечами Фалькенберг.— Вы, конечно, приготовились положить нам за обратный проезд плату

на хранение на Даяне.

— Да,— Баннистер был поражен: «В Даяне?».— У вас все-таки есть источники. Я думал, наши переговоры с Новым Иерусалимом были тайной. Ладно, мы договорились с Даяном организовать перевозку. Это потребовало все наши наличные. Так что все прочее — условные деньги. Мы, однако, можем предложить кое-что, нужное вам. Землю, хорошую землю и постоянную базу, которая намного приятней, чем танитская. Мы можем также предположить — ну, шанс быть частью свободной и независимой нации, хотя я не ожидаю, что это много значит для вас.

Фалькенберг кивнул.

— Вот поэтому вы и извините,— он замолк, когда ординарец принес поднос со звякающими стаканами. Солдат был в боевом комбинезоне и через плечо у него висела винтовка.— Вам надо, чтобы солдаты снова показали себя?

Баннистер поколебался.

— Думаю, что нет.

— Ординарец, попросите главстаршину играть отбой. Свободны,— он снова посмотрел на Баннистера.— Итак, вы у нас потому, что вам нечего предложить. Новые демократы на Фридланде достаточно счастливы своей базой, так же, как и шотландцы на Ковенанте. Анаду хочет твердые наличные прежде, чем кинуть войска в бой. Вы можете найти каких-нибудь поскребышей на Земле, но в данный момент мы единственная первоклассная боевая часть в полосе невезения — что заставляет вас думать, что нам настолько тяжело, господин министр? Ваше дело на Вашингтоне проиграно, не так ли?

— Не для нас,— Говард Баннистер вздохнул. Несмотря на свои размеры, он походил на шар, из которого выпустили воздух.— Ладно, наемники Франклина разбили последнюю имевшуюся у нас организованную полевую армию. Сопротивление — это все партизанские операции, а мы с вами знаем, что этим не победить. Нам нужна организованная сила, чтобы собраться вокруг нее, но ее нет. Господи боже, нет ее у нас!— Баннистер вспомнил неровные холмы и леса, выщербленные горы с заснеженными вершинами и долинами с густым, прохладным воздухом, где были ранчо. Он вспомнил равнины, золотившиеся мутировавшей пшеницей, и колыхающиеся кистями исконно вашингтонского злака, рябившего на ветру. Армия патриотов снова шла в бой — последний бой.

Они шли с песнями в сердцах. Дело их было правое, и после регулярной армии разгрома Франклина перед ними были только наемники. Свободные люди против наймитов в последней кампании.

Патриоты вступили на равнину перед столицей, уверенные, что наемники никогда не смогут выстоять против них. А враг не побежал. Лишенные юмора шотландские полки прогрызлись сквозь их

пехоту, в то время, как фриндландские танковые эскадроны прорвались на фланге далеко в тыл, уничтожая линии снабжения и захватывая штабы. Армия Вашингтона не столько была разбита, сколько растворилась, превратившись в изолированные группы бойцов, чей энтузиазм не мог тягаться с железной дисциплиной наемников. За три недели они потеряли все, что приобрели за два года войны.

Но все же планета по-прежнему была мало заселена. Франклинская конфедерация имела мало солдат и не могла себе позволить держать на оккупационной службе большие группы наемников. Подальше в горах и на равнинах поселения бурлили и готовы были снова взбунтоваться. Потребуется лишь крохотная искорка, чтобы поднять их.

— У нас есть шанс, полковник. Я не стал бы тратить зря наших денег и рисковать жизнями наших людей, если бы этого не думал. Позвольте мне показать вам. Карта у меня с собой.

— Покажите мне на этой,— Фалькенберг выдвинул ящик стола, открыв маленькую панель ввода данных. Он коснулся клавиш и полупрозрачная серая поверхность стола растворилась в цвете. Сложилась полярная проекция Вашингтона.

Там был только один континент, бесформенная масса, прилегающая к верхушке планеты. От 25 градусов северной широты до южного полюса не было ничего, кроме воды. Земля выше была изрезана огромными заливами и почти окружающими сушу морями. Городки показывались как сеть красных точек по узкой полоске земли, доходившей до уровня 30-50 градусов.

— У вас не так уж и много земли для проживания,— заметил Фалькенберг.— Полоса в тысячу километров шириной на четыре тысячи длиной. Почему, кстати, Вашингтон?

— Первопоселенцы имели предков в штате Вашингтон. И климат тоже схожий. Франклин — соседняя планета. Там больше промышленности, чем у нас, но даже еще меньше посевной земли. Заселена, по большей части, южанами США, они называют себя Конфедерацией. Вашингтон — вторичная колония с Франклина.

Фалькенберг издал смешок.

— Диссиденты из диссидентской колонии. Вы, должно быть, чертовски независимые ребята.

— Настолько независимые, что мы не собираемся позволять Франклину управлять нашей жизнью! Они обращаются с нами, словно с принадлежащими им иждивенцами, и мы не собираемся этого сносить!

— Вам придется это сносить, если вы не сможете достать кого-нибудь сражаться за вас,— грубо напомнил ему Фалькенберг.— Итак, вы нам предлагаете транспортировку туда, залог для нашего возвращения, минимум платы войскам и землю для поселенцев?

— Да, совершенно верно. Вы можете использовать залог на возврат позже своих небойцов. Или превратить его в наличные. Но это

все деньги, которые мы можем предложить, полковник. «И будь ты проклят. Тебе на все наплевать, но я вынужден иметь дело с тобой. Пока».

— Да,— Фалькенберг кисло разглядывал карту.— Мы столкнемся с ядерным?

— У них есть кое-что, но и у нас тоже. Мы скрыли свое в столице Франклина, чтобы уравнять шансы.

— Угу,— Фалькенберг кивнул. Ситуация не была необычной. Флот КД все еще пытался проводить запрет на это дело.— У них есть еще те Ковнантские Хайландеры, что высекли вас в прошлый раз?

Баннистер моргнул при таком упоминании.

— Черт побери, в том сражении были убиты хорошие люди, и вы не имеете права...

— У них есть еще ковнантцы, господин министр?— повторил Фалькенберг.

— Да. Плюс бригада фридландских танков и еще десять тысяч земных наемников на гарнизонной службе.

Фалькенберг презрительно фыркнул. Никто не был высокого мнения о пушечном мясе с Земли. Лучшие земные вояки вступали в растущие национальные армии. Баннистер, соглашаясь, кивнул.

— Потом есть около восьми тысяч солдат-конфедератов. Они собирают ядро чертовски хороших боевых сил, мистер Баннистер,— как вам известно. Я так понимаю, что у них есть планы дальнейших завоеваний, коль скоро они укрепят власть на новом Вашингтоне.

Баннистер осторожно согласился.

— Это главная причина, почему мы дошли до такого отчаяния, полковник. Мы не купим мира, отдавшись Конфедерации, потому что они замыслили дать бой Кодоминиуму, когда смогут построить флот. Я не понимаю, почему ВКФ КД не обращает внимания на мелкий замысел Франклина, но Земля явно не собирается ничего делать. Через несколько лет конфедераты будут иметь свой флот и станут столь же сильны, как Занаду или Дунай, достаточно сильны, чтобы дать КД настоящий бой.

— Вы чересчур изолированы,— ответил Фалькенберг.— Гранд Сенат не сохранил сил Флоту, достаточных даже для удержания того, что у КД уже есть, не говоря уже о том, чтобы найти деньги для вмешательства в вашем секторе. Эти близорукие ублюдки носятся, устраивая пожары, а те немногие сенаторы, которые смотрят на десять лет вперед, не имеют никакого влияния,— он вдруг тряхнул головой.— Но это не наша проблема. Ладно? Что насчет безопасной высадки? У меня нет десантных шлюпок, и я сомневаюсь, что у вас есть деньги для проката их у Даяна.

— Дело тяжелое,— признал Баннистер.— Но через блокадные

спутники можно проскочить. Приливы на Новом Вашингтоне огромные, но мы знаем свои берега. Даянский капитан может высадить вас ночью. Вот здесь, или там...— мятежный военный министр указал множество глубоких заливов и фиордов на изрезанном побережье, яркие голубые брызги на карте стола.— У вас будет примерно два часа стоячей воды. В любом случае — это все время, что у вас будет, прежде чем спутники-шпионы конфедератов заметят корабль.

15

Роджер Гастингс привлек к себе свою хорошенькую жену-брюнетку и прислонился к решетке очага. Поза получилась красивой и фотографы сделали несколько снимков. Они умоляли позволить им еще, но Гастингс покачал головой.

— Хватит, ребята, хватит! Я принес присягу как мэр Алланспорта, а вы думаете, видно, что я — генерал-губернатор всей планеты!

— Но дайте нам заявление,— взмолились репортеры.— Будете ли вы поддерживать планы Конфедерации по перевооружению? Я так понял, что плавильник переоборудуется для производства оружейных сплавов на космические корабли...

— Я сказал — хватит,— скомандовал Роджер.— Идите лучше выпейте.

Репортеры неохотно рассеялись.

— Нетерпеливые ребята,— сказал Гастингс жене.— Жалко, что тут только маленькая газета.

— Ты попал бы в столичную «Таймс», если бы был способен доставить туда фотографии,— засмеялась Хуанита.— Но это был хороший вопрос, Роджер. Что ты собираешься делать относительно военной политики Франклина? Что случится с Харли, когда они примутся расширять Конфедерацию?— веселье исчезло с ее лица, когда она подумала об их сыне в армии.

— Я мало что могу сделать. С мэром Алланспорта не советуются по делам высшей политики. Черт побери, милая, не заводи и ты меня тоже. Сегодня слишком радостный день.

Дом Гастингса из карьерного камня стоял высоко на холме над заливом Нанаимо. Ниже расползался на холме Алланспорт, протянувшийся почти до самой приливной черты, шедшей вдоль омываемых бесконечным прибоем песчаных пляжей. По ночам они слышали рокот волн.

Они держались за руки и смотрели на море за островом, создававшим алланспортскую гавань.

— Надвигается!— сказал Роджер. Он показал на стену несущейся

воды высотой в два метра. Прилив прокатится до конца острова Наада, а потом забурлит обратно к городу.

— Жаль бедных моряков,— посочувствовала Хуанита.

Роджер пожал плечами.

— Контейнеровоз заякорен достаточно хорошо.

Они следили за стопятидесятиметровым судном, швыряемом приливом. Течение настигло его почти на траверзе, и оно опасно закачалось, прежде чем развернуться на своих цепях и направиться в поток приливных вод. Казалось, ничто не сможет удержать его, но эти цепи были сделаны в литейных Роджера и он знал их крепость.

— Это был приятный день,— вздохнула Хуанита.

Их дом находился в одной из крупных озелененных общин, тянувшихся вверх по холму от Алланспорта, и празднование вылилось из их двора через сад и во дворы соседей. Портативные бары, обслуживаемые активистами предвыборной кампании Роджера распределяли бесконечные запасы местных вин и бренди.

На западе сосед-близнец Нового Вашингтона, Франклин, висел на своем вечном месте. Когда закат повел к концу нововашингтонский двадцатичасовой день, он прошел путь от пылающего шара в ярком дневном небе до горбатой лучины в темноте, а затем быстро расширился. По облачному лику Франклина заплясали красноватые тени.

Роджер и Хуанита молча стояли, любуясь звездами, планетой, закатом. Алланспорт был первопроходческим городком на незначительной планете, но он был родной и они любили его.

Вечер по случаю вступления в должность был опустошающе успешным. Роджер с радостью пошел в гостиную в то время, как Хуанита поднялась по лестнице уложить в постель их сонных детей. Как управляющий плавильным и литейным заводами, Роджер имел один из наилучших домов на всем полуострове Фанье. Дом стоял высокий и гордый — большой каменный особняк в старом стиле с широкой прихожей и отделанными панелями комнатами. Теперь к нему присоединился в его любимой небольшой гостиной Мартин.

— Еще раз поздравляю, Роджер,— прогудел полковник Ардуэй.— Мы все будем за тебя горой.

Слова эти были больше, чем обычное похлопывание по плечу в день вступления в должность. Хотя сын Ардуэя, Иоганн, был женат на дочери Роджера, полковник был против избрания Роджера, а Ардуэй имел много последователей среди лоялистов твердой линии в Алланспорте. Он был также командиром местного ополчения. Иоганн получил капитанское звание. Собственный сын Роджера, Харли, был всего лишь лейтенантом, но зато в регулярных войсках...

— Ты сообщил Харли о своей победе?— спросил Ардуэй.

— Нельзя. Связь с Ванкувером исчезла. Фактически, если уж о том речь, вся наша связь в данный момент пропала.

Ардуэй флегматично кивнул. Алланспорт был единственным городом на полуострове, в доброй тысяче километров от ближайших поселений. Новый Вашингтон находился так близко к своему солнцу — красному карлику что потерял связи была обычным делом. Когда начался мятеж, планировалось продолжить подводный кабель до Престон-Бея, а теперь, когда с ним было покончено, работы должны были начаться снова.

— Я серьезно говорю о том, что я за тебя,— повторил Ардуэй.— Я все еще думаю, что ты неправ, но в этом деле не может быть больше одной политики. Я надеюсь, что она сработает.

— Слушай, Мартин, мы не можем продолжать обращаться с мятежниками, словно с предателями. Мы слишком сильно в них нуждаемся. Здесь мало мятежников, но если я стану проводить в жизнь законы о конфискации, то это вызовет негодование на востоке. Хватит с нас кровавой бойни,— Роджер потянулся и зевнул.— Извини. День был тяжелый, а я уж давненько не добываю камень в карьере. Бывали времена, когда я мог вкалывать весь день и пить всю ночь.

Ардуэй пожал плечами. Подобно Гастингсу, он некогда был горняком, но в отличие от мэра он не держался в форме. Он не был толстым, но стал крупным, лысеющим, округлым человечком с брюшком, переваливающимся через широкий гарнизонный ремень. Это портило его внешность, когда он носил военную форму, что он делал, как только возможно.

— Во главе ты, Роджер. Я не стану у тебя на пути. Может быть, ты даже сможешь заполучить старые мятежные семьи на свою сторону против этой проталкиваемой Франклином глупой империалистической авантюры. Видит Бог, у нас достаточно проблем дома и без того, чтобы искать новые. По моему мнению... Что там, черт возьми, происходит?

В городе внизу кто-то кричал.

— Господи боже, это были выстрелы?— спросил Роджер.— Нам лучше выяснить,— он неохотно вытолкнул себя из легкого кожаного кресла.— Алло, алло... Что это? Телефон не работает, Мартин. Оглох.

— Это были выстрелы,— заключил полковник Ардуэй.— Не нравится мне это. Мятежники? В полдень нынче пришел контейнеровоз, но ты же не думаешь, что мятежники были у него на борту? Нам лучше спуститься и посмотреть. Ты уверен, что телефон оглох?

— Совсем оглох,— спокойно сказал Гастингс.— Господи, надеюсь, что не новый мятеж. Однако, вызови своих солдат.

— Верно,— Ардуэй достал из подсумка на ремне карманный передатчик. Он говорил в него с возрастающим волнением.— Роджер,

там что-то случилось! Я не получаю ничего, кроме радиошумов. Кто-то забивает всю полосу коммуникаций.

— Чепуха. Мы близки к периастрию (аналогично нашему перигелию). Это вызвано солнечными пятнами,— Гастингс говорил уверенно, но мысленно молился, чтобы только не началась новая война. Она не была бы угрозой для Алланспорта и полуострова — здесь было не больше кучки мятежников, но войска вызовут на восток сражаться в мятежных районах, вроде Форд Хайтс и колумбийской долины. Это было так пакостно! Он помнил горящие ранчо и плантации во время последней вспышки мятежа.

— Черт их всех побери, неужели это люди не знают, что потеряют в этих войнах больше, чем стоят их наемники Франклина?— но он уже говорил для пустой комнаты. Полковник Ардуэй выскочил из дома и призвал соседей выходить с военным снаряжением.

Роджер последовал за ним. На западе Франклин заливал ночь светом, в десять раз перекрывавшим лучшие усилия луны на Земле. Из главной части города по широкой улице приближались солдаты.

— Кто? Черт возьми, это не мятежники,— крикнул Гастингс. Это были бойцы в обмундировании из синтекожи и они двигались слишком четко. Это были регулярные войска.

Раздался рев моторов. Над головой прошла волна вертолетов. Роджер услышал за посадками шум машин, и, по крайней мере, двести солдат целеустремленно побежали по улице к его дому. У каждого дома ниже пятерка солдат отделилась от колонны.

— Выходи! Ополченцы, выходи! Мятежники!— кричал полковник Ардуэй. С ним была дюжина людей, все без доспехов, и их наилучшим оружием были винтовки.

— В укрытие! Свободный огонь!— пронзительно крикнул Ардуэй. Его голос нес в себе решимость, но явно чувствовался страх.— Роджер, проклятый дурак, убирайся в дом!

— Но...— наступавшие солдаты были уже в ста метрах от них. Один из ополченцев Ардуэя выстрелил из автоматической винтовки из соседнего дома. Одетые в кожу солдаты рассыпались, и кто-то выкрикнул приказ.

Огонь хлестнул и прочесал стену дома. Роджер стоял в переднем дворе, ошеломленный, не верящий своим глазам, когда под ярким красноватым светом Франклина продолжался этот кошмар. Солдаты снова наступали и больше не было никакого сопротивления со стороны ополченцев.

Все произошло так быстро. Даже когда Роджер подумал это, кожаные ряды солдат добрались до него. Офицер поднял мегафон.

— Я ПРИЗЫВАЮ ВАС СДАТЬСЯ ИМЕНЕМ СВОБОДНЫХ ШТАТОВ ВАШИНГТОНА. ОСТАВАЙТЕСЬ В СВОИХ ДОМАХ И НЕ ПЫТАЙТЕСЬ СОПРОТИВЛЯТЬСЯ. В ВООРУЖЕННЫХ ЛЮДЕЙ БУДУТ СТРЕЛЯТЬ БЕЗ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ.

Подразделение из пяти бойцов пробежало мимо Роджера в переднюю дверь его дома. Это вывело его из шока.

— Хуанита!— закричал он и кинулся бежать к дому.

— СТОЙ! СТОЙ, СТРЕЛЯЕМ! ЭЙ, ТЫ, СТОЙ!

Роджер побежал дальше, не обращая внимания.

— ОТДЕЛЕНИЕ, ОГОНЬ!

— ОТМЕНИТЬ ТОТ ПРИКАЗ!

Когда Роджер добрался до дома, один из солдат схватил его и отшвырнул к стене.

— Стой на месте,— мрачно посоветовал вояка.— Монитор, у меня пленный.

В широком входе появился еще один солдат. Он держал в руках планшетку и посмотрел на адрес дома, сверяя его со своими документами.

— Мистер Роджер Гастингс?— спросил он.

Роджер ошарашено кивнул. Потом он сообразил, что лучше будет не признаваться.

— Нет. Я...

— Не выйдет,— отрезал солдат.— У меня есть ваше фото, мистер мэр.

Роджер снова кивнул. Кто был этот человек? Акцентов существовало множество, а офицер с планшеткой обладал еще одним.

— Кто вы?— спросил Роджер.

— Лейтенант Джейми Фаркхар из Легиона наемников Фалькенберга, действующий по поручению свободных штатов Вашингтона. Вы под военным арестом, мистер мэр.

Снаружи снова послышалась стрельба. Дом Роджера не затронуло. Все выглядело абсолютно ординарно. Это добавляло ужаса.

Голос сверху крикнул:

— Его жена и дети здесь наверху, лейтенант.

— Спасибо, монитор. Попросите даму спуститься, пожалуйста. Мистер мэр, не беспокойтесь, пожалуйста, о своей семье. Мы не воюем со штатскими.

С улицы снова донеслись выстрелы.

В голове Роджера кипели тысячи вопросов. Он стоял, ошеломленно пытаясь привести их в какой-то порядок.

— Вы застрелили полковника Ардуэйя? Кто там стреляет?

— Если вы имеете в виду толстяка в мундире, то он достаточно цел. Мы взяли его под арест. К несчастью, некоторые из ваших ополченцев игнорировали приказ сдаваться, и им придется плохо.

Словно в подтверждение сказанного раздался приглушенный взрыв гранаты, затем на автоматную очередь ответил медленный прицельный огонь автоматической винтовки. Звуки боя откатились за гребень холма, но дробь перестрелки и выкрикиваемые приказы доносились и сквозь грохот прибоя.

Фаркхар справился с планшетом.

— Мэр Гастингс и полковник Ардуэй. Да, благодарю вас за его опознание. У меня приказ отвести вас обоих на командный пост. Монитор!

— Сэр!

— Ваш манипул останется здесь в карауле. Вы не давайте никому входить в этот дом. Будьте вежливы с миссис Гастингс, но держите ее и детей здесь. Если будет какая-нибудь попытка грабежа, вы воспрепятствуете ей. Эта улица находится под защитой Полка. Понятно?

— Сэр!

Худощавый офицер удовлетворенно кивнул.

— Если вы пойдете со мной, мистер мэр, за деревьями ждет машина.

Когда Роджер немо последовал за ним, он увидел часы в прихожей. Он дал присягу мэра меньше одиннадцати часов назад.

Командный пункт Полка расположился в палате заседаний Городского Совета с кабинетом Фалькенберга в небольшой примыкающей комнате. Само помещение совета было заполнено электронным оборудованием, и по нему постоянно сновали связисты, покуда майор Сэвидж и капитан Фаст управляли военным покорением Алланспорта. Фалькенберг следил за развитием ситуации по картам на поверхности стола.

— Это было так быстро!— говорил Говард Баннистер. Молодой военный министр недоверчиво покачал головой.— Я никогда не думал, что вы сможете это сделать.

Фалькенберг пожал плечами.

— Легкая пехота может двигаться быстро, господин министр. Но это стоило нам немало. Нам пришлось остановить на орбите артиллерийский обоз с большинством наших машин. Я могу экипироваться трофейным имуществом, но с транспортом у нас будет небольшая нехватка,— он наблюдал, как на секунду огоньки на дисплее смущенно замигали прежде, чем возобновить движение красных огоньков в зеленые.

— Но теперь вы без артиллерии,— произнес Баннистер.— И у меня ее нет.

— Нельзя иметь и то, и другое. Мы имели меньше часа на высадку и убирание даянских шлюпок с планеты прежде, чем пролетит спутник-шпион. Теперь у нас есть город и никто не знает, что мы высадились. Если все пойдет, как надо, Конфедераты впервые узнают о нас, когда их спутник-шпион перестанет работать.

— Нам выпала кое-какая удача,— заметил Баннистер.— Судно в порту, вышедшая из строя связь на материке...

— Не путайте удачу с факторами решения,— ответил Фалькенберг.— Почему бы я выбрал изолированную дыру, полную лоялистов,

если бы тут не было некоторых преимуществ?

Лично он-то знал, в чем дело: телефонный разговор, подслушанный просочившимися разведчиками, почти неохраняемая электростанция, павшая после трех минут короткого боя,— это все была удача, на которую можно было рассчитывать с хорошими солдатами, но все равно удача.

— Извините,— он коснулся кнопки в ответ на низкую гудящую ноту.— Да?

— Подходит поезд с рудников, Джон Кристиан,— доложил майор Сэвидж.— Мы заняли вокзал. Нам позволить ему пройти мимо перекрытия на окраине города?

— Разумеется. Держись плана, Джерри. Спасибо.

Горняки, ехавшие домой после недели работы на склонах кратера Рейнир, получат сюрприз.

Они ждали, пока все огоньки не сменились на зеленые. Все объекты были взяты. Электростанции, коммуникации, дома ведущих граждан, общественные здания, железнодорожный вокзал и аэропорт, полицейский участок... Алланспорт и его одиннадцать тысяч граждан были под контролем. Таймер дисплея отсчитывал последние минуты, пока не пройдет над головой спутник-шпион.

Фалькенберг сказал в интерком:

— Главстаршина, у вас есть двадцать минут, чтобы добиться нормального вида этого города на это время ночи. Проследите.

— Сэр!— лишенный эмоций голос Кальвина был успокаивающим.

— В любом случае, я не думаю, что Конфедераты тратят много времени на изучение фотографии этого захолустья,— сказал Фалькенберг Баннистеру.— Но лучше всего не идти на риск.

Заревели моторы, когда машины и вертолеты были укрыты. Еще один вертолет пролетел над городом, выискивая, нет ли чего, выдающего их присутствия.

— Как только эта штука пролетит, отправить войска на борт контейнеровоза,— приказал Фалькенберг.— И пришлите капитана Свободу, мэра Гастингса и местного полковника-ополченца Ардуэя, кажется.

— Да, сэр,— ответил Кальвин.— Полковник Мартин Ардуэй. Я посмотрю, годен ли он к этому, полковник.

— «Годен ли?» Он что, ранен, главстаршина?

— У него был пистолет, полковник. Двенадцатимиллиметровая штука, большой заряд, медленная пуля, не может пробить доспехов, но он наставил шишек двум солдатам. Монитор Бадников успокоил его прикладом винтовки. Хирург говорит, что с ним полный порядок.

— Порядок. Если он способен идти, я хочу, чтобы он был здесь.

— Сэр.

Фалькенберг снова повернулся к столу и воспользовался компьютером для создания планетарной карты.

— Куда отсюда должен был плыть контейнеровоз, мистер Баннистер?

Министр указал курс.

— Он стал бы и станет оставаться в пределах цепочки этих островов. На этой планете никто, кроме самоубийц, не направляет кораблей в открытое море. Безо всякой земли, ослабляющей их, волны в штормы доходят до шестидесяти метров,— он показал путь от Алланспорта к мысу Титан, затем через цепочку островов в море Матросов.— Большинство кораблей останавливаются в Престон-Бее, чтобы доставить металлоизделия для ранчо на плато Форд Хайтс. Весь этот район — территория Патриотов, и вы сможете освободить его одним ударом.

Фалькенберг изучил карту, а затем сказал:

— Нет. Так, значит, большинство кораблей останавливаются тут, а некоторые плывут прямо в Асторию?— он показал на город в тысяче километров от Престон-Бея.

— Да, иногда. Но Конфедераты держат в Астории большой гарнизон, полковник. Намного больше, чем в Престон-Бее. Зачем плыть двадцать пять сотен километров, чтобы сражаться с большими вражескими силами, когда есть хорошая патриотическая местность на полдороги?

— По той же причине, по какой Конфедераты не поставили в Престон-Бее больших сил. Этот район изолированный. Ранчо Форд Хайтс рассеяны — смотрите, господин министр. Если мы возьмем Асторию, у нас будет ключ ко всей долине реки Колумбии. Конфедераты не будут знать, собираемся ли мы двигаться на север к Доунс Ферри, на восток к Гранд Фокс и дальше, на столичную равнину, или на запад к Форд Хайтс. Если я возьму сперва Престон-Бей, они будут знать, что я намерен делать, потому что есть только одно, что нормальный человек может сделать оттуда.

— Но народ Колумбийской долины не надежен! Мы не получим хороших рекрутов!..

Их прервал стук в дверь. Главстаршина Кальвин препроводил в комнату Роджера Гастингса и Мартина Ардуэя. У ополченца был синяк под левым глазом и перевязана щека.

Фалькенберг поднялся, чтобы его представили, и протянул руку, которую Роджер Гастингс игнорировал. Ардуэй несколько секунд стоял недвижим, потом подал свою.

— Не стану говорить, что я рад вас видеть, полковник Фалькенберг, но поздравляю с хорошо проведенной операцией.

— Благодарю вас, полковник. Садитесь, пожалуйста, господа. Вы знакомы с капитаном Свободой, моим провостом?— Фалькенберг показал на долговязого офицера в боевом обмундировании, вошедшего с ними.— Капитан Свобода будет комендантом в этом городе, когда уйдет Сорок Второй.

Глаза Ардуэя заинтересованно сузились. Фалькенберг улыбнулся.

— Вы увидите это достаточно скоро, полковник. Итак, правила оккупации просты. Как наемники, господа, мы попадаем под действие Законов Войны Кодоминиума. Общественная собственность захватывается именем свободных штатов. Частное имущество гарантировано, и за любое реквизированное имущество будет заплачено. Любая собственность, используемая в пользу сопротивлению, либо прямо, либо косвенно, будет конфискована немедленно.

Ардуэй и Гастингс пожали плечами. Все это они слышали и раньше. Одно время КД пытался подавить наемников. Когда это не удалось, Флот жестко начал проводить Гранд Сенатские Законы Войны, но теперь Флот был ослаблен бюджетными сокращениями и новым взрывом американо-советской ненависти. Новый Вашингтон был изолированным, и могли пройти годы, прежде чем появятся десантники КД проводить в жизнь правила, до которых Гранд Сенату не было дела.

— У меня есть проблема, господа,— между тем говорил Фалькенберг.— Этот город — лоялистский, а я должен увести свой полк. Никаких солдат-патриотов еще нет. Я оставляю достаточно сил, чтобы завершить завоевание полуострова, но у капитана Свободы будет мало войск в самом Алланспорте. Поскольку мы не можем оккупировать город, его можно законно уничтожить, чтобы помешать ему стать базой противника в моем тылу.

— Вы не можете,— запротестовал Гастингс, вскакивая на ноги и разбив стеклянную пепельницу.— Я был уверен, что весь этот разговор о сохранении личного имущества — болтовня!

Он повернулся к Баннистеру.

— Говард, я говорил тебе в прошлый раз, что все, что вы сумеете сделать,— это сжечь планету! Теперь вы импортируете солдат, чтобы сделать это за вас! Что, во имя Бога, вы можете получить от этой войны?

— Свободу!— гордо ответил Баннистер.— Все равно Алланспорт — гнездо предателей.

— Подождите,— мягко сказал Фалькенберг.

— Предателей!— повторил Баннистер.— Вы получите то, чего заслуживаете, вы...

— СМИР-НА!— рявкнул главстаршина Кальвин.— Полковник сказал вам подождать.

— Благодарю вас,— спокойно сказал Фалькенберг. Молчание было громче, чем прежние крики.— Я сказал, что я могу сжечь город, а не что намерен его сжигать. Однако, поскольку я это делаю, я должен иметь заложников,— он вр чил Гастингсу лист с компьютерной распечаткой.— В домах этих лиц будут расквартированы войска. Заметьте, что вы и полковник Ардуэй в верхней части моего списка. Все будут взяты под стражу и всякий сбежавший будет заменен членами его семьи. Ваше имущество, в конечном счете, ваша жизнь будут зависеть от вашего сотрудничества с

капитаном Свободой, пока я не пришлю сюда регулярный гарнизон. Все понятно?

Полковник Ардуэй мрачно кивнул.

— Да, сэр. Я согласен на это.

— Благодарю вас,— сказал Фалькенберг.— А вы, мистер мэр?

— Я понимаю.

— И?..— поторопил его Фалькенберг.

— Что «и»? Вы хотите, чтобы мне это нравилось? Вы что, садист?

— Мне безразлично, нравится ли вам это или нет, мистер мэр. Я жду вашего согласия.

— Он не понимает, полковник,— вмешался Мартин Ардуэй.— Роджер, он спрашивает, согласен ли ты служить заложником за город. Других тоже спросят. Если он не найдет достаточно согласившихся, то сожжет город до основания.

— О!— Роджер почувствовал холодный нож страха.— Какой дьявольский выбор!

— Вопрос в том,— пояснил Фалькенберг,— примете ли вы на себя должностную ответственность и удержите своих проклятых людей от причинения неприятностей?

Роджер с трудом сглотнул.

— Я хотел стать мэром, чтобы помочь искоренить порожденную мятежом ненависть. Да, я согласен.

— Превосходно. Капитан Свобода.

— Сэр.

— Возьмите мэра и полковника Ардуэя в свой кабинет и опросите других. Уведомите меня, когда у вас будет достаточно заложников для обеспечения безопасности.

— Да, сэр. Господа?

Трудно было прочесть выражение на его лице, когда он предложил им пройти. Забрало его шлема было поднято, но угловатое лицо Свободы оставалось в тени. Когда он выпроводил их из комнаты, загудел интерком.

— Спутник над нами,— доложил майор Сэвидж.— Все в порядке, Джоч Кристиан. И мы позаботились о пассажирах с того поезда.

Дверь кабинета закрылась. Роджер Гастингс двигался, словно робот, через сутету в палате заседаний городского совета, лишь смутно сознавая мельтешенье штабной деятельности вокруг него.

Проклятая война, дураки, проклятые поганые дураки,— неужели они никогда не смогут оставить людей в покое?

16

Дюжина солдат в маскхалатах провела хорошенькую стройненькую девушку по твердо спрессованному песку к краю воды. Они были рады убраться с более мягкого песка выше приливной отметки почти в километре от бушующего прибоя. Идти по песку было адским делом из-за его зыбучести, кишащей, к тому же, мелкими землеройными плотоядными, слишком глупыми, чтобы не нападать на человека, обутого в сапоги, созданиями.

Отделение без всяких слов забралось в поджидавшую их лодку, в то время как предводитель пытался помочь девушке. Она не нуждалась в помощи. На Гленде Рут Хортон был коричневый нейлоновый комбинезон и пояс со снаряжением, и она знала эту планету и ее опасности лучше солдат. Гленда Рут сама о себе заботилась двадцать четыре года из своих двадцати шести.

Усеянные обнаженной отливом морской жизнью песчаные пляжи тянулись в обоих направлениях насколько хватало глаз. Только лодка и ее экипаж показывали, что на планете имелась человеческая жизнь. Когда рулевой завел мотор лодки, жужжание его привело в лихорадочную активность крошечных морских птиц.

Быстрый грузовоз «Марибелл» находился в двенадцати километрах далеко за горизонтом. Когда лодка приплыла, палубные краны спустились подхватить ее и втянули плоскодонное суденышко на шлюпбалки. Капитан Ян Фрейзер проводил Гленду Рут в штурманскую рубку.

Там нетерпеливо ждал боевой штаб Фалькенберга, некоторые потягивали виски, другие разглядывали карты, чью информацию они давным-давно поглотили. Многие выказывали признаки морской болезни: восьмидесятичасовое плавание от Алланспорта было тяжелым, и делу не помогало даже то, что корабль шел при тридцати километрах в час, врезаясь в большие валы среди островов.

Ян отдал честь, затем взял стакан у стюарда и предложил его Гленде Рут.

— Полковник Фалькенберг — мисс Хортон. Гленда Рут — лидер патриотов в колумбийской долине. Гленда Рут, вы должны знать министра Баннистера.

Она холодно кивнула, словно не интересовалась министрами мятежников, но подала руку Фалькенбергу и пожала ее довольно-таки на мужской лад. У нее были и другие мужские жесты, но даже с аккуратно забранными под фуражку волосами никто бы не принял ее за мужчину. У нее было овальное лицо и большие зеленые глаза,

а ее постоянному загару могли бы позавидовать гранд-дамы Кодоминиума.

— Рад познакомиться, мисс Хортон,— небрежно бросил Фалькенберг.— Вас видели?

Ян Фрейзер выглядел обиженным.

— Нет, сэр. Мы встретились с группой инсургентов, и дело казалось достаточно безопасным, так что мы с центурионом Майклом одолжили у ранчеро одежду и позволили Гленде Рут провести нас в город для того, чтобы самим посмотреть.

Ян подошел к столу с картами.

— Форт расположен вот на этой высоте,— показал Фрейзер на карту побережья.

— Типичная стено-окопная система. В контроле над городом и устьем реки они, по большей части, полагаются на фридландскую артиллерию.

— Что там имеется, Ян?— спросил майор Сэвидж.

— Самое худшее — это артиллерия,— ответил командир разведвзвода.— Две батареи стопяток и батарея стопятидесятипяток, все самоходные. Насколько мы могли вычислить, это стандартный фридландский отдельный батальон.

— Значит, около шестисот фридландцев,— задумчиво произнес капитан Роттермилл.— И нам говорят, что есть полк земных наемников. Еще что?

Ян взглянул на Гленду Рут.

— На прошлой неделе прибыл мобильный эскадрон регулярных войск Конфедератов,— сказала она.— Легкие бронемашины. Мы думаем, что они должны двигаться дальше, потому что здесь им делать нечего, но никто не знает, куда они направляются.

— Это странно,— заметил Роттермил.— Здесь для них нет надлежащих запасов бензина. Куда же они направляются?

Гленда Рут задумчиво посмотрела на него. Она не очень желала присутствия наемников. Свобода была тем, что завоевывают, а не покупают и оплачивают. Но они нуждались в этих людях, а этот, по крайней мере, выполнял задание на дом.

— Вероятно, в долину реки Снейк; там есть скважины и нефтеочистительные заводы,— она показала на равнину, где Снейк и Колумбия сливались у Доукс Ферри в шестистах километрах к северу.— Это — страна патриотов и мобильные части могут быть полезными для усиления Доукс Ферри.

— Все равно, чертовски неудачно, полковник,— сказал Роттермилл.— В этой проклятой крепости почти три тысячи солдат, а у нас немногим больше. Как охранение, Ян?

Фрейзер пожал плечами.

— Не жестко. Земные громилы патрулируют вдоль и поперек в городе, несут полицейскую службу, проверяют документы. Их нетрудно избежать.

— Земляшки составляют значительную часть караула,— добавила Гленда Рут.— Их там целый стрелковый полк.

— Нам не взять этой позиции штурмом, Джон Кристиан,— осторожно, взвешивая каждое слово, произнес майор Сэвидж.— Не выйдет без потери половины полка.

— А для чего существуют, собственно, ваши солдаты?— поинтересовалась Гленда Рут.— Они иногда сражаются?

— Иногда,— Фалькенберг изучил сроки, сделанные командиром разведчиков.— У них расставлены часовые, капитан?

— Да, сэр. Пары на вышках и патрульные. Каждые сто метров стоят радары, и я ожидаю, что снаружи протянута проволока.

— Я же говорил вам,— высокомерно сказал министр Баннистер. В его голосе был триумф, контрастирующий с мрачной озабоченностью Фалькенберга и его офицеров.— Вам придется набрать армию, чтобы взять эти укрепления. Форд Хайтс — наш единственный шанс, полковник. Астория слишком велика для вас.

— Нет!— сильный низкий голос Гленды Рут требовал внимания.— Мы рисковали всем, чтобы собрать патриотов Колумбийской долины. Если вы не возьмете Асторию сейчас, они разойдутся по своим ранчо. Я была против начала новой революции, Говард Баннистер. Я не думаю, что мы сможем вынести еще одну долгую войну, вроде последней. Но я организовала друзей моего отца и через два дня я буду командовать боевыми силами. Если мы сейчас рассеемся, я никогда не смогу снова собрать их для себя.

— Где ваша армия, насколько она велика?— спросил Фалькенберг.

— Район сбора в двухстах километрах к северу отсюда. У меня сейчас шестьсот стрелков и еще пять тысяч на подходе. Силы таких размеров нельзя спрятать!— она без энтузиазма разглядывала Фалькенберга. Чтобы победить, они нуждались в крепко организованном ядре, но она доверяла жизни друзей человеку, с которым никогда не встречалась.— Полковник, мои ранчеро не могут встретиться с регулярными войсками конфедератов или фрилендскими танками без поддержки, но если вы возьмете Асторию, у нас будет база, которую мы сможем удержать.

— Да,— Фалькенберг изучал карты, думая об этой девушке... Она более рационально оценивала их регулярные силы, чем Баннистер,— но насколько она была надежна?— Мистер Баннистер, мы не сможем взять Асторию без артиллерии, даже имея ваших ранчеро с Форд Хайтс. Мне нужны пушки Астории, и в любом случае этот город — ключ ко всей компании. С ним в руках есть шанс быстро выиграть эту войну.

— Но этого нельзя сделать!— настаивал Баннистер.

— И все же это надо сделать,— напомнил ему Фалькенберг.— И у нас есть преимущество внезапности. Никто из конфедератов не

знает, что мы находимся на этой планете и не узнают,— он взглянул на свой карманный компьютер,— еще двадцать семь часов, а затем оружейное отделение собьет спутник. Мисс Хортон, вы в последнее время досаждали Астории?

— Не трогали много месяцев,— ответила она. «Был ли этот наемник, этот Фалькенберг иным?»— Я забралась так далеко на юг только для встречи с вами.

Сделанные капитаном Фрейзером кроки Форта лежали на столе, как смертный приговор. Фалькенберг молча наблюдал, как разведчик подрисовывал по стенам пулеметные гнезда.

— Я запрещаю вам рисковать революцией в какой-то безумной операции!— закричал Баннистер.— Астория чересчур сильна. Вы сами это сказали.

Поднявшиеся было надежды Гленды Рут снова умерли. Баннистер давал наемникам превосходный выход.

Фалькенберг выпрямился и взял у стюарда наполненный до краев стакан.

— Кто здесь младший по званию?— он оглядел склепанную сталь штурманской, пока не увидел офицера, стоявшего у переборки.— Великолепно. Лейтенант Фуллер, бывший танитский заключенный, мистер Баннистер. Пока мы не поймали его... Марк, дай-ка нам тост.

— Тост, полковник?

— Тост Монтроза, мистер. Тост Монтроза.

Страх стиснул внутренности Баннистера в твердый комок. Монтроза! А Гленда Рут уставилась непонимающим взглядом, но в ее глазах была вновь родившаяся надежда.

— Есть, полковник!— Фуллер поднял свой стакан.

Тот, кто судьбу свою на кон
Поставить не сумеет,
Тот либо духом не силен,
Иль страх пред ней имеет.

Руки Баннистера тряслись, когда офицеры выпили. Кривая улыбка Фалькенберга, ответный взгляд Гленды Рут, полный понимания и восхищения — они все были сумасшедшими. На кон были поставлены жизни всех патриотов, а эти, мужчина и девушка, они были безумцы!

«Марибелл» бросила свои якоря в трех километрах от Астории. Вокруг нее быстро текущие воды Колумбии неслись к океану в каких-то девяти километрах ниже по течению, где волны дробились о линию волноломов высотой в пять метров. Пройти через портовые боны было делом хитрым, и даже в самом порту приливы и отливы были чересчур свирепы, чтобы позволить кораблю причалить.

Краны «Марибелл» гудели, снимая с палубы грузовые лихтеры. Машины на воздушной подушке без изящества двигались по воде и

через песчаные пляжи к складам из рифленого алюминия, где они оставляли контейнеры с грузом и забирали пустые.

В крепости над Асторией караульный офицер, как положено, занес в журнал время прибытия корабля. Это было самым волнующим событием за две недели. С конца мятежа его солдатам было нечего делать.

Он повернулся от вышки в сторону укреплений. Чертовски пустяшное употребление хороших бронеходов, подумал он. Нет смысла держать самоходные орудия в портовых караулках. Бронеходы не использовались, поскольку пушки находились в бетонных гнездах. Лейтенант был обучен мобильной войне, и хотя он мог оценить необходимость контроля над устьем самой большой реки Нового Вашингтона, ему эта задача не нравилась. Нет никакой славы в охране неприступной крепости.

Прозвучал отбой и по всей крепости солдаты повернулись лицом к флагам. Цвета Конфедерации Франклина приспустилась с флагштока в чести, отдаваемой гарнизоном. Хотя ему, как караульному офицеру, делать этого не полагалось, лейтенант отдал честь, когда запели трубы.

Солдаты у орудий стояли по стойке «смирно», но они честь не отдавали. Фридландские наемники не были обязаны Конфедерации какой-либо верностью, кроме той, какая была куплена и оплачена. Лейтенант восхищался ими как солдатами, но они были неспособны вызвать уважение как люди.

С ними, однако, стоило знаться, поскольку никто не мог управлять бронеходами подобно им. Он сумел завести с некоторыми дружбу. В один прекрасный день, когда Конфедерация станет сильнее, они обойдутся без наемников, а до тех пор он хотел научиться всему, чему только мог. В этом секторе космоса имелись богатые планеты — планеты, которые Франклин мог бы добавить к Конфедерации, когда с мятежом будет покончено. Со слабеющим с каждым днем флотом КД возможности на краю обитаемого космоса возросли, но только для тех, кто готов к ним.

Когда отбой кончился, он снова повернулся к порту. По широкой дороге к Форту ехал уродливый грузовой лихтер. Лейтенант озадаченно нахмурился и спустился с вышки.

Когда он добрался до ворот, лихтер уже там стоял. Его мотор рычал, и было очень трудно понять водителя, широкоплечего моряка-грузчика, который на чем-то настаивал.

— У меня нет приказа,— возражал караульный, наемник с Земли.

Он обратился за поддержкой к лейтенанту.

— Сэр, они говорят, что у них есть для нас груз на этой штуке.

— Что это?— крикнул лейтенант. Ему пришлось сделать это вновь, чтобы быть услышанным сквозь рев мотора.— Что за груз?

— Провались я, ежели знаю,— весело отвечал водитель.— В накладной сказано: «Крепость Астория, для интенданта». Слушайте,

лейтенант, нам надо двигать. Если капитан не поймает прилива, он не сможет проскочить портовые боны сегодня и спустит с меня шкуру за милую душу! Где интендант?

Лейтенант посмотрел на часы. После отбоя солдаты разошлись быстро, а интенданты на службе не задерживаются.

— Тут некому разгружать,— крикнул он.

— У меня есть кран и бригада,— успокоил шофер.— Слушайте, вы только скажите, куда положить это добро. Нам надо отплыть по стоячей воде.

— Выкладывайте здесь,— сказал лейтенант.

— Лады. Вам, однако, будет адова работа перетаскивать его,— он повернулся к своему спутнику в кабине.— О'кей, Чарли, сваливай его!

Лейтенант подумал о том, что скажет интендант, когда обнаружит, что ему надо перетаскивать контейнеры размером пять на десять метров. Он залез в кузов лихтера. В кармашке для накладной каждого контейнера был ярлык, гласящий «ИНТЕНДАНТСКИЕ ПРИПАСЫ».

— Подождите,— приказал он.— Рядовой, откройте ворота. Водитель, отвезите это туда,— он указал на склад неподалеку от центра лагеря.

— Сгружайте у больших дверей.

— Можно. Постой, Чарли,— весело велел главстаршина Кальвин.— Лейтенант хочет завести это добро внутрь...— он уделил все внимание ведению неуклюжей машины.

Бригада лихтера споро работала с краном, ставя контейнер с грузом у дверей склада.

— Распишитесь здесь,— попросил шофер.

— Я... Мне, наверно, лучше найти кого-нибудь инвентаризировать груз.

— Ох, Христа ради,— запротестовал водитель.— Слушайте, вы не видите, что пломбы не сорваны?

— Вот, я запишу это. Печати целы, но груз не проверен полу... Как пишется: получатель или получитель, лейтенант?

— Вот, я запишу это для вас,— он записал и поставил свою подпись и звание.— Хорошее было плавание?

— Не-а. Тяжеловато там и становится еще хуже. Нам надо уматывать. Еще груз есть...

— Не для нас!

— Не для города. Спасибо, лейтенант.

Машина развернулась и с рычанием умчалась в то время, как лейтенант покачивал головой. Какой кавардак. Он поднялся на вышку и записал происшедшее в журнал. Записав, он вздохнул. Один час до темноты и три до смены. Это был длинный скучный день.

За три часа до рассвета грузовые контейнеры бесшумно рас-

крылись и капитан Ян Фрейзер вывел своих разведчиков на затемненный плац. Без единого слова они двинулись к укрытым пушкам. Одно отделение построилось и замаршировало к воротам, держа винтовки на сгибе локтя.

Часовые обернулись.

— Какого черта?— спросил один.— Еще не время для смены. Кто идет?

— Что такое?— сказал капрал отделения.— У нас приказ выйти в какой-то проклятый дозор вдоль периметра. Разве вам не сообщали?

— Никто мне ничего не сообща...— часовой крякнул, когда капрал ударил его кожанным мешочком с патронами. Его спутник быстро обернулся, но слишком поздно. Отделение уже добралось до него.

Двое солдат стояло, выпрямившись, в звездном свете на покинутых часовыми постах. Астория была далеко за горизонтом от Франклина и только слабое красное пылание на западе указывало на присутствие соседней планеты.

Остальное отделение вступило в кордегардию. Они умело двигались среди спящих сменных караульных и когда они кончили, капрал снял с пояса коммуникатор.

— Лаэрт.

На другой стороне плаца капитан Фрейзер провел группу отборных солдат в центр управления радарами. Был бесшумный шквал прикладов. Когда короткая борьба закончилась Ян проговорил в свой коммуникатор:

— Гамлет.

Внизу в городе другие грузовые контейнеры открывались в темных складах. Вооруженные люди построились повзводно и замаршировали по припортовым улицам. Несколько увидевших их штатских поспешило укрыться — никто не любил нанятых конфедератами земных громил.

Полная рота маршировала вверх по холму к форту. По другую сторону подальше от города остальной полк полз по вспаханным полям, не беспокоясь о радарной сигнализации, но опасаясь часовых на стенах. Они прошли первую линию проволочных ограждений и майор Сэвидж задержал дыхание. Десять секунд, двадцать... Он облегченно вздохнул и сделал знак солдатам продолжать движение.

Марширующая рота достигла ворот. Часовые окликнули их в то время, как другие на сторожевых вышках с любопытством следили. Дежурный офицер, должно быть, имел специальный приказ.

Рота двинулась в парк бронеавтомобилей. На противоположной стороне плаца часовой вгляделся в ночь. Было ли там что-то?

— Стой! Кто идет?

В ответ было только молчание.

— Что-нибудь видишь, Джек? — спросил его товарищ.

— Не знаю... Смотри... вон там. У кустов. Что-то. Боже мой, Гарри! В поле полно народу! Капрал караула! Подымай караул!

Он поколебался, прежде чем сделать последний шаг, но он был достаточно уверен, чтобы рискнуть язвительным неудовольствием своего сержанта. Указательным пальцем он ткнул в красную кнопку тревоги и по всему лагерю вспыхнули огни. Завыли сирены и у него хватило времени увидеть тысячи солдат в поле около лагеря, затем его настигла автоматная очередь, и он упал.

Лагерь погрузился в сумятицу. Первыми проснулись фриландские артиллеристы. Они потеряли меньше минуты, прежде чем их офицеры поняли, что тревога была настоящей. И тогда артиллеристы выплеснулись из казарм спасать свои драгоценные бронеходы, но из каждого пушечного гнезда их сражали пулеметные очереди. Артиллеристы падали пачками, тогда как остальные метнулись в укрытие. Многие, торопясь спасать пушки, не захватили личного оружия, и они потеряли время, возвращаясь за ним.

Солдаты майора Сэвиджа добрались до стен и перебрались через них. Второй эшелон держал стены под постоянным огнем. И несмотря на свои тяжелые доспехи, солдаты карабкались легко при более низкой гравитации Вашингтона. Офицеры послали их на плац, где они добавили свой огонь к огню солдат в орудийных гнездах. Постепенно установленные пулеметы изолировали укрытия артиллерии огненной завесой.

Эта артиллерия была главной защитой форта. Удостоверившись, что с ней все благополучно, майор Сэвидж отправил волны своих наступающих в казармы лагеря. Они ворвались с гранатами и винтовками наготове, захватывая целые роты, прежде чем офицеры успели прибыть с ключами от козлов с оружием. Таким образом Сэвидж взял регулярных конфедератов, и только фриландцы вышли с боем, но их усилия были направлены к своим пушкам, а там у них не было шансов.

В то же время земные наемники, и в лучшие времена не бывшие особо стойкими солдатами, запросили пощады. Многие не сделали ни единого выстрела. Защитники лагеря сражались дезорганизованными группами против дисциплинированных сил, чья связь работала превосходно.

В здании штабквартиры крепости тревога разбудила коменданта Альбертиса Морриса. Он с недоверием вслушивался в звуки боя, и, хотя он выбежал полуодетым, он прибыл слишком поздно. Его команды заглушались криками почти четырех тысяч солдат. Моррис с миг постоял в нерешительности, терзаемый желанием бежать к ближайшим казармам и собрать силы, какие только можно, но он решил, что его долг в комнате связи.

Надо было сообщить столице. Он отчаянно побежал к радио-

станции.

Внутри все казалось нормальным, и он выкрикнул приказ дежурному сержанту прежде, чем сообразил, что никогда не видел этого человека раньше. Он повернулся и оказался перед отделением нацеленных винтовок. Из темного угла комнаты резануло ярким светом.

— Доброе утро, сэр,— произнес ровный голос.

Комендант Моррис зажмурился, а затем осторожно поднял руки, сдаваясь.

— У меня нет оружия. Кто вы, черт возьми?

— Джон Кристиан Фалькенберг, к вашим услугам. Вы сдадите эту базу и спасете своих солдат?

Моррис мрачно кивнул. Он увидел снаружи достаточно, чтобы знать, что битва была безнадежной. С его карьерой тоже было покончено, что бы он ни сделал. И не было смысла позволять перерезать фридландцев.

— Кому сдаваться?

Зажегся свет, и Моррис увидел Фалькенберга. На губах полковника была мрачная улыбка.

— Да, ясное дело, Великому Иегове и Свободным Штатам Вашингтон, комендант...

Альберт Моррис, не бывший историком, не понял ссылки. Он взял микрофон лагерных громкоговорителей, врученный ему мрачными солдатами. Крепость Астория пала.

В двух тысячах трехстах километрах к западу от Алланспорта сержант Шерман Уайт включил пуск трех маленьких, но солидных ракеток. Это были не очень мощные птахи, но их можно было быстро установить, и они обладали способностью вознести сто килограммов крошечных стальных кубиков на высоту сто сорок километров. Уайт имел очень хорошую информацию об эфемериде спутника конфедератов: он наблюдал его последние двадцать орбит.

Цель была невидима за горизонтом, когда сержант Уайт выпустил свои перехватчики. Когда спутник проходил над головой, ракетки добрались до точки встречи. Их радарные взрыватели определили точный момент, а затем они взорвались в облаке, поднимавшемся по мере распространения. Оно продолжало подниматься, остановилось и начало падать обратно на землю. Спутник заметил атаку и пробибикал тревогу своим хозяевам. Затем он прошел сквозь это облако со скоростью тысяча четыреста метров в секунду относительно взрыва. На его пути оказалось четыре стальных кубика.

17

Фалькенберг изучал руководство по снаряжению в конфедератской командной машине, когда та мчалась на север к Доукс Ферри по дороге колумбийской долины. Где-то впереди находились разведчики капитана Фрейзера на трофейных машинах, а позади Фалькенберга растянулся — часть за частью — полк. Там были бойцы на мотоциклах, в частных грузовиках, влекомых лошадьми фургонах и пешие.

Пеших скоро будет больше. Захваченный транспорт был зигзагом удачи, но Колумбийская долина не была технически развитой. Большая часть местного транспорта являлась тягловой силой и фермеры в смысле отправки продукции в глубоководный порт Астории полагались на реку. Речные суда и горючее были ключом к операции. Не хватало ни того, ни другого.

Гленда Рут удивила Фалькенберга тем, что не спорила насчет нужды в спешке и ее ранчеро сходились во все речные порты, неся тяжелые потери для того, чтобы захватить суда и горючее прежде, чем их смогли бы уничтожить разбросанные силы конфедератов. В то же время Фалькенберг отважно бросил полк вперед на север.

— Впереди бой,— предупредил водитель.— Еще один из их батарейных постов.

— Правильно,— Фалькенберг поколдовал над незнакомым управлением, пока карта не сфокусировалась почетче, затем активировал связь.

— Сэр,— ответил капитан Фрейзер.— У них там батарея 103 и пулеметная рота. Больше, чем я могу управиться.

— Верно. Обойди ее. Пусть ранчеро мисс Хортон держат ее в осаде. Нашел какое-нибудь горючее?

Фрейзер неприятно рассмеялся.

— Полковник, карбюраторы в этих машинах можно переоборудовать для переваривания многого, но ей богу, они никак не могут работать на керосине. Здесь нет даже сельхозмашин! Мы сейчас едем на парах и притом чертовски низкокондиционных.

— Да,— конфедераты становились умнее. Первые сто километров они брали склады с горючим в целости, но теперь, если патриоты уже не овладевали положением, горючее поджигалось прежде, чем прибывали быстро действующие разведчики Фрейзера.

— Продолжай катить сколько можешь, капитан.

— Сэр. Конец связи.

— У нас есть кое-какое резервное горючее с пушками,— на-

помнил ему главстаршина Кальвин. Большой ПГС сидел в башне командного фургона и в частых интервалах гладил тридцатимиллиметровую пушку. Оружие не бог весть какое, но ПГС давно уже не был стрелком в бронемашине. Он надеялся вступить в какой-нибудь бой.

— Эти пушки должны двигаться на восток к перевалам. Из столицы наверняка пришлют силы для контрудара, Первый солдат. «Но пошлют ли?»— гадал Фалькенберг. Вместо того, чтобы двигать из столицы на северо-запад, подкрепления к Доукс Ферри, они могли послать войска морем отбивать Асторию. Это был бы глупый ход, а Фалькенберг рассчитывал, что конфедераты будут действовать умно. Насколько все знали, над устьем реки господствовали пушки Астории.

Там оставалось подразделение оружейного батальона с противовоздушными ракетами, чтобы держать на расстоянии авиаразведку, так как Асторию удерживали только поспешно набранные силы Патриотов, укрепленные кучкой наемников. Фридландские пушки были выведены ночью.

Если план Фалькенберга сработает, к тому времени, когда конфедераты поймут, с кем они имеют дело, Асторию будут прочно удерживать. Армии Патриотов переправятся по воде удерживать Алланспорт. Это был рискованный боевой план, но он имел одно преимущество: это был единственный план, который мог рассчитывать на успех.

Ведущие части полка покрыли половину из шестисот километров до Доукс Ферри за десять часов. За несущимися ведущими группами Фалькенберга основная масса полка двигалась более тяжеловесно, останавливаясь выжечь очаги сопротивления там, где это могло быть сделано быстро, или обходя их и предоставляя нерегулярным силам патриотов голодом привести их к покорности. Вся долина подымалась, и чем дальше продвигался Фалькенберг, тем большее число патриотов он встречал.

Когда они достигли четырехсоткилометровой отметки, он отправил Гленду Рут Хортон на восток к перевалам присоединиться к майору Сэвиджу и фридландской артиллерии. Подобно волку, ранчеро передвигались различными средствами: вертолетами, МЖП, грузовиками, мулами и пешком.

— Настоящий сброд,— сказал Хирам Блэк.

Блэк был невысоким дубленым ранчеро, произведенным Советом Свободных Штатов в полковники и посланный с Фалькенбергом, чтобы содействовать в управлении мятежными силами. Фалькенбергу понравился сухой юмор и твердый реализм этого человека.

— У нас самая проклятущая кампания истории военных действий, генерал Фалькенберг.

— Да,— сказать было больше нечего. Вдобавок путанной ситуации с транспортом не было никакой стандартизации вооружения: у

них имелись охотничьи ружья, захваченное у врага оружие, собственное снаряжение полка и запасы оружия, контрабандно доставленные Свободными Штатами до прибытия Фалькенберга.

— Именно для этого и существуют компьютеры,— сказал Фалькенберг.

— Скоро перекресток,— предупредил шофер.— Держитесь.

Перекресток был, вероятно, пристрелян пушками невзятого поста километрах в восьми впереди.

Мобильный отряд Фрейзера, прежде чем обойти его, ослепили ему радары наблюдения на холме, но командный фургон окажется на мгновение на виду батареи. Водитель вдруг затормозил. Раздался резкий свист и фургон качнуло взрывом. По его бронированным бокам забарабанила шрапнель. Машина резко ожила и прибавила газу.

— Вы мне должны десять кредиток, старшина,— сказал шофер.— Говорил же я вам, что они ждут, пока я нажму на акселератор.

— Думаешь, я хотел выиграть это пари, Карпентер? — спросил Кальвин.

Они мчались по пологим холмам, покрытым золотистыми кистями зерновых растений. Генная инженерия сделала природное зерно Нового Вашингтона одной из самых ценных продовольственных культур в космосе. Поверхностно схожее с земным маисом, это зерно имело цикл роста в два земных года. К концу цикла гидростатическое давление нарастало до тех пор, пока оно не лопалось, но собранное в сухой сезон ново-вашингтонское зерно было высокопротеиновой обезвоженной пищей: вкусной, если сварить в воде, и хорошим кормом для животных.

— Теперь уже мы не должны встречать противника,— сказал Хирам Блэк.— Я бы ожидал, что федераты отсюда пойдут в форту Доукс Ферри.

Его оценка подтвердилась полчаса назад, когда запищала рация Фалькенберга.

— Мы находимся в маленьком городке, именуемом Медселин, полковник,— доложил Фрейзер.— Здесь стоял гарнизон, но сбежал на север. Нас вышел приветствовать комитет граждан.

— К черту комитет граждан,— отрезал полковник Фалькенберг.— Преследуйте врага!

— Полковник, я был бы очень рад это сделать, но у меня совсем нет бензина.

Фалькенберг мрачно кивнул.

— Капитан Фрейзер, я хочу, чтобы разведчики оказались как можно дальше к северу. Неужели там нет НИКАКОГО транспорта?

Последовало долгое молчание.

— Ну, сэр, тут есть велосипеды...

— Тогда воспользуйтесь велосипедами, клянусь богом! Воспользуйтесь, чем придется, капитан, но продолжайте наступать,

пока вас не остановит неприятель, обходя сосредоточения. Кусайте их за пятки, Ян, они испуганы. Они не знают, что их преследуют, и если ты будешь поддерживать давление, они не остановятся, чтобы выяснить. Продолжай в том же духе, малыш. Если ты попадаешь в беду, я возьму тебя на поруки.

— Есть, полковник. Увидимся в Доукс Ферри.

— Правильно. Конец связи.

— Вы сможете сдержать это обещание, генерал? — спросил Хирам Блэк.

Бледно-голубые глаза Фалькенберга смотрели сквозь ранчеро.

— Все зависит от того, насколько надежна наша Гленда Рут Хортон, полковник Блэк. Предполагается, что ваши ранчеро будут собираться по всей долине. С угрозой своим флангам конфедераты не посмеют сформировать линию обороны южнее Доукс Ферри. Если же ваши Патриоты не покажутся, то это будет совсем другая история,— он пожал плечами. Позади него полк растянулся на триста километров по дорогам и его единственной защитой была его скорость и неуверенность врага.— Это зависит от нее больше, чем в одном смысле. Она сказала, что главные силы фридландских танков находятся в районе столицы.

Хирам Блэк не очень-то по-военному втянул воздух сквозь зубы.

— Генерал, если Бленда Рут в чем-то уверена, вы можете чертовски спокойно рассчитывать на это.

Главстаршина Кальвин хмыкнул. Звук этот говорил о его мыслях лучше, чем слова. Дьявольское это положение, когда жизнь Сорок Второго должна была зависеть от молодой девушки из колонии.

— Как вообще вышло, что она стала командовать ранчеро долины? — спросил Фалькенберг.

— Унаследовала,— ответил Хирам Блэк.— Ее отец был дьявол, а не человек, генерал. Погиб в последнем бою первой революции. Она была его начальником штаба. Старик Джон доверял ей больше, чем большинству своих офицеров. Также, как поступил бы и я, будь я на вашем месте, генерал.

— Я уже так и сделал,— для Фалькенберга полк был больше, чем наемным войском. Подобно произведению искусства, он был превосходно сработанным инструментом — его существование и совершенство были собственными причинами для существования.

Но в отличие от произведения искусства, от того, что полк был воинской частью, он должен был вести бой и нести потери. По погибшим в бою скорбели. Они, однако, не являлись полком, и тот будет продолжать существовать, когда все входящие в него ныне бойцы погибнут.

Сорок Второй и раньше сталкивался с поражениями — но на этот раз в опасности оказался сам полк. Фалькенберг рисковал не

всего лишь их жизнями, а жизнью самого Сорок Второго.

Он изучал боевые карты, когда они мчались на север. Держа врага в неуравновешенности, один полк мог выполнить задачу пяти. В конечном итоге, однако, конфедераты перестанут отступать. Они отойдут к своей крепости в Доукс Ферри, соберут силы и сосредоточат их для битвы, которую Фалькенберг никогда не сможет выиграть. Таким образом, эта битва никогда не сможет произойти, пока не сосредоточатся ранчеро. В то же время полк должен обойти Доукс Ферри и повернуть на восток к горным перевалам, закрыв их прежде, чем фридландские бронеходы и ковенантские Хайландеры смогут вырваться на западные равнины.

— Думаете, вы сможете это сделать? — спросил Хирам Блэк. Он следил, как Фалькенберг манипулировал управлением, чтобы передвинуть символы на карте командного фургона.— Мне кажется, что фридландцы достигнут проходов прежде, чем это сможете сделать вы.

— Достигнут,— подтвердит Фалькенберг.— И если они пройдут — мы проиграли,— он повернул рукоять, отправив яркий огонек, представляющий майора Сэвиджа с артиллерией, в путь диагонально от Астории к ущелью Хильер, в то время, как главные силы полка продолжали продвигаться вверх по течению Колумбии, а затем свернули на восток, к горам, образуя две стороны треугольника.— Джерри Сэвидж может оказаться там первым, но у него не хватит сил, чтобы остановить их.

По карте пополз еще один набор символов. Вместо отчетливо сформированного тела это было серией ручейков, сходящихся у перевала.

— Мисс Хортон также обещала быть там с подкреплением и боеприпасами, достаточными для того, чтобы туда добрались остальные из нас, мы будем владеть всем сельскохозяйственным районом Нового Вашингтона. Революция будет больше, чем наполовину законной.

— А что, если она не сможет туда вовремя добраться или сдержать фридландских и ковнантских парней? — снова спросил Хирам.

Главстаршина Кальвин снова хмыкнул.

18

Ущелье Хильер было холмистым шестикилометровой ширины дефиле в высокогорной цепи. Горы Олдайн шли приблизительно с северо-запада на юго-восток и соединялись посередине с тянущимися на юг Тембролами. Как раз на месте соединения и

находилось ущелье, связывающее столичную равнину на востоке с Колумбийской долиной на западе.

Майор Джереми Сэвидж удовлетворенно рассматривал свою позицию. У него имелись не только двадцать шесть пушек, отнятых у фридландцев в Астории, но и еще дюжина захваченных в разрозненных аванпостах по нижнему течению Колумбии, и все были надежно укрыты в ячейках за выходящими в ущелье холмами. Впереди пушек расположились шесть рот пехоты, Второй батальон и половина Третьего с тысячей ранчеро позади в резерве.

— Во всяком случае нас не обойдут с флангов,— заметил центурион Брайант.— Должны бы удержаться просто прекрасно, сэр.

— У нас есть шанс,— согласился майор Сэвидж.— Благодаря мисс Хортон. Вы, должно быть, гнали своих бойцов напрямик.

Гленда Рут пожала плечами. У ее иррегулярных войск иссякло горючее в ста восьмидесяти километрах к западу от ущелья и она привела их пешком одним тридцатичасовым форсированным маршем, после отправки вперед боеприпасов на последних каплях бензина.

— Я просто пошла сама, майор. Не было и речи о том, чтобы гнать их, мужчины, само собой, отстать не могли.

Джереми Сэвидж быстро посмотрел на нее. Стройная девушка была в данный момент не очень хорошенькой в своем замызганном грязью и оружейным маслом комбинезоне, с вылезающими из-под фуражки прядями волос, но как раз теперь он предпочел бы видеть ее, а не текущую мисс Вселенную. С ее войсками и боеприпасами он имел шанс удержать свою позицию.

— Я полагаю, они от этого не пострадали,— центурион Брайант быстро отвернулся из-за чего-то, попавшего ему в горло.

— Мы сможем продержаться, если сюда не доберется полковник Фалькенберг? — спросила Гленда Рут.— Я ожидаю, что они бросят сюда все, что у них есть.

— Мы искренне надеемся, что они так и сделают,— ответил Джереми Сэвидж.— Это, знаете ли, наш единственный шанс. Если эти танки вырвутся на оперативный простор...

— Другого пути на равнины нет, майор,— ответила Гленда Рут.— Темблоры тянутся вплоть до Мотсонетских болот и нет такого дурака, чтобы рисковать пройти там. Большой изгиб — край Патриотов. Между болотами и иррегулярными силами Патриотов, чтобы пересечь Мотсон, потребуются недели. Если они придут по суше— они пройдут здесь.

— А они пойдут сушей,— закончил за нее Сэвидж.— Они захотят помочь крепости Доукс Ферри прежде, чем мы сможем взять ее в тесную осаду. По крайней мере, именно таков план Джона Кристиана, а он обычно прав.

Гленда Рут изучала в бинокль дорогу. Там ничего не было. Пока...

— Этот ваш полковник. Что тут за интерес для него? Никто не разбогатеет на том, что мы сможем заплатить.

— Я бы подумал, что вы будете достаточно рады, что мы здесь,— произнес Джереми.

— О, я, безусловно, рада. За двести сорок часов Фалькенберг изолировал все гарнизоны конфедератов к западу от Темблор. Силы столицы — единственная оставшаяся для боя армия — в одну кампанию вы почти освободили планету.

— Удача,— пробурчал Джереми Сэвидж.— Большое везение и все наше.

— Хе,— презрительно бросила Гленда Рут.— Я в это не верю и вы тоже. Разумеется, при конфедератах, рассеянных на оккупационной службе, всякий, кто мог заставить войска двигаться достаточно быстро, мог разрезать конфедерашек на части прежде, чем те соберутся в достаточно большие формирования, чтобы сопротивляться. Факт тот, майор, что никто не верил, будто это можно сделать, кроме как на карте, не с настоящими войсками. А он сумел это сделать. Это не удача, это — гений.

Сэвидж пожал плечами.

— С этим я спорить не стану.

— Не больше, чем я. А теперь ответьте — что же делает настоящий военный гений, командуя наемниками на отсталой сельскохозяйственной планете? Такому человеку следовало бы быть генерал-лейтенантом Кодоминиума.

— КД не заинтересован в военных гениях, мисс Хортон. Гран Сенат хочет подслушивания, а не блеска.

— Может быть. Я не слыхала, чтобы Лермонтов был дураком. А его сделали Гранд Адмиралом. Ладно. Кодоминиум для Фалькенберга бесполезен. Но почему Вашингтон, майор? С таким полком вы могли бы захватить любое место, кроме Спарты, и там уже заставили Братстона попотеть.

Она провела биноклем вдоль гарнизона и Сэвидж не мог видеть ее глаз. Эта девушка его беспокоила. Никто из прочих деятелей свободных Штатов не ставил под вопрос большую удачу с наймом Фалькенберга.

— Полковой совет проголосовал отправиться сюда, потому что нас тошнило от Танит, мисс Хортон.

— Разумеется,— она продолжала сканировать лишенные растительности подножия гор перед ними.— Смотрите-ка. Мне лучше пойти отдохнуть немного, если нам предстоит бой. А он нам предстоит. Смотрите прямо на горизонт по левой стороне дороги.

Когда она повернулась, загудела рация центуриона Брайанта. Аванпосты заметили разведчасти танковых экспедиционных частей.

Когда Гленда Рут возвращалась в свой бункер, с головой у нее было такое ощущение, будто она начинает кружиться. Она родилась там, на Новом Вашингтоне и привыкла к сорокачасовому периоду

обращения планеты, но даже и так, отсутствие сна почти отравило ее.

«Ходишь по подушкам»,— сказала она себе. Именно так описывал Харли Гастингс то, как они себя чувствовали, когда не ложились спать до рассвета.

«Не был ли Харли там, с танками?» — гадала она. Она надея-лась, что нет. Из этого никогда бы ничего не вышло, но он был такой милый мальчик. Чересчур мальчик, однако, пытающийся себя вести, словно мужчина. Хоть иногда и приятно, что с тобой обращаются, как с леди, он никогда не мог поверить, что я вообще способна сделать что-нибудь для себя.

У ее бункера стояли в карауле два ранчеро и один из капралов Фалькенберга. Капрал вытянулся по стойке «смирно», ранчеро поздоровались. Гленда Рут сделала жест, полувзмах-полуответ на честь капрала и прошла в бункер. Контраст не мог бы быть больше, подумала она. Ее ранчеро не собирались выглядеть глупцами со взятием на караул, честью и всем прочим.

Спотыкаясь, она прошла внутрь и, не раздеваясь, завернулась в тонкое одеяло. Инцидент снаружи как-то беспокоил ее. Люди Фалькенберга были военными-профессионалами. Все, как один. Что они делали на Новом Вашингтоне?

Их пригласил сюда Говард Баннистер. Он даже предложил им землю для постоянного поселения, а делать это он не имел права. Нет никаких средств контролировать военную силу, не держа большой постоянной армии, а такое средство хуже болезни.

Но без Фалькенберга революция была бы обречена.

«А что произойдет, если мы выиграем? Что станет делать Фалькенберг после того, как все будет кончено? Уедет? Я боюсь его потому, что он не того типа, чтобы просто уехать. И,— подумала она,— если быть честной, то Фалькенберг очень привлекательный человек. Мне понравилось, как он устроил тост. Говард дал ему превосходный выход, но он не принял его».

Она все еще помнила его с поднятым стаканом, с загадочной улыбкой на губах — а потом он сам полез в упаковочную тару, вместе с Яном и своими солдатами.

Но смелость — это не что-то особенное. В чем мы здесь нуждаемся, так это в верности, а этого он совсем не обещал...

Некому было посоветовать ей. Ее отец был единственным человеком, которого она когда-нибудь действительно уважала. Прежде чем погибнуть, он пытался объяснить ей, что выиграть войну было только малой частью проблемы. На Земле были страны, прошедшие через пятьдесят кровавых революций, прежде чем были достаточно удачливы, чтобы дав тирану захватить власть, прекратить их. Правление после нее — нечто совсем иное.

Заснув, она видела во сне Фалькенберга. Что, если Фалькенберг не позволит им сохранить свою революцию? Его твердые черты

смягчал клубящийся туман. На нем была военная форма и он сидел за столом со стоящим рядом с ним главстаршиной Кальвином.

— Эти могут жить. Этих убить. Этих сослать в рудники,— приказывал Фалькенберг.

Рослый старшина передвигал крошечные фигурки, выглядевшие словно игрушечные солдатики, но только они не были солдатиками. Одна была ее отцом. Другая была группой ее ранчеро. И они были совсем не игрушечными. Они были реальными людьми, уменьшенными до миниатюрных размеров, чьи крики едва можно было слышать, когда строгий голос продолжал решать их судьбы.

Бригадный генерал Вильфред фон Меллентин посмотрел на холм, где расположились войска мятежников, а затем влез обратно в свою командную машину ждать доклада своих разведчиков. Он настаивал, чтобы Конфедерация послала его танки на запад немедленно после того, как прибыли новости, что пала Астория, но Генеральный штаб ему не позволил.

Дураки, подумал он. Штаб утверждал, что это слишком большой риск. Фридландские бронетанковые экспедиционные силы фон Меллентина были самой лучшей частью Конфедерации и нельзя было рисковать, что они попадут в ловушку.

Теперь Генеральный штаб был убежден, что перед ними только один полк наемников. Один полк и он должен был понести тяжелые потери, штурмуя Асторию. Так утверждал штаб. Фон Меллентин изучил стол с картой и пожал плечами.

Кто-то держал ущелье, а он питал большое уважение к нововашингтонским ранчеро. Учитывая лежащую перед ним пересеченную местность, они могли дать хороший бой. Достаточно хороший, чтобы притупить его силы. Но, решил он, дело того стоило. За ущельем лежала открытая местность, а там у ранчеро не было шансов.

Картина изменялась и плыла перед его глазами. Разведчики докладывали, а штабные офицеры проверяли рапорты, корректировали данные и скармливали их дисплеям. Карта показывала хорошо окопавшуюся пехоту намного больше, чем ожидал Меллентин. Чертов Фалькенберг! Этот человек обладал сверхъестественной способностью перемещать войска.

Фон Меллентин обернулся к начальнику штаба.

— Хорст, ты думаешь, у него уже есть тяжелые пушки?

Оберст Карнап пожал плечами:

— Возможно. Каждый час дает Фалькенбергу время окопаться в ущелье, а мы уже потеряли много часов.

— Не Фалькенбергу,— поправил фон Меллентин.— Он сейчас обкладывает крепость в Доукс Ферри. У нас есть сообщение от тамошнего коменданта. Большая часть сил Фалькенберга должна быть на западе.— Он повернулся к картам. Они были настолько полными, насколько возможно без более близкого наблюдения.

Словно читая его мысли, Карнап спросил:

— Мне выслать разведку боем, бригадир?

Фон Меллентин рассматривал карту, словно она могла сообщить ему еще одну деталь, но не сообщала.

— Нет. Мы пойдем со всеми силами,— сказал он, внезапно решившись.— Пнем их в задницу, а не помочимся на них.

— Слушаюсь.— Карнап тихо проговорил в командную радиосвязь. Затем снова поднял взгляд.— Мой долг указать на риск, бригадир. Мы понесем тяжелые потери, если они подвезли артиллерию.

— Я знаю. Но если мы не сумеем прорваться с боем сейчас, мы можем вообще не помочь крепости вовремя. Когда возьмут Доукс Ферри, полвойны будет проиграно. Лучше сразу тяжелые потери, чем затяжная война. Я сам поведу в атаку. Вы останетесь с командным фургоном.

— Да, бригадир.

Фон Меллентин перелез из тяжелого фургона в средний танк. Он занял свое место в башне, а потом спокойно произнес водителю:

— Вперед.

Бронеходы отмели пехотные заслоны в сторону, словно их и не было. Танки фон Меллентина и поддерживающая их пехота превосходно взаимодействовали в прижимании к земле и искоренении противника. Колонна быстро продвигалась вперед, расчленяя врага на дезорганизованные осколки для того, чтобы тех убрала следующая за танками лейтенантская пехота.

Фон Меллентин постепенно пережевывал препятствующие ему силы, быстро углубляясь внутрь ущелья, и он подумал, что почему-то все шло слишком легко.

Вспотевшие танкисты подошли к неровному хребту на самом верху перевала. Неожиданно по ним пронесся шквал автоматного и пулеметного огня. Танки продолжали двигаться, но пехота поползла вниз, в укрытия. На миг бронеходы и пехота расчленились и в этот-то момент его ведущие танки вышли на минные поля.

Бригадный генерал фон Меллентин забеспокоился. Логика говорила ему, что минные поля не могли быть широкими и густыми, и если он долбанет, то доберется до мягких штабных районов своих врагов. Коль скоро его танки сделают оборот штабам и складам, ковнантская пехота обеспечит перевал, и его бригада сможет вырваться на оперативный простор за перевалом.

Но если защитники обладали лучшим транспортом, чем считал Генеральный штаб, и, следовательно, тысячами мин, он обрекал свои танки на гибель.

— Оценку,— потребовал он. Дублирующий экран в его командном танке поплыл, а затем показал уточненные и дополненные кар. Его силы сбились в кучу, а поддерживающая пехота была прижата к земле и несла потери.— Рекомендации?

— Выслать силы для разведки боем,— искушал голос Карнапа.

С миг Меллентин обдумывал это. На войне компромиссы хуже, чем любой курс действий. Небольшие силы можно было потерять ничего не достигнув. Разделенные силы могут быть разбиты по частям. У него были только мгновения, чтобы прийти к решению.

— Бьем сапогом, а не опрыскиваем,— произнес он.— Мы двигаемся вперед.

Они достигли самой узкой части ущелья. Его силы были теперь даже больше скучены, а его танкисты, вплоть до настоящего момента автоматически избегавшие тех складок местности, которые могли быть пристреляны артиллерией, вынуждены были приблизиться к приметным ориентирам. Бригадный генерал фон Меллентин скрипнул зубами.

Артиллерийский залп был обрушен превосходно. Бригада имела меньше четвертьминутного предупреждения, когда радары засекли летящие снаряды. Затем снаряды все разом взорвались, падая среди его танков и сметая последнюю пехоту прикрытия.

Когда бригада оправилась, словно из-под земли появились сотни бойцов. По его танкам ударил почти безупречный залп противотанковых ракет, наносимый пехотой. Затем радары показали новую посылку и поплыли в сумятице.

— Ага, и это тоже,— пробормотал фон Меллентин. Его контбатарейные экраны показали дождь «киселя».

Защитники стреляли мякиной, сотнями тысяч крошечных кусочков металлической стружки, медленно опускающимися на землю. Ни одна сторона не могла пользоваться радарами для направления навесного огня, но танки фон Меллентина находились под визуальным наблюдением, в то время, как местонахождение пушек врага так и не было точно установлено.

Обрушился еще один залп точно в цель.

— Чертовски хорошая стрельба,— ругнулся фон Меллентин своему водителю. Прошло не больше пяти секунд между прибытием первого и последнего снаряда.

Бригаду рвали на кусочки в этой убийственной местности. Головные части наткнулись на новые минные поля. Обороняющаяся пехота скрючилась в щелях и окопах, крошечные группки, которые его пехота прикрытия могла бы снести в один миг, если бы смогла пробраться вперед, но пехота перемалывалась огненным валом, падавшим позади и вокруг танков.

Не было ни места для маневра, ни поддержки пехоты — классический кошмар танкового командира. И так уже пересеченная местность была усеяна ямами и рвами. Повсюду среди его сил падали кумулятивные танковые снаряды. Пока еще было мало поражений, но любые выведенные из строя танки находились под непрерывным огнем, и наступление замедлилось. Неприятель расходовал свои снаряды расточительно. Мог ли он продолжать это до бесконечности? Если у него иссякнут снаряды, то все будет кончено. Фон Меллентин

колебался. Каждый миг держал его танки в аду.

Его решимость подрывали сомнения. Только Генеральный штаб заверял его, что перед ним не больше, чем Легион Фалькенберга, а штаб оказался ранее не прав. Что бы там не находилось, а Астория была взята прежде, чем ее комендант успел отправить хоть одно сообщение. Почти в ту же минуту над Алланспортом был сбит наблюдательный спутник. В пределах нескольких часов были обложены все крепости вдоль Колумбии. Наверняка даже Фалькенберг не мог сделать этого со всего лишь своим полком. С чем он сражался? Если перед ним были хорошо снабженные силы, имеющие достаточно транспорта, чтобы продолжать этот обстрел часами, не минутами, бригада пропала. Его бригада, наилучшие танки во всех мирах, пропала из-за ошибочных разведданных этих проклятых колонистов!

— Отозвать войска. Объединиться на участке Хильдебранд.

Приказ разнесся молниеносно и танки отошли, выручая примятую пехоту и прикрывая ее отступление. Когда бригада собралась в восточной части ущелья, фон Меллентин потерял восемь танков и сомневался, что вытащит хоть один из них.

19

Охрана штаба взяла на караул, когда командный фургон открылся. Фалькенберг отдал ей честь и строевым шагом прошел в штабной бункер.

— Смирно! — скомандовал главстаршина Кальвин.

— Вольно. Господа, майор Сэвидж, вам будет приятно узнать, что я привел полковую артиллерию. Мы высадили ее вчера. Немного поиздержались, не так ли?

— Вот именно, Джон Кристиан,— мрачно ответил Джереми Сэвидж.— Если бы бой продолжался еще час, у нас бы иссякло все. Мисс Хортон, вы можете теперь расслабиться. Полковник сказал «вольно».

— Я не была уверена,— задиристо сказала Гленда Рут. Она взглянула за дверь, где рассыпался почетный караул из штабной охраны и неодобрительно нахмурилась.— Мне было бы крайне неприятно оказаться расстрелянной за несоблюдение формальностей.

Офицеры и солдаты на КП напряглись, но ничего не случилось. Фалькенберг повернулся к майору Сэвиджу.

— Какие потери, майор?

— Тяжелые, сэр. Во Втором батальоне у нас три активных полка.

Лицо Фалькенберга оставалось невозмутимым.

— А сколько ходячих раненых?

— Сэр, это включает и ходячих раненых.

— Понятно. Шестьдесят пять процентов потерь, не включая ходячих раненых. А Третий?

— Я не смог бы собрать из двух рот капральского караула. Уцелевшим поручена служба при штабе.

— Кто же там держит фронт, Джереми? — спросил Фалькенберг.

— Иррегулярные части и то, что осталось от Второго батальона, полковник. Мы довольно-таки рады вас видеть, вы разве не поняли?

Какой-то миг Гленда Рут боролась с собой. Что бы там она не думала обо всех этих бессменных милитаристских ритуалах, столь милых Фалькенбергу, честность требовала, чтобы она что-то сказала.

— Полковник, я обязана извиниться перед вами. Я сожалею, что предполагала, что ваши солдаты не станут сражаться в Астории.

— Вопрос в том, мисс Хортон, станут ли они нашими. У меня есть две батареи артиллерии Сорок Второго, но я ничего не могу добавить к самой линии фронта. Мои войска обкладывают Доукс Ферри, мои мобильные части и первый батальон — на плато Форт Хайтс, и полк будет рассеян еще три дня. Вы говорите, что ваши ранчеро не могут действовать так хорошо, как мои наемники?

Она несчастно кивнула.

— Полковник, мы никогда бы не смогли устоять перед такой атакой. Старший центурион Второго говорил мне, что, прежде чем кончился бой, многие из его минометов обслуживали только одни ваши солдаты. У нас никогда не будет таких стойких бойцов.

Фалькенберг, видимо, испытывал заметное облегчение.

— Значит, центурион Брайант уцелел?

— Ну да.

— Значит, и Второй еще жив.— Фалькенберг удовлетворенно кивнул про себя.

— Но мы не можем остановить еще одну атаку этих танков! — запротестовала Гленда Рут.

— Нам, может быть, и не понадобится,— сказал Фалькенберг.— Мисс Хортон, я держу пари, что фон Меллинтин не рискнет своими танками, пока пехота не прочистит это отверстие. С его точки зрения он попробовал и столкнулся с чем-то таким, с чем он не может справиться. Он не знает, насколько он был близок к цели. В то же время, господа, благодаря вашим усилиям в нахождении транспорта мы частично вновь снабдили артиллерию боеприпасами. Давайте посмотрим, что мы можем сделать с тем, что у нас есть.

Спустя три часа они оторвались от карт.

— Вот так, значит,— сказал Фалькенберг.

— Да,— Гленда Рут оглядела расположение войск.— Ключ ко всему этому — те передовые дозоры,— осторожно произнесла она.

— Конечно,— он сунул руку в полевую сумку.— Выпьете?

— Сейчас?

— Но почему бы и нет?

— Спасибо, да.

Он налил две кружки почти доверху виски и вручил ей одну.

— Я, однако, не смогу остаться надолго,— сказала она.

Он пожал плечами и поднял свою.

— За старательного врага. Но не слишком...

Она с миг поколебалась, а потом выпила.

— Для вас это игра, не так ли?

— Наверно. А для вас?

— Мне ненавистно все это, я не хотела снова поднимать это восстание,— она содрогнулась.— С меня было достаточно убитых, искалеченных, сожженных ферм...

— Тогда почему вы здесь? — спросил он. В его голосе не было никакой насмешки и никакого презрения. Вопрос был искренним.

— Мои друзья попросили вести их и я не могла отмахнуться от них.

— Хорошая причина,— сказал Фалькенберг.

— Спасибо,— она осушила чашку.— Теперь я должна идти. Мне надо надеть свои боевые доспехи.

— Это вполне разумно, хотя бункеры выстроены хорошо.

— Я буду не в бункере, полковник. Я иду в дозор с моим ранчеро.

Фалькенберг критически оглядел ее.

— Я бы не сказал, что это мудро, мисс Хортон. Личная смелость в командире достойна восхищения, но...

— Я знаю,— мягко улыбнулась она.— Но ее нет нужды демонстрировать потому, что она само собой подразумевается, верно? Но не с нашими. Я не могу приказывать ранчеро и у меня нет многолетних традиций, чтобы держать их,— это-то и есть причина всех церемоний, не так ли? — удивленно спросила она.

Фалькенберг игнорировал вопрос.

— Суть в том, что бойцы следуют за вами. Я сомневаюсь, что они станут столь упорно сражаться за меня, если вас убьют.

— Не о том речь, полковник. Поверьте мне, я не хочу выходить в этот дозор, но если я не выйду в первый раз, другого может не быть. Мы не привыкли держать фронт и требуются некоторые действия, чтобы поддержать стойкость моих бойцов.

— И поэтому вам надо стадом их гнать в бой.

— Если пойду я, пойдут и они,— она пожала плечами.

— Я одолжу вам центуриона и нескольких штабных караульных.

— Нет, пошлите со мной тех же солдат, что пошлете с любыми частями Патриотов,— она с минуту покачивалась. Отсутствие сна, виски и узел страха в животе на миг соединились. Она секунду держалась за край стола, пока Фалькенберг глядел на нее.

— О, черт,— произнесла она. Затем слегка улыбнулась.— Джон Кристиан Фалькенберг, неужели вы не понимаете, почему это должно быть именно так?

Он кивнул.

— Мне это не нравится. Ладно, получите последние наставления от

главстаршины через двадцать пять минут. Желаю удачи, мисс Хортон.

— Спасибо,— она поколебалась, но больше ей нечего было сказать.

Дозор бесшумно двигался сквозь низкий кустарник. Что-то промелькнуло мимо ее лица. «Белка-летяга»,— подумала она. На Новом Вашингтоне водилось много планирующих зверей.

Низкий холм пропах толуолом от выпавших там в последнем бою снарядов и мин. Ночь была темной, как смоль, только с тусклым красным отсветом Франклина на дальнем западном горизонте, настолько слабым, что он скорее чувствовался, чем виделся. Мимо стреканула еще одна летучая лисица, гонявшаяся за насекомыми и пронзительно кричавшая в ночи.

Дюжина ранчеро следовала единой цепью. Позади них шел связной манипул из отряда Сорок Второго. Гленда гадала, что они делают с инструментами, когда выполняют боевой долг, и жалела, что не спросила. Последним в цепи был сержант Грушка, отправленный главстаршиной Кальвином в последнюю минуту. Гленда Рут была рада его видеть, хотя и чувствовала себя виноватой в том, что он идет с ними.

«А это глупо,— сказала она себе.— Так склонны думать мужчины. А я не должна. Я не пытаюсь ничего доказать.»

Ранчеро несли винтовки. Трое из бойцов Фалькенберга тоже. Двое других несли средства связи, а сержант Грушка автомат. Это казалось жалко малыми силами для оспаривания территории у ковнантских хайландеров.

Они прошли аванпосты и двинулись в лощину между холмами. В безмолвии ночи Гленда Рут чувствовала себя совершенно одинокой. Она гадала, чувствовали ли это и другие. «А что насчет наемников? — думала она.— Они, во всяком случае, были тут не одни. Они были с товарищами, делившими с ними еду и бункера.»

Пока был жив хоть один из бойцов Фалькенберга, будет кому позаботиться о пропавших. А их заботят другие бойцы, сказала она себе.

Главстаршина Кальвин, с его грубоватым отстранением от себя сообщений о потерях: «Ба, еще один солдат»,— сказал он, когда ему сообщили о старом товарище, павшем в бою с танками. Эти мужчины...

Она попыталась представить себе мысли наемного солдата, но это было невозможно. Они были слишком чужими.

Был ли Фалькенберг подобен остальным?

Они были почти в километре от линии фронта, когда она нашла узкую лощину глубиной в два метра. Она извивалась вниз по склону вдоль подходов к оставшимся позади аванпостам, и любые наступающие войска, атаковавшие ее участок, должны были пройти мимо нее. Она сделала бойцам знак окапываться.

Ждать труднее всего. Ранчеро постоянно двигались кругом и ей пришлось проползти вдоль лощины, и шепотом велеть им не шуметь. Часы тянулись один за другим. Каждый — мука ожидания. Она взглянула на часы и увидела, что с тех пор, как она смотрела на них последний раз, не прошло никакого времени, и твердо решила не смотреть на них полные пятнадцать минут.

После того, что казалось пятнадцатью минутами, она ждала то, что наверняка было еще десятью, затем посмотрела и увидела, что в целом прошло только одиннадцать минут. Она в отвращении обратилась к пялению глаз в ночь, щурясь на формирующиеся силуэты, силуэты, которые не могли быть реальными.

«Почему же я все время думаю о Фалькенберге? И почему же я называю его по имени?» Его вид во сне тоже продолжал преследовать ее. В свете звезд она почти могла видеть вновь миниатюрные фигуры. В ее ушах звенели равнодушные приказы Фалькенберга: «Этого убить. Этого сослать в рудники». Он мог бы это сделать, подумала она. Он мог бы... К миниатюрным присоединились фигуры побольше — в боевых доспехах. С неожиданным осенением она поняла, что они были реальными. Ниже ее, в лощине, стояли, не двигаясь, двое солдат.

Она коснулась сержанта Грушки и показала. Солдат внимательно посмотрел и кивнул. Пока они следили, к паре разведчиков присоединились новые фигуры, пока в складке холма, в двухстах метрах от них не оказалось около пятидесяти солдат. Они были слишком далеко, чтобы оружие ее отряда произвело большой эффект, и по лощине шепотом поползла команда Грушки, велевшего бойцам оставаться неподвижными и не шуметь.

Группа продолжала расти. Она не могла видеть их всех, и, поскольку она могла насчитать почти сотню, то, должно быть, наблюдала место сбора целой роты. Были ли они страшными хайландерами? Пришли незванные воспоминания о поражении ее отца и она отмахнулась от них. Они были всего лишь наймитами — но они сражались ради славы, и этого было как-то достаточно, чтобы сделать их ужасающими. После долгого ожидания неприятель начал двигаться к ней. Они построились клином, с острием, нацеленным почти прямо на ее позицию, и она принялась искать концы построения. То, что она увидела, заставило ее ахнуть.

В четырехстах метрах от нее была еще одна рота солдат в двойной цепи. Они бесшумно и быстро двигались вверх по холму и ведущие части были уже далеко за ее спиной. Она лихорадочно посмотрела направо, фокусируя большой электронный светоусилительный бинокль, и увидела в полукилометре еще одну роту солдат. Прямо на ее холм двигался полный батальон хайландеров, построенный в виде перевернутой «М», и группа перед ней была связующим звеном, соединившим атакующие колонны. Через несколько минут они окажутся перед ранчеро на линии обороны.

И все же она ждала. Она выкрикнула приказ:

— ОГОНЬ! Прямо по ним!

С обоих концов ее лощины застрекотало автоматическое оружие наемников, затем к их огню присоединились ее стрелки. Острие было срезано до одного, и сержант Грушка направил огонь на основные силы, в то время, как Гленда Рут крикнула в коммуникатор.

Была мгновенная задержка, показавшаяся годами.

— Огонь по Дяде Четыре!

Еще одна долгая пауза.

— На пути,— ответил ровный голос.

Она подумала, что он походил на фалькенберговский, но была слишком занята, чтобы это выяснять.

— Сообщаю,— доложила она.— По меньшей мере, один батальон легкой пехоты наступает атакующими колоннами на высоту 004 по гребням Дяди Зебры.

— Они смещаются налево.

Она подняла взгляд и увидела Грушку. Сержант показывал на роту перед ее позицией. Мелкие узелки солдат отползли вправо. Они прижимались к земле и были видны только секунду.

— Переместить несколько бойцов в тот конец лощины,— приказала она. Было слишком поздно смещать артиллерийский огонь. В любом случае, если хайландеры когда-нибудь доберутся до верха гребня, ранчеро их не удержат. Она затаила дыхание и ждала.

Раздался свист подлетающих снарядов, затем ночь осветилась яркими вспышками. Снаряды падали среди отдаленного врага на левом фланге.

— Сыпь подальше,— крикнула она в коммуникатор.— В яблочко!

— Верно. На пути.

Она была уверена, что отвечает сам Фалькенберг. И по-кошачьи усмехнулась в темноту. Что делал полковник в качестве телефонного связного? Беспокоился ли он за нее? Она почти рассмеялась над этой мыслью. Конечно, беспокоился, без нее будет трудно управлять ранчеро.

Гребень сверху изрыгал огонь.

К молотящей левую атакующую колонну артиллерии присоединились минометы и гранаты. Гленда Рут остановилась изучить критическую обстановку справа. Атакующие силы в пятистах метрах были нетронуты и продолжали наступать к вершине гребня. Дело будет сложным.

Она позволила артиллерии еще пять минут держаться своей цели в то время, как ее стрелки занимались ротой перед ней. Затем она снова взяла рацию. Колонна справа почти достигла гребня, и она гадала, не слишком ли долго ждала.

— Батарея. Огонь по Зебре Девять.

— Зебра Девять,— ответил лишенный эмоций голос. Возникла задержка, а затем: —На пути.

Огонь почти немедленно перенесся с левого фланга и спустя две минуты начал обрушиваться в пятистах метрах направо.

— Они обходят нас с флангов, мисс,— доложил сержант Грушка.

Она была так занята корректировкой огня артиллерии по атакам вдоль линии огня, что действительно забыла о своих двадцати бойцах, завязавших перестрелку с почти сотней врагов.

— Мы отступим? — спросил Грушка.

Она пыталась думать, но это было невозможно в этой сумятице и шуме. Атакующие колонны все еще продвигались вперед, и у нее была единственная группа, которая могла наблюдать всю атаку. Надо было учитывать каждый драгоценный снаряд.

— Нет. Мы будем держаться здесь.

— Верно, мисс,— сержант, казалось, наслаждался. Он переместился направлять автоматный и винтовочный огонь.

— Сколь долго они смогут продержаться? — гадала Гленда Рут.

Она позволила артиллерии двадцать минут молотить атакующие силы справа. К тому времени хайландеры почти окружили ее и были готовы атаковать с тыла. Она молитвенно подняла рацию снова.

— Батарея. Дайте мне все, что сможете, по Джеку Пять. И ради Бога, не дальше. Мы на Джеке Шесть.

— Огонь по Джеку Пять,— медленно подтвердил голос. Возникла пауза.— На пути.

Это были самые прекрасные слова, когда-либо слышанные ею.

Теперь они ждали. Хайландеры поднялись в атаку. Ночь наполнили дикие звуки. «Боже мой, волынка»,— подумала она. Но даже когда пехота двинулась вперед, волынка заглушила свист снарядов. Гленда Рут нырнула на дно лощины и увидела, что остальные ее бойцы сделали то же самое.

Мир взорвался звуками. Миллион несущихся с огромной скоростью крошечных осколков заполнил ночь смертью. Она осторожно подняла маленький перископ и огляделась.

Рота хайландеров растворилась. Снаряды падали среди убитых, снова и снова разрывая их на куски, когда среди них падали снаряды с радарными взрывателями. Гленда Рут сглотнула и повела перископом вокруг. Левая атакующая колонна перестроилась и снова разворачивалась атаковать гребень.

— Огонь по Дяде Четыре,— тихо произнесла она.

— Неразборчиво.

— ОГОНЬ ПО ДЯДЕ ЧЕТЫРЕ!

— Дядя Четыре. На пути.— Как только огонь позади них прекратился, ее бойцы вернулись на край лощины и возобновили стрельбу, но звуки начинали замирать.

— У нас теперь подходят к концу боеприпасы, мисс,— доложил Грушка.— Можно мне воспользоваться вашими запасными магазинами?

С неожиданной пораженностью она поняла, что не сделала ни

одного выстрела.

Ночь кончалась. Когда бы неприятель не выстраивался атаковать ее позиции, его разрубал на части безжалостный огонь артиллерии. Однажды она попросила полный огневой вал повсюду вокруг своей лощины — к тому времени у бойцов было по три патрона на винтовки, а для автоматического оружия — совсем ничего. Голос без эмоций просто ответил: «На пути».

За час до рассвета на холме ничего не двигалось.

20

Тонкие ноты военной трубы прозвучали над голыми холмами ущелья. Гребни холмов к востоку от боевой линии Фалькенберга лежали мертвые, листва на них была в клочья изрублена осколками снарядов, сама земля превращена в лоскутное одеяло из воронок, частично заваленных мертвецами. Через ущелье дул холодный ветер, но он не мог рассеять запахов нитроглицерина и смерти.

Вновь прозвучала труба. Бинокль Фалькенберга показал трех безоружных офицеров Хайландеров с белым флагом. Одного поручика отправили встретить их, и молодой офицер вернулся, ведя Хайландерского майора с повязкой на глазах.

— Майор Мак-Рей, Четвертый Ковнантский пехотный полк.— Представился он, когда повязка была снята. Он сощурился от яркого света в бункере.— Вы будете полковник Фалькенберг?

— Да. Что мы можем для вас сделать, майор?

— У меня есть приказ предложить перемирие для погребения убитых. Двадцать часов, полковник, если вы на это согласны.

— Нет. Четыре дня и ночи — сто шестьдесят часов, майор,— ответил предложением Фалькенберг.

— Сто шестьдесят часов, полковник? — Дородный Хайландер подозрительно поглядел на Фалькенберга.— Вам нужно это время для завершения оборонительных укреплений?

— Наверно. Но двадцать часов — недостаточный срок для передачи раненых. Я верну всех ваших — под честное слово, конечно. Не секрет, что у меня не хватает медикаментов, и они получат лучшую заботу от ваших собственных хирургов.

Лицо Хайландера ничего не показывало, но он помолчал.

— Вы не скажете, сколько там будет? — он замолк еще на миг. Затем добавил:— Установленный вами срок в пределах моих полномочий, полковник.— Он протянул объемистую сумку.— Мои полномочия и инструкции. То была кровавая битва, полковник.— Сколько моих ребят вы убили?

Фалькенберг и Рут переглянулись.

Есть узы между теми, кто участвовал в бою, и они могут включать и тех, кто с противной стороны. Ковнантский офицер стоял невозмутимо, неготовый сказать больше, но его глаза умоляли их.

— Мы насчитали четыреста девять тел, майор,— мягко сказала ему Гленда Рут.— Она посмотрела на Фалькенберга и тот кивнул.— ... мы принесли еще триста семьдесят раненых.

Обычное соотношение в бою: «четыре раненых на одного убитого», в той атаке, должно быть, вышли из строя почти тысяча бойцов в своих усилиях вытащить убитых и раненых.

— Меньше четырехсот,— печально произнес майор. Он вытянулся по стойке «смирно».— Прикажите своим солдатам как следует осмотреть местность, полковник. Там есть еще и другие мои ребята.— Он отдал честь и подождал, пока ему снова завяжут глаза.— Благодарю вас, полковник.

Когда офицера-наемника увели, Фалькенберг с грустной улыбкой обернулся к Гленде Рут.

— Попытайся подкупить его деньгами. Он бы вызвал меня на дуэль, но когда я предложил ему вернуть солдат...— Он печально покачал головой.

— Они действительно сдались? — спросила Гленда Рут.

— Да. Перемирие кончает дело. Их единственный шанс был прорваться, прежде чем мы подтянем еще боеприпасы и резервы, и они знают это.

— Но почему? В последнюю революцию они наводили такой страх, а теперь... Почему?

— Это-то и есть слабость наемников.— Четко разъяснил Фалькенберг.— Плоды победы принадлежат нашим нанимателям, а не нам. Гридланд не может потерять свои танки, а Ковнант не может потерять своих солдат, иначе им нечего будет продавать.

— Но они не дрались раньше!

— Разумеется, в текучем маневренном бою. Фронтальная атака всегда была самым дорогостоящим видом боя. Они попытались силой преодолеть перевал, а мы их честно отбили. Честь удовлетворена. Теперь Конфедерации придется приводить собственные регулярные войска, если она захочет силой проломить путь через ущелье. Я не думаю, что она станет так вот разбрасываться солдатами, и в любом случае это требует времени. В то же время нам надо отправиться в Алланспорт и заняться кризисом.

— Что там случилось? — Спросила она.

— Вот это пришло полковым кодом сегодня утром.— Он протянул ей тонкое сообщение:

«Фалькенбергу от Свободы: армия патриотов грабит алланспорт тчк Просьба организовать следственную комиссию расследовать возможные нарушения законов войны ТЧК Для меня крайне нежелательно выполнить ваш приказ присоединиться к полку ТЧК Действия Армии Патриотов провоцируют саботаж и бунт среди горожан и

горняков ТЧК Для удержания граждан города в повиновении могут потребоваться мои силы безопасности ТЧК Жду ваших приказаний ТЧК Уважением Антон Свобода ТЧК Конец послания».

Она дважды перечла его.

— Боже мой, полковник,— что там происходит?

— Не знаю,— мрачно сказал он.— Я намерен выяснить. Вы бы отправились со мной как представитель Союза Патриотов?

— Конечно. Но не следует ли нам послать за Говардом Баннинстером? Совет избрал его президентом.

— Если он нам понадобится, мы его достанем. Главстаршина!

— Сэр!

— Положите вещи мисс Хортон в бронетранспортер вместе с моими. Я возьму в Алланспорт взвод Штабного караула.

— Сэр. Полковник, я вам там понадоблюсь.

— Да? Я полагаю, что так, старшина. Погружайте свое снаряжение.

— Сэр.

— Оно, конечно, по всей вероятности уже там. Едем.

Бронетранспортер отвез их на небольшой аэродром, где ждал реактивный самолет. Он был одним из сорока имевшихся на планете, и способен был перевозить сотню солдат, но он сжигал горючее, необходимое для доставки боеприпасов. Пока не будут обеспечены нефтяные поля в Доукс Ферри, это было горючее, едва ли для них позволительное.

Самолет летел над районами, удерживаемыми Патриотами, держась подальше от оставшихся к западу от Ущелья изолированных укрепленных пунктов конфедератов.

Самолет имел мало шансов уцелеть в боевом окружении, когда любой пехотинец мог таскать самонаводящиеся ракеты, в то время, как грузовики могли перевозить оборудование для нейтрализации самолетных контрмер.

Они пересекли Колумбийскую долину и свернули на юго-запад, чтобы избежать Престон Бея, где после падения главной крепости оставались очаги конфедератов.

— Вы ведь делаете то же самое, не так ли? — сказала вдруг Гленда Рут.— Когда мы атаковали Престон Бей, вы позволили моим людям нести потери.

Фалькенберг кивнул.

— По двум причинам. Мне также неохота терять людей, как и Хайландерам — и без полка вы и тысячи часов бы не удержали район Патриотов. Мы нужны вам как нетронутые силы, а не куча трупов.

— Да.— Это было достаточно верно, но в атаке-то погибли ее друзья. Будет ли исход стоить того? Позволит ли Фалькенберг ему стоить того?

Капитан Свобода встретил их на Алланспортском аэродроме.

Рад вас видеть, сэр. В городе весьма плохо.

— Что именно произошло, капитан? Свобода критически посмотрел на Гленду Рут.

— Докладывайте.

— Да, сэр. Когда прибыл временный губернатор, я как приказано сдал ему управление городом. В то время полуостров был умиротворен, по большей части благодаря усилиям мэра Гастингса, желающего избежать повреждений городу. Он считает, что Франклин пришлет с родной планеты крупную армию и говорит, что не видит никакого смысла допускать гибель лоялистов и сожжение города из-за сопротивления, которое в любом случае не изменит окончательного исхода событий.

— Бедный Роджер, он всегда пытается быть разумным и это никогда ему не удается.— сказала Гленда Рут.— Но войска Франклин пришлет.

— Возможно,— ответил Фалькенберг.— Но им потребуется время, чтобы мобилизовать и организовать транспорт. Продолжайте, капитан Свобода.

— Сэр. Губернатор издал список лиц, чья собственность подлежит конфискации. Словно этого было достаточно, он сказал своим солдатам, что если они найдут какое-нибудь конфедератское государственное имущество, то они могут иметь его за полцены. Результат вы увидите, когда попадете в город, полковник. Были грабежи и пожары, которые мои силы безопасности и местные пожарники только едва-едва сумели контролировать.

— О, господи,— пробормотала Гленда Рут.— Почему?

Свобода скривил губы.

— Грабители часто это делают, мисс Хортон. Нельзя позволить солдатам грабить город и не ожидать повреждений. Исход был предрешен, полковник. Многие граждане подались в город, особенно горняки. Они отбили несколько горняцких поселков.

Капитан Свобода беспомощно пожал плечами.

— Железная дорога перерезана. Сам город в безопасности, но не могу сказать, сколь на долго. Вы оставили мне сто пятьдесят солдат для управления одиннадцатью тысячами человек, что я и делал с помощью заложников. Губернатор привел еще девяносто солдат, но и этого не достаточно, чтобы править на их лад. Он запросил у Престон Бея еще солдат.

— Именно оттуда и явилась первая группа? — спросила Гленда Рут.

— Да, мисс. Во всяком случае, многие из них.

— Тогда это понятно, если не извинительно, полковник,— сказала она.— Многие ранчо на Форд Хайте были сожжены лоялистами в первую революцию. Я полагаю, они думают, что расплачиваются с лоялистами.

Фалькенберг кивнул.

— Главстаршина.

— Сэр.

— Караулу одеть боевые доспехи и разобрать боевое оружие.

Капитан, мы собираемся нанести визит вашему временному губернатору. Поднимайте своих людей.

— Полковник,— запротестовала Гленда Рут.— Что вы собираетесь делать?

— Мисс Хортон, я оставил неповрежденный город, который теперь гнездо оппозиции. Я хотел бы знать, почему. Идемте, Свобода.

Муниципалитет стоял невредимый среди выжженных улиц. Город пах паленым деревом и смертью, словно в самом его центре произошел крупный бой. Фалькенберг сидел с равнодушным лицом, в то время как Гленда Рут глядела не веря своим лазам на то, что было богатейшим городом за пределами столичной области.

— Я пытался, полковник,— глухо говорил Свобода. И все равно он винил себя.— Мне пришлось бы стрелять в патриотов и арестовать губернатора. Связи с вами не было, а без приказа я не хотел брать на себя такой ответственности. Мне следовало, сэр?

Фалькенберг не ответил. Возможные нарушения контрактов с наемниками всегда были деликатными ситуациями. Наконец он произнес:

— Я едва ли могу винить вас за нежелание вовлекать полк в войну с нашими нанимателями.

Караульные из иррегулярных сил Патриотов в муниципалитете запротестовали, когда Фалькенберг строевым шагом проследовал к кабинету губернатора. Они попытались было загородить дорогу, но когда увидели его сорок караульных в боевых доспехах, посторонились.

Губернатор был широкоплечим бывшим ранчеро, преуспевшим в спекуляции продуктами. Он был умелым коммивояжером, мастером дружески сжать локоть и похлопать по плечу, сказать несколько набожных слов в нужных местах, но не имел никакого опыта военного командования. Он нервно взглянул на главстаршину Кальвина и караульных с мрачными лицами перед его кабинетом, когда Гленда Рут представила Фалькенберга.

— Губернатор Джек Силана,— сказала она.— Губернатор был активен в первую революцию и без его финансовой помощи мы никогда не смогли бы оплатить ваш проезд сюда, полковник.

— Понятно.— Фалькенберг игнорировал протянутую руку губернатора.— Вы уполномочили новые грабежи, губернатор? Я вижу, некоторые все еще продолжаются.

— Наши наемники получили все налоговые деньги,— возразил Силана. Он попытался улыбнуться.— Мои войска разоряются, платя вам. Почему же федерашкам не внести свой вклад в войну? В любом случае настоящая беда началась, когда она девчонка из города оскорбила моего солдата. Тот ее ударил. Вмешались несколько горожан, а его товарищи пришли на помощь. Началась драка и кто-то вызвал гарнизон прекратить ее...

— И вы потеряли контроль,— заключил Фалькенберг.

— Эти предатели получили не больше, чем заслужили. Не ду-

майте, что они не грабили города, когда победили, полковник. Эти солдаты видели сожженные ранчо, и они знают, что Алланспорт — гнездо предателей — федерашек.

— Понятно.— Фалькенберг повернулся к своему прохвосту.— Капитан, вы передали формально контроль губернатору Силане прежде, чем это случилось?

— Да, сэр. Как было приказано.

— Тогда это не забота полка. Были вовлечены какие-либо из наших солдат?

Свобода несчастно кивнул.

— У меня под арестом семеро солдат и сержант, сэр. Шестеро других я лично передал дисциплинированному суду.

— Какие обвинения вы выдвигаете против них? — Некогда Фалькенберг лично повысил этого сержанта. Была у этого человека жилка садиста, но он был хорошим солдатом.

— Грабеж. Пьянство на боевом посту. Воровство. И вредное поведение.

— А другие?

— Три изнасилования, четыре крупные кражи и одно убийство. Их держат для суда. У меня также просьба провести расследование моих действий, как командира.

— Удовлетворен. Главстаршина.

— Сэр!

— Возьмите арестованных и созывайте общий суд. Какие у нас есть офицеры для следствия?

— Капитан Гринвуд признан хирургом годным только для легкой службы, сэр.

— Превосходно. Пусть он проведет формальное расследование действий капитана Свободы по управлению городом.

— Сэр.

— Что случится с этими людьми? — спросила Гленда Рут.

— Насильники и убийца, если их признают виновными, будут повешены. Остальным — штрафная рота.

— Вы повесите собственных солдат? — спросила она. Она явно этому не верила, что выдавал ее голос.

— Я не могу допустить гнили в моем полку, — отрезал Фалькенберг.— В любом случае Конфедерация подаст протест Кодоминиуму о нарушении Законов Войны.

Губернатор Силана рассмеялся.

— Мы в последнюю революцию протестовали достаточно часто и из этого ничего не вышло. Я думаю, мы можем этим рискнуть.

— Наверное. Я так понял, что вы ничего не станете предпринимать?

— Я издам приказ прекратить грабежи.

— Разве вы еще этого не сделали?

— Ну, да полковник. Но бойцы, они, вроде, как взбесились

теперь.

— Я думаю. Если это не прекратили прежние приказы, новые этого не сделают. Вам придется наказывать нарушителей. Вы станете?

— Будь я проклят, если буду вешать собственных солдат, чтобы защитить предателей!

— Понятно. Губернатор, как вы намерены умиротворить эту область?

— Я послал за подкреплением...

— Да. Благодарю вас. С вашего позволения, губернатор, у нас с мисс Хортон есть одно дело.— Он вытолкнул Гленду Рут из кабинета.— Главстаршина, приведите мэра Гастингса и полковника Ардуэя в кабинет капитана Свободы.

— Они расстреляли полковника Ардуэя,— сказал Свобода.— Мэр в тюрьме.

— В тюрьме? — произнес словно про себя Фалькенберг.

— Да, сэр. Я держал заложников в отеле, но губернатор Силана...

— Понятно, выполняйте, старшина.

— Сэр.

— Чего вы теперь хотите, проклятый ублюдок? — спрашивал Гастингс десять минут спустя. Мэр был изможден, с острейшей щетиной, и его лицо и руки демонстрировали грязь заключения без надлежащего гигиенического оборудования.

— Не все сразу, мистер мэр. Какие-нибудь трудности, главстаршина?

Кальвин усмехнулся.

— Немного, сэр. Офицер не захотел иметь никаких проблем с караулом. Полковник, они распихали всех заложников по камерам.

— Что вы сделали с моей женой и детьми? — лихорадочно потребовал Роджер Гастингс.— Я много дней ничего не слышал о них

Фалькенберг вопросительно посмотрел на Свободу, но тот только помотал головой.

— Повидайте семью мэра, главстаршина. Приведите 453п $%%^$%#$%.

— Если бы вы не взяли этот город...

— Это была законная военная операция. У вас есть обвинения против моих солдат?

— Откуда я знаю? — Гастингс почувствовал слабость. Его много дней не кормили как следует и его мутило от беспокойства за семью. Опершись на стол, он в первый раз увидел Гленду Рут.— И вы тоже, да?

— Это было не моим делом, Роджер.— Он чуть было не стал ей свекром. Она гадала, где-то теперь был лейтенант Харли Гастингс. Хотя она давным-давно разорвала их помолвку, разногласия у них были, по большей части политические, и они все еще оставались друзьями.— Я сожалею.

— Это было твоим делом. Твоим и ваших проклятых мятежников.

О, разумеется, тебе не нравится сжигать города и убивать штатских, но это все равно случается — а войну начали вы. Вы не сможете снять с себя ответственность.

— Мистер, мэр,— перебил его Фалькенберг.— У нас еще есть, все еще, общие интересы. Этот полуостров выращивает мало пищи и без снабжения ваш народ не сможет выжить. Мне говорили, что в беспорядке было убито свыше тысячи человек, и почти столько же находятся в горах. Вы можете пустить в действие автоматизированные фабрики и сталеплавильные заводы с тем, что оставалось?

— После всего, вы ожидаете, что я...— я не хрена не стану для вас делать, Фалькенберг!

— Я не спрашивал, станете ли вы, можно ли это сделать.

— А какая разница?

— Я сомневаюсь, что вы хотите увидеть, как остальные ваши сограждане умирают с голоду, мистер мэр. Капитан, возьмите мэра в своей штаб и предоставьте ему возможность привести себя в порядок. К тому времени, когда вы это сделаете, главстаршина Кальвин узнает, что случилось с его семьей.— Фалькенберг кивнул, разрешая уйти и повернулся к Гленде Рут.— Ну, мисс Хортон? Вы увидели достаточно?

— Не понимаю.

— Я прошу вас сместить Силану с его поста и вернуть управление городом полку. Вы сделаете это?

«Господи боже!— подумала она.— У меня нет полномочий.»

— У вас большое влияние в армии Патриотов, чем у всех прочих. Совету это не может понравиться, но от вас он это стерпит. В то же время, я посылаю за саперами, чтобы отстроить город и пустить в ход сталелитейные заводы.

Все движется так быстро. Даже Джошуа Хортон не заставлял так быстро вращаться колеса, как этот человек.

— Полковник, что у вас за интерес в Алланспорте?

— Это единственный контролируемый нами промышленный район. Снабжения военными припасами с других планет больше не будет. Мы держим все, западнее Темблор. Долина реки Метсон восстала в поддержку революции и мы скоро ее заполучим. Мы можем последовать вниз по течению Метсона до Ванкувера и взять его, а потом?

— Да, ясно, а потом мы возьмем столицу. Революция окончена!

— Нет! Именно такую ошибку вы и сделали в прошлый раз. Вы действительно думаете, что ваши фермеры, даже с помощью Сорок второго, смогут переместиться на ровную, изрезанную дорогами территорию и сражаться в заранее подготовленных боях? При таких условиях у вас нет шансов.

— Но...— Он был прав. Она всегда это знала. Когда они нанесли в ущелье поражение Фридландцам, она осмелилась надеяться, но столичные равнины — это не ущелье Хильер.— Так, значит, возврат

к войне на истощение сил?

Фалькенберг кивнул.

— Мы ведь держим все сельскохозяйственные районы. Конфедераты начнут ощущать нехватку продуктов достаточно скоро. В то же время, мы изрядно потрепали их. Франклину придется махнуть на нас рукой — нет выгоды сохранять колонии, которые стоят денег. Они могут попытаться высадить армию с родной планеты, но они не захватят нас врасплох и у них нет такой большой армии. В конечном итоге мы измотаем их.

Она печально кивнула. Значит, в конце концов, это будет долгая война, и ей придется участвовать в ней, всегда набирать новые войска, когда ранчеро начнут опять расходиться по домам — будет достаточно тяжело удержать то, что у них есть, когда народ поймет, что его ожидает.

— Но как же вы станете платить своим солдатам в долгой войне?

— Наверно, вам придется действовать без нас.

— Вы ведь знаете, что мы не сможем. И всегда это знали.

— Чего вы хотите?

— Прямо сейчас я хочу, чтобы сместили Силану, немедленно.

— Что за спешка? Как вы говорите, война будет долгой.

— Она будет еще дольше, если сожгут этот город.— Он чуть было не сказал ей больше и обругал себя за слабость искушения. Она была всего лишь девушкой, а он знал их тысячи с тех пор, как Грейс покинула его все эти долгие годы назад. Брачными узами этого не объяснить, он знал и других девушек, бывших компетентными офицерами, многие из них — так почему же у него вообще возникло искушение.— Так. Сожалею,— грубовато сказал он.— Но я должен настаивать.— Как вы говорите, вы не сможете действовать без нас.

Гленда Ру выросла среди политиков и четыре года сама была революционным лидером. Она поняла, что мир фалькенбергского колебания был важен, и что ей некогда выяснять, что он означал.

Что скрывалось под этой маской? Не был ли там человек, принимавший все три стремительных решения? Фалькенберг доминировал в каждой ситуации, куда попадал, а подобный человек хотел больше, чем денег. Ее все еще преследовало видение Фалькенберга, сидящего за столом, оглашая судьбу ее людей.

И все же. Тут было большее. Воин-вождь воинов, завоевавший поклонение необразованных рядовых — а также людей вроде Джемери Сэвиджа. Она никогда не встречала никого, подобного ему.

— Я это сделаю.— Она улыбнулась, и пройдя через комнату, встала рядом с ним.— Не знаю, почему, но я это сделаю. У вас есть какие-нибудь друзья, Джон Кристиан Фалькенберг?

Вопрос его поразил. Он автоматически ответил:

— Нет. У командующего не может быть друзей, мисс Хортон.

Она снова улыбнулась.

— У вас теперь есть один. При одном условии. Отныне вы будете

меня называть Гленда Рут. Хорошо?

На лице солдата появилась странная улыбка. Он, явно позабавленный, рассматривал ее, но было также и еще что-то.

— Из этого, знаете ли, ничего не выйдет.

— Что не выйдет?

— Что вы там ни пытаетесь сделать. Как и на мне, на вас лежит ответственность командующего. Это обрекает на одиночество и вам это не нравится. Причина, по которой у командующего нет друзей, Гленда Рут, не для того лишь, чтобы избавить командира от боли, посылая своих друзей на смерть. Если ты не усвоила остальное, усвой сейчас, потому что в один прекрасный день тебе придется либо предать своих друзей, либо свое командирство, а такого выбора следует избегать.

Что я делаю? Пытаюсь ли я защитить революцию, стараясь познакомиться с ним получше, или он прав, у меня тоже нет друзей, и он — единственный встреченный мною мужчина, который мог бы быть... Она дала этой мысли растаять и на короткий миг дотронулась до его руки ладонью.

— Давай отправимся уведомить губернатора Силану, Джон Кристиан. И позволь девочке самой беспокоиться о своих эмоциях, ладно? Она знает, что делает.

Он стоял рядом с ней. Они находились очень близко друг от друга и на миг ей подумалось, что он собирается поцеловать ее.

— Нет. Ты не знаешь.

Она хотела ответить, но он уже покидал комнату и ей пришлось поспешить догонять его.

21

— А я говорю, что предатели-конфедерашки получили то, что заслужили! — крикнул Джек Силана.

Раздался рокот одобрения со стороны делегатов и открытые крики в поддержку с открытых трибун спортзала.

— Я питаю большое уважение к Гленде Рут, но она не старый Джошуа. Ее действия о снятии меня с поста, данного Президентом Баннистером, были никем не уполномочены. Я требую, чтобы совет отрекся от них.

Раздавались новые аплодисменты и Джек Силана занял свое место.

С минуту Гленда Рут оставалась на своем месте. Она внимательно оглядела каждого из тридцати мужчин и женщин за столом в виде подковы, пытаясь прикинуть, сколько у нее будет голосов. Не большинство, разумеется, но наверное, с дюжину. Ей придется

убедить не больше трех-четырех покинуть фракцию Баннистера Силаны, но что потом? Возглавляемый сю блок был не более тверд, чем коалиция Баннистера. Кто же, все-таки, правит Свободными Штатами?

Перед столом Совета в спортзале сидели и другие люди. Это были свидетели, но их размещения в фокусе внимания Совета придавало сцене такой вид, словно Фалькенберг и его невозмутимые офицеры могли находиться на скамье подсудимых. Мэр Гастингс сидел вместе с Фалькенбергом и иллюзия усиливалась следами, полученного им жестокого обращения. Некоторые из его друзей выглядели даже хуже.

Позади свидетелей зрители болтали между собой, словно это был баскетбольный матч, а не торжественное заседание высших властей трех четвертей Нового Вашингтона. Спортзал, в любом случае, казался не очень-то достойным местом для заседания, но в крепости Астория не было зала просторней.

Наконец она встала.

— Да, я — не мой отец,— начала она.— Он расстрелял бы Джека Силану за его действия!

— Дай им, Гленда Рут! — крикнул кто-то с балкона.

Говард Баннистер в удивлении поднял взгляд.

— Мы наведем здесь порядок!

— Засохни, Престон-Вейский ублюдок,— ответил тот же голос.

К пожилому ранчеро присоединился кто-то в партере.

— Верно, черт возьми, Форт Хайтс не управляет долиной.— На это раздались одобрительные крики.

— К порядку! К порядку! — Команды Баннистера заглушили крики, когда техники включили усилители на полную мощность.— Мисс Хортон, вам слово.

— Благодарю вас. Я пытаюсь сказать, что мы начали эту революцию не для того, чтобы уничтожить Новый Вашингтон! Нам придется жить вместе с лоялистами, когда война закончится, и...

— Федераха. Она была обручена с солдатом-федиком.

— Заткнись и дай ей сказать!

— К порядку! К порядку!

Фалькенберг сидел не шевелясь, когда зал вернулся к порядку и Гленда Рут попыталась заговорить вновь.

— Чертовски шумная компания,— пробормотал Джереми Сэвидж.

Фалькенберг пожал плечами.

— Победа делает такое с политиками.

Гленда Рут описала обстановку, увиденную ею в Алланспорте. Она рассказала о выгоревшем городе, о загнанных в камеры заложниках.

— Так и надо этим федерахам! — перебил кто-то, но она сумела продолжить, прежде чем смогли ответить ее сторонники.

— Разумеется, они лоялисты. Как и свыше трети народа на кон-

тролируемой нами территории. В столице лоялистов большинство. Разве поможешь делу, если мы будем здесь преследовать их друзей?

— Нам никогда не взять столицы при таких методах войны... Верно, черт возьми!.. Время двинуться на федерашек... Послать туда наемников, пусть отрабатывают налоги, которые мы платим!

На этот раз Баннистер приложил мало усилий для успокоения толпы. Они говорили то, что он предлагал Совету, и одной из причин его поддержки Силаны было то, что он нуждался в согласии с ним коммерческого блока губернатора по военному вопросу. После того, как толпа вдосталь наоралась о возобновлении войны, Баннистер воспользовался микрофоном для восстановления порядка и позволил Гленде Рут говорить.

Совет сделал перерыв на день так и ничего не решив. Фалькенберг дождался Гленду Рут и вышел вместе с ней.

— Я рада, что мы сегодня не голосовали,— сказала она ему.— Не думаю, чтобы мы выиграли.

— Шумные ребята,— снова заметил майор Сэвидж.

— Демократия в действии.— Холодно разъяснил Фалькенберг.

— Что вам нужно, чтобы убедить Совет, что Силана не годится в губернаторы?

— Настоящий вопрос не в том, Джон,— ответила она.— Речь идет о войне. Никто не удовлетворен тем, как она ведется.

— А я думал, что мы действуем великолепно,— огрызнулся Сэвидж.— Последняя вылазка Конфедератов в Мэтсоне, как и запланировано, попала в нашу засаду.

— Да, это было блестяще,— согласилась Гленда Рут.

— Едва ли. Это было единственно возможное направление атаки,— ответил Фалькенберг.— Вы что-то очень притихли, мэр Гастингс.

Они покинули спортзал и шли через плац к принадлежавшим фридландцам и казармам. Теперь их занимали войска Фалькенберга и они держали алланспортских заложников при себе.

— Я боюсь этого голосования,— сказал Гастингс.— Если они пришлют Силану обратно, мы потеряем все.

— Так поддержите меня! — отрезал Фалькенберг.— Мои механики уже привели автоматизированные фабрики и заводы в разумно годное состояние. С некоторой помощью от нас они снова заработают. Тогда у меня будут реальные аргументы против политики Силаны.

— Но это же измена,— возразил Гастингс.— Нам нужна промышленность Алланспорта для военных целей. Полковник, это плохой способ благодарить вас за спасение моей семьи от этого мятежника, но я не могу этого сделать.

— Я полагаю, что вас спасет чудо? — спросил Фалькенберг.

— Нет. Но что случится, если вы победите? Долго ли вы будете оставаться на полуострове Рейни? В один прекрасный день там ока-

жутся люди Баннистера — полковник, мой единственный шанс в том, что Конфедерация приведет франклинские войска и раздавит вас всех!

— И вами будут править с Франклина,— указала Гленда Рут.— Они не дадут вам столько самоуправления, как в прошлый раз.

— Знаю,— ответил с горечью Роджер.— Но что я могу поделать? Этот бунт разрушил наши наилучшие планы. Со временем Франклин мог стать поразумнее — я собирался хорошо править для всех. Но вы это прикончили.

— Не все Франклинские солдаты были похожи на вас, Роджер.— Возразила Гленда Рут.— И не забывайте о их военной политике! Они бы втянули нас в свои замыслы, и в конечном счете, мы дрались бы с самим Кодоминиумом. Полковник Фалькенберг может рассказать вам на что это похоже — быть жертвой карательной экспедиции КД!

— Господи! Я просто не знаю, что делать? — сказал несчастный Роджер.

Фалькенберг пробурчал что-то неуловленное другими, а затем сказал:

— Гленда Рут, если вы извините меня, нам с майором Сэвиджем надо обсудить административные дела. Я был бы рад, если бы вы присоединились ко мне на обеде в офицерской столовой в двенадцать ноль-ноль.

— Ну, разумеется, спасибо, Джек. Я хотела бы, но я должна повидаться сегодня вечером с другими делегатами. Может быть, мы сумеем выиграть завтра это голосование.

Фалькенберг пожал плечами.

— Я в этом сомневаюсь. Если вы не сможете его выиграть, то, может, сможете его задержать?

— На несколько дней, наверное. А что?

— Это может помочь, вот и все. Если не сможете попасть на обед, полковые офицеры развлекают гостей допоздна. Вы присоединитесь к ним, когда кончите с политикой?

— Спасибо. Да, присоединюсь.— Когда она перешла через плац к собственным квартирам, она желала знать, что же обсуждали Фалькенберг и Сэвидж. Не административные вопросы, явно. Не имело ли это отношения к тому, что решил Совет?

Она с нетерпением дожидалась встречи с Джоном после, и это предвкушение заставило ее чувствовать себя виноватой. «Что же есть такое в этом человеке, что так на меня действует? Он достаточно красивый, широкоплечий, военная косточка — чепуха. Будь я проклята, если поверю в какой-то атавистический порыв влюбляться в воинов. Плевать, что говорят антропологи. Так почему же мне хочется быть с ним?»

Она оттолкнула эту мысль. Было о чем подумать поважнее: что предпримет Фалькенберг, если Совет проголосует против него? А помимо этого, что предпримет она, когда он это сделает?

Фалькенберг провел Роджера Гастингса в свой кабинет.

Роджер сел, чувствуя себя не в своей тарелке.

— Послушайте, полковник, я бы хотел помочь, но...

— Мэр Гастингс, владельцы алланспортской промышленности предпочли бы иметь половину из действующих предприятий, или все из ничего?

— Что бы это значило?

— Я гарантирую защиту литейных и плавильных заводов в обмен на половинный интерес в них.

Когда пораженный Гастингс уставился на него, Фалькенберг продолжал:

— Почему бы и нет? Все равно их захватит Силана. Если мой полк будет совладельцем, я может, сумею остановить его.

— Если я дам согласие, это не будет иметь никакого значения,— возразил Гастингс.— Владельцы-то на Франклине.

— Вы являетесь высшим официальным представителем Конфедерации на всем полуострове Райнгер,— старательно разъяснял Фалькенберг.— Законно это или нет, я хочу иметь вашу подпись на этом дарственном акте.— Он вручил Роджеру пачку документов.

Гастингс внимательно прочел их.

— Полковник, этот документ также подтверждает дарственную на землю, данную мятежным правительством! Я не могу этого сделать!

— Почему бы и нет? Это ведь все государственная земля — и это в пределах вашей власти. Документ гласит, что в обмен на защиту жизни и собственности граждан Алланспорта вы вознаграждаете мой полк соответствующими землями. Он отмечает, что вы не считаете прежнюю дарственную Правительства Патриотов имеющей силу. Об измене и речи быть не может, вы ведь хотите защитить Алланспорт от Силаны, не так ли?

— Вы предлагаете обмануть Патриотов?

— Нет. Но контракт с Баннистером специфически оговаривает, что меня нельзя делать участником нарушения Законов Войны. Этот документ нанимает меня провести их в жизнь. Он не оговаривает, кто мог их нарушить.

— Вы катаетесь по-чертовски тонкому льду, полковник. Если Совет когда-нибудь увидит эту бумагу, вас повесят за измену.— Роджер снова перечел его.— Я не вижу никакого вреда в подписи, но заранее скажу вам, что Конфедерация не станет его читать. Если Франклин победит, вас выбросят с этой планеты, если не расстреляют.

— Позвольте мне беспокоиться о будущем, мистер мэр. Прямо сейчас ваша проблема — это защита своего народа. Вы можете помочь этому, подписав дарственную.

— Сомневаюсь,— ответил Гастингс. Он потянулся за ручкой.— Покуда вы знаете, что это не имеет и тени силы, поскольку меня дезавуируют с планеты-метрополии...— Он нацарапал свою фамилию и должность на документах и отдал их обратно Фалькенбергу.

Гленда Рут услышала шум полковой вечеринки еще через плац. Когда они с Хирамом Блэком приблизились, то казалось, рассекали грудью поток волн звука, треск барабанов, пульсирующий вой волынок, смешанных с песнями, мотивы которых перевирали подвыпившие мужские баритоны.

Внутри было еще хуже. Когда они вошли, в нескольких дюймах от ее лица сверкнула сабля. Молодой капитан отдал честь и извинился целым потоком слов.

— Я показывал оберлейтенанту Марксу новый прием, которому научился на Спарте, мисс. Пожалуйста, простите меня.

Когда она кивнула, капитан оттащил своего товарища в сторону и сабля завращалась вновь.

— Это ведь фринландский офицер. Здесь все фридландцы,— сказала Гленда Рут. Хирам Блэк мрачно кивнул. Пленные наемники были одеты в парадную форму, зеленовато-золотое контрастировало с сине-золотым бойцов Фалькенберга. Поблескивали в ярком свете верхних ламп медали.

Она посмотрела через сверкающую комнату и увидела полковника за столом на противоположной стороне.

Фалькенберг и его собеседник встали, когда она добралась до стола, после опасного путешествия через набитое народом помещение. Мимо промаршировали волынщики, изливая новые звуки.

Лицо Фалькенберга было раскрасневшимся, и она гадала, не пьян ли он.

— Мисс Хортон, могу я представить вам майора Оскара фон Тома? — формально произнес он.— Майор фон Тома командует фридландским артиллерийским батальоном.

— Я...— она не знала, что сказать. Фридландцы были врагами, а Фалькенберг представлял ей офицера, как своего гостя.— Рада познакомиться,— запинаясь, выдавила она из себя.— А это полковник Хирам Блэк.

Фон Тома щелкнул каблуками. Мужчины стояли навытяжку, пока она не села рядом с Фалькенбергом. Такого рода рыцарство почти исчезло, но здесь оно казалось как-то подходящим. Когда стюарды принесли стаканы, фон Тома повернулся к Фалькенбергу:

— Вы запрашиваете слишком много,— сказал он.— Кроме того, к этому времени вы можете выжечь нарезы из стволов.

— Если выжжем, то сбавим цену,— весело ответил Фалькенберг. Он заметил озадаченное выражение лица Гленды Рут.— Майор фон Тома спрашивает, не сможет ли он выкупить свои пушки обратно, когда кончится компания. Мои условия его не заботят.

— Мне кажется,— сухо заметил Хирам Блэк,— что Совет захочет сказать свое слово в установлении этой цены, генерал Фалькенберг.

Фалькенберг презрительно фыркнул:

— Нет.

«Он пьян,— подумала Гленда Рут.— Это не очень заметно внешне.

Но неужели я его уже так хорошо знаю?»

— Эти пушки были захвачены Сорок Вторым без помощи Совета. Я присмотрю за тем, чтобы их не использовали против Патриотов, и у Совета больше нет никаких интересов в этом деле.— Фалькенберг повернулся к Гленде Рут.— Вы выиграете завтра голосование?

— Завтра голосования не будет.

— Значит, вы не можете выиграть,— пробормотал Фалькенберг.— Этого я и ожидал. Что насчет голосования по военной политике?

— Они будут дебатировать следующие два дня.— Она нервозно взглянула на майора фон Тома.— Я не хочу быть невежливой, но следует ли нам обсуждать это при нем?

— Понимаю.— Майор фон Тома нетвердо поднялся на ноги.— Мы еще поговорим об этом, полковник. Рад был познакомиться, мисс Хортон. Полковник Блэк.— Он церемонно поклонился каждому и пересел к большому столу в центре, где множество фридландских офицеров пило с фалькенбергскими.

— Мудро ли это, Джон? — спросила она.— Некоторые из советников и так обвиняют тебя в нежелании драться...

— Черт, они называют его предателем,— перебил Хирам Блэк.— Мягок с федерашками, общается с врагами. Им даже не нравится, что вы вербуете новых солдат, чтобы возместить потери.

Блэк взял стакан виски и осушил его залпом.

— Желал бы я, чтобы некоторые из них ехали с нами по долине! Прогулка эта, Гленда Рут, была что надо! А когда у капитана Фрейзера иссякло горючее, Фалькенберг говорит ему, так вот спокойненько, воспользоваться велосипедами! — Блэк засмеялся, предаваясь воспоминаниям.

— Я серьезно,— запротестовала Гленда Рут.— Джон Баннистер ненавидит тебя. Я думаю, он всегда ненавидел.— Стюарды принесли виски для Фалькенберга.

— Вина или виски? — спросил один из них.

— Вина... Джон, пожалуйста, они собираются приказать тебе наступать на столицу!

— Интересно.— Черты его лица вдруг напряглись, а глаза стали бдительными. Затем он расслабился и позволил виски произвести свое действие.— Если мы подчинимся этим приказам, мне понадобятся добрые услуги майора фон Тома, чтобы вернуть мое снаряжение. Разве Баннистер не понимает, что случится, если мы позволим им застигнуть нас на открытых равнинах?

— Хови Баннистер знает толк в заговорах куда лучше, чем поле боя, генерал,— заметил Блэк.— Мы дали ему титул военного министра потому, что думали, что он сумеет заключить трудную сделку с вами, но в битвах он не силен.

— Я заметил,— обронил Фалькенберг. Он положил ладонь на руку Гленды Рут и мягко погладил ее. Это был первый раз, когда он прикоснулся к ней, и она сидела крайне неподвижно.— Ведь пред-

полагается, что это вечеринка.— Засмеялся Фалькенберг.— Он поднял глаза и поймал взгляд тамады.

— Лейтенант, пусть глава волынщиков споет нам песню!

В помещении мгновенно стало тихо. Гленда Рут чувствовала тепло руки Фалькенберга. Мягкая ласка обещала намного больше, и она, вдруг, была рада, но был и укол страха.

Он сказал так тихо, и все же все эти люди перестали пить, смолкли барабаны, волынки, все, по одному его небрежному кивку. Подобная власть была пугающей.

Дородный волынмажор выбрал молодого тенора. Когда тот начал петь, играли одна волынка и барабан:

Ужель вы не слышали об этом лже-Сакельде?
Ужель про лорда Скрипа не говорили вам?
Ведь он лихим налетом взял разом Кинмонт Вилли,
Чтоб захватить Хариби и вздернуть его там...

— Джон, пожалуйста, выслушайте! — взмолилась она.

Они доставили новости храброму Ваклею
В Бренксом, где он лежал,
Что лорд Скрип взял Кинмонт Вилли
Между часами ночи и дня.

— Джон, в самом деле!

— Наверное, тебе следовало бы выслушать,— мягко сказал он и поднес стакан ко рту, когда юный голос поднялся и набрал темп.

Он стол схватил рукою.
Он заставил красное вино пролиться.
«Пусть божье проклятье падет на мою голову, —
Сказал он.
Но лорду Скрипу я отомщу.
Иль шлем мой — вдовье покрывало?
Иль моя пика — палочка из ивы?
А моя рука — лилейная дамская ручка?
Чтобы этот английский лорд обращался со мной
Пренебрежительно?»

Песня кончилась. Фалькенберг просигналил стюарду.

— Мы выпьем еще по одной,— сказал он.— И больше никаких о политике.

Они провели остаток вечера, наслаждаясь собранием. И фридлан-

дцы и фалькенберговские наемники-офицеры были людьми образованными, и это был очень приятный вечер для Гленды Рут, располагавшей командой, полной воинов, наперебой стремившихся ей угодить. Они учили ее танцам и диким песням дюжины культур, а она выпила чересчур много.

Наконец Фалькенберг встал.

— Я провожу вас до квартиры,— сказал он.

— Отлично.— Она взяла его под руку и они прошли через редеющую толпу.— Вы часто устраиваете подобные вечеринки?

— Когда можем.

Они добрались до двери. Из ниоткуда появился рядовой в белой куртке, чтобы открыть ее.

Лицо его пересекал рваный шрам, спускавшийся по шее, пока не исчезал за воротником, и она подумала, что побоялась бы с ним встретиться где-нибудь в другом месте.

— Спокойной ночи, мисс,— сказал рядовой. Голос у него был странный, почти хриплый, словно он был крайне озабочен насчет нее.

Они прошли через плац. Ночь была ясная и небо полно звезд. Шум бегущей реки слабо доносился до старой крепости.

— Я хотела бы, чтобы это никогда не кончилось,— сказала она.

— Почему?

— Потому, что вы создали там искусственный мир, стену славы, отгородившую от реальностей того, что мы делаем. А когда это кончится, мы возвращаемся к войне. И к тому, что ты там хотел сказать, когда велел тому парню спеть ту зловещую древнюю пограничную балладу.

— Это хорошо сказано. Стена славы, наверное, это конечно то, чем мы и занимаемся.

Они добрались до блока номеров, отведенных старшим офицерам. Его дверь была по соседству с ее. Она остановилась перед ней, не испытывая охоты заходить. Комната будет пуста, а завтра ждет Совет, и... Она повернулась к нему и с горечью спросила:

— А должно ли это кончиться? Я была счастлива на несколько минут. А теперь...

— Это не обязательно должно кончиться, но знаешь ли ты, что ты делаешь?

— Нет.— Она отвернулась от собственной двери и открыла его. Он последовал за ней, но не вошел. Она с миг постояла в дверях, а затем рассмеялась.— Я собиралась сказать что-нибудь глупое. Что-нибудь вроде: «Давай выпьем по последней!» Но я бы имела ввиду не то и ты бы знал. Так какой смысл играть в игры?

— В играх нет никакого смысла. Между нами. Игры — для солдатских девушек и влюбленных.

— Джон, боже мой, Джон, ты так же одинок, как и я?

— Да. Конечно.

— Тогда мы не можем позволить этой вечеринке окончиться. Нельзя, пока есть хоть один миг, когда она может продолжиться.

Она прошла в его комнату.

Помедлив несколько секунд, он последовал за ней и закрыл дверь.

За ночь она сумела забыть конфликт между ними, но когда утром она покинула его квартиру, баллада снова стала преследовать ее.

Она знала, что должна что-то предпринять, но не могла предупредить Баннистера. Совет, революция, независимость — все не утратило своей важности. Но хотя она будет служить этому делу, она чувствовала себя отделенной от него.

— Я — совершеннолетняя дура,— твердила она себе.

Но дура она или нет, она не могла предупредить Баннистера. Наконец, она убедила встретиться с Фалькенбергом Президента, подальше от кричащих масс Палаты Совета.

Баннистер перешел прямо к сути дела.

— Полковник, мы не можем бесконечно держать в поле крупную армию. Ранчеро мисс Хортон из Долины, может быть, и готовы платить эти налоги, но большинство нашего народа не может.

— А чего вы, собственно, ожидали, когда начали это? — спросил Фалькенберг.

— Затяжной войны,— признал Баннистер.— Но наши первоначальные успехи подняли надежды, и мы получили неожиданных сторонников. Они требуют кончать.

— Солдаты хорошей погоды,— презрительно фыркнул Фалькенберг.— Дело достаточно обычное, но почему вы позволили им приобрести столь много влияния в вашем Совете?

— Потому что их было много.

«И все же они поддерживают тебя в Президенты,— подумала Гленда Рут.— Пока мои друзья и я были на фронте, ты здесь, в тылу, организовывал новоприбывших, заграбастывал власть... Ты не стоишь жизни ни одного из тех солдат, Джона или моих».

— В конце концов, это ведь демократическое правительство,— сказал Баннистер.

— И, таким образом, совершенно неспособное совершить чего-либо, требующего постоянных усилий. Можете ли вы позволить себе эту значительную демократию?

— Вас наняли не для того, чтобы изменять структуру нашего правительства! — закричал Баннистер.

Фалькенберг активировал карту на столе.

— Смотрите, мы окружили равнины войсками. Иррегулярные части могут удерживать перевалы и болота практически вечно. Любая реальная угроза может быть парализована моим полком, держимом в мобильном резерве. Конфедераты не могут добраться до нас. Но мы не можем рисковать открытым боем с ними.

— Так что же мы можем предпринять? — потребовал Баннистер.— Франклин наверняка пришлет подкрепления. Если мы ста-

нем ждать, то проиграем.

— Я в этом сомневаюсь. У них тоже нет десантных судов. Они не могут высадить сколь-нибудь реальные силы на нашу сторону фронта, а что им толку добавлять к своим силам в столице?

— В конечном итоге мы уморим их голодом. Сам Франклин, должно быть, испытывает трудности от потери снабжения зерном. Они будут не в состоянии вечно кормить свою армию.

— Рай для наемника,— пробормотал, словно про себя, Баннистер.— Затяжная война и никаких боев. Вам придется, черт побери, атаковать, пока у нас еще есть войска! Говорю я вам, ваша поддержка тает.

— Если мы двинем свои войска туда, где до них могут добраться танки он Меллинтина, имея место для маневрирования, они не растают, а сгорят.

— Скажи ты ему, Гленда Рут,— обратился к ней Баннистер.— Меня он не станет слушать.

Она посмотрела на невозмутимое лицо Фалькенберга и хотела закричать: «Джон, он может быть прав! Я знаю своих людей, они не могут держаться вечно. Даже если бы они могли, Совет будет настаивать...»

Его взгляд не изменился. «Я ничего не могу сказать,— подумала она,— я не знаю ничего, чего не знает он, потому что он прав, но и не прав тоже. Это всего лишь вооруженные штатские. Они не железные. Все то время, что мои люди охраняют эти перевалы, их ранчо приходят в упадок.

Не правда ли, Говард? Не рай ли это для наемника?» Но она не хотела этому верить. Вернулось незванным то видение, что посетило ее той ночью. Она боролась с ним памятью о вечеринке и после нее.

— Какого черта вы, собственно, ждете, полковник Фалькенберг? — потребовал ответа Баннистер.

Фалькенберг ничего не ответил, и Гленда Рут хотела заплакать, но не стала.

22

Совет не проголосовал и шесть дней спустя. Гленда Рут использовала во время заседаний все парламентские трюки, которым научил ее отец, а после того, как они делали каждый раз перерыв на день, она сновала от делегата к делегату. Она давала обещания, которые не могла выполнить, эксплуатировала старых друзей и приобретала новых, и каждое утро была уверена, что не сможет больше долго затягивать.

Она сама была не уверена, зачем она этим занимается. Голосо-

вание по военной политике было связано с назначением Силанты вновь губернатором Алланспорта, а она знала, что этот человек был некомпетентным, но самое главное, что после дебатов и политических встреч, Фалькенберг приходил за ней или присылал младшего офицера проводить ее до квартиры. И она была рада пойти. Они редко говорили о политике или даже вообще много разговаривали. Достаточно быть с ним. Но когда она уходила, то снова боялась. Он никогда ей ничего не обещал.

На шестую ночь она присоединилась к нему на поздний ужин. Когда ординарцы увезли тележку с едой, она мрачно сидела за столом.

— Именно это ты и имел в виду, не так ли? — спросила она.

— Насчет чего?

— Что мне придется предать либо своих друзей, либо свое командирство. Но я даже не знаю, друг ли ты мне, Джон. Что мне делать?

Он очень мягко коснулся ее щеки:

— Тебе предстоит говорить разумно, взывая к здравому смыслу, и удержать их от назначения Силаны в Алланспорт.

— Но чего мы ждем?

Он пожал плечами.

— Ты предпочла бы, чтобы дело дошло до открытого разрыва? Их не остановить, если мы проиграем это голосование. Толпа уже сейчас требует твоего ареста. Последние три дня Кальвин держат Штабной караул в полной готовности на случай, если они будут достаточно глупы попытаться его произвести.

Она содрогнулась. Но прежде, чем смогла еще что-нибудь сказать, он мягко поднял ее на ноги и прижал к себе. Снова все ее сомнения исчезли, но она знала, что они вернутся. Кого она предавала? И ради чего?

Толпа заорала прежде, чем она смогла заговорить.

«Наемникова шлюха!» — крикнул кто-то. Прошло пять минут, прежде чем Баннистер смог восстановить порядок.

«Долго ли я смогу продержаться? По крайней мере, еще один день, или около того, я полагаю. Я его шлюха? Если нет, то я не знаю, кто я. Он никогда мне не говорил.» Она старательно достала бумаги из чемоданчика, но возникла еще одна перебивка: через зал быстро, почти бегом, прошел курьер и вручил Баннистеру тоненькое послание. Коротышка президент мельком пробежал его, потом стал читать внимательно.

Зал замолк, так как все следили за лицом Баннистера. Президент продемонстрировал целую гаму эмоций: удивление, недоумение, затем старательно сдерживаемую ярость.

Он снова прочел сообщение и пошептывался с курьером, который кивнул. Баннистер поднял микрофон.

— Советники! Я получил... я полагаю, будет проще прочесть это

вам: «ВРЕМЕННОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ СВОБОДНЫХ ШТАТОВ ВАШИНГТОНА ОТ ВК КД КРЕЙСЕРА«НЕУСТРАШИМЫЙ»ТР МЫ ПОЛУЧИЛИ ДОКУМЕНТИРОВАННУЮ ЖАЛОБУ ОТ ПРАВИТЕЛЬСТВА КОНФЕДЕРАЦИИ. ЧТО СВОБОДНЫЕ ШТАТЫ НАРУШАЮТ ЗАКОН ВОЙНЫ ТЧК ДАННОМУ СУДНУ ПРИКАЗАНО РАССЛЕДОВАТЬ ТЧК ДЕСАНТНАЯ ШЛЮПКА ПРИБУДЕТ В АСТОРИЮ В ШЕСТНАДЦАТЬ НОЛЬ-НОЛЬ СЕГОДНЯ ТЧК ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ДОЛЖНО БЫТЬ ГОТОВО ОТРЯДИТЬ КОМИССИЮ ПО ПЕРЕМИРИЮ ДЛЯ ВСТРЕЧИ С ДЕЛЕГАТАМИ ОТ КОНФЕДЕРАЦИИ И ВЕДУЩИМИ СЛЕДСТВИЕ ОФИЦЕРАМИ КОДОМИНИУМА НЕМЕДЛЕННО ПО ПРИБЫТИИ ДЕСАНТНОЙ ШЛЮПКИ ТЧК КОМАНДУЮЩИМ ОФИЦЕРАМ ВСЕХ НАЕМНЫХ СИЛ ПРИКАЗЫВАЮ ПРИСУТСТВОВАТЬ ДЛЯ СДАЧИ ПОКАЗАНИЙ ТЧК ТР ТР ДЖОН ГРАНТ КАПИТАН ВОЕННО-КОСМИЧЕСКОГО ФЛОТА КОДОМИНИУМА ТР КОНЕЦ СООБЩЕНИЯ».

Возник миг полнейшего молчания, а затем спортзал разразился шумом: «Расследовать нас?», «Проклятый КД не...», «К черту перемирие!»

Фалькенберг поймал взгляд Гленды Рут. Он сделал жест по направлению к выходу и покинул зал. Она присоединилась к нему спустя несколько минут.

— Мне на самом деле следовало бы остаться, Джон. Мы должны решить, что делать.

— Что вы решите, стало просто невозможно,— ответил Фалькенберг.— Ваш Совет имеет не так много карт, как бывало.

— Джон, что они сделают?

Он пожал плечами.

— Попытаются прекратить войну, раз уж они здесь. Я полагаю, Силане никогда не приходило в голову, что жалоба франклинских промышленников с большей вероятностью привлечет внимание КД, чем схожий вопль кучки фермеров...

— Ты ждал этого! Именно этого ты и дождался?

— Чего-нибудь вроде.

— Ты знаешь больше, чем говоришь! Джон, почему ты мне не скажешь? Я знаю, что ты не любишь меня, но разве я не имею права знать?

Он долгое время стоял вытянувшись по стойке смирно под ярким красноватым солнцем. Наконец он сказал:

— Гленда Рут, в политике и на войне нет никакой уверенности. Я однажды пообещал кое-что одной девушке, но не смог его дать.

— Но...

— Каждый из нас имеет ответственность командующего — и один другого. Ты поверишь мне, когда я скажу, что пытался удержать тебя от необходимости выбирать — и удержать тебя от такого же выбора? Тебе лучше подготовиться. Следственная комиссия не имеет

привычки дожидаться людей, а она должна прибыть немного позже, чем через час.

Комиссии пришлось проводить слушание на борту «Неустрашимого». Четырехсотметровый бутылкообразный корабль на орбите вокруг Нового Вашингтона был единственной доступной нейтральной территорией. Когда делегаты Патриотов прибыли на борт, десантники в причальном доке отдали честь Баннистеру точно так же, как и генерал-губернатору Конфедерации, а затем провели делегацию по серым стальным коридорам в зарезервированную для них кают-компанию старшин.

— Генерал-губернатор Конфедерации Форрест уже на борту, сэр,— сообщил им сопровождающий их сержант-десантник.— Капитан хотел бы видеть полковника Фалькенберга в своей каюте через десять минут.

Баннистер огляделся в маленькой кают-компании.

— Я полагаю, она прослушивается,— сказал он.

— Что теперь произойдет, полковник?

Фалькенберг заметил принятый Баннистером искусственный тон.

— Капитан и его советники выслушают каждого из нас наедине. Если вы захотите вызвать свидетелей, он об этом позаботится. Когда комиссия сочтет, что время подходящее, он сведет обе стороны. КД обычно скорей пытается добиться, чтобы все согласились полюбовно, чем навязывать какое-либо урегулирование.

— А если мы не сможем согласиться?

Фалькенберг пожал плечами.

— Они могут дать вам подраться. Они могут приказать наемникам покинуть планету и установить блокаду. Они могут даже набросать собственное разрешение противоречий и приказать вам принять его.

— А что случится, если мы попросту предложим им убраться? Что они могут сделать? — спросил Баннистер.

Фалькенберг натянуто улыбнулся.

— Они не могут завоевать планету, поскольку у них недостаточно десантников, чтобы оккупировать ее. Но существует мало другого, чего они не могли бы сделать, мистер Президент. На борту этого крейсера достаточно мощи, чтобы сделать Новый Вашингтон непригодным для проживания.

— У вас нет ни планетарной обороны, ни флота. Я бы дважды подумал, прежде чем рассердить капитана Гранта. И раз о том зашла речь, меня вызвали в его каюту.

Фалькенберг отдал честь. В жесте этом не было и следа насмешки, но Баннистер поморщился, когда солдат покинул кают-компанию.

Фалькенберга препроводили мимо часовых-десантников в каюту

капитана. Ординарец открыл дверь, впустил его, а затем вышел.

Джон Грант был высоким, худощавым офицером с преждевременно седеющими волосами, заставляющими его выглядеть старше его лет.

Когда Фалькенберг вошел, Грант встал и приветствовал его с искренней теплотой.

— Рад тебя видеть, Джон Кристиан.— Он протянул руку и с удовольствием оглядел своего визитера.— Ты достаточно хорошо сохранил свою форму.

— Так же, как и ты, Джонни.— Улыбка Фалькенберга была равноискренней.— А семья как, здорова?

— С Инес все благополучно, а отец умер.

— Печально это слышать.

Капитан Грант вынес из-за стола кресло и поставил его перед Фалькенбергом. Тот бессознательно закрепил его на месте.

— Думаю, это было освобождением для него. Несчастный случай в одноместном флаере.

Фалькенберг нахмурился и Грант кивнул.

— Коронер сказал, несчастный случай,— сказал капитан.— Но это могло быть и самоубийством. Он сильно сломался из-за Шарон. Но ты ведь не знаешь об этой истории, не так ли? Неважно. С моей сестричкой все благополучно. Им досталось хорошее местечко на Спарте.

Грант дотянулся до стола и коснулся кнопки. Стюард принес бренди и стаканы. Десантник поставил между ними раскладной стол и исчез.

— С Гранд-Адмиралом все в порядке? — спросил Фалькенберг.

— Держится.— Грант сделал глубокий вздох и быстро выдохнул.— Однако, только еле-сле. Несмотря на все, что мог сделать дядя Мартин, бюджет в этом году снова сократился. Я не могу долго здесь оставаться, Джон. Еще один патруль и станет трудно прикрывать в бортовом журнале эти несанкционированные задания. Ты выполнил свою задачу?

— Да. Вышло быстрее, чем я думал. Последние сто часов я провел, желая, чтобы мы организовали твое прибытие раньше.

Он подошел к экрану с пультом на переборке каюты.

— Получил ту жалобу, переданную торговым судном, когда мы подошли,— сказал Грант.— Дьявольски меня удивила. Вот, дай я сделаю, эту проклятую штуку усовершенствовали и она хитрая.— Он поиграл на пульте, пока на экране не показались обитаемые области Нового Вашингтона.— О'кей?

— Отлично.— Фалькенберг завращал ручками, показывая текущую военную ситуацию на планете внизу.— Пат.— Объяснил он.— Так обстоит дело. Но коль скоро ты прикажешь всем наемникам покинуть планету, мы возьмем планету без особого труда.

— Господи, Джон, я не могу сделать ничего столь наглого! Если

уберутся фридландцы, вам тоже придется убраться. Черт, ты же выполнил свое задание. Мятежникам, может, будет дьявольски тяжело взять без тебя столицу. Но не имеет никакого значения, кто победит. Ни одна из сторон долго не может построить флот по окончании войны. Хорошая работа.

Фалькенберг кивнул.

— Именно таков был план Сергея Лермонтова. Нейтрализовать эту планету с минимальным вкладом Кодоминиума и без уничтожения промышленности. Кое-что, однако, подвернулось, Джонни, и я решил его немного изменить. Полк остается.

— Но я...

— Только не спеши,— широко усмехнулся Фалькенберг.— Я не наемник, в смысле этого акта. У нас есть дарственная на землю, Джонни. Ты можешь оставить нас, как поселенцев, а не наемников.

— Да брось ты.— Голос Гранта показал раздражение.— Дарственная на землю от мятежного правительства, не находящегося у власти? Слушай, никто не станет слишком пристально присматриваться к тому, что я делаю, но Франклин может купить, по крайней мере, одного Гранд Сенатора. Я не могу этим рисковать, Джонни. Желал бы, чтобы мог.

— А что, если эта дарственная подтверждена местным правительством лоялистов? — Игриво осведомился Фалькенберг.

— Ну, тогда все о'кей. Как ты, черт возьми, сумел это сделать? — Грант снова заулыбался.— Выпей и расскажи мне об этом.— Он налил им обоим.— И где вступаешь в игру ты?

Фалькенберг посмотрел на Гранта, и выражение его лица переменилось во что-то похожее на пораженность.

— Ты этому не поверишь, Джонни.

— Судя по твоему виду,— ты тоже.

— Не убежден, что я сам верю, Джонни, у меня появилась девушка. Солдатская девушка и я собираюсь на ней жениться. Она — лидер большей части мятежников и мятежной армии. Кругом есть много политиков, думающих, что они чего-то стоят, но...

Он сделал резкий жест правой рукой.

— Жениться на королеве и стать королем, да?

— Она больше похожа на принцессу. В любом случае, лоялисты не станут сдаваться мятежникам без боя. Та, посланная ими жалоба, была совершенно искренней. Нет ни одного мятежника, которому доверятся лоялисты. Даже Гленде Рут.

Грант понимающе кивнул.

— И тут на сцену выступает солдат, вводящий законы войны. Он женится на принцессе и командует единственной имеющейся армией. Какая твоя настоящая ставка здесь, Джон Кристиан?

Фалькенберг пожал плечами.

— Может быть, принцесса и не покинет королевства. В любом

случае, Лермонтов пытается сохранять баланс сил. Ради бога, кто-то должен. Прекрасно. Грант, адмирал смотрит на десять лет вперед, но я уверен, что Кодоминиум протянет десять лет, Джонни.

Грант медленно кивнул, соглашаясь. Голос упал и в нем появилась нота ужаса.

— И я не уверен. Только за последние несколько недель стало еще хуже. Старик сходит с ума. Есть, однако, хорошее известие. Некоторые Гранд Сенаторы пытаются не дать ему развалиться. Некоторые из них бросили русско-американские драки и стали вместе против собственных правительств.

— Их хватит? Могут они преуспеть?

— Если бы я знал,— Гранд в замешательстве покачал головой.— Я всегда думал, что Кодоминиум был единственной стабильной вещью на старушке Земле.— Словно удивляясь, сказал он.— А теперь, все, что мы сможем сделать — это не дать ему развалиться. Националисты продолжают побеждать, и никто не знает, как их остановить.

Он осушил свой бокал.

— Старику будет очень горько потерять тебя.

— Да. Мы долгое время работали вместе.— Фалькенберг с грустью оглядел каюту. Когда-то он думал, что это станет высшей точкой в его жизни,— быть капитаном военного корабля Кодоминиума. Теперь он мог больше никогда не увидеть его вновь.

Затем он пожал плечами.

— Есть худшие места пребывания, Дженни,— сказал Фалькенберг.— Окажи мне услугу, ладно? Когда вернешься на Лунную базу, попроси адмирала присмотреть за тем, чтобы все копии отчетов о геолого-разведке на Новом Вашингтоне были уничтожены. Мне было крайне неприятно, если бы кто-нибудь узнал, что здесь в самом деле есть такое, что стоит захапать.

— Ладно. Ты будешь находиться далеко от всего, Джон.

— Я знаю. Но если кругом Земли все полетит кувырком, это может оказаться самым лучшим местом пребывания. Слушай, Джонни, если в один прекрасный день вам понадобится безопасная база, мы будем здесь. Скажи старику.

— Разумеется.— Грант дал Фалькенбергу кривую усмешку.

— Никак не можешь завязать с этим делом. Собираешься жениться на этой девушке, да? Рад за вас обоих.

— Спасибо.

— Король Джон. В любом случае, какое ты установишь правительство?

— Не думал. Мифы меняются, может быть, при этом народ снова будет готов к монархии. Мы что-нибудь придумаем, Гленда Рут и я.

— Я-то держу пари, что вы придумаете. Она, должно быть, женщина еще та.

— Она такая.

— Тогда тост за невесту.— Они выпили и Грант вновь наполнил

стаканы. Затем он встал.

— По последней, а? За Кодоминиум.

Фалькенберг встал и поднял свой стакан. Они выпили, а в это время под ними вращался Новый Вашингтон, а в ста парсеках от них Земля вооружалась для своей последней битвы.

СОДЕРЖАНИЕ

1. Первая Дорсайская война 3
2. Вторая Дорсайская война 113
3. Наемник 227

ГОРДОН Р.ДИКСОН

"Четырнадцатые звездные войны". /"Библиотека зарубежного крим. и прикл. романа." Выпуск 22/.

Художественный редактор А.САЯПИН
Технический редактор Л.ЗАИЧКИНА, И.ТЫРВА

"МЕЛОР". ЕЕ0601. Эстония, г.Таллинн, а/я 3515.

ЛР № 06693 от 7 июня 1993 г. Сдано в набор 5.09.94 г. Подписано в печать 10.10.94 г. Формат бумаги $60\times90^{1}/_{16}$. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 26. Уч.-изд. л. 27,1. Заказ № 4611. Тираж 10 000 экз. Заказное.

Качество печати соответствует качеству диапозитивов, представленных издательством.

Отпечатано на Смоленском полиграфическом комбинате Комитета Российской Федерации по печати. 214020, г.Смоленск, ул.Смольянинова, 1.

БИБЛИОТЕКА ЗАРУБЕЖНОГО КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО И ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО РОМАНА

22